В монографии исследуется феномен самоуправления в истории России на примере средневековой Карелии. Выявлены приемы и способы вовлечения самоуправления в решение задач внутренней и внешней политики государства, изучены конкретные модели взаимодействия самоуправления с ведущими органами государственной власти на центральном, областном и местном уровнях управления. Установлена периодизация данного взаимодействия во времена Новгородской феодальной республики (XII в. – 1478 г.) и на этапе становления сословно-представительной монархии в России (конец XV – начало XVII в.).

А. Ю. Жуков

САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ:
Карелия в XII – начале XVII в.

А. Ю. Жуков

САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ:

Карелия в XII – начале XVII в.

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

А. Ю. Жуков

САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ: КАРЕЛИЯ В XII – НАЧАЛЕ XVII в.

Петрозаводск
2013

УДК 94 «11/16» (470.22)
ББК 63.3 (2Рос.Кар.)
Ж86

Рецензенты:
д. и. н. Ю. А. Савватеев
к. и. н. Т. В. Никулина
к. и. н. Н. А. Кораблев

Жуков А. Ю.
Ж86 Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 492 с. + вкл.

В монографии исследуется феномен самоуправления в истории России на примере средневековой Карелии. Выявлены приемы и способы вовлечения самоуправления в решение задач внутренней и внешней политики государства, изучены конкретные модели взаимодействия самоуправления с ведущими органами государственной власти на центральном, областном и местном уровнях управления. Установлена периодизация данного взаимодействия во времена Новгородской феодальной республики (XII в. – 1478 г.) и на этапе становления сословно-представительной монархии в России (конец XV – начало XVII в.).

При оформлении использована иллюстрация «Заключение Ореховецкого мира» (1323 г.) из «Рукописания Магнуша» в Остермановском первом томе Лицевого летописного свода XVI в. (БАН. 31.7.30. Л. 464 об.)

ISBN 978-5-9274-0564-0

© Жуков А. Ю., 2013
© Карельский научный центр РАН, 2013
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2013

Введение

Современная Россия наследовала, изучает и пытается использовать многовековой опыт своего государственного бытия. Исследование государственности, однако, невозможно без разработки проблематики функционирования центрального и областного управления и местного самоуправления. Актуальность темы не умаляется и при региональном подходе историка к данному кругу проблем: государственная власть учитывала множественную специфику различных областей страны. Она старалась привлекать местные возможности для создания отлаженной и надежной системы управления в масштабах всего государства. Изучение встраивания местного самоуправления в государственную систему управления отдельными землями особенно оправданно, если эти области долгое время имели большой экономический и политический вес или выгодное, но уязвимое в военном отношении географическое месторасположение.

Карелия занимает южную, наиболее заселенную половину одного из великих водоразделов планеты – между Атлантическим и Северным Ледовитым океанами; с юго-востока к ней подходит водораздел с самым обширным внутренним планетарным бассейном – бассейном Каспийского моря. Именно по водораздельным рекам, с общим направлением с юга на север, в Средние века край заселяли оседлые народы, вытесняя или ассимилируя полукочевых саамов. Эти народы – карелы, вепсы, а немного позднее, с XIII в., и русские из новгородско-псковских земель – создавали новые общины и приходы со своим крестьянским самоуправлением. Одновременно из осваиваемых внутренних бассейновых территорий у Ладожского и Онежского озер, в Присвирье, по берегу Белого моря государство создавало первичные административные области. И тогда, и в дальнейшем открытое в коммуникационном плане пространство Карелии представляло собой неспокойное в военном отношении северное приграничье России.

История этого значимого в военно-стратегическом отношении северного края дает прекрасную возможность подробно исследовать проблему огосударствления в Средние века постепенно

осваиваемой территории. Одновременно имеется возможность проследить за становлением самоуправления и выстраиванием его взаимодействия с государством. Дополнительную пищу для выводов предоставляет изучение реформ власти и управления под углом зрения их реализации на местах: за реформами стояли не только политические желания и устремления верховной власти, но и конкретные пути и способы вовлечения в административные процессы местного самоуправления.

Самоуправление появляется там и тогда, где и когда на земли «не огосударствленных» еще народов приходит государство, пусть даже поначалу в виде церковно-приходской структуры. До этого момента речь может идти лишь об обычном племенном управлении. Самоуправление не статично, оно развивается параллельно развитию государственного строя и органов управления. При этом самоуправление имеет как бы тройственную природу. Во-первых, оно наследует племенной власти, поскольку именно ее представителей государство привлекало в качестве местных управленцев. Но основы власти племенных старейшин, например, покоились на многовековом традиционном укладе жизни. Поэтому местные внутренние социально-экономические, социально-политические, этнические и даже религиозные процессы с необходимостью влияли на характер самоуправления.

Другая сторона самоуправления заключается в том, что государство использует его в целях администрирования, проводит через самоуправление свою политику. Более того, иногда государство настолько подминало под себя местное самоуправление, что оно выглядело как бы подразделением государственной структуры областной власти. Местные выборные даже могли стать чем-то вроде чиновников. Но все же благодаря собственным, не сводимым к государственному управлению корням самоуправление и в таком виде оставалось в какой-то мере независимым от государства.

В переломные моменты истории самоуправление может проявить оппозиционность и местным властям, и самой столице. Оппозиционность, скрытая, подспудная или явная, – это третья составляющая характера самоуправления. «Верхи» местных сообществ, традиционно участвуя в делах и процессах на местах, конечно же, оставляли за собой возможность относительно независимого от государства существования. Пока государство сильно, а его политика следует интересам

местного сообщества и его верхов или не слишком их угнетает, оппозиционность самоуправления потенциальна. Но в противном случае она может грозно проявляться в неповиновении, вплоть до открытого восстания. Пример тому − история российской Смуты.

Государство, в свою очередь, как структура также представляет собой троичную систему. В нем личностно выражены: верховная власть (при монархии − правящий дом), управленческая элита страны и чиновничество на местах. Коренные интересы всех трех групп не сводимы к «одной на всех» власти над страной,− хотя, безусловно, институт власти их объединяет. Но, как и в случае с самоуправлением, у каждой из групп имеются собственные корни (хотя бы в происхождении) и свои приоритеты в жизни. Поэтому, когда государство вступает во взаимоотношения с местным самоуправлением, на самом деле сталкиваются две системы: общегосударственная и местная, обе − в лице их представителей. Вот почему, кстати, исследование на тему *Самоуправление в политике государства* не может быть изучением некоего безликого «социально-политического процесса». Оно всегда должно учитывать личностный фактор.

Приведенные немаловажные характеристики дают основание с полным правом рассматривать эволюцию взаимосвязи местного самоуправления с государством как проблему. Одновременно взаимосвязь эта выступает одной из главных исследовательских задач, решаемых в ходе изучения общеисторической тематики *Власть и общество*. Многогранная проблема взаимодействия государства и самоуправления видится нам как реализация ***равнодействующей*** изменявшихся со временем и разноплановых, но связанных между собой факторов внутренней, внешней и военной политики государства, а также местных социально-экономических, социально-политических, этнокультурных, демографических и религиозных процессов.

Данные составляющие довольно четко прослеживаются в многовековой истории Карелии с ее пестрым этническим составом населения и несколькими административными областями, располагавшимися на этой довольно компактной и географически выраженной территории. Поэтому главные задачи автора состоят в детальном рассмотрении зарождения и эволюции самоуправления в свете складывания и переустройства административно-территориальной системы и организации управления краем. В конечном итоге мы

выходим на фиксацию этапов в развертывании административных процессов и усложнения картины местного самоуправления. Общая цель работы состоит в доказательстве синхронности этапов эволюции самоуправления и хода административных преобразований в крае с общим государственным реформированием России. Но следование данной цели сопряжено с немалой трудностью.

И в Средние века, и позднее Карелии как единого управляемого целого просто не существовало. Поэтому условимся, что под *Карелией* понимается территория, ныне составляющая Республику Карелия, северные районы Ленинградской и Вологодской областей (западный берег Ладожского озера, Присвирье и южное побережье Онежского озера), а также отчасти и современной Финляндии – районы в пределах ее губерний Кюми, Миккели и Похьос-Карьяла, Саво и Лаппи. Во времена Великого Новгорода они составляли *Корельскую землю* и северное Обонежье, по традиции именуемое *Обонежским рядом*. После административно-территориальных преобразований конца XV–XVI вв. почти все эти земли (без Восточной Приботнии) входили в Корельский и Кольский уезды, Заонежские и Лопские погосты Новгородского уезда и вотчинный округ Соловецкого монастыря. Тем интереснее провести сравнительно-исторический анализ системы и способов государственного управления разными землями, степени вовлечения в администрирование местного самоуправления и найти в данных процессах общие черты и различия не только между хронологически разными периодами, но и в переделах каждого из них между административными областями.

Довольно обширная проблематика, цели и задачи работы требуют четкого обозначения объекта и предмета исследования. Объектом изучения выступают структуры и персоны государственного управления и местного самоуправления на всех землях Карелии XII – начала XVII в., равно как и само «поле для управления» – ее административно-территориальное устройство. Предметом же исследования являются генезис и эволюция данных структур и административного деления края, а также разнообразные взаимоотношения, в которые вступало государство и местное самоуправление.

Такая постановка проблемы, определение задач и цели, объекта и предмета исследования означает, что методологически их изучение носит комплексный характер. Она не может быть решена «по отдельности» в рамках чисто историко-политического, историко-юри-

дического, историко-демографического или этнокультурного исследования, в ключе социально-экономической истории или истории персоналий. Только учет этих взаимозависимых и долговременных факторов воздействия выявляет генезис самоуправления и его тесные взаимоотношения с государством в исторической ретроспективе. Поэтому же ход и направление данных процессов становятся ясными на достаточно длительном отрезке времени в несколько веков.

Уточним хронологические рамки работы. В Карелии генезис и первичная эволюция самоуправления, его разнообразные взаимоотношения с государством довольно бурно и вполне отчетливо протекали во времена одних из ключевых этапов в развитии государственности России – в период удельно-феодальной раздробленности и на этапе создания Русского централизованного государства. Именно на эти периоды и падают избранные нами для освещения времена. С XII в. и по 1478 г. земли Карелии испытали власть вечевой республики Великого Новгорода. Затем, в 1478 г., произошло включение всего Новгородского государства в объединявшуюся под властью московских монархов Российскую державу. Последняя четверть XV в. оказалась рубежным временем. Оно отличалось особенно отчетливым отходом от удельных порядков в сторону централизации и началом складывания в России режима сословно-представительной монархии. Наконец, в 1617 г., после кровопролития Смутного времени и иностранной польской и шведской интервенций, был заключен русско-шведский Столбовский мирный договор. Он восстановил суверенитет Москвы над возвращенным Швецией Новгородским уездом, в том числе над большей частью Карелии. Следующий этап политико-государственного развития Карелии уже исследован нами в монографии «Управление и самоуправление в Карелии в XVII в.»[1] Недавно и тоже на материалах XVII столетия, но по более обширной территории северной России данные сюжеты обзорно описаны в работе М. Б. Булгакова[2].

В рамках настоящего исследования, которое охватывает предыдущую половину тысячи лет, логично вычленяются глава об исто-

---

[1] *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003.

[2] *Булгаков М. Б.* Народы Европейского Севера России в XVII веке: управление и хозяйство. М., 2005.

риографии и источниках исследования (глава I) и два основных раздела: «Раздел первый. Карелия под властью Великого Новгорода. Зарождение и становление самоуправления» и «Раздел второй. Самоуправление Карелии под властью московских монархов». Внутри данных разделов имеются главы и параграфы. В первом разделе исследуется становление Корельской земли и Обонежского ряда (главы II и III). Членение глав на параграфы следует выявленным этапам непростого генезиса самоуправления и вписывания его в орбиту Новгородского государства. Со вторым разделом дело обстоит еще сложнее. Следовало учесть воздействие направляющего стержня тогдашней российской политики − упорной борьбы верховной власти за централизацию страны. Для ее реализации возникли и новое административно-территориальное деление (глава IV), и новая система централизованного управления (глава V). Поэтому первые параграфы каждой из этих глав посвящены данной генеральной политической линии и степени «встроенности» в эту политику местного самоуправления. Оставшиеся параграфы, по три в каждой из глав, характеризуют конкретные проявления данного взаимодействия на территории по отдельности трех областей (исторических общностей) тогдашней Карелии.

При данной структуре сложность объективного свойства представляет почти полное отсутствие актового материала по Корельскому уезду вследствие его оккупации в двух шведских интервенциях конца XVI и начала XVII в. Без сомнения, в этом повинны и пожары в столичных архивах[1]. Данное затруднение мы попытались преодолеть посредством тщательного анализа сведений тогдашних переписей и Разрядных книг. Характеристика этих источников в разрезе решения поставленных задач подробнее изложена в главе I, здесь же укажем, что результаты их анализа помещены нами не только в текст глав IV и V, но и даны в Приложении (таблицы 1–8). На вклейке между разделами I и II (см. с. 210 и 211) имеются три картосхемы Карелии исследуемых периодов. А в целом выявленную на материалах

[1] О хранившихся до пожаров XVII в. в царских архивах документах по Корельскому уезду см., например, записи в их сохранившихся описях: Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. М. Н. Тихомирова и С. О. Шмидта. М., 1960; Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. и вступ. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001.

XII – начала XVII в. общую характеристику самоуправления, этапов его становления и развития, методов и способов взаимоотношений с верховной властью Великого Новгорода и России, с областным уровнем управления мы поместили в «Заключении» всей работы. Книга также снабжена географическим и именным указателями и списком использованных архивных и опубликованных источников и литературы. Такова общая характеристика структуры исследования.

Прийти к полученным обобщениям и выводам позволяет прежде всего комплексный подход к исследованию, с опорой на более специальные методы и методики (статистический, историко-демографический, историко-генетический, сравнительно-исторический методы, анализ и синтез). Комплексность выразилась и в использовании системного подхода и метода. Взаимообусловленные шаги во внутренней, внешней и военной политике России в Балтийском регионе Европы, реформирование государственных структур и самоуправления изучаются нами во взаимодействии и друг с другом, и с характерными условиями края. Данный подход особенно выигрышен при изучении московского этапа истории, когда все факторы рассматриваются в тесной взаимосвязи с общей политикой Москвы по централизации власти. Такой подход незаменим при структурном анализе самоуправления, в том числе и по причине наличия довольно развитого административно-территориального деления Карелии и нескольких уровней управления краем. Данная структура системно объединяла следующие уровни: столицы (лично монарх, Государева Дума, приказы) – уездного центра (наместник, затем воевода, приказная администрация уезда) – административного округа (государственные и софийский станы с их волостелями и местным самоуправлением; государственный Заонежский дворцовый округ во главе с приказчиком и местным самоуправлением; Соловецкий вотчинный округ с игуменом и соборными старцами и тоже с местным самоуправлением) – уровень городского посада и погоста (светское самоуправление и священник с причтом) – и, наконец, волости (светское самоуправление и священник с причтом).

Комплексный подход диктуется и разнообразием источников. Конечно, второй раздел монографии ими в целом обеспечен и количественно, и по разнообразию их видов и типов. Но по новгородскому периоду истории общий объем имеющегося оригинального

исторического материала заметно уступает. Это ординарная для историков ситуация. Тем ценнее методологические наработки и опыт, полученные нами в вышеназванной работе по XVII в., написанной на безусловно более обширной и информативной базе источников.

Обработка многочисленных архивных и опубликованных материалов отечественного и зарубежного (в основном шведского) происхождения требует применить сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-типологический и историко-системный методы. В некоторых случаях сложносоставные архивные источники нуждаются в специальном источниковедческом и археографическом (особенно структурном) анализе тестов. Действие демографических факторов уясняется с помощью метода анализа массовых сведений сохранившейся писцовой документации конца XV–XVI вв. по Карелии. Обработанные таким образом переписи вполне надежно сопоставляются с конкретными сведениями источников других видов и типов. Кроме того, множественные «новгородские» следы в первых переписях Карелии позволяют провести их ретроспективный анализ и дать необходимые характеристики для первого раздела работы. Этнические процессы, обычно скрытые по причине малой освещенности в письменных источниках того времени, также нуждаются в комплексном подходе на принципах историзма и научной критики положительных наработок в смежных областях гуманитарных знаний (археологии, этнологии, топонимике, фольклористике, даже в музыковедении и др.). Все вместе данные общие и специальные методы и методики служат избранной цели исследования и позволяют решить поставленные в работе задачи.

Отдаю долг памяти своему первому научному руководителю д. и. н. Георгию Александровичу Некрасову. Отношусь с большой признательностью к рецензентам данной работы, благосклонно рекомендовавшим ее к печати и высказавшим ряд ценных предложений. С сердечной теплотой пишу о коллегах по Институту языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, о сослуживцах по сектору истории, которые столь неравнодушно поддерживают меня и всегда готовы дать профессиональный совет и высказать принципиальные замечания. Их участие в моих трудах заслуживает самой глубокой благодарности.

Глава I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

§ 1.1. Обзор историографии

Насыщенная историография Европейского Севера России лишь фрагментарно освещает комплексную проблему самоуправления и в целом «административного бытия» Карелии. Взаимоотношения власти и общества по начало XVII в. не нашли подробного монографического решения. Поэтому целесообразно обратиться к работам, так или иначе затронувшим поднятую проблематику.

Начало отечественной историографии средневековой Карелии относится к XIX в. Деление Новгородской земли на пятины и погосты в XVI в. по писцовым книгам изучалось еще К. А. Неволиным (1853 г.)[1]. Но в его изложении территориальное устройство выступало без динамики, как совокупность давно сложившихся со времен новгородской независимости образований.

Другое направление исследований XIX в. связано с изучением этнических и колонизационных процессов на Севере. Е. К. Огородников опубликовал работу по исторической географии Поморья. Автор верно связал административное становление Корельской земли с колонизацией края карелами. Но, следуя традиционной теории, он посчитал родиной карелов междуречье рек Онеги и Северной Двины и усмотрел причину переселения их к Ладожскому озеру в вытеснении этих «двинских аборигенов» новгородцами[2].

Конечно, немалая часть населявших Поморье прибалто-финнов подверглась ассимиляции русскими. Приток русских и обрусение продолжались в течение нескольких веков, что позволило местным жителям сохранить немало черт прежней культуры. Историки же

---

[1] *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1853.

[2] *Огородников Е. К.* Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого чертежа. СПб., 1877. С. 52–57. На бассейн реки Северной Двины как на прародину народов финской языковой группы указывали еще В. Н. Татищев и А. И. Шёгрен. Поэтому эту «восточную» теорию можно считать традиционной для российской историографии конца XVIII–XIX вв.

XIX – начала XX в. упрощенно понимали данное явление. Так, Н. М. Карамзин отметил полное обрусение веси, мери и муромы, а столетием позже и С. Ф. Платонов писал о чрезвычайно быстром «растворении» карелов в русской среде поморов[1].

Проблема русской колонизации Поморья затрагивает богатую историю средневекового Новгорода. Уже в XIX в. политический и экономический строй вечевой республики исследовали И. Д. Беляев и А. И. Никитинский; в начале XX в. Дому св. Софии (новгородской архиепископии и епархии) посвятил свой труд Б. Д. Греков. Особое внимание историки уделили земледельческому классу и аграрной истории Новгородчины (М. А. Островская, А. М. Гневушев, Н. Ф. Яницкий), но социально-экономические процессы в Карелии почти не изучались[2].

Та же особенность отличала исследование политической истории России IX–XVII вв.: главенствовавшие политические процессы или теоретические построения иллюстрировались краткими сообщениями о положении дел на окраинах (К. А. Неволин, В. О. Ключевский, А. Д. Градовский)[3]. Далее, при изучении политических

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. В 3-х кн. М., 1988. Кн. I. Т. I. С. 21; Примечания к I тому. С. 31 (прим. 34); *Платонов С. Ф.* Прошлое русского Севера. Пб., 1923. С. 18.

[2] *Беляев И. Д.* История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1866; *Никитинский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893; *Греков Б. Д.* Новгородский Дом св. Софии. Ч. 1 // Избр. труды. М., 1960; *Он же.* Новгородский Дом св. Софии. Ч. 2 // Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34); *Островская М. А.* Земельный быт сельского населения Русского севера в XVI–XVII вв. СПб., 1913; *Гневушев А. М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. 1; *Яницкий Н. Ф.* Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915.

[3] *Неволин К. А.* Образование управления в России от Ивана III до Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения [Далее – ЖМНП]. 1844. Январь. С. 1–149; *Он же.* О пространстве церковного суда в России до Петра Великого // ЖМНП. 1847. Июль. Отд. II. С. 1–23; Август. Отд. II. С. 75–159; Октябрь. Отд. II. С. 1–80; Ноябрь. Отд. II. С. 157–200; *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. В 3-х кн. М., 1993. Кн. 1–2; *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права // Собрание сочинений. СПб., 1908. Т. 8. Ч. II. Органы управления. Т. 9. Ч. III. Органы местного управления.

аспектов истории крестьянской черносошной общины представители государственно-юридической школы в отечественной историографии (В. И. Сергеевич и др.) опрометчиво полагали, что общину якобы изобрело правительство для улучшения функционирования государственного аппарата управления на местах. Исследователи же народнического направления (И. Д. Беляев и др.) справедливо доказывали исконность общинного устройства, которое верховная власть лишь узаконила[1].

С историей общины тесно связана история создания новых административных единиц, и не только на уровне погостов и волостей. Так, явно следуя взглядам коллег-«государственников», в начале XX в. П. Н. Милюков высказал ошибочное мнение о том, что Россия, в отличие от Запада, «не выработала никаких прочных местных связей, никакой местной организации», поэтому «правительство могло лепить какие угодно тела» из присоединенных областей[2]. В данной работе мы постараемся опровергнуть оба этих ошибочных утверждения, ключ к опровержению находится в исследовании взаимоотношений государства и самоуправления.

Единственное, но яркое исследование о самоуправлении на Севере в XVII в. принадлежит перу М. М. Богословского[3]. Изучив проблему, он определил структуру, органы и функции местного самоуправления в разрезе административно-территориального деления. К сожалению, самоуправление на этапе Средневековья до сих пор не изучено так же обстоятельно.

Роль и довольно определенное место Карелии в международных отношениях России эпохи Средних веков и начала Нового вре-

---

[1] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Изд. 2-е. СПб., 1911. Т. III. Земледелие, тягло, порядок обложения. С. 30–31, 123; *Папков А. А.* Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в северной России // Русский вестник. М.; СПб., 1898. Т. 258. Ноябрь. С. 55–85; декабрь. С. 13–34; *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. Изд. 4-е. М., 1903. С. 52–56; *Он же.* Судьба земщины и выборного начала на Руси. М., 1905; *Костомаров Н. И.* Северо-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. В 2-х ч. 3-е изд. СПб., 1904. Кн. 3. Т. 7. Ч. 1; Т. 8. Ч. 2.

[2] *Милюков П. Н.* Очерки истории русской культуры. 6-е изд. СПб., 1909. Ч. 1. С. 197.

[3] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общинный строй. Органы самоуправления; 1912. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство.

мени крайне слабо отражены в историографии XIX – начала XX в., хотя материалы для постановки данного вопроса уже имелись. Н. Н. Бантыш-Каменский подготовил основательный «Обзор внешних сношений России» по 1800 г., в том числе со Швецией. И С. М. Соловьев в свое капитальной «Истории России» также привел значительное число источников, не вызывающих сомнений в правомерности постановки вопроса о Карелии как отдельной теме русско-шведских переговоров и особой арене военных конфликтов[1]. В то же время серьезные труды Г. В. Форстена выделили Балтийский регион как самостоятельное место приложения усилий русской и шведской дипломатии и театр боевых действий между Россией и Швецией. В шведской историографии аналогичное выделение восточной Балтики во внешних интересах Швеции произошло еще в 1672 г., в знаменитом сочинении Юхана Видекинда[2].

Существенные пробелы в историографии начала XX в. не помешали увидеть свет ряду обзорных работ о средневековой Карелии, в частности, «Из прошлого Олонецкого края» краеведа В. Ягодкина[3]. Историография Карелии качественно улучшилась только в советское время, с появлением в крае историков-профессионалов.

Первые крупные научные изыскания в области медиевистики Карелии появились в 1939–1941 гг. В работе В. И. Пегова край впервые предстал особым полем соперничества России и Швеции, а С. С. Гадзяцкий приступил к изучению социально-экономической

---

[1] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). В 4-х ч. М., 1909. Ч. 4. Пруссия, Франция и Швеция; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18-ти кн. М., 1989. Кн. III. Т. 5–6; Кн. IV. Т. 7–8.

[2] *Форстен Г. В.* Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. Ноябрь. Т. 261. № 2–10; *Он же*. Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1894. Т. I–II; *Видекинд Юхан*. История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С. А. Анинского, А. М. Александрова. Под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000. Г. В. Форстен в работе «Политика Швеции в Смутное время» доказал тенденциозность выборки Ю. Видекиндом источников (см.: *Гейман В. Г.* Сочинение Ю. Видекинда как источник по истории Смутного времени // *Видекинд Юхан*. Указ. соч. С. 516–517). См. также: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937.

[3] *Ягодкин В.* Из прошлого Олонецкого края. Исторический очерк. Петрозаводск, 1918. Ч. 1. Обонежская пятина (IX–XVI вв.).

стороны жизни Карелии[1]. Окончательно выделили средневековую Карелию в качестве *самостоятельного объекта* исторического изучения Р. Б. Мюллер, создавшая «Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв.», и И. П. Шаскольский – монографией о шведской интервенции начала XVII столетия[2].

Непростое, но в целом успешное вплетение карельских сюжетов в ткань российской истории доказал обобщающий труд по истории Карелии с древнейших времен до конца XVIII в. (макет)[3]. Но постановлением бюро ЦК компартии КФССР (сентябрь 1952 г.) макет был признан «порочным и непригодным к печати», главным образом потому, что его авторы (ред. проф. А. Я. Брюсов, старшие научные сотрудники И. П. Шаскольский и А. М. Линевский, к. и. н. Р. Б. Мюллер) «не уделили достаточного внимания классовой борьбе». Подсчитав, что значительный объем труда содержал всего 5 ссылок на работы В. И. Ленина и 4 – на И. В. Сталина, в то время как на работы дореволюционных и советских авторов, на иностранных историков и источники, на архивные материалы имелось 916 ссылок, их обвинили в «серьезных ошибках политического и даже методологического характера» и в «рабском следовании за буржуазными историками»[4].

В отличие от официальных партийных органов, видные историки страны благожелательно встретили новую работу (макет). Так, заведующий сектором истории народов СССР периода феодализма Л. В. Черепнин назвал ее «большим творческим достижением». В целом благоприятными для авторов макета оказались отзывы В. Т. Пашуто, Е. И. Дружинина, Л. В. Даниловой, Л. Н. Пушкаре-

---

[1] *Пегов В. И.* Польско-шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1939; *Гадзяцкий С. С.* Карелы и Карелия в Новгородское время / Отв. ред. В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1941.

[2] *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. / Под ред. и предисл. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1947; *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

[3] История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. (Макет) / Под ред. проф. А. Я. Брюсова. Петрозаводск, 1952.

[4] *Филимончик С. Н.* О развитии исторической науки в Карелии в 1945 – начале 1950-х годов // Гуманитарные исследования в Карелии: Сборник статей к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. С. 57–58.

ва, В. В. Мавродина[1]. Лишь в 1957 г. вышел первый том «Очерков истории Карелии»; благодаря высокому профессионализму редакторов они не утратили главных научных наработок авторов макета[2].

Один из его авторов И. П. Шаскольский сохранил свои концептуальные положения и в параграфе о карелах в академических «Очерках истории СССР»[3]. В целом же, следуя в русле тогдашней советской историографии, авторы макета и «Очерков» основное внимание уделили процессам социально-экономического развития и актуальной тогда теме военной истории края. Сложная проблема управления Карелией в Средние века не получила подробного освещения. Самоуправление же как системное взаимоотношение *власти и общества* отражено в них только на отдельных конкретных примерах, без обобщений. Тем не менее обращалось внимание на очевидную связь общей внутренней политики центра с проводимыми в крае административными преобразованиями. Внешнеполитический аспект проблемы решался под углом зрения русско-шведских войн, что оставляло в тени вопрос о месте и роли Карелии в дипломатических связях России и Швеции.

Ситуация в советской исторической науке благоприятствовала обстоятельному изучению аграрной истории страны. На направленность послевоенной историографии крестьянства, ее методологическую базу и выводы большое влияние оказали фундаментальные труды Б. Д. Грекова «Киевская Русь» и «Крестьяне на Руси...»[4]. В длинном ряду исследований по социально-экономической истории России XIV–XVII вв. ценные работы А. А. Савича, И. Л. Перельман, Л. В. Даниловой, П. А. Колесникова, А. И. Копанева частично, а статья Т. В. Старостиной целиком касаются территории

---

[1] *Филимончик С. Н.* О развитии исторической науки в Карелии... С. 55–56.

[2] Очерки истории Карелии / Под ред. В. Н. Бернадского, И. И. Смирнова, Н. А. Балагурова. Петрозаводск, 1957. Т. 1.

[3] Очерки истории СССР. Конец XV в. – начало XVII в. М., 1955. С. 628–640 (Гл. 4, § 2а).

[4] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1944; *Он же*. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Изд. 2-е. Л., 1952. Кн. 1; 1954. Кн. 2.

Карелии[1]. Итоги разработки в 1950–1980-х гг. проблем аграрного строя в XV–XVII вв. вылились в серию изданий по аграрной истории Северо-Запада России, в том числе «Историю северного крестьянства»[2]. Ныне социально-экономическую тематику по XV–XVII вв. поддержали коллективная монография «История экономики Карелии» и исследование В. И. Иванова о монастырском вотчинном хозяйстве Поморья[3]. А в целом современное состояние полемики в отечественной медиевистике о сущности феодализма и феодального землевладения на Руси описал К. В. Петров: полемика эта в конечном счете сводится к изучению соотношения собственности общины и государства[4]. Для нас данное соотношение особенно интересно, поскольку напрямую сопрягается с взаимоотношениями государства и местного самоуправления. Например, конфликт середины XVI в. между поморами и опричными двиня-

---

[1] *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений в древней Руси. Пермь, 1927; *Перельман И. Л.* Новгородская деревня в XV–XVI веках // Исторические записки. 1948. Т. 26. С. 128–197; *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955; *Старостина Т. В.* Шуерецкая волость в XVI–XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в средневековой России. Сборник статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967. С. 195–208; *Колесников П. А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX вв.: к вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. / Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1978.

[2] Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI вв. Л., 1971 [Далее – АИСЗР, 1]; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Новгородские пятины. Л., 1974; Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978; Аграрная история Северо-Запада России. XVII в. Л., 1989; История северного крестьянства. В 4-х т. / Под общ. ред. А. Ю. Полякова. Архангельск, 1984. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма / Отв. ред. П. А. Колесников; История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. СПб., 1994.

[3] История экономики Карелии. В 3-х кн. Петрозаводск, 2005. Кн. I. *Баданов В. Г., Кораблев Н. А., Жуков А. Ю.* Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого Русского государства до Февральской революции. Конец XV – начало XX веков / Науч. ред. Н. А. Кораблев; *Иванов В. И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007.

[4] *Петров К. В.* Юрий Георгиевич Алексеев и его путь в истории // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященных 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 6–30.

нами мы рассматриваем именно через призму сопряжения обоих этих социальных соотношений – как экономического, так и политического.

Утверждению в конце XV в. новой административно-территориальной системы Карелии, встраиванию самоуправления в систему государственной власти способствовали управленческие наработки новгородской поры. Несомненный интерес имеют подробные исследования В. Н. Бернадского, выделившего этапы боярского освоения Обонежской половины Карелии, и В. Л. Янина, проследившего генезис политического строя вечевой республики и генеалогию правящей элиты Великого Новгорода[1]. В свою очередь, на основе их выводов и собственного анализа писцовой документации, публично-правовых и частноправовых актов социально-экономического и социально-политического характера мы исследуем внутри- и внешнеполитические аспекты колонизации Великим Новгородом Карелии[2]. Впрочем, управленческие наработки интенсивно развивались в XIV–XV вв. и на землях великого княжества Владимирского, и именно данные административные новеллы стали ведущими при управлении новгородскими землями, в том числе Карелией после 1478 г.[3]

Набросок к административно-территориальному становлению Карелии с XII в. прослеживается в фундаментальной по значимости работе Н. А. Насонова 1951 г. «„Русская земля“ и образование

---

[1] *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962; 2-е изд. М., 2003; *Он же*. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981; *Он же*. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. Об истории новгородской государственности см. также: *Амосов А. В.* Становление государственности древнего Новгорода и монументальное зодчество. М., 2007; *Горский А. А.* Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996.

[2] См., напр.: *Жуков А. Ю.* Границы Карелии. Обоснование процесса складывания в XII–XVII вв. // История народов России в исследованиях и документах. М., 2009. Вып. 3. С. 65–95; *Он же*. Закономерности и принципы формирования административного устройства Карелии (XII–XX вв.) // Карелия на этнокультурной и политической карте России. Материалы науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Республики Карелия (Петрозаводск, 21 мая 2010 г.). Петрозаводск, 2010. С. 12–22.

[3] *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.

территории Древнерусского государства»[1]. Затем данную тему затронул очерк А. В. Кузы «Новгородская земля»[2]. Надо сказать, что по выводам, касающимся Карелии, обе работы весьма спорные. Не слишком помогают в освещении избранной темы работы Б. А. Рыбакова «Деление Новгородской земли на сотни в XIII в.» и «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.»[3] Более свежи выводы у В. А. Бурова в «Очерках истории и археологии средневекового Новгорода»[4].

Надо сказать, что и данные авторы, и другие исследователи не поддержали предположение В. О. Ключевского о пятинах как административных единицах Великого Новгорода. Ныне за данный тезис ратуют немногие. Из них наиболее последователен В. Ф. Андреев, который, однако, не приводит источников времен Новгородской республики, доказывающих ее пятинное устройство[5]. В нашей

---

[1] *Насонов Н. А.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951.

[2] *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 144–201.

[3] *Рыбаков Б. А.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. // Исторические записки. М., 1932. Т. 2. С. 132–152; *Он же*. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

[4] *Буров В. А.* О сотнях и тысячах Новгородской земли (к проблеме административно-территориального деления Новгородского государства) // *Буров В. А.* Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 114–137.

[5] *Ключевский В. О.* Русская история. Кн. 1; *Андреев В. Ф.* О происхождении новгородских пятин // Российское государство в XIV–XVII вв. С. 180–185. Автор ссылается на источники более позднего московского времени (сочинения С. Герберштейна «Записки о Московии», Александра Гваньини «Описание Московии» и Житие Варлаама Важского). В. Ф. Андреев признает, что «в распоряжении исследователей нет источников республиканского периода о пятинах», но утверждает, что данные сочинения XVI в. «содержат, на наш взгляд, вполне достоверную информацию» (*Андреев В. Ф.* Указ. соч. С. 182). И. Н. Данилевский мимоходом и совершенно без ссылки на источники пишет о делении древнерусских княжеств на *пятины*, сотни (*полупятины*) или волости (уезды, присуды) (см.: *Данилевский И. Н.* Административные реформы Древней Руси // Административные реформы в России: история и современность / Под общ. ред. проф. Р. Н. Байгузина. М., 2006. С. 28).

работе мы придерживаемся строго фундированного источниками положения о делении Великого Новгорода на *земли* и *волости*.

Раннюю эволюцию понятий «земля» и «волость» на материалах времен Киевской Руси проследил А. А. Горский[1]. И все же необходимо констатировать, что о собственно самоуправлении новгородских окраин во всех этих немаловажных работах речь не идет. Особняком, впрочем, стоит работа А. В. Валерова о взаимоотношениях Новгорода и Пскова[2]. Некоторые псковские известия мы привлекаем для сравнительного анализа положения карелов и Корельской земли в структуре Новгородского государства.

Между тем проблему самоуправления в Киевской Руси поставил И. Я. Фроянов. Правда, в его изложении самоуправление в форме городского веча как бы напрямую унаследовало функции племенного веча − этого, по словам автора, «palladium-а демократии восточных славян»[3]. О феодальном статусе древнекарельской знати в социальной иерархии Великого Новгорода говорится в статье обобщающего характера А. С. Жербина и И. П. Шаскольского. Впрочем, авторы не связывают данный статус с самоуправлением в Корельской земле, сводя наблюдения к констатации «огромных» размеров вотчин карельских феодалов, которые (вотчины) обрабатывались трудом феодально-зависимого рядового карельского населения[4]. В этой связи интересно исследование С. М. Титова о военной истории собственно карелов. В числе прочего он высказал предположение о характере небольших древнекарельских крепостей в Приладожье. По его мнению, известный по летописям и археологическим раскопкам Тиверский городок, например, изначально являлся «родовым гнездом феодальной знати, частновладельческим замком» тиврульцев (одного из родов

---

[1] *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

[2] *Валеров А. В.* Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004.

[3] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980; *Он же.* Начала русской истории. Избранное / Отв. ред. проф. Ю. Г. Алексеев. М., 2001.

[4] *Жербин А. С., Шаскольский И. П.* Особенности развития феодализма в Карелии (XI–XVI века) // История СССР. 1982. № 4. С. 132–141.

карельских феодалов)[1]. Данное предположение вновь ставит вопрос о степени самостоятельности знати карелов, что, в свою очередь, напрямую связывается нами с проблемой самоуправления.

О крестьянском самоуправлении времен Великого Новгорода в Карелии известно из материалов по Обонежской Карелии. Они уже не раз подвергались источниковедческому анализу. А из новейших работ выделим важный по степени теоретического осмысления труд Л. В. Даниловой о сельской общине на Руси[2]. В нем присутствует анализ некоторых из этих обонежских материалов XIV−XV вв., который весьма важен для нашей темы.

При анализе данных источников особенно выделяется связь приходского устройства новопоселенцев с административной разбивкой Новгородской Руси, в том числе Карелии, на погосты. В первые века оседлого освоения Севера территории православного прихода и погоста практически совпадали; деление погостов на волости характерно уже для XVI–XVII вв., но и тогда волости как самостоятельные приходы вызревали зачастую из часовенных приходов, которые уже имелись внутри старых погостов и церковных приходов[3].

И все же приходится констатировать, что принципиальные вопросы управления северными областями в Средние века, а тем более взаимоотношения всех уровней власти с самоуправлением не

---

[1] *Титов С. М.* Очерки военной истории древней корелы. Петрозаводск, 2007. С. 146.

[2] *Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994.

[3] *Жуков А. Ю.* Шуйский погост: предыстория Петрозаводска // История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск, 2008. С. 9–38; *Он же*. Сямозерье в XIV–XVII веках // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 41–106 (раздел коллективной монографии); *Он же*. Погост и приход – основы административного деления Северной России (На примере Карелии. XIII–XVI вв.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы 8-й ежегодной Междунар. науч. конф. (13–14 апреля 2006 г.). СПб., 2007. С. 475–485; *Он же*. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2008. Вып. 1. С. 7–19; *Он же*. Традиционное природопользование в приграничной Карелии и государство XIII–XVII вв. // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Зеленый пояс Фенноскандии. 2009. № 2. С. 103–114.

получили достаточного внимания в исследованиях о временах Новгородской республики.

Схожая картина наблюдается в работах по изучению московского периода истории России. Видные историки (П. А. Садиков, И. И. Смирнов, Л. В. Черепнин, С. Б. Веселовский, С. М. Каштанов, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников и др.) с успехом занимались кардинальными проблемами внутренней политики страны. Особенно заострялось внимание на важнейших социально-политических реформах 1530–1550-х гг., опричнине 1564–1572 гг., закрепощении населения в последней трети XVI – начале XVII в., предпосылках Смутного времени[1]. Разработка данной центральной для истории России XVI в. проблематики позволила прийти к обобщающему выводу о том, что в середине XVI в. в России складывался режим сословно-представительной монархии[2]. Вместе с тем во всех этих

[1] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30-х–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960; *Он же*. Земские соборы Русского государства в XVI−XVII вв. М., 1978; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI вв. М., 1967; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960; *Он же*. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *Он же*. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерк социально-политической истории. М., 1982; *Он же*. Россия на пороге нового времени: очерк политической истории в первой половине XVI в. М., 1982; *Он же*. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966; *Он же*. Опричный террор. Л., 1969; *Он же*. Россия после опричнины. Л., 1975; *Он же*. Россия накануне «смутного времени». М., 1985; *Он же*. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988; *Алексеев Ю. Г.* «К Москве хотим!»: закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991; *Он же*. Под знаменем Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992; *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996; *Данилова Л. В.* Становление системы государственного феодализма в России: причины и следствия // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. М., 1993. Ч. 1. С. 40–92.

[2] Данный концептуальный вывод закрепили обобщающие труды: История Европы. М., 1993. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). С. 254–258; История России с древнейших времен до наших дней. М., 1997. Т. 1. История России с древнейших времен до конца XVII в. С. 418–428.

концептуальных по содержанию и научной методологии работах некоторые материалы с мест, в частности по Карелии, как правило, только иллюстрировали проводимые столицей преобразования.

Разрабатывая данную тематику, изыскания А. К. Леонтьева, А. А. Зимина, А. П. Павлова, К. В. Петрова, И. Л. Андреева и др. проясняют становление и функционирование государственного управления Россией конца XV – начала XVII в. и, что для нас особенно важно, спускаются на уровень уездов, а иногда и волостей[1]. Имеется также небольшая по объему работа Т. И. Пашковой о местном управлении в первой половине XVI в. Автор устанавливала имена тогдашних наместников и волостелей, в том числе наместников в городе Кореле; наш первый опыт определения состава наместников и воевод Корельского уезда был предпринят в 1994 г.[2] С точки зрения задач данного исследования, по содержанию к этим работам примыкают работы о формировании пра-

---

[1] *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в русском государстве. Из истории создания центрального государственного аппарата в конце XV – первой половине XVI вв. М., 1961; *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. // Исторические записки. 1958. Т. 63. С. 180–205; *Он же*. Наместничье управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI вв. // Исторические записки. 1974. Т. 94. С. 271–301; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992; *Он же*. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. 1988. Т. 114. С. 187–227; *Он же.* О начальном этапе становления воеводского управления в России // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. М., 1990. Ч. 2. С. 208–211; *Петров К. В.* Приказная система управления в России в конце XV–XVII вв. Формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности. М.; СПб., 2005; *Андреев И. Л.* Этапы и тенденции формирования системы управления централизованного государства в XV–XVII вв. // Административные реформы в России… С. 30–59.

[2] *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000; *Она же*. Материалы к изучению персонального состава волостной администрации Русского государства второй половины XV – первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Вып. XXVI. С. 136–172; *Жуков А. Ю.* Управление Корельским уездом в конце XV – начале XVII веков // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 6–28.

вящего класса России в XV–XVII вв.[1] В отсутствие массового актового материала по Корельскому уезду знание о корпусе его управленцев, об их положении в иерархии власти проясняет значение, которое столица придавала этому приграничному уезду с конца XV по начало XVII в.

Тем большую ценность для нас имеет анализ Н. Е. Носова деятельности органов власти на Севере и институтов местного самоуправления и их взаимодействие (частично – на примере Карелии)[2]. Он пришел к обобщающему выводу о складывании в XVI в. сословной корпоративности в местных обществах. Собственно самоуправление в Средние века и Новое время в обобщающем же плане и в историографии рассмотрела Л. Ф. Писарькова[3].

Государственные наработки XVI в. перешли затем в век XVII. Среди обширнейшей историографии о Европейском Севере XVII в. выделим лишь работы Е. Н. Швейковской, И. А. Черняковой,

---

[1] *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Он же*. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; *Он же*. Дьяки и подьячии XV–XVII вв. М., 1975; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов в России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование / Отв. ред. С. М. Каштанов. М., 1986; *Зимин А. А*. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. / Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1988; Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв.: Очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006.

[2] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957; *Он же*. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; *Он же*. Земская реформа на Русском Севере в XVI в. (об отмене кормлений и введении земских учреждений) // Крестьянство и классовая борьба… С. 131–156; *Он же*. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв. (к постановке проблемы) // Проблемы землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 44–71; *Он же*. Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в. // Исторические записки. 1986. Т. 114. С. 148–179.

[3] *Писарькова Л. Ф.* Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 2. С. 3–27; № 3. С. 25–39.

Г. П. Енина и М. Б. Булгакова[1]. Авторы уделили немалое внимание государственному приказному управлению Севером в XVII в., особенно воеводской власти в уездах. А данный тип управления как раз возник и складывался на Севере уже с середины XVI в. Поэтому положения и выводы данных исследований анализируются нами в свете избранной темы. В целом же характеристика современной историографии Карелии XVII в. принадлежит перу М. Б. Булгакова[2].

И в эпоху Великого Новгорода, и во времена Российского царства государственное управление было теснейшим образом связано с управлением церковным и в целом с многоплановыми взаимоотношениями церкви и государства. Более того, именно церковь самой своей структурой поддерживала местное самоуправление. Поэтому даже в условиях «официального» советского атеизма исследователи внимательным образом отнеслись к изучению связей Церкви и государства. Ныне государственно-церковные отношения, кажется, приходят к взаимному равновесию, и исследователи – как светские, так и церковные – могут свободно разрабатывать данное важное направление социально-политической истории, в том числе на уровне отдельных епархий, в частности, обширнейшей Новгородской епархии (Дома св. Софии)[3].

---

[1] *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке / Исследования по русской истории. Вып. 8. М., 1997; *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998; *Енин Г. П.* Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000; *Булгаков М. Б.* Народы Европейского Севера России в XVII веке: управление и хозяйство. М., 2005.

[2] *Булгаков М. Б.* Новейшая историография Карелии XVII века // История народов России в исследованиях и документах. М., 2007. Вып. 2. С. 102–125.

[3] *Борисов Н. С.* Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986; *Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XV–XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991; *Он же*. Крест и корона: Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000; *Кузьмина О. В.* Республика Святой Софии. М., 2008; *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001; *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е гг. XVI века. 2-е изд. СПб., 2006; *Макарий (Веретенников), архимандрит*. Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006. См. также современное справочное издание Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета: История иерархии Русской православной церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006.

Для Карелии именно Дом св. Софии играл ведущую роль. Уже колонизация карелами, вепсами и русскими древних саамских земель Карелии опиралась на христианизацию, проводившуюся совместно силами Церкви и государства. В целом уяснить значение христианизации помогает работа А. Л. Юрганова[1]. Конкретно же, изучая становление православия в Карелии, мы пришли в выводу о твердой церковно-государственной политике по объединению в единые приходы жителей различной этнической принадлежности, обеспечившей достаточно мирный характер освоения Севера. Обнаружено и различие в степени влияния государства на жизнь общин: в приграничных погостах карелов оно было значительно сильнее, чем в Обонежской Карелии, где более развивалась приходская жизнь. Прихожане, опираясь на общинное устройство и на государственный порядок построения низового администрирования на основе церковно-приходского разграничения, постепенно, но с успехом развивали волостное самоуправление[2].

С эпохи викингов на землях Карелии, занимавшей восток Балтийско-Беломорского региона Европы, развивались различные связи с западными соседями Руси. Например, Карелия входила в систему так называемой «циркумбалтийской торговли», одними из агентов которой были викинги. Историю «освоения» викингами северной России по археологическим и историко-литературным данным освещают работы Г. С. Лебедева и Т. Н. Джаксон[3].

---

[1] *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

[2] *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999. С. 21–40, 41–71; *Жуков А. Ю.* Формирование и развитие структуры церковного управления в Карелии (XII–XV вв.) // Православие в Карелии: Материалы республиканской науч. конф. (24–25 окт. 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 40–47; *Он же*. Этносоциальные последствия христианизации Карелии (XIII–XVIII вв.) // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф., посвященной 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 53–59.

[3] *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985; *Он же.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005; *Джаксон Т. Н.* Древняя Русь глазами средневековых исландцев / *Jackson T. N.* Old Rus through the eyes of medieval Icelanders // Российские исследования по мировой истории и культуре / Russian Studies in Wold History and Culture. Т. 3 / Vol. 3. N.-Y., 2000; *Она же*. Четыре норвежских конунга на Руси. Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М., 2000.

Затем Карелия вступила в изучаемый нами период Великого Новгорода. Анализ мирных взаимоотношений вечевой республики, а затем и России со Швецией, которые и разделили между собой Карелию в Средние века и в начале Нового времени, остается недостаточным. Немногие крупные исследования К. В. Базилевича, И. П. Шаскольского, А. Л. Хорошкевич, Н. М. Рогожина, Е. А. Рыбиной, истории Швеции и Финляндии, справочник В. В. Похлебкина по внешней политике России не охватывают всего круга данной тематики. В основном изучаются различные направления русско-шведских отношений в XV–XVII вв.[1] Значение Карелии в мирных связях не прояснено. И напротив, Карелия как поле битвы в военно-политическом противостоянии между Великим Новгородом, затем Россией и Швецией в Балтийско-Беломорском регионе Европы получила развернутое описание в трудах И. П. Шаскольского и Г. А. Замятина, русские походы в Шведскую Карелию на рубеже XV–XVI вв. недавно осветил Ю. Г. Алексеев, а шведскую оккупацию Новгорода –

[1] *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода: историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001; *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV в.) / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1952; *Шаскольский И. П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством / Отв. ред. С. Н. Валк. М.; Л., 1964; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1980; *Она же*. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003; *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994; История Европы. В 8-ми т. М., 1993. Т. III. От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). С. 81–88, 210–217, 275–268, 335–337 (разделы по истории стран Северной Европы); *Андерсон И.* История Швеции / Пер. со шведского Н. А. Каринцева. М., 1951; История Швеции. М., 1974; *Расила В.* История Финляндии / Пер. с финского и науч. ред. проф. Л. В. Суни. Петрозаводск, 2006; *Мейнандер Х.* История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты / Пер. со шведского З. Линден. М., 2008. См. также справочное издание В. В. Похлебкина, как бы продолжившего труды знаменитого археографа Н. Н. Бантыш-Каменского: *Похлебкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. Справочник. М., 1992. Вып. 1. Ведомства внешней политики и их руководители; 1995. Вып. 2. Кн. 1. Войны и мирные договоры.

Е. И. Кобзарева[1]. Для сюжета о военном управлении Карелией в начале XVII в. имеет значение монография А. Л. Станиславского, рассматривавшего российскую Смуту в качестве гражданской войны[2].

Современная научная мысль прослеживает этнические процессы в Карелии. В 1930–1940-х гг. видный лингвист Д. В. Бубрих создал концепцию автохтонного происхождения карельского народа в XII–XVIII вв.[3] Его построения получили убедительное подтверждение при дальнейших исследованиях, особенно археологических[4]. Даже последняя по времени написания монография о железном веке в Карелии археолога А. Саксы, выявившего немало черт, роднящих

---

[1] *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция…; *Он же.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII−XIII вв. Л., 1978; *Он же.* Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии: Конец XIII − начало XIV вв. Петрозаводск, 1987; *Он же.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987; *Замятин Г. А.* Борьба за Корелу между Московским государством и Швецией в конце XVI – начале XVII вв. // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 403–468; *Он же.* «К Российскому царствию пристоят». Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613–1614 гг. / Сост. А. Н. Одиноков, Я. Н. Рабинович. Под ред. Г. М. Коваленко. Великий Новгород, 2012; *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007; *Кобзарева Е. И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005; *Фрумeнков Г. Г.* Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975.

Обширную библиографию о русско-шведских мирных отношениях и военных конфликтах в XVII в. см.: *Видекинд Юхан*. Указ. соч. 634–638. Карелия как особая территория русско-шведского дипломатического соперничества рассмотрена нами в статье: *Жуков А. Ю.* Карелия в русско-шведских отношениях XIV–XVI вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 11-й ежегодной междунар. науч. конф. (1–2 апр. 2009 г.). СПб., 2010. С. 62–75.

[2] *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

[3] *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947; *Он же*. Русское государство и сформирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971. Вып. 5. С. 3–22.

[4] *Кочкуркина С. И.* Археологические памятники Корелы V–XV вв. Л., 1981; Археология Карелии / Отв. ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочкуркина. Петрозаводск, 1996. С. 310–343; Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 160–324 (Раздел «Карелы»).

культуры древних карелов и финнов, не опровергает основополагающего положения Д. В. Бубриха об автохтонности формирования приладожских карелов[1]. Для нас работа А. Саксы ценна совершенно новыми полевыми находками в Приозерске (бывший город Корела) печатей наместников новгородского владыки в Корельской земле.

Не обойдены вниманием ученых и вепсы. Наиболее обстоятельно в археологическом плане этногенез вепсов в IX–XIII вв. прослежен у С. И. Кочкуркиной[2]. На письменные источники в освещении той же темы опирались Н. И. Богданов и В. В. Пименов. Ценные наблюдения по вепсской истории Северного Обонежья содержатся в работе И. И. Муллонен[3]. Периодизация волн заселения саамами, весью, корелой и русскими Заонежского полуострова и обрусения его жителей предложена К. К. Логиновым, В. А. Агапитовым, А. М. Спиридоновым. Подобные этноколонизационные процессы протекали и на востоке края, в Водлозерье, что совсем недавно прояснило комплексное изучение водлозеров – пример дружного труда ученых, результативно соединивших в выводах различные области знаний[4]. Комплексному изучению становления карелов-ливвиков из

[1] *Saksa A.* Rautakautinen Karjala. Muinas-karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // Studia Carelica humanistica, 11. Joensuu, 1998.

[2] *Кочкуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973; *Она же*. Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования Карелии: Сб. ст. Л., 1972. С. 103–112; Археология Карелии. С. 286–310.

[3] *Богданов Н. И.* К истории вепсов (по материалам топонимики) // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1951. № 2. С. 24–31; *Он же*. Народность вепсы и их язык // Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1958. Вып. 12. С. 67–75; *Пименов В. В.* Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры / Отв. ред. И. П. Шаскольский. М.; Л., 1965; *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. См. также: Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1999; Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006; Прибалтийско-финские народы России. С. 325–468 (Раздел «Вепсы»).

[4] *Логинов К. К.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX вв.). СПб., 1993; *Агапитов В. А., Логинов К. К.* Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 61–72; *Они же*. Из прошлого Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 1993. Вып. 2. Заонежье. С. 110–123; *Спиридонов А. М.* Раннесредневековые памятники Кокорино // Заонежский сборник.

местных вепсов и приходивших из Корельского уезда (Кексгольмского лена Швеции) карелов посвящена недавняя коллективная монография «История и культура Сямозерья»[1].

Этнокультурные и демографические процессы наложили неповторимый отпечаток на административное развитие севера Карелии. В немалой степени они связаны со сложением в XVI–XVIII вв. субэтноса русских поморов. Библиографию основных работ о поморах составил Б. И. Кошечкин[2]. Лучшую из работ последнего времени о поморах написала Т. А. Бернштам[3]. Но ее тезис о зарождении феномена Поморья первоначально на Мурмане вызывает возражения; мы предложили иную трактовку этнокультурных, демографических и социально-экономических процессов в Беломорье[4].

С. 29–48. О Водлозерье см.: *Косменко М. Г.* Археологические памятники и основные этапы истории древней культуры Водлозерья // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995. С. 181–192; *Муллонен И. И.* Заметки о топонимии Водлозерья // Там же. С. 192–197; *Логинов К. К.* Этническая история и этнографические особенности русских Водлозерья // Там же. С. 197–205; *Кузнецова В. П.* Исследования фольклористов на Водлозере // Там же. С. 211–216; *Михайлова Л. П.* Говор Водлозерья как источник изучения истории края // Там же. С. 216–225; *Краснопольская Т. В.* Певческая культура Водлозерья в контексте пудожской традиции // Там же. С. 225–231.

[1] История и культура Сямозерья / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2008. См. также: *Логинов К. К.* О динамике расселения саамов, вепсов, карел и русских на территории Карелии // Культурные коды двух тысячелетий: Материалы науч. конф. (Петрозаводск, 1–4 дек. 2000 г.). Петрозаводск, 2001. Вып. 1. Традиционные культуры: локализация и динамика. С. 42–46.

[2] *Кошечкин Б. И.* Боже, дай нам ветра. Кемские полярные мореходы. Петрозаводск, 1992. С. 187–189.

[3] *Бернштам Т. А.* Поморы. Формирование группы и системы хозяйства / Под ред. К. Р. Чистова. Л., 1978.

[4] *Жуков А. Ю.* Карелия в системе межэтнических отношений Русского Севера в XV–XVI вв. // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 82–93; *Он же*. Северная Карелия в системе государственного управления России XV–XVI вв. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 6–25; *Он же*. Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, 2005. С. 85–91.

Демографическая ситуация XVI в. в Обонежской части Карелии изучена довольно хорошо: на уровне отдельных погостов – в вышеотмеченной серии по аграрной истории Северо-Запада, а на уровне каждого поселения XVI–XVII вв. на северном побережье Онежского озера и на Поморском берегу Белого моря – в ценных работах М. В. Витова и И. В. Власовой[1]. Они разработали специальную методику историко-географического исследования, которую успешно применил А. А. Селин. И хотя его монография картографирует поселения южного Приладожья, в ней содержится прекрасная характеристика историографии историко-географических исследований, применимая и для данной работы[2]. Напомним, что актуальные для нас демографические процессы в Корельском уезде, дважды подвергавшемся оккупации Швецией в конце XVI – начале XVII в., не нашли пока тщательного освещения в печати. Так, на материале финляндской губернии Северной Карелии (северо-запад бывшего Корельского уезда) финский исследователь Веййо Салохеймо при идентификации здешних карельских деревень «образца» 1500 г. использовал их поздние финнизированные названия, сами деревни сгруппированы им по финляндским приходам XVII–XVIII вв. Вместе с тем исследователь отлично понимает, что карельское поселение могло располагаться не компактно, а занимать дворами обширную территорию, что он и отобразил на своих картах-схемах во второй части работы[3].

Выделим также статьи об этнической истории раннего Средневековья (М. Г. Косменко), об этнокультурных процессах в средневековой Карелии (С. И. Кочкуркина) и об этническом составе населения южной Карелии в XV–XVII вв. (Т. П. Амелина), данные работы со-

---

[1] *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962; *Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVII веках. М., 1974.

[2] *Селин А. А.* Историческая география Новгородской земли в XVI–XVII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

[3] *Saloheimo V.* Pohjois-Karjalan asutusmuodot 1600-luvulla. Kylä- ja pitäjäkartat. Joensuu, 1971. Sarja A. No 2.

держат неплохой обзор этнокультурных концепций, выдвинутых в западной историографии[1].

Результаты кропотливой работы отечественных историков[2] были высоко оценены и одновременно творчески осмыслены финским исследователем Хейкки Киркиненом, выпустившим в 1960–1970-х гг. ряд монографий по истории средневековой Карелии[3]. Авторскую концепцию он изложил также в «Истории карельского народа»[4]. Работы финского исследователя получили историографическую характеристику[5].

Историографический обзор свидетельствует о большом мастерстве историков, археологов, этнологов, специалистов в других областях знаний, проявленном ими при изучении Севера России в Средние века и начале Нового времени. Но проблема одновременного воздействия множества факторов на становление и эволюцию самоуправления, его взаимодействия с властными структурами, в целом проблема его места и роли в политике России не поднимались. С другой стороны, недавно для нового обобщающего труда по истории Карелии с древности до наших дней нами подготовлены две главы о X–XVII вв.[6] Результаты научных изысканий поставили перед автором проблему взаимоотношений государства с обществом на всех уровнях власти и местного самоуправления.

[1] Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 158–303.

[2] *Жербин А. С.* Основные итоги изучения истории дореволюционной Карелии // Историография дореволюционной Карелии: итоги и перспективы изучения. Петрозаводск, 1988. С. 4–16.

[3] *Kirkinen H.* Karjala idän kulttuuripiirissa. Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. Helsinki, 1963; *Idem.* Karjala idän ja lännen välissä. Helsinki, 1971. Venäjän renessansialla (1478–1617); 1976. Karjala taistelukenttänä.

[4] *Киркинен Х.* История Карелии с древнейших времен до Ништадтского мира // *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа / Пер. с фин. Л. В. Суни, отв. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск, 1998. С. 7–134. Финское издание этой книги вышло в 1994 г. (Heikki Kirkinen, Pekka Nevalainen, Hannes Sihvo. Karjalan Kansan historia. Porvoo; Helsinki; Juva, 1994).

[5] *Жербин А. С.* Карелия X – начала XVII в. в трудах финляндского историка Х. Киркинена // Историография дореволюционной Карелии: итоги и перспективы изучения. Петрозаводск, 1988. С. 80–89.

[6] История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева и М. И. Шумилова. Петрозаводск, 2001. С. 61–97, 98–180 (главы II и III).

Собственные наработки в решении этой задачи автор и положил в основу данной монографии.

§ 1.2. Источники

Письменные источники XII–XVII вв. по истории Карелии разноплановы и достаточно информативны; они позволяют, в контексте темы, найти решение поставленных задач и достичь намеченной цели. По происхождению и содержанию материалы относятся к нескольким типам и видам: это летописи, грамоты на бересте и записи частноправовых и публично-правовых актов; комплексы общего и специального приказного документирования; указы и грамоты государственного управления и суда; разрядные и боярские книги и близкие им по содержанию «наказные списки боярам»; судебно-следственная, хозяйственно-финансовая и дипломатическая документация. Мы не ставим перед собой задачи подробно охарактеризовать каждый из использованных источников, конкретный анализ их сведений произведен в основной части исследования. Дадим лишь общую их характеристику по типам, видам и группам с точки зрения раскрытия темы.

И еще. Обилие и разнообразный характер привлеченных материалов по теме в целом и даже при разработке отдельных сюжетов заставляет автора выделять видовые и типовые названия источников особо, чтобы читатель мог составить свое представление о правомерности их использования и легче ориентироваться в собранной информации. С этой целью данные общие названия мы выделяем курсивом: *правая грамота*, *письмо*, *наказ* и т. д. Их типовые характеристики известны и приведены в ряде работ, например, в «Методическом пособии по археографии»[1]. При несогласии автора с тем или иным аспектом видовой и конкретной характеристики источника данное обстоятельство оговаривается. Применение вместо курсива кавычек излишне загромождает текст. Кроме того, курсив без закавычивания используется при передаче подлинных исторических терминов. Данный прием помогает обходиться без досадной модернизации текста, когда он «переводится» современными терминами, зачастую

[1] Методическое пособие по археографии. М., 1991. Ч. 1.

плохо отражающими истинный смысл. Разумеется, при этом историческая терминология получает краткое или пространное объяснение. Кавычки применяются при цитировании достаточно пространного фрагмента источника или в том случае, когда в тексте используются подряд несколько слов (коротких фраз) из одного источника. Перейдем теперь к характеристике привлеченного материала.

Прежде всего, отметим источники времен нахождения Карелии под властью Великого Новгорода. Основные сведения по политической, особенно по военной истории приладожской Корелы и Корельской земли в целом содержатся в русских летописях. Они помогают установить общую канву событий. Мы используем их сведения для реконструкции этапов инкорпорации области приладожских карелов в Новгородское государство и складывания системы управления краем. Особенно ценны известия о князьях-кормленщиках Корельской земли, они помогают установить и охарактеризовать персональный корпус этих служилых князей. В целом летописи в сочетании с материалами юридического и публично-правового характера высвечивают этапы эволюции кормленого способа управления Корельской землей и другими западными приграничными землями вечевой республики[1]. Отдаленные от границы земли Северного Обо-

[1] Наибольшее число новгородских, карельских и в целом «северных» известий, которые мы используем в работе, содержат следующие летописи: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [Далее – НПЛ] // Полное собрание русских летописей [Далее – ПСРЛ]. М., 2000. Т. III; Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. I; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. II; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1–2; Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1; Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. XLIII; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. М., 2000. Т. IX–XII; Рогожский летописец. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 1–186; 1–504; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М., 2004. Т. XXV. Для прояснения отдельных сюжетов нами использованы псковские летописи (Псковская первая летопись. М.; Л., 1941; Псковская вторая летопись. Псковская третья летопись // Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2), сохранившийся подлинный текст Троицкой летописи 1408 г. (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002), а также Владимирский летописец и Новгородская II (Архивская) летопись (ПСРЛ. М., 1965. Т. XXX), Летопись по Воскресенскому списку (ПСРЛ. М., 2001. Т. VII) и Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки (ПСРЛ. М., 2000. Т. XVI). Степень «встро-

нежья не привлекли столь же пристального внимания летописца, кроме ряда упоминаний в связи с военными действиями.

Из иностранных хроник, т. е. материалов аналогичного летописям содержательного характера, привлекаются шведская *Хроники Эрика* и кодексы *Исландских анналов*[1]. Следы ранних взаимоотношений корелы и Древнерусского государства содержит свод прокомментированных текстов *саг* (древнескандинавских письменных литературных источников)[2]. Сравнительно-исторический анализ этих четырех комплексов-памятников национально-культурного наследия народов Северной и Восточной Европы проясняет степень самостоятельно-

---

енности» бывшего Новгородского государства и его земель в политические структуры России и в целом политическую ситуацию со второй трети XVI в. описывает московский летописный комплекс официального происхождения (Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Продолжение Александро-Невской летописи. Лебедевская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XXX). Ситуация на севере Карелии частично описывается в: Соловецкий летописец конца XVI в. / Публ. В. И. Корецкий // Летописи и хроники за 1980 г. М., 1981. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. С. 223–243.

Извлеченные из летописей известия о карелах, городе Кореле и Корельской земле опубликованы в комментированном издании: *Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.* Письменные известия о карелах / Науч. ред. В. Л. Янин. Петрозаводск, 1990 [Далее – ПИК]. С. 27–74.

Опорная для нас хронология событий по Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописям рассмотрена в труде Н. Г. Бережкова (*Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963). Методология анализа летописных материалов изложена Д. С. Лихачевым, ныне его работа «Текстология» (1962 г.) издана при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва: *Лихачев Д. С.*, при участии *А. А. Алексеева* и *А. Г. Боброва*. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб., 2001.

[1] *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. М., 1978. С. 105–127 (стихи 1627−1701, перевод Е. А. Рыдзевской); *Шаскольский И. П.* Сведения об истории Руси X−XIV вв. в Исландских анналах / Подгот. и перевод текста Т. Н. Джаксон, коммент. И. П. Шаскольского // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1994. Т. XXV. С. 231–239.

[2] ПИК. С. 99–132. Наиболее полная публикация древнескандинавских источников по истории Древнерусского государства и об участии в ней скандинавов см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. В 6-ти т. / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009. Т. V. Древнескандинавские источники / Сост. Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова.

сти карелов, карельской знати и Корельской земли в военно-политической и административной структуре вечевой республики. Они же дают богатый материал для постановки вопроса о самоуправлении приладожских карелов и его конкретного исследования.

Той же цели служит анализ материалов XV в. по западному Беломорью: здесь столкнулись экономические интересы карельской знати и новгородского боярства. Хотя в нашем распоряжении не имеется писцовых книг, однозначно зафиксировавших бы местные вотчинные владения, но архив Соловецкого монастыря сохранил комплекс частноправовых актов земельных покупок и вкладов в монастырь; в 1929 г. их опубликовал Н. С. Чаев[1]. Из публикации выясняется, что абсолютное большинство сделок совершалось на излете самостоятельности Великого Новгорода и вскоре после 1478 г. Эти источники дают реальное представление о районах освоения западного Беломорья местными и новгородскими феодалами в середине XV в. Мы предприняли сравнительно-ретроспективный анализ данного комплекса материалов, выясняя степень компромисса, который Великий Новгород допускал в отношениях со своими северными вассалами в сфере вотчинного землевладения.

Постоянно пополняющийся и уже вошедший в научный оборот материал грамот на бересте о землях края как новгородского, так и местного карельского и обонежского происхождения носит в основном частноправовой и публично-правовой характер. Их тексты, особенно публично-правовые источники, дают необходимые сведения для анализа взаимоотношений, которые складывались между местными старейшинами и знатью и Новгородом. Для нас интересно установить две сложившиеся модели новгородских взаимоотношений и сравнить их между собой: по одной модели строились связи Новгорода с Корельской землей, а по другой – с Северным Обонежьем. Материал берестяных грамот получил не только традиционные археологические и исторические, но и филологические

[1] Северные грамоты XV в. / Сост. Н. С. Чаев // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л., 1929. Вып. 35 [Далее – Северные грамоты XV в.]. С. 135–164.

Фундаментальное исследование о хронологии сохранившихся публично- и частноправовых актов новгородского происхождения предпринял В. Л. Янин: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990.

комментарии о языке грамот в его историческом развитии, с тесной привязкой к хронологии[1].

Хронологию административного оформления Северного Обонежья, этапы «встраивания» местного самоуправления в структуры государства помогает раскрыть ряд документов уставного (юридического) характера. Прежде всего, это комплекс из трех уставных документов, помещенный в новгородский подлинный список 1280-х гг. Кормчей книги: *Устав* князя Святослава Ольговича 1136/37 г. с двумя приписками к нему – «А се Обонезьскыи ряд» и «А се Бежичкыи ряд» конца 1250-х гг.[2] В Обонежском ряду появился княжеский судебный округ, наличие которого подразумевал проект договора Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1664 г.[3] Одновременно, опираясь на соглашение-*ряд* о землях Северного Обонежья, Новгородская епархия Дом св. Софии создала Обонежскую десятину. *Устав о мостехъ* 1265−1267 гг. князя Ярослава Ярославича являлся записью разверстки работ по починке (постройке) моста через Волхов и мощению центральных улиц Новгорода. Он был выработан князям с новгородскими властями и помещен среди важнейших и действующих вплоть по XV в. законодательных актов, которые следуют сразу же за Новго-

[1] *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963; *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977−1983 г.). М., 1986; *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984−1989 гг.). М., 1993. Свод прокомментированных «карельских» грамот на бересте см.: ПИК. С. 77–95. Общую характеристику грамот на бересте и отдельных документов см. также в работе: *Черепнин Л. В.* Новгородские грамоты на бересте как исторический источник. М., 1969. Частично карельский материал берестяных грамот использован А. А. Медынцевой: *Медынцева А. А.* Письма Григория – тиуна боярского по материалам берестяных грамот // Культура и искусство средневекового города. Сборник статей / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М., 1984. С. 53–75

[2] Древнерусские княжеские уставы XI−XV вв. М., 1976. С. 147–148. См. также: Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. С. 117–122.

[3] Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949 [Далее − ГВНП]. С. 10–11 (1266 г.); по В. Л. Янину – 1264 г. (*Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 144).

родской первой летописью младшего извода[1]. В документе Обонежье показано в структуре Новгородской земли как одна из «тысяч». Наконец, завершение существования на территории Обонежского ряда княжеского судебного округа зафиксировала *Откупная грамота* великокняжеского наместника в Новгороде Г. В. Заболоцкого с новгородскими частными лицами (1434 г. или 1460 г.)[2].

Своеобразный итог напряженной и многовековой административной работе верховной власти по территориальному размежеванию земель всего Русского Севера к 1478 г. подведен в завещаниях великого князя Ивана III Васильевича и царя Ивана IV Васильевича своим наследникам. Хотя уже в начале XVI в. Кремль ввел на всех северных землях уездное административно-территориальное устройство, но в текстах самих завещаний нет и следа данной значимой управленческой новеллы. Наоборот, монархи упорно придерживались сложившегося в удельные времена административного членения, завещая, например: «Корелскую землю всю… и с Лопью Лешею и с Дикою Лопью, и со всем, что х Корельской земле потягло», т. е. полностью проигнорировали наличие и Корельского уезда, и Лопских погостов Новгородского уезда, и Двинского уезда, в который входило карельское и кольское Приполярье. Затем писалось: «даю… Заволоцкую землю всю: Онего и Каргополе и все Поонежье», притом что данное *Заволочье* – это лежащая за верхневолжскими и белозерскими волоками одна из первых северных областей, на которую Древнерусское государство распространило свою власть – и ни слова ни о Заонежских погостах Новгородского уезда, ни о Каргопольском уезде, ни о его Турчасовском стане в Поонежье[3]. Точно в такой же «удельной манере» далее описываются волости Подвинья, двинское Заволочье, Печора и Северное Приуралье.

---

[1] Содержится в рукописи Археографической комиссии – в так называемом *Комиссионном списке* (НПЛ. Приложение второе // ПСРЛ. Т. III. С. 507); Древнерусские княжеские уставы… С. 150.

[2] ГВНП. С. 149 (1434 г., позднее 29 июня (Петрова дня); *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 184 (1460 г.).

[3] Памятники русского права. В 8-ми вып. М., 1955. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. С. 269 (из «Завещания» Ивана III, 1505 г.); Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1. С. 384 (из «Завещания» Ивана IV, 1570-е гг.).

Московские монархи завещали наследникам северные владения так, как они складывались и оформлялись в административные области Новгородской и Владимиро-Суздальской Руси, а затем превращались в *земли* и *волости* объединявшейся России. Поэтому оба завещания использованы нами в главах Первого раздела исследования.

Успехи в огосударствлении отдаленных земель Северного Обонежья зависели от хода крестьянского освоения края. Начальные даты этого долговременного процесса содержат материалы *судного дела*, которое провел в 1650 г. олонецкий воевода в Толвуйском погосте (одном из районов первичного сельскохозяйственного освоения) с помощью «большого повального обыска»[1]. Сам по себе данный источник судебно-следственного характера является показаниями под присягой местных жителей о времени основания церковного прихода на Толвуе – «лет с четыреста». И в совокупности с конкретными филологическими исследованиями о складывании говора заонежан из нерасчлененного еще новгородско-псковского диалекта древнерусского языка и говора древних вепсов с Ояти, летописными известиями о сильнейшем голоде в Новгороде и Новгородской земле и военно-политическом конфликте новгородцев со своим князем в конце 1220-х – начале 1230-х гг. все эти материалы свидетельствуют об организации крестьянской общины и прихода в будущем Толвуйском погосте Северного Обонежья уже к середине XIII в.

Пример первичного крестьянского освоения находящейся на той же широте, но в Корельской земле будущей Поросозерской волости содержит *Скаска* поросозерца старосты Лариона Алексеева, которую он поведал новгородскому воеводе в 1619 г. (содержится в составе воеводского донесения в Москву о планах и действиях шведских межевых послов)[2]. По форме рассказ старосты представляет собой предание об

[1] Российский государственный архив древних актов [Далее – РГАДА]. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 3. Ч. 1. Новгородская четверть. 1612–1681 гг. Д. 145. [Судное] Дело о неподтверждении жалованной грамоты Шуйскому Новодевичьему монастырю Олонецкого уезда. [1650 г.]. Л. 1–6.

[2] РГАДА. Ф. 96. «Сношения России со Швецией» (коллекция дел и документов). Оп. 1/1620. Д. 1. «1620 г., генварь–декабрь. Отписки новгородских и других с шведами пограничных городов воевод и отписки к ним государевых грамот о разных пограничных делах». Л. 115–119. *Скаска* поросозерца старосты Лариона Алексеева об основании Поросозера.

основании деревни. Такие предания хорошо известны фольклористам, но по экспедиционным сборам и публикациям XIX–XX вв., когда передаваемая информация почти не имела практического значения для жителей, уступая место занимательности сюжета[1]. Здесь же мы имеем дело с точными сведениями, которые сохраняли свою актуальность. Напомним, что наряду со сведениями государственных кадастровых переписей, такие предания использовались, например, в судебных процессах как вполне доказательные показания в земельных спорах друг с другом крестьянских общин, монастырей, помещиков и других лиц[2]. Вот и в поросозерском предании фигурируют первопоселенцы и их взаимоотношения между собой, с государством и вотчинником, причем в исторической динамике. Всякий источник, монографически вводимый в научный оборот, заслуживает отдельной характеристики. Подробный анализ этих и подобных им материалов проведен нами в основной части исследования.

Столь же информативный для темы массив сведений по Обонежской части Карелии содержат опубликованные частноправовые и публично-правовые акты; большинство частноправовых актов описывают историю складывания в крае монастырского вотчинного землевладения[3]. Впрочем, к середине XV в. основное число крестьян Северного Обонежья проживало в вотчинах новгородской знати и в целом разви-

---

[1] *Криничная Н. А.* Русская историческая проза: Вопросы генезиса и структуры / Отв. ред. В. И. Соколова. Л., 1987.

[2] См., например, свидетельства крестьян-старожильцев в комплексе юридических источников «новгородских» и «московских» времен о монастырских владениях в Уноских островах на Онежском озере в XIV−XVI вв., их содержит судное дело «*Правая грамота* Палеостровскому монастырю 1538/39 г.»: Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.: Сборник документов / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941 [Далее − Материалы]. С. 131–143.

[3] Северные грамоты XV в.; ГВНП; Материалы. Часть опубликованных в «Материалах по истории Карелии XII–XVI вв.» документов новгородского времени из собрания Карельского государственного музея погибла при эвакуации в 1941 г., но ранее они были опубликованы в издании: *Линевский А. М., Машезерский В. И., Пегов В. И.* Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII в. / Под ред. В. Н. Бернадского. Петрозаводск, 1939. Беломорский Поморский берег представлен также в актах, введенных в научный оборот И. З. Либерзоном: *Либерзон И. З.* Неизвестные акты XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. 14. С. 136–140.

тие крестьянских общин происходило под воздействием правового регулирования в вотчинной сфере хозяйствования. Тем ценнее для нас документы публично-правового характера, исходившие от крестьянского самоуправления. Они дают ценный материал для его характеристики в динамике не только на привычном уровне погоста, но даже на уровне таких общин, которые в своем развитии превращали осваиваемые северные земли в погосты. Характеристике местного самоуправления помогает и то обстоятельство, что оно было встроено в единое государственное политико-правовое пространство Великого Новгорода.

Так, для XIV в. данное правовое единство выявляется при сравнительно-историческом анализе документов, казалось бы, совершенно разной природы, например, русско-шведского *Ореховецкого мира* 1323 г. и *Мировой* старосты и крестьян «Вымоченского погоста» с челмужским боярином Григорием 1377 г.[1] Но с точки зрения археографии оба источника относятся к публично-правовым актам, поэтому будет вполне корректным провести их сравнительный анализ. И выясняется, что оба документа созданы в едином правовом ключе и даже стиле, они используют общую юридическую терминологию; даже порядок следования клаузул в них идентичен, а сами клаузулы содержательно аналогичны. Кроме того, археографический и источниковедческий анализ документов 1323 и 1377 гг. добавляет нелишний аргумент в дискуссию историков о подлинности («новгородском происхождении») источника 1377 г., который дошел до нас в копии XVII в. и в заключительной части оформлен под московское актовое делопроизводство[2]. В целом документ XVII в. является источником составным, автор переписывает основной текст 1377 г. и дописывает его в юридическом стиле XVII в.

Некоторые необходимые сведения для работы предоставляют материалы научных экспедиций, например, фольклорно-этнографический материал по пудожскому Водлозерью или топонимический из Заонежья[3].

---

[1] ГВНП. С. 67–68 (№ 38), 285 (№ 284).

[2] *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения… С. 16–17; *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 236–244.

[3] Деревня Кокорино на Уницкой губе. Корпус топонимов // Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН). Научная картотека топонимов; Фонограмм-архив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Ед. хр. № 3296/24. Экспедиционные записи В. П. Кузнецовой, 1973 г.

Доказательная сила всех названных разнообразных по видам и типам источников возрастает при согласовании их сведений с систематическими материалами переписей конца XV – начала XVII в. – писцовых и дозорных книг. Во-первых, в переписях, даже в поздних, содержатся реликтовые сведения о более раннем, новгородском периоде истории Карелии. Во-вторых, писцовое документирование являлось одним из ярких проявлений нового, зарождающегося приказного типа управления. Ко времени *старого письма* (первых переписей новгородских земель 1480-х гг.) наработанная писцовая практика уже насчитывала десятилетия. Поэтому и *новое письмо* рубежа XV–XVI вв. стало «составной частью и вместе с тем условием обширных реформ, положивших начало новому этапу истории России»[1].

Практика переписей Новгородской земли, в том числе Карелии, в последней четверти XV – XVI в. отражена в «Предисловиях» К. В. Баранова к использованному в работе изданию фрагментов писцовых книг Новгородской земли[2]. Писцовые и дозорные книги как вид специального приказного документирования довольно четко прослеживают динамику административно-территориального устройства Карелии, социально-экономических и демографических процессов. Конечно, *письмо* и *дозоры* представляют собой прежде всего кадастры, фиксировавшие тяглое население и его занятия с целью налогообложения и закреплявшие права субъектов землепользования[3]. Их анализ, однако, выявляет административную

---

[1] *Алексеев Ю. Г.* У кормила российского государства. С. 65–150.

[2] Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1. Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и описные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К. В. Баранов [Далее – ПКНЗ, 1]. С. 5–28; СПб., 1999. Т. 2. Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К. В. Баранов [Далее – ПКНЗ, 2]. С. V–XVI.

[3] *Колесников П. И.* Основные этапы развития северной общины // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 6. Проблемы истории русской общины. С. 12; *Швейковская Е. Н.* Нормы обычного права в земельно-распорядительных сделках крестьян Русского Севера первой половины XVII в. (по материалам Сольвычегодского уезда) // История СССР. 1985. № 2. С. 10; *Дмитриева З. В., Шаскольский И. П.* Первая советско-финляндская публикация источников // Историография дореволюционной Карелии. Итоги и перспективы изучения. Петрозаводск, 1988. С. 91; Методическое пособие по археографии. С. 31–32.

принадлежность объектов фиска, иммунитетные привилегии, подчиненность органам власти Москвы и Новгорода, а равно и способы управления. Данный материал характеризует полномочия и роль писцов в поэтапном налаживании государственного управления Севером, в стабилизации общинного устройства на продолжавшихся осваиваться землях Севера. Комплексное изучение переписей помогает раскрыть эволюцию государственной власти и самоуправления – и не только в Карелии, но и во всей Новгородской земле и России в целом.

Как русские, так и шведы несколько раз переписывали Корельский уезд (Кексгольмский лен Швеции). Русская «Переписная окладная книга по Новугороду 7008 г. Вотьской пятины. Корела с уездом» 1500 г. – древнейшая из сохранившихся и наиболее часто используемая писцовая книга уезда; ее формуляр сходен с формулярами писцовых книг XVI в.[1] Она содержит данные *нового письма* на 1500 г. и предыдущей переписи *старого письма* (предположительно конца 1470-х – 1480-х гг.), которое основывалось, по мнению В. Л. Янина и авторов «Аграрной истории крестьянства Северо-Запада России», на фискальных списках времен независимости Великого Новгорода[2]. Ретроспективный анализ сохраненных переписью сведений о кормленых владениях и вотчинах в Приладожской Кореле

[1] Переписная окладная книга по Новугороду 7008 г. Вотьской пятины. Корела с уездом / сообщ. М. А. Оболенским // Временник имп. МОИДР. М., 1852. Кн. 12. Материалы. С. 1–188. Термин *переписная книга* неточен, собственно переписные книги появились в середине XVII в., а *окладные книги* вообще относятся к другому виду приказного делопроизводства – «документации хозяйственно-финансовой деятельности государства и класса феодалов» (Методическое пособие по археографии. С. 30–32). Археографическая комиссия, издавая новгородские писцовые книги 1495–1505 гг., использовала уже правильное название: Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. В 6-ти т. СПб., 1859–1910. В данной же работе собственно российские переписные книги представлены «Переписной книгой Заонежских погостов 1646/47−1647/48 г. И. П. Писемского, Л. Сумина и подьячего Я. Евфимьева» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. 577 л.). Как пример сохраняющейся путаницы в названиях приведем заголовок подлинной выписки из данной переписи по Олонецкому погосту: «Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины Олонецкого Рождественского погоста, 1646/47 г.» (Национальная библиотека Республики Карелии. Отдел редкой книги. № 337755. Л. 1–84).

[2] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина… С. 170; АИСЗР 1. С. 19, 26.

рисует сложившийся к 1478 г. компромисс между новгородскими властями и местной феодальной знатью.

Почти полную фиксацию селений и погостов – *pogosts* Кексгольмского лена содержит шведская Переписная книга 1631 г. – «Kexholms läns Jordebok»[1]. Промежуток между 1500 и 1631 гг. заполнен рядом неполных описаний. Русскими по происхождению являются фрагменты писцовой книги Водской пятины 1539 г. Семена Клушина и Шемета Резанова со сведениями о поместных и ямских землях уезда и писцовая книга Водской пятины 1568 г. Инши Васильевича Булгакова и Постника Дмитриева (без данных о Кирьяжском, Сердовольском и Иломанском погостах)[2]. Обе переписи почти синхронны коренному реформированию областной системы администрирования – созданию губного устройства новгородских пятин и переходу в Новгороде и в Кореле на воеводскую форму управления. Имеются также две обыскных и платежная книги Корельского уезда начала 1570-х гг., обрисовавшие катастрофическое запустение[3]. Переписная книга 1590 г. Кексгольмского лена («Manttaledh aff Kexholms Lhänn pro Anno 1590») и Поземельная книга 1618 г. (название финских архивистов «Käkisalmen läänen maakirja 1618») осветили владычество шведов в уезде[4]. Шведские переписи следуют сложившемуся еще во времена Великого Новгорода и поддержанному Москвой делению приладожской Корельской земли на Переднюю Корелу (ближнюю к Новгороду область) и Заднюю Корелу, с границей по реке Вуоксе; они пользуются внутренним новгородским членением Приладожья на погосты, а в погостах зачастую отмечают реликты новгородских времен общины-*перевары*. Все указанные источники частично ис-

---

[1] Kexholms läns Jordebok. 1631 // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. I [Далее – ИК, 1]. С. 388–568.

[2] Писцовая книга Водской пятины 1539 г. // ИК, 1. С. 19–51; Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // Там же. С. 52–178.

[3] Обыскная книга Кирьяжского погоста 21 марта 1571 г.; Обыскная книга Сакульского погоста 8 августа 1573 г.; Платежная книга Корельского уезда 1571 г. // *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 59–125; 312–315; 372–396.

[4] ИК, 1. С. 265–282; 284–387.

пользовались исследователями[1], но в свете стоящих перед нами задач вообще не подвергались систематическому анализу. Поэтому мы предприняли собственный анализ динамики демографической и хозяйственной ситуации в уезде на всем протяжении с 1480-х по 1590-е гг. Для этого использовалась методика обработки кадастров, предложенная Т. О. Осминским для нахождения среднестатистической величины семьи[2]; полученные результаты сведены в таблицы 1–8 Приложений.

Давно и прочно вошли в научный оборот писцовые книги Заонежских погостов (Северного Обонежья). На основе переписи 1495/96 г. Юрия Константиновича Сабурова, 1563–1566 гг. Андрея Лихачева и 1582/83 г. Андрея Васильевича Плещеева[3] успешно изучаются социально-экономические процессы на Северо-Западе страны. Исключение составляют, пожалуй, лишь недавно опубликованные фрагменты обонежских писцовых книг, платежные книги и сметные списки XVI в.[4] Но до сих пор связь переписей с эволюцией территориального деления, географической распространенностью самоуправления, способами и характером управления Заонежьем детально не прослежена. Именно на это нацелен наш анализ данных источников. Так, ранние переписи дают ретроспекцию на компро-

---

[1] См., например: *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох; *Кирпичников А. Н.* Опыт комплексного исследования писцовых книг и исторической топографии для характеристики средневекового русского города (по материалам Корелы XV–XVI вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. XI. С. 68–89; *Дмитриева З. В., Шаскольский И. П.* Первая советско-финляндская публикация источников. С. 95.

[2] *Осминский Т. И.* Двор и семья. «Люди» писцовых книг конца XV – первой половины XVI вв. // АИСЗР, 1. С. 17–18; *Горская Н. А.* Историческая демография России эпохи феодализма. Итоги и проблемы изучения. М., 1992. С. 102.

[3] Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1. С. 1–56, 57–254; Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. III. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993 [Далее – ИК, 3]. С. 34–341.

[4] 7004 (1495/96) г. – Писцовая книга Обонежской пятины письма Юрия Константиновича Сабурова // ПКНЗ, 1. С. 240–308; Платежная книга Ладожского наместничества и Оштинского стана 1555/56 г. // ПКНЗ, 2. С. 21–51; Сметные списки станов Обонежской пятины 1573/74 и 1576/77 гг. // ПКНЗ, 2. С. 156–180, 181.

миссное вотчинное «обояривание» Обонежской Карелии в соответствии со сложившейся в Великом Новгороде расстановкой государственно-политических сил. А для XVI в. именно в Платежной книге и сметных списках 1550–1570-х гг. имеется деление Обонежской Карелии по станам и составляющим их погостам. Материал переписей, платежных книг и смет помогает охарактеризовать пути перехода от власти в станах кормленщиков-волостелей к земскому самоуправлению, которое предполагало не только суд местных земских выборных судей, но и приказное, затем воеводско-приказное управление из Новгорода.

Данным целям служит и анализ ценных архивных неопубликованных переписей конца XVI – начала XVII в. Например, имеется фрагмент подлинного списка конца XVI в. писцовой книги 1584/85 г. дворцовых Заонежских погостов Леонтия Аксакова и Афанасия Жеребятичева, заверенного новгородским дьяком (в 1586–1591 гг.) Семеном Емельяновым. Очевидно, в те годы и делался данный список для использования его в качестве *приправочной книги*. И действительно, так его называли следующие писцы Петр Иванович Воейков и дьяк Иван Лговский, создавшие писцовые книги 1615/16–1618/19 гг. Отметим также дозорную книгу князя Мины Дмитриевича Лыкова и подьячего Якова Гневашева, составленную уже в 1620 г., но значительно обновившую сведения Воейкова и Лговского[1]. Данный комплекс архивных материалов обладает неоспоримым преимуществом перед переписями XVI в.: в условиях *Разорения* и оккупации (по 1617 г.) шведами Новгорода заонежские писцы тщательно инвентаризовали документы, подтверждавшие законность владения.

[1] РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 3. Д. 16932. Л. 162–248 об. Писцовая книга дворцовых Заонежских погостов 1584/85 г. Фрагмент. Подлинный список; Оп. 1. Д. 8554. «Книга Новгородцкого уезда Олонеским дворцовым погостом писма и меры Петра Ивановича Воейкова да диака Ивана Лговского 124-го и 125-го году [1615/16–1616/17 гг.], да туто же книга писма и меры одново диака Ивана Лговского заонежскому Андомскому погосту да Оштинскому стану дворцовым же погостом 127-го году» [1618/19 г.]; Д. 8551. «Список с писцовых книг Заонежских погостов митрополичьим, монастырским, поместным землям писма и меры князя Петра Воейкова да дьяка Ивана зоров 124 и 125 году»; Кн. 979. «Подлинная дозорная книга патриарших, митрополичьих и монастырских земель Обонежской пятины Заонежской половины» князя Мины Дмитриевича Лыкова, 1620 г.

В новом *письме*, особенно в дозоре 1620 г., отложились целиком или в выписках тексты утраченных подлинников царских жалованных грамот XVI – начала XVII в., сведения из более ранних дозоров и переписей 1550-х – 1614/15 гг., которые письмо 1610-х гг. называет *приправочными книгами*. Интересны сведения о закрепленных за отдельными общинами угодьях и промыслах из сохранявшей свою силу переписи Ивана Васильева сына Беклемишева и подьячего Федчи Мосеева 1550/51 гг. Письмо 1610-х гг. также содержит уникальные материалы об организации дворцового округа Заонежских погостов в 1584 г., данные о путях восстановления власти Москвы над дворцовым округом в 1613–1614 гг. и о временной структуре управления Севером по 1617/18 г. через появившуюся во Втором Земском ополчении «Нижегородскую четверть».

Наконец, сведения дворцового письма П. Воейкова восстанавливают историю появления по царским указам особых самоуправляющихся Сямозерской, Шимозерской и Святозерской волостей в составе, соответственно, Олонецкого, Оштинского и Важинского погостов, с широкими правами волостного самоуправления, приравненного к погостскому[1]. Впоследствии ни одна из волостей в погостах Обонежской Карелии не получила таких прав.

Быть может, опыт такого выделения положила организация во времена опричнины Ильинской Водлозерской волости, выведенной царем из состава старинного Рождественского Водлозерского погоста и переданной им в опричный Каргопольский уезд; тогда же, в 1568/69 г., волость переписал каргопольский данный староста. По отделу была составлена *Сотная.* Ее подлинное название «Сотная с книг каргопольских, что межевал Андрей Иванович Плещеев да подьячий Ушак Никитин от Ноугородского от земского рубежа от Обонежской пятины к государеве цареве и великого князя опричнине к Каргополю Водлозерскую волость, а после того писал и мерил примежеванные земли данный староста Микула Григорьев сын Тяполков с товарищи лета 7077. Волость Водлоозеро» (1568–1569 гг.)[2]. Источник был опубликован, но не под сво-

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 72–93 (Сямозерская волостка-выставка), 670–701 об. (Шимозерская волостка-выставка); 906–914 (Святозерская волостка-выставка).

[2] РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Каргополь. Д. 1. Л. 292–297.

им подлинным названием, а под сокращенным, не отражающим ни акта отмежевания, ни вхождения новой Ильинской Водлозерской волости в опричный удел царя[1].

Относительно слабо охвачен переписями север Карелии. Лопские погосты (*Дикая Лопь*) попали полностью только в *Дозорную книгу* 1597 г. подьячего Дмитрия Кобелева, а их Шуерецкая волость – еще и в *Дозор* Богдана Реброва. Большой интерес представляет «Книга сбора данных и оброчных денег» Лопских погостов 1587/88 г. и *Отдельная книга* Кемской волости Семена Юренева 1591 г., по которой волость передавалась Соловецкому монастырю в вотчину. По самой северной в Карелии волости Керети есть *Сотная* 1563 г., сделанная с «книг описи» двинян Якима Романова и Никиты Путятина, *Выпись* 1574/75 г. из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова и, наконец, *Отдельная книга* 1607 г. Алексея Толстого и подьячего Ивана Махонина Соловецкому монастырю на *четверть* волости[2]. Ныне автор дополнительно проанализировал поселенческую структуру Кемской и Шуерецкой волостей в отдельной статье[3]. Источники писцового характера находят административное деление северной Карелии конца XVI в. сформированным и проливают свет на ход его складывания с XV в. Но лишь с помощью дополнительного материала царских указных и жалованных грамот и частноправовых актов выясняется упорная работа властей всех уровней, которые в конце XV–XVI вв. в тесном взаимодействии с местным самоуправлением создавали надежную систему управления в отдаленном пограничье. В данном разрезе

[1] Сотная на Водлозерскую волость письма и меры данного старосты Микулы Григорьевича Тяполкова 1568/69 года // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 3. Вологда, 1972. С. 480–483.

[2] Дозорная книга Лопских погостов 1597 г.; Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 г.; Книга сбора данных и оброчных денег с тяглого населения Лопских погостов 1587/88 г. // ИК, 1. С. 189–233; 234–242; 179–185; Материалы. С. 320–327 (Отдельная книга 1591 г.); Сборник грамот коллегии экономии. Л., 1929. Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов. Ст. 442–451, 451–452, 465–469.

[3] *Жуков А. Ю., Лялля Е. В.* Волостная и церковно-приходская структура Карельского Поморья, конец XV – середина XVIII в. // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2012. № 4. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 3. С. 74−84.

выделяется выдающаяся роль в администрировании Соловецкого монастыря[1].

Ценнейшие сведения для реконструкции административной ситуации в приграничных Ребольских волостях и в Лопских погостах при пограничном размежевании 1617–1621 г. дают не писцовая документация, а материалы приказного делопроизводства дипломатического и общего характера. Это «Список с межевой утвержденной послами записи» от 3 августа 1621 г. (описание новой линии границы), «Список спорных со Швецией земель» того же года и *Отписка* 1620 г. воеводы Новгорода боярина князя Д. И. Мезецкого в Посольский приказ[2]. По своему содержанию всех их дополняют приказные материалы о Ребольских волостях за 1620–1628 гг.[3]

---

[1] Северные грамоты XV в.; Материалы; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Л., 1988. Т. 1. Акты Соловецкого монастыря, 1479–1571 [Далее – АСМ, 1]; 1990. Т. 2. Акты Соловецкого монастыря, 1572–1584 гг. [Далее – АСМ, 2]; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1 [Далее – СГГД, 1]. С. 436–439 (Жалованная грамота Василия III Кемской и Шуерецкой волостям 1530/31 г., с подтверждениями 1539 и 1549 гг. Иваном IV); *Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Вып. XXVI. К 60-летию со дня смерти академика Н. П. Лихачева. С. 125–126 (комментарий), 129–135 (публикация).

[2] РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Трактаты 1513–1710 гг. Д. 34. «1621 г., августа 3. Межевая запись (в списке за скрепою дьяка Копнина и подьячего Частого) межевых судей дворян Гаврила Писемского и Никиты Вешеславского да дьяка Копнина и подьячего Частого, учиненная со шведскими межевыми комиссарами Мунке с товарищи, – о размежевании во втором по Столбовскому договору месте Новгородского уезда Олонецкого и Лопских погостов и Кольского уезда Ребольской волости, данной с Российской стороны шведским комиссарам. Тут же приложены за скрепою дьяка и подьячего две росписа межам: [А] Новгородской земли Поро[со]зерской волости и Ребольской волости; [В] Олонецкого и Лопских погостов и Кольского уезда Ребольской волости». Л. 27–46, 48–62; Оп. 1/1620. Д. 1. Л. 115–119.

[3] РГАДА. Ф. 27. Приказ Тайных дел. Оп. 1. Д. 18. О беглых латышах и возвращении из шведских пределов разных русских. О русских и шведских беглых и об исправлении рубежных меж на шведской границе. 1600–1651 гг. Л. 146. *Извет* селецкого крестьянина Федора Филиппова на жителей Лендер и их старосту Кириллу Назарьева от 27 января 1628 г. Подлинник; 147–153. Черновик *памяти* подьячему Б. Воломскому, 1628 г. Подлинник; Ф. 96. Оп. 1/1629. Д. 1. «1629 г., генварь–декабрь. Отписки новгородских и других с шведами пограничных городов воевод и

Утвердившийся с XVI в. порядок управления Лопскими погостами зафиксирован в *челобитной* их жителей 1649 г.; ее подробный пересказ дан М. М. Богословским[1].

Формально источники 1620-х гг. о северной Карелии принадлежат разным видам приказной документации. К общеприказному документированию относится черновик *памяти* (инструкции подьячему), документацию финансово-хозяйственной деятельности государства и феодалов представляют «Приходно-расходная книга Новгородской четверти 1620–21 гг.» и *порядные* соловецкого данщика Рудака Андреева ребольским крестьянам. Хотя ряд *отбойных записей* ребольских крестьян содержится в составе отчета комиссии подьячего Б. Воломского о сыске перебежавших на русскую сторону карелов (т. е. источника приказного характера), совершенно очевидно, что по происхождению к собственно приказной документации они не принадлежат. Отбойные записи крестьян следует отнести к актовому материалу, который закреплял различные сделки, как экономические, так и политические[2]. Конкретно, отбойные записи ребольских крестьян по сути закрепили политическую сделку их с государством «от обратного»: мы не выдаем беглецов посланцу новгородских воевод, потому что в Москве бояре нам сказали ни в чем не подчиняться Новгороду, «а виноваты де не будете»[3].

Авторы «Методического пособия по археографии» считают *челобитные*, в том числе *изветы* (доносы), входящими документами

отписки к ним государевых грамот о разных пограничных делах». Л. 381–386 об., 389–389 об. (Дело о перебежчиках со шведской стороны в Ребольскую волость, 1616–1629 гг., в том числе *отбойные записи* крестьян Ребольской, Лендерской и Кимосозерской волостей за август 1628 г.); 387–388 об. (*Порядные* соловецкого данщика от 6 декабря 1626 г.); Карелия в XVII в. Сборник документов / Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948 [Далее – Карелия в 17 в.]. С. 35–36. *Отбойная запись* крестьян Лендерской волости от 13 августа 1628 г.; *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. Сборник материалов, извлеченных из Московского Главного архива Министерства иностранных дел и Шведского Государственного архива и касающихся истории взаимоотношений России и Швеции в 1616–1651 годах. М., 1897. С. 285–287 (*отбойные записи* лендерцев, ровкульцев и кимасозерцев от 15, 16 и 18 августа 1628 г.); Приходная книга Новгородской четверти за 1620–1621 г. // Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983. С. 133–135, 320.

[1] *Богословский М. М.* Земское самоуправление… Ч. 1. С. 12–13 (примеч. 4).

[2] *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 9.

[3] *Якубов К.* Россия и Швеция. С. 285–287.

общего приказного документирования, аргументируя это тем, что данные заявления, жалобы и прошения могли записываться приказными, а попадая затем в приказную структуру управления, обзаводились входящей датой[1]. Формально они правы. Но как быть с челобитьем самоуправления Лопских погостов 1649 г. или с изветом Федора Филиппова на лендерских крестьян и их старосту Кирилла Назарьева 1628 г.?[2] Федор писал ее сам, как умел, полууставом, т. е. по примеру рукописных богослужебных книг, по которым он, видимо, и учился грамоте. Это источники личного и общественного происхождения, частично оформленные под приказное делопроизводство. Челобитные писались тогда, когда сложившийся порядок резко нарушался, поэтому просьба (требование) вернуться к привычной ситуации и являлась сутью крестьянских жалоб. Указанный характер носят и челобитья, в подробном пересказе помещенные дьяками в тексты жалованных и указных грамот верховной власти[3]. Кстати, авторы «Методического пособия» справедливо помещают жалованные грамоты в раздел актового материала: в пожалованьях сочетались элементы договора и распоряжения[4]. Именно под данным углом зрения – как акты в договорном пространстве общества (его самоуправления) и власти – мы и рассматриваем челобитные, сохранившиеся либо отдельно, либо в составе других источников. Перекрестный анализ всех этих материалов дает представление о сложившемся к 1620 гг. административно-территориальном делении северного карельского приграничья со Швецией и о складывании новой, уникальной «кольско-соловецкой» системы управления приграничьем.

Серьезно помогают изучить системное взаимодействие управления и самоуправления в начале XVII в. некоторые фискальные материалы: «Роспись доходов и расходов» Новгородского уезда 1601–1602 гг.; «Платежные книги дворцовых, митрополичьих и поместных земель»

---

[1] Методическое пособие... С. 18–19.

[2] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 18. Л. 146; *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 12–13.

[3] См., например: СГГД, 1. С. 436–437 (Жалованная грамота Василия III Кемской и Шуерецкой волостям 1530/31 г.); Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею [Далее – РИБ]. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 371–373 (Указная грамота из Посольского приказа русским межевым послам от 8 ноября 1619 г.).

[4] Методическое пособие… С. 12.

1628–1632 гг. (составлены по переписям Никиты Федоровича Панина 1628/29–1629/30 гг. и князя Ивана Михайловича Долгорукова 1631/32 г.) и «Сметные списки денежных и хлебных доходов и расходов и окладные росписи» 1620-х гг. – первые бюджеты Новгородского уезда[1]. Поскольку сама перепись Панина и Долгорукова дошла до нас не в полном объеме, то и сложившееся окончательно в 1620-х гг. внутреннее административно-территориальное устройство Заонежских погостов восстанавливается именно по платежным книгам.

Многочисленные источники актового (публично- и частноправового) характера, приказного происхождения, в том числе разрядного и дипломатического, юридического (законодательного и указного), судебно-следственного и фискального свойства конца XV – начала XVII в. рисуют черты и порядок, структуру и этапы эволюции государственного управления, состав администраторов, лиц и органов самоуправления, их властные полномочия. Они помогают вычленить модели и способы взаимодействия власти и общества. Выше мы уже привели часть из них, но количество оставшихся не дает возможности даже их перечислить[2]. Характеристика и трактовка

[1] РГАДА. Ф. 27. Приказ Тайных дел. Оп. 1. Д. 19. 1601–1602 гг. О сборе податей и оброка с Новгорода и Новгородского уезда; Ф. 137. Оп. 1. 1495–1718 гг. Новгород. Д. 17. Платежная книга данных и оброчных денег с Заонежских погостов Новгородского уезда «письма и меры» кн. И. М. Долгорукова и подьячего Посника Ракова, 1628–1629 гг. Л. 55–73, 1–36, 38–54 об. Платежные книги Заонежских погостов, 1628–1632 гг.; Первый из новгородских «Сметный список» на 1620–1622 гг. опубликован: Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3. Опись Новгорода 1617 г. / Под общ. ред. В. Л. Янина. Ч. 2. С. 176–239.

[2] Наибольшее число материала содержится в следующих изданиях: Материалы; Карелия в 17 в.; ГВНП; АСМ, 1; АСМ, 2, а также: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1; Акты исторические, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденной комиссией. СПб., 1836. Т. I–II; РИБ. СПб., 1875. Т. 2; 1897. Т. 16. Русские акты Копенгагенского архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым; Пг., 1915. Т. 32. Архив П. М. Строева, т. 1; 1917. Т. 35. Архив П. М. Строева, т. 2; Акты XIII–XVIII вв., представленные в разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал Александр Юшков. М., 1898. Ч. 1; Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собр. и ред. А. М. Гневушев. М., 1914 [Далее – Акты Гневушева].

большинства источников изложена в главах, здесь же выделим некоторые их группы.

Архив Карельского научного центра РАН сохранил несколько актов, указных грамот, наказной памяти XVI–XVII вв. (подлинники, подлинные списки, старые копии), регулировавшие землевладение в Заонежских погостах. Хотя акты представлены *данными грамотами*, но из них *Данная* самоуправления Пудожского погоста Палеостровскому монастырю на мельничное место и производственные снасти является публично-правовым актом, а *Данная* попа и пономаря на тот же мельничий промысел и тому же монастырю – актом частноправовым[1]. По содержанию все эти архивные материалы примыкают к аналогичным опубликованным источникам, раскрывая разработанный указной порядок и «ревнивый» характер управления в сфере землевладения монастырей-вотчинников, их зачас-

[1] Архив КарНЦ РАН. Разряд I. Коллекция древних документов. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 (Указная царская грамота из приказа Большого Дворца новгородскому воеводе Г. П. Ромодановскому и дьяку Ф. Апраксину от 4 марта 1625 г. – о разборе земельного спора между Палеостровским и Вяжицким монастырями о селе Яковлево Сиденье Толвуйского погоста. Подлинный список); 31 (Жалованная грамота новгородского митрополита Варлаама крестьянам Шуерецкой волости Никольского погоста – о сбавлении податей в Софийскую казну в связи с разореньем в 1591/92 г., 3 мая 1593 г. Подлинник); 60 (Наказная память новгородских дьяков подьячему в Заонежье от 14 сентября 1618 г. – о разборе, по царскому указу, земельного спора между Палеостровским и Тихвинским монастырями. Подлинник); 82, 84, 83 (Наказной памяти от 14 сентября 1618 г., копия XVII в.); Разряд VI. Оп. 6. Коллекция документов и отдельных рукописей XVIII–XX вв. Д. 140. Жалованные грамоты, духовные, памяти и другие акты XVI–XVII вв. Л. 5–5 об. (Жалованная грамота Ивана IV Важинской Задне-Никифоровой пустыни на земли и угодья от 9 марта 1557 г. Копия); Л. 5 об.–8 (Грамота новгородских воевод Ф. И. Хворостинова и Г. И. Морозова обонежским губным старостам от 23 октября 1587 г. – о пожаловании Задне-Никифоровой пустыни землей и угодьями. Копия); 66 (Данная грамота попа сумской церкви св. Параскевы Пятницы Тихона Терентьева и пономаря церкви св. Николая Пудожского погоста Ивана Корнильева Палеостровскому монастырю, игумену Иосифу «з братией» на три четверти мельничных строений и снасть на реке Рагнуксе, март 1624 г. Подлинник); 76 (Данная грамота старосты Федора Захарьева сына Биричева, целовальника Ивана Федорова сына Кузнецова и всех крестьян Пудожского погоста Палеостровскому монастырю, игумену Иосифу – на тяглое запустевшее мельничное строение и снасть на реке Рагнуксе, 9 марта 1621 г. Подлинник).

тую конфликтные взаимоотношения между собой и с крестьянским самоуправлением на местах.

В большинстве случаев положение и «вес» местного самоуправления в глазах самих жителей трудноуловимы, но мы имеем такую возможность. Она появляется при репрезентативном сравнительном анализе 260 частноправовых актов конца XV–XVI в. на земли, угодья и промыслы поморских волостей Кеми, Шуи, Керети, Ковды, Умбы и Варзуги[1]. Анализ произведен по двум параметрам: наличия местных старост среди свидетелей сделок и наличия/отсутствия постоянной государственной администрации в этих волостях. В результате выявляется тесная связь между обоими параметрами.

Развитие и поддержка поместного землевладения являлись одним из приоритетов внутренней политики – даже в Карелии. Помещики использовались властью в аппарате самоуправления на уровне губных округов (полупятин). Помещики и приравненные к ним по положению местные феодалы – «земцы» – составляли полк Корельского уезда. Несомненный интерес заслуживает оригинальная *Выпись* 1648/49 г. дьячей канцелярии воеводы Новгорода кн. Семена Урусова из несохранившихся поместных писцовых книг 1495/96 г. Д. В. Китаева и Ю. К. Сабурова, водворявших в крае первых помещиков[2]. Именно в них содержатся первостепенной важности сведения о зарождении поместной системы и военно-пятинного устройства Новгородской земли. Регресс и даже крах поместного землевладения на Севере в конце XVI в. отражает, например, указная грамота в Новгород от 20 июля 1596 г. с указом царя Федора Ивановича от 30 мая о земельном обеспечении обедневших поме-

[1] Волостные частноправовые акты сохранил архив Соловецкого монастыря, так как при переходе частных владений в вотчинную собственность обители к ней же поступали и все актовые записи сделок, ранее совершенных на данные земли, угодья и промыслы. Опубликованы: АСМ, 1; АСМ, 2. Дискуссию о том, насколько крестьянские черносошные владения являлись «частными», см.: *Швейковская Е. Н.* Нормы обычного права… // История СССР. 1985. № 2. С. 96–111.

[2] РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГА МИД. Оп. 1. Д. 36. Сборная рукопись. Вторая половина XVIII в. Л. 7 об.–10 (Выписки из писцовых книг Водской пятины Новгородского уезда писца Д. Китаева конца XV в.); Д. 83. Сборник XVII в. Л. 23 об.–34 (Выписки из писцовой книги Д. В. Китаева), 63–73 (*Подлинная роспись* князя Семена Урусова, 1648/49 г).

щиков[1]. Органы же и регулярный порядок управления всеми помещиками в Новгородском уезде в 1570–1600-х гг., за 40 лет, освещает *верстальная десятня* обонежских помещиков «царя Дмитрия Ивановича» (Лжедмитрия I) 1606/07 г.; работа над десятней закончилась в 1607/08 г.[2]

В системе управления Новгородской землей XVI – начала XVII в. видное место занимали наместники и воеводы Корельского уезда. Назначения на эти должности носили военно-разрядный характер: они заносились в военные *Государевы разряды* и учитывались при местнических спорах. Но изданные разрядные книги в редакциях 1556, 1584, 1585, 1604 и других годов[3] не содержат полных сведений о составе наместников, воевод и военных-голов крепости Корелы и Корельского уезда, равно как и достаточных данных о борьбе России и Швеции за земли между Балтикой и Белым морем.

Так, опираясь на опубликованную Разрядную книгу 1559–1605 гг., ранее автор в статье об управлении Корельским уездом посчитал головами Корелы в 1601 г. князей Ивана Оболенского и Ивана Шаховского[4]. Но сохранившийся в архиве РГАДА подробный *Разряд* за 1598–1605 гг. выявил изъян в публикации – пропуск листа, на котором помещались имена воеводы и головы Корелы, а также состав властей других городов, включая Великие Луки, где и состояли на службе головами указанные князья, имена которых помещены уже

---

[1] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 17. О наложении оброка и взыскании пенных денег за пользование государевыми пустопорозжими пашнями и покосами. 1596–1597 гг. Л. 61 (*Указная грамота* от 20 июля 1596 г.).

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 83. Л. 74 об.–136 об. *Верстальная десятня* дворян Новгородского уезда [Обонежской пятины]. 1607–1608 гг.

[3] Опубликованные *разряды* см.: Древняя Российская Вифлиотика. М., 1790. Ч. XIII–XIV. Публ. Н. И. Новикова; Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1566 г.) / Публ. П. Н. Милюкова. М., 1909; Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1966; Разрядная книга 1559–1605 гг. / Под ред. В. И. Буганова. М., 1974; Разрядная книга 1556–1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977–1994. Т. I–IV, ч. 1. Характеристику Разрядных книг и в целом приказного разрядного делопроизводства см.: *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII вв. М., 1962.

[4] *Жуков А. Ю.* Управление Корельским уездом… С. 27.

на следующем (опубликованном) листе рукописи[1]. Эти и другие недостающие сведения мы взяли из ряда архивных списков разрядов и примыкающих к ним по содержанию, но более информативных по нашей теме «Наказных списков боярам» и «Книги разрядной походам бояр»[2].

Состав наместников города Корелы и Корельского уезда данные материалы приводят не полностью, а лишь по тем годам в начале и середине XVI в., когда между Россией и Швецией шли очередные войны, но одновременно стороны искали дипломатического урегулирования конфликта. В связи с этим совокупные сведения записей разрядного характера о служебном пути искомых персон характеризуют их не только как военных, но и как дипломатов, направленных в уезд для посольских дел.

То же самое можно сказать о составе воевод Корельского уезда в 1550-е гг., во время Пограничной войны со Швецией. Анализ погодных записей Разрядных книг и иной документации разрядного характера показывает, как в ходе этого серьезного конфликта военные, административные (в том числе розыскные) и дипломатические полномочия наместников переходили по воле Кремля в руки направляемых в Корельский уезд воевод. Далее, в 1560-е гг. в Кореле синхронно с Новгородом произошел переход от наместничьей на воеводскую форму уездного управления; состав воевод, голов, а с конца 1590-х гг. и приказных дьяков восстанавливается довольно полно. При этом наш анализ учитывает послужной список администраторов за несколько лет до назначения в Корелу и новые назначения после воеводства. Выяснение служебно-разрядных ха-

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 100. Разрядная книга 1598–1605 гг. Копия, снятая в 1768 гг. Л. 93 об.–94.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 17. Сборная рукопись XVII в. Л. 15–315. Разрядная книга 1495–1525 гг.; Д. 37. Сборная рукопись. XVIII в. Л. 35–82. Разрядная книга 1613–1614 гг.; Д. 99. XVII в. Разрядная книга 1493–1609 гг. 1005 л. Ч. 1. 1493–1575 гг.; Ч. 2. 1575–1609 гг.; Д. 100; Д. 110. «Книга разрядная походам бояр», 1492–1606 гг. («Книга стольника Василия Микифоровича Собакина, а была Никиты Зюзина»); Д. 111. Разрядная книга («наказные списки боярам»). 1493–1631, 1632 гг. XVII в., середина; Д. 114. Разрядная книга 1492–1573 гг. XVI в., вторая половина; Д. 125. Л. 15–42 об. Разрядные записи за 1615–1617 гг.; Д. 130. Разрядная книга 1521–1617 гг. – «Книга разрядная Никиты Даниловича Глебова, списана с подлинной книги во 168 году» [1659/60 г.].

рактеристик воевод и дьяков помогает в установлении роли и места Корельского уезда в военно-политическом и дипломатическом противостоянии на северо-западном фронте борьбы России и Швеции во второй половине XVI – начале XVII в. Эти войны вызвали короткую оккупацию Корельского уезда шведами в 1580–1597 гг. и завоевание ими уезда в 1611 г. Значимость Корелы во внешней политике доказывают и дипломатические материалы: послания Ивана IV шведскому королю Юхану III 1572–1573 гг. и шведские посольские книги и дела[1].

Корпус кормленщиков-волостелей второй половины XV – первой половины XVI в. по всей стране, тем более по станам Заонежских погостов, очень неполно, фрагментарно восстанавливается по множеству самых разнообразных источников XVI в.[2] Как и в случае с наместниками г. Корелы, положение заонежских волостелей в служебно-феодальной иерархии уточняют названные разрядные материалы за середину XVI в. Для характеристики состава кормленой и воеводской администрации также используются вспомогательные для данной работы источники: боярские списки XV–XVII вв., Тысячная книга 1550 г., Дворовая тетрадь 1550-х гг. и «Роспись русского войска» 1604 г. Источниковедческую и археографическую характеристику данных источников содержат их публикации[3].

Общую военную ситуацию в крае и на сопредельных землях в 1610-х гг., взаимодействие государственных властей и самоуправле-

---

[1] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 5. Послания царя Ивана IV шведскому королю Юхану III. Копии. Посольские книги за 1555–1585 и 1607–1609 гг. см.: Сборник имп. Исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством / Подгот. Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев; Акты Гневушева. С. 82–154 (фрагменты «шведских дел» за 1607–1609 гг.).

[2] Последнюю по времени попытку восстановления корпуса волостелей предприняла Т. И. Пашкова: *Пашкова Т. И.* Указ. соч. С. 166–185. Приложение 2.

[3] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 115. Боярские списки за 1465–1598 гг.; *Лихачев Н. П.* Боярские списки 1611 г. СПб., 1895; *Он же.* Боярские списки 7119–1611 года // Сборник Петербургского Археологического института. СПб., 1898. Кн. 6. Отд. 2. С. 92–111; Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. Указатель состава государева Двора по фонду Разрядного приказа // Памятники отечественной истории. М., 1979. Вып. 2. Ч. 1–2; *Лихачев Н. П., Мятлев Н. В.* Тысячная книга 7059–1550 г. Орел, 1911; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века / Под ред. А. А. Зимина. М.; Л., 1950.

ния в деле их освобождения от иностранных интервентов, отладку заново уровня областного управления через воевод Тихвина и монастырские власти Соловецкого монастыря описывает ряд архивных и опубликованных источников. Из числа первых назовем донесения-*сеунчи* воевод Тихвина в Москву и *распросные речи* (показания) пленных оккупантов за 1614 г. Вторые представлены перепиской 1611–1617 гг. русских и шведских властей и военачальников о положении дел в Новгородском уезде и на Севере России[1].

Проведенный обзор источников показывает, что в целом имеется достаточный и вполне информативный массив материалов как архивного хранения, так и опубликованных изданий для раскрытия многогранной проблемы зарождения и эволюции государственного аппарата власти по управлению всеми землями Карелии и сопредельных территорий Северо-Запада страны и генезиса местного самоуправления. Источники помогают выяснить степень «встроенности» различных уровней самоуправления в политико-административные системы и структуры Великого Новгорода и России в XII – начале XVII в. Привлеченные в исследование материалы выявляют

[1] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 17. Дополнительная опись. Д. 8. 1614 г. Ст. 2. Л. 4–20 (донесение Барай-мурзы воеводе Тихвина Ф.К. Плещееву – о победе под Олонцом. 8 марта 1614 г. Подлинник), 42–44 (донесение русских казаков в Москву. 14 марта 1614 г. Подлинник), 100–103 (донесение тихвинского воеводы Ф. К. Плещеева в Москву. Март 1614 г. Подлинник), 104–105 (царское предписание воеводе Тихвина Ф. К. Плещееву об информировании Москвы о местных делах. Март 1614 г. Подлинный список); Ст. 3. Л. 1 (донесение есаула Федора Ополовского о бое под Олонцом. Февраль 1614 г. Подлинный список); 2–5, 26–27 (два донесения воеводы Тихвина Ф. К. Плещеева в Москву о пленении польских казаков под Олонцом. 4 и 22 февраля 1614 г. Подлинники), 41 (донесение Барай-мурзы воеводе Ф. К. Плещееву о пленении польских казаков под Олонцом. Не позднее 26 февраля 1614 г. Подлинный список), 53, 54, 55, 59 (показания («распросные и пытошные речи») польских и шведских пленных. 1614 г. Подлинные списки); Ст. 4. Л. 26–27 (донесение воеводы Тихвина Ф. К. Плещеева в Москву – о победе русских казаков под Олонцом. 4 февраля 1614 г. Подлинник); Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 2. Д. 199. Расходная книга по отпуску из Казенного приказа товаров. 1613/14 г. (сведения о первых воеводах Тихвина); Акты Московского государства. 1571–1634 гг. СПб., 1890. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. С. 82–96; *Якубов К. И.* Россия и Швеция…; *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. Приложение.

модели, способы и приемы взаимодействия на всех уровнях государственного управления Карелией с местным самоуправлением. Приступим к конкретному изучению поднятой проблемы и вопросов, согласуясь с поставленными целями и задачами.

Раздел I. КАРЕЛИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА. ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Глава II. КАРЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА. XII–XV вв.

§ 2.1. Корела: первичная государственная инкорпорация

Корела – древнерусское наименование древнекарельской народности. Карельский народ интенсивно складывался с рубежа II тысячелетия на землях Карельского перешейка и северо-западного Приладожья[1]. С этого же времени территория летописной корелы – область *Корела* постепенно входила в состав Древнерусского государства.

Первое упоминание карелов в русских летописях относится только к 1143 г. и повествует о неудачном набеге корелы на земли финской народности *емь* (Häme)[2]. Но за столетие до этого известия в *Повести временных лет* описан ряд военных походов великого князя Киевского Ярослава и его сына новгородского князя Владимира. Походы эти ясно отражали западные устремления древнерусской внешней и военной политики. В 1038 г. Ярослав ходил на ятвягов, в 1040 г. – на Литву, а в следующем 1041 г. он совершил речной набег на польскую Мазовию[3]. Его сын Владимир с новгородцами в 1042 г. предпринял долгий сухопутный конный поход в Финлян-

---

[1] *Кочкуркина С. И.* Древняя Корела. Л., 1982.

[2] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [Далее – НПЛ] // Полное собрание русских летописей [Далее – ПСРЛ]. М., 2000. Т. III. С. 27.

[3] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. I. Стб. 153; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. II. Стб. 141.

дию, на емь, «и победивъ я»[1]. Последний поход с необходимостью должен был осуществляться через земли древних карелов. Между тем летописец не упоминает о кореле, что косвенно указывает на ее подвластность Новгороду.

На пребывание Корелы в составе Древнерусского государства столь же косвенно указывают сообщения летописей о весеннем походе князя Всеволода Мстиславича на емь 6631 (1123) г.: поход был так «лют», что приходилось покупать хлеб по ногате[2]. У кого новгородцы *покупали* (а не отбирали) хлеб? Видимо, у карелов − ближайших восточных соседей еми; навряд ли хлеб покупали бы у самой еми, с которой воевали. Если это так, то перед нами − указание на союзнический характер тогдашних взаимоотношений Новгорода с корелой: во время очень трудного похода новгородцы предпочли хлеб покупать, а не отнимать. Так поступают с союзниками. В летописных известиях за X−XII вв. нет ни одной строки о русских завоевательных походах в земли карелов, в то время как в отношении древних эстонцев – *чуди* или еми, например, такие сообщения следуют сплошной чередой. О конфедеративности отношений корелы с Русью пишет Т. Н. Джаксон, тщательно проанализировав материал скандинавских саг[3].

Скандинавские саги и связанные с ними исторические сочинения XI−XIII вв. предоставляют значительный корпус сведений о раннесредневековых Карелии и Руси в целом. В них kirjalar (карелы) и Kirjalaland (страна карелов) указаны как составная часть Gardariki (Руси, Новгорода). Так, Т. Н. Джаксон подметила, что в *Легендарной саге об Олаве Святом* и в *Красивой коже* путь ярла Свейна в 1015 г. «в пределах „Восточных путей“/„Восточного государства“ из Кирьялаланда в Гардарики описывается при помощи наречия upp − „вверх (от побережья вглубь материка)“, обозначающего, как

[1] ПСРЛ. Т. I. Стб. 153–154; Т. II. Стб. 141–142. О походе сообщает также «Летописный сборник, именуемый Тверской летописью» [Далее – Тверская летопись] (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 148), и весьма кратко − Новгородская Первая летопись старшего извода: «Володимиръ иде на Емь съ новгородьци, сынъ Ярославль» (НПЛ. С. 16).

[2] *Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.* Письменные известия о карелах / Науч. ред. В. Л. Янин. Петрозаводск, 1990 [Далее − ПИК]. С. 99–132.

[3] ПСРЛ. Т. XV. Стб. 193–194; НПЛ. С. 205 (сообщение НПЛ младшего извода).

правило, перемещение в границах одной страны»[1]. По мнению автора, на нерасторжимую связь, в представлении скандинавов, Руси и земли карелов указывает и «Фрагмент о древних конунгах» из королевской *Саги о Скъёльдунгах*, в котором прямо говорится, что государство конунга Гардарики начиналось на западе с Кирьяларботнар, т. е. с Карельских заливов – заливов Карельского перешейка Балтики[2] (ныне это Выборгский район Ленинградской области). В *Саге о Хальвдане, сыне Эйстина,* содержатся уникальные сведения о связях Кирьяларботнар с Альдейгьюборгом (г. Ладога) и Алаборгом (центром в юго-восточном Приладожье)[3]. А норвежцы в середине XIII в. (*Сага о короле Хаконе, сыне Хакона*) отлично знали, что карелы издавна выплачивали дань «конунгу Хольмгардов» (новгородскому князю)[4].

Через Ладогу и шла инкорпорация области Корелы в пределы будущего Новгородского государства[5]. Проанализировав сведения саг, Т. Н. Джаксон пришла к выводу о том, что распространение политического влияния Ладоги на земли карелов относится к концу X – первой половине XI в. Именно тогда, кстати, норвежские ярлы с согласия Киева и владели Ладожским наместничеством Руси[6].

Еще С. С. Гадзяцкий высказал твердое убеждение, что область расселения корелы издревле входила в состав Древнерусского государства[7]. В недавнее время А. В. Куза попытался пересмотреть

---

[1] ПИК. С. 104.

[2] Там же. С. 129–130.

[3] ПИК. С. 127–128; *Джаксон Т. Н.* Древняя Русь глазами средневековых исландцев / *Jackson T. N.* Old Rus through the eyes of medieval Icelanders // Российские исследования по мировой истории и культуре / Russian Studies in Wold History and Culture. Т. 3 / Vol. 3. N.-Y., 2000. С. 70–72.

[4] *Шаскольский И. П.* Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 58–60.

[5] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 79–80; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 215–217.

[6] ПИК. С. 129. Подробнее см.: *Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н.* Из истории Старой Ладоги (на материалах скандинавских саг) // Древнейшие государства на территории СССР: 1985 год. М., 1986. С. 114.

[7] *Гадзяцкий С.* Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 38–39.

этот вывод. Он посчитал, что вплоть до первой половины XIII в. о землях води, ижоры и корелы нельзя говорить как о части «основной территории Новгорода»,− «эти племена действовали как вассалы Новгородской республики»[1]. Автор избрал крайне неудачный термин *вассал* для тезиса о самостоятельности от Новгорода корелы и даже всего прибалтийско-финского северо-запада России до первой половины XIII в. А. В. Куза противоречит сам себе. В понятиях государственного управления вассалитет как раз и предполагает подвластность вассала сюзерену, земли вассала также обычно подконтрольны сюзерену.

Именно об этом свидетельствует сообщение 1143 г. о нападении корелы на емь. Его нельзя рассматривать в отрыве от предыдущих сообщений за 6650 (1142) г. о нападении еми на ладожские места и шведов − на новгородских купцов[2]. Мы явно имеем дело со спланированным вместе с Новгородом ответом, своеобразной разведкой боем в земли еми, которые вскоре станут ареной ожесточенного военно-политического противостояния Новгородского государства и Шведского королевства. Безусловную включенность корелы в государственные дела Руси продемонстрировали и события 1148/49 г.

Ипатьевская летопись, описывая под 6656 (1148/49) г. поход великого князя Киевского Изяслава Мстиславича с новгородцами против суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукова, отметила: «и тако поидоша Новгородци съ Изяславом всими силами своими и Пльсковице и Корела»[3]. А. В. Куза решил, что в данном случае летописец просто опустил ладожан и вместо них отметил корелу: ладожане там были, а корела входила в их отряд[4]. Это − явная натяжка в истолковании весьма прозрачного текста. Новгородцы вышли «со всеми силами своими», вместе с ними отправились псковичи и карельские войны. Для нас ценность данных строк заключается в том, что они доказывают известную степень *отдаленности* корелы от основной военно-мобилизационной и государственной структуры Новгорода. Но, судя по тексту, в похожей степени

---

[1] *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X−XIII вв. М., 1975. С. 183–184, 187.

[2] НПЛ. С. 166–167.

[3] ПСРЛ. Т. II. Стб. 370.

[4] *Куза А. В.* Новгородская земля. С. 188.

отдаленности выступил и Псков. О новгородско-псковских же отношениях в 1130−1140-е гг. известно по летописям.

Прежде всего, отметим, что на 1136/37 г. падает рождение Новгородского государства, «вольного в князьях». Его полноправные граждане выбирали посадника и тысяцкого − высших магистратских чинов феодально-аристократической республики, участвовали в процедуре избрания (*наречения*) новгородского епископа (архиепископа). При этом решение о лишении наместничьих княжеских прерогатив Всеволода Мстиславича новгородцы приняли на вече, «призваше плесковиче и ладожаны и сдумаша»[1]. Видимо, псковичи не удовлетворились слишком приниженным, по отношению к Новгороду, положением своего города в новом государстве, так как на следующий год призвали Всеволода на псковский стол. И тогда принятый новгородцами на договорное княжение Святослав Олегович, «совокупи всю землю Новгородчкую», пошел войной на псковичей. Но они оказали достойное сопротивление, «и не бе мира с ними»[2].

Очевидно, Псков вновь объединился с Новгородом только около 1148 г., после принятия республикой в князья от великого князя Изяслава его сына Ярослава и вывода прежнего Святополка[3]. Князь Юрий Долгорукий причинил всему Новгородскому государству *обиду*: «дани от них отоималъ, и на поутех имъ пакости деетъ», поэтому «Новгородци и Плесковичи снидошась на вече» и заявили Изяславу: «ты нам князь, ты нам Володимиръ, ты нам Мстиславъ, ради с тобою идемъ своих деля обидъ» (1148 г.)[4]. Ладожане не указаны участниками веча особо. Очевидно, они уже входили в военно-мобилизационный состав *всей силы новгородской* и как таковые,

[1] НПЛ. С. 24, 209.

[2] Там же. С. 24–25, 209–210.

[3] Там же. С. 28, 214 (осень 6656 мартовского (1148) г., перед самым походом на Юрия Владимировича). О датировке см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 231, 232.

[4] Ипатьевская летопись. Стб. 369–370 О датировке см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 147–148. В Тверской летописи под 6657 (1148/49) г. читаем: «На то же лето идоша данщики Новогородские вмале; слышавше же Юргий князь великий, оже вмале изшли, и посла князя Берладьского съ вои, и бывшися вмале негде, сташа Новогородци на острове, а оне противу, и начаша городъ чинити; въ лодиахъ идоша Новогородци къ нимъ на третий день, и бышася и много обоихъ паде, но Суздалцев болеи, бес числа» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 214).

вместе с собственно новгородцами, выступили под общим именем *новгородцы*. Псков же, отправив свой отряд, сохранял некоторую политическую и военно-мобилизационную дистанцию от Новгорода. Остается вопрос о причинах выступления в поход карелов, не участвовавших в республиканском вече.

Дело, видимо, заключалось в северных данях и «пакостях» на северных путях, которыми злоупотреблял суздальский князь Юрий и которые, видимо, причиняли убытки и карелам[1]. Карелы активно осваивали северные пространства, в том числе Белое море. Как раз с XII в. в Беломорье возникают захоронения с вещами, близкими к карельским украшениям (раскопки А. Я. Мартынова 1985 г.), а в саамских святилищах (Мурманская обл., северная Финляндия) появляются ювелирные карельские вещи[2]. Устье Северной Двины, очевидно, также подвергалось не только новгородскому, но и карельскому освоению. Впоследствии там сложится центр Двинской земли Великого Новгорода, там же появятся *двинские бояре*, прибытком которых в начале XV в. в устье Северной Двины был основан Николо-*Корельский* монастырь[3]. Карелы, очевидно, были заинтересованы в отпоре князю Юрию, пытавшемуся наложить свою тяжелую руку и на их двинские доходы.

Изложенные факты совершенно не согласуются с утверждением А. В. Кузы о том, что когда в XII–XIII вв. водь и корела действовали вместе с новгородцами, «источники никогда не говорят о „всей силе новгородской“, или о „всей волости новгородской“»; по мнению

---

[1] О двух путях русского освоения Подвинья, новгородском и ростово-суздальском, начиная с XII в. см., напр.: *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1952. С. 31; *Витов М. В.* Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 96–97.

[2] *Кочкуркина С. И.* Указ. соч. С. 29 (и прим. 32), 36; *Макаров Н. А.* Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 27; *Carpelan Ch.* Later Iron Age finds from Northern Finland // Славяне и финно-угры (археология, история, культура): Докл. российско-финляндского симпоз. по вопросам археологии. СПб., 1997. С. 71–82.

[3] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 [Далее – ГВНП]. С. 144–146 (№ 88). Жалованная грамота великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле, 1397 г.; *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 241–243; *Буланов В. Н.* Русский Север. Книга первая. Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск, 1997. С. 163–166.

автора, кстати, это и является доказательством полной обособленности от Новгорода территории северо-западных прибалто-финнов России[1]. Пример 1148/49 г. опровергает данное утверждение. И для XIII в. есть известие за 1270/71 г. о восстании Новгорода против князя Ярослава Ярославича, когда в составе *всей волости новгородской* отмечены псковичи, ладожане, корела, ижора и водь[2].

Оба сообщения разделяют более ста лет. Очевидно, что к середине XII в. карелы являлись конфедератами Новгорода. Именно на XI−XIII вв. приходится эпоха наиболее интенсивной этнической консолидации народов корелы, ижоры и води[3]. И как союзники-конфедераты, а вовсе не как наемники, они участвовали во внутренней и внешней политике вечевой республики. С 1270-х же годов можно твердо говорить о вассалитете корелы Новгороду. Для нас определяющим является высказанное еще Б. Д. Грековым положение о том, что в эпоху феодальной раздробленности «наша страна… в смысле стадиального развития в отдельных своих частях пестра», различные части страны не однородны *стадиально*[4]. В данных исторических условиях и разворачивались на территории корелы процессы огосударствления и зарождения на этой основе самоуправления.

Процесс огосударствления области проживания корелы занял XI−XIII вв. Примерно с XII в. можно говорить и о самоуправлении в Кореле. В самом деле, участие карелов в войнах на стороне Новгородского государства − как во внешних, так и во внутренних конфликтах − с необходимостью предполагало самоорганизацию древнекарельского общества, прежде всего в военно-мобилизационном плане. Поскольку власть государства, хотя бы опосредованно, через дань и участие корелы в военных предприятиях Новгорода, все же распространялась на Корелу, в руках ее старейшин *валитов* и военных предводителей *куннингасов* постепенно сосредоточивалась такая власть на местах, которая распространялась на всю терри-

---

[1] *Куза А. В.* Новгородская земля. С. 184.

[2] НПЛ. С. 89, 321. Список летописей с данным сообщением см.: ПИК. С. 34.

[3] *Лебедев Г. С.* Северо-Запад Новгородской земли: этапы и итоги развития к середине XIII века (по археологическим данным) // Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 108–113.

[4] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1944. С. 231.

торию Корелы[1]. Между тем население карельского Приладожья не отличалось однородностью. Археологи выявили ряд существенных локальных отличий племенных групп от района к району. Археологические материалы XII–XIV вв. доказывают, что эти различия еще долго сохранялись, постепенно, однако, сглаживаясь[2]. Иными словами, происходила консолидация карельского народа.

Косвенно об этом можно судить и по системе древнекарельских крепостных укреплений, тянувшихся вдоль северо-западного побережья Ладоги (но построенных не прямо на берегу, а в глубине берега на господствующих высотах) на расстоянии 30−40 км, т. е. конного дневного перехода друг от друга[3]. Сооружение продуманной системы крепостей-убежищ предполагает довольно высокую степень консолидированной самоорганизации общества, которая была бы невозможна без участия и руководства властей. Но источники за XII в. не отметили новгородских управленцев в Кореле. Видимо, в XII в. стационарных государственных центров Новгорода в Кореле и не было. Значит, созданием системы крепостной обороны руководили самоуправляющиеся структуры феодализировавшейся корелы[4]. Так, С. М. Титов, со ссылкой на мнение археолога А. Саксы о карельских вещах XIII в. в Тиверском городке, видит в этом укреплении первоначальное «родовое гнездо феодальной знати, частновладельческий замок» тиврольцев (тиврульцев) – одного из известных «пяти родов корельских детей» (карельских феодалов)[5].

Первичная инкорпорация области Корелы в Новгородское государство, пусть даже пока без центра управления и собственно новгородских властей, должна была как-то обозначаться административно в самом карельском Приладожье. Такое внятное и недву-

---

[1] *Жербин А. С., Шаскольский И. П.* Особенности развития феодализма в Карелии XI–XVI вв. // История СССР. 1982. № 4. С. 134; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001 [Делее − ИК]. С. 71–73.

[2] Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 325–326, 329.

[3] Там же. С. 317–323 (на с. 318 помещена карта-схема «Ареал памятников корелы XII−XV вв.»).

[4] О феодализировавшемся древнекарельском обществе см.: *Жербин А. С., Шаскольский И. П.* Особенности развития феодализма… С. 132–140.

[5] *Титов С. М.* Очерки военной истории древней корелы. Петрозаводск, 2007. С. 146.

смысленное обозначение сохранила первая же из известных его переписей – «Переписная окладная книга» Корельского уезда 1500 г. Согласно ей, область Корела делилась на две части: *Передняя Корела*, т. е. наиболее близкая к Новгороду половина карельского Приладожья, и *Задняя Корела* – северная половина, более отдаленная от Новгорода. Границей же между ними служила естественная географическая «межа» река Вуокса. После крещения карелов в 1227 г. на их землях появились низовые административные единицы *погосты*. Так вот, их границы не идут по Вуоксе, более того, центральный для Корельской земли Городенский погост попросту разделен рекой пополам, так что его южная часть относится к Передней Кореле, а северная – к Задней Кореле. Даже будущий центр новгородской власти в крае город Корела на ладожском устье Вуоксы делился рекой между этими половинами[1]. Следовательно, деление на Переднюю Корелу и Заднюю Корелу с границей по Вуоксе возникло раньше крещения карелов. Скорее всего, это первичное административное устройство области Корелы в составе только что рожденной вечевой республики состоялось около 1140-х гг., когда русские летописи начинают фиксировать участие карелов во внутри- и внешнеполитических делах Новгорода[2].

Первичная государственная инкорпорация Корелы по необходимости должна была опираться на местное самоуправление, сосредоточенное в руках изначально племенной знати карелов, которая, однако, быстро феодализировалась. Безусловно, в становлении самоуправления одну из главных ролей играл внешнеполитический фактор тяжелой военной обстановки в Карелии, на границе Новгорода со Швецией. Она постоянно заставляла карелов объединять усилия для отпора шведской экспансии. Шведская агрессия в Финляндию началась в 1140-х гг., в 1164 г. шведы вторглись в северную Россию. Но в 1187 г. карелы разгромили главный город самой Шве-

[1] Переписная окладная книга по Новугороду 7008 г. Вотьской пятины. Корела с уездом / сообщ. М. А. Оболенским // Временник имп. МОИДР. М., 1852. Кн. 12. Материалы [Далее − ПК 1500 г.].

[2] *Жуков А. Ю.* Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2008. Вып. 1. С. 7–19.

ции Сигтуну, а до этого, в 1178 г., – центр шведской власти в Финляндии Або. Ясно обозначилось военно-политическое противостояние Новгорода и Швеции[1]. Карелы приняли в нем самое активное участие на стороне Новгорода.

Одним из главных проявлений экспансии Швеции и Новгорода на земли Севера стала политика крещения. В то время крестовых походов действовал неписаный принцип: чья вера, того и власть. Иерархи римско-католической конфессии, к которой принадлежали шведы, прямо провозглашали богоугодность военного продвижения на восток для христианизации язычников. В Финляндии шведы приступили к крещению финских народностей сумь и емь. Новгород также понимал важность крещения в православие народов, живших по его границам. Уже в 1208 г. была крещена в православие часть эстонцев[2]. В 1227 г., сразу после опустошительного похода 1226 г. новгородского князя Ярослава Всеволодовича и новгородцев на емь, были крещены карелы. Очевидно, крещение было проведено на обратном пути следования войск из Еми в Новгород, т. е. при самой активной поддержке князя и его военной силы[3].

Крещение − главное для корелы событие первой трети XIII в. Его отметила Лаврентьевская летопись, теснейшим образом связанная с княжеской властью Северо-Восточной Руси. Там написано: «Князь Ярославъ Всеволодичь послав крести множство Корелъ, мало не все люди»[4]. Так крещение было оценено с общегосударственных позиций. Новгородские же по происхождению летописи о крещении карелов умолчали, поскольку оно было организовано князем Яросла-

---

[1] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII−XIII вв. Л., 1978. Подробное изложение автором военно-политического противостояния Новгорода и Швеции, в том числе сюжеты об участии в нем карелов, избавляет нас от слежения за всеми этими событиями XII–XIII вв., прямо не относящимися к избранной нами теме.

[2] *Хёш Э.* Восточная политика Немецкого Ордена в XIII веке // Александр Невский и его эпоха / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 70.

[3] *Kirkinen H.* Karjala idän kulttuuripiirissa. Bisantin ja Venäjän yhteykssiä karjalaan. Helsinki, 1963. S. 73–74.

[4] ПСРЛ. Т. I. Стб. 449.

вом Всеволодовичем. Он оказался ненавистен многим новгородцам, поднявшим против князя восстание[1].

Первый автор данной статьи под 6735 г. из Лаврентьевской летописи писал о крещении корелы по свежим следам. Для него князь был современником. Данное утверждение однозначно следует из начальных строк этой статьи. В ней о крещении сообщается сразу же за известием от 14 марта 1227 г. о поставлении Митрофана в епископы Суздалю, Владимиру и Переяславлю-Залесскому митрополитом Кириллом II Греком и о присутствии на этой церемонии великого князя Юрия II Всеволодовича с детьми. При этом ранний летописец (предшественник монаха Лаврентия) отметил: «*и мне, грешному ту быти и видети* [выделено мной. – *А. Ж.*] дивна и преславна и прославиша всемилостваго Бога и великаго князя Гюрга»[2]. Эти слова твердо доказывают, что статья под 6735 г. первоначально появилась под пером современника крещения карельского народа. Переписчику статьи монаху Лаврентию также не было резона умалять заслуги одного из предков современных уже ему князей Владимиро-Суздальской Руси.

Крещение корелы в православие служило целям религиозного приобщения неофитов сначала к церковной, а затем и к государственной и военной структуре вечевой республики более тесным, определенным образом. Несомненно, крещение сопровождалось постановкой церквей и новой, приходской организацией жителей. Можно с уверенностью говорить, что немногочисленные на первых порах церкви ставились только в самых населенных и главных центрах проживания различных групп корелы. Отсюда следует неизбежный вывод о том, что новое деление племенных территорий на *погосты* постепенно подменило собой старое, уже отживавшее разделение на мелкие племенные группы, а христианство как вероучение служило интегрирующим началом для консолидации недавних язычников в единый народ[3]. Этносоциальное объединение на осно-

---

[1] См., напр.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. М., 1998. С. 14–17, 251–252.

[2] ПСРЛ. Т. I. Стб. 449.

[3] *Жуков А. Ю.* Этносоциальные последствия христианизации Карелии (XIII–XVIII вв.) // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. конф., посвященной 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 53–59.

ве новой приходской структуры оказалось столь важным в глазах карелов явлением, что, по крайней мере, уже на рубеже XIV–XV вв. вызвало к жизни самоназвание *корела погоская*[1], т. е. те карелы, которые проживали в карельских погостах Приладожья.

И в целом можно констатировать, что этносоциальное самоопределение карелов, и военно-политическое противостояние на Севере, и феодальные тенденции в карельском обществе включали очень весомым компонентом христианизацию карелов. Все эти значимые процессы и явления в действительности проявлялись не обособленно, а как бы в сплаве друг с другом. Появление в XII–XIV вв. на исторической сцене карельского народа как целостной этнической общности, отличной по ряду характеристик от других прибалтийско-финских общностей, являлось прямым следствием христианизации. Православие с неизбежностью видоизменило уже имевшиеся этнические особенности язычников карелов, в условиях приграничного быта оно закрепило и усилило социально-политические и социально-экономические процессы, протекавшие как внутри самого карельского общества, так и в новгородском обществе в целом. Наконец, православное вероучение как бы санкционировало народный опыт проживания в опасном приграничье[2].

Действительно, одной из главных особенностей территории корелы являлся ее приграничный статус, а защита рубежей Новгородского государства возлагалась им и на карелов. С крещением карелы получили прямую религиозную санкцию для выполнения данной трудной задачи. Так, еще в 1038 г. митрополит Илларион Русин утверждал в *Слове о законе и благодати*, что крещение автоматически ведет к Спасению: «Да иже веруеть и крьститься, спасен будеть!». Но вскоре русская религиозная мысль пришла к выводу, что Спасение не может произойти без добрых дел. На это прямо акцентировал внимание уже *Изборник* 1078 г.: «Елико добрые детели имоущая, их в Небесное Царьство въводять…»[3]. А «доброе дело»

---

[1] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 72–73. Грамота на бересте № 248, 5–6 ярусы Неревского раскопа в Новгороде (1396–1422 гг.).

[2] *Жуков А. Ю.* Этносоциальные последствия… С. 56.

[3] Цит. по: *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 104.

и для Новгорода, и для приграничной корелы, безусловно, прежде всего заключалось в борьбе с экспансией католического Шведского королевства[1].

Но у «доброго дела» имелась еще одна сторона: православное вероисповедание постепенно ставило преграды к тесному общению карелов с зарубежьем. После Великой Схизмы 1054 г. православная и католическая части христианского мира резко разошлись не только в религиозном и политическом планах, но даже и на бытовом уровне. В тогдашних как западно-, так и в восточно-христианском обществах существовала резкая установка против связей с *иноверцами*. Но жизнь, конечно, требовала поддержания контактов с «неправо-верующими и нечисто живущими» католиками, и постепенно резкие суждения первых лет Раскола сглаживались. Уже в канонических *Ответах черноризцу Иакову* киевского митрополита Иоанна II Подрома (1080−1089 гг.) православным не возбранялось есть вместе с католиками (предусматривались очистительные молитвы для тех, кто знал, что ест с католиками), предписывалось обращать в православие католиков, запрещалось продавать православного иноверцу; купцы и путники, ходившие в латинские страны, не лишались причастия,

[1] Чтобы излишне не загружать текст основной части нашего исследования, перечислим тут основные победы карелов над шведскими и немецкими «божьими рыцарями», последовавшие после крещения и по середину XIII в.; походы эти совершались карелами вместе с военными силами Новгорода и новгородских князей или отдельно, но в координации с ними. Итак, уже в 1228 г. корела отдельно участвовала в отражении нападения еми на Ладогу (НПЛ. С. 65, 270–271); в 1241/42 г., вместе с новгородцами, ладожанами и ижорой и под водительством князя Александра Ярославича Невского карелы отбили у орденских немцев крепость Копорье (Там же. С. 78, 295); в 1253/54 г. новгородцы совершили ответный поход на орденские земли Эстонии («за Нарову»), «и Корела такоже много зла створиша волости их» (Там же. С. 80, 307); хотя летописи и не называют корелу участниками опустошительного рейда 1256/57 гг. великого князя Александра Ярославича в южную Финляндию (Там же. С. 81, 309), но папская булла 1257 г. возлагала именно на карелов главную ответственность за страшное разорение финских владений Швеции. Список летописей с данными сообщениями см.: ПИК. С. 30–32; подробнее о военно-политическом противостоянии Руси с крестоносцами в XIII в. см.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии… С. 120–226.

но допускались к нему только после «примирения с церковью» через очистительные молитвы[1].

Новгородцы не могли обходиться без тесных, прежде всего торговых связей с Западом. Множились и случаи перекрещивания. Новгородский епископ Нифонт (1129−1156 гг.) в ответах иеромонаху Антониева монастыря Кирику разработал целую методику крещения в православие, отличавшуюся для католика, мусульманина (булгара) и язычника (половца, чудина)[2]. Но в годы жесткого военного противостояния Новгорода и Швеции, например, стороны по-прежнему отказывались признавать друг друга христианами.

Такое неприятие являлось своего рода идеологическим обоснованием непримиримой военно-политической борьбы между ними. Так, шведская *Хроника Эрика* (1320-е гг.) последовательно называла православных, в том числе карелов, язычниками, а себя, шведов, – христианами[3]. Стойкое неприятие *чужой веры* держалось весь период Средних веков и даже захватило Новое время. Например, перед смертью жених Ксении Годуновой датский принц Ханс (умер в Москве в 1602 г.) заявил: «Наверное, Господу неугодно мое присутствие среди этих нехристей, и он забирает меня к себе, чтобы я не перешел в их поганую [читай: языческую. – *А. Ж.*] веру»[4]. А веком ранее цесарский посол Сигизмунд Герберштейн подметил на официальном приеме у великого князя Василия III Ивановича слева от трона таз с водой, два рукомойника и полотенце: «подавая руку послу римской веры, государь считает, что подает ее человеку оскверненному и нечистому, а потому, отпустив его, тотчас моет руки»[5].

---

[1] Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 6. Изд. 2-е. Стб. 1–20; *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. X−XI в. СПб., 1906. С. 211–225.

[2] «Вопрошания Кирика» см.: Русская историческая библиотека. Т. 6. Стб. 21–62.

[3] Русский перевод отрывков «Хроники Эрика» − о русско-шведских отношениях − см.: *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX−XIV вв. М., 1978. С. 105–127. Стихи 697−1701.

[4] *Кристенсен С. О.* Датско-русские связи в период 1602–1658 годов // Россия и Дания: 400 лет истории отношений. М., 1977. С. 34.

[5] *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Маленна и А. В. Назаренко; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич. Под ред. В. Л. Янина. М., 1988. С. 213.

На фоне такой обоюдной религиозной нетерпимости вплоть до бытового уровня и следует рассматривать крещение карелов.

Поскольку каноническим установлением любые контакты с католиками требовали очистительной церковной процедуры, то, очевидно, отслеживание связей карелов с *латинами* было возложено на священников новых карельских приходов. Через них, видимо, Новгород получал и добротные сведения о внутренней обстановке в самой области Кореле, и разведывательную информацию. По существу, после крещения карелов Новгородское государство приобрело надежный канал постоянного и бдительного контроля за их землей, настолько разветвленный, насколько это позволяла церковная структура приходов. Конечно, священники не являлись государственными властями Новгорода. Но они канонически подчинялись новгородской архиепископии Дому св. Софии и ее предстоятелю архиепископу-*владыке*. Владыка играл одну из ведущих ролей в политической жизни вечевой республики. В Кореле архиепископ, как влиятельнейший политик, через церковную структуру преследовал не только чисто религиозные, но и политические цели надежного удержания карельской паствы в орбите Новгорода.

Строительство и содержание церквей, а также священников с причтом ложилось на плечи прихожан. Таков был церковный уставной порядок. Кроме того, Новгородская земля отличалась развитым ктиторством, т. е. затратным строительством и содержанием церквей за счет богатых вкладчиков из числа мирян. Из Писцовой книги Корельского уезда 1500 г. узнаем, что еще в новгородское время у главной Воскресенской церкви г. Корелы имелась на правах вотчинной собственности деревня Соколова в Воскресенском Городенском погосте, церкви во имя Михаила Архангела Сакульского погоста принадлежала тут вотчинная деревня Пустошь, а Рождественской церкви Кирьяжского погоста – кирьяжская же деревня Рагола[1]. Очевидно, что вотчинная собственность появилась у церквей стараниями их ктиторов – карельской знати, собственников земель. При этом церкви становились центрами погостов, а погосты – новым низовым административно-территориальным делением в землях корелы. Поскольку внутренними делами прихода распоряжались прихожане во главе со старостами (видимо, ктиторами церквей), то одновременно

[1] ПК 1500 г. С. 33, 76, 143.

новая церковная структура развивала институты самоуправления в древнекарельском обществе.

Данная церковно-государственная структура не являлась чем-то застывшим. Она постоянно развивалась, вполне признавая право карельских крестьянских общин и собственников земель расширять свои территории вслед за общинным сельскохозяйственным освоением северных земель. Так, на западе Олонецкого погоста, т. е. в совсем другой административной области, граничившей с землей карелов, до 1478 г. появились деревни Салминской общины (из Салми). Писцы даже в 1563 г. подчеркивали, что хотя данные 33 деревни на Тулмозере и стоят на территории Олонецкого погоста, но принадлежат они Соломенскому погосту, соломенским крестьянам[1].

Пример интересен еще и тем, что тесно связывает общинное, волостное самоуправление с административным размежеванием на погосты. Оказывается, что к 1563 г. в тулмосозерской деревне с названием *У часовни* встала церковь во имя св. Николая[2]. По крайней мере, в XV в. все эти земли к западу и востоку от административной границы Соломенского и Олонецкого погостов, Корельской земли и Северного Обонежья принадлежали Дому св. Софии. Таким образом, в новгородское время выходцы из салминской общины основали в другом погосте волостку на Тулмозере, надо думать, с разрешения новгородского архиепископа, владельца этих пустовавших пока земель. Но возникшая новая община тут же постаралась заявить о себе как о самостоятельной общности, поставив у себя часовню. Часовня, часовенный приход, объединявший в себе общинников данной местности, являлись такими же элементами структуры погоста, как сама главная церковь погоста и все ее прихожане. Другими словами, новая церковная организация в области проживания корелы поддерживала, воспроизводила и развивала общинные институты крестьянского волостного самоуправления, и не только внутри каждого из приладожских карельских погостов, но даже и вне их пределов.

Количество погостов менялось со временем. Мы не знаем их точного числа сразу же после крещения карелов. Точно известно лишь

---

[1] Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г.; Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1. [Далее – ПК 1563 г.]. С. 71–73.

[2] ПК 1563 г. С. 73.

их количество и местоположение на последнюю четверть XV в. (приладожские погосты Корельского уезда) и к концу XVI в. (Лопские погосты Новгородского уезда). Все они, как таковые, и составляли «Корелскую землю всю, и с Лопью Лешею и с Дикою Лопью» в завещаниях XVI в. русских монархов[1]. В Приладожскую Карелию к 1500 г. входили 7 погостов (с севера на юг): Воскресенский Городенский (во главе с городом Корела), Михайловский Сакульский и Васильевский Ровдужский (в Передней Кореле); Заднюю Корелу составляли: на юге Богородицкий Кирьяжский, далее по берегу Ладожского озера на восток шли Никольский Сердовольский и Воскресенский Соломенский погосты, а на самом севере лежал Ильинский Иломанский погост[2].

Таким образом, крещение карелов привело к созданию внутри первично инкорпорированной в государственную территорию Новгорода области Корелы низового административного деления на традиционные для Новгородской земли погосты. Анализ местоположения и разграничения погостов между собой заставляет думать, что в административно-государственном строительстве Новгород опирался на уже имевшуюся систему расселения племенных групп прибалто-финнов, в том числе приграничных карелов.

Данное положение доказывают наблюдения за топонимами Приладожья с основой *пюхя*, переводимой на русский как *святой*. Но они не имеют никакого отношения к христианской святости. В древности у прибалто-финнов понятие *пюхя* означало табуированную границу, которую нельзя пересекать соседям. Например, такая практика разграничения по «святым межам» существовала у вепсов, восточных соседей карелов. И. И. Муллонен нашла, что именно так отграничивался, например, центральный вепсский Важинский погост на Свири от всех соседних вепсских погостов: Олонецкого, Пиркинского, Оштинского,

[1] Памятники русского права. В 8-ми вып. М., 1955. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. С. 269 (из «Завещания» Ивана III, 1505 г.); Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1. С. 384 (из «Завещания» Ивана IV, 1570-е гг.).

[2] ПК 1500 г. С. 1–188.

Остречинского и Шуйского[1]. Подобно этому, государственная новгородско-шведская граница 1323 г. на севере прошла именно по р. Пюхяйоки, отделявшей в Восточной Приботнии земли карелов и финнов. И точно так же внутри самой Корельской земли озера с названиями на *Пюхя-* размежевывали различные группы самого карельского народа.

В Передней Кореле Святозеро (Пюхяярви, ныне оз. Отрадное) отделяло центральный Городенский погост от Сакульского; на севере, в Задней Кореле, на другом Пюхяярви сходились земли Городенского, Кирьяжского, Сердовольского и Иломанского погостов; на востоке карельского Приладожья оз. Пюхяярви (севернее Ууксу) и озера Исо-Пюхяярви и Пиен-Пюхяярви около оз. Суоярви разграничивали Соломенский и Сердовольский погосты[2]. Сложившееся по табуированным «святым межам» размежевание различных групп прибалто-финнов, в том числе карелов, было заимствовано Новгородом в практике церковно-приходского устройства (деления) и последующего административно-территориального разграничения, поскольку территории районов-погостов практически совпадали с территориями приходов.

Поначалу, в XIII–XIV вв., состав карельских приладожских погостов был иным. Текст новгородско-шведского Ореховецкого мира 1323 г. отметил три западных карельских погоста Яскис, Эврепя и Саволакс, перешедших к Швеции[3]. Погосты эти простирались от Финского залива до средней Финляндии и граничили с землями финской еми. Несомненно, в условиях 1226–1227 гг. (война с емью) данные приграничные погосты должны были появиться в числе первых. На рубеже XIII–XIV вв. они были утрачены. Через столетие исчез и погост в Кюлолакше в Задней Кореле. Об этом можно судить из трех независимых источников.

Упоминавшаяся выше берестяная грамота № 248 (1396–1422 гг.) – жалоба *корилы погоской* «Господину Новугороду» на грабежи шведов

---

[1] *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 145–152.

[2] ПК 1500 г. С. 33–37, 51–53, 55, 57–58, 62–63, 67, 69–70, 109, 128–133, 143–156 и др.

[3] ГВНП. С. 67–68 (№ 38); ПИК. С. 42–43 (с уточнениями по латинскому тексту).

уточняет: «корила погоская Кюлолаская и Кюриеская»[1]. На первый взгляд, из нее можно заключить, что речь идет лишь о местах проживания этих групп карелов – в местностях Кюлолакша и Куркиёки (на Кирьяже) в Кирьяжском погосте, а не о двух разных погостах. Но нет. Имеется другое свидетельство о данном районе. В ряде летописей под 6904 (1396/1397) г. помещено сообщение о нападении шведского отряда на Корельскую землю, конкретно о том, что шведы «повоеваша 2 погоста: Кюрьескыи и Кюлоласкыи, и церковь сожгоша»[2]. Ясно, что в обоих источниках речь идет об одних и тех же местах (хотя и совсем необязательно, что об одном событии). Но в летописях Кюлолакша названа погостом, как и хорошо известный погост в Куркиёки-Кирьяже. Более того, говорится о какой-то сожженной церкви.

Прояснить ситуацию помогает Писцовая книга 1500 г. При описании Кирьяжского погоста с церковью Рождества Богородицы все деревни в Кюлолакше отмечены как поселения этого погоста; при этом у кюлолакшан нет никакой отдельной церкви[3]. Потеряв в 1396/97 г. церковь и не отстроив ее заново, кюлолакшане потеряли статус отдельного церковного прихода, а следовательно – и погоста. Поэтому в XV в. они влились в Богородицкий приход, а их деревни – в Кирьяжский погост.

Церковная организация погостов непосредственным образом поддерживала районное (погостское) самоуправление. Потеря какой-либо общиной статуса отдельного прихода вела к ее подчинению соседней общине, имевшей собственную церковь; при этом территория общины становилась частью объединенного погоста.

Итак, любая община могла рассчитывать на самоуправление только тогда, когда являлась церковным или хотя бы часовенным приходом. Кроме того, для Новгорода сожжение «какой-то» сельской церкви оказалось столь значимым событием, что оно отразилось в летописи. Ведь по этой причине государству пришлось изменить административно-территориальное деление Корельской

---

[1] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). С. 72.

[2] НПЛ. С. 387. Список других летописей с данным сообщением см.: ПИК. С. 52.

[3] ПК 1500 г. С. 120, 122–123.

земли. Церкви в районах-погостах оставались центрами не только церковной, но и государственной власти, пусть в последнем случае и негласной. Они же по праву являлись главными, основными центрами местного самоуправления в пределах каждого из районов.

Очевидно, именно поэтому при власти Новгорода в каждом из сельских погостов стояла только одна церковь. Появление в погосте другой церкви и, соответственно, прихода из жителей окружавших новую церковь деревень неизбежно привело бы к разделению старого погоста и созданию на его основе двух погостов. Может быть, именно таким способом появились первые карельские погосты к северу от приладожских земель корелы – в *Дикой Лопи*, непосредственно примыкавшей к землям Задней Корелы. Двигаясь по рекам из северо-западного Приладожья, карелы перешли океанский водораздел и стали осваивать эту обширную территорию средней и северной Карелии вплоть до Белого моря. Там тоже сложились семь погостов и две беломорские *волости*-погосты – так называемые Лопские погосты. Назовем их с юга на север: Никольский Линдозерский, Пречистинский Семчезерский, Спасский Селецкий, Никольский Паданский, Спасский Ругозерский, Ильинский Шуеозерский и Ильинский Панозерский, а также Никольская Шуерецкая и Успенская Кемская волости[1].

Округ Дикой Лопи складывался постепенно, по мере крестьянской колонизации этой северной окраины. Тщательным образом исследовавший карельские говоры языковед Д. В. Бубрих пришел к выводу, что первая волна крестьянской колонизации падала на XIV в. и охватывала в основном среднюю Карелию, непосредственным образом примыкавшую к погостам приладожской Карелии, − верховья р. Суны и до оз. Сегозера. Вторая волна началась позднее и поднялась севернее, к оз. Ондозеру и южному бассейну р. Кеми. Но даже в XVI в. процесс первичного заселения тут не был завершен[2]. *Дозор* Лопских

[1] История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. I. С. 179–185. Книга сбора данных и оброчных денег с тяглого населения Лопских погостов 1587/88 г.; С. 186–233. Дозорная книга Лопских погостов 1597 г.

[2] *Бубрих Д. В.* Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947. С. 37–39.

погостов 1597 г. запечатлел следы административного становления южных погостов Дикой Лопи в XIV–XV вв.

Как и в соседней Задней Кореле, их земли дробились на общины-перевары (подробнее о переварах скажем ниже): Линдозерский погост состоял из Линдозерской и Кучезерской перевар, а с Иломанским погостом граничили деревни Сунозерской перевары Селецкого погоста. Сам Селецкий погост-место, кроме церкви, имел «Ужный конец» и «Северный конец». И центр Семчезерского погоста также распадался на погост-место и «волостку в Ужном конце на Семче ж озере»[1]. Еще Б. Д. Греков писал, что организация деления на *концы* внутри Новгорода переносилась и на его сельские волости, там концом именовалась административная группа деревень, на концы распадалась и вся волость[2]. Предпринятое недавно комплексное исследование села Паданы и его округи показало, что в Средние века его бывший центр *Погост* находился как бы в концентрическом окружении отдельных деревень и дворов, являя собой древний гнездовой способ общинных патронимических поселений, характерный для Приладожья[3]. Следовательно, еще во времена Великого Новгорода в южной части Лопских погостов складывалась административно-территориальная структура, сходная со структурой Задней Корелы. Может быть, Линдозерский и Семчезерский погосты, незначительные по территории (что совершенно не характерно для остальных Лопских погостов и для погостов Задней Корелы в целом), первоначально входили в состав ближайшего к ним обширного Сердовольского погоста, а затем отпочковались от него, обзаведясь собственными церквами.

Северная половина будущих Лопских погостов, в отличие от южной, не носит столь явных новгородских следов. Вероятно, в XV в. они только начинали заселяться крестьянами. Тем не менее они уже обзавелись довольно оформленными границами. На западе они гра-

---

[1] История Карелии XVI–XVII вв. в документах… С. 189–192, 195–197, 220–222, 228–230, 231–232.

[2] *Греков Б. Д.* Новгородский Дом св. Софии. Ч. 1 // Избр. труды. М., 1960. Т. 4. С. 185.

[3] *Орфинский В. П., Гришина И. Е.* Некоторые закономерности формирования традиционных систем сельского расселения на территории Карелии // Народное зодчество: Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1998. С. 20; *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 118–123.

ничили с владениями Швеции в Каяни (Финляндия) и отделялись от нее *каянской межой* (или *рубежем каянских немець* Жалованной грамоты Кемской и Шуерецкой волостям 1530 г.); на севере имелась *кирицкая межа* (с Керетской волостью) по Сон-реке; на востоке шла административная граница с погостами Обонежской Карелии[1]. Как видим, процесс административно-территориального размежевания набирал силу даже в самой северной оконечности края. Как и на юге, основой для него становилось церковно-приходское устройство и, следовательно, приходское общинное самоуправление в погостах.

Успехи Новгорода в огосударствлении области проживания корелы вполне ясно обозначились уже в последней четверти XIII в. В 1270-х гг. она вошла в состав *всей волости новгородской*[2], но не безусловно, а на вполне компромиссных условиях вассалитета.

§ 2.2. Вассалитет Корельской земли

В последней четверти XIII − начале XIV в. на политико-административной карте Великого Новгорода появилось новое образование − ***Корельская земля***. Ее статус определялся тремя главными признаками: наличием у карелов собственного, быстро феодализировавшегося слоя *господ*; основанием города Корелы на положении *пригорода* столицы вечевой республики; распространением на приладожскую Карелию режима *кормления*, включенного в новгородскую общегосударственную систему наместничеств[3]. Одновременно все три признака дают доказательное обоснование для утверждения о том, что в Корельской земле наличествовало самоуправление, которое использовалось Великим Новгородом. В областях внутренней и внешней политики основная функция само-

[1] ГВНП. С. 295–298 (№ 297, 298, 301–303), 309 (№ 322); Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Т. I. С. 436–437 (Жалованная грамота Василия III Кемской и Шуерецкой волостям, 1530 г.).

[2] НПЛ. С. 89 (сообщение Старшего извода), 321 (сообщение Младшего извода); Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 197; Летопись по Воскресенскому списку [Далее – Воскресенская летопись] // ПСРЛ. М., 2001. Т. VII. С. 170; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 240.

[3] ИК. С. 89, 92–96.

управления сводилась к устойчивому поддержанию вассалитета Корельской земли боярскому государству.

Для доказательства выдвинутых положений прежде всего разберемся со значением выделенных курсивом терминов. Исследовавший вопрос о постепенном изменении в русских средневековых источниках термина *земля* А. А. Горский пришел к выводу, что для XII–XIII вв. землями называли удельные княжества, т. е. политически самостоятельные государственные образования. «Очевидно, – пишет автор,– термин, обозначавший суверенные государства, был перенесен на русские княжества по мере того, как они начинали рассматриваться современниками в качестве фактически независимых»[1]. Он приводит убедительные примеры из летописей о первых применениях данного термина в отношении Полоцкой земли (1128 г.), Черниговской земли (1132 г.), Суздальской земли (1148 г.), Ростовской земли (1169 г.)[2]. Конечно же, им вторят известия о Новгородской земле. В Новгородской первой летописи старшего извода уже под 6645 (1136/37) г., когда возникло самостоятельное Новгородское государство, сообщается: Святослав Ольгович «съвъкупи всю землю Новгородскую», пошел на Псков изгонять Всеволода[3]. Проанализировав источники, А. А. Горский утверждает, что княжества-земли появились на месте бывших *волостей* − составных частей Древнерусского государства конца X − начала XII в.[4]

Согласимся с данным выводом применительно к русским княжествам. Но встает вопрос, как быть с *землями*, которые возникли в пределах обширной Новгородской земли уже в XIII в. и в отношении которых не могло быть и речи ни о какой политической суверенности, равно как и об их удельной самостоятельности? Прежде всего мы имеем в виду Корельскую землю. Но в одном ряду с ней стоят земли Двинская, Водская и Ижорская. Относительно Псковской земли ряд исследователей выдвигают гипотезу о ее удельной

---

[1] *Горский А. А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 140.

[2] Там же. С. 145. Источником для автора служат древнейшие из сохранившихся Лаврентьевская летопись (ПСРЛ. Т. I. Стб. 299, 355) и Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Т. II. Стб. 311, 366).

[3] НПЛ. С. 25.

[4] *Горский А. А.* Указ. соч. С. 140.

самостоятельности и даже независимости относительно Великого Новгорода[1]. Очевидно, в Новгородской феодально-аристократической республике значение термина *земля* претерпело дальнейшее изменение. Присмотримся к данному процессу внимательнее.

Автор замечательного литературного произведения *Слово о погибели Русской земли* (середина XIII в.), перечислив пограничные с русскими княжествами народы, назвал и карелов: «…от немець до корелы, от корелы до Устьюга…»[2]. Появившийся примерно тогда же договор Новгорода с ганзейскими Готским берегом и Любеком (датировка в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова»: 1259–1263 гг., у Е. А. Рыбиной и др.: 1259−1260 гг.) слагал с новгородцев ответственность за безопасность ганзейских купцов на территории карелов[3]. А то, что такие прямые и самостоятельные торговые связи между Корелой и, например, Готландом существовали, доказывают слова буллы 1229 г. римского папы Григория IX, на время запретившей готландцам продавать коней, суда и продовольствие карелам и ижоре[4]. Совсем иная ситуация была характерна для середины XIV в.

Как раз тогда складывалась IV редакция *Скры*, регламентировавшей жизнь и торговлю ганзейского купечества в столице вечевой республики. Ее статья 97 отразила соглашение между Новгородом и Ганзой от 6 января 1342 г. о торговле воском. В частности, оно запретило новгородцам торговать воском с примесями, закупленным ими у карелов или «от низовых» (из Ростово-Суздальской земли)[5]. Статьи 95 и 96 Скры налагают большие штрафы на самих ганзейцев, уличенных в таких тайных (!) закупках[6]. Как видим, не-

---

[1] См., напр.: *Валеров А. В.* Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004.

[2] Памятники литературы Древней Руси: XIII в. / Общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1981. С. 131.

[3] ГВНП. С. 56–57 (№ 29). В. Л. Янин датирует договорную грамоту 1259−1263 гг. (по крайним годам заключения договора и его ратификации − см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 82–84). Подробный анализ договора см.: *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 110–114.

[4] *Шаскольсий И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии. С. 129; *Хёш Э.* Указ. соч. С. 67.

[5] IV Скра. Перевод И. Э. Клейненберга // *Рыбина Е. А.* Указ. соч. С. 356–357.

[6] Там же. С. 357–358.

подконтрольные Новгороду самостоятельные закупки воска у карелов были запрещены, лишь сами новгородцы могли торговать с Ганзой чистым воском, «каким Бог его дает, с собственной подсадой»[1].

Изменение порядка торговых связей с Западом отражает политико-государственные преобразования. В 1270-х гг. произошла смена типа государственного подчинения корелы: от союзническо-конфедеративных отношений к вассалитету Новгородской республике, с четко очерченными границами территории, по крайней мере, на ее южных и пограничных со Швецией западных рубежах. Сама область Корела к концу XIII в. получила наименование Корельская земля.

Внешнеполитические факторы, как и ранее, сыграли роль катализатора изменений. В 1268 г. новгородцы победили Орден в тяжелейшей Раковорской битве (Rakwerre, Эстония). На следующий год великий князь Ярослав Ярославич, приведя с собой низовские войска, отправился в новый поход на Колывань (Таллин), но Орден запросил мира, который и был заключен «на всей воле новгородской»[2]. Армия и великий князь остались без добычи. И тогда Ярослав решил идти походом на Корелу. Новгородцы насилу уговорили его возвратить полки назад[3]. И уже под следующим 1270/71 г. летописи **впервые** отметили Корелу, наравне со псковичами, ладожанами, Ижорой и Водью, в составе полной территории республики и ее военно-мобилизационной структуры. «И совокупися в Новъгород вся волость Новгородьская, пльсковичи, ладожане, Корела, Ижера, Вожане»: они восстали против вел. кн. Ярослава, изгнав его из города[4].

Термин *волость* в летописных сообщениях весьма примечателен. В Новгородской летописи старшего извода, например, он

---

[1] IV Скра. С. 358.

[2] См., напр.: Тверская летопись // ПСРЛ. Т. XV. Стб. 403; *Экземплярский А. В.* Указ. соч. С. 257–258.

[3] НПЛ. С. 88 (сообщение Старшего извода), 319 (сообщение Младшего извода); Софийская первая летопись. С. 195–196; Воскресенская летопись. С. 169.

[4] НПЛ. С. 89 (сообщение Старшего извода), 321 (сообщение Младшего извода); Софийская первая летопись. С. 197; Воскресенская летопись. С. 170; Новгородская четвертая летопись. С. 240.

встречается неоднократно, в большинстве своем в устойчивой фразе *вся волость Новгородская*, и применительно к событиям XIII в.[1] Для следующего XIV столетия уже более характерно определение *земля Новгородская*[2]. Подметивший данный факт А. А. Горский отмечает, что после сообщения под 6645 (1136/37) г. в новгородской летописи Новгородское государство не называется термином *земля*, летописец отдает предпочтение привычным терминам *волость* или *область*; только в XIV в. название *земля* вновь возвращается в строки источников; при этом автор дает вышеназванную ссылку на документы XIV в. из «Грамот Великого Новгорода и Пскова»[3].

Чтобы объяснить данное затруднение, думается, нам следует обратить внимание на характер выбранных источников и сообщений. Во-первых, летописные известия, отмечая «всю волость Новгородскую», имеют в виду государственную территорию республики, рассматриваемую как совокупность ее отдельных частей. Например, для сообщения под 1270/71 г. − это Псков, Ладога, Корела, Ижора, Водь, т. е. подвластные республиканским властям территории. Собственно, и в предыдущие столетия, уже с середины X в., *волость* (*власть*) понималась как подвластная определенному князю и – шире − государственной власти административная единица, часть территории страны[4]. Поэтому в обширной Новгородской республике волостями и стали называть ее составные

[1] НПЛ. С. 26, 37, 44, 56, 72, 77, 78, 80, 82, 89, 95.

[2] ГВНП. С. 16, 17, 19, 20–22, 29, 30, 33.

[3] *Горский А. А.* Указ. соч. С. 25 и ссылка 5.

[4] См., например, договор князя Киевского Игоря с Византией 945 г.: «да не имать волости князь Рускии» (о Корсунской *волости* Византии) (ПСРЛ. Т. I. Стб. 50; Т. II. Стб. 39); в мирном договоре Святослава Игоревича с императорами Василием и Константином 971 г. князь клянется не идти войной ни на саму Империю, ни на ближнюю к Руси ее часть «власть Корсуньскую», т. е. Крым (ПСРЛ. Т. I. Стб. 73; Т. II. Стб. 60–61). Собственно на Руси *волость* также рассматривалась как **подвластная** князю территория, одна из частей всего государства. Так, князь Олег Святославич получил от отца «волость» Деревскую землю, а воевода Свенельд, мстя за убитого Олегом на охоте сына, подбил великого князя Ярополка на убийство Олега: «поди на брать свои и прими волость его», т. е. Деревское княжение Олега (ПСРЛ. Т. I. Стб 74; Т. II. Стб. 62).

части − административные единицы. Новгород со «всей волостью Новгородской» являлись полной территорией государства[1].

Далее, эта устойчивая фраза с подробным перечислением территорий имеет явный военно-мобилизационный смысл. Ведь в указанных летописных сообщениях речь идет в основном о разного рода конфликтах республиканских властей и подчиненных им территорий (боярства и «волостей») с князем. А княжеская власть как институт являлась таким же атрибутом новгородской государственности, как и власть веча. Иное дело источники XIV в. − в основном договорные грамоты Великого Новгорода с князьями, регламентировавшие политические и налоговые отношения князя со всей *Новгородской землей*, т. е. с Новгородской республикой в целом, а не с ее отдельными частями. Поэтому на самом деле между источниками XIII−XIV вв. нет противоречия. Там, где употреблен термин *волость*, речь идет о конфликтах внутри Новгородского государства либо о военных походах. А там, где имеется в виду Новгород как государство в целом (прежде всего, в источниках договорно-юридического характера), употребляется термин *земля* − синоним понятия *государство*.

В 1270/71 же году речь шла о противодействии князю Новгорода и его волостей-вассалов, в том числе и впервые − Корелы. Мы с большой долей уверенности предполагаем, что в самом конце 1260-х гг. шли переговоры Новгорода со знатью карелов о признании последними полного вассалитета Новгородской земле, а значит, о твердом включении области Корелы в ее состав. Но переговоры – процесс длительный и деликатный. Нетерпеливый же и корыстный князь решил внести свою лепту грубым вооруженным вторжением. Новгород нуждался в карелах-союзниках, а не врагах, и бояре отговорили князя воевать. Необходимо указать и на мнение В. Л. Янина о событиях 1269 г., как раз тогда между Новгородом и «немецкими» городами велись переговоры о возобновлении торговых отношений. Чтобы получить наиболее выгодные для себя условия, Новгороду был необходим князь с войсками в самом городе, а не в отдалении от него (в походе на Корелу). Строго говоря, данная точка зрения не противоречит сказанному нами, оба эти политические соображе-

[1] См., напр.: *Волков В. А.* Очерки истории и археологии Великого Новгорода. М., 1994. С. 114–137 (С. 135–136. Таблица 6).

ния могли учитываться Новгородом одновременно[1]. В итоге Корела признала вассалитет, а в 1270/71 гг. со всеми новгородцами выступила против Ярослава.

До твердой власти над Корелой, однако, было еще далеко. Новгородские и вообще русские летописи ничего не пишут о походе, совершенном карелами и их временными союзниками финскими квенами на норвежскую область Халогаланд в 1271 г. Иначе говоря, Новгород и в целом Русь не имели к этому военному предприятию никакого отношения. Очевидно, оно было совершено карелами самостоятельно, без указки Новгорода. Но вот Исландские анналы сообщили: «1271. […] Тогда карелы и квены произвели большие опустошения в Халогаланде» (кодексы *Annales regii* и *Flatø-annaler*); «В год 1271 […] Тогда произвели карелы и курши [явная ошибка − прим. 28 публикатора] большие опустошения в Халогаланде» (кодекс *Oddveria Annall*); «1271. […] Карелы произвели опустошения в Халогаланде» (кодекс *Gottskalks Annaler*)[2].

То, что авторы четырех из десяти сохранившихся рукописных кодексов анналов нашли нужным сообщить о военном предприятии карелов на далеком севере Норвегии, говорит о достаточно серьезных масштабах и разрушительных последствиях похода 1271 г. Их комментатор И. П. Шаскольский подчеркивает, что военное выступление карелов произошло, видимо, из-за саамской дани, собираемой в соседнем Финнмарк (т. е. в Саамской марке) и Норвегией, и Новгородом, а частично − карелами; он приводит слова *Саги о конунге Хаконе, сыне Хакона,* о том, что генеральное соглашение Норвегии с Александром Невским и Новгородом 1251 г., которое как раз и регламентировало сбор дани с саами, «продержалось… недолго»[3].

Иллюстрацией этим словам саги служит и известие о следующем нападении карелов в 1279 г., уже прямо на норвежских сборщиков саамской дани. По сообщению Исландских анналов, оно случилось «на горе», очевидно, на хребте Кьёлен (Kjölr), отделявшем

---

[1] *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 84.

[2] Публикацию (в переводе на русский) части сведений Исландских аналов см.: *Шаскольский И. П.* Сведения об истории Руси X−XIV вв. в Исландских анналах / Подгот. и пер. публикации Т. Н. Джаксон // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1994. Т. XXV [Далее − ИА]. С. 236.

[3] ИА. С. 235–236 и сноска 26.

норвежские Финнмарк и Халогаланд от шведских саамских владений Лампарк: «Карелы схватили на горе Торбьёрна Скени, чиновника конунга Магнуса, и убили его тридцать пять человек» (кодекс *Henrik Høyers Annaler*, аналогично в *Annales regii* и *Flatø-annaler*)[1]. И вновь русские летописи не сообщают об этом инциденте, происшедшем около самой северной кольской окраины Новгородского государства. Очевидно, впрочем, что схватка случилась не по вине Новгорода. Зато под 1270-ми гг. многие летописи дважды пишут о военных походах самих новгородцев и их князей на карелов.

Первое из сообщений содержат только Псковские первая и третья летописи. Под 1272 г.: «В лето 6780… Тако же и великии князь Александр и Дмитреи сын его с своими бояры и с новгородци и с зятем своим с Домонтом и с его мужи с плесковичи побежаа страны поганыа Немець, Литву, Чудь, Корелу»[2]. Составители «Письменных известий о карелах» недоумевают, почему давно крещенные карелы попали в разряд язычников и врагов: «Возможно, речь идет об одной из групп корелы… враждебно настроенной к Новгороду»[3]. Но данное сообщение явно не конкретно, именно к 1272 г. оно навряд ли имеет отношение. Стоит остановиться на нем подробнее.

Статья помещена в начале обеих хроник, в текст панегирика св. Тимофею-Довмонту, знаменитому псковскому князю из рода литовских Гедиминовичей. По своему жанру это краткая литературно-летописная *воинская повесть*, написанная по своим твердо установленным канонам, в которых вооруженная борьба с язычниками – «погаными» являлась обязательной темой или хотя бы рефреном. В ней одной строкой перечислены князья из двух поколений − великий князь Александр Невский, его сын Дмитрий и ровестник последнего псковский Довмонт. В целом же данное предложение персонифицированно характеризует общую долговременную направленность внешней политики Руси с середины XIII в. На северо-западе страны она состояла в военном отстаивании суверенитета над своими землями в обострившейся борьбе с крестоносной агрессией Ордена и Швеции и в условиях ордынского владычества. А на войне эти князья имели

[1] ИА. С. 236 и сноски 29 и 30.

[2] Псковская первая летопись. М.; Л., 1941. С. 4; Псковская третья летопись // Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 87.

[3] ПИК. С. 34–35.

дело с каждым из перечисленных народов. Но заметим: отнюдь не каждый из князей с каждым народом − такую интерпретацию процитированный отрывок и не предусматривает.

Гораздо интереснее для нашей темы зачисление области проживания корелы в разряд *стран*, пусть даже и с помощью литературного клише «страны поганыа». Слово *страна* могло означать территорию государства. Так, в договоре 971 г. князь Святослав Игоревич клялся императору Византии Иоанну Цимисхию: «…николиже помышл[я] ю на страну вашю, ни збираю вои [людии] ни языка [ни] иного приведу на страну вашю»[1]. Поэтому у читателя может сложиться впечатление, что тогда область Корела являлась чуть ли не отдельным государством (особенно когда в тексте она находится в одной связке с «Немцами», т. е. с Немецким Орденом и с Литвой). Но под страной могла пониматься и «безгосударственная» территория. Например, в выражении «страны полуночные» это земли, примыкавшие к северной оконечности Руси. Так что в клише «страны поганыа» отмечены именно территории, безотносительно того, составляли ли они какое-нибудь государство, или входили в него как часть, или вообще не входили в какое-либо государство. Для литератора более важен эпитет *поганыа*, чтобы подчеркнуть христианскую (читай − православную) доблесть героев. Поэтому приведенный отрывок не может считаться доказательством какой-либо государственной суверенности Корелы. Для нас же непреложными являются два обстоятельства, действовавшие к 1270-м гг. Первое − это твердое знание норвежцами (*Сага о конунге Хаконе, сыне Хакона*) того факта, что к 1251 г. карелы были «обязаны данью конунгу Хольмгардов» (новгородскому князю)[2], и второе − это то, что к 1270−1271 гг. область проживания карелов вошла в состав «всей волости Новгородской», т. е. начинала твердо вливаться в военно-мобилизационную структуру вечевой республики. И совсем скоро о Кореле заговорили как о земле.

Статьи многих летописей под 1277/78 г.[3] помещают текст о том, что новгородский князь Дмитрий Александрович «с новго-

---

[1] ПСРЛ. Т. I. Стб. 73; Т. II. Стб. 60. В квадратных скобках даны разночтения текста Ипатьевской летописи с Лаврентьевской летописью.

[2] Сага рассмотрена: *Шаскольский И. П.* Договоры Новгорода с Норвегией. С. 58–60.

[3] Подробнее о датировке см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 288.

родци и со всею Низовьскою землею казни Корелу и вся землю их на щит» (Новгородская первая летопись)[1]. В Патриаршей (Никоновской) летописи пишется подробнее: «Тое же зимы князь велики Дмитрей Александровичь, внукъ Ярославль, правнук Всеволожь, съ Суздалцы и съ Новгородцы ходи ратью на Корелу, и плени всю землю ихъ, и со многимъ полономъ возвратишася въ свояси»[2].

Проанализируем оба текста и сначала скажем об общих для них сведениях. Против Корелы выступил и великий князь, и все новгородцы. В противном случае новгородский летописец, без пиетета относившийся к княжеской власти и без стеснения писавший о склоках и сварах внутри новгородской элиты и всех горожан (вплоть до открытого вооруженного противостояния), не забыл бы отметить расхождение позиций Новгорода и великого князя по поводу похода. О таком расхождении позиций, кстати, он сообщил применительно к сорвавшемуся из-за этого княжескому походу на корелу в 1269 г. Очевидно, что теперь, в 1277/78 г., уже весь правящий слой боярской республики был заинтересован в военной экспедиции, результатом которой стало признание феодализировавшейся верхушкой Корелы вассалитета Новгороду на более жестких условиях подчинения. Конечно, она теряла, в пользу Новгорода, свою относительную независимость в связях с западными соседями. Но главное, новгородские бояре получили властные права в Кореле, включая частно-феодальное право собственности на землю[3]. Впрочем, как увидим ниже, этим правом Новгород

[1] НПЛ. С. 323; вторят: Софийская первая летопись. С. 199; Воскресенская летопись. С. 173; Новгородская четвертая летопись. С. 243. В Рогожском летописце под 6785 мартовским (1277) годом: «Того же лета иде великии князь Дмитреи Александрович на Корелу и взятъ ю» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 33).

[2] Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью [Далее – Патриаршая (Никоновская) летопись] // ПСРЛ. М., 2000. Т. X. С. 155.

[3] С. И. Кочкуркина видит причинами похода 1277/78 г. пресечение Новгородом стремления карельской знати к «большей, чем определял Новгород, самостоятельности в сборе дани, торговле, контактах с западными соседями. Не исключено, что в самом Новгороде карелы приняли участие в борьбе за княжение в рядах противников Дмитрия, и он этого не простил» (Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 170; ПИК. С. 35).

пользовался осмотрительно, не нарушая таких же прав карельской знати.

Область проживания корелы названа *землей*. Но в первом, новгородском сообщении она по существу приравнена к Владимиро-Суздальской *Низовской Руси*, ибо последняя также названа землею. Иначе говоря, если подходить к анализу лишь формально, нам придется констатировать обособленный, государственно-удельный статус Корелы, что в корне неверно.

Разобраться нам помогут расхождения в текстах. Выражение «такой-то князь ходил ратью *со всею землею* на тех-то» означает поход князя силами отмобилизованных военных *из такой-то земли* − и не более того. Известие из Патриаршей летописи как раз и уточняет, что великий князь призвал на службу только суздальцев, не задействовав все мобилизационные ресурсы Низовской Руси, как можно понять из первого, новгородского текста. Так что на самом деле фраза «со всею Низовьскою землею» не может свидетельствовать о равных в качественном отношении статусах Корелы и Владимиро-Суздальской земли: в данной фразе говорится не о государственном статусе великого княжения, а просто об отмобилизованных с его территории военных силах. Реально, как видим, на этом этапе феодальной раздробленности во Владимиро-Суздальской земле великий князь мог распоряжаться только своей личной дружиной и суздальскими воями.

Далее сообщается о результатах похода. Правда, в новгородском тексте вместо *ходи* употреблено *казни*, но это не изменяет общий смысл. Новгородский летописец просто опустил «ходи», сразу сказав о главных достижениях военной экспедиции: непосредственном − *казни* и общем − *на щит всю землю*. т. е. князь твердо установил на ней государственную власть Новгорода. При этом вновь использован лапидарный стиль − не употреблен полностью устойчивый штамп «взял на щит» (опущен глагол). Зато Рогожский летописец указал «взятъ ю» (взял ее). В другом, позднем московском тексте Патриаршего летописца даются конкретные сведения о походе: «ходи ратью», «плени всю землю» и «со многимъ полономъ возвратишася».

Иными словами, все эти сообщения − описание войны с решающим результатом, а не военного набега со стычками. Мы говори-

ли уже о сохранявшейся значительной самостоятельности корелы в вопросах внешней политики. Кстати, нападение на Норвегию в 1271 г. вполне вписывается в рамки военного набега, а убийство норвежских данщиков в 1279 г. − пример военной стычки. Напомним, что в ней убитыми оказались 35 норвежцев, которые, надо думать, не отправились в далекую поездку без оружия и хорошо знали военное дело. Исландские анналы не сообщают о полном разгроме отряда данщика Торбьёрна Скени − только о его пленении и гибели части людей. Поэтому и количество нападавших должно исчисляться не десятками, а, как минимум, двумя-тремя сотнями воинов или даже более того[1].

Последний инцидент, ко всему прочему, косвенно указывает на «масштабы» опустошений, произведенных великим князем в Корале. Во всяком случае, и речи не могло быть о «тотальной зачистке» территории карелов, как то произошло всего лишь двадцать лет до этого в южной Финляндии, когда в 1256/57 г. Александр Невский с карелами настолько ее опустошил, что шведы вплоть до 1280-х гг. не помышляли нападать на Русь, с трудом восстанавливая разом утраченные позиции на юге Финляндии[2]. Теперь же, почти сразу после войны 1277/78 г. карелы предприняли лихой набег силами нескольких сотен хорошо вооруженных бойцов на далекую саамскую окраину Норвегии. Это означает, что, во-первых, военный, следовательно, и хозяйственный потенциал Корелы не был подорван, а во-вторых, встает вопрос о «многом полоне», о тех людях, которые его составляли. Полагаем, что очень многие из них вернулись домой, как только урегулировалась проблема административного статуса

[1] О соотношении участников боев и погибших узнаем в летописях о нападениях суздальцев на новгородских данщиков. Под 6676 (1167/68) г. Рогожский летописец писал: «ходи Даньславъ Лазоутинич[ъ] дани имати на Двину въ 500 мужии и приидоша на нь Суждальцевъ 1000 и 500 и бишася и оубиша Суждалцевъ 70 и приидоша здрави, вземши дань» (Рогожский летописец. Стб. 22). В 6679 (1170/71) г. вновь все повторилось в больших масштабах. Против пятисот новгородцев Даньслава Лазутича выступили 7300 суздальцев и рязанцев; в сражении у Белоозера погибли 50 новгородцев против 1300 их противников (Патриаршая (Никоновская) летопись. С. 241; Тверская летопись. Стб. 240).

[2] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии... С. 206–226.

Корелы в пределах Новгородского государства. Карелы согласились на новый тип вассалитета.

Обращает на себя внимание летописная фраза о взятии (пленении) «всей земли их». Кого именно? Под *ними* наше современное мышление с готовностью подставляет значение: народа, карелов. Но мы имеем дело со средневековым источником, написанным средневековым человеком. А для него выражение *земля их* вовсе не обязательно означала «земля такого-то народа». Для примера сошлемся на летописное известие о самом масштабном сражении в домонгольской Руси − битве на Липице 21 апреля 1216 г. Участвовали в нем тысячи воинов, в том числе и новгородцы как одни из самых многочисленных корпусов и, по описанию летописи, самый активный, внесший решающий вклад в победу пешей атакой на главную силу противника дружинную конницу. А пехота в средневековых битвах всегда несла наибольшие потери, особенно в сражениях с кавалерией. К своему удивлению узнаем, что среди новгородцев погибшими в сражении летопись числит всего 15 *мужей*. Почти сплошь − это знатные люди, как вырисовывается из различных источников[1]. Невероятно, чтобы реальные новгородские потери были столь низки. Остается предположить, что летописец под «мужами» понимал не всех новгородцев, а лишь их знатную верхушку, и только ее представителей перечислил среди погибших. С данных позиций феодального мышления летописца и рассмотрим вопрос о кореле и «земле их».

Земля в Средние века − понятие из политико-государственного лексикона. Под ней подразумевались прежде всего подвластная (государственная) территория и ее власти. Поэтому фраза «землю их» должна означать подвластную кореле территорию (раз речь идет о походе на корелу). Получается, что и *корела* для летописца − вовсе не весь народ, а его верхушка: те кто властвует над данной землей. Это ***их*** земля, а не кого-либо другого.

Политический статус термина *земля* как подвластной кому-то территории подтверждается и другим свидетельством − о самом начале новой вспышки военно-политического противостояния Новгорода и Швеции на Балтике. Эти наиболее близкие по времени к

[1] НПЛ. С. 56–57, 256–257. О прочих немногих погибших мы просто не имеем сведений.

походу 1277/78 г. события развернулись в 1282–1283 гг. После разгрома шведов на Неве в сентябре 1283 г. «ходиша молодци новгородскии съ воеводами с княжими на Емьскую землю, и воеваша придоша вси здравии»[1]. *Емьская земля* тут – вовсе не земля финской народности Емь или емской знати, а название подвластной Швеции административной области, неотъемлемой части Шведского королевства. В этом, кстати, и заключается главное отличие статусного термина *земля* в словосочетании «Емьская земля» (Швеции) и фразы «землю их», т. е. именно *знати* корелы, приведенной в твердую вассальную зависимость от Новгорода в результате большого похода во главе с великим князем.

Что же касается вассалитета Корельской земли Новгороду, то он ясно проявился уже в 1282–1283 гг. Летописи сообщают, что в 1282 г. шведы на судах пришли в Ладожское озеро и ограбили новгородских обонежских купцов. Ладожане дали сражение неприятелю на Неве, и он отступил[2]. Думается, эти события побудили Новгород немедленно отладить контроль за границей с территории корелы.

На наш взгляд, на это прямо указывает сообщение о Кореле под 6792 (1283) г.[3] Шведы во главе с «воеводой Трундой» вторглись по Неве в Ладожское озеро, «хотяще на Кореле дань взятии». Немедленно Новгород мобилизовал и новгородцев, и ладожан. Под командой посадника Смена (Семена Михайловича[4]) они разгромили шведов 9 сентября 1283 г. Из сообщения летописей видно, что сражение произошло на *устье* (в данном случае – в истоке) Невы,

---

[1] НПЛ. С. 325 (известие Младшего извода); Новгородская четвертая летопись. С. 246.

[2] См., напр.: НПЛ. С. 325.

[3] В новейшей капитальной коллективной монографии о прибалтийско-финских народах России С. И. Кочкуркина датирует сообщение летописи 9 сентября 1284 г., без ссылки на источник и основания для такой датировки (Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 169). В ранней же публикации (ПИК. С. 36) она справедливо помещает сообщение под 1283 г., при этом ссылаясь на Н. Г. Бережкова (*Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 289). Добавим к тому же, что Бережков дважды напоминает, что сообщений Новгородской первой летописи младшего извода под 6792 (1284/85) мартовским годом «в летописи нет (статья под 6792 г. излагает события 6791 мартовского года)» (Там же. С. 286, 289). Следовательно, дата 9 сентября 6791 г. падает на 1283 г. (6791 – 5508 = 1283).

[4] Посадник в 1280–1286 гг. (См.: *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 15, 17, 19, 20).

причем русские «дождавше, избиша их» − шведов[1]. Надо полагать, что прошло некоторое время, пока новгородцы и ладожане мобилизовались, шли на выручку карелам, устраивали место для засады (в истоке Невы под удар попадали все возвращавшиеся из Корелы корабли) и поджидали противника. В таком случае весть о приходе шведов в Корелу − не ранее конца весны 1283 г., когда Нева и Ладога освобождались ото льда − должна была прийти в столицу вечевой республики незамедлительно, что указывает на вполне отлаженный уже контроль за территорией корелы.

Более того, не только в военном плане, но и политически Новгород проявил себя разумно и дальновидно. На выручку карелам с ратью отправился посадник − глава республиканской вечевой власти. В его лице Новгород выступил как сильный и надежный сюзерен, который обязан выручать из беды своего вассала, − пример новых отношений по типу вассалитета.

Анализ источника − всегда трудный, спорный процесс. Возьмем, к примеру, устойчивое выражение *Северных грамот* XV в. (частноправовых актов сделок на земли и угодья в северной Карелии)[2] «*в Кореле (про)меж пяти родов корелских детей*». Ясно, что пять родов − это карельские феодалы, знать корелы, которая на правах собственников-господ эксплуатирует данные земли[3]. *Дети* в понятиях феодальной иерархии являлись феодалами более низкого по сравнению с высшей, боярской знатью ранга. Отсюда произошло понятие русской средневековой иерархии *дети боярские* (поначалу − действительно дети бояр и даже обедневших князей); выделяются они в основном с XIV в., занимая промежуточное положение между житьими и боярами, а с XVI в. становятся самой многочисленным источником для образования корпуса и сословия дворян[4]. Вот и карельская знать к

[1] НПЛ. С. 325 (известие Младшего извода); Новгородская четвертая летопись. С. 246.

[2] Впервые в полном объеме опубликованы Н. С. Чаевым: Северные грамоты XV в. / Сост. Н. С. Чаев // Летопись занятий археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л., 1929. Вып. 35 [Далее − СГ]. С. 135–164.

[3] ИК. С. 72–73.

[4] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 207–208. Первое упоминание о сыне боярском, однако, встречается в Ипа-

XIV–XV вв. превратилась в полноправных феодалов. Она признала Великого Новгорода своим сеньором, а себя – его прямыми вассалами-*детьми*.

С феодалами-карелами был связан последний новгородский победоносный поход. Он был совершен с территории Корельской земли в северную Финляндию в 1478 г. «Данная Каянской рати Соловецкому монастырю на колокол» 1478 г. прямо указывает, что войска ходили «за обиду детей корелских и на воины своея» и два их рода прямо участвовали в походе[1].

Как показал Л. В. Черепнин, в *Русской правде* (1015 г.) под *обидой* понимались общественные конфликты от уголовных преступлений до резких проявлений классовых противоречий[2]. Но с XIII–XIV вв. понятие смещается в сторону описания отношений между феодалами, вплоть до межгосударственного уровня. Теперь *обида* означала нарушение властных (государственных) прав и привилегий или, по крайней мере, ущемление феодальных частновладельческих интересов. «За обиду» князь вступал в войну. Так, в договоре великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом «О одиначестве» (о союзе и взаимной помощи) 1371 г. значилось: «Ажъ будетъ обида со князьими литовскими или съ тферьским княземъ с Михаиломъ, Новугороду всести на конь со мною со княземъ съ великимъ... с одног(о)»[3]. Исследователь внешнеполитических договоров XIV в. московских князей В. А. Кучкин пишет: «„Обида“ в данном контексте – нападение на Москву ее врагов»[4].

Сходным образом воспринимали обиду и участники похода 1478 г. Северная половина Финляндии, от реки Пюхяйоки (*Святой реки*, т. е. Пограничной реки), оставалась по условиям Ореховец-

тьевской летописи в статье под 6789 (1291) г. о войне западнорусских князей с польским королем Владиславом. Одним из *мужей* князя Владимира Васильковича, погибших в сражении, оказался «дворныи его слоуга любимы с[ы]нъ боярьскии Михаиловичь именемъ Рахъ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 886–887). Таким образом, уже в конце XIII в. статус сына боярского объединялся с должностью дворового слуги.

[1] СГ. С. 135; ГВНП. С. 311 (№ 327).

[2] *Черепнин Л. В.* Новгородские грамоты на бересте как исторический источник. М., 1969. С. 330.

[3] ГВНП. С. 31 (№ 16). Датировка В. А. Кучкина (*Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 109).

[4] *Кучкин В. А.* Указ. соч. С. 111.

кого мирного договора со Швецией за Новгородом. Там уже в XIII в. имелись карельские фактории с разрабатываемыми землями и промыслами, принадлежавшими карельской знати[1]. Финские колонисты, при прямой поддержке шведских властей и католической епархии в Турку, постепенно занимали эти земли, что и вызывало конфликтные ситуации[2]. И тогда Новгород шел «на воину свою», но защищал интересы не только собственные, но и вассалов – детей корельских.

Мы имеем уникальную возможность узнать, как именно карельская знать сама себя позиционировала − определяла собственный статус и по отношению к Новгороду, и к зависимому от нее населению, простым общинникам, попавшим в тиски частного феодального права. Вот отрывок из грамоты на бересте № 248, найденной в Новгороде на Неревском раскопе в боярской усадьбе Мишиничей (5 или 6 ярус, 1396−1422 гг.). Он представляет собой зов о помощи в Новгород, для пресечения шведского разбоя: «бьють челом корила погоская, Кюлолаская и Кюриеская Господину Новугороду. Приобижены есмь с нимицкой половине. Отцина наша и дидена… а у нас оу Вымолчовъ господ… пограбиле…»[3]. Итак, у себя на местах, для своих крестьян «приобиженные» Вымольцы − *господа*, а в отношении Великого Новгорода − своего *господина* − вассалы. Кстати, Вымольцы и Тиврольцы являлись «обиженными» участниками Каянской рати 1478 г., ходившей на р. Ийоки и район Оулу[4]. Так сведения двух не связанных друг с

[1] *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа (пер. с фин.). Петрозаводск, 1998. С. 35. Совсем недавно Х. Мантила подтвердил наличие заметного карельского следа в северных диалектах Кеми и Торнио финского языка, причем одна граница проходит по реке Кемийоки (северо-запад новгородско-шведской границы в Лапландии), другая делит диалекты Кеми и Торнио, что также находит подтверждение в административных границах и этапах продвижения финских колонистов в направлении Лапландии (*Mantila H.* Lapin rajat ja murrerajat // Virittäjä. Kotikielen seuran aikakauslehti 104. Vuosirerta. Helsinki. 2000. № 2. S. 188–202).

[2] *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* Указ. соч. С. 50, 52–53.

[3] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956−1957 гг.). С. 72–73. Прочтение *оу Вымолчовъ господъ* предложено специалистом по языку новгородских берестяных грамот и в целом по древненовгородскому диалекту А. А. Зализняком (*Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977−1983 г.). М., 1986. С. 197).

[4] СГ. С. 153.

другом источников приводят нас к выводу, что в лице Вымольцев мы имеем дело с *господами*-феодалами − и в Приладожье, и на севере Карелии.

Господин в Средние века − термин феодально-иерархических отношений, он означал полноправного феодала, который, в свою очередь, и над собой мог иметь господина. Достаточно вспомнить историю присоединения Великого Новгорода к державе великого князя Ивана III. Московский летописец зафиксировал долгожданное изменение статуса великого князя по отношению к Великому Новгороду, возникшее в результате мартовского 1477 г. посольства от архиепископа Феофила II и верхушки Новгорода в Москву: послы стали «бити челом и называти себе их государи… а наперед того, как и земля их стала, того не бывало: никоторого великого князя государем не называли, но господином»[1]. И затем, как только Новгород попытался выдвинуть *урок* − традиционные условия в московско-новгородских отношениях «сюзерен − вассал», он тут же получил отповедь, общий смысл которой сводился к следующему: государь не может находиться в договорных отношениях со своим холопом (раз сам Великий Новгород добровольно отказался от статуса вассала, признав великого князя государем)[2]. Как видим, отношения, скрывающиеся под термином *господин*, обязательно предполагают договорные отношения «сюзерен − вассал».

Карельская знать признавала Великий Новгород своим господином. Поэтому в цитированной грамоте на бересте № 248 *корила погоская* обращается за помощью сразу ко всему государству Великому Новгороду, а не к какому-либо из его управленцев. Именно с государством в целом карельская знать вступила в вассальные договорные отношения. Устойчивым основанием этому служила собственность детей корельских на *отцины и дидены* (вотчины) как в Приладожье, так и в Беломорской Карелии. Ведь данные вотчины

[1] ПСРЛ. Т. XXV. С. 309.

[2] См., например: *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 298; *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства… С. 867–868; *Алексеев Ю. Г.* Под знаменем Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 219–220; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 2003. С. 98.

являлись частной феодальной недвижимой собственностью, состоявшей из земель и угодий, унаследованных от отцов и дедов[1].

Писцовая (окладная) книга Корельского уезда 1500 г. сохранила имена феодалов и очертания вотчин и кормлений в Приладожской Карелии на 1470-е − начало 1480-х гг. Уже А. М. Гневушевым было подсчитано, что крупные светские землевладельцы – русские – на момент составления *старого письма* располагали на ее территории всего 185 обжами обрабатываемых земель, в то время как карельские *своеземцы*, т. е. собственно карельская знать, владели 488 обжами (из 4243 сельскохозяйственных обжей и луков на всей территории будущего Корельского уезда)[2]. Итак, в сегменте светского частновладельческого землевладения налицо подавляющее преобладание карельской знати над новгородской, в цифрах − в 2,64 раза или 72,5% против 27,5%, в долях – 3/4 против 1/4. Даже к концу независимости Новгорода его светские феодалы не господствовали в Кореле.

Отсутствие писцовых сведений по северу Карелии делает невозможным столь же точный подсчет местных владений. Но, к счастью, сохранился ценный источник: *Северные грамоты* XV в. − частноправовые акты о продажах, закладах, дарении угодий и промыслов знатью корелы и Новгорода другим лицам и монастырям на севере края. Проведем сравнительно-статистический ретроспективный анализ этих потерь, понесенных ими в XV в., особенно во второй его половине. Косвенным образом, ретроспективно он укажет на соотношение владений частных собственников между собой.

Сравним потери по двум параметрам. Первый − это категории собственников: корельские дети или частные лица. Последних, кстати, отнюдь не всегда можно идентифицировать с новгородцами, видимо, часть из них являлась карелами, просто в таких грамотах отсутствует традиционная фраза *(про)меж пяти родов корелских детей* или *меж* [такого-то] *рода*. Второй критерий − район нахождения собственности: Поморский берег (река Выг и побережье Белого моря к югу от ее устья); Карельский берег (Беломорская Ка-

[1] *Жербин А. С., Шаскольский И. П.* Особенности развития феодализма в Карелии... С. 136.

[2] *Гневушев А. М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. I. Ч. 1. С. 158–171, 171–178 и Приложение I В (сводные табличные данные).

релия, в том числе берег моря к северу от Выга и до Керетской волости); Поморский и Карельский берег вместе.

Всего мы учли 32 акта[1] – весьма репрезентативный материал для нашего анализа, учитывая незначительное количество источников за XV в. (по сравнению даже с документацией за XVI в.). Из них в 18 грамотах собственность уступают дети корельские, в 14 – частные лица. Северная Карелия, следовательно, являлась вотчинной собственностью знати и карельской, и новгородской. Имеются всего лишь пять актов на продажу корелой своих владений частным лицам: три владения находились на Поморском берегу на реке Выг (в двух покупателем стал посадник Афанасий Есифович, в одном – тысяцкий Дмитрий Васильевич)[2], одна вотчина – на Карельском[3], а одна – на Поморском и Карельском берегах[4]. Среди грамот две фиксируют сделки между *детьми корелскими*, вотчины их располагались сразу на Карельском и Поморском берегах[5]. Зато корела делала щедрые вклады в монастыри – 11 *данных грамот*: одна – в Вяжитскую обитель (вотчина на Поморском берегу)[6] и целых десять – в Соловецкую[7]. Соловки получили четыре владения на Карельском

[1] СГ. С. 135–150 (акты № 13–44). Далее в сносках ссылки на номера актов.

[2] СГ. № 13, 14, 14 (датируются 1419–20 гг.).

[3] СГ. № 16.

[4] СГ. № 43.

[5] СГ. № 21, 23.

[6] СГ. № 29.

[7] Вообще в последние десятилетия XV в. наблюдался всплеск дарений недвижимости и совершения вкладов ценностями в различные монастыри. Массовость таких вкладов в обители объяснима. Крушение новгородской государственности многими воспринималось как вообще «крушение мира». А как раз в то время очень многие чаяли Конец Света в 7000 г. Известно, что в России пользовались греческими пасхалиями (расчетами по годам празднования дня Пасхи и других церковных поминаний), которые были составлены до 7000-го года «от сотворения мира» (1491/92 г. от Рождества Христова). В связи с этим во всех слоях общества распространилось мистическое поверье, что в этом году наступит Конец света и начнется Страшный Суд, и пока не поздно, следует совершать богоугодные дела. Одним из таких благих дел, по убеждению современников, и являлось дарение вотчинниками своих земель монастырям на помин души. Поэтому понадобилось составить новый пасхальный цикл. Его автор архиепископ Великого Новгорода и Пскова Геннадий даже написал специальное предисловие к своей Пасхалии, укоряя невежд в суетности ожиданий конкретной даты, тогда как в самом Писании конкретная дата

берегу[1], и шесть располагались сразу на Карельском и Поморском берегах[2].

Из этого расклада вытекает, что карельская знать хорошо освоила почти все западнобеломорское побережье. Но в ситуации смены владельца предпочитала не продавать земли и промыслы на сторону, новгородцам, а дарить их монастырям (на помин души), причем в подавляющем большинстве − местной Соловецкой обители, а не далекой новгородской. При продаже же новгородцам в дело в основном шли угодья на Выге, а не на Карельском берегу. Также знать корелы редко торговала родовыми владениями между собой. Такова картина по вотчинам пяти родов знати корелы.

Документы на оставшиеся 14 сделок частных лиц рисуют немного отличную от описанной картину. Подавляющее большинство актов относится к вкладам и продаже недвижимой собственности в Соловецкий монастырь (12). Но при этом известные новгородские аристократы вкладывают земли и промыслы, расположенные в основном на Выге и Поморском берегу (5)[3]. Не идентифицируемые со знатью Новгорода лица продают обители вотчины на Кильбострове и Лотошкове острове (4 акта). Мы не можем с полной уверенностью писать о местонахождении этих владений. На Белом море на Карельском берегу в районе Кеми рядом располагаются два объекта: Латушка (часть г. Кеми) и напротив нее на южном берегу Кемской губы Кильбо-ручьи и болото Кильбомох. Если в купчих грамотах имелся в виду этот район, то придется признать, что вотчины располагались на Карельском берегу. Далее, в трех из четырех этих актов у продавцов «этноокрашенные» фамильные прозвания: Феликс Кононов сын Костиев[4], Семен Иванов Сулгопяев[5], его брат Максим[6].

отсутствует. (См.: *Геннадий*, архиепископ Великого Новгорода и Пскова. Предисловие к «Пасхалии на осьмую тысячу лет», 1492/93 г. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 29. Собрание рукописных книг А. В. Горского XVI–XIX вв. Оп. 1. Ед. хр. 40. Сборник сказаний, апокрифов, патериковых повестей и слов, гл. 46. Л. 55–62 об.)

[1] СГ. № 19, 24, 25, 40.

[2] СГ. №. 20, 22, 26, 31, 34, 42.

[3] СГ. № 18, 27, 28, 41.

[4] СГ. № 33.

[5] СГ. № 35.

[6] СГ. № 36.

Только продавцы из четвертой грамоты Борковы носят обычные русские имена и прозвища[1], родственно они связаны с Карпом, бывшем владельцем участка на р. Выг[2], и с каким-то поселением на Поморском берегу, судя по грамоте № 45[3] (один из свидетелей последней, кстати, Селифонт «Твердиславль» – знатный новгородец из числа «скотников и помужников Толвуйской земли»[4]). Видимо, продавцами в первых трех купчих выступали карелы, а в четвертой – новгородцы.

Еще один известный человек, старец Вяжитского монастыря Фатьян продал свои угодья на Выге своей обители[5]. Наконец, два акта представляют собой записи вкладов твердо не устанавливаемых лиц в Соловецкий монастырь, угодья эти расположены на Выге и на Карельском берегу[6]. Из несоловецких актов остаются два: купчая на двор в селении Шуерецком[7] и вторая – купчая на «участок Парандоев, куды володел Парандое» и подать белками с лопи (саами), все это было куплено у карела Бориса Калтоева[8].

В целом анализ второй части актов обнаруживает следующее: угодья, которые достаточно твердо идентифицируются с новгородцами, более всего тяготеют к Поморскому берегу (р. Выг, промысел в Золотце), а те угодья, продавцами и дарителями которых скорее всего являлись карелы, располагались и на Поморском, и на Карельском берегах Белого моря, что повторяет обрисованную выше картину вотчинных владений пяти родов.

Ранее, не проводя такого детального анализа *Северных грамот*, мы объяснили данное явление достаточно просто: Карельский берег между устьем Выга и Керетью принадлежал Корельской земле Великого Новгорода, здесь бояре оставили своим верным вассалам на севере достаточно широкий коридор для использования промы-

[1] СГ. № 37.
[2] СГ. № 18.
[3] СГ. С. 150.
[4] ГВНП. С. 147 (№ 90).
[5] СГ. № 17.
[6] СГ. № 32, 39.
[7] СГ. № 38.
[8] СГ. № 44.

словых богатств Белого моря. Что касается Поморского берега, то там ситуация складывалась иначе: высшая знать Новгорода быстро его освоила, создав тут крупные вотчины и административно объединив Выгозерье, р. Выг и Поморский берег в Выгозерский погост Северного Обонежья[1]. При этом уже тогда мы категорически не соглашались с утверждением Б. Н. Бернадского о «совершенной очевидности» господства крупных новгородских феодалов на всем протяжении западнобеломорского берега[2]. Нынешний сравнительно-статистический ретроспективный анализ лишь усиливает доказательность нашего несогласия.

Пять родов *корелских детей* все же являлись господствующей силой на севере Карелии. Только на Поморском берегу и на промысле в Золотце на Выге новгородская знать могла превалировать, но и тут делила собственность с корелой. Но карельские и русские вотчинники расставались со своей собственностью в основном уже в самом конце новгородской независимости, и особенно интенсивно − после 1478 г. Ранее этого времени местные и новгородские феодалы вполне благополучно владели своими вотчинами в Беломорской Карелии на основе феодального частновладельческого права. Все они являлись подлинными хозяевами природных богатств северного края, а значит, имели реальную власть над зависимым от них простыми людьми − и карелами, и русскими, и саами.

В целом же положение в Западном Беломорье, особенно на территории Корельской земли (Карельский берег и Беломорская Карелия), в XV в. принципиально не отличалось от состояния дел на юге края, в Приладожской Карелии. Иными словами, в отношении вассалов − карельских *господ* Великому Новгороду пришлось обуздать свой вотчинный аппетит. В частновладельческом сегменте экономики боярская республика, оказывается, проводила довольно продуманную, взвешенную и компромиссную политику уважения вотчинных интересов карельской знати.

---

[1] *Жуков А. Ю.* Карелия в системе межэтнических отношений Русского Севера в XV–XVI вв. // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 84; *Он же*. Северная Карелия в системе государственного управления России XV−XVI вв. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 8–9.

[2] *Бернадский Б. Н.* Указ. соч. С. 56.

С точки зрения государственного управления это означает, что Корельская земля в лице феодальной верхушки корелы обладала довольно широкими **правами самоуправления**, поскольку в феодальном обществе власть на местах сосредоточивалась в руках собственников местных вотчин. Думается, на складывание такого положения в большой мере повлияли события конца XIII − начала XIV в.

Корельская земля впервые названа так в летописном сообщении о начале новгородско-шведской войны 1293−1323 гг. О ее перипетиях, с разной степенью подробности, рассказывают и русские летописи, и шведская рифмованная Хроника Эрика[1], и Исландские анналы. Наиболее тщательно это военно-политическое противостояние изучил И. П. Шаскольский[2]. Поэтому мы не станем подробно освещать всю канву тех событий, но остановимся на важных и значимых для нашей темы сюжетах.

Вначале следует хотя бы кратко обрисовать внутри- и внешнеполитическую обстановку, которая складывалась вокруг тогдашней Руси и Новгорода. Надо сказать, что шведы выбрали удачное время для своих вторжений. Определяющими характеристиками для Руси конца XIII в. служили два военно-политических противостояния: борьба великого хана Орды Тохты с могущественным темником Ногаем и борьба за великое княжение на Руси между сыновьями Александра Невского. Старший из них Дмитрий, его младший брат московский князь Даниил с союзником тверским князем и их дядей Михаилом Ярославичем поддерживали Ногая, а новый великий князь и их средний брат Андрей Городенский − хана Тохту. В долгом противостоянии князь Андрей не раз приводил на Низовскую Русь ордынцев. Еще в 1285 г. «Дедюнева рать», которую сопровождал Андрей Александрович, выжгла здесь 14 городов, заставив Дмитрия бежать сначала в Новгород, затем во Псков. В 1293 г. следующая ордынская рать повторила предыдущий погром, разорив княжества противников Андрея и хана Тохты. В 1294 г. Тохта и возвел

[1] *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч. С. 105–127.

[2] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии: Конец XIII − начало XIV вв. Петрозаводск, 1987; *Он же*. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С. 36–63.

Андрея Александровича на престол великого княжения Владимирского. В борьбе с великим князем в 1296 г. Дмитрий предложил новгородцам в князья Даниила Московского, и новгородцы согласились. Они отлично понимали, что тем самым выступают против великокняжеских прерогатив Андрея на новгородское княжение. В ответ Андрей вновь привел ордынские войска, и Дмитрий уступил, отдав новгородский стол Андрею и признав себя вассалом Тохты. Затем в 1297−1299 гг. Тохта воевал с Ногаем. Война потребовала деятельного участия ростово-суздальских полков русских князей-вассалов в ордынских боевых порядках. В условиях разорения Северо-Восточной Руси, при «замятне в князьях» и отвлечении основных военных сил главных русских князей на *усобицу* и войну с Ногаем, Новгороду зачастую приходилось рассчитывать только на себя.

Под 6801 мартовским годом (события 1293/94 и начала 1294/95 гг.)[1] Новгородская первая летопись сообщает: «пришедше Свея, поставиша градъ на Корелской земле»[2]. Так возник город Выборг − крепость на острове напротив балтийского устья Вуоксы. Новгородцы с малочисленным подкреплением от князя Андрея Александровича не взяли крепость[3]. Выборг стал не просто опорным пунктом для сбора дани, но центром государственного управления новой провинцией Швеции, поскольку речь шла о включении части территории корелы в состав Шведского королевства. Кроме того, шведы ставили под угрозу свободную торговлю новгородцев с балтийскими городами. На это обстоятельство обратил внимание еще Н. М. Карамзин, ссылаясь на тогдашнюю жалованную грамоту правителя Швеции Любеку и другим балтийским торговым городам, в которой им обещалось покровительство и запрещалось их купцам везти в Новгород оружие и железо. При этом, оправдывая войну, грамота

[1] *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 290.

[2] НПЛ. С. 327. Сообщение повторяет Новгородская четвертая летопись (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 248) и Патриаршая (Никоновская) летопись под 6802 г. (ПСРЛ. Т. X. С. 170).

[3] НПЛ. С. 327 (под 6802 (1294/95) мартовским годом (см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 290).

всячески очерняла «язычников-карелов» (*Paganos Karelos*), которые «у живых вырезали внутренности»[1].

О той войне сообщают независимые друг от друга источники. Исландские *Gottskalks Annaler* под 1296 г. (ошибочно) пишут: «Господин Торгильс, дроттсетти короля свеев, завоевал 2 части Кирьялаланда и крестил»[2]. Выясняется, однако, что согласно Ореховецкому миру 1323 г., под контроль шведов попали три, а не два западных карельских погоста (Яскис, Эврепя и Саволакс)[3]. Очевидно, что поначалу шведам действительно достались только земли у Финского залива, а лежащая в отдалении область Саво попала под шведский контроль позднее. *Хроника Эрика* подтверждает завоевание «язычников», строительство крепости, крещение в католичество попавших под власть шведской короны карелов и заключает: «У русских стало, таким образом, меньше подвластной им земли»[4].

В 1295/96 г. шведы попытались занять все течение Вуоксы вплоть до Ладоги. На острове Кякисалми рядом с ладожским устьем реки была наскоро построена крепость. Но в том же году новгородцы ее отбили, уничтожив шведский гарнизон во главе с Сигге Лаке (воеводой Сигом)[5]. *Хроника Эрика* скорбит о гибели гарнизона «ради Господа и святой Веры», и констатирует общее значение поражения: «После того островом там владели русские и сильно укрепили его, и посадили там мудрых и храбрых мужей, чтобы христиане [т. е. шведы − *А. Ж.*] не приближались к этому месту»[6].

Шведы, однако, не сразу смирились с потерей возможностей устойчивого и полного контроля над Корельской землей. 30 мая 1300 г.

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1988. Кн. первая. Т. IV. Стб. 90; прим. 173 (стб. 65) − отрывок о карелах из латинского текста шведской грамоты.

[2] ИА. С. 327. В примечании 32 к данному тексту публикатор замечает, что Торгильс Кнутссон был марском (маршалом) Швеции, а не дроттсом; впрочем, тогда именно он являлся фактическим правителем в королевстве, но сам лично в походе не участвовал (см. подробнее: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. С. 66–68).

[3] ГВНП. С. 67–68 (№ 38); ПИК. С. 42−43 (с уточнениями по латинскому тексту).

[4] *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч. С. 112.

[5] См, напр.: НПЛ. С. 328; Новгородская четвертая летопись. С. 249. В ознаменовании своей победы в самом Новгороде новгородцы поставили на каменных воротах церковь Воскресения Христова (НПЛ. С. 328).

[6] *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч. С. 112.

они вновь вышли в море в поход на Русь. На этот раз шведы закрепились на реке Охте около места ее впадения в Неву, построив крепость Ландскрону. Чтобы обезопасить себя от внезапного удара новгородцев и карелов, они выслали передовой отряд в Ладожское озеро, а затем напали на внутренние приладожские земли корелы. Надо думать, тем самым они связали руки карелам − отчаянным противникам постройки Ландскроны[1]. Последнее утверждение доказывается стихами из той же *Хроники Эрика* − о гибели крепости.

«Русские тогда снова собрались, и *карелы* [здесь и далее выделено мной. − *А. Ж.*] и язычники, потому что крепость та была так поставлена, что жителям того края ничего другого не оставалось, как *подчиниться или бежать*, если они хотели остаться в живых»[2]. Но русские летописи молчат об участии корелы в походе 1301 г. великого князя Андрея Александровича «с полкы низовьскыми» и новгородцами на «Венец земли» и разрушении крепости[3]. Почему летописцы, довольно подробно сообщая о победном походе великого князя, не отметили карелов среди участников похода? Скорее всего, потому, что они скрывались под общим названием *новгородцы*.

Среди участников похода, кстати, нет и ладожан, что также удивительно. Шведскому автору «Хроники» простительно не различать ростовцев и суздальцев, собственно новгородцев и ладожан, он выделил только русских и карелов. Но русские летописи, почти всегда подробно перечислявшие новгородские военные силы по землям и городам, казалось бы, могли описать состав войска более подробно. Видимо, дело заключалось в характере похода − общегосударственном. Великий князь в своем лице смог объединить не только Низовскую Русь, но и всю Новгородскую землю, частью которой уже

---

[1] *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч. С. 115. Видимо, крепость Ландскрона (по-русски *Венец земли*) была названа так из-за особого взгляда средневекового человека, в том числе и шведов, на географию мира. «Верхом» тогда считался восток, где восходит солнце. Даже географические карты ориентировались по верхнему срезу не на север, как теперь, а на восток. Для шведов Ландскрона − действительно самый восточный, т. е. «верхний» край их владений.

[2] *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч. С. 117–118.

[3] Сообщение о походе и взятии Ландскроны см., напр.: НПЛ. С. 91, 331; Новгородская четвертая летопись. С. 251. Список других летописей с данным сообщением приведен: ПИК. С. 38.

стала Корела. В таком случае, летопись подчеркивает, что под властью великого князя Андрея Александровича объединились военные и Владимиро-Суздальской Руси, и всей Новгородской земли, в том числе и карелы.

Другой большой поход против шведов состоялся в 1311 г. Поход «на Немецькую землю за море на Емь» провели не великий князь Михаил Ярославич, а новгородцы с князем Дмитрием Романовичем, видимо, наместником великого князя[1]. Корела вновь не упомянута, но навряд ли такая большая военная экспедиция на соседние с карелами финские земли шведского врага могла обойтись без участия северных вассалов Новгорода. Скорее всего, тут *новгородцы* − знать и военные со многих мест Новгородской земли, а не только из собственно Новгорода. Тем более что Новгород перед началом похода постарался укрепить свои тылы в приграничной со Швецией Корельской земле, построив в 1310/11 г. на месте обветшалых укреплений в Кякисалми конца XIII в. новый **город Корелу**[2].

С конца XIII в. летописи упорно отказываются перечислять составлявшие общее новгородское войско отряды самого Новгорода, его земель и городов, когда речь шла об общегосударственных и общеновгородских больших военных походах, например, против Швеции. Вот и второй поход в Финляндию (1318 г.), закончившийся разгромом Людерева города (г. Або – Турку) и замка-резиденции финляндского епископа, описан в новгородской летописи как поход *новгородцев*: «Ходиша новгородцы воиною за море…»[3].

Участники войны называются по их государственной принадлежности к Новгородской земле. Ранее же доминировало описание по *волостной структуре* − городской и этнической (как мы видели на примере сообщения под 1270/71 г.). Интересно, что та же структура отмечается под 1316/17 г. − и вновь при описании конфликта Новгорода со своим князем, на этот раз с Михаилом Ярославичем. Новгородцы выгнали михайловых наместников из своей земли, князь пошел на Новгород «со всею Низовьскою землею; а новгородци учиниша острог около [т. е. вокруг. − *А. Ж.*] города по обе сто-

[1] НПЛ. С. 93, 333–334; о князе и его походе с новгородцами см.: *Экземплярский А. В.* Указ. соч. С. 263.

[2] НПЛ. С. 92–93, 333.

[3] НПЛ. С. 337.

роне: и соидеся вся волость новгородская: пльсковичи, ладожане, рушане, Корела, Ижера, Вожане»[1]. Как видим, это вовсе не тот случай, когда описывается общегосударственный поход. Тут речь идет именно о конфликте внутри Новгородского государства, между его республиканской магистратурой и великим князем. И как описание *усобицы*, здесь вполне уместно членение сторон по их военным силам. Для общегосударственных же дел, повторим, использовался термин государственной принадлежности − *новгородцы*.

Точно так же воспринимали новгородцев (подданных Новгородского государства) Исландские анналы − как *русов*. Любопытно сравнить заметки анналов о военных действиях на севере в самом начале XIV в. и в последующем. Под 1302 г. (через год после разрушения Ландскроны) кодексы *Annales vetustissimi*, *Henrik Høyers Annaler* и *Flatø-annaler* отмечают: «Нападение карел с севера на Норвегию. И господин конунг Хакон послал против них Эгмунда Ундаганца с большим войском»[2]. В следующем 1303 г. «Господин Эгмунд Ундаганц воевал с карелами при поддержке конунга Хакона» (*Skálholts-Annaler*)[3]. Видимо, пишет публикатор отрывков Исландских анналов И. П. Шаскольский, набеги карелов за саамской данью приняли значительные масштабы, и норвежцы безуспешно боролись с ними[4]. Запись во *Flatø-annaler* за 1310 г. подтверждает это: «Конунг Хакон послал Гицура Галли в Финнмарк за данью, которая не собиралась за много лет. Вместе с ним отправился Вальтир, брат Претта-Пальса»[5]. В примечании к данной статье И. П. Шаскольский допускает, что в набегах на Халогаланд «стали участвовать и русские (новгородцы) вместе с неупоминаемыми здесь карелами»[6].

С нашей точки зрения, о *русских* как именно новгородских подданных, включая карелов, можно говорить только из последующих сообщений анналов. Как раз в середине 1310-х гг. Норвегия

---

[1] См., напр.: НПЛ. С. 95, 337. В ПИК дан список летописей с этим сообщением (ПИК. С. 41).

[2] ИА. С. 237.

[3] Там же.

[4] ИА. С. 237. Прим. 34, 35.

[5] ИА. С. 237.

[6] ИА. С. 237. Прим. 36.

вступила в унию со Швецией, и поэтому Новгородское государство тут же встало на путь временного, но ожесточенного военного соперничества с Норвегией как части Шведской короны. В 1316 г., сообщает *Flatø-annaler*, «русами убито в Халогаланде много людей»[1], а в кодексе *Gottskalks Annaler* под 1323 г. (последним годом войны со Швецией) помещена запись: «Русы ходили войной на север, на Халогаланд, и сожгли Бьаркей господина Эрлинга, сына Видкуна»[2].

Трудно допустить, что новгородцы действовали на малоизвестном им северном театре военных действий в одиночку, без сильной поддержки карелов, отлично знавших норвежские места и успешно воевавших тогда с норвежцами. Новгородская четвертая летопись, кстати, сообщает только об одном походе новгородцев на норвежцев, да и то не слишком удачном: «А Лоука ходи на моурманы, и немци избиша оушку[и] Игната Молыгина» (1320 г.)[3]. Видимо, морской набег ушкуйники совершили с берегов Белого моря (с Двины?). И наоборот, трудно допустить, что в новгородско-норвежском мирном договоре от 3 июня 1326 г. под «новгородцами, всем и каждым» имелись в виду исключительно жители Новгорода[4]. Договор просто не мог не иметь в виду и карелов. Иначе непонятны слова о взаимном прощении всех *обид*, причиненных как новгородцами норвежцам, так и наоборот, о взаимном запрете новгородцам и норвежцам переходить общий рубеж[5]. Очевидно, что когда к 1320-м гг. Корельская земля окончательно стала административной единицей Новгородской земли, документы твердо включали карелов в государственную общность новгородцев, а карельская знать превратилась в полноправных господ-феодалов.

Подтверждением сказанному служат строки Ореховецкого мира от 12 августа 1323 г.[6] Этот договор был заключен послами Швеции с одной стороны и послами великого князя Юрия Даниловича и все-

---

[1] ИА. С. 237.

[2] Там же.

[3] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 258.

[4] ГВНП. С. 69–70 (№ 39).

[5] ГВНП. С. 70.

[6] ГВНП. С. 67–68 (№ 38); ПИК. С. 42–43.; *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 88–89.

го Новгорода с другой[1]. Незадолго до этого мира 25 февраля 1323 г. новгородцы заключили союзный договор с Ливонским Орденом[2], поэтому и смогли сконцентрировать все силы для демонстрации их перед шведами с целью получения более выгодных для себя условий. Например, в том же 1323 г. Новгород с карелами успешно воевал в Норвегии, что гарантировало ему северную границу.

Вследствие этого мы не можем согласиться с гипотезой Я. Галлена и Дж. Линда, поддержанной в последнее время С. И. Кочкуркиной, о том, что на севере граница как бы раздваивалась: одна шла к северной оконечности Ботнического залива, а другая − прямо к Кандалакшской губе Белого моря, так что вся Лапландия попадала в совместное владение Новгородского государства и Норвегии (в унии со Швецией)[3]. Проанализировав текст русско-норвежской *Разграничительной грамоты* 1252 г., мы нашли, что речь там идет о самой северной оконечности саамских земель, восточная граница которых проходила по р. Коле (район Кьёль). Ныне в этих пределах располагаются норвежская фюльке Финнмарк, северная половина финской губернии Лаппи, а также запад Мурманской области между государственной границей и реками Туломой и Колой[4]. По другому

---

[1] Строго говоря, к моменту заключения Ореховецкого мира Юрий Данилович Калита уже не являлся великим князем. В 1322 г. ярлык на великое княжение получил Дмитрий Михайлович Тверской, ему даже удалось пленить князя Юрия в Урдоме вместе со всей его казной. Юрий бежал из Урдомы во Псков. Новгородцы, вновь воспротивившись принимаемым не ими политическим решениям, пригласили Юрия к себе в князья по крестному целованию, т. е. de facto по-прежнему признавая его великим князем. Уже из Новгорода летом − осенью 1322 г. Юрий с новгородцами ходил в поход на Выборг, а в следующем 1323 г. князь и новгородцы заложили на Ореховецком острове в истоке Невы крепость Орешек. Именно здесь «за три дни передь Успением Святыя Богородиця» и был заключен Ореховецкий мир. Подробнее см., напр.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода в Балтийское море. С. 87–98.

[2] ГВНП. С. 65–67 (№ 37); *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 87.

[3] Прибалтийско-финские народы… С. 171–172.

[4] *Жуков А. Ю.* Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропологический форум. СПб., 2004. № 1. Современные тенденции в антропологических исследованиях. С. 309–311; *Aleksei Zhukov*. The Saami, 1200–1700 (Source Materials and Commentary) / Translated by Catriona Kelly // Forum for Anthropology and Culture. SPb., 2004. № 1. Cultural Anthropology: The State of the Field. P. 318–320.

толкованию географических названий, под Кьёль мог пониматься и хребет Кьёлен (Kjölr), отделявший норвежские Финнмарк и Халогаланд от шведских саамских владений Лампарк[1].

В любом случае, с нашей точки зрения, совершенно безосновательно толкование фразы *nor i haffuit* («на севере, в море») из шведского искаженного перевода латинского текста Ореховецкого мира как указание на Кандалакшскую губу Белого моря[2]. А о фальсификации в начале XVI в. шведами в свою пользу текста Ореховецкого мира с помощью искаженного перевода на шведский писал, например, финский исследователь Х. Киркинен[3].

Необходимо также учесть, что всего лишь через три года после Ореховецкого мира, в 1326 г., Новгород заключил отдельный мир с Норвегией (частью Шведского королевства!), в котором вновь в качестве границы четко узаконена *старая граница* (а не «древняя граница», как в некоторых переводах)[4]. «Старым» же могло быть только пограничное разграничение 1251–1252 гг., с компромиссным решением по совместному сбору налогов в области от Финнмарка и Люнгена (Люнгестув, Норвегия) на западе и до р. Колы (*Кьёль*) на востоке, или же до хребта Кьёлен. Правда, в последнем случае непонятна фраза о море в шведском переводе договора. Очевидно, окончание границы «на севере, в море» следует понимать как пункт на кольском побережье Баренцева моря, так как по новгородско-норвежскому разграничению середины XIII в. общие приграничные земли Новгорода и Норвегии действительно выходили к Баренцеву морю.

И все же в центре Ореховецкого договора находилась судьба Корельской земли. Во-первых, договор узаконил шведский захват трех западных карельских погостов *Севилакшю, Яскы, Огребу*. Он провел линию границы, которая теперь разделила прибалтийскую и приладожскую части Корельской земли, а на севере − отграничила ее от

---

[1] Эту гипотезу выдвинул И. П. Шаскольский (см.: ИА. С. 236. Прим. 29).

[2] Прибалтийско-финские народы… С. 172.

[3] *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. С. 92, 94.

[4] ГВНП. № 39; *Шаскольский И. П.* Русско-норвежский договор 1326 г. // Скандинавский сборник. Таллин, 1970. Вып. 15. С. 63–71; *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 89–90.

шведской Финляндии (по реке Пюхяйоки)[1]. Впрочем, «наших погостов Новгородских воды и земли», которые оставались на шведской стороне, должны оставаться у прежних владельцев. Более того, «земле и воды у новгородскои Корелы не купити Свеям и выборяном»[2]. Мир запретил ставить новые города по границам Корельской земли − ни шведам, ни Новгороду. Таким образом, договор подтверждает, что в центре военно-политического противостояния Швеции и Новгорода в конце XIII − начале XIV в. находилась Корельская земля, ее государственная принадлежность. Вернее, она встала в центре данной главной проблемы после 1300 г., когда великому князю и Новгороду удалось военной силой отстоять устье Невы.

Остальные пункты договора о торговых и политических вопросах касались не столько (не только) Корелы, сколько русско(новгородско)-шведских отношений в целом: о неприкосновенности купцов, идущих в Новгород по морю и Неве, о взаимной выдаче бежавших в соседнюю сторону преступников, обязательство шведов не поддерживать Ливонский Орден в случае его конфликта с Новгородом («занаровце… не пособляти»). Если в будущем случится *обидное*, т. е. нарушение в каком-либо из этих пунктов, то решать ее «по Божии правде», не отказываясь от этого докончания. Наконец, договор объявлял состояние мира: «а Новугороду мир и пригородом всем и всеи волости Ноугородскои, тако же и всеи земле Свеискои»[3].

Фраза *пригородом всем и всеи волости* вновь напрямую касается проблемы самоуправления в Корельской земле. Казалось бы, в договоре достаточно указать контрагента «земли Свейской» − всю Новгородскую землю, а не членить ее на сам Новгород, его пригороды и «всю волость». Но дело в том, что не только Новгород, но и новгородские пригороды, да и «волость» (как мы видели ранее) являлись самоуправляющимися образованиями. В городах, например, собирались веча. Иное дело, что только вече Новгорода имело статус государственного

---

[1] См., напр.: *Киркинен Х.* История Карелии с древнейших времен до Ништадтского мира // *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* Указ. соч. С. 32–35.

[2] И. П. Шаскольский считал, что на шведской стороне Корельской земли к 1323 г. в руках карельской знати оставалась лишь доля (от 1/6 до 1/2) от всех их бывших к концу XIII в. угодий на правах частнофеодальной собственности (*Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода… С. 119).

[3] ГВНП. С. 67−68 (№ 38); ПИК. С. 42–43.

органа для всей республики. Но и веча пригородов также являлись властными органами, пусть и на правах только самоуправления; их делегаты могли принимать участие в столичном вече[1]. В общеполитическом плане, в идеале, роль веча пригорода сводилась к одобрению решений столичного (*старейшего*) веча[2]. Отсюда и пассаж из Лаврентьевской летописи: «Новгородци бо изначала и Смолияне и Кыяне [и Полочане] и вся власти [т. е. все их *волости. – А. Ж.*] яко на дому на веча сходятся: на что же стареишии сдумають, на томъ же пригороди станутъ»[3].

Поэтому Ореховецкий мир как строго юридический документ справедливо перечислил властные центры Новгородской земли, которые прекращали состояние войны со Швецией: и сам Новгород, и его пригороды, и «все волости». Аналогичную по смыслу клаузулу содержит и новгородско-норвежский договор о мире: «И каков новгородцы заключили мир с норвежцами, в том же мире быть и заволочанам»[4]. Заволочье – такая же область Великого Новгорода, как, например, Корельская земля. Одним из таких центров, без сомнения, являлся и главный город Корельской земли Корела – одновременно *пригород* столицы вечевой республики.

На пригороды как административные центры вассальных, связанных присягой областей прямо указывает описание важнейшего

---

[1] *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 166; Представительная власть в России: История и современность. М., 2004. С. 23–24.

[2] Лишь Псков со временем был признан Великим Новгородом *младшим братом* себе. Впервые, кажется, маркирует данное преобразование дипломатический договор, заключенный в 1371 г. в ливонском городе Нейгаузе («Новом городке») между Новгородом и Псковом с одной стороны и Орденом – с другой. В. Л. Янин специально подчеркивает, что хотя в сообщении Новгородской первой летописи о данном мире контрагентом Ордена выступает только Новгород (НПЛ. С. 371), в *Хронике Вартберга* правильно указаны и Новгород, и Псков (*Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 94).

[3] ПСРЛ. Т. I. Стб. 377–378 (отрывок из статьи под 6684 (1176) г.).

[4] ГВНП. С. 70. О том, что при этом Двинская земля (Заволочье) оставалась в вассальной зависимости от Великого Новгорода и не могла проводить независимую от вечевой республики внешнюю и военную политику, ясно говорят слова летописи о военных действиях на Крайнем Севере, развернувшихся в 1411/12 г., т. е. сразу после того, как шведы сожгли Тиверск в Корельской земле: «Ходиша из Заволочья воиною на Мурмане новгородчкымъ *повелениемъ* [выделено нами. – *А. Ж.*], а воевода Яков Степанович, посадникъ двинскыи, и повоеваша их» (НПЛ. С. 403).

политического события на Руси XV в. − потери Великим Новгородом своей независимости. Когда в январе 1478 г. объединенные русские войска стояли у столицы вечевой республики и великий князь вел переговоры с новгородскими боярами о сдаче, он, между прочим, потребовал: пригороды Великого Новгорода − Двина и Заволочье − должны сложить с себя крестное целованье Новгороду, «а целовали бы крест» ему, Ивану III[1]. На г. Корелу как *пригород* (самоуправляющуюся единицу) прямо указывают летописи начиная с 1331/32 г.[2] Различие Корельской земли с Двиной и Заволочьем было лишь в том, что в первой имелся центр управления город-пригород Корела, а у вторых городов не было, поэтому они приравнивались к пригородам в целом – как земли.

Летописи, однако, уже при описании восстания карелов в г. Кореле в 1314/15 г. отметили: под власть Швеции карелы перешли, перебив русских «городчан, кто был руси»; новгородцы во главе с наместником Федором подавили восстание, уничтожив шведский гарнизон и повесив «корелу переветников»[3]. *Городчане* в Новгородской земле − полноправные участники веча, они же − главная сила новгородских войск, основа кованой рати. Когда в 1360/61 г. город Корела внезапно сгорел, летописи особо отметили данный факт с припиской: «…и много пакости створися доспеху и животу, а городчане толко душами осташася»[4], − ведь тогда речь шла о мгновенно пошатнувшейся обороноспособности всей Корельской земли.

Слова *городчане, кто был руси* в статье под 1313/14 г. косвенно указывают на то, что не только русские (новгородцы) составляли корпус городчан г. Корелы, поскольку иначе теряет смысл уточнение *кто был руси*. Без сомнения, знатные карелы также входили в

---

[1] Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М., 2004. Т. XXV. С. 321.

[2] См. напр.: Воскресенская летопись. С. 202–203, Патриаршая (Никоновская) летопись. С. 204; Новгородская четвертая летопись (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 2. С. 263–264) и ряд других (их список см.: ПИК. С. 44).

[3] НПЛ. С. 94, 335; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Вып. 2. С. 255; ПИК. С. 40. Публикаторы печатали слово *руси* с заглавной буквы. Мы считаем, что тут летописец не имел в виду государство Русь (в общепринятой в русском летописании форме ее названия). С нашей точки зрения, в данной статье летописи речь идет о *новгородцах-русских*.

[4] НПЛ. С. 367; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 2. С. 289.

число городчан. Но с точки зрения поддержания твердой власти над Корельской землей, как показала история, Новгород должен был опираться прежде всего на городчан г. Корелы из числа русских новгородцев. Очевидно, их и разместили в новом городе сразу в 1310/11 г. Собственно, *Хроника Эрика*, ранняя редакция которой относится как раз к 1320-м гг. (т. е. она создавалась по горячим следам войны 1293–1323 гг.), весьма точно отражает смысл размещения в г. Кореле русских городчан и признает этот шаг Новгорода главной причиной неудачи шведов в войне: «…и посадили там мудрых и храбрых мужей, чтобы христиане не приближались к этому месту»[1]. Видимо, к 1320-м гг. военный потенциал г. Корелы вновь восстановился за счет ввода туда новых городчан-новгородцев, так как летописи сообщили о неудачной осаде шведами г. Корелы в 1322 г.[2] Очевидно, конкретно именно этих городчан и называет *Хроника Эрика* мудрыми и храбрыми мужами. И все же в случае с городчанами г. Корелы политика Великого Новгорода являла собой пример такого же компромисса, как и в отношении вотчинников Корельской земли.

Обращаясь к Писцовой книге Корельского уезда 1500 г., находим сведения о тех людях, которые на закате новгородской независимости несомненно являлись городчанами г. Корелы и вместе с тем – вотчинниками в приладожской Карелии. По численности первое место, конечно, занимают карельские своеземцы. По данным *письма* 1500 г., они были частью выселены из города в свои вотчины. Но в самой крепости города ранее стояли 28 дворов карельских своеземцев (в 1500 г. от дворов остались лишь места дворовые); на посаде города (вне главной крепости) сохранилось 11 дворов своеземцев: в десяти жили «дворники» (управляющие), а в одном – своеземец «Михаил Филин сам»; кроме того, на посаде же размещались 13 своеземцев в 6 дворах, которые к 1500 г. выплачивали оброк наряду с обычными горожанами-посадскими, так как, по объяснению переписи, они проживали «на городских местах на тяглых»[3].

Среди карельских своеземцев перепись 1500 г. отмечает имена Василия и Степана Балакшиных. К этому году Степан, выселенный

---

[1] *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч. С. 112.

[2] НПЛ. С. 96, 328–329. Длинный список летописей с данным сообщением см.: ПИК. С. 41.

[3] ПК 1500 г. С. 5–7.

из города, владел вотчинами в трех погостах Передней Корелы, а конфискованная вотчина Василия перешла к помещику[1]. Московский летописец знает Василия Балакшина – его имя значится в списке обвиненных перед Иваном III знатных людей республики[2]. Судя по летописи, В. Балакшин являлся не просто карельским своеземцем и городчанином, но он принадлежал к *житьим людям* Новгорода, чьи имена в официальных документах следуют сразу после имен бояр. Вотчины некоторых житьих не уступали боярским владениям. Житьи участвовали в купеческих корпорациях *стах* Новгорода, а его *Судная грамота*, описывая *сместный* (совместный) суд между свободным человеком и частновладельческим (статья 36), узаконивала коллегию судей, среди которых были судьи и от бояр, и от монастырей, и приказчик от житьих[3].

Русских городчан Писцовая книга 1500 г. уже не указывает: они были подвергнуты репрессиям, а их вотчины – конфискованы. Возможно, именно им ранее принадлежали четыре двора на посаде, в которых в самом конце XV в. Москва разместила первых уездных помещиков[4]. Зато известны имена новгородских (русских) вотчинников в Корельской земле, по своему социальному положению – житьих и купцов. Так, Марк Панфильев, житьий и купеческий староста, имел главную усадьбу в самом Новгороде, в Неревском конце, рядом с боярскими усадьбами Онцифоровичей и Мишиничей[5]. Житьими или купцами являлись еще три бывших русских вотчинника: Исак Левонтьев, Лука (Лукьян) Левонтьев и Петр Кречатников[6]. Весьма вероятно, что при власти Великого Новгорода именно этим

[1] ПК 1500 г. С. 5, 7, 11–13, 19–20, 50–51, 89–90.

[2] ПСРЛ. Т. XXV. С. 305 (список датирован 25 октября 1476 г.).

[3] Новгородская Судная грамота // Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1935. С. 97–98; *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV–XV вв. М., 1955. С. 47–49. О землевладении Василия Балакшина в Кореле и на территории будущей Деревской пятины см.: *Данилова Л. В.* Очерки... С. 190. В. Л. Янин, характеризуя В. Балакшина, приходит к выводу, что как житьий, он принадлежал к Неревскому концу вечевой столицы (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 312–313).

[4] ПК 1500 г. С. 4–5.

[5] ПК 1500 г. С. 36–39, 88–89; Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. / Предисл. и ред. С. В. Бахрушина. М., 1930. С. 170; *Данилова Л. В.* Очерки… С. 191–193.

[6] ПК 1500 г. С. 9, 41–43, 90–91, 97–101.

четверым вотчинникам и принадлежали те четыре двора в г. Кореле, которые затем были переданы во владение помещикам. Возможно также, что жившие в 1500 г. в городе *лучшие люди* (42 человека в 30 посадских дворах)[1] также входили в число городчан новгородских времен, но их этническая принадлежность неизвестна.

Проживание знати в г. Кореле, как местной, так и русских, давало Корельской земле право на определенное место и вес в политической структуре и жизни Новгородской земли. Так, Псковская третья летопись сообщает о конфликте князя Александра Михайловича с татарами в 1327/28 г. Упрашивать князя смириться перед великим ханом Узбеком отправились послы как от Низовской Руси (Москвы, его родной Твери, Суздаля), так и от Новгорода: во Псков к князю пошли новгородцы и от всей «области Новогородской от Белаозера и от Заволочья и от Корелы»[2]. Послы от Новгородского государства, как видим, ранжированы, среди них нашлось место и корелянам.

Другой пример значения городчан связан с конфликтом 1384/85 г. между наместником князем Патрикием и городчанами его городов Корелы и Орешка. Последние пожаловались на наместника в Новгород, но и князь имел в вечевой столице сторонников. Разрешить спор сразу не удалось: собралось два веча. Одно, во главе с тысяцким Новгорода и «добрыми новгородцами», поддержало городчан, другое − Патрикия. Дело чуть было не дошло до вооруженного столкновения между новгородцами, но все же был найден компромисс: отказать Патрикию в кормлении Корелой и Орешком («отъяша у князя те городы»), а взамен отдать ему *в корм* Ладогу и Руссу[3]. С. Гадзяцкий по этому поводу замечает: видимо, Корела и Орешек

[1] ПК 1500 г. С. 1.

[2] Псковская третья летопись. С. 90–91. В. А. Кучкин не сомневается в достоверности современного псковского известия, в том числе относительно Белоозера: «По-видимому, к 1327 г. новгородцы сумели захватить какую-то часть территории Белозерского княжества, и это дало повод современнику говорить о новгородской „области“, простиравшейся „от Белаозера“» (*Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X−XIV вв. М., 1984. С. 304–305).

[3] НПЛ. С. 379, Новгородская четвертая летопись. Т. IV. Ч. 2. С. 340; Патриаршия (Никоновская) летопись. М., 2000. Т. XI. С. 84.

имели большой вес и доход, равный доходу с городов Ладоги и Руссы[1].

Сказанное приводит нас к выводу о значении городчан как носителей некоторой автономии, самоуправления в Корельской земле. Городчане − и карельские своеземцы, и русские вотчинники − все вместе они являлись *господами*-феодалами над зависимым сельским и городским населением. В свою очередь, для них сеньором был *Господин Великий Новгород*, его высшая боярская аристократия и городская магистратура. У Новгорода господа Корельской земли искали защиты. В свою очередь, высшая новгородская администрация в лице посадников и тысяцких наводила порядок в городе Кореле и в Корельской земле в случае военной опасности или измены. Великий Новгород как господин защищал своих вассалов и перед собственным господином − великим князем Владимирским. Конкретно все это просматривается при анализе наместничьей формы управления Корелой.

§ 2.3. Князья-кормленщики и наместники Корельской земли

Корельскую землю и городчан города Корелы возглавляли князья-кормленщики, которые назначали в Корелу своих *наместников*. Наместничья форма управления была характерна для самого Новгорода с середины X в. Со временем, когда новгородцы стали самостоятельно избирать собственных бояр на высшие магистратские должности посадников и тысяцких, изменился и характер наместничества. Для закрепления этой политической победы Новгород постарался регулировать и назначения наместников великими князьями. Так, уже в 1102 г. он настоял на возвращении новгородского стола князю Мстиславу, заявив о нем «въскрормили есмы собе князь»[2]. Наместничество теснейшим образом переплеталось со способом обеспечения князя-наместника в виде *корма* – натураль-

[1] *Гадзяцкий С.* Указ. соч. С. 130–131.

[2] ПСРЛ. Т. I. Стб. 276; Т. II. Стб. 251; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 59–62.

ных и денежных платежей[1]. Когда с середины XIII в. в пределах Новгородской земли образовывались отдельные земли на правах самоуправления, они также попадали под наместничью власть. В описываемое время с начала XIV – по третью четверть XV в. великий князь Владимирский как господин всей Новгородской земли назначал в Новгород своих наместников. Параллельно с великокняжеской структурой в Великом Новгороде сложилась и другая структура кормлений – во внутреннем областном управлении. Здесь уже сам Новгород принимал на службу, прежде всего на «службу мечем», князей, которых *кормил* частью своих земель и городов. Эти служилые князья отправляли на места, в том числе в Корельскую землю, своих наместников. По мнению ряда авторов, княжеские кормления в Корельской земле, например, существовали вплоть до конца новгородской самостоятельности[2]. Со временем, однако, княжеское служебное кормление и наместничье управление постепенно видоизменялись. Имели место этапы в развитии княжеско-наместничьей власти[3].

Первым из известных наместников Корелы являлся князь Борис Константинович, предположительно, из рода тверских князей[4]. Конкретные обстоятельства его назначения неизвестны, но жалоба на него и на псковского наместника Федора Михайловича, с которой Новгород обратился к великому князю Михаилу Ярославичу (датировка публикаторов 1304–1305 гг.)[5], вызвала интересные для нас комментарии. Так, путем сложного анализа В. Л. Янин доказывает,

---

[1] *Свердлов М. Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 284–287.

[2] Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI вв. Л., 1971. С. 187; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 213–228.

[3] Кратко об этапах в развитии наместничьего управления Корельской землей см.: *Жуков А. Ю.* Режим наместничества в Корельской земле: XIV–XV вв. // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации. Материалы науч. конф., посвященной 10-летию РГНФ 29 июня – 2 июля 2004 г.: Сб. науч. тр. В 2-х т. Петрозаводск, 2004. Т. I. Гуманитарная наука на Северо-Западе России: опыт, проблемы, перспективы (материалы пленарного заседания). Философия. История. Архивоведение. С. 106–112.

[4] ПИК. С. 39.

[5] ГВНП. С. 18–19 (№ 8); ПИК. С. 39.

что датировать документ следует временем с осени 1304 по середину 1307 г.[1], а И. П. Шаскольский склонялся к 1307–1308 гг.[2]

Выясняется, что Новгород «кърмил» князя Бориса Константиновича «Корелою», но само назначение на кормление и смещение с кормления находилось в совместном ведении Новгорода и великого князя[3]. Далее, на пост наместника Пскова Федор Михайлович был определен еще великим князем Андреем Александровичем (умер 27 марта 1304 г.) и Новгородом после 1299 г., когда умер псковский князь Довмонт. Когда же князь Борис получил *в корм* Корелу, неясно. Из слов новгородской жалобы великому князю о том, что наместник «Корелу всю истерял и за немце загонил», В. Л. Янин заключает, что это произошло в 1300 г., когда шведы построили Ландскрону[4]. Мы не можем согласиться с такой трактовкой.

Хроника Эрика утверждала, что карелы являлись как раз яростными противниками шведов. В самом деле, к 1300 г. карелы лишились власти над землями у Финского залива, потеряли на время свою главную торговую реку Вуоксу. Поэтому в конце XIII в. карелы никак не могли симпатизировать шведам, даже если над ними и был бы поставлен корыстный наместник. Во-вторых, маловероятно, чтобы великий князь Андрей, помня о жестоком сопротивлении тверичей своему приходу к власти (а ему пришлось с помощью татар разорить Тверское княжество[5]), вдруг поставил выходца из тверской княжеской семьи наместничать в Новгород, да еще с «кормом» с только что разоренной шведским войском Корельской земли.

Великокняжеским наместником в Новгороде в 1300 г., видимо, являлся смоленский князь Роман Глебович. В походе на Ландскрону именно князя Романа великий князь поставил возглавлять новго-

---

[1] *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 153.

[2] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода… С. 119. Авторы «Истории северного крестьянства» также придерживались мнения о назначении кн. Бориса наместником Корелы в 1307–1308 г., следуя датировке ГВНП (История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. I. Крестьянство Европейского Севера периода феодализма. С. 58).

[3] *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 154.

[4] Там же.

[5] ПСРЛ. Т. XV. Стб. 34 (свидетельство Рогожского летописца, 6796 г.), 406 (статья под 7696 г. в Тверской летописи).

родские силы; вместе с князем Романом под Ландскроной были его вассал стародубский (смоленский же) князь Юрий Михайлович, а от новгородской магистратуры – тысяцкий Андрей Андреевич[1].

Князь же Борис являлся наместником следующего великого князя Михаила Ярославича Тверского. Следует, кстати, напомнить о том, как ставились тверские наместники в ситуации, когда спор Михаила с Юрием Московским о ярлыке на великое княжение был далек от завершения: «А в Новъгород вослаша тферичи наместники Михайловы силою, и не прияша их»[2]. Насилие над волей Новгорода вызвало угрозу войны, которая была предотвращена только переговорами сторон. Поэтому вызывает вопрос степень беспристрастности (или мера демагогии) Новгорода во фразе жалобы «Корелу всю истерял и за немце загонил». Собственно, это единственное обвинение, предъявленное князю Борису в отношении Корелы. Под 1310/11 г. летописи сообщили о строительстве новгородцами новой крепости Корелы, а под 1314/15 г. − об измене корелы. Косвенно это подтверждает позднюю датировку новгородской грамоты − ближе к 1307 г.

Затем жалобщики переходят уже к беззакониям, творимым наместником в самом Новгороде. Он «рубежь учинил на Новегороде», т. е. конфисковал чье-то имущество в самой столице, и брал с него серебро[3]; великий князь призывался наказать наместника в совместном суде с владыкой. Далее Новгород настаивал: «А тобе, господине, новгородьскымъ хлебомь не кърмите его. А из Новгородьской волости поидеть». В свете вышесказанного под *волостью* никак нельзя понимать только Корельскую землю. *Новгородская волость* тут − это хорошо известная летописям «вся волость Новгородская»: Новгород требовал убрать наместника вообще из своего вассаль-

[1] См., напр.: Патриаршая (Никоновская) летопись // ПСРЛ. Т. X. С. 170; Новгородская третья летопись // ПСРЛ. Т. III. С. 65; Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. С. 44; Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. V. С. 202.

[2] НПЛ. С. 92, 332.

[3] О *рубеже* − конфискации имущества (от глагола *рути*) подробнее см.: *Зализняк А. А.* Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951−1983 гг.) // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977−1983 гг.). С. 168–171; *Рыбина Е. А.* Указ. соч. С. 296–301.

ного государства, а не только из Корельской земли[1]. То же самое означала фраза о *новгородском хлебе* (вассалитете великому князю)[2].

В заключение новгородцы писали о выплатах с купленных наместником сел. Почему-то некоторые авторы решили, что речь идет о купленных князем селах именно в Корельской земле[3]. На самом же деле между пассажами об «истерянной кореле» и купленных селах писалось о беззакониях князя в Новгороде и о суде над ним. Поэтому и восстание 1314/15 г. носило социально-политический характер, а не социально-экономический: карельская знать добивалась для себя наиболее выгодного статуса, прикидывая, от кого его лучше получить – от Новгорода или от Швеции. В конце концов, Новгороду пришлось, как писалось выше, учесть притязания знати корелы на власть на местах, так что даже вотчинная политика Новгородского государства в Корельской земле носила компромиссный характер.

Посты наместников великого князя, однако, в Новгороде не исчезли, наместников просто заменили[4]. Так, в 1314/15 г. подавляли восстание знати корелы новгородцы уже с новым великокняжеским наместником Федором[5]. Но вплоть до 1330-х гг. современные источники не сообщали о выполнении наместничьих функций, сопряженных с «кормом Корелою». Следовательно, можно заключить, что на начало XIV в. падает первый этап наместничьего управления Корельской землей, когда она давалась лишь в кормление, но сами наместники являлись обычными великокняжескими ставленниками

---

[1] *Жуков А. Ю.* Корельская земля: административно-территориальное оформление в XIII–XV вв. // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: Сб. науч. ст. / Под ред. П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. Петрозаводск, 2005. С. 83.

[2] О понятии *хлеб*, содержательно и терминологически близком французскому понятию *апанаж*, см.: *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 286–287.

[3] См., напр.: История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. I. С. 73; *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода… С. 119.

[4] В. А. Кучкин замечает, что многие незначительные князья Северо-Восточной Руси, такие, как Галицкие или Дмитровские, служили у князя Михаила наместниками в Новгороде, Пскове или в крупных центрах Владимирского великого княжества (*Кучкин В. А.* Формирование государственной территории… С. 255).

[5] НПЛ. С. 94.

в самом Новгороде, а не в собственно Кореле, с которой шел лишь *корм*.

Второй этап наступил в 1330-е гг. и связан уже с литовским князем Наримонтом. Предыстория его появления в Новгороде такова. В 1331 г. инок Василий, избранный новгородцами в местоблюстители архиепископской кафедры, отправился к митрополиту Феогносту на поставление в архиепископы Новгорода и Пскова[1]. Преосвященный Феогност тогда находился в Волынской земле, и новгородское посольство с Василием поехали к нему через Литву, с которой был мир. Но литовский князь Гедимин их вероломно пленил и принудил дать честное слово в том, что они отдадут его сыну Наримонту «в вотчину и дедину» новгородские пригороды Ладогу и Орешек, Корельскую землю и половину Копорья[2]. Через год, в октябре 1333 г., Наримонт, окрестившись в православие под именем Глеб, прибыл в Новгород и получил вымученную у посольства территорию в «отцину и дедину»[3]. При этом новгородская летопись подчеркнула, что Наримонт-Глеб приехал в Новгород поклониться св. Софии, новгородцы приняли его с честью, а он «целова крест к Великому Новуграду», т. е. поклялся в верности Новгороду на определенных вассальных условиях, − и только затем новгородцы отдали ему вымученные земли[4]. Впоследствии эти земли часто доставались его потомкам[5]. Впрочем, в конце XIV–XV вв. приглашаемые Новгородом некоторые русские князья также оказывались их наместниками[6].

Характер взаимоотношений Новгорода со служилыми литовскими князьями действительно нельзя назвать межгосударственными отношениями − мы имеем дело со взаимными договорными обязательствами сюзерен − вассал. В. Л. Янин называет их «особой управленческой системой, в которой… установился порядок совладения некоторыми областями на новгородско-литовском рубеже. Согласно такому порядку, литовские князья участвуют в доходах с

[1] О датировке поездки см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 294.

[2] Наиболее подробно освещено в Патриаршей (Никоновской) летописи (ПСРЛ. Т. X. С. 204). Список других летописей см.: ПИК. С. 44.

[3] Патриаршая (Никоновская) летопись. С. 206; НПЛ. С. 345–346.

[4] НПЛ. С. 345–346.

[5] НПЛ. С. 379, 383, 400 (известия статей под 6891, 6897, 6915 гг.).

[6] НПЛ. С. 398, 411–412, 423 (известия статей под 6912, 6927, 6952 гг.).

новгородских владений, подобно тому, как русские великие князья участвовали в доходах в сместных с Новгородом Торжке и Волоке Ламском»; рожденные данной системой проблемы «ни в малой степени не сходны с проблемами новгородско-ганзейских, новгородско-ливонских или новгородско-скандинавских отношений. Напротив, они вполне родственны характеру новгородско-княжеских докончаний»[1].

С. И. Кочкуркина посчитала власть князя Наримонта над Корельской и другими западноновгородскими землями «наследственным владением», хотя в отношении его потомков территории эти выступают уже кормлением[2]. Она пишет, что князя Новгород «пригласил, борясь за свою независимость от Москвы»[3]. Об отсутствии у Новгорода добровольности при согласии отдать новгородские земли Наримонту сообщают сами летописи, и у нас нет основания сомневаться в их искренности. Но об отношениях Великого Новгорода с московскими великими князьями следует сказать особо.

Ситуация 1333 г. лишь отдаленно напоминала характерную для середины следующего XV в. демонстрацию строптивости властей Новгорода перед великими князьями. Зимой 1332/33 г. из-за отказа Новгорода выплатить закамское серебро великий князь Иван Калита «со всеми князи низовьскыми» занял Торжок и отозвал своих наместников из Новгородской земли. Весной-летом 1333 г. переговоры архиепископа Василия с великим князем не привели к взаимоприемлемому соглашению[4]. В октябре в Новгород прибыл литовский князь Наримонт. В следующем 1334 г. архиепископ продолжал переговоры, и, наконец, 16 февраля 1435 г. великий князь прибыл в Новгород и вновь возобновились обычные вассальные отношения − с назначением в вечевую столицу русских великокняжеских наместников[5].

В свете этих данных не кажется сомнительным предположение, что принятие Наримонта с честью, дача им Новгороду вассальных обязательств использовались республикой в тактических целях,

---

[1] *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 7–8.

[2] Прибалтийско-финские народы… С. 171.

[3] Там же. С. 170.

[4] НПЛ. С. 344–345 (статьи под 6840 и 6841 гг.). Хронология Н. Г. Бережкова (*Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 294–295).

[5] НПЛ. С. 346–347; *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 295.

чтобы склонить великого князя к своим условиям. Но для общей ситуации XIV в. не могло быть и речи о борьбе Великого Новгорода «за свою независимость от Москвы». Для того времени было характерно ожесточенное соперничество Твери и Москвы за великое княжение, а Великий Новгород пользовался этим, выбирая между двумя сильнейшими центрами власти во Владимиро-Суздальской Руси. Например, в концовке проекта договорной грамоты Новгорода с тверским великим князем Михаилом Александровичем 1371 г.[1] новгородцы ясно и откровенно написали: «А вынесуть тобе изъ Орды княжение великое, намъ еси князь великыи; или пакъ не выне[су]ть то[б]е княжения велико[го из] Орды, *поити твоимъ наместникамъ из Новагорода проць и из новгородьскыхъ пригородовъ* [выделено мной. − *А. Ж.*], а в томъ Новугороду измены нету»[2].

В этот период близкие связи с Москвой для Новгорода выглядели даже предпочтительнее, чем власть тверских князей. У Новгорода с Тверью имелись постоянные, почти неразрешимые противоречия из-за приграничных с Тверским княжеством новгородских волостей, особенно из-за Торжка (Нового Торга), на который постоянно зарились тверские князья.

И наоборот, положение ожесточенной борьбы с Москвой возникает только в конце XIV в. и обостряется к середине XV в., поскольку к тому времени только великие князья Московские могли похвастаться ярлыками на великое княжение, − во-первых, а во-вторых, ярлык автоматически ставил москвича в положение *великого князя Владимирского, Новугороду Великому и всеи Руси*[3]. У Новгорода, как видим, уже не оставалось выбора между русскими великими князьями, и он все чаще смотрел на Литву с целью создания такой ситуации, чтобы хотя бы с ее помощью интриговать в игре с москвичами. В данном историческом интервале и развивался режим

[1] ГВНП. С. 28–30 (№ 15). О договоре как проекте и о его датировке см.: *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 165–167.

[2] ГВНП. С. 30

[3] ПСРЛ. Т. XXV. С. 227 (описание договора Василия II с Юрием Дмитриевичем, 1425 г.).

княжеского служебного кормления и наместничьего управления в Новгородской земле. Рассмотрим его применительно к Кореле.

Начальная ситуация, сложившаяся в 1332−1335 гг., вполне ординарна, она *однотипна* множеству конфликтов между Новгородом и великими князьями, которыми так богата предыдущая история республики. Даже участие в ней литовского князя Наримонта уже не являлось чем-то принципиально новым: достаточно вспомнить долгое (1266−1299 гг.) княжение во Пскове, втором по важности центре власти Новгородской земли, крещеного Гедиминовича Довмонта. Поэтому для нас интересен и взгляд из Литвы.

Для Литвы присутствие ее князей на северо-западе Руси играло особую роль. Главным врагом литовцев тогда выступала не Русь, и даже не Орда, а Ливонский орден. Для усиления своего давления на крестоносцев Литва и пыталась организовать «восточный фронт» со стороны Новгорода и Пскова. Первым таким весьма успешным опытом стало княжение Довмонта. Не наместник, а полноправный псковский князь, он решительно противостоял Ордену и смог нанести ему ряд чувствительных поражений. Теперь же, к 1330-м гг., Новгород усилился, пользуясь начавшейся смутой в Орде, борьбой за власть между князьями во Владимиро-Суздальской Руси и миром со Швецией. Поэтому появление Наримонта в Новгороде стало возможным только при грубом принуждении вечевой республики со стороны Литвы.

Наримонт как наследственный *отчичь* части западных новгородских земель действовал тут как русские великие князья: на места в пригороды он посылал своих наместников, но сам князь пребывал в Литве, а не в Новгороде. Наримонт отправил своего сына Александра на корм в Орешек, откуда тот и развернул сбор налогов[1]. Летописи не сообщают о каких-то решительных шагах Наримонта по защите своей вновь приобретенной «отчины» во время очередного новгородско-шведского *размирья* 1337−1339 гг.[2] Сами же шведы, видимо, воспользовались размирьем Новгорода уже с великим князем. Как раз зимой 1337 г. «разратися князь великыи Иванъ с новгородци и посла рать на Двину за Волокъ, не понямувъ крестнаго

[1] *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* Указ. соч. С. 49.

[2] Подборку летописных сообщений о войне см.: ПИК. С. 45–46

целованиа, и тамо крестъною силою посрамлени быша и ранении»[1]. Новгородцы с позором для Ивана Калиты, забывшего клятву Новгороду о защите, легко вернули себе контроль над Заволочьем. На западе, с Корелой, наоборот, получалось хуже.

Город Корелу в 1337/38 г. оборонял новгородский воевода Валит Корелянин (т. е. представитель карельской знати, вассал Новгорода). При подходе к крепости шведских войск он сдал город неприятелю. Когда же новгородская рать летом 1338 г. подошла к городу, он переметнулся на сторону русских, и Новгород восстановил в Корельской земле свою власть[2]. Х. Киркинен полагает, что карелы восстали именно против литовского правления[3]. Очевидно, в удаленных от границ Ливонского Ордена Кореле и Орешке Наримонта интересовали подати, а не затратная защита Новгородской земли от Швеции, Литве ничем не угрожавшей. Данный порядок управления был характерен для правления Наримонта и в дальнейшем.

В самом же Новгороде в середине XIV в. сидели русские великокняжеские наместники. Когда в 1348 г. шведский король Магнус оккупировал Корельскую землю и внезапным ударом захватил Орешек, он «…наместника Наримантова и прочих пусти из града». Новгородцы вернули себе город и изгнали шведов, а новгородские наместники великого князя Владимирского Симеона Гордого послали полк в 1000 человек к городу Кореле, который в сражении изгнал шведов из Корельской земли, вновь восстановив тем самым суверенитет над Корелой[4]. При этом Патриаршая (Никоновская) летопись сообщает, что к тому же 1348 г. Наримонт княжил в литовском городе Вилпе, но в том году Орден напал на Литву, и князь, вместе с множеством других литовских князей и воевод, был убит[5]. Для Новгорода опыт правления Наримонта послужил уроком. Республике требовался реальный защитник ее интересов. Литовское наместничество Новгород на время упразднил.

Третий этап в развитии режима кормления в Корельской земле падает на 1380–1410-е гг. В это время литовские и русские князья

---

[1] НПЛ. С. 347–348 (6845 г.).

[2] Софийская первая летопись. С. 220.

[3] *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* Указ. соч. С. 49.

[4] См., напр.: НПЛ. С. 359−361; Патриаршая (Никоновская) летопись. С. 219–220. Список других летописей с данными сообщениями см.: ПИК. С. 47.

[5] Патриаршая (Никоновская) летопись. С. 220.

правили уже из Новгорода или сидели прямо в кормленых областях, а не в Литве. В 6891 (1383/84) г. в кормление князю Патрикию Наримонтовичу новгородцы отдали Орешек, Корелу, половину Копорья и Лусское село[1]. Но в следующем году ореховцы и корельские городчане пожаловались Новгороду на князя Патрикия. В ответ тот «подья Славно и смути Новъгород», ему удалось противопоставить боярские группировки столицы друг против друга, так что архиепископ насилу унял усобицу. В итоге служилый князь лишился своих кормленых пригородов, получив взамен Руссу и Ладогу[2].

На вторую половину 1380-х гг. падает начало новгородско-московского перманентного конфликта, который с разной степенью интенсивности тянулся вплоть до 1478 г. Монополизация московскими князьями, начиная с Дмитрия Ивановича Донского, титула великого князя *всея Руси* вызвала ответную реакцию Новгорода. Анализ различных документов приводит к выводу, что титул «всея Руси» наиболее интенсивно применялся московскими великими князьями как раз по отношению к Новгороду. Но именно тогда, в конце XIV в., в противовес данному титулу впервые возникает и уникальное самоназвание вечевой республики − *Господин Великий Новгород*[3]. В данном конфликтном контексте и следует рассматривать вопрос о Корельском и других западноновгородских наместничествах.

После 1385/86 г. северо-западные новгородские пригороды оставались без кормленщика недолго. В 1389 г. 15 августа Новгород принял с честью Лугвеня (в православном крещении Семена), сына великого князя Литовского Ольгерда. Как служилый князь, он получил в кормление западные земли: по договору Новгород обязал его «сести на городкех, чем владел Наримонт»[4]. Ранее, во время переговоров в г. Сандомире новгородских послов с князем Литовским Витовтом о наместничестве Лугвеня, 25 апреля Лугвень дал «королю Витовту и королеве Ядвиге» от себя лично и от имени всех новго-

[1] НПЛ. С. 379; Патриаршая (Никоновская) летопись // ПСРЛ. Т. XI. С. 84.

[2] Патриаршая (Никоновская) летопись. С. 84.

[3] *Фелюшкин А.* Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: российский дискурс Великого княжества Литовского // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. СПб., 2004. № 4. С. 578–579.

[4] Воскресенская летопись. С. 52; НПЛ. С. 383.

родцев присяжную грамоту, в которой клялся не отступать от союза с литовской короной[1]. Поэтому Витовт и назвал Лугвеня «опекалником мужем и людем Великого Новгорода»[2]. Он не погрешил против истины. Как раз в конце XIV в. намечался тот новгородско-литовский союз, который в середине XV в. стал неразрешим мирными способами в главных для Великого Новгорода отношениях с Москвой.

В 1392 г. Лугвень-Семен принял личное участие в разгроме вторгнувшихся на берега Невы врагов[3]. Впрочем, вскоре князь покинул пределы России, вернувшись в Литву. Причиной послужили, видимо, и внутренние литовские дела[4], и то, что во время его наместничества завершился очередной конфликт Новгорода с московским великим князем, на этот раз по церковно-конфессиональным причинам, которые теснейшим образом были связаны и с новгородско-литовскими, и с новгородско-московскими отношениями. В 1385 г. Новгород отказал митрополиту всея Руси в церковном суде на территории своего государства и передал суд своему владыке. На жалобу митрополита Киприана в Константинопольский патриархат новгородские послы в Царьграде заявили патриарху: «аще не благословите нас, хоцем быть папина»[5], т. е. перейти в католичество по литовскому образцу[6]. В 1393 г. Василий I Дмитриевич заставил

---

[1] Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. I. № 1.

[2] Акты, относящиеся к истории Западной России. № 10.

[3] НПЛ. С. 385. О государственной принадлежности противника летопись не сообщает, ограничившись определением *немцы*: «пришедше изъ моря разбойнице Немце».

[4] Как раз в 1392 г. Витовт официально разделил с королем Ягайло-Владиславом первое Польско-Литовское государство, получив титул великого князя Литовского и власть над литовскими и русскими землями в его составе (История России: С древнейших времен до конца XVII века / Отв. ред. А. Н. Сахаров и А. П. Новосельцев // История России: С древнейших времен до конца XX века. М., 1997. С. 285). Видимо, Лугвень-Симеон как ставленник Витовта потребовался последнему в Литве.

[5] Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Крест и корона: Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 102.

[6] В 1385 г. великий князь Литовский Ягайло заключил с Польшей Кревскую унию, женился на польской королеве Ядвиге и стал польским королем. Перед этим он перекрестился из православия (в крещении Яков) в католичество (под именем Владислав) и поклялся навек соединить Литву и Русь с польской короной (*Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 101).

Новгород смириться, и Семен-«опекальник» вынужденно покинул Новгородскую землю, уехав в Литву «к своей братии».

Служилое наместничество, однако, продолжало существовать, теперь (с 1393 г.) уже в лице русского князя Константина Ивановича Белозерского[1]. Очевидно, он был ставленником Василия I. Его наместничество в Новгороде ознаменовалось двумя победами: в 1394/95 г. он разбил под Ямом вторгнувшихся ливонцев[2], а в 1396/97 г. уже в Корельской земле, вместе с корелой, прогнал за границу шведский отряд[3]. На этом фоне московско-новгородское соперничество продолжало разгораться. В 1395 г. Новгород вновь отнял у митрополита право на суд в пользу своего владыки[4]. На рубеже XIV–XV вв. разгорелась война за обладание Двинской землей, которую Новгород военной силой вновь отстоял от московских притязаний[5]. Видимо, в 1397 г. князь Константин съехал с наместничества.

Об этом можно судить по сообщениям Новгородской первой летописи. В 1397 г., осенью, ливонцы сожгли 7 сел у г. Яма. Потом летопись сообщает о приезде в Новгород князя Патрикия Наримонтовича, «и прияша и». Только после этого летописец переходит к описанию конфликта Великого Новгорода с Василием I, вылившегося в первую Двинскую войну[6]. Данные сведения позволяют предположить, что князь Константин Белозерский, как вассал великого князя, сложил с себя полномочия новгородского служилого князя в самом начале конфликта, перед Двинской войной. В этом случае становится понятен и повторный приезд Патрикия. Но летопись не указывает на то, что литовский князь

[1] НПЛ. С. 386. Хотя летописи и не сообщают о составе кормленого округа князя К. И. Белозерского, мы можем с достаточной долей уверенности предполагать, что округ включал те же западноновгородские земли, что и кормление Лугвеня. Так, известно, что князь Константин в 1393–1396 гг. являлся кормленщиком Копорья, а его сын Елисей впоследствии стал даже степенным тысяцким самого Великого Новгорода, причем в новгородском перечне своих тысяцких он был указан как «князь Копорейский» (*Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 105).

[2] НПЛ. С. 387.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства… С. 696–701, 709–710.

[6] НПЛ. С. 389.

получил какое-либо кормление. А если бы это и было так, то во всяком случае, кормление его Корелой и Орешком представляется маловероятным, так как в первый раз их городчане отвергли князя, и Новгород, пройдя через конфликт внутри своей элиты, наделил бы его другим кормлением. Вплоть до 1404/05 г. летописи не сообщают о кормлениях.

Принятие Новгородом своим служилым князем великого князя смоленского Юрия Святославича и наделение его кормом с 13 городов, в том числе с двух пригородов Корельской земли (Корелы и Тиверска), произошло в 1404/05 г. Интересно, что поначалу Юрий уехал к великому князю в Москву за помощью против Литвы, но помощи не получил, а Витовт, тесть Василия I, захватил его родной Смоленск. И тогда Юрий бежал в Новгород, целовал ему крест (дал вассальную присягу) и получил от него пригороды; вместе с Юрием в Новгород прибыли его вассалы − сын Федор и князья Вяземские Семен и Владимир Мстиславичи[1]. Видимо, наличие такого количества князей и послужило тому, что обычный список кормленых пригородов значительно расширился. Князь Юрий был настроен резко антилитовски, и Москва предпочла вывести его из Великого Новгорода. В 1406/07 г. князь покинул Новгород, получив из рук великого князя половину Торжка, а оттуда бежал в Орду, но по дороге умер в Рязанской земле[2].

Возобновилось княжеское служилое кормление в 1407/08 г., когда Лугвень-Семен вновь появился в Новгороде и новгородцы вручили ему в корм его прежние пригороды[3]. В его *службу* произошло вторжение шведов в Корельскую землю. В начале 1411 г. они взяли и сожгли карельский *пригород* Тиверск. При получении этого известия через три дня новгородская рать во главе со служилым князем Лугвенем пошла в ответный поход на Выборг, опустошила

[1] См., напр.: Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 395–396; НПЛ. С. 387, 398. Данные известия в русских летописях восходят к самостоятельному областному смоленскому летописанию, выделенному Л. Л. Муравьевой как *Летописец Юрия Смоленского, 1386/87−1407/08 гг.* (*Муравьева Л. Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII − начала XV вв. М., 1983. С. 245–271).

[2] НПЛ. С. 399; *Муравьева Л. Л.* Указ. соч. С. 258.

[3] НПЛ. С. 400; Софийская первая летопись. С. 256.

его окрестности и 26 марта сожгла внешние укрепления города[1]. Но уже в 6920 (1412/13) г. Лугвень сложил с себя клятву верности Новгороду, «съехал в Литву и наместьникы сведе с пригородов новгородчкых», заявив: «а яз с королем и с Витофтом один человек»[2]. Упоминание наместников в *пригородах* приводит нас к выводу, что устройство на местах наместничьей власти от имени новгородского служебного князя в принципе оставалось однотипным со времен князя Наримонта. Разница заключалась лишь в том, что Наримонт в основном находился в Литве, а следующие служилые князья «сидели» в Новгороде. Но тот и другой высылали на места своих наместников.

Четвертый этап нахождения Корельской земли на положении кормленой территории относится к 1420−1460 гг. Ранее, в 1419 г., архиепископ Симеон «ездил по Корельской земли»[3]. На исключительную важность поездки намекает тот факт, что русские летописи вообще крайне редко описывали пастырские поездки новгородского владыки по своей обширной епархии. Имеются две записи за XII в. (о поездках епископов Нифонта в Ладогу в 1153/54 г. и Мартирия – в Руссу в 1198 г.)[4]. Наиболее близкая к 1419 г. поездка относится к 1389 (6897) г.: архиепископ Иоанн ездил во Псков во время страшного мора, «и молитвою его преста моръ въ Пскове»[5]. С 1410-х гг. владыка стал фактически главой правительства Великого Новгорода *Совета господ*, а само государство превращается в олигархическую

[1] См., напр.: НПЛ. С. 402. Полный список летописей с данным сообщением см.: ПИК. С. 54. В связи с датированным сообщением летописей В. Л. Янин уточнил дату грамоты Великого Новгорода Колывани − весна 1411 г., в которой Новгород предложил сохранять дружественные отношения, несмотря на то, что военный конфликт со шведами был в полном разгаре (ГВНП. С. 88–89 (№ 50); *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 35).

[2] НПЛ. С. 402; Воскресенская летопись // ПСРЛ. Т. VIII. С. 86.

[3] Патриаршая (Никоновская) летопись. С. 235; Новгородская четвертая летопись. С. 426.

[4] См., напр.: Владимирский летописец // ПСРЛ. М., 1965. Т. XXX. С. 66, 78; Новгородская II (Архивская) летопись // ПСРЛ. Т. XXX. С. 192.

[5] Новгородская II (Архивская) летопись. С. 192.

республику[1]. Безусловно, владыка имел власть отладить управление в Кореле.

Обратимся к переписи 1500 г. Он учел 172 объекта хозяйственной деятельности: боярщины, волости, перевары и деревни, принадлежавшие ранее, а частью и теперь наместникам, архиепископу, боярам, житьим, монастырям и своеземцам. Так, наместники получали кормленые выплаты с общин на государственных землях Задней Корелы, лежавших в удалении от границы со Швецией. Наши подсчеты данных *письма* 1500 г. показывают, что к 1478 г. корм наместникам шел с 573 дворов из 119 деревень (1/8 часть всех деревень и 1/5 – всех сельских дворов)[2]. Тогда же за Домом св. Софии числилось 198 деревень с 577 дворами (по 1/5 части всех деревень и дворов на селе)[3]. Подати платились с дворов. Их принципиальное равенство свидетельствует о ревнивом и выдержанном соблюдении баланса интересов между Великим Новгородом, его *слугами*-князьями и их наместниками в Кореле. В социально-экономическом плане это означало наличие экономического баланса интересов между различными властями Великого Новгорода[4].

Но имелась и политическая составляющая. Сведения переписи 1500 г. приводят к однозначному выводу о жестком контроле Новгорода за всей системой кормлений. Выясняется, что в приладожской Корельской земле власть служилых князей подкреплялась властью новгородского архиепископа. Обширные владения Дома св. Софии тут имели статус земель *за владыкою*. Другими словами, эти волости и волостки не принадлежали новгородской епархии в качестве вотчинной собственности, а лишь были отданы республикой владыке в управление и для сбора корма[5]. Одна такая волость располагалась в

[1] Генезис и характеристику нового политического режима дал В. Л. Янин: «последовательное движение боярства от соперничества боровшихся за власть группировок к консолидации бояр, принявшей в конечном счете форму олигархии» (*Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 10; *Он же*. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 390–489 (Глава 9. Олигархическое посадничество XV в. и его структура).

[2] ПК 1500 г. С. 145–159 (земли «за наместниками корельскими»).

[3] ПК 1500 г. С. 8–9, 10, 43–45, 76–87, 102–104, 134–139, 143–145, 160–165, 171–180, 180–188 (владения Дома св. Софии).

[4] ИК. С. 94–95.

[5] О кормленых землях Новгорода, в том числе о «волостях за владыкою», см.: *Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 197, 200; *Греков Б. Д.* Новгородский Дом св. Софии. Ч. 2 // Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 153–156.

самом восточном Соломенском погосте, остальные земли тянулись вдоль всей границы со Швецией. Владыка как глава правительства Великого Новгорода контролировал все неспокойное пограничье с западным соседом, а в Салми – и административную границу с северным Обонежьем. Волости кафедры с запада и с востока охватывали земли светских кормленщиков – наместников, обеспечивая надзор и за ними.

Паритетная «кормленая разбивка» Приладожья подкреплялась, оказывается, политико-управленческим паритетом. Раскопки 1989–1993 гг. в г. Приозерске (Кореле) открыли на территории крепости свинцовые печати середины – второй трети XV в. *владычного наместника Корельской земли*[1]. Наместники у владыки появились на рубеже XIII–XIV вв. и заведовали обширной сферой землевладения новгородцев и их взаимоотношениями с местными феодалами, а также внешнеполитическими связями[2]. В Кореле, где с 1410-х гг., после трех столетий военно-политического противостояния, налаживались, наконец, мирные отношения со Швецией, и при наличии землевладения новгородцев и карельской знати, чреватом конфликтами, пост наместника владыки, наряду с постом наместника от служилого князя, объясним и оправдан. Как видим, Великий Новгород проводил в Корельской земле взвешенную политику компромисса, опираясь на принципы самоуправления как карельской знати, так и рядовых прихожан на кормленых землях. Примирителем интересов разных сторон, видимо, и стал к середине XV в. владычный наместник.

Отладкой основ вышеописанного разграничения на владения *за наместники* и *за владыкою*, очевидно, и занимался архиепископ Симеон во время своей поездки по Корельской земле. На отлаженное обеспечение в 1420 г. приехал князь Константин Дмитриевич, брат великого князя Василия I, он получил «пригороды, кои быле за Луг-

---

[1] *Saksa A.* Rautakautinen Karjala. Muinas-karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // Studia Carelica humanistica, 11. Joensuu, 1998. S. 113–114.

[2] *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 254–256; *Жуков А. Ю.* Формирование и развитие структуры церковного управления в Карелии (XII–XV вв.) // Православие в Карелии: Материалы республиканской науч. конф. (24–25 окт. 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 43–44.

венем»; в Новгороде он находился по 1421 г.[1] К сентябрю 1443 г. эти пригороды числились в кормлении за князем Юрием Лугвеньевичем (Семеновичем), которого тогда сменил другой внук Ольгерда князь Иван Владимирович «по новгородчкому прошению»[2]. В 1459 г. кн. Юрий вновь получил данные кормления[3].

Это последнее сообщение летописей о северо-западных наместничествах Новгородской республики. В 1460 г. состоялся «поход миром» Василия II Темного в Новгород, который показал крепнущие позиции русской великокняжеской власти в Великом Новгороде. Видимо, литовскому служилому князю пришлось съехать с кормленых областей. Вместе с тем боярское государство сохраняло свою независимость. Покончил с нею Иван III.

Год 1471 стал прологом к падению новгородской независимости. Тогда боярское правительство пыталось заключить с польским королем Казимиром IV договор, признав его своим *господином*, т. е. изменить присяге великому князю Владимирскому, Московскому и Новгородскому. Даже нового архиерея Феофила Новгород предполагал ставить в архиепископы не в Москве, а в «литовском» Киеве[4]. Предварительно король послал в Новгород отряд во главе с Гедиминовичем князем Михаилом Олельковичем Киевским, который стал служилым князем (ноябрь 1470 − март 1471 гг.); бывшего до этого «слугу Великого Новгорода» князя Василия Васильевича Шуйского-Гребенку республика послала «в заставу» на Двину, одарив его заволочским кормлением[5]. В ответ в мае 1471 г. Иван III двинул на

[1] НПЛ. С. 411–412, 413. Датировка: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 301.

[2] НПЛ. С. 423. Датировки в НПЛ идут уже по сентябрьскому году (*Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 305).

[3] Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки // ПСРЛ. М., 2000. Т. XVI. Стб. 198.

[4] ГВНП. С. 129–132 (№ 77); *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 187–189; *Карташев А. В.* Очерки истории Русской церкви. В 2-х т. М., 1997. Т. I. С. 382–383.

[5] Московский летописный свод конца XV в. С. 285. Видимо, князь Шуйский-Гребенка не обладал западноновгородскими кормлениями. Во всяком случае, летописи об этом ничего не сообщают. Зато имеется информация, что в годы его предыдущего пребывания на посту служилого князя Великого Новгорода, в 1455−1456 гг., Новгород предоставил ему в кормление 6 больших сел, состоявших из 234 обеж, т. е. около 1,4 тыс. га (Там же. С. 319; *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 65–66).

Новгород и на Двину войска, объединявшие силы почти всех подвластных ему князей.

Шелонская победа москвичей 14 июля 1471 г. заставила Великий Новгород заключить с Иваном III Коростынский мир (11 августа 1471 г.). С этих пор Великий Новгород окончательно признал себя отчиной русского великого князя и потерял право на внешнеполитические сношения с Литвой[1].

Своеобразный итог серьезному присутствию литовских князей в Новгородской земле уже через столетие подвела русская дипломатия. Сразу после опричного разгрома Новгорода «из-за измены новгородцев» в пользу Речи Посполитой (как посчитал царь Иван Грозный), Москва припомнила ей давние литовские княжения в Новгороде. Русским послам было велено связать нынешние происки поляков в Новгороде с прошлым: «а безлеп было то, пане, и затевати: коли князь Семен Лугвень и князь Михайло Олелькович в Новгороде был[и], ино и тогды Литва Новагорода не умели удержати, и чего удержати не умели, и на то что и посягати [сейчас]»[2].

Имеется и другое сравнительное суждение о литовском присутствии в Новгороде, уже личного характера. Потомок князя Лугвеня князь Иван Федорович Мстиславский в ответ на подметное письмо польского короля Сигизмунда II Августа (1567 г.) написал: он держит «великое место его царского величества Великий Новгород», которое некогда занимал его предок, «и то есть наше достоинство, от коего достоинства предков наших ваши предкове выгнали, а царьское величество опять нас тем достоинством пожаловал»[3]. Иными словами, даже через полтора века князь Мстиславский воспринимал (или представил) отзыв Витовтом Лугвеня из Новгорода как личную *обиду*, а свое наместничество в Новгороде − как справедливое решение царя обеспечить князя соответствующим его высокому рангу местом.

27 июля 1471 г. потерпел поражение и заволочский наместник Новгорода князь В. В. Шуйский-Гребенка. Данный эпизод описан в нескольких летописях. Исследователь истории рода князей Шуй-

[1] ГВНП. С. 45–51 (№ 26–27).

[2] Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 777.

[3] Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л., 1951. С. 672.

ских В. Г. Абрамович полагает, что известия Московского летописного свода конца XV в. и Воскресенской летописи не надежны: они страдают литературностью и наличием таких деталей, о которых участники сражения и информаторы летописца просто не могли знать[1]. Автор отдает предпочтение сухим строчкам Софийской второй летописи. Для нас они также имеют интерес, так как только в них говорится о мобилизации князем военных сил не только Двины и Заволочья, но даже вассалов-карелов: «…князь Василей Шуйский, слуга Великого Новгорода, снявся с Заволоцкою землею, да и с Двинскою землею, и с Корельскою землею…»[2]. Данные слова вновь отправляют нас к проблеме наместничества в Кореле.

Если князь Василий Гребенка смог мобилизовать карелов, то встают вопросы: по какому праву заволочский наместник распоряжался военными силами западноновгородских вассалов? С какой именно территории карельский отряд был набран? Скорее всего, речь не шла о приладожской Кореле, карелы были мобилизованы с севера, из Беломорской Карелии. Кстати, проанализированные нами выше акты *Северных грамот* «пяти родов детей корелских» новгородского времени заверялись печатями двинского наместника Дома св. Софии. Другими словами, север Карелии находился под опекой двинского ставленника новгородского владыки. Гребенка действительно тогда не получил в кормление от Новгорода Корельскую землю. Предположительно, при помощи двинского наместника Дома св. Софии он мобилизовал карельский отряд из северной Карелии.

Назначения новгородских наместников в г. Корелу, несмотря на отсутствие летописных известий об этом после 1459 г., продолжились, по крайней мере, в 1470-е гг. Во-первых, по археологическим данным, в Кореле находился владычный наместник, а во-вторых, о светских наместниках говорят некоторые дипломатические документы Великого Новгорода и Швеции.

Угрожающая для Великого Новгорода политическая обстановка заставила боярское правительство обратить внимание на внешнеполитическую безопасность своего государства. С 1460-х гг. Великий Новгород заключил ряд внешнеполитических мирных договоров с

[1] ПСРЛ. Т. XXV. С. 290; Т. VIII. С. 166; *Абрамович Г. В.* Указ. соч. С. 68–69.
[2] ПСРЛ. Т. VI. С. 191.

Ганзой и Ливонским Орденом[1]. Со шведскими властями также были заключены три договора. В 1468 г. в Выборге состоялся договор о возобновлении мира на 5 лет[2] и соглашение между Новгородом и фогтом Выборга Петером Дьеки, представлявшим наместника Финляндии Эрика Аксельсона[3]. Наконец, 22 января 1472 г. состоялся еще один мирный договор со Швецией, заключенный со стороны Новгорода его служилым князем В. В. Гребенкой, «фогтом» (здесь − тысяцким) Великого Новгорода Матвеем Ивановичем Селезневым и неким Рикаром Петровичем[4].

В тексте последнего договора указаны *фогт Кексгольма* Андрей Иванович, которого В. Л. Янин идентифицирует с наместником Корелы, и *бефогт* (помощник наместника) Иван Яковлевич[5]. Духовного звания у фогта Кексгольма не обозначено − это светский управленец. Но мы должны помнить, что внешнеполитические контакты осуществляли и владычные наместники. Крайне маловероятно, что при заключении всех этих договоров представитель Дома св. Софии в Кореле никак не участвовал в переговорах. Важно подчеркнуть также, что на данном пятом заключительном этапе наместничества в Корельской земле вырисовывается та картина внешнеполитических связей через наместников г. Корелы и шведские власти Выборга, которая будет столь характерна для следующей московской эпохи истории Карелии.

Шведские фогты занимались судопроизводством. Как раз такие же функции в России традиционно исполняли наместники. Неизвестно, кого именно представляли в Кореле данные наместник и его помощник. Можно лишь предположить, что в 1470-е гг., когда о литовских князьях Новгород уже не помышлял, Корельская зем-

---

[1] ГВНП. С. 127–129 (№ 76). Договорная грамота Великого Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на два года от 18 марта 1466 г.; 133–136 (№ 78). Договорная грамота Великого Новгорода и Пскова с епископом юрьевским о перемирии на 30 лет от 13 января 1474 г.

[2] Sverges traktater med frammande magter jemte andra dit horande handlingar, utgifne at O. S. Rydberg. Stockholm, 1895. Delen III. № 512/1; *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 118.

[3] Sverges traktater… № 512/2; *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 118–119. .

[4] Sverges traktater… № 517.

[5] Sverges traktater… № 517; *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 120.

ля вошла все-таки в кормление служилому князю В. В. Шуйскому-Гребенке, и именно его представителей отметил шведский источник под чинами фогта и бефогта.

Остановимся теперь на конкретном способе обеспечения светских наместников и Дома св. Софии в Корельской земле. Напомним, в корм они получили государственные земли Великого Новгорода. При этом районы, с которых собирался корм светским наместникам, в переписи 1500 г. представлен двумя административно-территориальными уровнями. Первый – это *волости за наместники за корельскими*, а второй – *стан Ососьсской* (в конце описания наместничьего кормления в Сердовольском погосте)[1]. В свете фиксации шведским источником фогта и бефогта Кексгольма весьма вероятно заключение о том, что стан в Ососи представлял собой кормленое обеспечение помощника наместника (бефогта) Корельской земли. В целом кормленые волости и наместника, и владыки в Задней Кореле сгруппировались по переварам. В науке понятие *перевара* нашло разное истолкование.

И. И. Срезневский, а вслед за ним авторы «Истории северного крестьянства» увидели в переваре повинность (варку пива и меда) во время поездок новгородского владыки по десятинам (церковно-административным округам)[2]. Хорошо знающий перепись 1500 г. финский исследователь Х. Киркинен назвал перевару единицей деления, более архаичной, чем погосты[3]. Наконец, составители «Письменных известий о карелах» посчитали разбивку на перевары второй административно-территориальной организацией Корельской земли, параллельной ее делению на погосты[4].

С нашей точки зрения, наиболее близко к раскрытию содержания термина подошел Д. Я. Самоквасов, считавший, что перевара − синонимом слов *вара*, *варя*, древнерусское *вервь*: «веревка» и одновременно «поземельная община». Приведя отрывок из одной из договорных грамот между князьями («а коли ми будеть

[1] ПК 1500 г. С. 159.

[2] *Срезневский И. И.* Академический словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1848. Т. 3. С. 172; История северного крестьянства. Т. 1. С. 63

[3] *Kirkinen H.* Karjala idän kulttuuripiirissa. Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. S. 105–106.

[4] ПИК. С. 94–95 (прим. 16).

слати свои данщики в город и на перевары… дань взяти в городе и въ варях»), он пришел к выводу, что перевара – это союз деревень, жители которых составляли сельскую общину переварян или чернокунцев и владели *тяглой* (налогообложенной) землей[1]. В свою очередь, мы сошлемся на другой опубликованный Д. Я. Самоквасовым материал, а именно на Платежную книгу Корельского уезда 1571 г. Об *общине* карелов, переселившейся в 1511/12 г. на государственные земли Ребольской волости, сказано: «пришли жить перевара… 8 сох»[2] (24 хозяйства).

Данные кадастра 1500 г. согласуются с вышесказанным и опровергают утверждение о наличии в Корельской земле двух разнородных систем административно-территориального деления на погосты и перевары. В основе деления на перевары лежала общинная организация населения. Установив власть в Кореле, Новгород положил в оброк в пользу наместников и Дома св. Софии не отдельные семьи или деревни, а общины-перевары как более устойчивые объекты фиска. Даже когда из-за переселения общинников на незанятые земли некоторые перевары выходили за границы своих районов-погостов, а люди становились прихожанами церкви того погоста, куда они пришли, то при налогообложении они все равно приписывались к тому району-погосту, где располагался центр их перевары.

В доказательство сошлемся на сведения Писцовой книги 1500 г.: «В Кирьяжском же погосте великого князя волости за наместники за Корельскими: …перевара Соральская: деревня Тервозимская Весь…[и далее идет описание еще восьми деревень у Ладожского озера (ныне: Сорала, Кумола, Коплала и др.). – *А. Ж.*]. А в Иломанском погосте тое же перевары: деревня Когутьярва Верхняя на Иломанце…; деревня Венуя у Северика на Пелетцком озере… [и далее описаны четыре деревни у озер Иломансинъярви и Пиелинен (Финляндия). – *А. Ж.*]», или: «В Иломанском же погосте великого князя чернокуницы, что были за владыкою: …Перевара Чангольская на Иломанце, чернокунцы же на Коверском озере: деревня Ковера…; деревня Иломанец у Ильи Святого у погоста [ныне г. Иломантси,

[1] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. 2. Ч. 1. С. 26.

[2] Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 386.

Финляндия. – *А. Ж.*]… Тое же Чангольские перевары в Никольском погосте в Сердовольском у городка у Лигуева [у нынешнего г. Сортавала. – *А. Ж.*]: деревня Гелюля [Хелюля. – *А. Ж.*]»[1].

На основе общинного деления Великий Новгород и разграничил поровну государственные земли на владения *за владыкою* и *за наместниками корельскими*. Повторим, что кормленые подати шли строго сообразно именно этому делению на перевары, а не на погосты. Для нашей темы исключительно важный смысл имеет то обстоятельство, что в основу политического государственно-кормленого разграничения Корельской земли Великий Новгород положил общинную самоорганизацию местного населения, его традиционное общинное самоуправление, а не собственное административно-территориальное деление на погосты-приходы.

Таким образом, и компромиссные взаимоотношения Новгородского государства с вассальной карельской знатью, и получение городом Корелой вассального статуса пригорода, населенного карельскими и русскими городчанами, носителями вассалитета, и даже кормленое обеспечение властей за счет общин-перевар на государственных землях – все это покоилось на принципах самоуправления Корельской земли в пределах Великого Новгорода. Собственно, данные наиболее существенные моменты административно-государственного бытия Корельской земли и **означали реальное самоуправление**. Оно с необходимостью принималось и развивалось Великим Новгородом. Главной причиной столь развитых вассальных отношений выступала крайняя заинтересованность вечевой республики в том, чтобы его власть над окраинной Корельской землей в приграничье со Швецией оставалась как можно более крепкой и надежной. И в будущем при власти Москвы самоуправление в приладожской Карелии, видоизменившись, не потеряло своего значения.

[1] ПК 1500 г. С. 122, 128–131, 172, 174–175.

Глава III. ОБОНЕЖСКАЯ КАРЕЛИЯ. XII−XV вв.

§ 3.1. Весь: государственная инкорпорация

Первичное освоение Обонежской части Карелии связано с *весью* − предками современных вепсов. Древневепсская охотничья колонизация восточного берега Ладожского озера и побережья Онежского озера падает на рубеж I−II тысячелетий н. э. и на XI−XIII вв. Датировка подавляющего числа курганов древней веси в юго-восточном Приладожье относится к X−XII вв.[1]

Начало государственной инкорпорации веси в структуру Древнерусского государства зафиксировала уже *Повесть временных лет* в знаменитой статье под 6370 (862) г. о призвании варягов[2]. Но территория нынешней Карелии тогда еще не относилась к древневепсскому ареалу постоянного оседлого проживания. Археологи находят, что первичное крестьянское освоение северного Обонежья началось со II тысячелетия и в первое время ограничивалось олонецкими местами и нижней половиной Присвирья, вплоть до Важинских порогов, выше которых заселение не продвигалось. И только с XIII в. население нижнего Присвирья двинулось дальше на Север[3].

Судя по обрывкам текста берестяной грамоты № 226, относящейся к XII−XIII вв., на вепсской реке Паше Новгородское государство собирало дань методом *полюдья*: «…в полюдие семо м… по Паше…»[4]. Нас не должно удивлять использование столь древнего способа сбора налогов применительно к отдаленной территории. В Новгородской земле данный способ практиковался издревле и дожил, по крайней мере, до создания Новгородской республики. Жа-

---

[1] *Кочкуркина С. И.* Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973; Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 286–290 (с. 288 − карта-схема «Памятники юго-восточного Приладожья»).

[2] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. I. Стб. 19–20; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. II. Стб. 14–15.

[3] *Кочкуркина С. И.* Указ. соч. С. 67–78.

[4] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956−1957 гг.). М., 1963. С. 49 (№ 226).

лованная грамота князя Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г. передавала обители великокняжеское «осеньнее полюдие даровьное» в Новгородской земле[1]. Во-вторых, к полюдью прибегали не только в Новгородской земле, но даже в более южном Ростово-Суздальском княжестве[2]. Очевидно, что на рубеже XII−XIII вв. полюдье использовалось не только на вполне освоенных государством ростово-суздальских землях, но и в центре и на севере Новгородского государства, например, в вепсском Присвирье, о чем и говорит грамота № 226.

Полюдие даровьное указывает и на конкретный государственный налог. Полюдье − это форма изъятия налога. Но сам налог с коренного славянского населения Новгородчины назывался *дар*, а не дань. *Дань* выплачивала весь: в *Повести временных лет* весь помещена в список неславянских народов, «иже дань дают Руси»[3]. Г. С. Лебедев выявил систему ценностных предпочтений автора начального свода «Повести» в отношении 25 славянских и неславянских этнических общностей, связанных с Древнерусским государством, и пришел к любопытному заключению. Оказывается, все эти народы делятся на три группы. Первые две группы занимают восточные славяне. При этом новгородские словене, поляне, дреговичи и полотчане относились к первой группе, основавшей древнерусскую государственность, чьи земли лежали вдоль главного пути «из Варяг в Греки». Весь попала в третью, подчиненную Руси группу (автохтоны, свой язык, свой город Белоозеро, «погани», «дань дают»), которая очерчивает максимальные пределы государства[4].

---

[1] Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под общ. ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949 [Далее − ГВНП]. С. 140–141 (№ 81); *Янин В. Л.* Новгородские акты XII−XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 135–136.

[2] В 1191 г. 25 февраля епископ Иоанн застал в Ростове великого князя Суздальского Всеволода Юрьевича, который «бяше… въ Ростове в полюдии, а преже сего былъ въ Переяславли» (Летописный сборник, именуемый Тверской летописью [Далее – Тверская летопись] // ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 279); в 1201 г. князь вновь «бяше… въ Переяславли Залескомъ з детьми своими въ полюдьи» (Там же. Стб. 290).

[3] ПСРЛ. Т. I. Стб. 11; Т. II. Стб. 8.

[4] *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 191–195.

Летопись прочно связывает выплату дани суверену представителями другого народа, а не этнически «своими». Поэтому в статье о призвании варягов и говорится: «Изъгнаша варяги за море и не даша имъ дани, и почаша сами в собе володети. И не бе в нихъ правды… Поищемъ собе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву. …Да поидете княжить и володети нами»[1]. Другими словами, дань обязательно совмещается с законоустановлениями (*правдой*, *правом*), причем не собственными («не бе в нихъ правды»), а с договорными, которые, очевидно, местное самоуправление через своих послов и выработало на переговорах с Рюриком. Так самоуправление сыграло ключевую роль в деле образования Древнерусского государства.

Среди заонежан (жителей Заонежского полуострова) сохранилось древнейшее предание о начале выплат дара и дани в пользу «князя Юрика», записано в XIX в., его приводит Н. А. Криничная. Конечно, соблазнительно под *Юриком* понимать Рюрика. Не претендуя на это, ограничимся более обширным периодом − временем первых общерусских правителей (князей). Итак, предание гласит: «Пусть крестьяне заонежане, порешил он, ополномочены мной данью, нетяжелым оброком. Под Новгород подберу их и положу на их − половину беличья хвоста в дар с их брать; потом через малое время положу полшкурки беличьей, а тут и шкуру целую, и далее, и более»[2].

Заонежский полуостров стал заселяться крестьянами вепсами и русскими с XIII в., и об этом речь пойдет ниже. Тут же отметим, что предание, видимо, изначально было принесено в Заонежье переселенцами, а его сложившийся вид появился при смешении двух волн колонизации: вепсской и русско-новгородской. Поэтому в одном тексте говорится и о даре, и о дани. Вместе с тем в предании твердо присутствует Новгород как центр власти. Не менее интересно и упоминание «ополномоченных»: ровно так, через местное самоуправление (вепсских старейшин и старост погостов), собирались налоги.

---

[1] ПСРЛ. Т. I. Стб. 19, 20; Т. II. Стб. 14.

[2] Олонецкие губернские ведомости. Петрозаводск, 1868. № 51; *Криничная Н. А.* Русская историческая проза: Вопросы генезиса и структуры / Отв. ред. В. И. Соколова. Л., 1987. С. 64.

Новгород весьма ревностно относился к распространению данических отношений на народы Севера[1]. Уже в 1032 г. новгородцы совершили дальний поход на р. Сысолу, к «Железным воротам» (в 80 км южнее современного Сыктывкара), «и вспять мало ихъ възвратишася, но мнози тамо погибоша»[2]. Сысола являлась удобным речным путем из Волжской Булгарии на Север. На Сысоле стоял ряд крепостиц, которые даже в XVII в. помнились в названиях 7 местных погостов и деревень: *Городище*, *Чудское городище*, *Другое Чудское городище* и подобные – в значении «заброшенное укрепление»[3]. Будучи еще городками, они давали северянам возможность торговать с Волжской Булгарией с относительно независимых позиций. Поэтому Новгород предпринял такой тяжелый поход именно на Сысолу. Установив за ней военный контроль, он устранил с Севера конкурентов и теперь сам стал собирать дань с северных народов: заволочской чуди, перми, печеры и других[4].

Летописи выделяют данные области традиционным названием Заволочье, «за Волоком». И у нас нет сомнений в том, что в текстах о событиях XIII−XV вв. речь идет именно о двинском Заволочье − отдаленной *волости* Великого Новгорода. Так, в проекте договора Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем 1264 г. содержалось условие: новгородские *волости*, в том числе в Заволочье, держать «мужами новгородскими»; в январе 1478 г. Иван III потребовал от новгородских пригородов Двины и Заволочья сложить крестное целованье Великому Новгороду в пользу великого князя[5]. Но первые летописные сообщения о земле «за Волоком» связаны с гибелью там новгородского

[1] *Макаров Н. А*. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI−XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 15–16.

[2] Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью [Далее – Патриаршая (Никоновская) летопись] // ПСРЛ. Т. IX. М., 2000. С. 79.

[3] Переписная книга Яренского уезда 1646 г. // Документы по истории народа коми: Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVII в. / Сост. Н. П. Воскобойникова, М. А. Мацук. Сыктывкар, 1985. С. 158, 160, 162, 164, 174, 176, 180.

[4] См. рассказ новгородца Гюряты Роговича под 6604 (1196/97) г.: «…послахъ отрока своего в Печеру люди, иже суть дань даяще Новугороду. … и оттуде иде въ Оугру» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 234–235; Т. II. Стб. 224–225).

[5] ГВНП. С. 9–10; Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. М., 2004. Т. XXV. С. 321.

князя Глеба Святославича в 6586 (1078) г.[1] В них говорится не о двинском Заволочье, а о Каргополье и бассейне р. Онеги.

Уже Н. П. Барсов утверждал, что Волоком первоначально назывался водораздел между Поволжьем и Озерной областью (берега озер Онежского, Белого, Воже и Лаче) и реками беломорского бассейна: Заволочье XI в. − это бассейны рек Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры[2]. В. О. Ключевский под начальным Заволочьем понимал бассейны рек Онеги и Северной Двины[3]. И напротив, исследователи М. М. Богословский и Н. А. Насонов посчитали Заволочьем только бассейн Северной Двины[4]. С нашей точки зрения, ближе всех к толкованию понятия *Заволочье* подошел П. Н. Милюков, предложивший генетический подход. Первоначально, в XI в., Заволочье – это земли за ближайшими волоками, относившиеся к Озерному краю. По мере продвижения новгородцев на восток с середины XII в. понятие Заволочье распространилось на Северную Двину и Задвинье, а с середины XIII в. под Заволочьем понимали уже Задвинье и Печерский край[5]. Наконец, архангельские историки считают Заволочье XI−XIII вв. областью на реке Ваге, где якобы проживали народы емь и весь (отличная от веси Озерной области); в XIII−XIV вв. Заволочье распространилось на Нижнее Подвинье, а в XIV−XV вв. Заволочье и Двина стали *синонимами*, обозначая Двинскую и Важскую земли[6]. Но Иван III, напомним, не смешивал Двину с Заволочьем.

---

[1] ПСРЛ. Т. I. Стб. 199–200; Т. II. Стб. 190–191. В Новгородской первой летописи − ошибочно под 6587 г. (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [Далее – НПЛ] // ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 18, 201), см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 221.

[2] *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи. 2-е изд. Варшава, 1885. С. 17, 219–220.

[3] *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. первая. С. 378.

[4] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. В 2-х т. М., 1909. Т. I. С. 4–5; *Насонов Н. А.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 101.

[5] *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. I. С. 447.

[6] *Васильев Ю. С.* Об историко-географическом понятии «Заволочье» // Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971. С. 103, 105; *Буланов В. Н.* Русский Север. Книга первая. Заволочье (IX−XVI вв.). Архангельск, 1997. С. 108.

В самом деле, в Задвинье новгородцы могли попадать через Сухону и Северную Двину (поход на Сысолу, очевидно, как раз и шел по этим рекам). Но для раннего этапа новгородской и в целом для русской колонизации Севера имелось более ближнее Заволочье − Каргополье и Поонежье, путь в которые шел через волоки с северных притоков Белоозера к западным притокам озер Воже и Лаче. Собственно, именно это, а не двинское Заволочье твердо зафиксировано в завещаниях XVI в. русских монархов наследникам престола: «даю… Заволоцкую землю всю: Онего и Каргополе и все Поонежье»[1]. *Завещания* − документы сложные в немалой степени еще и потому, что игнорировали введенное неустанными трудами монархов уездное административно-территориальное деление. Вместо этого правители упорно продолжали завещать наследникам земли в строгом соответствии с удельной географией прежних веков, т. е. ровно так, как эти владения поначалу складывались, а затем, в XIV − начале XVI в., переходили под власть Москвы.

Завещания выделяют *Онего* (Онежское озеро), *Каргополье* и *Поонежье* (бассейн р. Онеги). Однако первичная общность новгородского Заволочья к концу XII в. потеряла Каргополье. Из *Моления Даниила Заточника* (его челобитья суздальскому князю Ярославу Владимировичу, около 1197 г.) узнаем, что тогда Каргополье с озером Лаче находилось уже под властью Суздаля: «кому Лаче-озеро, а мне, на нем живя, плач горький». Впрочем, Заволоцкая земля как именно Каргополье и Поонежье известно Писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. О Кенском волоке (с верховьев р. Водлы в Каргополье) там сказано: «а через тот волок торговые люди из Ноугородцкие земли ходят с товаром в Заволоцкую землю, а из Заволоцкой земли в Ноугородцкие земли водяным путем в судех»[2].

---

[1] Памятники русского права. В 8-ми вып. М., 1955. Вып. 3. С. 269 (из *Завещания* Ивана III, 1505 г.); Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I. С. 384 (из *Завещания* Ивана IV, 1570-е гг.).

[2] Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г. Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г.: Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1 [Далее − ПК 1563 г.]. С. 177.

Таким образом, первоначальное Заволочье включало земли Озерного края и реку Онегу. Само это название отразило взгляд древнерусского человека на пути проникновения на Север − из Верхнего Поволжья. Взгляд этот простирался вплоть до восточного побережья Онежского озера (будущего Пудожья). Между тем нас более всего интересует смежное с Заволочьем *Северное Обонежье* − область, подходящая к Онежскому озеру со стороны Новгорода. Данное название отобразило другое направление древнерусской экспансии на Север: от Новгорода к северо-востоку, на Свирь, с выходом на берега Онежского озера. Как раз на самом востоке Обонежья, в Пудожском крае, оно и смыкалось с первоначальным Заволочьем через Кенский волок.

Как таковое Обонежье впервые значится в летописи под 6846 (1338/39) г.: «Воеваша Немце с Корелою много по Обонижью, послеже и Ладогу пожгоша, пригонивше, посад, нь города не взяша»[1]. Здесь как раз и указано новгородское Обонежье, расположенное недалеко от города Ладоги. А ранее дважды, под 1282/83 и 1317 гг., летописи упоминали новгородцев *обонежских купцов*, пострадавших от военных действий шведов[2].

Новгородские купеческие корпорации складывались на основе рынков закупки и продажи товаров, по географическим наименованиям которых они и звались. Например, купцы *щетинцы* торговали с Щецином, а *югорцы* везли ценную пушнину из зауральской Югры[3]. Строки летописи об Обонежье и торговой корпорации обонежских купцов − все это говорит о существовании административной области *Обонежья*, по крайней мере, с середины XIII в.

Обонежским купцом являлся, видимо, и небезызвестный Борис Кижáнинов. Около 1398 г. пострадала его рижская торговля, и новгородские власти степенный посадник боярин Александр Фоминич Царский, степенный тысяцкий Елисей Константинович (сын князя Константина Белозерского) отправили его в Ригу со своей

[1] НПЛ. С. 348−349; Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 409.

[2] См., напр.: НПЛ. С. 95, 325, 337.

[3] *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 279.

грамотой рижским властям[1]. Для нас в данном источнике наибольший интерес представляет фамильное прозвище купца. Форма *Кижанинов* указывает на то, что его отцом был купец с именем-прозвищем *Кижáнин*. Не связано ли прозвище напрямую с Северным Обонежьем? «Киж-» – это русифицированная основа карельских и вепсских топонимов, имеющих четкий ареал распространения по северной окраине Обонежья между северо-восточным побережьем Ладожского и северным прибрежьем Онежского озер. На карельском *kiidžin* – название озерного мха Дрепанокладус крючковидный, который не гниет, и поэтому местные жители конопатят им избы, прокладывая слоем между бревнами; ареал топонимов на «киж-», в том числе остров Кижи, совпадает с местами произрастания этого мха[2].

Археологи обнаружили на о. Кижи селище *Наволок* с двумя средневековыми комплексами. Первый относится к X–XI вв. и представляет собой следы кратковременной стоянки. Зато второй комплекс датируется временем развитого средневековья. При этом форма одного из найденных на раскопе перстней бытовала в Новгороде во второй половине XII–XIV вв., форма другого перстня относится ко времени с середины XII до конца XIV в., форма янтарного нательного креста встречается в Новгороде с последней трети XII до третьей четверти XV в., а вислая свинцовая печать с надписью «Печать Игната Михаиловича» датирована В. Л. Яниным серединой XV в.[3] Отец Кижанинова, очевидно, жил в середине XIV в., поэтому будет логичным предположить,

[1] *Янин В. Л.* Две неизданные грамоты XV века // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 337; *Он же.* Князья Копорейские // Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 275–276 (хронологическое обоснование).

[2] *Агапитов В. А.* Кижи: что в имени твоем? (О происхождении названия Кижи и не только…) // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 18–23; *Муллонен И. И.* Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. С. 59–60.

[3] *Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В., Манюхин И. С.* Освоение южного Заонежья в раннем и развитом средневековье (по материалам раскопок селища Наволок на о. Кижи) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 236–238.

что обонежский купец Кижáнин торговал именно с кижáнами, а на острове Кижи располагалась купеческая стоянка. Сам о. Кижи стал центром Спасского Кижского погоста, занимавшего юг Заонежского полуострова.

Но до государственной инкорпорации Заонежья прошло много времени. Смерть князя Глеба в 1078 г. получает истолкование как ранняя неудачная попытка распространить власть Новгорода на будущие Обонежскую Карелию и Поонежье через волоки Верхнего Поволжья. Длительный период между этой датой и появлением в середине XIII в. новгородской административной области Обонежья был наполнен упорными трудами новгородцев инкорпорировать свирско-онежскую весь в состав своих владений.

В самом деле, Присвирье в XI–XII вв. еще никак не могло быть коридором для новгородцев в деле освоения ими Обонежской части Карелии. Вепсы сами осваивали побережье Онежского озера в X–XI вв., основывая здесь и немногие стационарные поселения с курганными захоронениями (Челмужи, Кокорино), и кратковременные стоянки (Наволок на о. Кижи)[1]. Целью являлся пушной промысел, процветавший в рамках заметной «циркумбалтийской торговли». Она велась по Волге в направлении Балтики, и северяне были вовлечены в нее в роли поставщиков пушнины, которую восточные и западные купцы выменивали на серебро. Как писал в X в. с большим знанием торгового дела перс Бируни, «серебро легче перевозить, чем те необходимые предметы, которые на него можно купить». От тех времен в Присвирье и в Карелии остались многочисленные кла-

[1] *Кочкуркина С. И.* Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972. С. 103–112; *Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М.* Средневековые поселения // Древние поселения Карелии (от мезолита до эпохи средневековья). Петрозаводск, 1988. С. 121–135; *Спиридонов А. М.* Раннесредневековые памятники Кокорино // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 29–48; *Он же*. Раннесредневековые памятники в приустье р. Илексы // Национальный парк «Водлозерский»: Природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 27–254; *Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В., Манюхин И. С.* Указ. соч. С. 236–237.

ды серебряных монет восточной и западной чеканки, некоторые – до десяти тысяч монет[1].

Отголоски тех времен, видимо, звучат в некоторых преданиях «о панах». Конечно, большинство таких легенд повествует о шведской интервенции на Севере в 1610-х гг., но часть их пришли из более древних времен. Согласно этим последним преданиям, *паны* жили в укрепленных поселениях-*замках* на реке Водле, у Повенца и на Городовом острове на Выгозере. Вооружены они были луками и ходили отрядами, покоряя местное население и заставляя его работать на себя. Изгнали этих панов русские[2].

Архаика данных легенд требует истолкования. Генезис феодальных отношений у веси как бы подогревался деятельностью на Севере викингов-варягов. Связи племенных верхушек прибалто-финнов, в том числе веси, с варягами вызвало появление этносоциальной группы *колбягов* (или *кюльфингов*). Они упоминаются, наряду с варягами, в кодексе законов *Русской Правде* 1015 г.[3] и в скандинавских сагах. В частности, саги повествуют о том, что кюльфинги занимались на Севере торговлей, «а кое-где – и грабежами». В Присвирье у колбягов имелся собственный укрепленный центр Алаборг на р. Сясь, впоследствии − село Городище[4].

Городище есть и на Водле. В Писцовой книге Заонежских погостов 1563 г. указан ряд деревень в центре Пудожского погоста (ныне

---

[1] *Спиридонов А. М.* Нумизматические источники по истории Приладожья и Обонежья конца I – начала II тыс. н. э. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1984. С. 136–147; *Он же*. Монетные клады Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея: Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1995. Вып. 3. С. 136–151.

[2] Чудские памятники и предания о «панах» // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867. Отд. III. С. 113–117.

[3] НПЛ. С. 176 («А се есть правда рускаа» в летописной статье младшего извода под 6524 (1015/16) г.), 490 (Приложение второе. Статьи, следующие за комиссионным списком: «Правда Русьская», – статья «А се аще придеть кровавъ мужъ»).

[4] *Мачинский Д. А., Мачинская А. Д.* Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII−XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 52–54; *Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.* Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990 [Далее − ПИК]. С. 110–111; *Джаксон Т. Н.* Древняя Русь глазами средневековых исландцев / *Jackson T. N.* Old Rus through the eyes of medieval Icelanders // Российские исследования по мировой истории и культуре / Russian Studies in World History and Culture. T. 3 / Vol. 3. N.-Y., 2000. C. 70–72.

г. Пудож), в названиях которых присутствует это слово: деревня *На Городище*, деревня *На острове словет под Городищем у Жаравкене реке* и деревня *На Жаравице на Городище словет Титовская*[1]. Очевидно, именно это место имели в виду архаичные предания о панах, рассказывая об их «замке» на Водле. Да и другое название *Городовой остров* на Выгозере (ныне затоплен Выгозерским водохранилищем) указывает на когда-то существовавшее здесь укрепление. В целом предания согласуются с нашими знаниями о колбягах-кюльфингах.

Пока колбяги хозяйничали на территории будущей Обонежской Карелии, прямое новгородское государственное освоение этих земель из Присвирья не могло начаться. В погосты своего Заволочья − на р. Онегу и низовья Северной Двины − новгородцы добирались другим путем, через Белоозеро и Каргополье. Географию этих самых северных новгородских погостов и рисует *Уставная грамота* 1136/37 г. князя Святослава Олеговича[2].

Данный Устав, по мнению В. А. Кучкина, являлся разверсткой дани на определенной территории[3]. При этом он возводит такую традицию к *Ярославлим грамотам*[4] и ссылается на работу А. В. Кузы о Новгородской земле в X−XIII вв. Последний действительно считал, что уставы Ярослава Мудрого содержали «перечень территорий, погостов и становищ, где взималась дань»[5]. Но сам Устав 1136/37 г. не оставляет сомнений в ошибочности мнения Кучкина. Данный документ являлся договором между новгородским князем Святославом-Николаем и епископом Новгорода Нифонтом по поводу передачи Дому св. Софии десятины от княжеских данни-

[1] ПК 1563 г. С. 181, 183.

[2] Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 147–148; Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. С. 117–122.

[3] *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X−XIV вв. М., 1984. С. 59.

[4] О грамотах Ярослава Владимировича Мудрого, которые для Новгорода являлись законодательным утверждением его особых договорных отношений со своими князьями, см. статью НПЛ под 6736 (1228/29) г. − новгородцы заявили князю Ярославу Всеволодовичу: «на всеи воли нашеи и на вьсехъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашь князь» (НПЛ. С. 67, 273).

[5] *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X−XIII вв. М., 1975. С. 162.

ческих и судебных доходов с перечисленных в грамоте погостов, расположенных в Поонежье и в низовьях Северной Двины[1]. Поэтому ссылки Устава на старину означали не «Ярославли грамоты», а утвердившийся со времен великого князя Киевского Владимира I уставной порядок передачи церкви десятины от государственных доходов. Этот порядок относился и к Новгороду.

Более того, предшественник князя Святослава в Новгороде Всеволод Мстиславич не только подтвердил данный порядок (*уряжение*) для Новгородской земли в своем «Уставе о церковныхъ судехъ, и о людехъ, и о мерилахъ торговых», но даже расширил права епархии. Так, он установил, чтобы с суда княжеские тиуны отдавали Дому Св. Софии десятую часть за каждую *княжую душу,* т. е. судебные штрафы и пошлины с прямо подчиненного князю осужденного[2]. Стало быть, новый Устав 1136/37 г. понадобился, чтобы распространить этот порядок сбора десятины с княжеских даней и с княжеского суда на территории, с которых ранее такие доходы церкви не шли. Косвенно это указывает на то, что Поонежье и Северная Двина образовали даннический и судебный округ совсем недавно − незадолго до 1136/37 г.

Новгородский договор, оказывается, не являлся единственным подобным документом. Как раз в 1136 г. в соседнем Смоленске князь Ростислав Мстиславич выдал смоленской епархии свою Учредительную или Уставную грамоту, где также речь шла о десятине, в том числе с *полюдья* и с суда в пользу смоленского Дома пресв. Богородицы[3]. Итак, Новгород и его владыка последовали примеру Смоленска.

Видимо, со стороны князя Святослава договор носил вынужденный характер. Летопись, к сожалению, не сообщает прямо о конфликте, который разгорелся между владыкой Нифонтом и князем по поводу договора. Но она повествует о том, что Нифонт отказался женить молодого князя и запретил венчать его своим священникам и священноинокам. Князю пришлось венчаться в

[1] Древнерусские княжеские уставы. С. 147.

[2] НПЛ. Приложение второе. С. 485–488.

[3] Смоленские грамоты XII−XIV вв. М., 1963. С. 77; *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси, XI−XIV вв. М., 1972. С. 137; *Кучкин В. А.* Указ. соч. С. 75–76.

только что отстроенной и освященной 5 декабря 1136 г. церкви во имя св. Николая (небесного патрона Святослава-Николая) «своими попы»[1]. Отголоском конфликта, очевидно, звучит и нравоучительная фраза Устава о том, что сбор десятины выгоден и князю, и церкви[2]. Действительно, через структуру погостов церковь укрепляла власть государства.

Для нашей темы история создания Устава 1136/37 г. интересна тем, что у него имеются две приписки последующего времени − об Обонежском ряде и о Бежицком ряде. Первая из них впервые рисует территорию вепсских погостов. Но весь этот уставной комплекс из трех документов получил неоднозначное истолкование. Так, Н. А. Насонов попытался связать уже погосты Устава 1136/37 гг. с территорией будущей Обонежской Карелии: Спирков погост − с Посвирьем, Тудоров погост − с Тудозером (на юго-восточном побережье Онежского озера) и Валдутов погост − с Вавдиполем на Водлозере[3]. Данная интерпретация не получила поддержки других исследователей. Все эти три погоста отыскались в заволочском Поонежье[4].

Локализация Спиркова, Тудорова и Валдутова погоста на берегах Свири, в юго-восточном Прионежье и на Водлозере понадобилась Н. А. Насонову для обоснования широкой полосы даннической территории вепсов, протянувшейся от г. Ладоги через Присвирье к Онежскому озеру, а оттуда к р. Онеге. Одновременно, утверждал автор, погосты Обонежского ряда, какими их рисует приписка к Уставной грамоте, как бы являлись продолжением даннического округа Ладоги и заканчивались там, где начинались новгородские погосты Поонежья. Поэтому, по мнению Насонова,

[1] НПЛ. С. 24, 209.

[2] Древнерусские княжеские уставы. С. 147.

[3] *Насонов Н. А.* Указ. соч. С. 100.

[4] *Куза А. В.* Указ. соч. С. 190; *Спиридонов А. М.* Локализация пунктов Устава Святослава Ольговича 1136/37 г. и становление погостов в Прионежье и Заволочье // Краткие сообщения Института археологии. 1989. Вып. 198. С. 16–21; *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 140.

округ образовался значительно раньше, в первой половине или в середине XI в.[1]

А. В. Куза, в принципе соглашаясь с Насоновым, посчитал возникновение погостов Обонежского ряда еще более ранним событием, так как они «издревле тяготели к Ладоге и в этническом, и в экономическом плане. Культура приладожских курганов с их дружинными погребениями, захоронениями скандинавов находит ближайшие параллели в Ладоге и ее окрестностях»[2]. Тяготение археологических находок к ладожским материалам никак не может стать доказательством существования общего для района г. Ладоги и вепсского юго-восточного Приладожья податного округа и его низовой административно-территориальной системы. Н. А. Насонов, кстати, не нашел ни одного погоста Обонежского ряда, который можно было бы отожествить с ладожскими погостами[3]. «Потеря» в последующих толкованиях Спиркова, Тудорова и Валдутова погостов как связующего звена между Ладогой, Онежским озером и р. Онегой делает интерпретацию Н. А. Насонова неубедительной. И в целом, приписка об Обонежском ряде, как справедливо заметил В. Л. Янин, относилась уже к другой эпохе, к середине XIII в.[4] Сказанное не означает, однако, что сами погосты Присвирья не могли образовываться до середины XIII в. или даже ранее, по-

[1] *Насонов Н. А.* Указ. соч. С. 74. Ссылка на Тудора как на древневепсского старейшину, давшему название Тудорову погосту, неубедительна. Имя Тудор (Теодор-Федор) было достаточно распространено среди русской управленческой элиты, как в Киеве, так и в Новгороде. Например, в 1146 г. после 1 августа киевляне обвинили тиунов умершего великого князя Всеволода Ольговича: «Ратша ны погоуби Киевъ, а Тоудор Вышегородъ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 321), а по сведениям Тверской летописи, одним из послов Новгорода к князю Ярославу Переяславскому в 1229 г. был Иван Тудоркович (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 353).

[2] *Куза А. В.* Указ. соч. С. 152.

[3] *Насонов Н. А.* Указ. соч. С. 74.

[4] *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 141–142. Напомним принципиальное положение Б. Д. Грекова о стадиальной неоднородности различных земель России в эпоху феодальной раздробленности (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1944. С. 231).

скольку вышеупомянутая грамота на бересте № 226 со словами о полюдьи на Паше относится к XII–XIII вв.[1]

Мы не согласны лишь с выводом о раннем создании отдельного вепсского административно-территориального округа. А сами погосты в землях язычников прибалтийских финнов, по-разному охваченных влиянием Древнерусского государства, вполне могли возникать и существовать вне церковно-государственной структуры. Так, ранние восточноэстонские «погосты» являлись районами проживания различных племенных групп эстов с центрами родоплеменной власти. Это положение доказывается строками Ипатьевской летописи о походе Мстислава Владимировича с новгородцами и псковичами на Чюдь в 6624 (1116/17) г.: «и взя городъ ихъ именемъ Медвежа глава и погостъ бещисла взяша, и възвратишася въ свояси съ многомъ полономъ»[2]. Восточные эстонцы, по данным мюнхенского историка Э. Хёша, были крещены в православие только в 1208 г.[3]

По этому пути, очевидно, развивалась политика Новгорода и в отношении веси. Поначалу маршрут новгородцев к рекам Онеге и Северной Двине шел не по Свири, Онежскому озеру, Водле и Кенскому волоку, а через Каргополье. Но как только ростово-суздальские князья, владевшие Белоозером, в XII в. наложили свою руку на каргопольские места, связи Новгорода со своей заволочской провинцией затруднились. У Новгорода оставался кружной маршрут через Верхнее Поволжье и свою область Вологду на реку Сухону[4]. Но и он весьма часто атаковался суздальцами[5]. Вот почему окон-

---

[1] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). С. 49.

[2] ПСРЛ. Т. II. Стб. 283. О «замке Оденпэ», что означает «Голова медведя» писал Генрих Латвийский (Хроника Ливонии / Пер. С. А. Аннинского. М., 1938. С. 108).

[3] *Хёш Э.* Восточная политика Немецкого Ордена в XIII веке // Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 70.

[4] О новгородской колонизации Верхнего Поволжья (низовий Шексны и Мологи) уже в XI в., о второй волне древнерусской колонизации XI–XII вв., захватывавшей волоки на Северную Двину (бассейны Кубенки и Ваги) и о пути на двинский Север по Суде, Шексне и Сухоне см.: *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 55–56.

[5] Как раз с середины – второй половины XII в. наблюдался особенно резкий всплеск противостояния Новгорода и Ростово-Суздальского княжества по поводу сбора северных даней. Выше мы уже отметили сообщение Тверской летописи под

чательная государственная инкорпорация вепсских земель Присвирья, с постепенным крещением веси и созданием на этой основе местной структуры погостов, стала остро необходимой Новгороду на рубеже XII−XIII вв.

Именно в это время, как считают археологи, в Присвирье и на олонецких землях сходит на нет традиция возведения курганов с их языческими ритуалами захоронений[1]. В отличие от акта крещения корелы, летописец не уделил внимания крещению веси. Очевидно, что это был не одномоментный акт, а довольно длительный процесс. Христианизация веси и корелы, кстати, сопрягалась с таким же крестильным процессом по всему новгородскому Русскому Северу. В конце XII − первой половине XIII в. даже на селе соблюдался если не весь христианский обряд захоронений, то хотя бы его элементы[2]. Но, конечно, первичная христианизация выражалась скорее в следовании христианскому обряду, нежели христианскому вероучению. В. О. Ключевский объяснял этот феномен синкретизмом − органическим вписыванием веры в христианского Бога в языческое мировоззрение[3].

Христианство могло привноситься в языческую среду веси через русских поселенцев. Интересно, что среди приладожских курганов

6657 (1148/49) г. о такой стычке (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 214); затем под 6676 (1167/68) г. Рогожский летописец записал: «ходи Даньславъ Лазоутинич[ъ] дани имати на Двину въ 500 мужии и приидоша на нь Суждальцевъ 1000 и 500 и бишася и оубиша Суждалцевъ 70 и приидоша здрави, вземши дань» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 22). В ответ в 1169 г. последовал бесславный для суздальцев поход на Новгород, «и оттоле отъяся честь Суждалскаа» (Там же). На следующий 6679 (1170/71) г. вновь «иде Данславъ Лазутичь изъ Новагорода на Двину дани имати по обычяю Новогородцкому, а съ нимъ пятсотъ человекъ, и сретишася съ Суздалци и съ Рязанци на Белеозере, и бяше ихъ седмь тысящъ и триста человекъ, и сотвориша бой, и паде тогда Суздалцевъ тысяща и триста человекъ, а Новогородцевъ точию пятнадесять человекъ, и взяша на Заволочянехъ дань, а другую на Суздалцехъ и на Рязанцехъ» (Патриаршая (Никоновская) летопись // ПСРЛ. Т. IX. С. 241; Тверская летопись. Стб. 240). Наконец, самое большое из сражений домонгольской Руси, Липицкая битва 1215 г. произошла в немалой степени и по причине неразрешенности конфликта Новгорода и Суздаля из-за северных даней.

[1] Археология Карелии. С. 290.

[2] *Макаров Н. А.* Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 129.

[3] *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1956. Т. I. С. 305.

XI–XII вв. выделено 7 славянских по виду погребений[1]. На то же раннее, но незначительное проникновение славян-русских в южное Присвирье указывает и топонимический материал. Большинство из известных примеров, однако, говорит не об обрусении местного вепсского населения, а лишь о включении местных названий в официально-государственную сферу употребления[2]. Наглядным примером может служить адаптационная модель с русскими суффиксами *-ичи/-ици*, которая заменяла исконную вепсскую оконцовку на *-l(a)*. Модель была распространена в южном Присвирье, особенно в бассейне р. Ояти, но много таких названий и на Олонецкой низменности[3].

К огосударствлению вепсской топонимии относится и пример Олонца[4]. Первое его упоминание в форме *Олоньсь* встречается в Новгородской первой летописи о походе еми на Ладогу под 6736 (1228) г.: «воевали бо бяху около озера [Ладожского. – *А. Ж.*] на Исадех и Олоньсь»[5]. Значение слова *исады* – «пристань». Так, в Патриаршей (Никоновской) летописи помещена летописная повесть *О войне на Болгары* (о суздальском походе 1219 г. на Волжскую Булгарию), в которой не раз упоминаются пристани-исады. Исады имелись у булгарского города Ошля (там произошла первая высадка рати князя Святослава на берег) и у столицы Волжской Булгарии Великого града: «Болгаре, …собравшеся изыдоша к исадомъ на

[1] Археология Карелии. С. 293.

[2] *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С.43–47.

[3] Там же. С. 84–89.

[4] Там же. С. 50–51.

[5] НПЛ. С. 65, 270–271. В Лаврентьевской летописи указаны только Исады (без Олонца): ПСРЛ. Т. I. Стб. 510. Интересно, что только в этой летописи в данной статье Ладожское озеро названо Волотьским, т. е. Волоковым. Либо мы имеем дело с ошибкой летописца, либо это одно из древнейших названий Ладоги, наряду с Нево. В самом деле, с Ладожского озера начиналось множество водно-волоковых путей к Белому морю и к Ботническому заливу Балтики. В летописях определение волот(ь)ское прочно закрепилось за событиями, связанными с Волоком Ламским (ныне – Волоколамск). Напр., в Рогожском летописце под 6866 (1358/59) г. описана «волотьская рать да можайская», отбившие Ржеву у Литвы, а под 6896 (1388/87) г. говорится о ратях «можайской, звенигородской и волотской», отданных вел. князем Дмитрием суздальским князьям для их войны с нижегородским князем Борисом Константиновичем (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 67, 154).

брегъ. …Князь же Святославъ Всеволодичь мину исады, и ста на усть Камы»[1].

Но в новгородском известии под Исадами следует понимать конкретный населенный пункт недалеко от устья Волхова, при впадении в него р. Златынь (ныне – деревня Иссад)[2]. Поэтому мы и написали его с заглавной буквы (в отличие от публикаторов летописи). Под названием же *Олоньсь*, наоборот, скрывается не конкретное поселение (центр будущего Олонецкого погоста), а *местность* в низовьях реки Олонки. Собственно, финское Aunus и местное карело-ливвиковское Anus и означает низменность, «низкое место». В древности, очевидно, так и называлась Олонецкая низменность.

В данном контексте сообщение выглядит описанием широкого фронта нападений еми, в котором отмечены крайние фланги на побережье Ладоги: южный (Исады в Поволховье) и северный (местность на р. Олонке). Если бы речь шла об Олонце как поселении, то оба топонима давались бы в одном предложном падеже и, может быть, с предлогом: «на Исадех и Олоньси(е)» или «на Исадех и во (на) Олоньси(е)».

Олонец как населенный пункт, более того, как центр погоста – *во Олонци* – впервые указан в приписке к Уставу Святослава Ольговича под особым подзаголовком «А се Обонезьскыи ряд»[3]. Комментируя приписку об Обонежском ряде, прежде всего следует сказать, что именно в ней впервые очерчен податной и судебный округ, который по своим пределам не совпадает ни с ладожскими погостами в нижнем Поволховье, ни с погостами в Поонежье; мы имеем дело с совершенно новым округом. Во-вторых, как и в случае с самим Уставом 1136/37 г., данный документ является *рядом* – письменным договором между новгородскими князем и Домом св. Софии. О времени данного *уряжения* имеются различные суждения.

Комплекс из трех новгородских уставных документов содержится в подлинном списке на пергамене Кормчей книги, созданном в 1280-х гг. Но это не означает, что именно тогда и были заключены Обонежский и Бежицкий ряды. Сама Кормчая книга с церковными законами и толкованиями, в переводе архиепископа Саввы

[1] Патриаршая (Никоновская) летопись. С. 83, 84, 85.

[2] *Селин А. А.* Ладога при московских царях. Старая Ладога; СПб., 2003. С. 13.

[3] Древнерусские княжеские уставы. С. 147–148.

на церковнославянский язык, попала на Русь из Болгарии трудами русского митрополита Кирилла (1249−1281 гг.)[1]. Ее новгородский Синодальный список содержал, как видим, и чисто новгородские дополнения. Но нельзя, конечно же, выводить дату заключения *рядов* и из вышеупомянутых спорных ранних дат создания округа (работы Н. А. Насонова и А. В. Кузы). Впрочем, и А. В. Куза так не считал. По его мнению, соглашение появилось в конце 1220-х гг., когда Новгород вновь признал власть князя Ярослава Всеволодовича, запретив ему посылать судей в новгородские волости[2]. Но тогда получается, что Обонежье имело статус *волости*, тогда как ни в одном из новгородско-княжеских докончаний, начиная с самого первого проекта 1264 г., оно не фигурирует в списке новгородских волостей (в отличие от тех же Бежиц и двинского Заволочья, например)[3].

Я. Н. Щапов связывает появление Обонежского и Бежицкого рядов с княжением в Новгороде князя Дмитрия Александровича (1259−1263 гг.)[4]. В. Л. Янин более осторожен. Он относит Обонежский и Бежицкий ряды к времени до 1264 г., когда Новгород, договариваясь с князем Ярославом Ярославичем, заявил: «А суд, княже, отдал Дмитрии с новгородци бежичяном и обонежаном на 3 лета, судье не слати»[5]. Сделаем 1264 г. отправной точкой и в наших рассуждениях о дате заключения Обонежского и Бежицкого рядов.

Из слов первого проекта договора 1264 г. «А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца»[6] следует, что к этому времени на Севере изменился порядок управления. Аналогично и в связи с Обонежским и Бежицким рядами на данный договор смотрит и В. Л. Янин: «Возникновение особого статуса указанных территорий было, надо полагать, результатом изъятия из юрисдикции князя суда в новгородских волостях, в частности,

---

[1] *Скрынников Р. Г.* Крест и корона. Церковь и государство на Руси XI−XVII вв. СПб., 2000. С. 43.

[2] *Куза А. В.* Указ. соч. С. 160–161.

[3] ГВНП. С. 9–10 (№ 1).

[4] *Щапов Я. Н.* Указ. соч. С. 164.

[5] ГВНП. С. 10−11 (№ 2). В. Л. Янин датирует данный документ также 1264 г., хотя в ГВНП он отмечен 1266 г. (*Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 144).

[6] ГВНП. С. 10.

в Заволочье. Коль скоро таким изъятием решительно пересматривался объем княжеских доходов, потребовалась определенная форма хотя бы частичной компенсации»[1]. Иначе говоря, князь потерял двинское Заволочье, но получил Обонежье и Бежицы, а новгородский владыка, учтя изменения, вновь урядился с князем, заключив Обонежский и Бежицкий ряды[2]. Затем князь Дмитрий вместе с Новгородом передали обонежанам и бежичанам право на собственное судопроизводство. Новые княжеские округа, следовательно, уже существовали в княжение Дмитрия, т. е. около 1259−1263 гг.

Летописи дают прямое указание на уряжение его отца, Александра Невского с Новгородом, причем под 6766 (1258/59) г.: зимой приехали татары-*численники* с князьями Александром Невским, Андреем и Борисом, чтобы исчислить Новгород. Но новгородцы не отдали «десятину тамги», а выслали хану лишь «дары». В городе по поводу *числа* вспыхнула смута, поэтому Александра новгородцы «удержали», и он сам их счел («и чтиша и много»), «*давъ имъ рядъ*». И только потом он посадил на новгородский стол своего сына Дмитрия и «с честью» уехал из примиренного им Новгорода[3].

Указанный *ряд*, по нашему мнению, и заключался в том, что в виде компенсации за *число* (податную перепись) новгородцы получали право на собственное управление богатейшим Заволочьем, а князь вместо этого кормленого округа получил Обонежье и Бежи-

---

[1] *Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 142.

[2] История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001 [Далее − ИК]. С. 83.

[3] Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Стб. 475; Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. XXX. С. 92 («И князя Александра удержаша Новогородцы, и счетоша их много, и уряди их, иде в свою отчину»). В НПЛ о ряде ничего не сказано, зато говорится о сильных волнениях в городе из-за сбора «окаянными Татарами сыроядцами» *числа* и возведении после их отъезда в 1259 г. Александром Ярославичем на новгородский стол своего сына Дмитрия (НПЛ. С. 82–83, 310–311). В Тверской летописи говорится лишь об удержании Александра новгородцами после отъезда исчисливших Новгород князей углицкого Андрея и ростовского Бориса, о новом Александровом счете новгородцев и «поимании» у них даров (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 401).

цы. *Тогда они и возникли в качестве особых княжеских административных округов*.

К этому времени ряды князя со столичными общинами и даже со своими княжествами уже не являлись чем-то необычным. Опыт их заключений отмечен Лаврентьевской летописью временем после похода орды Батыя 1237 г. на северную половину Руси. Так, в 1239 г. великий князь Суздальский Ярослав Юрьевич, идя на Литву из Смоленска, одержал победу и «…Смольняны оурядивъ, князя Всеволода посади на столе, а сам … от[ъ]иде в своя си»[1]. И в 1252 г., когда Александр Невский пришел во Владимир с ярлыком на великое княжение, в столице его встретили с радостью «и посадиша и на столе отца его Ярослава, тысящю придержащю Роману Михаиловичю и весь ряд»[2], т. е. Александр подтвердил ряд Ярослава со столицей, в том числе полномочия тысяцкого. Практика же заключения соглашений Новгорода с князьями со времен Ярослава Мудрого стала обычным делом; первым рядом по праву можно считать соглашения 1015−1016 гг., по которому князь Ярослав получил помощь Новгорода, дав ему *Правду Роускую*[3].

Появившиеся после Александрова ряда со всем Новгородом Обонежский и Бежицкий ряды, надо полагать, были заключены между новгородской епархией и князем Дмитрием. Уточним данную деталь: с формально-юридической точки зрения данные ряды − не плод деятельности князя и Новгорода, как писал Я. Н. Щапов[4], а только князя и новгородского владыки как двух полноправных сторон обоих юридических соглашений. Параллельно стала образовываться Обонежская десятина новгородской епархии[5].

Около 1264−1266 гг. в Обонежье и Бежицах заканчивался льготный срок самостоятельного судопроизводства. Источники не говорят хотя бы с малой долей определенности, для чего именно князь Дмитрий и Новгород ввели этот срок. Для «замирения» обонежцев

---

[1] ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.

[2] Там же. Стб. 473.

[3] НПЛ. С. 175–180.

[4] *Щапов Я. Н.* Указ. соч. С. 164.

[5] *Жуков А. Ю.* Формирование и развитие структуры церковного управления в Карелии (XIII−XV вв.) // Православие в Карелии: Материалы республиканской науч. конф. (24−25 окт. 2005 г.) / Отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск, 2000. С. 44.

и бежечан, вынужденных теперь напрямую подчиняться княжеским тиунам-дворянам? Можно предположить, что на самом деле Новгород надеялся, что за эти три года в округах выработаются какие-то принципы судопроизводства, которым князь будет вынужден подчиняться, и тогда в спорных делах республика сможет лавировать между князем и местной знатью. Оба предположения, кстати, учитывают роль самоуправления как выразителя интересов местного общества. А она обязательно должна была проявляться, коль скоро погосты Обонежья, например, прямо назывались по именам местных вепсских старейшин.

Распространение княжеской судебно-податной власти на Обонежье и Бежицы заставило Новгород твердо подчинить их собственной административно-территориальной структуре. Ясно маркирует данное переустройство *Устав о мостехъ* 1265−1267 гг. князя Ярослава Ярославича. Без сомнения, он был выработан князем с новгородскими властями, поскольку являлся разверсткой ремонтно-строительных работ по починке (постройке) опор и пролетов моста через Волхов и мощению центральных улиц города[1]. Данная разверстка соблюдалась и в дальнейшем, так как «Устав о мостехъ» помещен среди важнейших и действующих вплоть по XV в. законодательных актов, которые следуют сразу же за Новгородской первой летописью младшего извода[2].

Так вот, в *Уставе о мостехъ* следует перечень всех десяти сотен города Новгорода − это собственно новгородская *тысяча*, а затем под числами от 11 по 19 даны названия девяти областных образований, в том числе «13 Бежичкаа, …15 Обонискаа»[3]. Исследователи обратили внимание на военно-мобилизационную структуру русских земель-княжеств, каждая из которых представляла собой *тьму*, т. е. десять тысяч[4]. В связи с этим В. А. Буров выдвинул вполне корректную трактовку документа: речь идет о девяти областях-тысячах Новгородского государства, которые вместе с тысячей самого

[1] НПЛ. С. 507–508; *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 146–147.

[2] Содержатся в рукописи Археографической комиссии – в так называемом *Комиссионном списке* (НПЛ. Приложение второе. С. 477–509).

[3] НПЛ. С. 507.

[4] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества в XII−XIII вв. М., 1982. С. 25–26, 264, 472, 530.

Новгорода и составляли новгородскую тьму или территорию собственно Новгородской земли[1]. В свою очередь, Новгородская земля (*тьма*) вместе с другими землями, в том числе Псковом, Ладогой, Корелой, Ижорой, Водью, составляли *всю волость Новгородскую*, отмечавшуюся летописями, когда речь шла о сборе и походах новгородских войск. Военно-мобилизационная организация являлась существенным компонентом административно-территориального устройства всего Новгородского государства. А *Устав о мостехъ* зафиксировал внутреннее административно-территориальное деление собственно Новгородской земли (т. е. без Пскова, Корелы и других окраинных земель). Обонежская тысяча, только что образовавшаяся как отдельный округ и как таковая обрисованная по погостам в приписке об Обонежском ряде, как видим, вошла в структуру Новгородской земли. В отличие от области проживания корелы, она не составила отдельной земли.

Все это говорит о том, что в государственно-феодальной иерархии Новгорода древневепсская знать стояла на ступень ниже знати корелы. В Корельской земле ее знать обладала правами полноправных феодалов, и по внешнеполитическим соображениям новгородская элита была вынуждена с нею считаться. На местах они разделяли власть между собой, причем, как показал наш анализ, в Корельской земле знать корелы выступала заметной, а во многих случаях – и значительной самостоятельной величиной (особенно в войнах). Иное дело – отдаленное от границы Обонежье. Здесь вепсские старейшины могли рассчитывать на феодальный статус только в рамках строгого подчинения правящей элите Новгорода.

Примером такого подчинения является текст берестяной грамоты № 279 из усадьбы знатного новгородца из Неревского конца Новгорода Максима Онцифоровича (8 ярус, 1369–1382 гг.). Ее послал Михаил, староста Пашозерского погоста (на Пашозере исток р. Паши, ныне терр. Тихвинского р-на Ленинградской обл.), новгородским сотским, которые руководили и сбором налогов, и осуществляли суд: «Поклонъ от старосте от Михале и от всехъ пашазерчевъ къ сотскымъ

[1] *Буров В. А.* Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 114–137 (очерк «О сотнях и тысячах Новгородской земли (к проблеме административно-территориального деления Новгородского государства)»).

къ Мазиму и ко Онании и к Къст…»[1]. Как сравнение: чуть позже, около 1396−1422 гг. *корила погоская* из Кюлолакши и Куркиёки «била челом» не каким-то сотским, а непосредственно всему *Господину Новугороду* как своему прямому сюзерену[2].

Столь же незначительный статус древневепсской знати выявляется при анализе землевладения в Обонежской Карелии (Заонежских погостах). Надо сказать, что московские власти после 1478 г. признали ее *своеземцами*, т. е. местными полноправными феодалами. Но, по подсчетам, к 1478 г. им принадлежало не более 1,1% учтенных пахотных земель; для сравнения: новгородским боярам, житьим и купцам − 72,7%, Дому св. Софии − 15,8%, монастырям и церквам − 10,4 %[3]. И все же Обонежье стало отдельным округом, хотя и заняло подчиненное положение в пределах Новгородской земли.

Итак, на основе анализа становления и развития двух административно-территориальных образований Карелии и в сравнении с другими территориями Новгородского государства можно сделать следующие выводы. Там, где местная знать занимала сильные позиции, обладала широкими экономическими и военными возможностями (псковские бояре, двинские бояре, знать корелы), эти области получали статус *земли*; вместе с главной, Новгородской землей они составляли полную территорию государства, а новгородская элита была вынуждена относиться к местной знати с позиций компромисса. Но те территории, племенная знать которых не обладала такими возможностями, входили в состав одной из земель государства. В данном случае, вепсское Обонежье стало частью Новгородской земли.

Обонежская Карелия по статусу не была приравнена к пригороду, здесь не было наместников, в отличие, например, от прямых вассалов Новгорода Двины и Заволочья. Поэтому самоуправление в Обонежье развивалось в основном на уровне сельских погос-

---

[1] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956−1957 гг.). С. 105–107 (№ 279).

[2] Там же. С. 72–73 (№ 248).

[3] Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI вв. Л., 1971. С. 254; История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма / Отв. ред. П. А. Колесников. С. 76.

тов. Развитие же самой структуры погостов напрямую зависело от освоения Обонежья весью и русскими.

§ 3.2. Крестьянское освоение Обонежской Карелии и создание церковно-государственной структуры погостов

В Обонежском ряде указаны погосты, которые легко находятся в поздних источниках, например, в писцовых книгах XV−XVI вв. Там они обозначены стандартным образом − по наименованию главной церкви и по названию местности, где она стояла. Но в *ряде* погосты как местные центры сбора налогов и суда указаны по-другому, причем в двух разных манерах. Одни новые погосты записаны по именам вепсских старейшин (*У Тоивота*, *У Пермина*, *У Кокорки* и т. д.), а другие, в том числе *Во Олонци*, *На Свири*, *В Юсколе,* − по местности. Отсюда следует, что христианизация веси и создание церквей даже в Присвирье еще не обрели главного значения в деле создания структуры погостов. Последняя стала образовываться на основе первичной родоплеменной самоорганизации веси и ее колонизационных усилий.

Погост поначалу не обязательно включал в свою структуру церковь. Выше мы приводили пример за 1116/17 гг. о наличии погостов у язычников-эстов[1]. И из текста Обонежского ряда вытекает, что в старинных центрах древневепсской оседлости прочно управляли старейшины. Но по окраинам древневепсской колонизации (в Олонце, на Свири, в Юсколе и др.) их роль была уже не так высока. Поэтому погосты здесь образовывались в условиях действия старинной родоплеменной и новой административно-территориальной организации, что и воплотилось в географичности названий этих погостов. Но в обоих случаях погосты олицетворяли наличие местного самоуправления, на которое и опирались епархия, князь и в целом Новгород при управлении новой административной областью.

Кроме своего центра, погосты, конечно же, должны были обладать достаточно четкими границами. Выше мы писали о табуировании границ у карелов с помощью топонимов с основой *pühä*. Для зоны древневепсской колонизации в Обонежской Карелии их находит И. И. Муллонен. Здесь «святыми межами» (в прибалтийско-

[1] ПСРЛ. Т. II. Стб. 283.

финском или русском произношении) отграничивался весь Важинский погост (окраинный погост *На Свири* Обонежского ряда). На севере оз. Святозеро – Pühädärvi маркировало его границу с Шуйским погостом и с землями Сямозерья Олонецкого погоста. Второе Pühädärvi – Пигозеро разделяло Важинский погост с Олонецким на западе. На востоке Важины граничили с Остречинским погостом по верховьям р. Pühäd'ogi – Святухи. А южнее Свири другие Святозеро и р. Святуха отделяли Важинский погост от Веницкого. Вообще, по наблюдениям исследовательницы, в северном Обонежье «святые» топонимы почти повсеместно совпадают с границами погостов, как они рисуются по данным писцовых книг XVI в. Весьма логичен вывод, что «межи» будущих погостов легли на уже сформировавшееся разграничение прибалтийско-финских коллективов, осваивавших Обонежье даже ранее XIII в.[1]

Попытаемся проанализировать первичное крестьянское освоение Обонежской Карелии − освоение как сельскохозяйственное подсечное и промысловое, так и поселенческое. Для исследования возьмем территорию Онежско-Ладожского межозерья и особенно земли соседнего с Важинским Никольского Шуйского погоста, складывавшегося в XIII–XV вв. Оказывается, материалы писцовых книг позволяют выявить весьма архаичную модель традиционного природопользования, принесенную сюда вепсскими первопоселенцами из Присвирья.

Земли будущего погоста лежали первыми на пути переселенцев, когда они через р. Важинку стали заселять северные берега Онежского озера. Прежде всего, привлекают внимание данные переписей о границах, которые отличали Шуйский погост. При описании всех Заонежских погостов, за исключением Шуйского, писцы указывали их размеры «вдоль и поперек», поскольку границы были легко определимы, будучи отмечены на местности; по площади погоста высчитывалась сумма подати за подсеку и лесные сенокосы. О Шуйском же погосте писцы Леонтий Аксаков и Афанасий Жеребятичев в 1584/85 г. записали, что его границы с соседними Олонецким, Важинским и с Кижским погостами вообще не различимы, так как крестьяне ближайших к границам деревень всех этих четырех

[1] *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья… С. 145–152.

погостов возделывают лесную подсеку «хто где поспел» и потому лес между погостами «не делен»[1].

И о лесных сенокосах писалось, что разверстать сено между порубежными деревнями этих четырех погостов межозерья невозможно: по вышеназванной причине крестьяне не желают государственного верстанья от писцов и ежегодно сами проводят *ровнения* сенных угодий между собой[2]. В 1616–1618 гг. писцы Петр Воейков и Иван Лговский в отношении шуйских границ и сенных покосов повторили утверждения Аксакова и Жеребятичева[3].

Старинная традиция не делить строго лесные сельскохозяйственные угодья между погостами, т. е. фактически устанавливать в качестве границы широкую лесную полосу, могла сохраняться столь долгое время только в том случае, если крестьяне отлично помнили о единой племенной общности своих предков-переселенцев и о лесных угодьях как их *общем* достоянии. И действительно, в первые века II тыс. обширная область – Олонец, озера Сямозеро и Святозеро на западе, берега рек Шуи и Суны на севере и заонежские кижские земли на востоке – являлась охотничье-промысловой зоной древней веси, а с XIII–XIV вв. данная территория Онежско-Ладожского межозерья стала северной окраиной ее же крестьянского освоения.

Вывод о разграничении земель западного Прионежья на погосты на основе уже сложившегося общинно-племенного деления первопоселенцев подтверждается и при сравнительном анализе данных более ранней переписи 1563 г. − о разработке рыболовных угодий шуянами и кижанами в XV – первой половине XVI в. Так, северяне кижане владели богатейшими рыбными промыслами на Онежском озере, которые, однако, строго делились между кижскими община-

---

[1] Российский государственный архив древних актов [Далее − РГАДА]. Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 3. Д. 16932. Писцовая книга 1584/85 г. (фрагмент) [Далее − ПК 1584/85 г.]. Л. 185 об.–186.

[2] ПК 1584/85 г. Л. 186.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. «Книга Новгородцкого уезда Олонеским дворцовым погостом писма и меры Петра Ивановича Воейкова да диака Ивана Лговского 124-го и 125-го году [1615/16–1616/17 гг.], да туто же книга писма и меры одново диака Ивана Лговского заонежскому Андомскому погосту да Оштинскому стану дворцовым же погостом 127-го году» [1618/19 г.]. Л. 154, 157 об.–158.

ми по промысловым участкам. По тому же участковому принципу строилось кижское рыболовство в Кондопожской волости, где на устье Суны и у кондопожских озер: «ловили их безоброчно… крестьяне к своим участкам к деревенским», т. е. разрабатывали лишь те рыболовные угодья, которые принадлежали их деревням[1].

И напротив, только в Шуйском погосте право на вылов рыбы в многочисленных речках и озерах принадлежало сразу всем шуянам и во всех местах погоста, где он шел. Поэтому, когда в 1563 г. писцы обложили этот промысел небольшим оброком, то особо отметили: «даны те озера и речки в оброк… *всем* царя великого князя крестьяном и манастырским и своеземцом *без омены* [выделено мной. – *А. Ж.*]», т. е. всем шуянам без исключения[2]. Данная запись указывает не на общинно-участковый, а на общепогостский характер шуйского природопользования.

Можно полагать, что даже процесс основания шуйских деревень носил отмеченный характер. Дело в том, что в Северной России, в том числе и в Карелии, в целом имел место заимочный характер освоения крестьянами территории: новые деревни основывались отдельными крестьянами и получали название *сиденье* или *посиденье* (в значении «заимка»), с указанием имени основателя, например, *Ивашково сиденье*, *Сенькино посиденье*.

Данные названия встречаются в районах наиболее раннего крестьянского освоения Обонежской Карелии: на Олонецкой равнине, в Пудожском крае, на Заонежском полуострове[3]. А в Шуйском погосте, который также являлся таким районом, деревни с данными характерными названиями отсутствуют, хотя подавляющее большинство селений Шуйского погоста в 1563 г. отмечались в той части писцовой книги, где указывались деревни, существовавшие к 1496 г. и еще при власти Господина Великого Новгорода[4]. Но если шуйские селения не возникали способом заимки отдельными крестьянами, то остается предположить, что их основание являлось общим делом веси, осваивающей Онежско-Ладожское межозерье.

[1] ПК 1563 г. С. 136–137.
[2] Там же. С. 123–124.
[3] ИК. С. 75.
[4] ПК 1563 г. С. 114–123.

Традиционное природопользование в Шуйском погосте, как видим, носило ярко выраженные архаичные черты. Они четко обозначились в одинаковом подходе и к установлению границ в виде широкой лесной полосы, и к разработке подсеки, лесных покосов и рыболовных угодий *всеми без омены* шуянами, и к основанию деревень. А ведь традиция эта более соответствует условиям родоплеменного строя, нежели межобщинным отношениям, системно развивавшимся в общей орбите феодализма. Эту древнюю традицию, по нашему мнению, в западное Прионежье принесли переселенцы, общество которых на коренных землях веси в Присвирье в XIII в. еще сохраняло многие архаичные родоплеменные черты и особенности. Собственно, последние хорошо выявляются и при анализе текста Обонежского ряда, указавшего в названиях погостов не церкви, а имена старейшин или местности. Родоплеменная архаика повлияла основополагающим образом на процесс начального крестьянского освоения берегов Шуи.

Именно под прямым воздействием древних родоплеменных обычаев и сложился, и соблюдался в Шуйском погосте в XIII–XVII вв. традиционный уклад жизни, в том числе система природопользования. Более того, несмотря на такую *особость* Шуйского погоста государство в лице писцов признало эту архаику и узаконило ее, причем ровно так, как узаконило переписями совсем иные, несхожие обычаи природопользования, господствовавшие в крестьянской общинной среде в других погостах Обонежской Карелии. Иными словами, в обоих случаях определяющим фактором выступил сложившийся при первопоселенцах порядок, который веками воспроизводился общинным самоуправлением. Государство признало данные права за самоуправлением.

К воспроизводству традиционных порядков природопользования потомков первопоселенцев подталкивал длительный и тяжелый процесс крестьянского освоения пустовавших северных земель. При этом повсеместно обонежские районы-погосты занимали сравнительно большую территорию. Очевидно, что первые общины делили между собой земли не только с точки зрения их сельскохозяйственного использования, но и в качестве охотничьих и рыболовных угодий. Поэтому возникшие общины, в несколько одно- – трехдворных деревенек, обзавелись лесами и озерами, окружавшими поселения в радиусе десятков верст. Там велась охота и шел рыбный

промысел. Земли эти и составили с XIII−XIV в. территории новых погостов.

Еще одна особенность первичного освоения северных земель состояла в том, что первопоселенцы селились вдоль главных торгово-промысловых трасс. По ним и велась торговля продуктами промысла, равно как и налоговое изъятие прибавочного продукта, например, методом полюдья. Уже Устав 1136/37 г. рисует карту расселения: вдоль главных путей двинского Заволочья − по рекам бассейна Северной Двины. По этой же причине и в северном Обонежье немногочисленные первопоселенцы ставили деревни лишь около старинных торгово-промысловых трасс. Видимо, они и стали районами поставки товаров для *обонежских купцов*-новгородцев.

Географическое своеобразие бассейна Онежского озера состоит в том, что он граничит с двойным водоразделом: 1) между Атлантическим (бассейну которого принадлежит) и Северным Ледовитым океанами и 2) Каспийским морем (бассейн р. Волги). Ныне их соединяют каналы, а в древности – реки и волоки. Среди них особо выделялась главная торгово-промысловая трасса Карелии − от Ладоги и Свири к Белому морю. Один ее рукав поднимался по рр. Олонке и Видлице и волокам к Сямозерью и р. Шуе, а другой – к Шуе же, но по Свири и Важенке. Далее путь лежал к Онежскому озеру в его Уницкую губу, где у Кокорино сворачивал на Заонежский полуостров, пересекая его с запада на восток по рекам, озерам и волокам – к Шуньге и Повенцу, а оттуда шел через водораздел к Выгозеру, потом по волокам на реки Суму или Нюхчу, и, наконец, путь достигал Белого моря.

Вдоль этой трассы сохранились названия поселений и природных объектов, производных от прибалтийско-финского слова *матка* (значение «путь») и древнего, видимо, еще досаамского *-ухт*, иногда *-укш*, в значении «волок»[1]. Так, на южной оконечности оз. Сургубского (к северу от р. Шуи) стоит деревня *Маткачи*. В свою очередь, озеро это соединено широкой протокой с оз. Укшозеро, практически является его заливом (что и отражено в названии: *-губ-* от «губа», т. е. залив). Между Укшозером же и р. Шуей также есть протока, которая в XV–XVI вв. называлась Окшица и над ней стояли две деревни *Окшицы*. Интересно, что даже

[1] *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья… С. 208–214.

к середине XVI в. обеими Окшицами владели своеземцы из родов Селивановых и Копанкиных[1]. Очевидно, это владение своеземцев являлось отголоском контроля племенной знатью веси над водными путями Прионежья.

Крестьянское освоение северного Прионежья − восточного и южного берегов Заонежского полуострова − отличалось от древневепсской колонизации западного Прионежья. Здесь оно проводилось совместно − и вепсами, и русскими, и началось со второй трети XIII в. Один поздний архивный источник подтверждает данную датировку. В 1650 г. воевода Олонца проводил опрос под присягой всех глав семей Толвуйского погоста в Заонежье. И они поклялись, что их погост с церковью существуют уже «лет с четыреста», т. е. с середины XIII в.; с того же времени толвуяне выделяли отрезки земель под богадельню при церкви для прокормления стариков-односельчан, оставшихся без кормильцев. И потом во всех погостах у Онежского озера поступали также[2]. Издавна так заботились о земляках на Новгородчине и Псковщине, поскольку русские селяне давно жили соседскими общинами. Прибалто-финны же селились патронимиями (патриархальными

[1] Одна деревня Окшица называлась *Над Окшицею ж* (перепись 1563 г.), *Над Окшицею ж, Плаксино тож на усть Уншицы реки* (1582/83 г.), *Над Окшицею, Плаксино тож на усть Ушинцы* (1584/85 г.). Ныне это поселок Шуя-Верховье (заметим, что в те времена устьем называлось не только место впадения реки (протоки) в нижний водоем, но и место вытекания ее из верхнего водоема). Вторая Окшица располагалась на шуйском островке напротив самого устья протоки и поэтому именовалась *Островок над Окшицею* (1563 г.), *Островок над Окшицею Кондратовская* (1582/83 г.) и *Островок над Окшицею ж Кондратовская* (1584/85 г.) (См.: ПК 1563 г. С. 116; Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI—XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1993. III [Далее − ПК 1582/83 г.]. С. 134; ПК 1584/85 г. Л. 180 об.–181).

[2] РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 3. Д. 145. Дело о неподтверждении жалованной грамоты Шуйскому Новодевичьему монастырю Олонецкого уезда. [1650 г.]. Л. 1–6. О богадельнях при погостских церквах Обонежской Карелии мы писали ранее: *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие в Карелии (XV − первая треть XX в.). М., 1999. С. 46–47.

семьями-*племенами* из близкой и дальней родни)[1], им богадельни не требовались.

Приведенные сведения поднимают вопрос о времени прихода первых русских в северное Обонежье. Массовая волна русской колонизации Севера относится только к XIV в. По мнению М. В. Витова и И. В. Власовой, Заонежский полуостров здесь − не исключение[2]. В свою очередь, И. И. Муллонен, исследовав топонимическую систему Присвирья и онежского побережья, пришла к выводу, что первоначальное русское освоение Онега началось в XIII в., но не носило тогда массового характера, русские крестьяне подселялись к вепсам[3]. Судя по источнику 1650 г., в Заонежье возникали христианские приходы, скорее всего, поначалу в форме *часовенных приходов*. Материалы из области языкознания подтверждают раннюю дату XIII в.

Исследование лингвиста А. С. Герда обнаружило, что говор современных русских заонежан восходит как к нерасчлененному еще новгородско-псковскому диалекту древнерусского языка (а отдельные новгородский и псковский диалекты образовались как раз во второй трети XIII в.), так и к древневепсским говорам с реки Ояти (южное Присвирье)[4]. А. А. Зализняк, проведя анализ многочисленных грамот на бересте, охарактеризовал особенности новгородско-псковского диалекта, выявив до 30 заметных различий в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике. Так, ему не присуща так называемая «вторая палатинизация» заднеязычных согласных. А в современном русском языке эта же особенность проявляется наиболее часто в псковских говорах, затем в говорах Новгородской области, а также в северорусских говорах на территории бывшей

---

[1] О патронимическом характере семейных общин веси см.: *Витов М. В.* Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. 3–40.

[2] *Витов М. В., Власова И. В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974. С. 182, 189.

[3] *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья... С. 35–36, 134.

[4] *Герд А. С.* Русские говоры бассейна реки Ояти // Очерки по лексике северорусских говоров. Вологда, 1975. С. 188–194; *Он же.* К истории образования говоров Заонежья // Северорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 206–211.

северо-восточной новгородской колонизации (в том числе в Обонежской Карелии)[1].

Связь новгородского Севера, в частности, Обонежской Карелии со Псковщиной, по нашему мнению, может маркировать и термин *губа* в его северорусском значении «залив». Термин не имеет отношения к прибалтийско-финской лексике, которая знает *lakši*, *lahti* (залив), в местных северорусских говорах преображенного в слово *лахта*. Северная *губа* родом со Псковщины. Но там губой также называлась сельская податная и судебная округа, т. е. *губа* имела то же значение, что и слово *погост* на Новгородчине[2]. По мере продвижения потомков псковских кривичей на юго-восток, например, губным делением обзавелись новгородские земли вдоль границ со Смоленским и Ростово-Суздальским княжествами[3]. На севере же ситуация была иной. Низовое административно-территориальное звено состояло из *погостов*. Зато крестьянские общины, селившиеся и осваивавшие в первую очередь удобные берега северных заливов, спасавших от холодных ветров, видимо, стали использовать слово *губа* для обозначения своих общин[4], а уже затем это слово перешло на залив – lahti.

О псковских, и конкретно, гдовских корнях русского населения Заонежья и западного берега Онежского озера имеется неожидан-

---

[1] *Зализняк А. А.* Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.) // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 218. Об историографии и историко-филологических аспектах этого вопроса см.: *Горский А. А.* От славянского расселения до Московского царства / Серия «Studia historica». М., 2004. С. 29–33.

[2] *Харламов Б. Н.* Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1995. С. 14.

[3] См., напр., в Рогожском летописце и Тверской летописи под 6881 (1372/73) г. сообщение о строительстве оборонительного вала вокруг Твери «Тверскыми волостми и Новоторжскыми губами» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 104, 433). В то время тверские князья владели Новым Торгом (Торжком) «пополам» с Новгородом. О юго-западных и южных новгородских *губах* как зонах колонизации потомков псковских кривичей см. также: *Насонов Н. А.* Указ. соч. С. 87, 89–90.

[4] Кстати, до сих пор в псковских и новгородских говорах слово *губа* имеет значение «селение», а также обозначает длинный узкий мыс (косу) (Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 7 (гона – депеть). С. 192). Не стоит забывать, что деревни ставились первопоселенцами на берегах заливов, разделенных между собой длинными и узкими мысами. Впрочем, за мысами закрепилось название *наволок*.

ное свидетельство из области традиционной музыкальной культуры. Ее исследовательница музыковед И. Б. Семакова констатировала одинаковый прием в музыкальных стилях как среди жителей Прионежья, так и в псковской Гдовщине: резкий сброс излишнего воздуха в конце мелодической фразы. Данная манера исполнения обусловлена одинаковыми антропологическими особенностями мышц гортани у обеих групп[1].

Начало русскому новгородско-псковскому крестьянскому продвижению на Север было положено в 1220-е гг. Тогда бурная новгородская история отметилась двумя событиями: борьбой Михаила и Ярослава Всеволодовичей за новгородский стол и страшным неурожаем и голодом, поразившим Новгородскую землю во второй половине 1220-х гг. Когда в апреле 1229 г. князь Михаил был принят новгородцами, оказалось, что за время конфликта своих господ покинули тысячи крестьян, и он «вда свободу смьрдомъ на 5 лет дании не платити, кто сбежалъ в чюжю землю…»[2]. Тогда же четырехлетние неурожаи привели к тому, что, по словам новгородского летописца, «и землю нашю пусту положиша; а иное сами не блюдуче, без милости истеряхомъ свою власть, и тако бысть пуста…»; «и разыидеся Новгородъ въ волость»,− добавлял тверской хронист; «при кончине град сии»,− писал и предшественник Лаврентия под 1231 г.[3] Без сомнения, военно-политический конфликт, усугубленный неурожаем, и привел к тому, что в Обонежскую Карелию стали попадать русские крестьяне из-под Пскова и Новгорода.

Видимо, новгородским боярам было легче разыскивать и возвращать смердов, чем псковским боярам, поэтому в самой первой, отнюдь не массовой волне русских переселенцев крестьян был заметен и псковский элемент. Бывшие псковские и новгородские крестьяне первопоселенцы, носители единого пока что новгородско-псковского диалекта, и положили начало глубоким новгородско-псковским корням этнической истории Карелии. В принципе, данная трактовка согласуется со сведениями обыскного дела 1650 г. Для оснастки

---

[1] *Семакова И. Б.* Антропологические особенности суйсарян и их влияние на певческую культуру // Село Суйсарь: История, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С. 263.

[2] НПЛ. С. 68, 274; Тверская летопись. Стб. 351–352.

[3] НПЛ. С. 69, 277; Тверская летопись. Стб. 356; Лаврентьевская летопись. Стб. 512.

часовни, тем более церкви, первопоселенцам требовалось время: часовни и церкви прихожане возводили и содержали за свой счет, а такой достаток у переселенцев появлялся не сразу.

Имеется интереснейший по содержанию документ, датированный 1375 г., который доказывает, что заонежский берег заселялся вепсами из оятского Присвирья и подселявшимися к ним русскими[1]. По нему «староста Вымоченского погосту Артемеи, прозвищем Оря, со всем племянемъ, да шунския смерды Иванъ Герасимовъ да Василеи, прозвищем Стоиворъ Глебовъ, да Игнатеи, прозвищем Игоча, да Остафеи Перфильевы дети, да и вси шунжане и вси толвыяне, и вси кузарандцы, и вси вымоченцы» заключили соглашение с чёлмужским боярином Григорием Семеновичем. Приведенная клаузула в обозначении вымоченской стороны соглашения отметила и русские крестильные имена, и вепсские прозвища. К тому времени процесс христианизации вепсов зашел уже далеко, но их имена, как видим, все еще не утратили второе языческое имя-прозвище. Далее, если названия трех групп крестьян не вызывает сомнений − это жители Шуньги, Толвуи и Кузаранды (селений на восточном берегу полуострова), то *Вымоченский погост* и *вымоченцев* грамоты следует расшифровать. В. Л. Янин посчитал, что под названием *Вымоченский* скрывается Выгозерский погост и даже предположил его ошибочное написание: правильно было бы писать *Вымолченский*, подразумевая Вымольцев − один из пяти родов корельских детей[2].

С такой трактовкой согласиться трудно. В писцовых книгах конца XV−XVI вв. нет никаких свидетельств того, что Толвуя, Шуньга

[1] ГВНП. С. 285 (№ 284). С. Н. Валк высказал сомнение в подлинности источника: его список середины XVII в. в заключительной части содержит черты актового делопроизводства московских времен. Но исследование документа Л. В. Даниловой, однако, опровергло эту точку зрения. Она доказала, что основной текст документа содержит реалии явно новгородских времен и лишь впоследствии, в середине XVII в., при переписке он был оформлен в соответствии с современным способом составления актовой документации (*Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV−XV вв. М., 1955. С. 16–17). В. Л. Янин солидаризуется с ней, в свою очередь найдя неопровержимые доказательства существования Челмужской вотчины боярина Семена Григорьевича и его потомков и разработав генеалогию этого рода; он датирует документ шире − второй половиной XIV в. (*Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 236–244).

[2] *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 237.

и Кузаранда когда-либо входили в Выгозерский погост. Последний занимал земли по рекам Верхний Выг, Выг, вокруг Выгозера и Поморский берег Белого моря, т. е. располагался к северу от них, за водоразделом Онега с беломорским бассейном. По писцовым книгам водораздел и стал границей между Выгозерским и Шунгским погостами[1]. «Святой» же границей между Шунгским и Толвуйским погостами являлся протяженный залив Святуха[2].

Зато хорошо известен вепсский оятский погост *В Имоченицах*. В новгородском произношении и написании он вполне мог принимать форму «Вымоченский»[3], а приписанные к нему жители, соответственно, звались *вымоченцами*. То, что Шуньга, Толвуя и Кузаранда во второй половине XIV в. продолжали относиться к старинному вепсскому погосту в Приоятье, староста которого (а вовсе не староста Шунгского либо Толвуйского погостов) «со всем племянемъ… миръ

[1] Писцовая книга 1496 г. // Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г. Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г.: Материалы по истории народов СССР. Л., 1930. Вып. 1 [Далее − ПК 1496 г.]. С. 1–9 (описание Шунгского погоста); ПК 1563 г. С. 137–147 (описание Толвуйского погоста, в его состав входит и Кузаранда); 147–155 (описание Шунгского погоста), 155–165 (описание Выгозерского погоста); ПК 1582/83 г. С. 163–180 (описание Толвуйского погоста с Кузарандой); 180–193 (описание Шунгского погоста); 193–206 (описание Выгозерского погоста). Кузаранда, как видим, в XVI в. входила в состав Толвуйского погоста, в чем писцовые книги не оставляют никаких сомнений.

[2] Напомним о природных границах, разделявших погосты северного Обонежья, топонимически отмеченных «святыми» названиями, в том числе протяженное «озеро» Святуха (залив Онежского озера) между Шунгским и Толвуйским погостами (*Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья... С. 151).

[3] См. напр., в «Писцовой книге Обонежской пятины письма Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина» 7072 (1563/64) г.: «В Обонежской пятине в Ымоченитцком погосте…» (Писцовые книги Новгородской земли. В 2-х т. / Сост. К. В. Баранов. СПб., 1999. Т. 2. С. 100). Писцы, несомненно, передали новгородское произношение и написание названия Имоченского погоста – через заглавное *Ы*. Причем они упорно придерживались именно такого написания, так как в приведенных этим изданием двух отрывках о землях Имоченицкого погоста оба раза название дано одинаково: *в Ымоченитцком.* Само же это название погоста восходит к дохристианскому прибалтийско-финскому имени Himač («желанный, долгожданный ребенок»), как название селения гнездового типа и центра патронимии оно обзавелось оконцовкой *-al,* а в русском употреблении *-еницы* (см.: *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья... С. 86).

взяли и межу в Челмужском погосте урядили», имеет для нас принципиальное значение. Это доказывает колонизационные усилия веси в северном Обонежье. Оказывается, вновь освоенные земли долгое время оставались территорией того погоста, жители которого и принимали активное участие в северной колонизации. От такой длительной связи с Оятью, очевидно, и проистекает вепсско-оятская составляющая говора заонежан. Обонежский ряд середины XIII в., кстати, также не указывает никаких отдельных вепсских погостов севернее Олонца. Косвенно это подтверждает вхождение восточного Заонежья в Имоченский погост.

Кроме того, документ 1375 г. отметил полномочия вепсского старейшины (в государственной властной вертикали − старосты погоста) по защите интересов жителей Имоченского погоста. Его правоспособность включала: заключение *мира* («Се докончаша миръ») − в данном случае, объявление о прекращении состояния конфликта всего погоста с частным лицом по поводу владения землями и угодьями (а со стороны боярина − из-за претензий на собственность на эти же земли), узаконение границы-*межи* жителей погоста со сторонним феодалом и, вообще, вступление с последним в юридически обязывающие обе стороны соглашение-«ряд» − *уряжение*. Данные полномочия не вытекали из права на частновладельческую феодальную собственность. Они характеризуют *самоуправление в рамках погоста*, ярко отображая этот подраздел общего государственного порядка управления в Новгородской республике на самом низовом уровне. Поэтому, кстати, в документе и использована юридическая лексика государства, подходившая даже для международных договоров.

Сравним формуляры новгородско-шведского Ореховецкого мирного договора 1323 г. и Мировой вымоченцев с боярином Григорием. В начале обоих документов скрупулезно перечислены участники заключения договора (акта). Затем в договоре 1323 г. говорится: «докончали есмы миръ вечныи», т. е. полномочные послы заключили мирный договор, а в акте 1375 г. − «докончаша миръ… миръ взяли». Потом объявлялись причины конфликта и его прекращения: Ореховецкий мир прекращал войну из-за Корельской земли «по любви» − компромиссу признания трех западных карельских погостов за Швецией, а вымоченцы спорили с боярином из-за земель в Челмужском погосте и тоже «урядили» (пришли к компро-

миссу). Далее оба документа раскрывают конкретное содержание своих договорных условий. Корельской земле стороны дали «розвод и межу» − и следует описание линии государственной границы. Аналогичным образом вымоченцы с боярином установили «межу», которую источник 1375 г. и описывает. Наконец, мир 1323 г. фиксирует частные владения карельской знати в «корелскых погостех» на шведской стороне приграничья, запрещая шведам претендовать на них: «а то все к Новугороду». Мировая вымоченцев же прямо объявляла находящиеся за пределами «межи» земли и воды собственностью боярина Григория и его сыновей[1]. Ситуации, конечно, различны, но оба формуляра поразительно схожи. Соглашения описываются в едином юридическом терминологическом ключе (*мир*, *межа*, *земля и вода*, *докончати*). Более того, их клаузулы придерживаются единого порядка следования друг за другом.

Источник 1375 г. не вызывает сомнений в том, что в нем отображено именно самоуправление на уровне погоста, причем строго ранжированное. Оказывается, что контроль осуществляли: во-первых, староста, во-вторых, весь его правящий род (*племя*), только в-третьих, местные заонежане, о землях которых и шел спор, и, наконец, в-четвертых, все простые жители коренного вепсского погоста в Имоченицах, которые, хотя и не владели землями на севере, но, как жители погоста, сохраняли право участия в юридическом процессе. Следовательно, основная власть на уровне погоста оставалась за его центральными властями, не делегируясь окраинным общинам. Последние участвовали в договорах не отдельной равноправной стороной, а всего лишь третьей, после старосты и его «племени» массой.

Впрочем, из этой массы также выделены некоторые крестьяне, поименованные в Мировой,− они и представляли общины шунжан, толвуян и кузарандцев и являлись, очевидно, старостами нарождавшихся местных общин, на которые стали делиться заонежские вымоченцы[2]. В этом нет ничего удивительного, так как упомянутый выше Обыск 1650 г. свидетельствует о раннем выделении толвуй-

[1] ГВНП. С. 67–68 (№ 38), 285 (№ 284).

[2] На четыре крестьянские общины (шунжан, толвуян, кузарандцев и вымоченцев) указывает и Л. В. Данилова в своей обобщающей монографии о средневековой сельской общине (*Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 217).

ского (часовенного?) прихода уже в середине XIII в. Приход, напомним, и являлся церковным отображением наличия общины.

Шунгский же погост как самостоятельная низовая единица, не входящая уже в Имоченский погост, однозначно засвидетельствован в *Данной грамоте* середины 1470-х – 1480-х гг. шунжан о дарении выморочной земли своей церкви св. Николая. «Се даша шунжане землю святому Николе Петре Адкине з детьми и с племенемъ, Тоиводъ Идуев з детьми и с племянемъ, Якове Орине Адкине з детми и с племенемъ, Оншута Иванове з братом, Волосе Петрове з братьею, Иване Кондратове з братьею, Иване Таине з братьею, Василеи Тимошкине з детми, и Кирка з детми, и все шунжане даша землю святому Николе: Линдиево сиденье на Шунги, где Кивалъ Тоивод ратслалъ, а в Толвуи Гавшино седенье и Мустоево седенье, Харлово седенье и Цыбуевь наволок. А лишая земля делать ис техъ селъ по старине, и пожни косить, и рыбу ловить по старине…»[1].

Документ содержит большой список древневепсских и русских имен и прозвищ, причем явно вепсские дарители указаны *с племенем*, а явно русские − с детьми и братьями. На эту особенность документа еще в 1955 г. обращала внимание Л. В. Данилова. При этом вепсские семьи-патронимии названы у нее семейными общинами-патронимиями − группами семей под властью главы, связанными между собой и родственными, и хозяйственными, и культурно-религиозными узами[2]. Навряд ли, однако, мы имеем дело с собственно родственными общинами, скорее всего − с родом во главе со старшим мужчиной-главой. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что община сохраняет право на выморочные земли и на их отчуждение, − несмотря на то, что к тому времени Обонежская Карелия, в том числе и Шунгский погост, был давно разделен на частные феодальные вотчины[3].

Большая часть дарованных земель досталась Никольской церкви Шунгского погоста на территории соседнего Толвуйского погоста

[1] ГВНП. С. 309–310 (№ 323). Датировка: *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 268.

[2] *Данилова Л. В.* Очерки... С. 268.

[3] Л. В. Данилова, определив на основании данного источника, что сельская община Шуньги еще свободна от власти частных феодалов, затем противоречит себе, утверждая, что к концу новгородской независимости все крестьянские земли Обо-

(«в Толвуи»)[1]. Очевидно, бывшее совместное бытие шунжан и толвуян в пределах одного Имоченского погоста привело к чересполосице землевладения. На это указывает и термин *сиденье* в названиях заонежских деревень. Поскольку по русскому обычаю в пределах обширного погоста деревни основывались методом заимки, то они могли находиться в любом месте погоста. Но так как основатели указанных деревень в районе Толвуи входили в шунгскую общину, а потомки их умерли, то право распоряжаться данной выморочной недвижимостью перешло именно к шунгской общине, а не к толвуйской. Наконец, первыми в числе дарителей названы, очевидно, вепсы: староста Шунгского погоста и другие лица, жившие *с племенем*. Хотя погост уже и вышел из подчинения вепсского старосты в Имоченицах, но вепсы как основатели Шунгского погоста и, вполне возможно, как более многочисленные среди шунжан продолжали возглавлять погост.

Вместе с тем слова *Данной* о разработке лесной подсеки, сенокосов и рыбных промыслов «делать ис техъ селъ… по старине» прямо указывают на порядок природопользования. В Шуньге, как и в соседней Толвуе (и как, напомним, в самом южном из заонежских Кижском погосте), он носил общинно-участковый характер. Так что в тех погостах северного Обонежья, где с самого начала селились русские, общинно-участковое разделение природных ресурсов возобладало над архаичным вепсским родоплеменным.

Такое смешанное вепсско-русское население рисует и грамота на бересте № 2 (слои рубежа XIV–XV вв.). Она описывает Водлозерский погост − самый восточный из погостов северного Обонежья; водлозерские земли заканчивались на Кенском волоке. Так вот, в грамоте читаем: «Аекуевь бела росомуха. У Фоме 3 куници. У Мики 2 куници. У Фоме соху даль, дару куницю. Вельяказа 4 куница. Игугморо на Волоке куница. У Мятеши 2 куници. У Вельютовыхо 2 куници. У Воземута 2 куници. У Филиппа 2 куници. У Наместа 2 бели. У Жидили куница. Воликом острове куница. У Вихтимаса 2 бели. У Гостили 2

нежья были захвачены феодалами, а крестьяне превратились в лично зависимых людей (*Данилова Л. В.* Сельская община… С. 218).

[1] Данные четыре толвуйские деревни шунгской церкви во имя св. Николая перечислены в ПК 1563 г. именно в пределах территории Толвуйского погоста (ПК 1563 г. С. 139).

куници. У Вельюта 3 куници. У Лопинкова 6 бел»[1]. Источниковедческий анализ показал, что в ней речь идет именно о водлозерских селениях. А. И. Попов идентифицировал два селения: Гумарнаволок и Великий остров; К. К. Логинов добавил к ним еще и Гостилов наволок[2].

Мы согласны с версией А. И. Попова: только в этих двух случаях автор бересты не ставит предлога «У» перед номинантом (названием), в то время как фраза *У Гостили* явно обозначает человека, с которого шли подати, а не поселение. Конечно, можно предположить, что именно Гостила грамоты основал Гостилов наволок, но данный источник недостаточен для доказательства. Другое дело, что фигуранты списка с крестильными и народными вепсскими и русскими именами могли использовать более или менее постоянные промысловые становища, часть из которых, быть может, потом стали водлозерскими деревнями. В целом же перечень по своему типу и структуре весьма схож с Обонежским рядом, также содержавшим названия погостов по именам или местности и размеры налогов. Интересен набор податей грамоты № 2. Анализируя его, Л. В. Черепнин посчитал, что в документе перечислены кабально-зависимые люди. А. Л. Хорошкевич высказалась более осторожно: это список повинностей феодально-зависимых людей[3]. Позволим себе не согласиться с этими трактовками.

Со второй половины XIV в. население северного Обонежья стало попадать в частную феодальную зависимость. Но водлозерская

---

[1] *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 21–25 (№ 2). Дополнительные расшифровки: *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977−1983 гг.). С. 222–223; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984−1989 гг.). М., 1993. С. 124–125.

[2] *Попов А. И.* Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Труды Карело-Финского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1958. Вып. XII. С. 95–100; *Хямяляйнен М. М.* О статье А. И. Попова «Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах» // Труды Карело-Финского филиала АН СССР. Вып. XII. С. 101–103; *Логинов К. К.* Еще раз о «вепсском» прошлом Водлозерья // Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1999. С. 109.

[3] *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 280–283; *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV−XV вв. М., 1963. С. 58.

береста отразила не частно-феодальные подати, а государственные налоги с погоста. На это уже указывает сама формула записи: *у такого-то [взять] столько-то* – она характерна именно для сферы фиска. Так, Обонежский ряд зафиксировал сборы с погостов Присвирья по той же формуле, отразившей состояние личной ответственности старейшин за сбор налогов. В частном же праве использовалась другая формула: «на таком-то [взять] столько-то» – она подчеркивает только личную ответственность лица за подать феодалу или долг заимодавцу. Но грамота № 2 содержит и прямое доказательство – это фиксация налогов *сохи* и *дара*. Дар шел князю, а соха – Новгородскому государству. Прямым государственным налогом сохой обкладывались каждые три крестьянских однолошадных хозяйства или одно трехлошадное хозяйство («в соху два коня, а третий припряж»)[1]. А вот пушная подать грамоты № 2 – это государственный налог *дань* за пользование угодьями.

Можно предположить и причину составления водлозерского списка налогов. Троицкая летопись (московский харатейный свод 1408 г.) в подлинной своей части под 1384 г. сообщила о Тохтамышевой дани, наложенной им после разгрома Москвы: «Тое же весны бысть велика дань тяжелая по всему княжению великому, всякому без отдатка, со всякие деревни по полтине. Тогда же и златом давали в Орду, а Новгород Великий дал черный бор»[2]. *Черный бор* и есть государственный налог Новгорода Орде, платившийся всеми субъектами хозяйственной деятельности, в том числе феодально-зависимым крестьянством, «всяким без отдатка». Поэтому, скорее всего, грамота отметила выплату водлозерами дани – черного бора – или, может быть, другой, но государственной же подати, собиравшейся на основе фискальных переписей, восходивших к татарскому *числу* Новгорода. Очевидно, подобные налоговые списки хранились долго, до следующей переписи, отчего археологи и обнаружили грамоту № 2 в слое рубежа XIV−XV вв.

Государственное освоение Водлозерья началось после прихода сюда русских крестьян в начальный период христианизации веси. В

[1] *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII − начало XVI вв. С. 71–74.

[2] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 427–428.

1998 г. на острове Колгостров на Водлозере, напротив деревни Канзанаволок, В. И. Фомкин нашел россыпь средневековых вещей, в том числе нательный крест; археологи С. И. Кочкуркина и И. С. Манюхин отнесли вещи к XIII в. Ранее экспедицией Г. А. Панкрушева у Водлозера на р. Сухая Водла был найден схожий нательный крест (устная информация М. Г. Косменко и И. С. Манюхина). Судя по полевым материалам фольклориста В. П. Кузнецовой, взаимосвязанный христианско-этнический процесс своеобразно отразился на Водлозере в именовании ветров: западный ветер тут называют Крестовым, а южный – Русским[1]. *Русский* ветер маркирует общее направление продвижения русской государственности с юга на север, а *Крестовый* – конкретный путь прихода первых христиан − по реке Водле, т. е. с запада на восток.

Первоначально русские крестьяне закрепились на юге Водлозера. Поэтому главная церковь Водлозерского погоста, во имя Рождества Пречистые Богородицы, встала на «сакральном» острове Большая Пога на позднее XIV в. Писцовая книга 1563 г. отметила и часовни в названиях деревень, существовавших еще при власти вечевой республики: на севере Водлозерья – деревня *На Игое ж наволоке словет у часовни* (на острове Канзанаволоке, около деревни *На Коскосалме острове Ангилове горе*), а на трассе Кенского волока – деревня *В Чюеве наволоке словет у часовни*[2]. По данным этнографии – это три главных сакральных центра водлозеров, центры дославянской колонизации[3] – и все они вошли в орбиту христианизации.

Большое Водлозерье, захватывавшее и Кенский волок, располагалось на стыке новгородской и ростовской экспансии. Среди водлозеров сохранилось предание о походе каргопольского князя Святослава (вариант – Вячеслава) за данью на Онежское озеро и битве с водлозерской *чудью*. По легенде, именно князь уничтожил

---

[1] Фонограмм-архив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Ед. хр. № 3296/24. Экспедиционные записи В. П. Кузнецовой, 1973 г.

[2] ПК 1563 г. С. 173, 176.

[3] *Логинов К. К.* Основные компоненты традиционной бытовой культуры русских Водлозерья // Национальный парк «Водлозерский»: Природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 268. Автор называет и четвертый сакральный центр древней веси на северо-западе Водлозерья − в Гольяницах, но материалы переписи 1563 г. его еще не улавливают.

укрывшуюся на Киньгострове чудь; но оставшаяся чудь ему отомстила – возвращавшихся зимой с данью из Шуньги князя с дружиной заманили на тонкий лед Водлозера, где все они и потонули со всей добычей[1]. У легенды были основания. Предание интерпретируется нами как воспоминание о неудачной попытке каргополов установить свою власть в восточной Карелии; князь воспользовался древним саамским путем из Каргополья через Водлозеро в Заонежье. Архаика легенды (князь с дружиной, битва с чудью) заставляет думать, что каргопольский поход относится никак не к XV в., а, скорее всего, к XIII или к началу XIV в., когда власть Новгорода над Водлозерьем и востоком Карелии еще не окрепла.

Говор современных водлозеров-русских неоднороден. Наряду с прибалтийско-финскими влиянием, он генетически связан как с новгородским, так и с ростово-суздальским диалектом древнерусского языка[2]. В свете легенды о каргопольском князе можно говорить не без оснований о белозерско-каргопольских притязаниях на восточную Карелию: очевидно, по юго-восточному пути на Водлозеро приходили и выходцы из центрально-русских земель. Но основным русским компонентом среди переселенцев в Пудожский край, в том числе в Водлозерье, являлись все же новгородцы.

Они принесли с собой не только новую церковную, но и народную русскую культуру. Давно замечено, что в тех областях Севера, где шла экспансия Новгорода, до XIX–XX вв. дожили русские былины; в ростово-суздальской зоне экспансии они не бытовали. Так вот, наряду с Заонежьем, Водлозерье и Пудожский край являются одними из центров, где собиратели обнаружили богатый былинный репертуар[3]. Исследования музыковедов на востоке нынешней Каре-

---

[1] *Белозерский В. М.* Каргополь: исторический очерк // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. Петрозаводск, 1858. С. 168–169; *Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник: Материалы по истории, географии, статистике и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 337.

[2] *Михайлова Л. П.* Говор Водлозерья как источник изучения истории края // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995. С. 221, 223–224.

[3] *Кузнецова В. П.* Памятники русского фольклора Водлозерья: предания и былички. Петрозаводск, 1997. С. 211–214.

лии также показали, что всему Пудожью, в том числе Водлозерью, свойственно единообразие фольклорного музыкально-поэтического стиля. По происхождению стиль этот имеет новгородско-северную основу, а по музыкальной стратификации Водлозерье является одним из шести локальных районов Пудожья. Но дальнейшая экспансия на восток водлозерского локального фольклорного стиля остановилась как раз перед Кенским волоком, растекшись по границе Водлозерья с Каргопольем[1].

Очевидно, эта граница была твердо установлена в 1340–1342 гг. Тогда состоялся поход Луки Варфоломеевича, сына новгородского посадника, со своими боевыми холопами в Поонежское Заволочье. Разгромив в Поонежье станы ростовских колонистов с помощью новгородцев, живших по реке Емце, они взяли на щит двинские погосты и основали крепость Орлец[2]. Несомненно, данный поход из Новгорода не шел по землям ростовского Белозерья и Каргополья. В противном случае летопись оставила бы подробности боев у Белоозера и Каргополя, а не только в Поонежье, как в самом тексте. Новгородцы продвигались по Обонежской Карелии, они поднялись из Онежского озера по Водле и через водлозерский Кенский волок вышли в бассейн р. Онеги. С середины XIV в. власть Великого Новгорода над востоком Обонежской Карелии стала незыблемой. Ее и подтверждает водлозерский налоговый список грамоты на бересте № 2.

На западе Обонежской Карелии располагался обширный Олонецкий погост. На юге его земли начинались с р. Обжи, занимали бассейн р. Олонки, а на севере поднимались по ладожским рекам Тулоксе и Видлице и выходили на р. Шую и озеро Сямозеро, где на его северных прибрежьях они и заканчивались. Как ни странно, и здесь Новгороду пришлось позаботится о целостности своей власти. Географические карты XVIII в. на нижней Видлице показывают село Княщина. Писцовая книга 1563 г. выделяет боярщину Княщину в Сямозерье[3]. В России *Княщиной* назывались те селения и волости, которые когда-либо принадлежали князю. Так, Княщиной

[1] *Краснопольская Т. В.* Певческая культура Водлозерья в контексте пудожской традиции // Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. С. 227–230.

[2] НПЛ. С. 355.

[3] ПК 1563 г. С. 63.

называлась волость Александра Невского у его временной столицы Переяславля-Залесского, эта Александрова Княщина находилась в окружении боярщин, т. е. частных вотчин местных бояр. Великий Новгород всегда ревниво оберегал свои государственные земли от частных захватов новгородскими князьями и князьями-наместниками в окраинных областях Новгородской земли. Например, в начале XIV в. он жаловался великому князю на его новгородского наместника князя Бориса Константиновича, который, в частности, купил в Новгородской земле несколько сел. По этому поводу Новгород требовал суда над князем с участием владыки[1].

С запада к Олонецкому погосту примыкал Соломенский погост Корельской земли. Почти весь погост Новгород отдал *в корм* Дому св. Софии. Эти земли оставались в государственной собственности вечевой республики, но архиепископ имел право на управление ими и на сбор *дохода* в свою пользу и налогов государству. Так вот, земли по всей западной границе Олонецкого погоста с Корельской землей, в том числе и видлицкая Княщина, оказалась в *кормлении за владыкою*. Только на самом севере погоста, на оз. Сямозере, княщинские земли попали в боярщину новгородских вотчинников Грузовых и Слизиных. Все кормленые земли владыки на Олонце составили Олонецкий стан. Его центром стал владычный Ильинский погост. Становые земли тянулись вдоль восточного и северо-восточного берега Ладоги; по рр. Видлице и Тулоксе они выходили к р. Шуе и оз. Сямозеру. На востоке владычные земли шли по р. Инеме, доходя до центра всего Олонецкого погоста[2] (который по условиям Обонежского ряда оставался в княжеской юрисдикции, но выплачивал десятинную подать в пользу Новгородской епархии). Так на Олонце и в Сямозерье Новгород смог соблюсти баланс интересов своей правящей элиты и епархии и отдал под надежный надзор владыки всю административную границу Корельской земли и Обонежской тысячи в северном Приладожье. Можно осторожно предположить, что создание самого кормленого округа Дома св. Софии произошло в ответ на неудачную попытку какого-то князя создать свою вотчину на Олонце.

[1] ПИК. С. 49–50.

[2] ПК 1563 г. С. 60–62, 65–74.

Роль Православной церкви на Севере исключительно важна не только в смысле государственного управления. Повсеместно церковные власти, как Дом св. Софии, так и владимиро-суздальский (московский) Дом пресв. Богородицы, проводили политику по включению в одни приходы прихожан различной этнической принадлежности, тем самым содействую мирному соседству представителей разных народов. В целом церковь являлась объединительным, структурообразующим началом процесса колонизации и становления новых этнических общностей[1]. Далеко не случайно, что в дальнейшем, особенно интенсивно в XVII − XVIII вв., на олонецких землях шел процесс образования новой этнической общности карелов-ливвиков. Карелы из собственно Корельской земли, жившие под постоянным давлением военной опасности, шли на восток, переходя административную границу Корельской земли с Северным Обонежьем.

Земли по обе стороны от этой границы принадлежали Дому св. Софии. В принципе владыка ничего не терял, когда в мирное время разрешал селиться карелам на обонежской стороне своих кормленых земель (в предыдущей главе говорилось о таком переселении карелов из Салми к Тулмозеру). Но данное обстоятельство преобразилось в XVII в., после занятия Швецией Корельского уезда. Именно по налаженным путям карелы массою уходили со своей родины в Россию, и многие из них селились поблизости, прежде всего в Олонецком стане Дома св. Софии и вообще в Олонецком погосте. На его землях и сложились ливвики из карелов-переселенцев и местных потомков древних вепсов. В церковном отношении они составляли новые приходы, число которых особенно возросло в 1620−1640-х гг.[2]

В социальном же плане наличие низовой церковной организации давало право новым общинам на выделение своего самоуправления из общепогостской организации. Этапы обособления таковы: сначала часовенный приход, затем самостоятельная, отдельная от соседей община и, наконец, отдельный погост − этот путь рисуют источники XIV−XVII вв. о Вымоченском погосте, Толвуе, Шуньге и Кузаранде. Их материал доказывает, что в основе данного пути

[1] *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Указ. соч. С. 56–58.

[2] *Жуков А. Ю.* Олонецкий край в составе России // Олонец: Историко-краеведческие очерки в двух частях. Петрозаводск, 1999. Ч. I. С. 44–45.

лежала самоорганизация местного населения, зарождение его самоуправления, которое, тем не менее, приобретало на месте полноту власти лишь будучи самоуправлением отдельного погоста-прихода.

Успехи в деле становления структуры погостов северного Обонежья освещают материалы XV в. Уже тогда даже на самой северной обонежской территории, вокруг озера Выгозера, по рр. Верхний Выг и Выг, на Поморском берегу Белого моря, существовал Выгозерский погост. Из источников XV в. известен *Василь, староста выгозерскыи,* и местный же *староста Сидор*, они контролировали общинное землевладение выгозерцев[1].

В целом сложение структуры из 18-ти погостов падает на новгородское время, на XIII (Важины, Олонец) − середину XV в. (Толвуя, Шуньга, Выгозеро). Тогда образовались: Спасский Выгозерский, Никольский Шунгский, Егорьевский (св. Георгия) Толвуйский, Спасский Кижский; на восток от Онежского озера – Петровский Чёлмужский, Спасский Шальский, Никольский Пудожский, Рождественский (Рождества пресв. Богородицы) Водлозерский, Никольский Андомский; в южном Прионежье и в Посвирье находились Покровский Вытегорский, Рождественский Мегорский, Никольский Оштинский, Ильинский Веницкий, Воскресенский Важинский, Рождественский (Рождества Христова) Пиркинский; между Ладогой и Онегой лежали Рождественский Олонецкий, Рождественский (Рождества Богородицы) Остречинский и Никольский Шуйский погосты. Они существовали и далее, в XVI−XVII вв., под названием *Заонежские погосты*.

§ 3.3. Боярская колонизация и общинное самоуправление в вотчинах и погостах

Становление большей части северных погостов Обонежья синхронно с частно-вотчинной колонизацией края, начавшейся в последней четверти XIV в. Обояривание Обонежской Карелии

[1] Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.: Сборник документов / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941 [Далее − Материалы]. С. 121–122 (№ 46, 47).

захватывало последний этап колониальной политики Великого Новгорода на Севере и отличалось чрезвычайно широким размахом и интенсивностью[1]. Тогда же в новых погостах окончательно сложилось крестьянское самоуправление, опиравшееся на общинные обычаи.

Писцовая книга 1563 г. ведет описание всех Заонежских погостов строго по *боярщинам* – бывшим вотчинам новгородцев-феодалов. Уже при власти Великого Новгорода эти вотчины объединяли целые крестьянские общины, разрабатывавшие природные ресурсы по заведенному порядку. Он сложился еще до вторжения частных вотчинников в северное Обонежье и не растворился в новых хозяйственных условиях частного землевладения. Поэтому и в конце XV−XVI в. речь не шла о возврате к старым общинным порядкам. Общинники стали оброчными (черносошными) крестьянами, но продолжали жить по давно сложившимся традициям природопользования и общинного уклада[2]. Подати вотчиннику сменились налогами государству.

Маркирующим рубежом, когда вотчинная атака новгородской знати на крестьянское общинное землевладение северного Обонежья была в основном завершена, можно считать откупное соглашение (1434 г.) великокняжеского наместника в Новгороде Григория Васильевича Заболоцкого с новгородскими частными лицами. Судебные доходы с погостов Обонежского ряда наместник продал на условиях откупа, очевидно, по завышенной по сравнению с ежегодным доходом цене[3]. В. Л. Янин датирует Откупную грамоту 1460 г., его аргументация сводится к тому, что в 1434 г. Василий II был в Новгороде на положении беглеца, а в 1460 г. − полноправным великим князем; о его наместнике Г. В. Заболоцком имеется источник, твердо датированный временем после Яжелбицкого мира 1456 г.[4] Независимо от конкретной даты заключения сделки на Обонежский откуп, для нас важно, что обе они приходятся на вторую треть XV в.

---

[1] *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 74.

[2] ИК. С. 78–79.

[3] ГВНП. С. 149 (№ 93). Датирована 1434 г., позднее 29 июня (Петрова дня).

[4] *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 184.

Этим временем мы и датируем завершение вотчинного обояривания северного Обонежья.

И вот почему. Откупная грамота рисует погосты в основном в соответствии с географией Обонежского ряда, т. е. ведет речь о землях в юго-западном Присвирье и на Олонце. Дополнением к округу великокняжеского *обониского суда* оказались только земли низовий р. Волхов, которые в самом Ряде не упоминались. Видимо, ко второй трети XV в. в Обонежский податной округ было включено нижнее Поволховье, на которое также распространялись аналогичные податные и судебные права сюзерена Великого Новгорода. Но те северные обонежские погосты, которые никак не отражены в Ряде, точно так же отсутствуют и в Откупной грамоте. Значит, эти погосты выделились в качестве административно-территориальных единиц, но налогово-судебная власть великого князя на них так и не распространилась, будучи жестко ограничена условиями договора с епархией, т. е. конкретными населенными пунктами − центрами древневепсских погостов XIII в.

Более того, при знакомстве с северообонежским материалом вспоминаются *мужи новгородские* середины XIII в., которые по поручению князя собирали подати на Двине и в других новгородских волостях, в то время как собственно княжеским сборщикам въезд в эти волости запрещался[1]. Речь идет о *Данной грамоте скотниках и помужниках Толвоиской земли*, которые между 1415−1421 гг. (датировка ГВНП) или 1435−1437 гг. (уточненная датировка В. Л. Янина) подарили Палеостровскому монастырю в вотчину Палий остров и прилегающие земли[2]. Довольно долгий список *скотников и помужников* Толвуи возглавляют новгородские посадник и тысяцкий, т. е. светские представители новгородской государственности. Кто они?

Писцовая книга 1563 г. и ряд других документов за XV−XVI вв. частично помогают ответить на этот вопрос. Описывая Толвуйский погост, перепись 1563 г. отмечает бывшую вотчину Марка Панфильева Селифонтова[3], а его дед «Селифонт Твердиславль с детми» указаны в *Данной*. Толвуйский вотчинник Федор Астафьевич Глухов являлся внуком тысяцкого Дмитрия Васильевича из боярского кла-

[1] См., напр.: ГВНП. С. 9–11 (№ 1−2).

[2] ГВНП. С. 147 (№ 90); *Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 244–254.

[3] ПК 1563 г. С. 137.

на Захарьиных, отмеченного в этой Данной[1]. Другим внуком Дмитрия был Александр Тимофеевич, державший толвуйскую вотчину пополам с двоюродным братом Федором[2].

Толвуйская вотчинница Наталья, вдова Моисея Федоровича Бабкина, очевидно, унаследовала вотчину у мужа, так как владела ею вместе с его сыновьями Иваном, Григорием и Микитой[3]. Идентификация родственных связей Натальи и боярина Моисея Бабкина с кем-то из скотников и помужников затруднена. Зато выявляется связь старца Алексея Фатьянова, который передал свои земли в толвуйскую вотчину Свято-Николаевского Вяжицкого монастыря[4]. Янин идентифицирует его деда Мануила с Мануилом Даниловичем *Данной грамоты скотников и помужников*[5].

Ермола Лентеев *Данной* – это Ермолай Леонтьевич, который был правнуком челмужского боярина Григория, заключивший договор 1375 г. с вымоченцами, т. е. принадлежал к клану двинских бояр. Так, вместе со своими двоюродными братьями Андреем Александровичем и Астафием Васильевичем он жаловался на превышение размера поралья, собираемого с крестьян Терпилова погоста в Двинской земле в пользу посадника и тысяцкого[6]. А «старые бояре Семен Ермолин да брат его Василии Офоносов» пожертвовали Палеостровскому монастырю рыбные угодья в челмужских водах[7].

Максим Иванов с детьми *Данной грамоты* значатся как Водниковы – Максим Иванов и его сын Ермолай в купчей грамоте Вяжицского монастыря на землю и ловища в Повенце и на Онежском озере 1465–66 гг.[8] Другой Водников, Мартемьян Родионович, сразу отмечен и в *Данной грамоте*, и в купчей 1465–1487 гг. Вяжицкого монастыря на половину его вотчины там же, в

[1] ПК 1563 г. С. 138; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981. С. 144.

[2] ПК 1563 г. С. 138; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина... С. 144.

[3] ПК 1563 г. С. 138–139.

[4] ГВНП. С. 292–294 (№ 293, 294, 295); три документа датированы временем около 1456 г.

[5] *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 260–261.

[6] ГВНП. С. 146 (№ 89). Генеалогия челмужского боярина Григория Семеновича представлена: *Янин В. Л.* Новгородские акты... С. 243, 304–305.

[7] ПК 1563 г. С. 154.

[8] ГВНП. С. 302 (№ 310).

Повенце[1]. Фамилия последних дарителей и продавцов весьма примечательна тем, что не затерялась со временем. Водниковы перебрались на Кольский полуостров, где и сохранили свои владения, правда, уже в числе других волощан. Один из них, Савва, в 1575 г. был целовальником Терского наволока[2]. В свою очередь, Терский наволок, вместе с волостями Умбой и Варзугой, на рубеже XV−XVI вв. все еще входил в вотчинную собственность *детей корелских*, которые даже после 1478 г. сохраняли право на частное распоряжение своими землями[3]. Так что вполне возможно, что Водниковы XV−XVI вв. входили в один из «пяти родов корелских детей».

Данная грамота скотников и помужников Толвуйской земли второй трети XV в. передает имена не только собственно новгородской знати, но и местных вотчинников. Видимо, поэтому мы не можем идентифицировать большинство имен, содержащихся во второй половине списка дарителей. Очевидно, часть их принадлежала местным землевладельцам, например, потомкам вепсской родоплеменной знати − предкам будущих заонежских своеземцев. Но при этом нам совершенно ясно, что под именами *скотников* и *помужников* фигурируют вотчинники местных земель. Именно поэтому Великий Новгород и придал им статус сборщиков государственных налогов, судей и управленцев Толвуйской земли. Великий князь же, как видим, вообще не обладал здесь сколько-нибудь реальной властью, de jure она ограничивалась центрами погостов Обонежского ряда.

Главными собственниками земель северного Обонежья являлись новгородские вотчинники. Они представляли все *концы* Новгорода и входили в две основные политические группировки Великого Новгорода: Прусско-Плотницкую (знать Людина,

[1] ГВНП. С. 303–304 (№ 313).

[2] Сборник грамот Коллегии Экономии. Л., 1929. Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов. Стб. 437–442.

[3] Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Л., 1988. Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571 гг. С. 17–20 (№ 3, 4, 8, 9: все − за 1484−1502 гг.). О «Варзужской кореле и Умбе» см.: «Первый список Двинских земель» Ивана III, около 1477 г. (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV − начала XVI вв. В 3-х т. М., 1964. Т. III / Сост. И. А. Голубцов. С. 30 (№ 14). Разбор и датировку «Первого списка» дал В. Л. Янин: *Янин В. Л.* Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50-е−70-е годы XV в. // Исторические записки. Т. 108. М., 1982. С. 206–208.

Загородного и Плотницкого концов столицы) с одной стороны и выступавших против нее в союзе боярских элит Неревского и Славнинского концов – с другой. Но политическая стабильность в республике покоилась на паритете власти между этими враждовавшими кликами. В правительство *Совет господ* они делегировали своих посадников и тысяцких в равной пропорции: 2 против 1 + 1. Такое компромиссное соотношение сложилось в ходе политического реформирования магистратских институтов Новгорода с 1360 г. и усиливалось в XV в. В. Л. Янин даже назвал появившийся политический строй олигархическим правлением[1]. Но паритет власти покоился на примерно равной экономической силе обеих группировок. Проиллюстрируем данное положение через анализ вотчинного владычества новгородской знати (бояр, житьих, купцов) в северном Обонежье.

Наиболее полную картину по 18-ти Заонежским погостам рисует Писцовая книга 1563 г. Правда, в ней отсутствуют незначительный кусок о государевых землях в центре Олонецкого погоста и начало описания Кижского погоста. Впрочем, данные о рыболовных угодьях на Сямозере и Онеге частично восполняют и этот пробел. Нас будет интересовать количественный показатель − число вотчин, принадлежащих каждой из двух группировок (славнинцам и неревчанам − по отдельности). Известно, что вотчины наследовались по семейно-родственному принципу. Поэтому владельцы на момент составления *старого письма*, подытожившего светское вотчинное землевладение в крае, наследовали свои владения прямо от предков, состоявших, естественно, в тех же политических группировках. При этом размеры вотчин в податных единицах *обжах* и *луках* в расчет не берутся, поскольку край интенсивно осваивался крестьянами и, соответственно, размеры вотчин постоянно изменялись в сторону расширения. Не учтены также вотчины своеземцев и поместья земцев (бывших своеземцев) и вотчина челмужских бояр потомков Григория Семеновича. За вычетом Челмужского остаются 17 погостов. Мы уже провели подобную работу по 73-м вотчинам, но вынужденно доложили лишь о ее общих ре-

[1] *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 13–79.

зультатах[1]. Кроме того, теперь можно идентифицировать большее число вотчинников и поэтому привлечь к количественному анализу данные о 84 вотчинах[2], а также ввести районирование Обонежской Карелии по группам погостов.

В *Выгозерском погосте* основным вотчинником являлась Марфа, вдова неревского посадника Исака Андреевича Борецкого. Тут ей противостояла только одна хотя и объединенная, но все равно небольшая вотчина прусско-плотницкой группировки (посадник Федор Астафьевич Глухов, степенный посадник Михаил Семенович Берденев, посадник Лука Федорович). В вотчину входили владения детей Моисея Федоровича Бабкина Ивана, Григория и Микиты и его жены Натальи, но при этом сам Моисей представлял Неревский конец[3]. Остановимся на равенстве: одна вотчина против одной.

К югу лежали земли *Шунгского погоста*. Здесь вотчинники из прусско-плотницкой группировки в два раза превосходили числом конкурентов: 4 вотчины первой (Ф. А. Глухова, М. С. Берденева, Луки Федоровича и Александра Тимофеевича) против неревских вотчин Натальи, жены М. Ф. Бабкина, и Панфила Селифонтьева, который незадолго до смерти (до 1489 г.) отдал свои владения тут Палеостровскому монастырю[4].

Толвуйский погост на водно-волоковой трассе в светской сфере землевладения, наоборот, являл пример превалирования неревчан: 1) жена и сыновья Бабкина и 2) Марк Селифонтьевич; прусско-

---

[1] *Жуков А. Ю.* Государственное оформление северных земель России в XI–XV вв.: этапы и характер властвования // Важнейшие результаты научных исследований Карельского научного центра Российской академии наук: Тез. докл. юбилейной науч. конф. Карельского научного центра РАН, посвященной 275-летию Российской академии наук. Петрозаводск, 1999. С. 134.

[2] Основной поименный корпус новгородской знати, с указанием местожительства многих бояр, житьих и купцов определил В. Л. Янин. Поэтому далее в определении принадлежности того или иного вотчинника к той или иной группировке, или концу, мы будем использовать сведения из трех главных «новгородских» работ исследователя (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962; 2-е изд. М., 2003; *Он же*. Новгородская феодальная вотчина…; *Он же*. Новгородские акты...), никак, впрочем, этого не оговаривая в ссылках, кроме некоторых случаев, принципиальных для нашего изложения.

[3] ПК 1563 г. С. 155–165; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 314–315.

[4] ПК 1563 г. С. 147–155; *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 267.

плотницкая клика обладала одной общей для Глухова и Александра Тимофеевича вотчиной[1].

Зато в самом южном на Заонежском полуострове Кижском погосте наблюдалось небольшое преобладание прусско-плотницких вотчинников. У них имелось 7 вотчин: Ф. А. Глухова, Александра Тимофеевича, сына посадника Григория Кирилловича Посахно Андрея, Васюка Шелепина (и здесь и на Олонце вотчина последнего всегда находилась рядом с вотчиной Андрея Посахнова, причем на Олонце − «вопче»), М. С. Берденева, Луки Федоровича и Никифора Хмелева, у которого была общая рыбная тоня с Лукой. Неревчанам принадлежали вотчины: 1) Марфы Борецкой, 2) «ее человека» Ивана Девятого, 3) Лаврентия Панфиловича Селифонтова и 4) его брата Марка. Наконец, Славнинский конец был представлен вотчиной Микиты Афанасьевича Грузова, сына славнинского посадника Афанасия Астафьевича Груза[2]. В целом 7 вотчин против 4 + 1 вотчины.

Наконец, *в Шуйском погосте* незначительно лидировали неревчане (2 вотчины − Лаврентия Панфильева и Кузьмы Вангина; у них даже имелись общие деревни и земельные участки) и славнинцы (вотчина М. А. Грузова). Им «противостояли» боярщины Луки Федоровича и Настасьи[3].

Следовательно, на землях вдоль северных путей главной торговой и промысловой трассы Обонежской Карелии соблюдалось принципиальное вотчинное равенство: прусско-плотницкая клика обладала 15-ю вотчинами против 11-ти вотчин неревчан и 2-х славнинских (15 против 13-ти). Напомним, однако, что выгозерскую оконечность трассы держала Марфа.

Восточное Приладожье с началом Беломорской трассы по Свири, Видлице и Тулоксе, с Оятью в южном Присвирье составляли погосты Олонецкий, Пиркинской, Важенский и Веницкий. Вместе с тем западную кромку этого большого района занимали кормленые земли Дома св. Софии. Они тянулись вдоль пиркинского и олонецкого берегов Ладоги (включая устье Свири), по водно-волоковому пути по рр. Видлице и Тулоксе, выходя к владычным деревням на р. Шуе, были они и в важинских Каковичах

[1] ПК 1563 г. С. 137–139.

[2] Там же. С. 124–137.

[3] Там же. С. 113–124.

в Присвирье[1]. Благодаря этому новгородский владыка контролировал основные торговые потоки и как бы примирял интересы обеих враждовавших группировок своим владельческим и правительственным присутствием. А примирять интересы именно в данном районе следовало. Тут на первых участках трассы господствовала прусско-плотницкая клика.

Олонецкий погост достался трем прусско-плотницким вотчинам − Андрея Тимофеевича, жены посадника Ивана Григорьевича Настасьи и *вопче* А. Г. Посахнова с В. Шелепиным. Одна вотчина принадлежала боярину Тимофею Матвеевичу Малому Грузову, племяннику славнинских посадников Афанасия, Кузьмы и Тимофея Астафьевичей. Неревчане были представлены общей вотчиной Якова Васильевича и Спиридона из бояр Слизиных[2].

В *Пиркинском погосте* наблюдалась та же картина. Настасья, жена Ивана Григорьевича, и Лука Федорович владели двумя вотчинами, от Славны им «противостоял» посадник Иван Афанасьевич Патрикеев. Впрочем, на Олонце и особенно в Пиркиничах и Важинах находились земли мелких вотчинников, идентификация которых с новгородской знатью пока не состоялась[3]. Возможно, они были житьими или купцами либо являлись потомкам местной знати, не попавшими в своеземцы.

Частные земли *Важинского погоста* знатные новгородцы делили между собой поровну: к прусско-плотницким вотчинникам принадлежали жена Микиты Есифовича Василистина Аксинья и посадник Иван Захарович Овинов, славнинским являлся М. А. Грузов, а Никита Лаврентьев принадлежал либо Славне, либо Неревскому концу[4]. Чисто условно выберем: два первых против двух от Славны.

«Равенство» в Важинах резко нарушалось в *Веницком погосте*. Здесь на 4 вотчины прусско-плотницких бояр (Ф. А. Глухова, И. З. Ови-

---

[1] ПК 1563 г. С. 59–62, 65–75 (в Олонецком погосте), 78–84 (в Пиркинском погосте), 98–100 (в Важинском погосте).

[2] Там же. С. 57–58, 63–65, 75.

[3] Там же. С. 75–78.

[4] Там же. С. 86, 89–90; *Янин В. Л.* Новгородские акты… С. 69 (о брате Никиты Иване).

нова, М. С. Берденева и Ивана Ананьевича Берденева) приходилась одна вотчина неревчанина Ивана Широкого Яжжинского[1].

В целом юго-запад Обонежского округа показывает следующее: на 11 прусско-плотницких вотчин приходится 6 славнинских и неревских. По нашему подсчету, 2 принадлежали неревчанам и 4 − Славне. Но, может быть, у Неревского и Славнинского концов было по три вотчины, что совершенно непринципиально, так как число всех последних вдвое уступало количеству прусско-плотницких вотчин.

Не такое решительное, но все же ощутимое преимущество неревчан и славнинцев над прусско-плотницким боярством выявляется при анализе материалов переписи 1563 г. о востоке и юге Обонежской Карелии. Прежде всего, остановимся на бассейне р. Водлы: по ней и ее притокам через Кенский волок новгородцы добирались в свое Подвинье.

В *Шальском погосте* на устье Водлы у знати прусско-плотницких концов было три вотчины (Александра Тимофеевича, Аксиньи, жены Микиты Есифовича, и Настасьи, жены Ивана Григорьевича). К неревским относились вотчины сыновей М. Ф. Бабкина и Панфила Селифонтьева[2].

Другое дело − *Пудожский погост*. Только вотчины Настасьи и Аксиньи поддерживали присутствие в погосте прусско-плотницкой группировки. И напротив, неревской Марфе Борецкой принадлежала одна вотчина, а славнинским боярам (М. А. Грузову, Ивану Васильевичу Немиру Шенкурскому и Федору Григорьевичу Малому Худякову) − сразу 4 вотчины[3].

Те же самые вотчинники «распределили» весь *Водлозерский погост*. Правда, вдова И. А. Борецкого Марфа утвердилась тут всего в одном поселении. В противовес ей, у прусско-плотницкой боярыни Настасьи вотчина *На Мышьих черевах* стояла прямо на Кенском во-

[1] ПК 1563 г. С. 240–246. Деревни Ивана Широкого Яжжинского (Язжинского) на р. Луге находились в долях со своеземцами Кошелковыми и неревским бояриным Александром Самсоновичем из рода Мишиничей (*Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина… С. 41).

[2] ПК 1563 г. С. 168–173. Панфил подарил свои владения в погосте Палеостровскому монастырю.

[3] ПК 1563 г. С. 177–187.

локе[1]. Если Марфа контролировала выходы к Белому морю, то Настасья − всю водлинскую трассу в Заволочье и Подвинье.

Погосты бассейна Водлы дают такой результат: 4 вотчины у Неревского конца, 6 − у Славны, итого 10 − против 7 вотчин у прусско-плотницкой знати. Небольшое превалирование последней на устье р. Водлы не компенсировало ее слабость в центре и верховьях.

Юг Обонежской Карелии неоднороден. Самые юго-восточные погосты граничили с землями Владимиро-Суздальской Руси: Андомский погост − с Белозерьем, Вытегорский − с Верхним Поволжьем. Оба погоста имели связь по рекам и волокам с этими областями и водными системами. Следующие Мегорский, Оштинский и Остречинский погосты такой удобной самостоятельной связи с низовскими землями не имели. Разительно отличаются они и по составу вотчинников.

В *Андомском погосте* господствовали прусско-плотницкие вотчинники (Аксинья, жена Микиты Есифовича, Федор и Захар Морозовы, Григорий Никитич Ногаткин и Борис Дмитриевич Зубарев). Вотчина славнинца И. А. Патрикеева выглядела одинокой среди этих пяти вотчин. Кстати, у братьев Морозовых, Ногаткина и Зубарева в погосте имелись несколько совместных деревень, обычно разделенных пополам во всех шести вариациях из этих пар. Правда, у Зубарева была одна поделенная и с Патрикеевым деревня. Но Л. В. Данилова твердо установила принадлежность житьих братьев Морозовых к Волосовой улице Людина конца[2]. Все это вместе взятое говорит о том, что мы имеем дело с прусско-плотницкими вотчинниками.

Мы подмечаем несколько также поделенных пополам деревень Федора и Захара Морозовых, Зубарева и Ногаткина в соседнем *Вытегорском погосте*. Причем местная вотчина славнинца Т. А. Патрикеева уже не имела с ними ни одной общей деревни. Так же отдельно стоят деревни неревчанки боярыни Марфы Борецкой[3].

По этим двум порубежным погостам вырисовывается подавляющее преимущество прусско-плотницких вотчинников (целых 9 вот-

---

[1] ПК 1563 г. С. 176, 177. Подробнее о вотчинниках Водлозерского погоста см.: *Жуков А. Ю.* Водлозерье и Водлозерский погост в X−XV вв. // Национальный парк «Водлозерский»… С. 259.

[2] ПК 1563 г. С. 188–192, 193–199; *Данилова Л. В.* Очерки… С. 48.

[3] ПК 1563 г. С. 203–211.

чин) перед Славной (2 вотчины) и Неревским концом (1 вотчина). Совершенно противоположная картина наблюдается в Мегорском, Оштинском и Остречинском погостах. Здесь у первой клики не нашлось ни одной вотчины. Все вотчины тут достались Славне и неревчанам.

В *Мегорском погосте* господствовали Марфа Борецкая и И. А. Патрикеев[1], в *Оштинском погосте* − только одна Марфа-посадница[2]. Наконец, в *Остречинском погосте* находились две вотчины славнинцев посадничьих детей Тимофея Матвеевича Малого Грузова и М. А. Грузова и три вотчины неревчан Слизиных: посадника Якова Васильевича, его родственника Спиридона и общая на двоих вотчина Ивана и Дорофея Даниловичей Слизиных[3]. Таким образом, в этих трех погостах у знати Неревского конца имелось 5 вотчин, а Славну представляли три вотчинника. Особо выделялись владения Марфы Борецкой, включавшие сотни деревень.

Подведем итоги. В сфере частного феодального светского землевладения перепись 1563 г. описала около 100 вотчинных владений новгородцев, из них около двух десятков составляют мелкие вотчины в Присвирье. Остальные 82 вотчины в 17 погостах принадлежали знатным лицам Новгорода, которых можно идентифицировать с одним из его концов.

Частное новгородское землевладение распределялось так: 42 вотчины принадлежали знати прусско-плотницкой группировки (Людина, Загородного и Плотницкого концов столицы), 23 (или 24) вотчинами располагали вотчинники Неревского конца и 17 (или 16) − знать Славнинского конца. Таким образом, две последние группы владели 40 вотчинами. Следовательно, имело место принципиальное равенство: обе враждовавшие в политике Новгорода группировки в северном Обонежье придерживались ясно выраженного вотчинного паритета. Даже к концу новгородской независимости ни одна из них не имела заметного преимущества. Так как вотчины наследовались на основе семейно-родовых отношений, то данное равенство должно было складываться намного раньше, скорее всего, со второй половины

[1] ПК 1563 г. С. 212–221.

[2] Там же. С. 221–236.

[3] Там же. С. 106–113.

XIV в., когда шло активное освоение новгородской элитой северного Обонежья.

Найдено хозяйственно-экономическое соотношение: почти на каждые 2 вотчины прусско-плотницкой группировки приходилось по одной вотчине союзных Неревкого и Славнинского концов. Данная пропорция количественно принципиально тождественна главной политической «арифметике» распределения власти в Великом Новгороде, сложившейся с начала 1360-х гг.: на каждых двух посадников и тысяцких от прусско-плотницких бояр республики приходилось по одному посаднику и тысяцкому от Неревского и Славнинского концов. Следовательно, начавшееся как раз во второй половине XIV в. боярское освоение северного Обонежья на самом деле основывалось на взвешенной, продуманной компромиссной внутренней социально-экономической политике, которая учитывала интересы всех трех политических групп (двух политических лагерей) вечевой республики. Поэтому на первоначально безвотчинной целине Обонежья политика компромисса твердо и последовательно проводилась всей боярской элитой. Великий Новгород неукоснительно следовал ей вплоть до своего падения.

В обояривании Обонежской Карелии имелась и внешнеполитическая составляющая. К концу XIV в. Москва твердо встала на Белоозере, окончательно перерезав Новгороду южные пути в богатое пушниной двинское Заволочье. Уже в 1401 и 1417 гг. московские полки брали новгородскую Двину; ответными военными ударами Новгород изгонял захватчиков[1]. Стратегия и тактика Москвы были ясны: великие князья объединяли Россию под своей властью. Например, им удалось присоединить отдельные «куски» Низовской Руси путем аннексии наиболее важных и богатых частей различных княжеств. Захват у вечевой республики Двины преследовал ту же цель. Перед новгородскими боярами вставала задача создания на северо-востоке пояса обороны. Она и была решена – через массированное, но продуманное, политически согласованное и компромиссное боярское освоение восточной Карелии и Двины. Так Новгород усилил свое присутствие на Севере.

Судя по *Мировой грамоте* вымоченцев 1375 г., к тому времени погосты в северном Обонежье еще до конца не сформировались –

[1] НПЛ. С. 396, 407–408.

даже на давно попавших в крестьянский оборот землях восточного берега Заонежского полуострова и Онежского озера. Их окончательное выделение из общей колонизационной зоны веси и оформление на основе местных северных приходов должно было происходить одновременно с вотчинным освоением местных земель и попаданием общинников в частнофеодальную зависимость. Процесс занял промежуток времени с конца XIV по первую треть XV в. Но тем самым новые погосты уходили из-под контроля вепсских старост на коренных присвирских землях веси. И одновременно местные общины объединялись структурно в единые приходы.

Авторы «Истории крестьянства Северо-Запада России», проанализировав материал берестяных грамот, отметили, что некоторые из них написаны от имени крестьян отдельных *волостей* погоста, а не от всех его крестьян. Они справедливо связывают это с существованием внутри погоста крестьянских общин, которые имели самоуправление. Последнее заключалось в совместном отстаивании своих интересов перед вотчинником и его управленцем на местах, заключении договора с феодалом, определявшим размер податей. Самоуправление это возглавлял староста общины. Вместе с авторитетными общинниками он раскладывал подати по дворам. Общинники могли даже ходатайствовать об исключении кого-либо из числа членов своей общины[1]. Для Обонежской Карелии подобную картину взаимоотношений рисует грамота на бересте № 131 (вторая половина XIV в.)[2]. Ею сборщик податей докладывал господину в Новгород о поездке по вотчинам: на Оять, в Пудогу, на Сямозеро и р. Шую. Вообще такая «разбросанность» вотчинных земель была характерна для землевладения новгородской знати в северном Обонежье, ее подтвердил и наш анализ. Проанализируем текст бересты.

Начальные строки посвящены *Пудоге* (пудожской вотчине). Оказывается, там выплачивалась празга (*празда*, *празка*), т. е. вид феодальной ренты за пользование природными угодьями. Празга, кстати, собиралась и с северных угодий Карелии *детьми корельскими*, причем при продаже угодий право на взимание празги передава-

[1] История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. СПб., 1994. С. 75–76.

[2] *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). С. 68–71.

лось новому владельцу[1]. Обонежская Карелия также знала празгу. В третьей четверти XV в. один из бояр Бабкиных, Ефстафий Дмитриевич, сделал вклад в Соловецкий монастырь *бразгой* от своих сенокосов и лесов на Кузострове и по Поморском берегу Белого моря от Кузнаволока до р. Вирмы и Товручья[2]. Его сын Федор не позднее 17 августа 1492 г. окончательно отдал эти сенокосы вместе с празгой Соловкам[3]. Не удивительно, что и на Пудоге формой феодальной ренты выступала празга.

После слов о празге на Пудоге следует загадочная фраза об Ояти («изо Ояте… закрою спроста»). Может быть, речь идет о покрытии каких-то выплат за счет податей с оятской вотчины. Затем сборщик пишет, что в Пудоге он был на празднике русалий (в начале лета). Но самое интересное написано далее: «А цто про сямозерци хедыле есемо не платяце, а плаатяце в томо, цто промежу ряду нету. А ныне сямозерци в городе, говори с неми сами. А я сти, осподине, буду. А я борзо буду. А нине есемо к тобе рибако[в?] посланя. А во Шуе ни лидие, ни лову». Берестяная грамота № 131 указывает на крестьянскую общину сямозерцев, которая заключила с вотчинником соглашение-*ряд* по поводу феодальной ренты. Но выплатить ее не могут, вместо оговоренной *рядом* подати они предлагают другой вид выплат.

Маловероятно, чтобы в грамоте имелась в виду подать продуктами сельского хозяйства. Для того времени следует очень осторожно подходить к определению «сельскохозяйственное производство»

---

[1] Северные грамоты XV в. / Сообщил Чаев Н. С. // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1929 гг. Л., 1929 [Далее − Северные грамоты XV в.]. С. 136, 139–140; *Жербин А. С., Шаскольский И. П.* Особенности развития феодализма в Карелии (XI−XVI века) // История СССР. 1982. С. 136–138.

[2] *Либерзон И. З.* Неизвестные акты XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. 14. С. 138.

[3] *Либерзон И. З.* Неизвестные акты… С. 138. О массовых вкладах в северные монастыри в последние десятилетия XV в. (в связи с ожиданием Конца Света и Страшного суда) см. главу II настоящей работы. Об этом прямо свидетельствовал новгородский архиепископ Геннадий (Геннадий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова. Предисловие к «Пасхалии на осьмую тысячу лет», 1492/93 г. // Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 29. Собрание рукописных книг А. В. Горского XVI–XIX вв. Оп. 1. Ед. хр. 40. Сборник сказаний, апокрифов, патериковых повестей и слов, гл. 46. Л. 55–62 об.).

на Севере, по крайней мере, не иметь в виду того, что наибольший удельный вес в продукции крестьян выпадал на зерно или животноводство. Например, *старый доход* с оштинской вотчины Марфы Борецкой, который выплачивался с 214 деревень (247 дворов, 482 *человека*-податного лица[1]), состоял из 3094 белок, 2 рублей 10 гривен и 10 денег, 11,5 коробьи ржи и 21 коробьи овса[2]. Как видим, даже в южном Прионежье с давно освоенной, густо заселенной и довольно компактной территории шла наполовину пушная подать. А Сямозерье тогда же, тем более во второй половине XIV в. представляло собой редко заселенный и плохо освоенный в сельскохозяйственном отношении район[3]. Но зато писцы в 1563 г. отметили в нем прекрасные рыболовные угодья, поделенные на *доли* между всеми боярщинами и владычными крестьянами[4]. Видимо, именно рыбный оброк составлял основную часть подати, *уряженной* крестьянами с вотчинником.

Сборщик подати, однако, информировал вотчинника о том, что в том году в р. Шуе рыба не ловится и рыбаков сборщик отсылает к господину. Из грамоты не совсем ясно, кого он имеет в виду под рыбаками: сямозерцев ли (которые также будут находиться в Новгороде) или же вотчинных крестьян из Шуйского погоста? Но, скорее всего, вторых, поскольку по переписи светские боярщины располагались на берегах самого оз. Сямозера, а на сямозерском участке реки Шуи в основном стояли деревни архиепископа. Кроме того, в пределах Олонецкого погоста перепись отметила рыболовные угодья на самом Сямозере, а не на Шуе. А вот в Шуйском погосте в реке Шуе такие богатые ловли имелись[5]. Но Шуя связана с Сямозером рекой Сяпсей. Если в Шуе в тот год рыба не ловилась, то можно предположить, что и на Сямозере дела обстояли не лучше. Видимо, сямозерцы решили договориться с вотчинником о замене рыбной подати пушниной, например,− но об этом в грамоте не говорится и нам остается лишь гадать. И напротив, в грамоте совершенно оп-

[1] Дискуссию о *человеке* и *людях* писцовых книг см.: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI вв. Л., 1971. С. 17–20.

[2] ПК 1496 г. С. 36.

[3] ПК 1563 г. С. 57–59, 63–64, 66–68.

[4] Там же. С. 58, 64, 75.

[5] Там же. С. 114, 116, 124.

ределенно зафиксирован факт правомочности крестьянской общины сямозерцев поставить перед своим вотчинником вопрос о пересмотре рядного договора в части изменения вида подати. Более того, для новгородца-сборщика такой поворот не кажется невероятным, и он сам предлагает господину поговорить с представителями общины в Новгороде.

В писцовых книгах такие общины проходят под названием *боярщины* и как синоним − *волости* (*волостки*). Погост обычно включал несколько боярщин. Но иногда сама боярщина могла состоять из нескольких общин, и тогда терминология писцов изменялась. То, что в некоторых густо заселенных вотчинах могли проживать не одна, а несколько общин, доказывают реликтовые сведения переписи 1563 г. об обширной и единственной в Оштинском погосте светской боярщине Марфы Борецкой. Боярщина делилась на *сохи*, обладавшие твердо очерченной территорией и состоявшие из десятков деревень. Поэтому писцы смело приписывали вновь возникшие к 1563 г. деревни к той сохе, на чьей территории они вставали. Поэтому же в данном случае под *сохой* нельзя понимать меру налогообложения. Это − община. И каждая из них имела собственное название: «в Марфинской же волостке Исаковы в Низовской сохи», − и описывались деревни в низовьях р. Ошты; «Тое же волости в Залеской сохи» (деревни на западе погоста); «Тое же волости в Водлинской сохи» (деревни на р. Водлице на востоке погоста); «Тое же волостки Верховские сохи» (поселения в верховьях р. Ошты); «Тое же волостки в Сверской сохи», т. е. в общине, занимавшей исток р. Свири[1].

Еще в новгородской время все данные пять общин-*сох* обособились в качестве церковных или часовенных приходов. На это указывают названия ряда старых деревень Оштинского погоста, существовавших при переписи 1496 г. Перечислим их: дер. *На Пяз-озере у часовни словет Аврамовская* (верховье р. Ошта), *Койнуевская у погоста Калфинская* (у р. Водлицы), *На Оште противу погоста словет Лукьяновская* (в низовье р. Ошта), *У погоста Микитинская словет Горбуновское* (в Залесье), *На Кузре ж словет у часовни Михайловская* (у истока Свири)[2].

[1] ПК 1563 г. С. 235.

[2] Там же. С. 223–229.

Из приведенного списка общин-сох несколько выбивается община на Шимозере. Ее деревни названы под заголовком: *Тое же волости в выставки в Шимо-озери Оштинского погоста*[1]. Но дело в том, что шимозерская община еще до 1496 г. обзавелась собственной церковью св. Георгия, став отдельным приходом (данные писцовой книги 1496 г.)[2]. Правда, перепись 1563 г. умалчивает о церкви, но отмечает следующие сведения: «Дер. На Шимо-озере у погоста, словет Мининская… Дер. На Шим-озере словет Аврамовская, пашет ее шимоозерский поп Григорий…» и в списке вновь возникших поселений одно из шимозерских названо починком Исачка Проскурницына (проскурница − обычно вдовая женщина, обязанная выпекать проскурни (просвиры) для церковной службы)[3]. Видимо, в 1563 г. на Шимозере самого строения церкви не было (сгорела?), но церковный быт зафиксирован.

В 1563 г. в Оштинском погосте под отдельным заголовком следует и описание ладвинских деревень (в верховьях р. Ояти): *Да тое ж волости деревни Якимовские Ладвинские*,− и в данном случае писец не забыл указать новую ладвинскую церковь: «Дер. В Ладве ж у часовни словет Демидовская; а ныне по новому писму в той деревне поставили крестьяне церковь святаго великомученика Егория, а на погосте: в[о дворе] поп Мануило, в[о дворе] дьяк Емельянко, в[о дворе] сторож Онтушко»[4]. Следовательно, шимозерская и ладвинская общины перестали быть просто сохами (и часовенными приходами), они выделились в отдельные самостоятельные приходы, которые могли теперь претендовать на собственное самоуправление. В начале XVII в. именно так произошло с Шимозерской волостью, ставшей обособленной *выставкой-волосткой* с таким самоуправлением, которому оштинское самоуправление уже не могло диктовать свои условия[5].

Несмотря на наличие в оштинской вотчине нескольких общин, писцы не определяли податное бремя для каждой из них. Так, в писцовой книге Ю. К. Сабурова 1496 г. отмечен лишь общий *старый*

[1] ПК 1563 г. С. 223–229.
[2] ПК 1496 г. С. 29.
[3] ПК 1563 г. С. 223, 234.
[4] Там же. С. 229.
[5] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 670–701 об.

доход, шедший ранее вотчиннице со всей боярщины[1]. Между тем совершенно не отмечен доход ключника или другого управленца, который ведал бы раскладкой подати внутри вотчины по общинам. Иначе говоря, боярский управленец в вотчине отсутствовал. Данные факты говорят о том, что разверстка общей подати в вотчине по разным общинам была делом самоуправления этих общин.

На уровне погоста как общего для всех крестьян церковного прихода избирался общий же староста. Староста погоста мог иметь дело как с властями Новгорода, так и с вотчинниками[2]. Так, в Выгозерском погосте, бедном пашней, особое значение имели богатые рыболовные промыслы в реках Выг у порога Золотца, Шизне и Вирме. Поэтому неудивительно, что авторитетный староста Выгозерский Василь свидетельствовал сделки, совершаемые с данными *ловищами*. Этот частноправовой акт свидетельствовал староста именно всего Выгозерского погоста, а не староста центральной общины на озере Выгозере, так как сделка совершалась на угодья на Поморском берегу Беломорья, заселенном другими общинами Выгозерского погоста[3].

Материалы XIV−XV вв. и даже XVI − начала XVII в., содержащие глубокие реминисценции в новгородское время, раскрывают органичную связь между становлением прихода, погоста и общинным самоуправлением. Связь эта заключалась прежде всего в том, что с образованием часовенных приходов местные общины становились вполне обособленными единицами *сохами*, не смешивавшимися между собой даже в рамках одной боярщины. Со временем отдельные общины-сохи ставили на своей земле церкви, становясь отдельными (*выставочными*) приходами. В этом случае их земли все еще входили в общую территорию погоста, но самоуправление погоста (например, погоста-*места* Ошты) постепенно теряло право командовать такими выставочными общинами-приходами.

А в более раннее время, когда погост только окончательно оформлялся, в нем имелась одна церковь − центр погоста-*места* и

[1] ПК 1496 г. С. 36.

[2] См., напр.: вышеприведенная грамота старосты Пашоозерского погоста (*Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956−1957 гг.). С. 105–107 (№ 279), или частноправовые акты, свидетельствовавшиеся выгозерскими старостами (Материалы. С. 121–122 (№ 46, 47)).

[3] Северные грамоты XV в. С. 149–150 (№ 43).

общины, проживавшей в данной местности; другие общины составляли пока часовенные приходы. Поэтому прихожане, члены разных крестьянских общин, могли выбирать из своей среды общего старосту для всего погоста, а не только старосту в каждой общине, как это делалось ранее. По материалам писцовых книг, обычно староста выбирался из числа крестьян ближайшей к погосту общины. Его могли избирать или все общины погоста из числа членов «центральной» общины первопоселенцев, или только общинники последней из своей среды. Второй способ нам представляется более соответствующим действительности, поскольку он подобен тому, как в самом Новгороде избирались его республиканские власти: самими новгородцами из числа собственной знати, иногда − с учетом мнения пригородов и земель.

Вполне очевидно, что данная особенность избрания проистекала из характера общинно-крестьянского освоения края. Ведь сам центр погоста, который также назывался *погостом*, не был полноценным поселением. Здесь находилась церковь, иногда рядом с ней располагались дворы священника и причта, а также кельи для нищих и стариков. Но церковь ставилась не в любой местности района-погоста, а в староосвоенной, т. е. наиболее заселенной. Именно в таких местностях имелись самые старые по времени основания деревни, а их жители являлись прямыми потомками первопоселенцев, составляя наиболее древние общины новых погостов. Разумеется, общины эти владели лучшими землями и угодьями, в первую очередь избранными предками-первопоселенцами под хозяйственную разработку. Поэтому неудивительно, что выбор *погощан* падал на человека из числа самых уважаемых потомков первопоселенцев, семья и род которого владели лучшими общинными участками и угодьями. Такие люди «с детьми и племенем», кстати, и представлены в первую очередь в цитированной выше *Данной* шунжан своей церкви св. Николая середины 1470-х – 1480-х гг.

Из приведенных сведений и их анализа вполне обоснованно следует вывод, что административное деление Обонежской Карелии на погосты нельзя выводить только из ее боярской колонизации. Да, оба этих процесса синхронны и поддерживали друг друга. Но вместе с тем оба они базировались на первоначальном крестьянском освоении северного Обонежья. Складывавшаяся в ходе него общин-

ная структура органично вылилась в разбивку края на отдельные погосты и общинно-приходское разграничение внутри погостов. Одновременно первоначальная боярская вотчинная колонизация придерживалась тех же водно-волоковых путей, которым ранее следовали крестьяне-первопоселенцы. Возникшие при крестьянском освоении поселенческие очаги − главные территории проживания отдельных общин − становились и центрами боярщин, и центрами приходов.

* * *

Сложившееся во времена Великого Новгорода, структурированное в общины, приходы и погосты, крестьянское самоуправление целиком перешло в московский период истории. Широко известное по источникам XVI–XVII вв., оно продемонстрировало способность не только к воспроизводству, но и к структурному развитию: погосты стали делиться на волости. При этом в компетенцию центральной власти входило реформирование административно-территориальной системы и выстраивание обновленной системы взаимодействия с самоуправлением на местах через новые органы управления и должностных лиц как в столице, так и на областном уровне администрирования. Самоуправлению на примере Карелии конца XV – начала XVII в., характеристике его взаимоотношений с государственной властью посвящен второй раздел исследования.

Административное и церковно-приходское устройство Заонежских и Лопских погостов Новгородского уезда и Керетской волости Кольского уезда. Конец XV - XVI вв.

Кольский уезд (с 1580-х гг.)

Керетская волость Кольского уезда, 1563-1575 гг.
X Георгиевская Керетская волость:
I Волость Кереть - 11. св. Георгий, 12. св. Николай
II Чюпа и Черная речка - часовня

Лопские погосты Новгородского уезда

Заонежские погосты Новгородского уезда

Административное и церковно-приходское устройство Лопских погостов, 1588-1598гг.

I Никольский Линдозерский погост:
I Линдозеро - 1. св. Николай
II Кучозерская перевара

II Пречистинский Семчезерский погост:
I Семчезеро - 2. Рождество пресв. Богородицы
II Юстозеро, Святнаволок и Совдозеро

III Спасский Селецкий погост:
I Сельги (Южный и Северный концы) и Янгозеро - 3. Преображение Господне
II Сунозерская перевара (Вонгера в Лубосалме и Гимолы)
III Поросозеро (вотчина Валаамского монастыря)

IV Никольский Паданский погост:
I Паданы и Сондала - 4. св. Николай
II Масельга и Листьгуба
III Ондозеро и Лазарева на озере Луле

V Спасский Ругозерский погост:
I Ругозеро и Комбаков наволок - 5. Преображение Господне
II Тикша (Большая и Малая)
III Пизьмолакша на Нюкозере и Чирко-Кемь

VI Ильинский Шуеозерский погост:
I Шуезеро, лахта и Летнее озеро - 6. Илья Пророк
II Тунгуда и Машезеро
III Кевятозеро и Березов наволок

VII Ильинский Панозерский погост:
I Панозеро и Кургиево - 7. Илья Пророк
II Сапосалма и Юшкозеро
III Куйто-озеро на усть Ухть-реки
IV На Топозере в Корелакше

VIII Никольская Шуерецкая волость:
I Волость Шуя - 8. св. Николай, 9. св. Климент папа Римский

IX Успенская Кемская волость:
I Кемская волость - 10. Успение пресв. Богородицы

Административное и церковно-приходское устройство Онежско-Ладожского межозерья, 1496-1563 гг.

VI Рождественский Олонецкий погост:
[I Олонецкий погост - 1. Рождество пресв. Богородицы, 2. св. Николай]
II Сямозерский погост - 3. Успение пресв. Богородицы
III Видлицкий погост - 4. св. Георгий
IV Тулмозерский погост - 5. св. Николай
V Святониколаевский Ондрусовский владычный монастырь - 6. св. Николай, 7. Введение во храм пресв. Богородицы
[VI Владычный Ильинский погост - 8. Илья пророк, 9. Иоанн Предтеча]

VII Никольский Шуйский погост:
I Виданы - 1. св. Николай, 2. Рождество Иоанна Предтечи
II Кондопога - 3. Успение пресв. Богородицы
III Мунозеро (вотчина Спасо-Хутынского монастыря) - 4. Илья Пророк

VIII Спасский Кижский погост:
[I Кижский погост - 1. Преображение Спасово, 2. Покров пресв. Богородицы]
II Клименецкий монастырь - 3. св. Троица, 4. св. Николай

IX Никольский Шунгский погост:
I Шуньга - 1. св. Николай, 2. Илья Пророк
II Пречистинский Палеостровский монастырь - 3. Рождество пресв. Богородицы, 4. Илья Пророк, 5. св. Николай

X Егорьевский Толвуйский погост:
I Толвуя - 1. св. Георгий с 2. приделом св. Николая, 3. св. Троица
II Кузаранда - 4. Рождество пресв. Богородицы
III Тубозеро (вотчина Никольского Вяжицкого монастыря) - 5. Рождество пресв. Богородицы

Административное и церковно-приходское устройство севера, востока и юга Заонежских погостов, 1496-1563 гг.

XI Петровский Чёлмужский погост:
I Чёлмужский погост - 1. Апп. Петра и Павла, 2. Богоявление Господне
II Пудоская гора (вотчина Спасо-Хутынского монастыря) - 3. св. Георгий

XII Спасский Выгозерский погост:
I Выгозерский погост - 1. Преображение Господне, 2. Илья Пророк
II Нюхча - 3. св. Николай, 4. св. Климент папа Римский
III Унежма - 5. св. Николай
IV Сума - 6. св. Николай, 7. Успение пресв. Богородицы
V Колежма - 8. св. Климент папа Римский
VI Сорока - 9. св. Троица
VII Шижня - 10. св. Николай
VIII Вирма - 11. Апп. Петра и Павла

XIII Никольский Пудожский погост:
I Пудога - 1. св. Николай, 2. св. Троица
II Нигижма - 3. Рождество пресв. Богородицы

XIV Рождественский Водлозерский погост:
I Водлозерский погост - 1. Рождество пресв. Богородицы, 2. Апп. петра и Павла

XV Спасский Шальский погост:
I Шальский погост - 1. Преображение Господне, 2. Успение пресв. Богородицы
II Купецкая вотчина Юрьева монастыря - 3. св. Георгий

XVI Никольский Андомский погост:
I Андома - 1. св. Николай с 2. приделом Успения пресв. Богородицы, 3. Преображение Господне
II Тудозерский погост - 4. Илья Пророк
III Успенский Муромский монастырь - 5. Успение пресв. Богородицы, 6. Рождество Иоанна Предтечи, 7. св. Лазарь

XVII Покровский Вытегорский погост:
I Вытегорский погост - 1. Покров пресв. Богородицы, 2. св. Николай
II Девятины - 3. Успение пресв. Богородицы
III Алмозеро - 4. Илья Пророк

XVIII Рождественский Мегорский погост:
I Мегорский погост - 1. Рождество Христово с 2. приделом архангела Михаила
II Ундозеро - 3. Рождество пресв. Богородицы
III Палтега - 4. Илья Пророк

Административное и церковно-приходское устройство Присвирья, 1496-1563 гг.

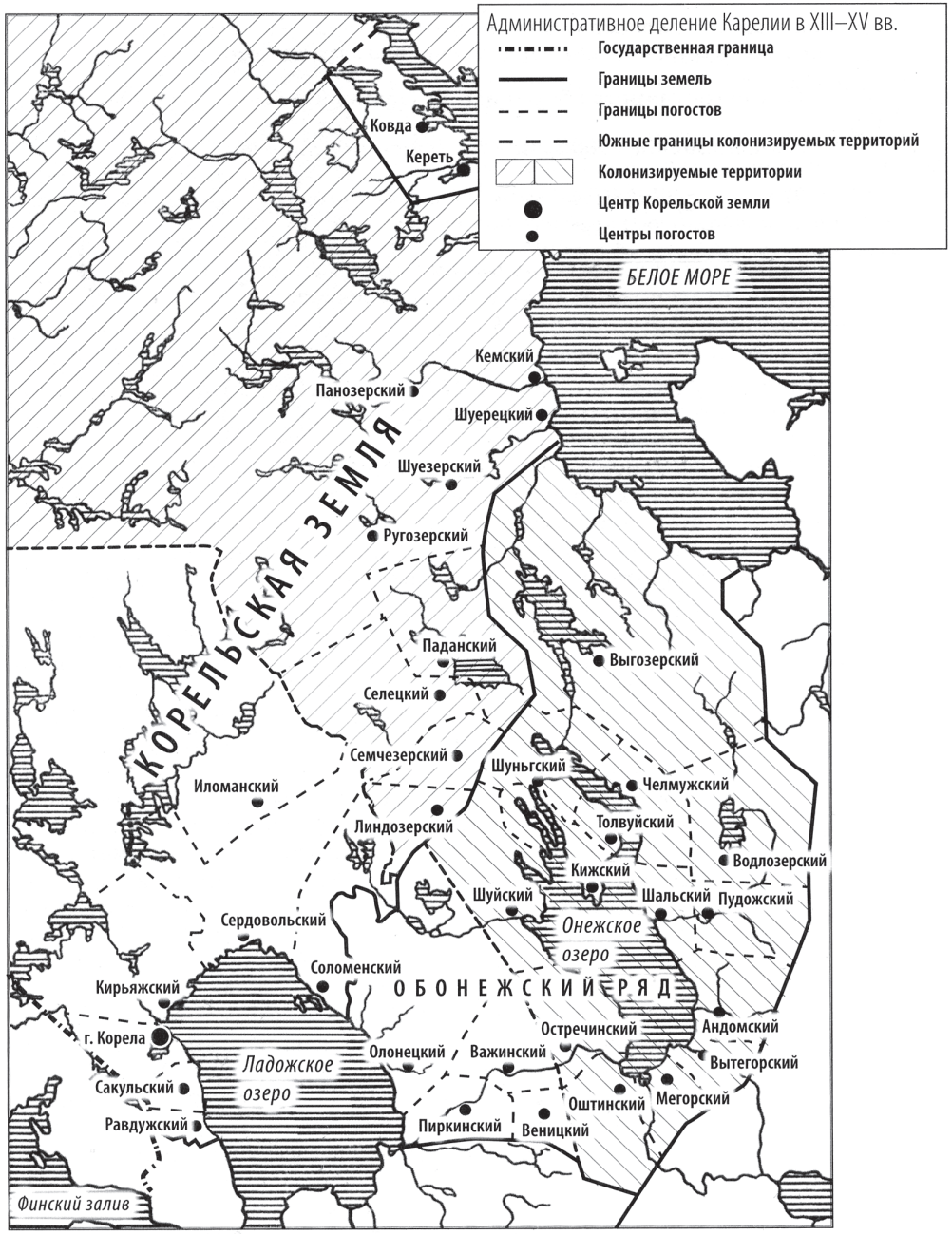
I Ильинский Веницкий погост:
I Винницы - 1. св. Ильи Пророка, 2. св. Георгий
II Каргиничи- 3. св. Георгий
III Гонгинская волость - 4. св. Николай
IV Никольский Падостровский монастырь - 6. св. Николай
V Озера - 5. Успение Богородицы
VI [Волостка Ивановская Яжжинского]
VII [Вотчина Колмова монастыря]

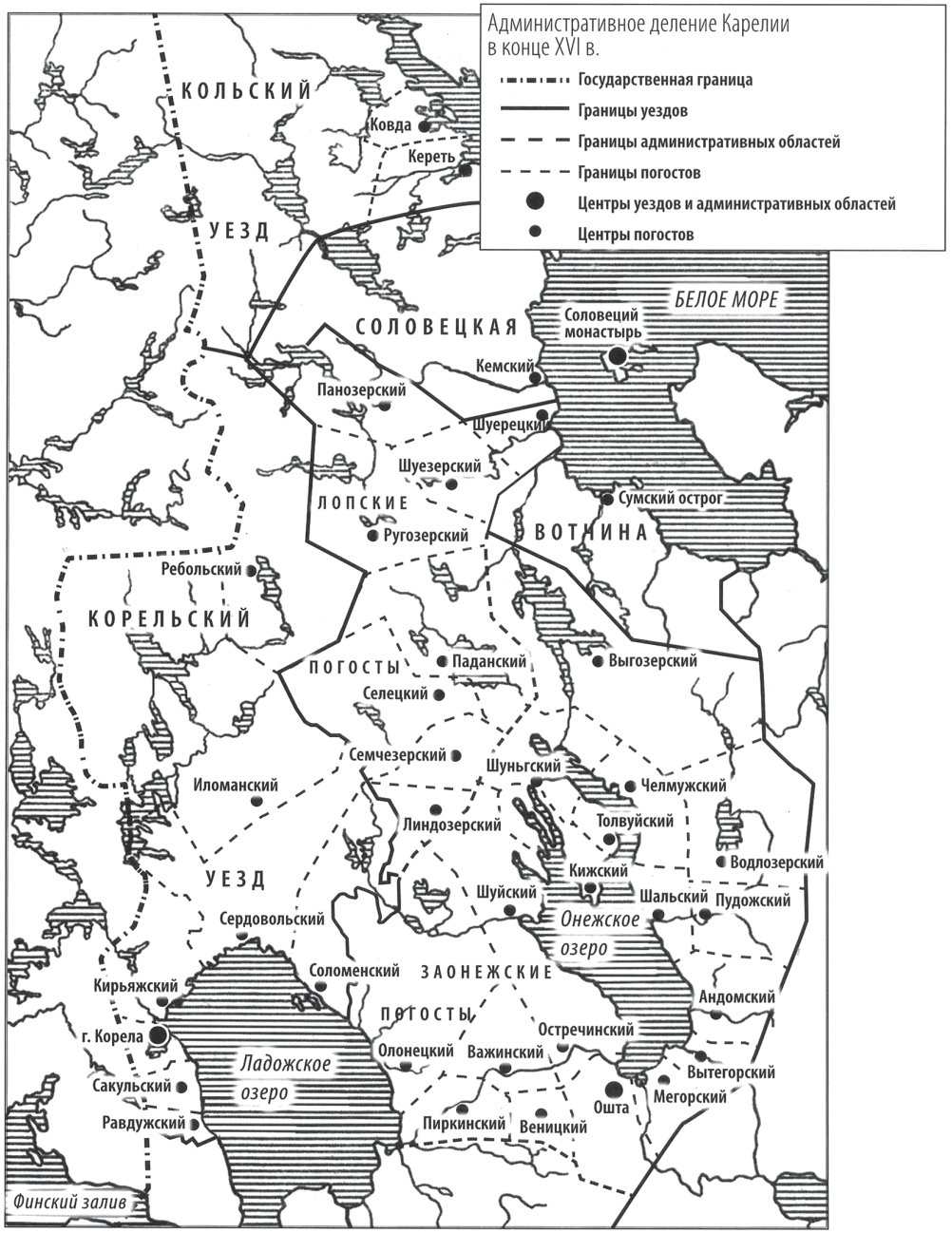
II Никольский Оштинский погост:
I Ошта - 1. св. Николай, 3. св. Николай
II Шимозеро - 2. св. Георгий
III Ладва (оз. ладвинское) - 4. св. Георгий
IV Водлинская соха
V Рыбрека - 5. св. Николай
VI [Гимрека
VII Вознесенский на Свири моностырь - 6. Вознесения Христоа, 7. Благовещание пресв. Богородицы с 8. приделом св. Николая]

III Рождественский Остречинский погост:
i Остречины - 1. Рождества Богородицы с 2. приделом св. Николая, 3. Покрова пресв. Богородицы
II Ладва Ивинская - Успение пресв. Богородицы
III Шелтозеро - 5. св. Георгий
VII Юксовичи [волостка Якова Слизина]
VIII Шокша

IV Воскресенский Важинский погост:
I Важины - 1. Воскресение Христово
II Лояницы - 2. св. Георгий
III Святозеро - 3. св. Николай
IV Пидьма - 4. Покров пресв. Богородицы
V Шеменичи - 5. св. Георгий
VI Пидьмозеро - 6. Покров пресв. Богородицы
VII Согиницы

V Рождественский Пиркинский погост:
I Пиркиничи - 1. Рождество Христово с 2. приделом Покров пресв. Богородицы, 3. св. Николай с 4. приделом Иоанн Златоуст
II Кондуши - 5. Собор арх. Михаила
III Яндтба - 6. св. Николай
IV В Пиркиничах на усть реки Чинкинской - 7. Рождество Иоанна Предтечи


Административное деление Карелии в XIII–XV вв.
Государственная граница
Границы земель
Границы погостов
Южные границы колонизируемых территорий
Колонизируемые территории
Центр Корельской земли
Центры погостов
БЕЛОЕ МОРЕ
Ковда
Кереть
Кемский
Панозерский
Шуерецкий
Шуезерский
Ругозерский
КОРЕЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ
Паданский
Выгозерский
Селецкий
Семчезерский
Шуньгский
Иломанский
Челмужский
Линдозерский
Толвуйский
Водлозерский
Кижский
Шуйский
Шальский
Пудожский
Сердовольский
Онежское озеро
Соломенский
ОБОНЕЖСКИЙ РЯД
Кирьяжский
г. Корела
Остречинский
Андомский
Ладожское озеро
Олонецкий
Важинский
Вытегорский
Сакульский
Оштинский
Мегорский
Равдужский
Пиркинский
Веницкий
Финский залив


Административное деление Карелии в конце XVI в.
Государственная граница
Границы уездов
Границы административных областей
Границы погостов
Центры уездов и административных областей
Центры погостов
КОЛЬСКИЙ
Ковда
Кереть
УЕЗД
БЕЛОЕ МОРЕ
СОЛОВЕЦКАЯ
Соловецкий монастырь
Кемский
Панозерский
Шуерецкий
Шуезерский
ЛОПСКИЕ
Сумский острог
Ругозерский
ВОТЧИНА
Ребольский
КОРЕЛЬСКИЙ
ПОГОСТЫ
Паданский
Выгозерский
Селецкий
Семчезерский
Шуньгский
Иломанский
Челмужский
Линдозерский
Толвуйский
Водлозерский
Кижский
УЕЗД
Шуйский
Шальский
Пудожский
Сердовольский
Онежское озеро
Соломенский
ЗАОНЕЖСКИЕ
Кирьяжский
ПОГОСТЫ
Андомский
г. Корела
Остречинский
Ладожское озеро
Олонецкий
Важинский
Вытегорский
Сакульский
Ошта
Мегорский
Равдужский
Пиркинский
Веницкий
Финский залив

Раздел II. САМОУПРАВЛЕНИЕ КАРЕЛИИ ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКОВСКИХ МОНАРХОВ

Глава IV. НАСЕЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО КАРЕЛИИ. КОНЕЦ XV – НАЧАЛО XVII в.

§ 4.1. Административно-территориальное устройство во взаимоотношениях государства и самоуправления

В 1478 г. новгородская Карелия вошла в состав России, объединявшейся под властью вел. кн. Ивана III Васильевича. Как и в новгородские времена, государственные устои не только организовывали слабо заселенные земли, но, испытывая обратную связь, формировались под непрерывным воздействием социально-экономических и этнокультурных факторов. Такое взаимодействие привело к созданию новых административных областей. Перечислим их, пока что кратко. В 1478 г. появился Новгородский уезд, в конце XV в. в нем выделились устойчивые образования Заонежские погосты и Лопские погосты, а также образовался Корельский уезд (1500 г.), Кольский уезд появился в 1582 г. Вотчинный округ Соловецкого монастыря возник в 1592 г. И везде продолжали действовать институты самоуправления.

Конечно, административно-территориальное устройство являлось полем прежде всего для государственного управления[1]. Но в новых областях также развивались, видоизменяясь, структуры самоуправления. При этом общинное крестьянское самоуправление на низовом уровне погостов и волостей претерпело наименьшие изменения. Поначалу его подчинили напрямую столице и органам

[1] История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001 [Далее – ИК]. С. 98–100.

государственной власти в уездах. Отличительной особенностью местного самоуправления стало его экстенсивное расширение вслед за освоением пустующих земель и созданием новых приходов. И наоборот, после 1478 г. самоуправление на уровне бывших земель Великого Новгорода (городчан в пригородах) попросту исчезло на время. И только в ходе губной и земской реформ второй трети XVI в. областное (уездное) самоуправление возродилось в совершенно новых формах.

Формирование структур самоуправления шло рука об руку с реформами государственного управления. А первым серьезнейшим административным переворотом на обширной территории бывшего Новгородского государства стало создание структуры уездов. Поэтому вначале нам необходимо сказать о новых северных уездах, соотнеся их со старинными землями вечевой республики. Первичное уездное переустройство Севера заняло более тридцати лет. В 1478 г., сразу же после «новгородского взятия», из большей части земель Великого Новгорода был образован огромный по площади Новгородский уезд. В частности, он включил почти всю Карелию, кроме ее приполярной окраины. Уездом управляли наместники великого князя, их резиденция находилась в Великом Новгороде. В уезд, однако, не вошла Двинская земля, в том числе карельское Приполярье, на которую претендовали московские монархи еще на рубеже XIV–XV вв.[1] Псковская земля, по 1510 г. остававшаяся формально независимой от Москвы, также не входила в новообразованный Новгородский уезд. Наконец, в этом 1510 г., с присоединением Пскова, был создан Псковский уезд. Ранее, в 1500 г., из земель западной окраины Новгородского уезда Иван III образовал пять новых уездов: Корельский, Орешковский, Ивангородский, Ямской и Копорский.

Впрочем, если мы вчитаемся в сохранившиеся тексты завещаний русских монархов, то неизбежно возникнет недоуменный вопрос:

[1] *Зимин А. А.* Наместничье управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 278–283; *Жуков А. Ю.* Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропологический форум. СПб., 2004. № 1. Современные тенденции в антропологических исследованиях. С. 311; *Aleksei Zhukov*. The Saami, 1200–1700 (Sours Materials and Commentary) // Forum for Antropology and Culture. St. Peterburg. 2004. № 1. Culture Antropology: The State of the Field. P. 320–321.

почему новое административное деление на уезды никак ими не учитывалось? В самом деле, в 1504 г. в завещании Ивана III, например, значилось: «Да сына же своего Василья благословляю своею отчиною, великим княженьем Новогородским… Да в Новгородской ж земле даю ему… Корелскую землю всю, Корелской город с волостями, и с погосты, и со всеми пошлинами, со всем с тем, что х Корелской земле потягло, и с Лопью с Лешею, и с Дикою Лопью». Аналогично землю карелов завещал между 1572–1578 гг. царь Иван IV Васильевич Грозный своему старшему сыну и наследнику Ивану: «…даю Корельскую землю всю, город Корелу, с волостями и с путми, и с селы и с погосты, и со всеми пошлинами, и со всем с тем, что к Корельской земле потягло, и с Лопью Лешею, и с Дикою Лопью»[1].

Сын Ивана III и отец Ивана IV великий князь Василий III Иванович не успел составить письменного завещания, но *Летописец начала царства* сохранил устное завещание умиравшего монарха трехлетнему сыну: «такоже и вручаю тобе сеи скиипетръ, великия Росия дръжаву, великое княжение Володимерское и Московское и Новоградцкое и всеа Русии великое государьство»[2]. *Александро-Невская летопись*, в так называемом приложении № 7, описывает венчание на царство Федора Ивановича 31 мая 1584 г. В речи перед митрополитом Дионисием еще царевич сказал об устном завещании отца: «а меня сына своего благословла великими государьствы Владимерским и Московъским и Новгородскимъ, и царьством Казанъскимъ и царьством Астороханьским, и государьством Псковскимъ и великим княжением Смоленъскимъ и Тверьскимъ, и всеми государьствы Росиискаго царьствия». В ответной речи митрополит подтвердил устное завещание теми же словами[3].

Несомненно, реальное административное деление России на уезды уже во многом не совпадало с бывшим удельным членением Руси на земли и княжества; со временем добавляются и термины

---

[1] Памятники русского права [Далее – ПРП]. М., 1955. Вып. 3. С. 269; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I [Далее – ДАИ]. С. 384.

[2] Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. М., 1965. Т. XXIX. С. 9.

[3] Александро-Невская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XXIX. С. 222.

государство и *царство* применительно к отдельным частям страны. И напротив, в текстах завещаний мы не находим упоминаний об уездах, например, применительно к Карелии – ни о Новгородском и Корельском уездах, ни о Лопских погостах как самой северной оконечности Новгородского уезда. Правители парадоксально придерживаются вроде бы отжившей и отмененной их напряженными трудами прежней удельно-феодальной политической географии.

Такое «пренебрежение» современностью отчасти объясняется политическими соображениями. Так, и в начале XVI в., и в 1570-х гг. шли очередные войны со Швецией, которая уже включала в свой состав западные карельские районы – так называемую Шведскую Карелию и Эстерботнию (ныне она частью входит в состав Выборгского и Приозерского районов Ленинградской области, а частью – в восточные и северные губернии Финляндии). Поэтому завещание наследникам *всей Корельской земли* и *Лопи* – это, конечно, прямая претензия на отошедшие к шведам карельские области. И все же главная причина заключалась в том, что *Корельская земля*, *Лопь Лешия* и *Дикая Лопь* (как, впрочем, и *Новгородская земля*, и подобные им) к XVI в. вполне сформировались. А будучи устоявшимися *понятиями*, их названия использовались в важнейших политических документах.

Административному оформлению Корельской земли и Обонежской Карелии посвящен предыдущий раздел. Очевидно, что новое выделение Приладожской Корелы в виде уезда, равно как и образование административной общности из 18-ти Заонежских погостов на месте бывшего Обонежского ряда и северного Обонежья, было связано с некоторым этно-социальным единством каждой из этих территорий, которое поддерживалось устойчивым местным самоуправлением на уровне погостов. Поэтому теперь представляется целесообразным наполнить относящиеся к Карелии термины, прежде всего *уезд* и *погост*, конкретным историческим содержанием, существовавшим во времена между 1478 и 1610-ми гг.

Каждый уезд состоял из главного города и сельских погостов, соответственно, происходило постоянное взаимодействие аппарата государственного управления уезда с посадским и сельским самоуправлением. Но уровень *уезд – погост* не исчерпывал всей гаммы администрирования. Центральный государственный уровень

управления (лично царь и приказы), как мы покажем ниже, мог доходить до каждого погоста и даже до отдельных селений и дворов, минуя уездные власти. Впрочем, ведущей оставалась связка *столица − уезд – погост*. Но и тут дело осложняется тем, что, кроме уездов, обширную Новгородскую землю в конце XV в. разбили на *пятины*. Поначалу пятины создавались как военно-мобилизационные округа.

Географически границы пятин не совпадали в ряде случаев с границами уездов, расчленяя их (например, в случаях с обширнейшим Новгородским уездом или Ладожским уездом). Несомненно, главной причиной послужило то обстоятельство, что разнообразные задачи государственного управления, выполнявшиеся в рамках уездов, не могли сводиться только к военно-мобилизационным мероприятиям, с конца XV в. разрешаемые с помощью пятинного устройства. Более того, как показал Н. А. Насонов, географические границы пятин не совпадали и с бывшими границами земель Великого Новгорода. Отсюда, кстати, исследователь сделал обоснованный вывод о том, что пятинное устройство не наследовалось с новгородских времен, а являлось изобретением московской власти конца XV в.[1]

Действительно, как показано выше, военно-мобилизационные округа Великого Новгорода обобщенно назывались летописцами «всей волостью Новгородской», о пятинах в Великом Новгороде хроники молчат. Основой новгородского военно-мобилизационного устройства служили отряды новгородской знати, в том числе и местного происхождения. Пятины же служили для объединения в полки военных-помещиков, которые Иван III устраивал в Новгородской земле на местах бывших вотчин новгородской знати и Дома св. Софии. На уровне пятин концентрировался также мобилизационный потенциал местной посохи и феодалов-своеземцев. Лишь в этом принципиальном смысле − объединение военных сил по признаку проживания − пятинное устройство унаследовало военному опыту Великого Новгорода. Впрочем, военное устройство Северо-Восточной Руси также следовало данному универсальному принципу. Поэтому нет большого смысла выделять пятинное устройство из об-

[1] *Насонов Н. А.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951. С. 123–124 и др.

щей военно-мобилизационной структуры объединявшейся России. В основном разнились только главные военные задачи, стоявшие перед новгородским поместным ополчением и низовскими полками – по основным театрам боевых действий.

Устройство пятин оказалось напрямую связанным с поместным, посадским и крестьянским самоуправлением. При помощи самоуправления в пятинах проводились поместные и посошные военно-мобилизационные мероприятия. Поэтому именно пятины стали базовой структурой при осуществлении знаменитых губной и земской реформ местного управления и самоуправления в середине XVI в. Губной и земской аппараты самоуправления, возникшие на территории *полупятин* (*половин*, *губ*), взаимодействовали как с уездными властями, так и с центральными органами управления, как с кормленщиками (наместниками и волостелями), а затем и с воеводами, так и с приказными управленцами (дворецким, конюшим, дьяками, подьячими).

Административно-территориальное устройство Новгородского уезда не исчерпывалось уездами и пятинами. Здесь возникли территории, обладавшие особым порядком управления, отличным от общеуездного. При этом они продолжали входить в структуру уездов и пятин, имея губной и земской аппараты самоуправления. Терминологически такие земли в источниках никак особо не выделены. Их можно называть *округами*, имея в виду (для Карелии) черносошный округ Лопских погостов, дворцовый округ Заонежских погостов, Олонецкий стан (вотчина) Дома св. Софии и Соловецкий вотчинный округ.

С рубежа XV–XVI вв. Лопские погосты (*Лопь Дикая и Лешая Лопь* завещаний) обладали не только весьма широкими правами самоуправления, но и особым порядком государственного управления. Наместникам Великого Новгорода запрещалось въезжать в Лопские погосты, в том числе во входившие тогда в их состав беломорские Кемскую и Шуерецкую волости; оперативное администрирование там осуществляли подьячии новгородских дьяков или дворецкого[1]. Пользуясь отсутствием постоянного администратора,

[1] Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1 [Далее – СГГД]. С. 438–439.

местное самоуправление могло почти бесконтрольно пополнять ряды своих общин, а государство было вынуждено это признавать.

Так, в Дозорной книге Шуерецкой волости Лопских погостов 1598 г. среди волощан значились: «Исачко Ильин да приимыш его Якушко немчин…; Карпик Анфилофьев да приимыш его Сенька немчин на Фетьковском месте Захарова»[1]. Как видим, у обоих крестьян оказались приемные дети из шведской Финляндии, видимо, попавшие в руки шуеречан в ходе ответного похода поморов на финский Оулу в начале 1590-х гг. В одном из дворов проживали также новые шуерецкие общинники «Иванко да Павелко да Онтонко Ефремовы дети олончане», которые владели не только двором, но и соляной варницей у Перт-острова на Белом море; волости принадлежали и запустевшие в прошедшую войну со шведами варницы, в том числе «Ондрея Медведева да Ивана олончанина, а после варил Иванко Кюлмячев»[2]. Последний носил карельское прозвище, являясь, очевидно, выходцем из материковых Лопских погостов, а олончане пришли с юга, из заонежского Олонецкого погоста. Несомненно, переселенцы воспользовались правом на выезд из родных мест, так называемым Юрьевым днем, закрепленным статьями *О христианом отказе* Судебников 1497 и 1550 гг.: «А христианом отказыватися из волости [в волость], из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего…»[3].

Даже внешнеполитические и военные прерогативы московского престола иногда становились прямой заботой местного самоуправления. Так случилось в 1610-е гг.: самоуправление лоплян избрало из местных старост *воеводку* и сформировало отряды самообороны для отражении шведской агрессии. Это же самоуправление вступило в нелицеприятный конфликт с правительством Михаила Рома-

---

[1] История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. Т. I [Далее – ИК, 1]. С. 237–238.

[2] ИК, 1. С. 237–238, 240.

[3] Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII вв. Судебники XV–XVI веков / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнин; под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 27, 172.

нова, пригрозив изменой из-за «насильств» российских послов при разграничении России и Швеции в конце 1610-х гг.[1]

С 1584/85 г. государевы земли Заонежских погостов стали дворцовыми. Их возглавил присылаемый из Москвы приказчик из номенклатуры Большого Дворца. Ранее эти же земли в Писцовой книге 1563 г. значились как оброчные[2]. Г. Е. Кочин видел разницу между оброчными землями новгородских пятин, этой бывшей собственности бояр Великого Новгорода, и черносошными землями Северо-Восточной Руси. По его мнению, она заключалась в том, что оброчные общины со времен боярской республики были лишены самостоятельности, а их земли подлежали поместной раздаче[3].

В рамках данной работы нет возможности значительно углубиться в полемику отечественной медиевистики о сущности феодализма и феодального землевладения на Руси, в конечном счете сводящуюся к проблеме собственности общины и государства[4]. Но все же напомним о ранее отмеченных фактах правоспособности общин и их старост в новгородское время распоряжаться общинными землями. Например, с точки зрения сути правоспособности общин на распоряжение землей соглашение старосты Артемия / Ори с челмужским боярином Григорием 1375 г. или данная грамота шунжан церкви св. Николая 1470−1480-х гг.[5] почти ничем не отличаются от льготной грамоты 1493 г. старосты и крестьян черносошной Сямской волос-

---

[1] *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 80–106; *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 84–103.

[2] Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г. Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г.: Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1 [Далее – ПК 1563 г.]. С. 57–254.

[3] *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII − начало XVI в. М.; Л., 1965. С. 322, 371, 394.

[4] Об этой полемике см., напр., историографическую работу: *Петров К. В.* Юрий Георгиевич Алексеев и его путь в истории // Российское государство в XIV−XVII вв. Сборник статей, посвященных 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 6–30.

[5] Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949 [Далее − ГВНП]. С. 285 (№ 284); 309–310 (№ 323).

ти на Кубенском озере, на которую ссылается Г. Е. Кочин[1]. Ниже мы также приведем убедительный материал о правоспособности заонежского самоуправления в вопросах землевладения. И кстати, в годы шведской интервенции заонежское самоуправление проявляло ту же степень самостоятельности, как и самоуправление лоплян. В частности, в конфликте с царскими послами участвовали и олончане, старосты которых тоже пригрозили царю изменой[2].

Олонецкие земли, кроме дворцовых, включали в свой состав сохранившийся с новгородских времен кормленый Олонецкий стан новгородского владыки. В виде Олонецкой вотчины он просуществовал вплоть до 1648 г. В стан назначался приказчик митрополита, который с 1621 г. фактически обладал полномочиями главного приграничного начальника с российской стороны южнокарельского участка границы со Швецией. Ранее, в 1619 г., во время конфликта дворцовых олончан и лоплян с межевыми послами становое самоуправление совместно с владычным приказчиком «дозирать деревень, и земли досматривать и мерить не пустили… [и] выслали вон» самого писцового дьяка И. Лговского. Они обнаружили, что новый уровень налогов при дьячьей переписи значительно превысил объем податей, начисленных на стан во время первого после освобождения дозора 1614/15 гг.[3]

Церковное управление с функциями государственного администрирования было характерно и для Крайнего Севера. Напомним два факта: в 1566 г. царь Иван IV передал часть западносаамского приграничного населения в управление Печенгскому Троицкому монастырю, а в 1575 г. их соседи, восточные саами Кольского полуострова, попали под властный надзор старца

---

[1] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. В 3-х т. [Далее – АСЭИ]. М., 1958. Т. II. № 293; *Кочин Г. Е.* Указ. соч. С. 374.

[2] ИК, 1. С. 112–113; *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление... С. 66–84, 97–98.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 1. Д. 8551. «Список с писцовых книг Заонежских погостов митрополичьим, монастырским, поместным землям писма и меры князя Петра Воейкова да дьяка Ивана Лговского 124 и 125 году». Л. 64–66; *Жуков А. Ю.* Олонецкий край в составе России // Олонец: Историко-краеведческие очерки в двух частях. Петрозаводск, 1999. Ч. I. С. 36; *Он же*. Управление и самоуправление... С. 84–89, 142.

Феогноста[1]. Церковные власти занимались не только окормлением душ, но и выполняли задачи по государственному надзору за кочевыми саами. Только с образованием Кольского уезда в 1582 г. на саами распространился обычный воеводский порядок управления[2]. Впрочем, управление ими имело то своеобразие, что кочевые саами вступали во взаимоотношения с властями только в краткий период сбора налогов в центрах саамских Лопских погостов Кольского полуострова (не путать с Лопскими погостами Карелии)[3].

В целом же церковно-государственное управление укрепляло позиции столицы в неспокойный период военно-политического противостояния со Швецией. Именно по данной причине в 1592 г. был образован вотчинный округ Соловецкого монастыря (упразднен только в 1764 г., в связи с екатерининской секуляризацией). Обладавший первоклассной крепостью Соловецким Кремлем, а на западном побережье – еще и Сумским острогом, Соловецкий округ стал главным военно-политическим форпостом России на Севере. В сфере внутренней политики округ отличался тем, что его глава игумен, управленцы, соборные старцы не назначались из столицы, а выбирались братией обители. Военную власть Москвы олицетворял сумский воевода[4]. К такому результату привело поэтапное развитие Соловецкой вотчины.

Таким образом, взаимоотношения и взаимодействие между государственными властями и самоуправлением происходили на всех четырех «полях» – столицы, уезда, пятины и округа. При этом первичной единицей областных территорий (уезд, пятина, округ) являлся погост и посад – древние устойчивые образования, основу которых составляли сельские и городские общины. Все они еще в

---

[1] Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.: Сборник документов / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941 [Далее – Материалы]; Сборник грамот Коллегии Экономии. Л., 1929. Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов [Далее − СГКЭ. Т. 2]. Стб. 437–442.

[2] *Жуков А. Ю.* Саами в XIII–XVII вв. … С. 314–315; *Aleksei Zhukov.* The Saami, 1200–1700… P. 324–326.

[3] *Жуков А. Ю.* Саами в XIII–XVII вв. … С. 299; *Aleksei Zhukov*. The Saami, 1200–1700… P. 305.

[4] *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV–XVII вв.: Опыт изучения хозяйства и социальных отношений в древней Руси. Пермь, 1927; ИК. С. 111–112, 117–119.

новгородские времена объединялись и по церковно-приходскому признаку. В московский период истории края самоорганизация населения в приходы также вполне учитывалась и церковными властями, и государством. Общинно-приходское деление закреплялось государством, например, при писцовом описании на уровне каждого из погостов.

Наличие властных полномочий у общин и их старост привело к тому, что в отношении их территорий закрепилось название *волости* (*волостки*, *«власти»*)[1]. При этом с середины XVI в. сами погосты все отчетливее делились на волости − церковные приходы; особенно быстро этот процесс пошел с 1620−1630-х гг. Он сопровождался экстенсивным расширенным воспроизводством самоуправления (вширь). На необжитых ранее местах складывались новые общины, которые ставили часовню, затем церковь и выбирали самоуправление. Но окраинные общины подчинялись самоуправлению главной общины, крестьяне которой проживали у старинного центра погоста[2].

В начале XX в. П. Н. Милюков ошибочно утверждал, что Россия, в отличие от Запада, «не выработала никаких прочных местных связей, никакой местной организации», поэтому «правительство могло лепить какие угодно тела» из присоединенных областей[3]. О довольно прочных местных связях, сложившихся уже во времена Великого Новгорода, мы писали в предыдущих главах. Добавим, что при благоприятных обстоятельствах старосты жаловались великому князю на самих новгородских бояр, отбиравших общинные земли[4].

---

[1] Это доказал еще И. Д. Беляев. См., напр.: *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. Изд. 4-е. М., 1903. С. 52–56.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 980. Переписная книга Заонежских погостов 1646/47−1647/48 г. И. П. Писемского, Л. Сумина и подьячего Я. Евфимьева; *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление… С. 49–65.

[3] *Милюков П. Н.* Очерки истории русской культуры. СПб., 1909. Ч. 1. С. 197.

[4] Северные грамоты XV в. / Сост. Н. С. Чаев // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л., 1929. Вып. 35 [Далее − СГ]. С. 139–140, 149–150 (частноправовые акты на угодья в западном Беломорье); АСЭИ. М., 1964. Т. III. С. 32. Список Двинских земель 1470-х гг. (сведения о жалобе «старосты кулонского» Ивану III); ИК. С. 77–78; История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 75–76.

Данный порядок существовал и после 1478 г. Наличие сословной корпоративности уездных сообществ в XVI в. доказал Н. Е. Носов[1]. Напомним и о завещаниях московских монархов, как бы воспроизводящих удельное устройство Руси. «Какие угодно тела» Кремль не мог «лепить» еще и потому, что повсеместно на страже земель стояли общины и их выборное самоуправление. На черносошном Севере общины-волости (в Карелии это перевары и бывшие боярщины) в основном и составляли погосты.

В Заонежских погостах, например, указанное дробное деление погостов на боярщины отмечалось писцами вплоть по середину XVI в. Только в 1582/83 г. писец А. Плещеева впервые не описал боярщины в погостах по отдельности, ограничившись сплошным перечнем государевых деревень. Кроме оброчных волостей, в погосты входили монастырские вотчины и поместья, иногда также именовавшиеся *погостами* и *боярщинами*; крупные владельческие «волости-погосты» имели собственных старост. Доказывают сказанное разнообразные по характеру источники XVI в.

Правая грамота 1539 г. Палеостровскому монастырю появилась в результате его земельного спора с Муромским монастырем 1536 г. Тогда в первом судебном разбирательстве участвовали многочисленные старосты и другие *люди добрые* от следующих погостов и отдельных владельческих единиц в их составе: Кижского погоста, *Шунгской волости* Палеостровского монастыря и черносошного *Никольского погоста из Шунги*, *Челмужской волости* новгородского Хутынского монастыря и черносошного *Петропавловского Челмужского погоста*, черносошного *Егорьевского Толвуйского погоста* и *Егорьевского погоста с Кузаранды* (Толвуйской вотчины новгородской Вяжицкой обители), черносошной *Шальской волости* (т. е. погоста) и вотчины новгородского Юрьева монастыря *Купецкого погоста* (название монастырского погоста-места в Шальском погосте на Купецком озере)[2].

---

[1] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; *Он же*. Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в. // Исторические записки. М., 1986. Т. 114. С. 148–179.

[2] Материалы. С. 133–136.

Отдельная книга 1594 г. губного старосты Н. Ватинского на поместье зафиксировала присутствие на процедуре отдела земель сразу трех старост и 12 лучших людей от Шунгского погоста, а также одного старосты и пятерых лучших людей от Толвуйской вотчины Вяжицкого монастыря[1].

Аналогичная картина наблюдалась и в Корельском уезде, и на севере Карелии. Писцовая книга 1568 г. отметила посадского старосту г. Корелы Илью Васильева сына Бакланова[2]. При отделе Кемской волости в вотчину Соловецкому монастырю в 1591 г. присутствовали старосты, целовальники и старожильцы Кемской и Шуерецкой волостей, Шуеозерского погоста, Панозерской и Тунгудской волостей Панозерского погоста[3]. Содержание всех вышеприведенных источников не оставляет сомнений, что каждый староста и упоминаемые вместе с ним авторитетные старожильцы представляли свои общины и их самоуправление, будь то община черносошно(оброчно)-крестьянская, или посадская (городская), или община крестьян в поместье, или в вотчине монастыря.

Кроме того, отмеченное обязательное присутствие старост и других людей добрых на процедурах суда и отделов земель в вотчины и поместья доказывает факт унаследования ими от своих предшественников новгородских времен функций защиты территорий их волостей от сторонних посягательств, а также и то, что пределы волостей были уже тогда в основном определены и строго разграничены. Последнее подтверждается формуляром писцовой книги Обонежской пятины 1563 г. В ней описание велось по погостам, а внутри их – еще и по боярщинам, волостям монастырей и поместьям. При этом сначала отмечены деревни каждой волости, зафиксированные еще в 1496 г. писцом Ю. К. Сабуровым, а затем под заглавием «Прибыло» – деревни на землях той же боярщины (вотчины, поместья), но возникшие в промежутке между 1496 и 1563 гг. По-

[1] Материалы. С. 342–343.

[2] ИК, 1. С. 74.

[3] Материалы. С. 311–327. *Отдельная книга* Семена Юренева Соловецкому монастырю на Кемскую волость от 20 июля 1591 г.

следнее оказалось бы невозможным при отсутствии четко установленных границ между боярщинами[1].

Проиллюстрируем данное заявление конкретным примером из переписи 1563 г. В новгородское время на севере обширного Олонецкого погоста, в Сямозерье существовало, например, несколько боярских вотчин; к 1496 г. все они были конфискованы и попали в разряд оброчных государевых деревень, в том числе бывшая боярщина Настасьи, вдовы новгородского посадника Ивана Григорьевича. Когда Ю. К. Сабуров описывал боярщину, он отметил возникновение в ее пределах нового поселения − починка *На Шуе реце на Ит-наволоке* с одним жильцом Афанасием. Его писец присоединил в тягло к жильцу из настасьинской же деревни *На Канзаозере (Кангозере)* Кондратию. В 1563 г. починок значился уже как деревня *Киндасово*, но писец А. Лихачев по-прежнему отметил ее в составе Настасьинской боярщины, сославшись на перепись Сабурова и положив новую деревню в обжи[2]. Данный пример интересен еще и тем, что Киндасово располагалось на крайнем юго-востоке Сямозерья, а Кангозеро − на крайнем северо-западе, т. е. в сотне верст от Киндасово, они разделялись землями многих деревень различных боярщин. Тем не менее для обоих писцов определяющим обстоятельством стала принадлежность двух поселений именно к настасьинской крестьянской общине-боярщине. Требовалось лишь решить вопрос о налогах, что и проделали писцы: Сабуров приписал шуйский Ит-наволок к другой настасьинской деревеньке, а Лихачев хотя и отписал Киндасово от Кангозера, но положил новую деревню в обжи в пределах той же Настасьинской боярщины. Зная характер крестьянского общинного землевладения, мы с уверенностью можем утверждать, что основатель настасьинского Ит-наволока (Киндасова) Афанасий был выходецем из Настасьинской же боярщины.

Сходным образом действовал в 1500 г. писец Корельского уезда Д. В. Китаев. Новые и опустевшие в войну деревни уезда также отмечались им под рубриками «Прибыло» и «Убыло». И в целом каждое из селений оказалось приписанным к определенной боярщине

[1] ПК 1563 г. С. 57–254.

[2] ПК 1563 г. С. 58 (в том числе данные переписи 1496 г.).

(переваре, волости)[1]. Несомненно, и карельские, и заонежские общинники твердо знали границы своих владений. Поэтому в работе писцы опирались прежде всего на их показания.

Иногда границы погостов и волостей (*межи*, *обода*) все же оставались нечеткими или вовсе отсутствовали. Поэтому при возникновении земельных споров требовалось обязательное присутствие старост и старожильцев для их установления на местности и закрепления в соглашениях тяжущихся в земельных спорах сторон. Например, после судебного приговора 1539 г. по спору из-за угодий Палеостровского монастыря с Муромским судья Спир Михайлов, старосты и лучшие крестьяне выехали на место и разграничили земли на местности, закрепив эту процедуру документальным актом[2].

Царь и его администраторы на местах вполне признавали компетенцию волостных миров в вопросе установления и надзора за общинными межами. Так, в 1556/57 г. Иван IV через новгородских дьяков подтвердил законность *Мировой записи* о границе между Сумской и Шуерецкой волостями, составленной и подписанной самими представителями тяжущихся сторон[3]. И когда около 1564 г. этот спор между сумлянами и шуеречанами вспыхнул с новой силой, Иван Грозный приказал новгородским дьякам сначала отправить туда судью для обыска (т. е. для сбора показаний о границах волостей у местных старожильцев) и лишь затем вершить свой суд[4].

Наиболее ярко право крестьянских миров ведать вопрос о границе волостей и признание этого факта государством проявилось в ситуации с проведением новой линии российско-шведской границы в 1617–1621 гг. Тогда послы *межевые судьи* от России и *межевые комиссары* от Швеции производили разграничение между двумя странами «по старожильцевым сказкам вправду», т. е. они опирались на показания знавших межволостные межи и приведенных к

---

[1] Переписная окладная книга по Новугороду 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом / Сообщ. д. ч. М. А. Оболенский // Временник имп. МОИДР. М., 1852. Кн. 12. Материалы [Далее − ПК 1500 г.]. С. 1–188.

[2] Материалы. С. 143–144 («Дельная и разъезжая грамота» судьи С. Михайлова, 1540 г.).

[3] Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Л., 1988. Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571 гг. [Далее – АСМ 1]. С. 135–136.

[4] АСМ 1. С. 177. Указная грамота Ивана IV от 23 июля 1564 г.

присяге местных жителей с обеих сторон[1]. Уже на отдельных московских российско-шведских переговорах летом 1617 г. было решено: так как новая граница не только разделяла сами государства, но и соседние волости (например, в Карелии – это волости Заонежских и Лопских погостов России и Кексгольмского лена Швеции), то и точно определить межи, становившиеся теперь государственной границей, могли только местные жители[2]. В том же 1617 г. воевода собрал в Новгороде приграничных старожильцев «для межеванного роспросу», а затем направил их в Москву к государю, − надо думать, получать надлежащие указания[3].

Американский историк Р. Пайпс не находит у населения тогдашней России начатков политического самосознания[4]. Приведем пример обратного, упомянутый выше. Это челобитная царю (около 1619 г.) старост, представлявших интересы всех лоплян и олончан с жалобой на своекорыстные действия царских межевых послов. Подробный пересказ челобитной содержала ответная царская грамота лоплянам от 8 ноября 1619 г.[5] Для нашей темы она ценна тем, что прямо связывает суверенитет России над дальним северным приграничьем с позицией самоуправления, но на уровне не отдельных погостов, а целой группы приграничных погостов. Их старосты

---

[1] РГАДА. Ф. 96. «Сношения России со Швецией» (коллекция дел и документов). Оп. 3. Трактаты. Д. 34. «3 августа 1621 г. Межевая запись (в списке за скрепою дьяка Копнина и подьячего Частого) межевых судей дворян Гаврила Писемского и Никиты Вышеславского да дьяка Когнина и подьячего Частого, учиненная со шведскими межевыми комиссарами Мунке „с товарищи“, – о размежевании во втором по Стобовскому договору мест Новгородского уезда Олонецкого и Лопских погостов, Кольского уезда и Ребольской волости, данной с российской стороны шведским комиссарам. Тут же приложены за скрепою дьяка и подьячего две росписи местам: [А] Новгородской земли Поро[со]зерской волости и Ребольской волости; [В] Олонецкого и Лопских погостов и Кольского уезда Реболской волости». Л. 27–46, 48–62; *Жуков А. Ю.* Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617–1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: Сборник статей к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. С. 31–36.

[2] *Жуков А. Ю.* Проблема границы… С. 32.

[3] Опись Новгорода 1617 г. // Памятники отечественной истории [Далее − ПОИ]. М., 1984. Вып. 2. Ч. 1. С. 140.

[4] *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 95.

[5] Русская историческая библиотека [Далее – РИБ]. СПб., 1875. Т. 2. С. 371–373.

собрались и выработали общую позицию. В челобитной старосты не только писали о поборах от послов, но и обратили внимание на политическую сторону «насильства»: послы «отгоняли их от государевой милости», т. е. объективно вызывали недовольство жителей центральной властью. Между делом лопляне сообщили, что в Интервенцию они избрали из своей среды *воеводку всей Лопской земли* и под его началом разбили вторгнувшихся шведов. Тем самым лопляне не только напоминали Кремлю о своих военных заслугах, но и прозрачно намекали о возможности постоять за себя в случае каких-то репрессий. В условиях незаконченности пограничного размежевания со Швецией все это грозило изменой, а именно – переходом карельских Лопских погостов под власть шведского короля. И эта рискованная политическая игра с Кремлем приграничным лоплянам и олончанам вполне удалась.

Как раз тогда шведы выдвинули претензии на Лопские погосты, на проведение линии границы от Поросозера прямо на север, к Княжей губе Белого моря[1]. Россия не желала тогда вновь обострять налаживавшиеся мирные отношения со Стокгольмом. Поэтому только *скаски старожильцев* могли противостоять данной угрозе[2]. Москва, крайне нуждавшаяся в лояльности местных лоплян, решила загасить пожар недовольства. В ответе лоплянам и олончанам царь, подтвердив политический вред «корыствования», довел до сведения старост истинные, необременительные для жителей полномочия послов и разрешил старостам «дати суд и сыск» на провинившихся послов и при подтверждении жалобы – взыскать по суду лично с послов штрафы в размерах, вдвое превышавших сумму причиненного ими ущерба[3].

Начатки политического самосознания, повсеместно проявлявшиеся населением в годы российской Смуты и борьбы с иностранной интервенцией, воспитывались десятилетиями. Реформы, осуществлявшиеся центральной властью с конца 1530-х гг., привели

---

[1] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1/1620. Д. 1. «1620 г., генварь–декабрь. Отписки новгородских и других с шведами пограничных городов воевод и отписки к ним государевых грамот о разных пограничных делах». Л. 115–119, 120–125; *Жуков А. Ю.* Проблема границы.. С. 32–34.

[2] *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление... С. 92–93.

[3] РИБ. Т. 2. С. 371–373.

к тому, что почти везде на местах возник губной полицейско-следственный аппарат самоуправления, а в середине XVI в. – и земской суд. Многие историки сходятся во мнении, что в середине XVI в. в России складывалась сословно-представительная монархия[1].

Рассмотрим географическую сторону (распространенность) реформирования местного самоуправления. Тексты карельских *губных грамот*, вводивших здесь выборный полицейский аппарат, пока не обнаружены. Но сведения многих источников позволяют с определенностью судить о времени проведения губной реформы, охарактеризовать объем полномочий местных органов правопорядка. Их анализ приводит к выводу, что губная реформа конца 1530-х – начала 1550-х гг. проводилась по всей Карелии.

Губной округ Корельская половина Водской пятины, скорее всего, был образован около 1539 г. Известно, что обыскивавший в 1571 г. Кирьяжский погост Федор Васильевич Калитин являлся *излюбленным* (т. е. избранным) *головой* «половины Вотской пятины писма Семена Клушина»[2]. Эта перепись 1539 г. фиксировала не вообще все земли, а только поместья и приписанные к ямам деревни[3]. Цель данного описания и состояла в создании губного округа, в котором губными головами избирались владельцы описанных владений. На 1539 г. падает начало проведения губной реформы в Корельской половине, в том числе в Корельском уезде.

Косвенно найденную дату подтверждает и анализ текста двух грамот новгородских архиепископов в Водскую пятину 1534 и 1548 гг. – о борьбе с проявлениями язычества. В первой из них обязанности по аресту и препровождению на владычный суд в

---

[1] См., напр.: *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России...; *Он же.* Становление сословного представительства...; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978; *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996; История Европы. М., 1993. Том третий. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). С. 254–258; История России с древнейших времен до наших дней. М., 1997. Т. 1. История России с древнейших времен до конца XVII в. С. 418–428.

[2] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. 2. Ч. 2 [Далее – АМ]. С. 59–60.

[3] ИК, 1. С. 21–51.

Новгород жрецов-арбуев и уничтожению языческих мольбищ целиком возлагались на местных игуменов и священников[1]. В 1548 же году, по указу царя, архиепископ Феодосий поставил названные полицейские задачи не только перед церковниками, но и перед местными помещиками, причем его грамота распространяла данные им полномочия не только на поместья, но и вообще на все земли Корельской половины. Следовательно, к 1548 г. выборный полицейский аппарат помещиков тут уже сложился и имел достаточный опыт борьбы с преступностью. Примечательно и то, что владыка озадачивал помещиков от имени царя[2]. Иными словами, последние должны были выполнять указ верховной власти, а значит, в целом губная система Корельской половины как часть общей губной системы страны находилась под прямым и бдительным управлением из столицы.

Бдительность Кремля в деле контроля за деятельностью губных органов на местах освещают материалы по Заонежским погостам. Заонежская половина Обонежской пятины не составляла единого губного округа. Сохранилась грамота 1543 г. великого князя Ивана IV губным старостам волостей Выгозера, Сумы и Нюхчи Выгозерского стана и погоста, запрещавшая им отнимать суд по тяжким уголовным преступлениям у местного волостеля, так как по их губной грамоте они обязывались только изобличать и задерживать преступников: проводить дознания, аресты и обыски[3]. Аналогичный порядок выдачи губными головами задержанных на суд волостелям устанавливала царская жалованная грамота 1550 г. Палеостровскому монастырю для его вотчины в Шунгском погосте Выгозерского стана[4].

Южный Оштинский стан Заонежских погостов обзавелся губными органами ранее 1547 г. На это указывают сведения жалованной грамоты Ивана IV Александро-Свирскому монастырю 1547 г. Она запрещала доводчикам кормленщиков осматривать тела погибших

[1] ДАИ. С. 27–30.

[2] Материалы. С. 157.

[3] Акты XIII–XVIII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал Александр Юшков. М., 1898. Ч. 1. 1257–1613 гг. [Далее – Акты Юшкова]. С. 121–122.

[4] Материалы. С. 162–164.

без присутствия местных целовальников и людей добрых[1]. Хорошо известно, что губные головы и помогавшие им целовальники составляли выборный аппарат самоуправления в губной полицейско-следственной сфере местного управления.

Уставная грамота 1562 г. Кемской и Шуерецкой волостям также отметила наличие там губных голов[2]. Вероятно, они появились до 1549 г., так как выданное в том году Иваном IV Подтверждение пожалования 1530/31 г. этим волостям предусмотрело как должное выдачу преступников местными жителями. Последнее подразумевает организованную в этих волостях на базе их самоуправления губную полицейскую систему[3]. Также допустимо участие названных губных голов и в судебных разбирательствах там новгородских подьячих, так как с 1562 г. они, совместно с выборными судьями, проводили суд и обыски по Судебнику, *губной* и уставной грамотам[4].

А вот губные целовальники волостей Керети и Ковды однозначно принимали участие в суде государственного администратора. Тут по царским указам избранным земским людям не только поручались *разбойные дела* по их губной грамоте, но и с 1542 г. – обязательное присутствие на суде данщиков и слободчика и заверка протоколов судебных заседаний[5].

На основе губных округов со второй половины 1550-х гг. проводилась земская реформа. Так, Уставная грамота 1562 г. Кемской и Шуерецкой волостям вводила институт выборных земских старост и судей на местах. Очевидно, в Кеми и Шуе переход к суду выборных судей связан с переходом в центре уезда Великом Новгороде от кормленого наместничьего управления к воеводской форме администрирования как раз в 1562 г. Такую же, как в Кеми и Шуе, продуманную и соподчиненную судебно-полицейскую систему на основе самоуправления, в рамках дьячьего управления из Новгорода, Москва создала и для Лопских по-

[1] Материалы. С. 151–154.

[2] Там же. С. 190.

[3] СГГД. С. 438–439.

[4] Материалы. С. 190.

[5] АСМ, 1. С. 59–60. Жалованная грамота от 16 февраля 1542 г.

гостов[1]. Кстати, официально беломорские волости Кемь и Шуя по 1592 г. входили в состав Лопских погостов. Поэтому лопляне, возможно, получили Уставную грамоту в том же 1562 г.

Заонежские погосты освободились от власти кормленщиков волостелей в 1555/56 г. Это привело к учреждению на их территории органов земского самоуправления в судебной сфере. Имена двух земских выборных судей известны. Первый − это выгозерский староста Филипп Андронович Бурак. Именно в таком двойном качестве 29 мая 1565 г. он заключил договор с Соловецким монастырем о рыбных ловлях выгозеров[2]. Через год, 29 мая 1566 г., арендную плату за ловли получил выгозерский староста и выборный судья Василий Михайлов Зубовский[3]. Имела место сменяемость выборного аппарата самоуправления, в том числе в судебно-следственной сфере управления.

К воеводской форме управления в 1563/64 г. перешел и Корельский уезд[4]. Но единственный из сохранившихся источников второй половины XVI в. о местной судебной системе – грамота Ивана IV в Корелу воеводе В. К. Сухово-Кобылину от 6 июня 1577 г. – не упоминает о выборных судьях на местах. Тогда один из жителей Иломанского погоста подал царю жалобу на односельчан в том, что, пользуясь временным отсутствием челобитчика, сосед завладел его имуществом, а когда истец потребовал опротестовать грабеж на сходке перед членами своей общины-перевары, они не только не поддержали его, но и позволили обидчику его оскорбить и избить. Царь потребовал от воеводы провести собственное судебное разбирательство по жалобе[5]. Может быть, государство и не учредило в приграничном Корельском уезде земской суд. Впрочем, крайне скуд-

---

[1] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общинный строй. Органы самоуправления. С. 12–13 (челобитная лоплян, 1649 г.).

[2] АСМ, 1. С. 185–186.

[3] Там же. С. 190–191.

[4] *Жуков А. Ю.* Управление Корельским уездом в конце XV – начале XVII веков // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 20; ИК, 1. С. 104.

[5] Акты Юшкова. С. 188–189.

ная база источников по уезду не дает нам возможности говорить об этом со всей определенностью.

Уровни *столица – уезд (пятина) – округ* как поля для государственного управления и взаимоотношений его с местным самоуправлением, оказывается, не ограничивались территорией государственных (черносошных, дворцовых, поместных) крестьянских общин. Вотчинные крестьяне Александро-Свирской и Палеостровской обителей, как говорилось выше, вовлекались в реформирование режимов местного управления и самоуправления. Правда, данные материалы не указывают со всей определенностью, что сами их монастырские крестьяне состояли в губном или земском аппаратах самоуправления. Но этому имеются более надежные подтверждения источников о Соловецкой вотчине и Купецкой волости (вотчине) Юрьева монастыря.

Уже *Уставная грамота* 1548 г. соловецкого игумена Филиппа своим крестьянам предусматривала самостоятельный разбор внутренних тяжб жителей между собой, без монастырских управленцев (тиуна, приказчика, доводчика). Но на суде разбирательство осуществлялось пока только администрацией обители, а при *сместном суде* в тяжбах со сторонними лицами – ими же и выгозерским волостелем[1]. Данное устройство предполагало наличие у монастырской крестьянской общины полицейско-следственных полномочий. Оно весьма напоминало порядки, предусмотренные государством для соседних с вотчиной черносошных крестьянских общин Выгозерского стана. Напомним, там губным старостам был разрешен сыск по уголовным делам, но суд вершил выгозерский волостель. Он же держал сместный суд с игуменом Палеострова и над крестьянами его Шунгской вотчины.

Практически сразу после проведения государством в соседних Кеми и Шуе земской реформы в 1564 г. внутри Соловецкой вотчины крестьянские выборные власти получили от игумена Филиппа судебные и фискальные полномочия. Тогдашней новой Уставной грамотой игумен Филипп возложил взимание государственных налогов и феодальной ренты на сборщиков, избираемых теперь «всей волостью» (вотчиной): по два человека от *больших и лучших людей*, *середних*, *меньших* и *казаков* (наемных работников); они же занимались подворной, поголовной и подоходной раскладкой податей между жителями. Полномочия суда

[1] АСМ, 1. С. 87–89.

оставались у монастырских управленцев, но в качестве судебных заседателей к ним добавились волостные старосты[1].

Схожий судебный порядок соблюдался и в заонежской вотчине Юрьева монастыря, находившейся в смежных Шальском и Пудожском погостах под управлением старца-администратора[2]. В 1593/94 г. дворцовые шальские крестьяне подали игумену жалобу на его монастырских крестьян Купецкой волости, а настоятель приказал своим местным судьям – старцу Корнилию и пудожскому монастырскому крестьянину Савуру Прокопьеву – провести судебное разбирательство по иску дворцовых крестьян[3]. Для нас очевидным является факт существования органов крестьянского самоуправления и в крупных монастырских вотчинах и обладания ими, под присмотром обителей, полицейско-сыскными, судебными и фискальными полномочиями.

В отношении территории всей Карелии следует констатировать, что край занял одно из лидирующих мест в ходе проведения губной и земской реформ. Местное самоуправление здесь было распространено повсеместно. Оно вступало в результативные отношения со всеми уровнями государственного управления вплоть до верховного. И царь, и его управленцы в столичных приказах, в уездных городах и на местах были вынуждены считаться с местным самоуправлением, опираться на его авторитет.

Разнообразие административно-территориального устройства Карелии предоставляло для такого «общения с властью» широкие возможности. И все же сила общин и их самоуправления базировались прежде всего на местном социально-экономическом и демографическом потенциале. Кроме того, на общинные устои воздействовала внутренняя политика государства. В приграничной Карелии особое место заняло соперничество России и Швеции. Следующие параграфы освещают долговременные обстоятельства, в которых развивалось самоуправление. Условия эти, как внутренние (социально-экономические, демографические и этнокультурные), так и внешние (внутри- и внешнеполитический курс правительства), в

[1] АСМ, 1. С. 180–181.

[2] ПК 1563 г. С. 168, 186.

[3] Материалы. С. 345 (жалоба шальских крестьян царю на игумена Юрьева монастыря, 1594/95 г.).

своей конкретной конфигурации воздействия разнились от уезда к уезду, от округа к округу.

§ 4.2. Корельский уезд

Тщательную работу Новгородского государства и Дома св. Софии по административно-территориальному и административно-владельческому и вотчинному размежеванию Приладожской Карелии наследовала Россия Ивана III. Следует внимательно приглядеться к новому административно-территориальному делению карельского Приладожья. Без труда обнаруживается множество параллелей с новгородским периодом истории.

В самом деле, погосты и посад города Корелы остались основными базовыми единицами местного самоуправления. В Новгородской республике внутриполитическая линия политики государства воплощалась в административно-территориальном делении на *земли* – центральную Новгородскую и окраинные, «пригородные». Теперь их заменили уезды. Но, подобно тому, как ранее приграничные окраины обширного государства отдавались «в корм» для службы мечом приглашаемым князьям, так и в 1500 г. Иван III выделил из Новгородского уезда западные приграничные области, организовав на них уезды во главе с наместниками-кормленщиками. Обращает на себя внимание то, что пять западных уездов (Корельский, Орешковский, Ямской, Копорский и Ивангородский), равно как и Ладожский и Старорусский, по территории почти совпадали со старинными пригородами и их землями времен Великого Новгорода. Бывший *пригород* Корела с прилегавшими землями Приладожской Карелии стали уездом.

Уточним время и способ введения постов наместников в Корельском уезде. С. М. Каштанов, ссылаясь на грамоту Ивана III Коневскому монастырю 1499 г., предположил, что в ней под государевыми наместниками подразумеваются не новгородские, а именно корельские наместники[1]; следовательно, по автору, они обосновались там

[1] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI вв. М., 1967. С. 171. Пересказ грамоты Ивана III Коневскому монастырю 1499 г. см.: ДАИ, 1. С. 66–70; Материалы. С. 170–175.

до 1500 г. В действительности же мы имеем дело лишь с подробным пересказом пожалований двух великокняжеских грамот обители 1499 и 1533 гг., который содержит жалованная грамота царя монастырю от 14 сентября 1554 г., причем льготы эти в пересказе не разграничены по времени получения. В пересказе 1554 г. наместники упомянуты в одном ряду с дворецкими, конюшими, волостелями и тиунами, т. е. с властями Новгорода и всей обширной Новгородской земли в целом, а не Корельского уезда.

Точную дату введения постов наместников в Кореле обнаруживает перепись уезда 1500 г. В городе указан двор, в котором *ставятся* люди наместника, т. е. именно тогда и обживают новое для них место. На селе, выясняется далее, только в 1500 г. почти все черносошные деревни уезда поступили *в корм*: они «ныне приданы наместнику корельскому», их «ныне придал князь великий»[1]. Водворение наместников произошло по примеру учреждения заонежских волостельств. По указу Ивана III писец Д. В. Китаев в 1500 г. отказал в пользу наместников черносошные земли с «судом и оброком и всем, оприч обежной дани»[2]. Данные сведения выделяют 1500 г. как год учреждения в Кореле постов наместников, а значит, и как год окончательного образования в Новгородской земле Корельского уезда.

В организованный писцом Дмитрием Васильевичем Китаевым Корельский уезд Москва назначала наместников. Ранее, в 1495/96 г. часть земель новгородских вотчинников и «волости за владыкою на свейском рубеже» в Передней Кореле пошли в поместную раздачу[3]. Остальные конфискованные вотчины новгородцев в обеих половинах Приладожской Карелии и все перевары и волости «за владыкою» и «за [новгородскими] наместниками корельскими» в Задней Кореле стали государевыми. Их-то и записал Д. В. Китаев в кормление наместникам-москвичам в 1500 г. Деревни же местных монастырей и карелов-феодалов (своеземцев переписи 1500 г.) в уезде ни

[1] ПК 1500 г. С. 6.

[2] ПК 1500 г. С. 10, 86, 120, 134, 143, 160, 162, 170–172, 180 и др.

[3] РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГА МИД. Оп. 1. Русские летописи и хронографы (XVI–XIX вв.). Д. 83. Сборник. XVII в. Л. 23 об.–34, 63–73. Выписки из писцовой книги Водской пятины Новгородского уезда писца Д. В. Китаева конца XV в. Список кн. Семена Урусова. 1648–1649 гг.

в кормленые земли, ни в поместья не попали, оставшись за прежними владельцами. Исключением стал лишь торговый рядок Сванский Волочок, купленный Иваном III у Валаамской обители перед 1500 г. Его жители превратились в горожан-посадских, приписанных налогами к г. Кореле[1].

Новый уезд включил всю основную территорию проживания карелов в Приладожье. К югу от Корелы, по берегам Невы и вплоть по западный берег Волхова, проживала близкая карелам по языку народность ижора[2]; она оказалась в Орешковском и Ладожском уездах. Так вся «карелоязычная» область западного и южного Приладожья в 1500 г. вышла из состава Новгородского уезда, заселенного по преимуществу русскими. Без сомнения, данный этнический аспект московской административной политики повторил опыт Великого Новгорода по управлению своими иноязычными землями.

Даже военно-поместная реформа учла этнический фактор: военно-мобилизационные округа пятины поделили в 1495/96 г. новгородские земли на пять частей так, что Водскую пятину, например, составили области приграничных прибалтийско-финских народов. Туда вошла вся Корельская земля, состоявшая с 1500 г. из Корельского уезда и Лопских погостов Новгородского уезда, Ижорская земля (Орешковский и западная часть Ладожского уезда) и Водская земля (Ямской, Копорский и Ивангородский уезды), а также примыкавшие к Новгороду с северо-запада русские (бывшие «чудские») земли. Исконная же область расселения веси и зона ее колонизационных усилий вокруг Онежского озера объединились в Обонежскую пятину.

Военно-мобилизационный округ Водская пятина прикрывал важный северный фланг российской границы, являясь плацдармом для наступления и обороны перед Датско-Шведским (с 1523 г. – Шведским) королевством и Ливонским Орденом. Между тем управлять всей пятинно-поместной системой были призваны уездные

[1] ПК 1500 г. С. 7–8.

[2] *Кочкуркина С. И.* Древние карелы в XII–XVI вв. История и культура // *Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.* Письменные известия о карелах / Науч. ред. В. Л. Янин. Петрозаводск, 1990 [Далее – ПИК]. С. 5–6.

власти Новгорода. Именно они отдавали распоряжения о мобилизации помещиков на войну в каждый из погостов[1].

Характер пятинного устройства постепенно усложнялся. Во время губной реформы конца 1530-х – начала 1550-х гг. правительство разделило пятины на *половины* или *полупятины*, из которых создало полицейско-следственные округа *губы*. С тех лет вся «карелоязычная» область Корельского, Орешковского и Ладожского уездов стала *губой* − Корельской половиной Водской пятины. Следующая, земская реформа проводилась уже на базе сложившихся губ. Это разделение существовало и в начале XVII в.[2]

Корельский уезд в дальнейшем не раз вынужденно менял государственную принадлежность. В 1580–1597 гг. его занимали шведские войска, а затем он вновь вернулся к России; с 1611 г. – это шведский Кексгольмский лен. Военная и дипломатическая борьба России и Швеции из-за Карелии продолжалась на всем протяжении освещаемого времени, но само противостояние в немалой степени опиралось на оборонно-наступательный потенциал по обе стороны границы. А сила приграничья напрямую зависела от местной демографической и хозяйственной ситуации. Рассмотрим ее подробно на примере Корельского уезда последней четверти XV − XVI вв.

* * *

Анализ сведений писцовой книги 1500 г. выявляет в карельском Приладожье ход социально-экономических, колонизационно-переселенческих и внутренних демографических процессов в XV в., особенно на его исходе. Подсчеты данных переписи вошли в таблицы (см: Приложение, таблицы 1 и 2). Сравнительно-статистический анализ сведений по каждому из погостов (табл. 1, колонка 1) показывает количество тяглецов-селян, число деревень, дворов и размеры налогообложения (в обжах – в Передней Кореле и в луках – в Задней Кореле) (кол. 2, 3, 5, 6, 8, 9, 17, 18); подсчеты выявляют динамику и направления миграции селян (кол. 4, 7, 10, 19). Рассчитаны

[1] Материалы. С. 178–179 (грамота Ивана IV в Новгород, 1555 г.).

[2] РГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. Оп. 1. Д. 19. О сборе податей и оброков с Новгорода и Новгородского уезда, 1600–1602 гг. Л. 33–36 об., 45–47 об., 53–55 об., 58–59, 61, 74, 93, 121; АМ. С. 372–396 (1571 г.).

«дворность» – среднее количество дворов на деревню (кол. 11–13), населенность двора как среднеарифметическое отмеченных тяглецов на двор (кол. 14–16) и средняя обеспеченность сельскохозяйственными угодьями двора и тяглеца в каждом из погостов и в целом на селе (кол. 20–23). Так как писцовые книги отмечали тяглецов, численность населения высчитана по методике Т. И. Осминского, конкретно – из доказанной им пропорции: в XVI–XVIII вв. в одном односемейном дворе проживало в среднем 5 человек, а во дворе с двумя семьями – по 7,5 чел. обоего пола на семью[1]. Зная число семей, мы найдем общую численность жителей – горожан (г. Корелы и Сванского Волочка), селян и в целом по уезду; полученные результаты округляются (табл. 2).

Подсчеты обнаруживают значительную убыль населения к концу XV в. (табл. 2). Из общего числа жителей при *старом письме* (предыдущей переписи) в 34 тыс. чел. к 1500 г. осталось 26–27 тыс. чел., а убыло 7–8 тыс. чел., или 21%. Особенно пострадали посадские: в Кореле уменьшение составило 41%, в Сванском Волочке – 36% жителей. Сократилось и число селян: в Передней Кореле примерно с 8,8 до 6,8 тыс. чел. (на 24%), в Задней Кореле – с 21,7 до 18 тыс. чел. (15%), а в целом снижение составило 5,8 тыс. чел. (19%).

Демографический кризис в Корельском уезде объясняется последствиями войны; она велась с 1495 г. между Россией и Швецией (с 1497 г. – датским наместничеством), сопровождаясь постоянными набегами на жителей по обе стороны границы[2]. Учтем и жесткую политику Ивана III к Новгороду и его землям. Перепись отметила в г. Кореле *пустыми* (незаселенными) двор архиепископа, где ранее, видимо, и проживали его управленцы (наместник владыки, корельский десятинник и сборщики-*борцы*), и 28 дворов карельских

[1] Авторское обоснование Т. И. Осминским своей методики см: АИСЗР, 1. С. 19–20. Мы отказались от методики, примененной Х. Киркинен, заключавшейся в простом умножении количества тяглецов на 5 (средняя численность одной семьи на одном дворе), так как семьи, живущие по двое-трое на одном дворе, оказались в среднем многочисленней, чем обычные «однодворные» семьи.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. XVII в. Разрядная книга 1493–1609 гг. Ч. 1. 1493–1575 гг. Л. 8–9 об.; Д. 111. Разрядная книга («наказные списки боярам»). 1493–1631, 1632 гг. XVII в., середина. Л. 23 об.–24 об. (сведения разрядных книг за 1495–1497 гг. о войне со Швецией).

своеземцев, выселенных из города в свои деревни вместе с челядью. Налоги не собирались с запустевших угодий из-за отсутствия тяглецов, убитых, бежавших в другие места или разорившихся; зачастую решение о сложении податей сопровождалось фразой: «у них немцы [шведы. – *А. Ж.*] пограбили животы, а жены их и дети побили до смерти»[1]. В результате войны к 1500 г. размеры обрабатываемых сельхозугодий сократились от 7% в Сакульском и Кирьяжском погостах до 1/4 в Городенском (табл. 1, кол. 17–19).

Рост населения и оживление хозяйственной деятельности наблюдались только в северном Иломанском и восточном Соломенском погостах. Фиксация там новых деревень, а не починков говорит о переселении сюда за весь XV в.: ведь на превращение починка в деревню требовалось немалое время. Анализ переписи уловил два главных направления миграции карелов. Они продвигались на север, на Иломанец и далее в Лопские погосты и к Белому морю; в Беломорской Карелии в XVI–XVIII вв. сложилась этническая группа северных или собственно карелов. Миграция шла и через Салми на восток – на земли ранее колонизированных весью Олонца и Сямозерья. Там карелов оказалось особенно много. Это привело к формированию карелоязычного населения (в XVIII в. – уже карелов-ливвиков). Продвигаясь далее на восток в сторону Онежского озера, но менее сильным потоком, карелы освоили Святозеро, р. Важинку и кондопожское Прионежье, где постепенно образовывались людики, по языку более родные вепсам, чем ливвики[2].

Несмотря на общую убыль населения, во всех погостах, кроме Ровдужского, росло число деревень (особенно в Иломанском и Соломенском), что говорит об их быстром освоении в XV в.; повсюду увеличивалось количество дворов (табл. 1, кол. 5–10)[3]. Темпы внут-

---

[1] ПК 1500 г. С. 4, 6–7 (г. Корела), 10, 22, 135, 137, 139 и др. (данные о разорениях от войны на селе).

[2] О формировании ливвиков и людиков см.: *Бубрих Д. В.* Происхождение… С. 36, 39, 40; *Пименов В. В.* Вепсы. Очерки этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 178

[3] Данные подсчеты расходятся с общими выводами И. Л. Перельман, которая, напротив, видит убыль новгородских деревенских поселений в последнюю четверть XV в., связывая ее с жесткими реформами Ивана III, которые не настраивали крестьянство на создание новых поселений (*Перельман И. Л.* Новгородская деревня в XV–XVI веках // Исторические записки. М., 1948. Т. 26. С. 128–197).

ренней колонизации возрастали от 2–3% в приграничье (где была затруднена) до 33–39% на севере и востоке (была в полном разгаре) (кол. 7). Укрупнение деревень (кол. 10, 13) сопровождалось уменьшением почти везде заселенности двора (кол. 16). Последнее обстоятельство указывает на характерный для колонизации процесс распада «большой семьи» (когда двор объединял 2–3 семьи близких родственников). При этом следует учесть резкое отличие деревень Передней Корелы (одно-, двухдворных) от Задней Корелы (в среднем от 4 до 10 дворов).

Выявленные отличия связаны и с различием в ведении сельского хозяйства. В южных районах оно опиралось в основном на давно обрабатываемые земли, с участками невеликих размеров: писцы оценили многие дворы даже в доли обжи[1]. В условиях военных действий, разорения и убыли населения повсюду снизилась обеспеченность двора закрепленным за ним хозяйством (кол. 20–21). Вследствие выхода из «большой семьи» отдельных дворохозяев, постройки ими новых дворов, возобновления старых в своих же деревнях или основания новых деревень требовалось включать в сельхозоборот новые земли, чтобы снизить нехватку земель при дворе. Но из-за высокой заселенности Передней Корелы темпы постройки новых дворов тут были в шесть раз выше, чем основание новых деревень (12,5 и 2,7% соответственно); следовательно, основная часть дворов ставилась в старых поселениях, новые же одно-, двухдворные деревни могли вместить около 20 дворов.

Убыль четверти населения Передней Корелы, снижение хозяйственной силы двора (на 13%) побудили жителей к мобилизации внутренних резервов: ускорился распад «большой семьи» – в среднем с 1,8 до 1,4 тяглеца и семьи на двор (табл. 1) или с 7 до 6 чел. на одну семью (табл. 2), в связи с чем возникали новые хозяйства. Это позволило компенсировать уменьшение обеспеченности двора, а в бремени налогов – практически уравнять данный показатель в расчете на тяглеца-налогоплательщика (табл. 1, кол. 20–23).

---

[1] Судя по переписи 1500 г., в «старопашенной» Передней Кореле обежный счет приравнивался и к коробьям высева, и к копнам сена. Дискуссию об обже см.: *Греков Б. Д.* Что такое «обжа»? // Известия АН СССР. 6-я серия. Л., 1926. Т. 20. № 10–11. С. 1017–1040; № 13–14. С. 1229–1252; АИСЗР, 1. С. 20–29.

На ситуацию в Задней Кореле большое влияние оказали не только военные действия, но и климат, менее благоприятный для сельского хозяйства. В отличие от Передней Корелы, тут преобладали многодворные деревни, расположенные в удобных, защищенных от холодных ветров местах. На севере господствовало подсечное земледелие. Более заметную роль, чем на юге уезда, играли промыслы, прежде всего охота и рыболовство. Комплексная, отдаленная от мест проживания и потому трудно поддающаяся строгому налоговому учету хозяйственная деятельность привела к применению тут счета налогов в *луках*. Отмечались дворы, тяглецы и всегда равное числу последних количество луков; упоминая, что «*лук писан за обжу*», писцы, тем не менее, не приравнивали к нему ни коробьи высева, ни копны сена.

Лук как термин, по нашему мнению, первоначально связывался с основным занятием населения на колонизируемой северной окраине – пушной охотой и обозначал ее главное оружие – собственно лук, а также и охотника[1]. С включением Корелы в состав Новгородского государства жители стали выплачивать подати в соответствии с ведущим типом хозяйственной деятельности. Так, в Передней Кореле таковым являлось сельское хозяйство; как и на коренных землях Новгорода, тут налоги насчитывались в обжах и подати выплачивались зерном, маслом, тушами домашних животных. В Задней же Кореле в XV в. охота перестала быть основой хозяйства, но пушнина интересовала власти в виде налога. Поэтому податная способность продолжала измеряться в луках, а доля пушнины в структуре *старого дохода* оставалась высокой[2]. На рубеже XV–XVI вв. Задняя Корела принадлежала к «недоосвоенным» землям, что доказывают подсчеты данных переписи. Новые поселения тут вместили до 70% всех вновь возникших дворов (271 двор в 33 деревнях – табл. 1, кол. 7, 10), а дворность оставалась прежней.

В 1500 г., с переводом налогов на деньги, *луки* сохранялись, но уже утратили прежнее, связанное с охотой значение. Луковому об-

[1] Данный смысл термин *лук* содержал уже в новгородско-норвежской *Разграничительной грамоте* 1252 г., которая в налог устанавливала «брать не более пяти серых шкурок с каждого лука» (ПИК. С. 114–115).

[2] ПК 1500 г. С. 120–121, 145, 170, 172, 180 (выплаты *старого дохода* пушниной).

ложению подлежали не пашня и сено, как в Передней Кореле, а двор и производственный инвентарь, владея которым, тяглец обеспечивал семью и выплачивал налоги со своего лука, т. е. с хозяйственной деятельности. Вот почему, если двор сгорал или был разграблен, писцы освобождали тяглеца на год-три от уплаты податей, но никогда не снижали ему налог на известную долю лука[1]. Таким образом, в обжитых южных погостах объем получаемого продукта легко определялся и учитывался в обжах, а в слабо освоенных северных – скорее предполагался: там под налоговый пресс попадала физическая возможность тяглеца добыть нужный ему продукт в не установленных писцом размерах, причем вне зависимости от конкретного вида хозяйства.

Еще одна сторона обложения луками выясняется на материале Поморья второй половины XVI в.: *лук выражал членство тяглеца в общине*. Там промысловые угодья строго делились на луковые и оброчные, и только общинники-*волощане* распоряжались первыми по своему усмотрению, а право на разработку вторых (с уплатой оброка) выдавалось государством всем желающим[2]. Так лук фиксировал статус общинника и позволял реализовать этот статус в хозяйственной деятельности. Приравнивая число тяглецов к количеству луков, кадастровая перепись 1500 г. закрепляла складывавшуюся в обширной, бурно колонизируемой окраине Задней Кореле общинную организацию в каждом из объектов управления (переваре или волости) и в то же время через налоги подчиняла ее государству. В таком случае отметки писцов о *пустых луках* в таких-то угодьях означают прекращение их разработки из-за отсутствия (гибели, ухода) тяглеца-общинника.

Центральное правительство проводило и специализированные описания. Так, писцовая книга Водской пятины 1539 г. Семена Клушина и Шемета Резанова фиксировала поместья и ямы с их деревнями[3]. Она составлялась для проведения губной реформы. Сравнительный анализ переписей 1500 и 1539 гг. по методике Т. И. Осминского

[1] ПК 1500 г. С. 124, 128, 135, 137, 151–152, 159, 163 (случаи освобождения от лукового налогообложения).

[2] СГКЭ. Т. 2. Ст. 452–453 (сведения *Выписи* из писцовой книги В. Агалина, 1574–1575 г.).

[3] ИК, 1. С. 22–57. Писцовая книга 1539 г.

охватил их сопоставимые части – поместья и ямы в Сакульском и Ровдужском погостах (Приложение, табл. 3).

Подсчеты позволяют выявить снижение на треть численности тяглецов и на четверть – их податных возможностей за первую треть XVI в. (кол. 2–4, 17–19). В то же время выросло число деревень и дворов (кол. 5–10). Если учесть, что дворность с 1500 г. не изменилась (кол. 11–13), а заселенность двора как среднестатистическое число семей в нем уменьшилась на 41% (кол. 14–16), то мы приходим к важному выводу о продолжении распада «большой семьи» быстрыми темпами, выделении из них самостоятельных семей, основывавших новые деревни (Сакульский погост) или ставивших дворы в старых поселениях (Ровдужский погост). Главное отличие от 1500 г.: снижение числа податных единиц в расчете на один двор компенсировалось *увеличением* этого показателя в расчете на одного тяглеца (кол. 20–23).

Отмеченная убыль населения в 1539 г. в приграничных поместьях и ямах Передней Корелы перекликается с данными Платежной книги Корельской половины Ф. В. Калитина 1571 г. Он сообщил о переписи Задней Корелы А. Д. Редровым в 1522/23 г. Тогда в Сердовольском, Иломанском и Соломенском погостах было 87 и 2/3 «пустых сох»[1], т. е. 263 лука (и тяглецов с семьями). Другими словами, писец Редров зафиксировал отсутствие 1600 чел. населения: в одной *сохе* три *лука*, а семьи включали в среднем 6 чел. (см. табл. 2). На Кирьяжский погост Калитин имел *сотницу* 1525/26 г. (платежную выпись, очевидно, из переписи А. Д. Редрова), без сведений о запустении здесь между 1500 и 1523 гг.[2] К счастью, мы располагаем другим ценным источником: составленной Ф. В. Калитиным *Обыскной книгой* Кирьяжского погоста от 21 марта 1571 г. Там отмечены 1210 случаев запустения луков в одном только этом погосте за три периода (1526–1566, 1566–1568 и 1568–1571 гг.), с указанием причин[3]. По ее данным составлены две таблицы: таблица 4 отражает убыль тяглого населения и луков, а таблица 5 фиксирует причины и основания такого сокращения (Приложение, таблицы 4 и 5).

---

[1] АМ. С. 375–384 (Сердовольский, Иломанский и Соломенский погосты).

[2] АМ. С. 373 (сведения из сотницы).

[3] АМ. С. 59–125. Сведения «Обыска» частично использовал В. И. Корецкий для иллюстрации действий опричников в 1570 г. (*Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 50).

На 1526–1566 гг. падает 130 случаев запустения луковладений или 10,7% потерь (табл. 5). Главный урон району причинили вторжения шведов – 61 случай (в 1554–1557 гг. шла очередная война со Швецией); *бегство* охватывало менее трети случаев, отражая, возможно, прежнее стремление жителей к миграции на периферию карельских земель; на третьем месте стоит смерть мужчин. Думается, полученный результат можно распространить, с некоторым варьированием пропорций, на все погосты уезда, так как он отразил положение дел в первой половине XVI в. Вместе с тем в 1526−1566 гг. воспроизводство населения опережало темпы запустения, поэтому в целом этот период оказался для жителей относительно благоприятным.

Противоположная картина – демографическая и хозяйственная катастрофа – наблюдается во второй и в особенности в третий периоды. Подсчеты (табл. 4) показали, что в 1566–1568 и 1568−1571 гг. темпы сокращения населения, его разорение возрастали в геометрической прогрессии: более чем в два раза за каждый из периодов по сравнению с предыдущим. А в целом за эти последние пять лет скорость убыли тяглецов (семей) была в 9,3 раза, а луков – в 8,8 раза выше, чем за все предыдущие 40 лет.

Особенно показательны данные о причинах запустения в последние два периода 1566–1568 и 1568−1571 гг. (табл. 5). Главное место заняло бегство крестьян – 569 случаев, из них побеги «от царских податей»: 102 (58%) во второй период и 259 (66%) в третий. Смертность переместилась на второе место, а шведские нападения – на третье. Единовременное пребывание в погосте отряда выколачивавших налоги опричников дало 51 случай, но его воздействие, возможно, послужило скрытой причиной бегства и высокой смертности (от побоев на процедуре *правежа*). С 1566 г. появились случаи смерти целых семей от голода – наглядное указание на разорение общин, действие же социальных компенсаторов в виде нищенства или ухода в монастырь (30 случаев) незначительно. Уровень налогообложения в погосте с 1526 по 1571 г. оставался высоким – 0,9–1 лук на тяглеца (табл. 4), что, очевидно, и сыграло неблаговидную решающую роль в разорении в условиях дорогостоящей и изнурительной Ливонской войны (1558–1583 гг.).

Сведения о Соломенском погосте Задней Корелы дошли до нас в Писцовой книге Водской пятины 1568 г. К 1570-м гг. демографи-

ческая и хозяйственная ситуация здесь не отличалась в принципе от положения дел в Кирьяжском погосте. В Салми оставалось 165 тяглецов и 108,5 лука, т. е. соответственно треть и четверть от их числа в 1500 г. Пустыми стояли 213 дворов, где ранее проживали 239 тяглецов; 242,5 лука пашни находились в перелоге (были заброшены недавно), а 118 – уже заросли лесом[1]. Мы предполагаем и схожесть причин запустения: это мрачные местные проявления всеобщего социально-экономического, политического и военного кризиса, вызванного Ливонской войной и опричниной, кризиса, широко бушевавшего в России с конца 1560-х гг. В Карелии внутренний кризис отяготился войной со Швецией, которая приводила к частым вторжениям неприятеля.

Передняя Корела к 1568 г. не попала еще в полосу жестокого кризиса – таков общий вывод из анализа данных переписи 1568 г. В целом благоприятные перемены между 1500 и 1568 г. зафиксированы по отработанной ранее программе: заселенность и хозяйственная организация Передней Корелы (Приложение, табл. 6) и численность населения (табл. 7)[2].

Подсчеты нашли прирост на селе: тяглецов – почти вдвое (табл. 6, кол. 2–4), числа деревень – на треть (кол. 5–7) и дворов – более чем вдвое (кол. 8–10); деревни укрупнялись за счет увеличения заселенности двора – повсеместно (кол. 14–16), а в Сакульском погосте – и дворности (кол. 11–13). Рост тяглого населения при почти неизменном количестве обжей (кол. 17–19) означал снижение в два раза окладных единиц в расчете на семью (кол. 22–23), что и объясняет относительное благополучие населения Передней Корелы к 1568 г., когда жители Задней Корелы уже изнемогали под бременем налогов.

Общая численность жителей Передней Корелы к 1568 г. увеличилась до 18 100 чел. (на 110% к 1500 г.); особенно возросло число

---

[1] ИК, 1. С. 52–178 (Писцовая книга 1568 г.), 171–178 (описание Соломенского погоста).

[2] ИК, 1. С. 52–170 (описание Передней Корелы). В переписи 1568 г. оказались утраченными 4 листа рукописи с частью сведений о деревнях земцев в Сакульском погосте. Поэтому в табл. 6 занесены и гипотетические цифры – четверть от сумм подсчетов сохранившихся однотипных данных о деревнях земцев погоста на 16 предыдущих страницах рукописи (см.: табл. 6, графа «Сакульский погост»: 33 тяглеца, 10 деревень, 18 дворов и 16,5 обжи).

горожан Корелы – до 3700 чел. (240%), сельское население удвоилось с 6800 до 14000 чел. за 68 лет. Двукратное превышение темпов прироста горожан над селянами (214 и 106%) говорит о надежности крепости, о хорошей экономической конъюнктуре в городе и косвенно – о сравнительно опасных для проживания на селе условиях, связанных, очевидно, с войной 1554–1557 гг. (табл. 7).

Но к 1571 г. разруха охватила и Переднюю Корелу. За три года (с 1568 г.) тяглое население сократилось в 8,5 раза, составив 5–9% жителей на селе (1140 чел.) и 28% (1150 чел.) в г. Кореле и Сванском Волочке. Это общие итоги подсчетов данных Платежной книги Калитина 1571 г. по сравнению с цифрами за 1568 г. из таблиц 6 и 7; они занесены в таблицу 8 (Приложение, табл. 8). Сведения Платежницы об окладных единицах *сошках* мы перевели в обжи: Городенский погост платил с 19,56 обжи, Сакульский – с 38,54 обжи, а Ровдужский – с 19 обжей[1]. Платежная книга свидетельствует и об ужасающем запустении в Задней Кореле: за 1522–1571 гг. в хозяйственном обращении там находилось всего 875 трехлуковых *сох*, но в 1571 г. налоги шли только с 50,7, или 6% от числа этих сох[2].

Конечно, можно робко предположить, что Калитин фиксировал далеко не все население, а лишь тех, кто не разорился и мог выплачивать налоги. Но никаких сведений о сложении податей с остальных жителей Платежная книга 1571 г. не зафиксировала. И все же, даже если мы имеем дело только с исправными тяглецами (при жутком обнищании остальных – подавляющего большинства людей), вывод из подсчетов однозначен: в 1571 г. тяжесть демографической и экономической ситуации в Передней Кореле уже ничем не отличалась от положения дел в Задней Кореле. В обеих частях Корельского уезда разразилась подлинная социально-экономическая и демогра-

[1] АМ. С. 372–373 (погосты Передней Корелы). Для перевода *сошек* на привычный и используемый нами обежный счет мы воспользовались тем, что со всех погостов Передней Корелы шел единый налог «за емчюжное дело» (т. е. на производство пороха), причем в Городенском с 33 1/3 сошки и 4 1/6 обжи выплачивался 1 рубль 22 алтына 4 деньги, с Сакульского с 83,5 сошек шло 3 р. 27 ал. 3 д., а с Ровдужского с 40,5 сошек – 1 р. 21 ал. 0,5 д. Мы высчитали по отдельности суммы налога на 1 сошку и на 1 обжу и нашли их отношение, которое равно и для окладных единиц: в обже было 2 и 1/6 сошки или 0,46 обжи на 1 сошку.

[2] АМ. С. 373–384 (погосты Задней Корелы).

фическая катастрофа, усугубленная прямым воздействием Ливонской войны.

Вот почему совершенно неверно утверждение Д. Я. Самоквасова о том, что Корельский уезд привела к разорению реформа местного самоуправления 1550-х гг.[1] Главным виновником оказался царь Иван IV с его авантюрной политикой опричнины и с безудержным ростом налогов, сжигаемых в Ливонской войне. Из приведенного анализа следует, что с 1570-х гг. местное население и его самоуправление практически ничем не могли помочь стране. На протяжении 1570-х гг. власть России в уезде удерживалась мужеством гарнизона Корелы, полевых войск и умелым командованием воевод.

Швеция захватила Корельский уезд в 1580–1581 гг., а возвратила его России в 1597 г. После опричнины Ивана Грозного и шведской оккупации уезд находился в полном упадке. Шведская налоговая книга 1590 г. сохранила данные о Кирьяжском, Иломанском и Сердовольском погостах Задней Корелы. Тогда там проживало всего 339 тяглецов (семей) в 103 полупустых деревнях (из 241 учтенных поселений)[2]. На пустовавшие земли оседали финские и шведские крестьяне-переселенцы. Но в тех окраинных районах, где еще сохранялось относительно стабильное карельское население (на севере – в волостях Лиексе и Реболах Иломанского погоста, на востоке – в Соломенском погосте), захватчики встретили упорное сопротивление; за все время оккупации им ни разу не удалось собрать налоги с этих местностей. У города Корелы-Кексгольма в 1592 г. уже отсутствовал некогда многолюдный посад − городская застройка вне крепости[3]. Карельских же беженцев в Россию русские власти расселяли на пустующих землях – и далеко от уезда под Тверью, и по соседству, например, в Заонежье.

Когда Россия вернула себе Корельский уезд, царь Борис Федорович Годунов (1598–1605 гг.) распорядился возвратить на родину тех карельских беженцев, которые вдали от дома не стали пол-

[1] АМ. С. 31.

[2] Manttaledh aff Kexholms Lhänn pro Anno 1590 // ИК, 1. С. 265–282.

[3] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 17–18 (*разряд* боевых действий против Швеции, 1592 г.).

ноценными тяглецами государства (1599 г.)[1]. Годом ранее царь освободил всех жителей уезда от выплат государственных податей сроком на 10 лет; льгота касалась даже «латышей Финские и Свеиские земли» – протестантов финнов и шведов, оставшихся проживать в Карельском Приладожье под властью России[2]. Ясно, однако, что существенно польгоченное население не могло сразу восстановить ни заселенность земли, ни свой достаток. Корельский уезд так и не оправился полностью к началу новой шведской интервенции 1610-х гг., что негативно сказалось при обороне города Корелы в 1610−1611 гг.

* * *

Рассмотрев этно- и внутриполитические факторы административного выделения в России отдельной области Корельского уезда, демографические и колонизационные процессы, хозяйственно-податную обстановку, дав им характеристику, обратимся теперь к внешнеполитическим и военным условиям существования уезда. Именно данные факторы стали главной внешней причиной вынужденных изменений Корельским уездом своей государственно-административной принадлежности в конце XVI и в начале XVII в.

К 1580 г. надежные русские войска и талантливые воеводы были переведены из Корелы в Псков и Орешек, для усиления их обороны. К тому времени Россия окончательно увязла в боях Ливонской войны, сражаясь на два фронта против Речи Посполитой и той же Швеции. В этих условиях вся тщательно отлаженная, глубокоэшелонированная система обороны на северо-западе потерпела крушение. А еще в середине XVI в. во время пограничной войны со Швецией она доказывала свою надежность. Тогда русские войска стояли так: основные силы из Новгорода расположились у Орешка; к северу от Невы вступил в дело передовой полк новгородского дворецкого; с

[1] РИБ. Пг., 1917. Т. 35. Ст. 13–14. *Память* дьяков Новгорода кижским старостам – о высылке нетяглых корелян, 1599 г. С. М. Соловьев дал другую трактовку данного указа, посмотрев на это с точки зрения проблемы становления крепостничества. Правительство, писал он, «должно было вооружиться против людей, которые, отбывая от платежей податей, закладывались, по тогдашнему выражению, „за других“ в „захребетники и подсоседники“» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 18-ти кн. М., 1989. Кн. IV. Т. 7−8. Т. 8. С. 372).

[2] ДАИ. С. 253–254. Жалованная грамота жителям Корельского уезда, 1598 г.

правого фланга на коммуникациях противника из Корелы действовал сторожевой полк Корельского уезда; с юга, перед Невой, Новгород прикрывал поместный полк его наместника. Ударные части русских войск воевали под Выборгом и в южной Финляндии[1]. К 1580 г. такое упорядоченное и грозное построение уже не применялось из-за нехватки войск и их изнуренности.

Записи Разрядных книг за 1575–1580 г. свидетельствуют об огромном напряжении России в войне за Прибалтику. В 1576/77 г. помещики изо всех пятин были собраны в поход в северную Эстонию; летом 1577 г. их же призвали на войну «очищать Лифлянскую землю»; в декабре 1578 г. последовала новая поголовная мобилизация. Большое число помещиков Водской пятины оставалось в гарнизонах занятых городов, где они и гибли при осадах неприятеля. В 1577 г. в Прибалтику перебросили стрельцов (170 чел.) и казаков (97 чел.) из гарнизона г. Корелы. В 1579 г. в Ливонию вновь двинулась русская армия в 31 000 чел., в том числе из новгородских земель 1129 помещиков и 13 000 городовых стрельцов и казаков крепостных гарнизонов[2].

Во время русских походов в Прибалтику шведы усилили натиск на Приладожье. Рейдом 1578 г. они разорили северное и восточное побережье Ладоги вплоть до Свири. Тогда же шведский король Юхан III (1568–1592 гг.) выдвинул программу завоевания русских прибрежий Балтики и Ледовитого океана. Реализуя ее, шведы в 1579 г. пытались взять Нарву и Корелу. В октябре 1580 г. они вновь подошли к Кореле, взяли город, а к концу 1581 г. установили власть в Передней и над большей частью Задней Корелы[3].

---

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Л. 287 об.–288.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Л. 561 об.–562 об.; Д. 130. Разрядная книга 1521–1617 гг. «Книга разрядная Никиты Даниловича Глебова, списана с подлинной книги во 168 году». Л. 163–170 об., 193 об.; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 3. С. 471–474, 490, 503, 508, 513, 515, 527, 531, 542.

[3] *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 35–36; *Замятин Г. А.* Борьба за Корелу между Московским государством и Швецией в конце XVI – начале XVII вв. // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 404–409; *Kirkinen H.* Karjala idän ja lännen välissä. Helsinki, 1976. Karjala taistelukenttänä. S. 136–139.

Агрессивная политика Швеции по отношению к России имела свои веские причины, не сводимые просто к реализации военного превосходства в борьбе за оттеснение России от Балтики. Они непосредственно вытекали из административного положения и роли Карелии в русско-шведских связях. Наступление служило далеко идущим целям повышения международного престижа Швеции, приближало в ее пользу решение о маркировке русско-шведской границы. Дело в том, что утвердившаяся в 1523 г. национальная шведская династия короля Густава I Ваза (1523–1560 гг.) не могла рассчитывать на равноправие в отношениях с Россией: Кремль в системе международных связей приравнивал свой престол с троном императоров Священной Римской империи, на долю же Стокгольма *по старине*, с формально-юридической стороны выпадала участь прямых дипломатических сношений не с Москвой, а с ее «Новгородским государством». В процедуре этих контактов между обеими странами связь через границу со шведской стороны поддерживал правитель Выборга (*выборской державец*), а с русской – наместники (затем – воеводы) городов Корелы и Орешка[1]. Несомненно, данная система дипломатических отношений наследовала выработанный к концу новгородской независимости порядок связей с выборгским наместником. Поэтому, как только Швеция вновь стала независимой, возобновилась и старинная система внешнеполитических отношений. Шведы добивались связей Выборга с Новгородом, а на высшем уровне – Стокгольма с Москвой. Для Кремля же прямые связи со страной, рангом «ниже» Империи, казались *бесчестьем*, и на протяжении XVI – начала XVII в. сложившийся порядок сохранялся. Благодаря тому что во время шведского генерального наступления начала 1580-х гг. русским воеводам удалось отстоять Орешек, старая система дипломатических отношений со Швецией устояла[2].

Проблема границы также создавала напряженность между двумя странами. Первое разграничение произошло по Ореховецкому миру

[1] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 5. Послания царя Ивана IV шведскому королю Юхану III 1572 и 1573 гг. Л. 7 об.–8 (о практике заключения государственных договоров Швеции с Новгородом); 16–19 (сведения о порядке дипломатических связей Швеции с Новгородом).

[2] *Жуков А. Ю.* Карелия в русско-шведских отношениях XIV–XVI вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 11-й ежегодной междунар. науч. конф. (1–2 апр. 2009 г.). СПб., 2010. С. 62–75.

1323 г. К XVI в. шведы и финские колонисты перешли пограничную черту на севере, занимая карельские земли в Восточной Приботнии. Россия также нарушила договор в 1495–1497 гг., когда Иван III, с согласия претендовавшего на шведский трон датского короля Ханса, пытался овладеть Выборгом и вернуть России три старинных западнокарельских погоста, уступленных Швеции в 1323 г. Получив Швецию, король Ханс отказался от обещаний, а русские не смогли самостоятельно овладеть Выборгом[1]. После долгих лет опустошений по обе стороны границы в 1510 г. послы от наместника датской короны в Швеции шведа Сванте-Нильссона Стуре заключили в Новгороде перемирие на 60 лет и решили встретиться на Соболине (в Передней Кореле) для проведения новой линии границы. Но в 1513 г. разграничение отложили до 1518 г. И оно также не состоялось, так как русско-датский союзный договор 1516 г. твердо установил «рубежь ведати на обе стороны по старине»[2].

Шведский король Густав I не добился паритета в отношениях и узаконения фактической линии границы. Его послы заключили договор с властями Новгорода в 1537 г., условившись о встрече межевых послов на Соболине в 1547 г. Но шведы изготовили поддельную копию имевшегося у них текста Ореховецкого мира – с ложным описанием пограничной черты в свою пользу[3]. С 1548 г. они возобновили набеги на карельские и ижорские места (получая ответные удары), а на уровне дипломатии Стокгольм прервал отношения с Новгородом, что и выяснила специальная царская комиссия. Противоречия привели в 1554 г. к пограничной войне. В ней слились шведские притязания на карельские земли и на равенство в связях с русским двором с отстаиванием Москвой рубежей 1323 г. и ее от-

---

[1] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 138–144; Алексеев *Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 334–366.

[2] РИБ. СПб., 1897. Т. 16. Русские акты Копенгагенского архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. С. 51–54 (Можайский договор от 8 августа 1516 г.).

[3] Подробнее см.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1909. Ч. 4. Пруссия, Франция и Швеция. С. 116–119 (данные за 1510–1537 гг.); *Киркинен Х.* История Карелии с древнейших времен до Ништадского мира // *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа / Пер. с фин. Петрозаводск, 1998. С. 91–92.

казом уронить честь. Проиграв войну, Швеция заключила в марте 1557 г. очередное перемирие с Новгородом на прежних условиях неравенства в связях и старой границы[1].

Дружественного России короля Эрика XIV (1560–1568 гг.) Иван IV решился было признать *братом* себе (т. е. дать согласие на паритет в связях), но свергнувший Эрика его брат Юхан III поставил на военное решение проблем русско-шведских отношений. Неудачи заставили Кремль в 1583 г. от имени Новгорода заключить со Швецией Плюсское перемирие на два года. Юхан III настаивал на прямых связях, но русский двор отвергал это требование. Когда шведский наместник в Эстонии Понтус Делагарди (по происхождению француз), узнав о смерти Ивана IV (1584 г.), обратился с письмом напрямую к первому (главному) воеводе Новгорода князю В. Ф. Скопину-Шуйскому с вопросами: станут ли русские соблюдать плюсские условия и приедут ли в Стокгольм послы из Москвы, Кремль велел второму (!–sic.) воеводе Новгорода кн. П. С. Лобанову-Ростовскому ответить уничижительно: «Ты пришелец в земле Шведской, старых обычаев государских не ведаешь, как отец государя вашего ссылался с новгородскими наместниками»[2].

Тогда же окончательно определился «вес» Корельского уезда в системе русско-шведских отношений. На переговорах о продлении перемирия на р. Плюссе осенью 1585 г. между русскими послами боярином кн. Ф. Д. Шестуновым и думным дворянином И. П. Татищевым и шведскими К. А. Тоттом и П. Делагарди начался «торг о городах». Москва предложила возвратить ей Ивангород, Ям, Копорье и Корелу за 15 000 рублей, а без Ивангорода – за 6000 (следовательно, Корелу «оценили» в 2000 рублей). Как последний довод, послам разрешалось обещать шведскому королю «братство». Шве-

---

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 111. Л. 60 об.–61; Д. 114. Разрядная книга 1492–1573 гг. XVI в., вторая половина. Л. 8 об.–9 (сведения за 1554 г. о прекращении дипломатических отношений и о начале открытой войны); Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Т. 1. 1556–1568 гг. С. 1–22 (I шведская посольская книга, 1555–1562 гг.). Хейкки Киркинен считает причиной Пограничной войны главным образом споры из-за линии границы (*Киркинен Х.* Указ. соч. С. 91–94).

[2] Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 7. С. 221.

ды отвечали, что города «не яблоки и груши», чтобы их отдавать за деньги, – и тут же запросили 40 000 рублей за возврат Яма и Копорья и в добавок потребовали передать Швеции Орешек с р. Невою. Москва убедилась, что Стокгольм не желает отдавать Корелу, а при власти Швеции над ней уступка еще и Орешка вообще изменит весь порядок русско-шведских отношений. На это русские не пошли. Во время переговоров Делагарди утонул в Плюссе. В Кремле откровенно порадовались его гибели, а своим послам указали: в крайнем случае заключить перемирие «без городов» – только бы не разорвать мир. Так и произошло: послы взяли перемирие на четыре года.

Юхан III упустил возможность получить «братство» без войны. То же повторилось на Плюсских переговорах 1589 г. о новом перемирии. Русские потребовали Нарву, Ивангород, Ям, Копорье и Корелу за «братство», «вечный мир» и 20 000 рублей – шведы отказались. Но Россия успела окрепнуть, и царь через послов заявил королю Юхану: «Если ты начнешь до срока войну [до окончания действующего перемирия. – *А. Ж.*], то кровь будет на тебе, а наши рати против тебя готовы»[1]. Нового перемирия не последовало.

1590-е гг. ознаменовались военными победами России над Швецией. В 1591 г. были возвращены города Ям, Копорье и Ивангород; в 1592 г. пламя войны перекинулось уже на Финляндию. Смерть Юхана III (1592 г.) ввергла Швецию в борьбу за трон между его сыном королем Речи Посполитой и ярым католиком Сигизмундом III Ваза и дядей последнего протестантом герцогом Зюдерманландским Карлом. В отсутствие в стране короля Карл постепенно брал власть в свои руки. Но и Сигизмунд заботился о своем престиже в Швеции. Его послы настаивали на возвращении русскими отвоеванных земель. Москва же с выгодой для себя возбуждала недовольство влиятельных польских панов Рады против короля: аргументом служил лестный для них тезис о большей «чести» Польши по сравнению со Швецией, «чести», которой Сигизмунд пренебрег в угоду шведам[2].

Окончательные переговоры о мире со Швецией при условии передачи ею Корельского уезда под власть России шли с конца 1594

[1] Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 223.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Л. 796–797 об.; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 17–18; *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 231 (о противодействии России Сигизмунду III).

по май 1595 г. Россию представляли специально назначенные из Новгорода воеводы князь Иван Самсонович Туренин и Евстафий Михайлович Пушкин. Шведскими послами были Стен Банер, Еверт Горн и Нильс Йорган Бойе. Поначалу они отказались уступать Корелу, так как шведы построили в ней дорогостоящие укрепления. Ответ был таков: «А вам кто велел чужое брать неправдою и, взявши, еще и укреплять? Чужое, сколько за собой ни держать,… а потом отдавать же с кровью, да и своего прибавить». Затем «многие жестокие слова о Кореле с обеих сторон были» – и шведы уступили[1].

Мирный договор у реки Тесны (Тявзины) был заключен 18 мая 1595 г. По условиям Тявзинского мира Швеция, в частности, обязывалась возвратить России Корельский уезд после работ по проведению новой границы, которая шла теперь по довоенной фактической линии размежевания между Россией и Швецией – в сторону Ледовитого океана на Печенгу; от претензий на русское побережье Мурмана и на Беломорье шведы отказались[2].

Проблема границы решилась, но паритет в отношениях так и не сложился. Работы по маркировке границы и отдаче Корельского уезда русским послам проводились на фоне крестьянского восстания в Финляндии «Дубинной войны» 1596–1597 гг. Финские крестьяне с севера страны расправлялись с ненавистными помещиками-шведами на юге и создали реальную угрозу королевству, отказываясь содержать за свой счет войска[3]. В данных условиях ослабленная шведская сторона стремилась, очевидно, как можно скорее провести разграничение и передать Корельский уезд России, чтобы обезопасить себя от возможных «каверз» с востока. Думается, именно поэтому размежевание с Кольским уездом на

---

[1] Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 230; Разрядная книга 1474–1598 гг. М., 1966. С. 483 (*разряд* 1594 г.).

[2] Тявзинский мир, 1595 г.; 3 списка русско-шведской границы, 1595–1596 гг. // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1840. № 9. С. 342–362, 362–378; История Швеции. М., 1974. С. 168.

[3] *Чистозвонов А. Н.* Народные движения в Западной и Северной Европе // История Европы. М., 1993. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII вв.). Часть четвертая. Народные движения и ранние буржуазные революции. Глава 1. С. 336.

северном участке так и не состоялось, закончившись Ребольским участком границы[1].

В 1597 г. уезд разграничили со Швецией и он снова вернулся под власть России. На этот раз его пребывание в составе страны оказалось коротким. В феврале 1609 г. в Выборге состоялся договор между Шведским королевством и «Новгородским государством», ратифицированный воеводой Новгорода князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским и королем (бывшим герцогом) Карлом IX (1604–1611 гг.). По соглашению Стокгольм обязался предоставить Москве военную помощь для борьбы против Речи Посполитой (врага Швеции) и Лжедмитрия II. В качестве платы Россия передавала Корельский уезд, а его жители эвакуировались в Россию[2].

В литературе распространено убеждение в том, что Корельский уезд окончательно перешел под власть Швеции по Столбовскому миру 1617 г.[3] Между тем ни сам текст этого договора, ни *Статейный список* предложений русских послов на переговорах в Столбово не содержат никаких записей о передаче г. Корелы с уездом как предмете переговоров и соглашения. Так, Статейный список сохранил следующие условия: король поступается Новгородом, Старой Руссой, Порховым, Гдовом, Ладогой с их уездами и Сумерской волостью, а царь – Ивангородом, Ямом, Копорьем, Орешком и их уездами[4]. Текст

---

[1] О том, что граница на самом севере Карелии так и не была установлена, говорит переписка за 1606 г. между Москвой и властями Соловецкого монастыря и Архангельска по поводу просьбы шведского губернатора Оулу закончить, наконец, разграничение (Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собр. и ред. А. М. Гневушев. М., 1914 [Далее – Акты Гневушева]. С. 95–102, 103–104).

[2] Выборгский договор, 1609 г. // *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция… С. 124–127; Акты Гневушева. С. 137–141. Грамота царя Василия Шуйского воеводе Новгорода М. В. Скопину-Шуйскому, не ранее 21 августа 1609 г.

[3] См., например: Очерки истории Карелии. В 2-х кн. Петрозаводск, 1957. Кн. 1. С. 120–122; *Катаяла К.* Переписная книга Тиурольского погоста 1629 г. Предисловие // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1993. III [Далее – ИК, 3]. С. 347.

[4] РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. Ч. 1. Посольский приказ. 1612–1682 гг. Д. 480. Статейный список русских послов на переговорах в Столбово со Швецией в 1617 г. Отрывок, в книге. Л. 1–1 об. Статейный список предложений русских послов на переговорах в Столбове, 1617 г.

мира 1617 г. также строго разграничил статьи об этих взаимных уступках[1] с записью простой констатации законности пребывания Корельского уезда в составе Швеции в силу Выборгского договора 1609 г.[2] – именно там и тогда этот вопрос уже и решился.

Передача Корельского уезда Швеции обусловливалась военной помощью шведов. Союзники – пришедший в марте 1609 г. шведский отряд и войска М. В. Скопина-Шуйского – действительно разгромили часть польских сил, но шведы отказались сражаться далее, когда 27 мая 1609 г. истек срок передачи Корельского уезда под власть Швеции, так ей еще и не отданный[3]. Свержение с престола Василия Шуйского и начало открытой шведской интервенции летом 1610 г. позволили властям и населению уезда отказаться от добровольной сдачи и ухода в Россию. С сентября 1610 г. город Корела осаждался шведами; сотня оставшихся в живых его защитников по соглашению от 2 марта 1611 г. капитулировала на почетных условиях и отправилась в Россию. Основная часть Корельского уезда (кроме северной Ребольской волости) перешла под власть Швеции.

16 июля 1611 г. шведы с помощью измены захватили Новгород. Его власти в условиях оккупации и отсутствия на престоле в Москве законного государя 25 июля 1611 г. подписали договор со шведским командующим Якобом Делагарди. По нему *Новгородское государство*, официальный дипломатический партнер королевства «по старине», на правах автономной провинции входило в состав Швеции, а его территория оставалась в границах на конец XVI в., кроме Корельского уезда и крепости Корелы[4]. Следовательно, Корельский уезд не принадлежал более и «Новгородскому государству». Поэтому на Столбовских переговорах

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1 [Далее – ПСЗ]. С. 179.

[2] ПСЗ. С. 181.

[3] Акты Гневушева. С. 136–141.

[4] Арсеньевские шведские бумаги. I. 1611–1615 / Под ред. М. В. Муравьева // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1911, июль. Вып. 5. [Далее − СНОЛД]. С. 3–11 (2-я пагинация). «Договор Новгородского государства со шведским военачальником Делагарди», 25 июня 1611 г.

Россия и не поднимала вопрос о принадлежности Кексгольмского лена Швеции.

Но Столбовские переговоры и мир решили застарелую проблему паритета в русско-шведских отношениях. Не сумев в 1613–1614 гг. взять Новгород военной силой, Москва вынужденно обратилась к прямым отношениям со Стокгольмом. Такой порядок дипломатических связей между столицами с XVI в. и постепенно утверждался по всей Европе. Вели переговоры в 1617 г. и заключали Столбовский мир со Швецией царские послы окольничий князь Дмитрий Иванович Мезецкий и думный дворянин Алексей Иванович Зюзин[1]. Перед Россией встала важная для нее проблема отвоевания балтийского побережья и возвращения Корельского уезда. Она была решена через столетие, в ходе кровопролитной Северной войны 1700–1721 гг.

§ 4.3. Заонежские погосты

В 1478 г. вместе со всей Новгородской землей Обонежская Карелия стала частью объединявшейся России. Не имея города на своей территории, она вошла в Новгородский уезд. В качестве довольно устойчивой территориальной общности северное Обонежье и Присвирье составили Заонежские погосты. С 1495/96 г. Заонежские погосты были интегрированы в Обонежскую пятину. Далее, во время губной реформы, с конца 1530-х гг. пятина разделилась на Нагорную и Заонежскую половины; в последнюю вошли 18 Заонежских погостов и Дмитриевский погост в Сотцких, на время вошедший в Оштинский стан[2]. С 1554 г. в рамках реформы фиска Заонежская половина стала фискальным округом, а в 1550–1560-х гг. в этой полу-

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 37. Сборная рукопись. XVIII в. Л. 46–48 об. (*разряд* неудавшегося похода на Новгород, 1613–1614 гг.); ПОИ. М., 1984. Вып. 3. Ч. 2. С. 302 (разрядная запись за 1617 г.); ПСЗ. С. 178.

[2] «А се погосты, которые Оштинскому волостелю приданы пятном и душегубством, а корм с них не писан, а иман с них корм по грамоте по указу» («7064 г. Платежная книга Ладожского наместничества Обонежской пятины и Оштинского стана» // Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2. Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К. В. Баранов. СПб., 1999 [Далее – ПКНЗ, 2]. С. 45. См. также: Там же. С. 156–180, 181).

пятине прошла земская реформа местного управления и самоуправления.

Административно-хозяйственные наработки новгородских времен проявились очень скоро, при районировании северного Обонежья, т. е. при создании в них сельских районов *станов* во главе с волостелями. (Напомним, в соседней Корельской земле станы существовали уже при власти Великого Новгорода.) Первые заонежские станы создавались с помощью переписи Юрия Константиновича Сабурова 1496 г.[1] Но обонежские писцовые книги 1496 и 1563 гг. не обозначили их числа и территории. В историографии данный вопрос долго оставался открытым. М. М. Богословский по источникам XVII в. находил здесь четыре стана: Олонецкий, Оштинский, Выгозерский и Водлозерский. Соглашаясь с ним, Н. Е. Носов заявил о наследовании этой системы из первой половины XVI в., когда по станам-*присудам* сидели волостели, но сам отыскал сведения только о трех тогдашних станах (на Выгозере, Водлозере и в Оште); он же предположил, что Выгозерский стан включал лишь Выгозерский погост[2].

Со своей стороны, нам удалось на материале XVI – первой трети XVII в. нарисовать следующую картину внутреннего деления Заонежья: Выгозерский стан поначалу состоял из Выгозерского, Шунгского, Толвуйского и Челмужского погостов; Водлозерский стан XVII в. в 1550 г. делился на Пудожский стан (Пудожский и Шальский погосты) и Водлозерский стан с погостами Водлозерским и Андомским;

---

[1] Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г. // Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г.; Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г.: Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1 [Далее − ПК 1496 г.]. Выписки из Писцовой книги Сабурова см. также: Писцовые книги Новгородской земли. СПб., 1999. Т. 1. Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и описные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К. В. Баранов [Далее − ПКНЗ, 1]. С. 240–308. 7004 (1495/96) г. – Писцовая книга Обонежской пятины письма Юрия Константиновича Сабурова (отрывок).

[2] *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 31, 38, 40; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 484, 498–501; *Он же.* Земская реформа на Русском Севере в XVI в. (об отмене кормлений и введении земских учреждений) // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967. С. 134–136.

в Оштинский стан вошли Вытегорский, Мегорский, Оштинский, Остречинский, Важинский и Веницкий погосты, а погосты в Ярославичах, состоявший из поместий, и Пиркинский, с землями Дома св. Софии, в стан не входили. Восточная часть Олонецкого погоста (запад его был *за владыкою*), а также Шуйский и Кижский погосты разделялись между новгородскими «филиалами» столичных дворцовых ведомств Дворца и Конюшенного пути[1]. Недавно опубликованные Платежная книга Ладожского наместничества Обонежской пятины и Оштинского стана 1555/56 г., Сметный список Обонежской пятины 1573/74 г. и Сметный список Оштинского стана 1576/77 г.[2] частично корректируют обрисованную карту разделения на станы и помогают окончательно разрешить сам вопрос.

Начнем с Выгозерского стана. Новые источники полностью подтверждают указанный нами состав стана на 1570-е гг. (Выгозерский, Шунгский, Толвуйский и Челмужский погосты)[3]. Затем, в 1592 г., беломорские волости Выгозерского погоста были отданы в вотчинный округ Соловецкого монастыря, и в составе этого погоста осталась одна Выгозерская волость. Платежные книги 1628–1631 гг. известили, что тогда из стана вышел Шунгский погост: его приписали к Олонецкому стану, а до этого, с 1613/14 по 1628/29 гг., весь погост являлся вотчиной Тихвинского Богородицкого монастыря[4].

Не просто обстоят дела и с Водлозерским станом. *Сметный список* 1573/74 г. указал в стане все четыре погоста: Водлозерский,

---

[1] ИК. С. 101–102.

[2] ПКНЗ, 2. С. 21–51 (1555/56 г. – 7064 г. Платежная книга Ладожского наместничества Обонежской пятины и Оштинского стана (отрывки)); 156–180 (1573/74 г. – 7082 г. Сметный список Обонежской пятины (отрывок)); 181 (1576/77 г. – 7085 г. Сметный список Оштинского стана (отрывок)).

[3] ПКНЗ, 2. С. 171–175.

[4] Сведения о Выгозерском стане за XVI – первую треть XVII в. см.: РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. 1495–1718 г. Новгород. Д. 17. Платежная книга данных и оброчных денег с Заонежских погостов Новгородского уезда, «письма и меры» кн. И. М. Долгорукова и подьячего Постника Ракова. 1628–1629, 1631/32 гг. Л. 63 об., 66, 68 (Данные «Книг платежных Ноугородцкого уезда государевых царевых и великого князя Михаила Федоровича всея Русии половины Заонежских погостов письма и меры Никиты Федоровича Панина да подьячего Семена Копылова 136-го и 137-го году». Не ранее 1631 г., 12 декабря; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8551. Л. 97–159 об.; Акты Юшкова. С. 121–122; Материалы. С. 163; РИБ. Т. 2. Стб. 353–358.

Андомский, Пудожский и Шальский[1]. В то же время жалованная грамота Палеостровскому монастырю 1550 г. прямо говорит о волостеле пудожском, который контролировал среднюю и нижнюю Водлу. Поэтому ранее мы сделали вывод о том, что к середине XVI в. стан делился на два волостельства, Водлозерское и Пудожское, но с отменой кормлений все четыре погоста объединились в единый Водлозерский стан[2]. Данный вывод совершенно не противоречит всем известным ныне источникам, в том числе и *Смете* 1573/74 г.

Оштинский стан, судя по новым источникам, включал не только отмеченные нами Вытегорский, Мегорский, Оштинский, Остречинский, Важинский и Веницкий погосты[3], но все же и Пиркинский погост и, что особенно неожиданно, Дмитриевский погост в Сотских[4] (не проходящий ни по одной из ранних публикаций переписей Заонежских погостов). Впрочем, перепись 1610-х гг. и Платежницы 1628–1631 гг. не включали Соцкий и Пиркинский погосты в состав дворцового Оштинского стана[5]. Видимо, там они находились до реформы 1584/85 г., образовавшей заонежский дворцовый округ.

Большой интерес вызывает вопрос о времени создания этих трех станов-волостельств. Сохранившиеся фрагменты переписи 1496 г.

---

[1] ПКНЗ, 2. С. 176–178.

[2] Материалы. С. 162–164; ИК. С. 101–102. О Водлозерском стане см.: РГАДА. Ф. 137. Новгород. Д. 17. 1631/32 г. Л. 3 об.–12 об. (Данные «Книг платежных государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всея Русии Заонежским погостом Водлозерского и Оштинского станов – сколко в котором погосте по писму и мере князя Ивана Михайловича Долгорукова да подьячего Посника Ракова живущих и наезжие пашни, которая осталась за живущими вытми, оброчных вытей и сколко в тех живущих и оброчных вытях добрые и середние и худые земли сошного писма, и сколко с тех живущих вытей данных, а с переходные пашни и з бобыльских дворов и с лавок и с анбаров и с кузниц и з домниц и с мельниц и с рыбных ловель оброшных денег и пошлин и с отводу оброшных же и пошлинных денег и сколько в котором погосте пустых вытей». Не ранее 1631 г., 12 декабря; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 921–922 об.; *Лихачев Н. П., Мятлев Н. В.* Тысячная книга 7059–1550 года. Орел, 1911. С. 79. № 127.

[3] ИК. С. 102.

[4] ПКНЗ, 2. С. 45–51, 179–180, 181.

[5] Оштинский стан первой трети XVII в. отразили источники: РГАДА. Ф. 137. Новгород. Д. 17. Л. 13–33 об.; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8551. Л. 367–388 об.; Д. 8554. Л. 422–919.

содержат неполное описание Шунгского, Вытегорского, Оштинского, Веницкого погостов и выписки о Толвуйском и Челмужском погостах северного Обонежья[1]. Их исследовательница И. Л. Перельман писала о выплатах *корма* местным волостелям с оброчных деревень Шунгского погоста и двух вытегорских боярщин уже со времен составления предыдущего *старого письма*[2], что как бы указывает на утверждение власти волостелей тут еще до 1496 г.

Позволим себе не согласиться с выводами И. Л. Перельман. Напомним, что в части подсчета платежей с боярщин перепись 1496 г. охватила три временных отрезка: 1) до составления «старого письма», когда вотчины еще принадлежали новгородским боярам; 2) от «старого письма», закрепившего их конфискацию, до 1496 г., и 3) 1496 г. – фиксацию писцом новых порядков и выплат. В первый период взимался *старый доход* в пользу владельцев и их управляющих на местах, во второй – произошла замена на *оброк за старый доход* в казну великого князя, а с боярщин в Шунгском и Вытегорском погостах – прибавились выплаты *за волостелин корм*, но не сам «волостелин корм», как писала об этом И. Л. Перельман. Тогда же с двух боярщин в Пелтушском и Койгушском погостах на юге Обонежья брались оброк в казну и *корм* волостелю. Иными словами, в близких к Новгороду Пелтушах и Койгушах волостели утвердились до 1496 г. Наконец, в 1496 г. писец Ю. К. Сабуров единообразно записал черносошное Обонежье в оброк и волостелин корм[3]. В 1496 г. и возникли станы-волостельства в Заонежских погостах.

Ранее мы полагали, что Олонецкий стан образовался только при дворцовой реформе 1584/85 г. в составе Олонецкого, Шуйского и Кижского погостов, так как местные деревни в первой половине и второй трети XVI в. принадлежали Дворцу и Конюшенному пути; с 1628/29 г. в стан вошел Шунгский погост[4]. Но вновь опубликованный *Сметный список* 1573/74 г. отметил Олонецкий присуд с тремя

---

[1] ПК 1496 г. С. 1–56; ПКНЗ, 1. С. 304.

[2] *Перельман И. Л.* Новгородская деревня в XV–XVI вв. // Исторические записки. М., 1984. Т. 26. С. 156.

[3] ПК 1496 г. С. 5–7, 9, 11–14, 16, 27, 36, 38–40, 44, 52.

[4] РГАДА. Ф. 137. Новгород. Д. 17. Л. 56 об.–65 об.; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 921–922 об.; ИК. С. 102.

первыми погостами[1]. В нем зафиксирован, конечно, обычный *откуп за волостелины доходы,* т. е. налог, взимавшийся при переходе на местах к земскому суду независимо от того, отменялся ли пост волостеля или данного управленца вообще на этой территории не существовало. К новому Олонецкому стану применим именно последний случай. К 1573/74 г. стан уже существовал на правах самоуправления, т. е. с судом выборных судей. Данное положение доказывают отметки *Сметы* 1573/74 г. о податях с «земецких судимых сох», которые были назначены взамен прежних сборов с крестьян в пользу новгородских конюшенного («за присуд конюшего новгородцкого») и дворецкого (со 100 обжей «откупу ж за дворецкого и его пошлинных людей»)[2]. Другими словами, государев Олонецкий стан существовал уже в середине XVI в., но управлялся не кормленщиком, а приказными властями Новгорода.

Приведенный материал меняет сложившийся взгляд на стан первой половины XVI в. только как на сельское кормление волостеля. Оказывается, стан – просто единица территориального деления. Она могла и разделяться на два отдельных волостельства, и управляться не только традиционными волостелями-кормленщиками, но и представителями другой, новой приказной системы централизованной власти, например, конюшими и дворцовыми приказчиками. Заонежские станы являют пример того, как в России в середине XVI в. изменялся характер управления при сохранении сложившейся территориальной структуры, оказавшейся приспособленной к реформам.

И еще. Четыре стана в Заонежских погостах напоминают прежнее «неофициальное» районирование времен Великого Новгорода. Конечно, полного соответствия нет. Состав погостов станов не всегда совпадает с вотчинным районированием северного Обонежья. Но обнаруживается принципиальное сходство. В обоих случаях группирование погостов следует двум важнейшим обстоятельствам. Первое заключалось в географических особенностях территории − наличии водно-волоковых путей. А второе вытекало из характера первичного крестьянского освоения края. В первую очередь осваивались земли вдоль этих природных путей, там возникали очаги заселенности, складывались самоуправляющиеся крестьянские

[1] ПКНЗ, 2. С. 172–173.

[2] Там же.

общины. И Великий Новгород, и вслед за ним Москва административно осваивали это пространство так, что и вотчины, и станы поневоле группировались вдоль указанных доходных водно-волоковых путей с наиболее заселенными берегами. Просто при власти боярской республики районирование шло путем вотчинной колонизации, а в московский период − через новую административно-территориальную уездно-становую структуру.

Поскольку в северном Обонежье насчитывалось четыре водноволоковых системы (Посвирье и южный берег Онежского озера с выходом в Верхнее Поволжье; бассейн Водлы с Кенским волоком − путь на р. Онегу и в Подвинье; Выгозерье и беломорские реки Поморского берега; трасса по р. Шуе с ее притоками и олонецким выходами на нее), то и при районировании выделилось четыре района. Немного обособленно в этой картине выглядят погосты Заонежского полуострова, который расположен посередине стержневой трассы с Ладоги на Белое море. Видимо, именно поэтому его погосты разделялись между Олонецким и Выгозерским станами и даже переходили из одного стана в другой.

Особенно интересным в этой связи представляется выделение Онежско-Ладожского межозерья (Олонецкий, Шуйский и Кижский погосты) в отдельную территориальную общность. На нее распространялся самый передовой по тем временам приказной способ администрирования. Данный район действительно отличался от остальных трех начинавшимся активным процессом этногенеза карелов ливвиков и людиков. Он брал начало в многолюдной миграции карелов из Корельской земли через Салми на восток.

Именно на ближайших к Корельскому уезду олонецких и сямозерских землях активно начинался этногенез ливвиков из местного старовепсского населения и подселявшихся карелов[1]. На западе олонецкие земли граничили с «волостью за владыкою на Соломяне», т. е. с землями Дома св. Софии, которые занимали районы Салми и Суоярви. Новгородские владыки, нуждаясь в притоке рабочих рук, воспользовались миграцией карелов из приграничья и заселяли

[1] Современные карелы-ливвики отличают себя от собственно карелов и даже теперь иногда говорят: «Мы ливвики, а они – карелы» (См.: Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. С. 188. Статья **livgilaine**).

ими свои кормленые земли по обе стороны административной границы. Перепись 1500 г., напомним, доказывает данное утверждение на материале Соломенского погоста. И анализ заонежских писцовых книг 1563, 1610-х и 1646/47 гг. однозначно говорит о бурном притоке карельских беженцев в софийскую половину Олонецкого погоста. Темп создания тут новых приходов, за которыми стояли новые общины формировавшихся ливвиков, в два раза опережал аналогичный процесс на востоке погоста[1].

Восточная половина Олонецкого погоста составляла Рождественский приход и погост, после 1478 г. она вошла в «волость князя великого». Но территориальная целостность земель древних вепсов на Олонце и на Сямозере безусловно поддерживалась московскими переписями: весь Олонецкий погост описывался единым подразделением Заонежских погостов. И когда на рубеже XVI–XVII вв. произошло выделение государственных земель Сямозерья в самостоятельную *волостку-выставку* в рамкам местного самоуправления, она и в 1615–1617 гг. оставалась «того же Олонецкого погоста выставкой»[2]. Кстати, это выделение случилось только после того, как черносошные крестьяне восточного Сямозерья поставили тут собственную церковь Успения Богородицы[3]. Церковь эта уже к 1563 г. имела статус выставки. Составители «Словаря русского языка XI–XVII вв.» выставкой называют церковь или монастырь, устроенные отдельно от главного прихода, монастыря[4]. Отметим также такое немаловажное обстоятельство, как первоначальную «бесплатность» выставки. В ответе бывшего митрополита Иоасафа Стоглавому Собору, в главе 100 записано: «О антимисех молвлено. С большей церкви пол полтины, с теплыя церкви и с предела пять алтын, а с выставки не

[1] Национальная библиотека Республики Карелии. Отдел редкой книги. № 337755. Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины Олонецкого Рождественского погоста, 1646/47 г. Л. 1–84; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 164–242 об. (сведения за 1610-е гг.); ПК 1563 г. С. 114, 118 (данные на 1563 г.); *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие в Карелии (XV – первая треть XX вв.). М., 1999. С. 59–60 (сравнительный анализ переписей 1610-х гг. и 1646/47−1647/48 гг. и выводы автора).

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 72–93.

[3] ПК 1563 г. С. 57.

[4] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 258.

молвлено, таже бы пять алтын имать»[1], т. е. пошлина с владычного разрешения на службу в выставочной церкви пошла только по решению Стоглава 1551 г. И другое обстоятельство. Успенская церковь на Сямозере стала центром консолидации не только местного прихода, но и будущей Сямозерской волостки-выставки. Очевидно, в разных районах, даже микрорайонах (на Сямозере) скорость этногенеза и этнические предпочтения отличались, что приводило к приходскому и административному обособлению.

Размежевание в 1617/18 г. пережил и соседний с Олонцом Важинский погост. Его северная волостка Святозеро с выставочной церковью во имя св. Николая стала *выставкой*, отделенной в самоуправлении от Важин (центра погоста) на Свири[2]. А ранее, между 1607 и 1610 гг., статус объединенной Шимозерской волостки-выставки получили Шимозерские волостки на юге Оштинского погоста (по грамоте царя Василия Шуйского); уже со времен Великого Новгорода данные волостки объединяла в один приход выставочная Георгиевская церковь[3].

Непосредственным поводом для создания всех трех образований на Сямозере, Святозере и Шимозере явились жалобы общин на несправедливую раскладку податей властями самоуправления их погостов. Повсеместно, однако, действующий законный порядок самоуправления отдавал львиную долю полномочий в руки выборных властей из центра погоста, а дальние волости существовали в крае повсюду. Поэтому и конфликтные ситуации между центром и окраинами погостов также были широко распространены. Но в XVI–XVII вв. ни одна из многочисленных окраинных волостей с выставочными церквами не получила таких широких прав самоуправления, независимого от центральных властей своих погостов,

[1] Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 374.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 906–914 (Святозерская выставка). Даже перепись 1582/83 г., не склонная выделять общинное разграничение поселений на однотипных землях внутри погостов, отметила деревни Святозерской волости единой обособленной группой – отдельно от остальных селений Важинского погоста (ИК, 3. С. 278–296).

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 670–701 об. (Шимозерские волостки).

как Сямозеро, Святозеро и Шимозеро[1]. Как мы уже показали, в основе церковного, затем административного обособления Сямозерья лежала этнодемографическая подоплека. Та же причина проявилась на Святозере и в Шимозерье.

Центром формирования карелов-людиков стал Шуйский погост. Земли, по которым на Шую приходили карелы (более карелизированные сямозерские земли, менее – святозерские), получили статус выставок. Самые северные деревни складывавшейся этнической группы карелов-людиков стояли бок о бок с селениями Кижского погоста. Этот район Прионежья назывался *Успенской выставкой в Кондопоге* и входил в Шуйский погост. Сюда, к устью Суны, шуяне добрались раньше кижан, уже в XV в. тут находилась церковь Успения пресв. Богородицы, выставочная от церкви св. Николая Шуйского погоста. Кижане же и к 1620-м гг. не поставили в Кондопоге своей церкви[2], поэтому вместе со здешними шуянами они составляли Успенский приход.

Материалы переписей, данные лингвистики и топонимики относят западную часть Кижского погоста к ареалу формирования людиков. Так, в начале XX в. на юге Заонежского полуострова (в бывшем Кижском погосте) В. И. Срезневский отыскал фрагмент заклинания, написанный скорописью первой половины XVII в. Он посчитал, что запись сделана по-вепсски. Но тщательный анализ языковедов М. М. Хямяляйнен, М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен показал, что текст сохранил пример исчезнувшего ныне говора, промежуточного между собственно вепсским языком и людиковским диалектом карельского языка[3].

Топонимисты зафиксировали на западе Заонежского полуострова (в бывшем Кижском погосте) названия, имеющие одновременно вепсскую и людиковскую основы: Габостров, Кортехнаволок, Илень-

---

[1] *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 59–60.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 184 об.–242 (данные на 1610-е гг.); ПК 1563 г. С. 114, 118, 130 (сведения за XV–XVI вв.); *Жуков А. Ю.* Успенская выставка в Кондопоге. XV–XVI века // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений, посвященных памяти С. В. Шежемского (7–8 апреля 2000 г.). Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 54–59.

[3] *Пименов В. В.* Вепсы. С. 85–86, 191–195.

губа и др.[1] Мы уже говорили об эвакуации карелов в кижское Заонежье в первую шведскую интервенцию конца XVI в. С завоевания Корельского уезда Швецией в 1611 г. бегство карелов на восток только усилилось. Уже в 1627/28 г. новгородские власти выявили в российской части Карелии десятки крестьян с семьями, убежавших из Кексгольмского лена[2]. В 1635 г. на Заонежье как на один из районов миграции карелов указал шведский комендант Кексгольма, приславший в Новгород список с именами нескольких тысяч беглецов из лена[3].

Южный берег Онежского озера и Свирь с XIV в. активно обживало русское крестьянство, ассимилировавшее местную весь. Проживая в стороне от потока русской миграции, шимозерские вепсы не подверглись обрусению. Будучи иноязычной общностью под управлением русских старост Оштинского погоста, но составляя уже в 1496 г. отдельный от Никольского на Оште приход св. Георгия на Шимозере[4], они в начале XVII в. испросили у царя право на собственное самоуправление в виде волостки-выставки. Сама эта выставка распадалась на погост-место и 4 волостки[5]. Другая группа вепсов проживала по соседству, в Веницком погосте на Ояти. Как и в случае с Шимозерьем, их земли состояли из погоста-места и 13 волосток, составлявших территории отдельных вепсских общин[6].

---

[1] Деревня Кокорино на Уницкой губе // Научная картотека топонимов Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

[2] 1629 г., ранее 30 июня. Донесение новгородских воевод боярина кн. Дмитрия Михайловича Пожарского и Моисея Федоровича Глебова о перебежчиках и о крестьянах Ребольского погоста, которые «перебежчиков приимают и от сыщиков отбиваются и чинятца сильны»; приложение – Список перебежчиков в российскую Карелию по сыску Ивана Ушакова и подьячего Богдана Воломского 1627/28 г. (РГАДА. Ф. 96. Оп. 1/1629. Д. 1. «1629 г., генварь–декабрь. Отписки новгородских и других с шведами пограничных городов воевод и отписки к ним государевых грамот о разных пограничных делах». Ч. 1–2. Л. 356–358, 366–380).

[3] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 18. О беглых латышах и возвращенных из шведских пределов разных русских. О русских и шведских беглых и об исправлении рубежных меж на шведской границе. 1600–1651. Л. 428–550. Список коменданта Кексгольма, русский перевод от 23 октября 1635 г.

[4] ПК 1496 г. С. 29.

[5] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 671–701 об.

[6] Там же. Л. 716–782 об.

Наконец, северные вепсы селились к северу от истоков Свири: в Ладве, по рекам Шокше, Гимреке и Рыбреке, у Шелтозера. Перепись 1582/83 г. отметила в составе Остречинского погоста черносошную Шокшинскую волостку с церквами св. Николая в Шокше и Успения Богородицы в Ладве и Шелтозерскую вотчину Росткина девичья монастыря из Новгорода, с церковью св. Георгия. Две последние приходские церкви являлись выставочными от главной Рождественской церкви Остречинского погоста (данные на 1543 г.). Обособление же оштинских общин вепсов на Рыбреке и Гимреке произошло еще во времена Великого Новгорода, в виде вотчин Спасо-Хутынского и Антоньева монастырей[1]. Выставочной была и новая к 1543 г. Георгиевская церковь в Юсковичах. Сам древневепсский погост «в Юсколе» известен еще по приписке конца 1250-х гг. *А се Обонезьскыи ряд* к Уставу 1136/37 г. Святослава Ольговича; в жалованной же грамоте архиепископа Феодосия выставочная церковь выступает центром Юсковской волостки[2]. Административная, владельческая и приходская обособленность, а значит, и местное самоуправление, в XIII–XVII вв. и в дальнейшем способствовала сохранению этнических групп оятско-присвирских, шимозерских и северных шелтозерских вепсов, их культуры.

И в целом Заонежские погосты, как уже отмечалось, не отличались поначалу внутренним территориальным единством, ибо были разделены на станы. Безусловно, и отсутствие в округе города как центра управления, и расселение основной части жителей вдоль различных водно-волоковых путей, и их этническая неоднородность − все это долгое время мешало настоящему объединению Заонежских погостов в рамках одной унифицированной областной структуры. Более того, в конце 1560-х − начале 1570-х гг. их административно-территориальное устройство подверглось испытаниям опричнины.

---

[1] ПК 1496 г. С. 36–38 (данные на 1496 г.); ИК, 3. С. 119, 120, 129 (сведения за 1582/83 г.); Материалы. С. 148–149 (жалованная грамота новгородского архиепископа Феодосия выставочным остречинским церквам, 1543 г.).

[2] Древнерусские княжеские уставы XI−XV вв. М., 1976. С. 147–148; Материалы. С. 148–149.

На Севере царь Иван Грозный взял в опричнину прежде всего богатую промыслами Двинскую землю, Вологду, Каргополь, а в Заонежских погостах – волость Ошту[1]. В 1568 г. к опричному Каргопольскому уезду приписали примыкавшие к нему земли восточной половины Водлозерского погоста вместе с Кенским волоком[2]. В 1570 г. царь подверг Новгород опричному разгрому, а кроме того, распорядился взять в опричнину восточную Торговую сторону города и все восточные области Новгородского уезда, в том числе Заонежские погосты[3]. Софийская сторона Новгорода с западной половиной Новгородской земли, с Корельским уездом и Лопскими погостами в Опричный удел не попали, оставшись в Земщине. Впрочем, уже в 1572 г. царь Иван IV упразднил опричнину, и Заонежские погосты вернулись к прежнему порядку управления. Но восток Водлозерья (Водлозерская волость) так и остался за Каргополем.

Земское положение Заонежских погостов не изменилось в 1575 г., когда произошло «второе издание» опричнины: царь вновь создал личный Дворовой удел. В него, как и ранее, вошли Двинская земля и Вологда. Но, судя по материалам тех лет, обонежские помещики, взятые в дворовое войско после повсеместного «перебора людишек», должны были оставлять свои поместья в пятине и перебираться со всем своим движимым имуществом в дворовой Порховский уезд, где им доставались поместья изгоняемых в Земщину местных помещиков[4]. Данное обстоятельство уместно подчеркнуть, так как многие обонежские поместья в южном Присвирье и по южному берегу Онега были упразднe-

[1] Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. М., 1965. Т. XXIX. С. 344.

[2] РГАДА. Ф. 137. Каргополь. Д. 1. Л. 292–297. *Сотная* Водлозерской волости Каргопольского уезда, 1568 г.; Сотная на Водлозерскую волость письма и меры данного старосты Микулы Григорьевича Тяполкова 1568/69 года // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 3. Вологда, 1972. С. 480–483; *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 54; *Жуков А. Ю.* Водлозерская волость Каргопольского уезда: середина XVI – первая треть XVIII века // Ильинский Водлозерский погост. Материалы науч. конф. «Водлозерские чтения: Ильинский погост» (6–10 авг. 2007 г.). Петрозаводск, 2009. С. 153–160 (статья), 3–9 (приложение).

[3] Новгородская II (Архивская) летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XXX. С. 158.

[4] *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 2003. С. 312.

ны и перепись 1582 г. зафиксировала их деревни в составе черносошных волостей Заонежских погостов[1].

Долговременные перемены принес только 1584/85 г. Тогда местные оброчные черносошные и олонецкие дворцовые земли впервые объединились в единый округ дворцовых Заонежских погостов. Округ просуществовал вплоть до учреждения Олонецкого уезда в 1649 г. Впервые погосты обрели и общий центр управления на своей территории – селение Ошту. Туда Москва назначала особого дворцового приказчика. Но сам дворцовый округ остался в составе Новгородского уезда, власти которого контролировали приказчика и самоуправление крестьянских общин[2]. Впервые же местное самоуправление оказалось объединенным в пределах одного дворцового округа. Это объединение четко зафиксировала царская грамота Соловецкому монастырю 1591 г.: в ней опять же впервые жители Заонежских погостов названы *заонежцами* − в одном ряду с поморцами, каргопольцами, двинянами и новгородцами, т. е. по административно-территориальному признаку[3].

Кремль отличал понятие *территориальная общность* от административно-территориального образования, поэтому на практике иногда их границы частично не совпадали. Так, из переписи 1610-х гг. следует, что западная половина Водлозерского погоста, оставаясь в числе территориальной общности Заонежских погостов, первоначально не вошла в административное образование *дворцовый округ*. Писцам в 1610-х гг. *приправочной*, т. е. справочной, книгой при описании всех погостов, кроме Водлозерского, служила писцовая книга Леонтия Аксакова и Афанасия Жеребятичева 1584/85 г., которой и организовывался дворовой округ. И лишь при фиксации Водлозерского погоста Петр Воейков использовал в качестве приправочной перепись Андрея Плещеева 1582/83 г. Видимо, Водлозерский погост попал в дворцовый округ между 1584/85 и 1598 гг., так как писец Во-

[1] Сравни данные по Пиркинскому, Важинскому и Мегорскому погостам за 1563 и 1582 гг.: ПК 1563 г. С. 77–78, 84–85, 100–103, 218–221; ИК, 3. С. 74–77, 88–105, 279–297.

[2] РИБ. Т. 35. С. 7–9; ДАИ. С. 294–299 (*наказы* дворцовым приказчикам, 1598–1605, 1612 гг.).

[3] Материалы. С. 316 (грамота царя Федора Ивановича Соловецкому монастырю, 1591 г.).

ейков отметил, что по указу царя Федора Ивановича (1584–1598 гг.) с погоста шел такой же денежный налог за хлеб, как и со всех остальных дворцовых Заонежских погостов[1]. Следовательно, именно в этот отрезок времени Москва включила западное Водлозерье в дворцовый округ Заонежских погостов.

И. А. Чернякова предположила, что причиной проведения дворцовой реформы явилась выгода для Дворца налаживания крупномасштабного хозяйства на этих новых домениальных землях, с 1580-х гг. уже активно восстанавливавшихся экономически – на фоне ужасающего опустошения коренных новгородских земель[2]. Но встает вопрос: почему Заонежские погосты остались в Новгородском уезде, под бдительным надзором его воевод и дьяков? Иными словами, какую цель преследовало русское правительство?

По условиям Плюсского перемирия 1583 г. весь Новгородский уезд оказался приграничным. В системе же приоритетов русской внешней политики конца XVI в. возврат потерянных в Балтийском регионе позиций стал одной из главных задач России. Восстановление Кремлем в 1590-х гг. суверенитета над северо-западными уездами опиралось на военный потенциал Новгородской земли. Но серьезно укрепить его в условиях катастрофичного хозяйственного упадка Новгородчины можно было только привлекая дополнительные средства. Необходимые ресурсы правительство и нашло в менее разоренных Заонежских погостах. Конечно, мы не сомневаемся в очевидном факте выгоды для Престола налаживания в Заонежье крупного доходного хозяйства. И все же главный интерес Москвы был не меркантильный, а политический фискально-военный: основной и конкретной целью дворцовой реформы являлось надежное материальное обеспечение Новгорода – стратегически важного и главного центра управления и обороны.

Дело в том, что система фиска в дворцовом округе резко отличалась от принятого на дворцовых землях порядка. Обычно дворцовые крестьяне снабжали Двор и ружные монастыри и церкви

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 263–277.

[2] *Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 72–73.

продуктами, но не выплачивали ямских денег[1]. Фискальные же материалы по дворцовому Заонежскому округу называли его земли *черными*, так как с дворцовых крестьян собирались черносошные по структуре налоги *четвертные доходы* и *ямские деньги*, приспособленные для обеспечения военных, властей и обслуживания коммуникаций. Подати с дворцовых Заонежских погостов сосредоточивались именно в Новгороде, в приказных *Большом приходе* и *Ямском столе* (а не в Москве) и шли на содержание его администрации и гарнизона «без остатка». Здесь всю эту сложную работу вел опытный дворцовый приказчик под постоянным присмотром воевод и дьяков Новгорода – главных властей уезда[2]. Налоги же с обеленных вотчин монастырей и с поместий Заонежья продолжали распределять между Москвой и Новгородом[3]. Впрочем, если какие-либо земли обители располагались в пределах необеленных дворцовых территорий, как, например, у Петропавловского монастыря в Соломенном, то подати с них выплачивались в Новгород «во Дворец»[4].

После заключения шведско-новгородского договора 1611 г. Заонежские погосты оказались в составе «Новгородского государства», формально – автономной провинции Швеции, фактически – оккупированной ею области[5]. В отличие от Новгорода, все Заонежские погосты вышли из-под руки шведской короны уже в 1614 г. Еще летом 1612 г. шведские и новгородские отряды тут силой собирали налоги за 1611–1612 гг., а власти Новгорода по

---

[1] Структуру обычных платежей с дворцовых земель определил С. Б. Веселовский (*Веселовский С. Б.* Сошное письмо. М., 1915. Т. 1. С. 447).

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 103 об., 136–138 об.; Ф. 159. Оп. 3. Ч. 1. Новгородская четверть. 1612–1681 гг. Д. 93. Дело об учреждении в Новгородском уезде ямских слобод и ямов, комплектовании их ямщиками и выдаче последним жалования. Л. 1–8. Роспись сбора ямских подможных денег в Новгородском уезде в 1630–1632 гг.; Сметный список новгородских четвертных денежных доходов на 1620/21 и 1621/22 гг. // ПОИ. М., 1984. Вып. 3. Ч. 2. С. 176–239.

[3] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 19. 1601–1602 гг. О сборе податей и оброка с Новгорода и Новгородского уезда. Л. 29–30. «Роспись Заонежским и Оштинского стана погостом митрополичьих, монастырских и детей боярских вотчин и поместий ямским охотникам на прогоны».

[4] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 103 об. (данные за 1610-е гг.)

[5] СНОЛД. С. 3–11.

просьбе части жителей направили в Ошту приказчика Н. Е. Вельяшова[1], но военная ситуация на Севере с 1613 г. и постепенно оборачивалась в пользу Москвы.

Освободив в октябре 1612 г. русскую столицу от поляков, вожди Второго земского ополчения продолжили энергичную борьбу со шведскими и польско-литовскими интервентами[2]. На Тихвин, важную крепость на пути из Новгорода в дворцовые Заонежские погосты и на Двину, жители которого признали царем Михаила Романова, были посланы воеводами князь Семен Васильевич Прозоровский и Леонтий Андреевич Вельяминов, отстоявшие его в осаде от шведов. С конца 1613 г. и в 1614 г. на этом посту их сменили воеводы стольник Федор Кириллович Плещеев и Василий Федорович Неплюев. Последний, вместе с Иваном Ивановичем Баклановским, воеводствовал тут в 1614/15 г.[3]

Уже осенью 1613 г. Москва направила в Заонежские погосты отряд воеводы Богдана Чулкова; под его руководством строились Шунгский и Шуйский остроги. Стремясь перехватить инициативу на севере и преследуя цель захватить Беломорье, шведский командующий Якоб Делагарди в том же 1613 г. нанял большой отряд малороссийских казаков-черкас полковника Барыша Польца (Барышпольца). Черкасы, пройдя разрушительным рейдом по востоку Заонежского округа и Каргополью к Холмогорам, но не сумев взять их, повернули к Сумскому острогу, где также потерпели неудачу. Отойдя на Заонежский полуостров, там они соединились с пришедшим из Кексгольма шведским отрядом Ханса

[1] ДАИ. С. 285–286 (*отписка* каргопольцев шведам, 1612 г.), 294–299 (*наказ* приказчику, 1612 г.).

[2] *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 104; *Замятин Г. А.* «К Российскому царствию пристоят». Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613–1614 гг. / Сост. А. Н. Одиноков, Я. Н. Рабинович; под ред. Г. М. Коваленко. Великий Новгород, 2012.

[3] РГАДА. Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 2. Д. 199. Расходная книга по отпуску из Казенной палаты, 1613 г.; Ф. 181. Оп. 1. Д. 37. Л. 35–82; Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 17. Дополнительная опись. Д. 8. Ст. 2. Л. 104–105. Царское предписание воеводе Тихвина Ф. К. Плещееву об информировании Москвы о местных делах, март 1614 г.; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 933 об.; *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление… С. 68–72.

Мунка. После безуспешного штурма острогов в Шунге и на Шуе и поражения при Падмозере[1], в январе 1614 г. Барыш Полец двинулся к Олонцу. К 1614 г. в Олонецком остроге стояли русские казаки. Отогнав 29 января черкас от острога, затем русские все же покинули крепость из-за отсутствия в ней запасов продовольствия. По приказу из Тихвина к ним на выручку из-под Ладоги поспешили казаки и ногаи под командованием ногайского мурзы на русской службе Барая Кутумова. Разведав обстановку, он 5 марта внезапным ударом разгромил под Олонецким острогом двухтысячный отряд черкас, прогнав его остатки к Ладожскому озеру[2].

Попытки шведов восстановить контроль над Севером ни к чему не привели. Тихвинские воеводы продолжали владеть обстановкой, в частности, управлять дворцовым Заонежьем. Столбовский мирный договор 1617 г. вернул Заонежские погосты в административное подчинение русским властям Новгорода, а воеводы Тихвина лишились временных полномочий по управлению краем. Последовавшая затем работа по маркировке новой границы завершилась 3 августа 1621 г.[3] На целое столетие Заонежские погосты превратились в приграничную область.

---

[1] Акты Московского государства. 1571–1634 гг. СПб., 1890. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. С. 95–96. Отписка воеводы Богдана Чулкова от отбитии польских и литовских людей от Никольского и Шуйского острожков, не позднее 2 марта 1614 г.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. Д. 8. Ст. 3. Л. 3–5 (донесения воеводы Тихвина Ф. К. Плещеева в Москву о пленении польских казаков под Олонцом от 4 февраля 1614 г.), 41 (донесение Барай-мурзы воеводе Ф. К. Плещееву о пленении польских казаков под Олонцом, не позднее 26 февраля 1614 г.); Ст. 4. Л. 26–27 (донесение воеводы Тихвина Ф. К. Плещеева в Москву – о победе русских казаков под Олонцом, 4 февраля 1614 г.); Ст. 2. Л. 5–11 (из донесения Барай-мурзы воеводе Тихвина Ф. К. Плещееву – о победе под Олонцом, 8 марта 1614 г.); *Замятин Г. А.* «К Российскому царствию пристоят»…

[3] РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 34. Л. 27–46 (*Список* русско-шведской границы от 3 августа 1621 г.); *Жуков А. Ю.* Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617–1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: Сборник статей к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. С. 31–36.

§ 4.4. Северная половина Карелии: Лопские погосты, поморские волости, вотчинный округ Соловецкого монастыря

Исконные земли саами в России русские источники XV–XVII вв. именовали *Лопью дикою и лешею*, т. е. землями кочевавших и осевших по лесам саами. Даже кольское и западнобеломорское побережье в *Книге Большому чертежу* (1627 г.) названы *Лопским берегом*, а здешние погосты-места (Кемь и др.) – *лопскими*[1]. С начала II тыс. карелы быстро колонизировали земли саами вплоть до Мурмана, северной оконечности Ботнического залива Балтики и беломорского побережья. Здесь обосновались карельские феодалы. Утверждение власти Москвы над Великим Новгородом угрожало «детям корельским» лишением их статуса *господ* и доходов в обширной и богатой ресурсами Беломорской Карелии. И наоборот, простые карельские крестьяне-общинники и саамы лишь перешли в разряд черносошного крестьянства.

К 1500 г. в Корельском уезде местные феодалы, выселенные из города Корелы, превратились в своеземцев, а на севере они вообще потеряли статус господ. В карельских *данных грамотах*, датированных концом XV в., нет упоминаний о сборе празги, ибо тогда установилась единая для всех московская обежная (луковая) дань, и члены *пяти родов* лишились права как на поборы с саами, так и на внеэкономическую эксплуатацию рядовых общинников-карелов. Последние теперь стали черносошными крестьянами, а саами уравнивались с ними в подданстве государю, так как эта лопская окраина Корельской земли вошла в *волость князя великого*. Кроме того, вместе со всей Корельской землей область Дикая Лопь стала частью Водской пятины, но административно осталась в Новгородском уезде. В таком качестве она предстает в официальных по форме и содержанию документах: в *Книге Вотцкие пятины Дикие Лопи збору данных и оброчных денег* 1587/88 г., и в *Дозорных книгах* Лопских погостов 1597 г. и Шуерецкой волости 1598 г.[2]

---

[1] ПРП. М., 1955. Вып. 3. С. 296. (*Духовная грамота* Ивана III, 1504 г.); ДАИ. С. 384 (*Духовное завещание* Ивана IV Грозного, 1572–1578 гг.); Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 183.

[2] ИК, 1. С. 181–185; 189–233, 235–242.

Обширную Кемскую волость, протянувшуюся от Белого моря до границы со Швецией в Каяни, и смежную с ней Шуерецкую волость, включавшую бассейны беломорской реки Шуи и ее притока Олонги, правительство приписало к Лопским погостам. Соответственно, они являлись самой северной окраиной Новгородского уезда и Водской пятины[1]. В 1592 г. Кемскую волость включили в новый вотчинный округ Соловецкого монастыря, выделив последний из Новгородского уезда. В 1613 г. в округ вошла Шуерецкая волость. Но даже в 1619/20 г. дьяки Новгородской четверти по традиции (или пользуясь для справки фискальными материалами предыдущих времен) отметили сбор налогов «в Лопскех погостех с волостки Шуи Корелской»[2].

Государственное разграничение на севере Карелии сопрягалось с местными преобразованиями на уровне отдельных погостов (волостей). В последнем случае ведущую роль играло самоуправление. Более того, зачастую власти узаконивали в официальных документах происходившие помимо них изменения. Так, сравнительный анализ «Книги сбора данных и оброчных денег» Лопских погостов 1587/88 г. и их Дозорной книги 1597 г. обнаруживает значительное расхождение в сведениях. Первый источник указал в качестве погостов-мест Масельгу и Сапосалми, а Паданы и Панозеро – в числе их волосток: «В волости Пандани… В Маселге погосте» и «В Панозере… В погосте Сапосалме»[3]. В 1597 же году центры погостов вернулись в Паданы и Панозеро, а Масельга и Сапосалми вновь стали просто волостками[4].

Таким образом, до 1587 г. произошла временная эвакуация центров погостов из Падан и Панозера в Масельгу и Сапосалми, что диктовалось военной необходимостью. Как раз в 1570-е – начале

[1] ИК, 1. С. 98–100.

[2] Материалы. С. 327–330 (Жалованная грамота царя Федора Ивановича Соловецкому монастырю о создании из его вотчины особого округа от 15 апреля 1592 г.); Карелия в XVII в. Сборник документов / Сост. Р. Б. Мюллер. Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948 [Далее – Карелия в 17 в.]. С. 29–30 (Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Соловецкому монастырю на Шуерецкую волость от 19 сентября 1613 г.); Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983. С. 16.

[3] ИК, 1. С. 181–182.

[4] ИК, 1. С. 199–202, 213, 215.

1590-х гг. шведские отряды несколько раз вторгались на север Лопских погостов. Дозор 1597 г. указал на две сожженные шведами в 1580/81 г. мельницы у Падан и на церковь Ильи Пророка в Панозере, которую в 1591 г. поставили «ново после немецкие войны»[1]. Если бы состоялось государственное решение об эвакуации центров погостов, то подьячий обязательно сослался бы на царский указ или на решение воевод Новгорода. Фискальный же чиновник в 1587 г. просто отметил реорганизацию местным самоуправлением внутреннего административно-территориального устройства обоих погостов, но никаких протестов с его стороны не последовало. Возврат центров погостов в Паданы и Панозеро также обошелся без комментариев государева писца. Иными словами, как и в случае с Заонежскими погостами, и в Поморье мы видим тот же пример молчаливого признания государством правомочности решений крестьянского самоуправления, жителей и их старост – пример признания сложившихся на местах порядков. А вот центр Ругозерского погоста, расположенного между Паданским и Панозерским погостами-районами, все это время оставался на прежнем месте. Тут в 1579 г. был возведен острог, который тогда же выдержал осаду трехтысячного шведского отряда[2].

Интересно внутреннее разграничение между Кемской и Шуерецкой волостями и изменение линии их общей границы с Керетской волостью. Когда в 1591 г. Семен Юренев отделял Кемскую волость пока что в *вотчину* Соловецкому монастырю, ему пришлось очень подробно описать не только границы, но и внутрихозяйственное разделение волостей. Оказывается, вовсе не весь Карельский берег Белого моря принадлежал кемским волощанам. Писец дотошно зафиксировал совместное владение некоторыми землями и угодьями на берегу и в море одновременно кемлянами и шуеречанами, а также отметил анклав Шуерецкой волости на самом севере

[1] ИК, 1. С. 205, 213.

[2] АСМ, 2. С. 140 (грамота Ивана IV воеводе К. Оничкову, конец 1579 г.). См. также Соловецкий летописец 2-й редакции под 1579 г.: «7088… было дело в поморской волости на Ругозере у Киприяна у Оничкова с немецкими людьми» (*Новикова О. Л.* О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 252).

Кемской – от Сон-реки до реки Кивиканды, с которой начинались земли Керетской волости[1].

В XV в. в частноправовых актах «пяти родов» указана *кирицкая межа* Сон-река. Между тем и в приведенном документе, и в *Сотной* Керетской волости 1563 г., и в *Выписи* из двинской писцовой книги 1574–1575 гг. о южной границе волости сказано так: «от Кемского рубежа, от Ноугородского уезда, от речки от Кивиканды»[2]. Таким образом, в XVI в. линия разграничения между волостями переместилась на 10–15 км к северу, на реку Кивиканду. Когда же произошло разделение волостных владений?

В нашем распоряжении имеются два источника, составленные между 1484 и 1502 гг. Первый из них писался ближе к 1484 г., являясь *Данной* (вкладной) грамотой одного из членов «пяти родов» Нестора Федорова Соловецкому монастырю на угодья по рекам Выг, Шуя, Кемь и другим *морским рекам*. Уже в ней свидетелями выступали «люди князя великого»: Карп Фомин, Степан Карпин (по отчеству, очевидно, его сын) и Тимофей[3]. Другой документ – это *Купчая* игумена обители Исайи у некоего Ивана Сулгопяева, который продал монастырю «отца его отчину куплю, свою треть промежи братьею», а именно угодья в Латышкове и Кильб-островах Белого моря (район Кеми). Вероятно, купчая составлялась в 1490-х гг. или в самом начале XVI в., но до того как собственность у «пяти родов» была конфискована. Бесспорно, однако, то, что и данный документ заверили «мужи князя великого Семен Ермолин вижьщей, да Степан Карпин»[4].

Значит, в последние двадцать лет XV в. в Западном Беломорье появились московские управленцы – *мужи князя великого*. Характер сделок недвусмысленно указывает на их участие в великокняжеском реформировании землевладения в беломорских волостях, например, они контролировали сделки. Очевидно, что здесь именно они проводили в жизнь политику престола по организации черно-

[1] Материалы. С. 319–327.

[2] Материалы. С. 121; СГКЭ. Т. 2. Стб. 444–451, 455 (данные кадастров 1563 и 1574–1575 гг.).

[3] АСМ, 1. С. 20 (№ 10).

[4] АСМ, 1. С. 18 (№ 5). Степан Карпин фигурирует во вкладной грамоте 1484 г. (см. предыдущую ссылку).

сошного землевладения взамен частной вотчинной собственности «пяти родов» и новгородской знати. Весьма правдоподобно предположение, что к началу XVI в. эти мужи князя великого и изменили границы волостей (и уездов – Новгородского и Двинского) в соответствии с общинно-владельческой принадлежностью волостных угодий.

Чересполосное, а иногда и совместное владение кемлянами и шуеречанами *луковыми* угодьями подтверждает Жалованная грамота вел. кн. Василия III 1530 г. Кемской и Шуерецкой волостям, с Подтверждениями Ивана IV 1539 и 1549 гг. Сама грамота писалась в ответ на жалобу лоплян Кемской и Шуерецкой волостей – от всех их «луков»[1]. Данное прямое указание на общность луковладений обеих волостей и говорит о вполне сложившейся системе неразделенного между волостями владения промыслами. Поэтому даже в 1591 г. Семен Юренев мог указать на беломорском побережье район общего владения Кемской и Шуерецкой волостей. Несомненно, данная ситуация была унаследована их волощанами из XV в., когда также чересполосно теми же угодьями владели карельская и новгородская знать.

Реформирование административно-территориального устройства Севера в конце XV – начале XVII в., как и ранее, учитывало обстоятельства внутренней и внешней политики, а также этнокультурные, демографические и социально-экономические особенности его земель. Между тем немаловажный этнический аспект затрагивался исследователями административного управления на Севере как бы мимоходом. Так, М. М. Богословский полагал, что Лопские погосты в XVII в. были заселены русскими и саамами. Такой неожиданный вывод крупный ученый сделал, исходя из анализа челобитной жителей Дикой Лопи 1649 г.: его ввела в заблуждение русско-православная форма имен и отчеств и самоназвание *лопяне*[2]. Упрощенную картину быстрого обрусения карелов на Белом море рисовал С. Ф. Платонов, при их совместном проживании с русскими[3]. В свою очередь, Р. Б. Мюллер, ориентируясь на Жалованную

[1] СГГД. Ч. 1. С. 436–439.

[2] *Богословский М.* Указ. соч. Т. 1. С. 12–13.

[3] *Платонов С. Ф.* Прошлое Русского Севера. Очерки по колонизации Поморья. Пб., 1923. С. 18.

грамоту Василия III Кеми и Шуе 1530 г., но, скорее, на ее заголовок, данный еще Н. Н. Бантыш-Каменским и принятый публикаторами «Собрания государственных грамот и договоров», поначалу посчитала поморские волости заселенными саамами, найдя там 225 «лопарских луков»[1].

Изучение сложного и длительного процесса складывания субэтноса поморов на Поморском и Карельском берегах затрудняется кажущейся близостью понятий *лопари* и *лопяне* (*лопляне*). Она часто вводила в заблуждение исследователей, поэтому следует отыскать понятийное различие терминов.

Заселенность Лопских погостов в XVI–XVII вв. карелами не вызывает сомнений; на беломорском побережье в Кеми и Шуе проживали и русские. В различных источниках население Дикой Лопи называлось *лопянами* (*лоплянами*). Так именовались жители побережья в жалованной грамоте Василия III 1530 г. Кемской и Шуерецкой волостям и в ее подтверждении Иваном IV 1539 и 1549 гг.[2] Аналогично, лоплянами называли шуеречан их соседи из Сумской волости в 1556/57 г.[3] Лоплянами же признавала жителей Кеми и Шуи царская *Уставная грамота* этим волостям 1562 г.[4] Позднее, около 1619 г., челобитчики-лопяне семи Лопских погостов (уже без Кеми и Шуи) просили царя наказать его межевых судей (послов) за мздоимство[5]. Следовательно, *лопянами*, *лоплянами* именовалось все население Лопских погостов и их беломорских волостей – древних саамских земель, колонизированных карелами, а на беломорском побережье − и русскими.

Немногочисленных саами отметила Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. Тогда в Панозерском погосте обитало пять семей саами-*лопинов*, а жившие здесь ранее лопины (33 семьи) в 1585/86 г.

---

[1] РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Оп. 1. Д. 205. Жалованная грамота великого князя московского Василия Ивановича лопарям о подчинении «судом и расправой» новгородским дьякам. Подтверждение Ивана IV Васильевича 1539 и 1549 гг. Л. 1. Подлинник (пергамен), 2–5. Архивная копия Н. Н. Бантыш-Каменского; СГГД. Ч. 1. С. 436–439; *Мюллер Р. Б.* Указ. соч. С. 50.

[2] СГГД. Ч. 1. С. 436–439.

[3] АСМ, 1. С. 135.

[4] Материалы. С. 190–193.

[5] РИБ. Т. 2. С. 371–373.

были убиты или взяты в плен вторгнувшимися сюда в очередной раз шведами[1]. В Ругозерском погосте дозор отметил деревеньку «*На черном лесу на дичи на Поязмоозере*…: во дворе Осташко лопин» и двор крестьянина-карела, они «пашут лешую пашню, сена нет»; в других деревнях погоста (Тикше, Чирко-Кеми и Пизмолакше) указаны только заброшенные дворы (*следы*) саами: Бояринка лопина, Ивашки Безымянного лопина, Карпика лопина и его сына Матюшки, Ивашки Койвуля лопина[2]. В Кемской волости по 1580-е гг. приживали 42 семьи лукозерских лопарей, но и их выбила *немецкая война*[3]. Керетские *Сотная* 1563 г. и *Выпись* 1574–1575 гг. указали только на один лесной двор лопина-саами на всю волость[4]. Во всех случаях писцовая документация отмечала саами отдельно от остальных селян, именуя их: в единственном числе *лопин*, во множественном – *лопины*, а собирательно *лопари*.

Уже с конца XIV и в XV в., в ходе боярской колонизации, в Выгозерский погост и к устью реки Онеги переселялись русские (ныне – это Поморский берег). После 1478 г. земли Беломорья стали черносошными, что усилило приток сюда русских крестьян. Они пополняли западнобеломорские волости Шую, Кемь, Кереть, Ковду, Кандалакшу и беломорские волости Выгозерского погоста (Сороку, Сумский Посад, Вирму, Нюхчу, Колежму и Унежму). Тут проживало поначалу смешанное русско-карельское население, а с середины XVI в. стал складываться субэтнос поморов-русских, чей хозяйственный уклад и особенности культуры отличались от образа жизни и русских в других землях, и соседей карелов.

Последнее из основательных исследований о поморах принадлежит Т. А. Бернштам. Согласно ее представлениям, Поморье первоначально, в первой половине XVI в., включало лишь незначительную территорию Мурманского берега (Мурман) на севере Кольского полуострова, а поморами стали именоваться русские и карелы из Кандалакши и Керети, открывшие тогда здесь морской промысел. Ссылаясь на данные видного этнографа Н. Харузина о том, что саами объясняли ему слово «мурман» как *морская земля*, исследова-

[1] ИК, 1. С. 214, 215.
[2] ИК, 1. С. 206–208.
[3] Материалы. С. 325.
[4] СГКЭ. Т. 2. Стб. 446, 460.

тельница предположила: данный термин был заимствован русскими от саами, а слово «помор» соответствовало уже по смыслу понятию *мурман – морской человек*[1]. Не соглашаясь с Т. А. Бернштам, мы предложили иную гипотезу о происхождении понятий *Поморье* и *помор*, связав их с Западным Беломорьем и со складыванием здешнего населения в XV–XVII вв.[2]

Термин *Поморье* в значении «земли по морю» («у моря») известен не только в России, но вообще в славянских странах, например, в Польше (Pomorze – Поможе). В подобном смысле употребил его архиепископ Макарий в 1534 г., информируя Москву о языческих обрядах в Водской пятине и «по всему Поморию Варяжского моря… до Лопи до Дикие»[3]. Но и за столетие до него, не позднее 1459 г., между членами «пяти родов» была составлена купчая на угодья по Карельскому берегу Белого моря, в которой значилось: «Се купи… землю и воду на Поморьи». В другом аналогичном акте XV в. на беломорские угодья вместо слов *на Поморьи* употреблена фраза «по морскому берегу»[4]. Источники XVI в. под Поморьем подразумевали уже все побережье Западного Беломорья и Мурман – от Поморья (р-н в устье реки Онеги)[5] на юге и вплоть до р. Колы на севере. Так, царские жалованные грамоты Соловецкому монастырю 1590–1591 гг. сообщили о гонцах «в Поморье и на Мурманское море, и до устья Колы и в иные поморские волости», о солеварении «в Поморье – в Унбе [Умбе. – *А. Ю.*], да в Керети, да в Кеми», и о торгах крестьян в поморских Сумской и Варзужской волостях[6].

Источники не подтверждают и саамское происхождение слова «Мурман». *Мурманом* русские летописи называли: в широком смысле – северные земли, а в узком – Норвегию (Мурманская земля);

---

[1] *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 71–72. Библиографию основных работ о поморах см.: *Кошечкин Б. И.* Боже, дай нам ветра. Кемские полярные мореходы. Петрозаводск, 1992. С. 187–189.

[2] *Жуков А. Ю.* Карелия в системе межэтнических отношений… С. 89–90.

[3] «Послание архиепископа Макария великому князю Ивану Васильевичу, 1534 г.» (ДАИ. Т. I. С. 33–34; ПИК. С. 64–65).

[4] ГВНП. С. 294–295, 298 (частноправовые акты «детей корельских»).

[5] АСМ, 1. С. 155–159 (*Отпись* новгородских дьяков, 1559 г.).

[6] Материалы. С. 306–308, 316–318 (жалованные грамоты 1590 и 1591 гг.).

мурманами русские именовали норвежцев[1]. Около 1556 г. игумен Печенгского монастыря писал царю, что его обитель стоит «блиско рубежа мурманских и кальянских немец», т. е. рядом с Норвегией (норвежцами) и шведской областью Каяни[2].

С середины XVI в. эпизодически, а к концу века все чаще жители поморских волостей начинали именоваться *поморцами* (*поморянами*); форма слова «помор» тогда еще не существовала. Например, в грамоте Ивана IV в Каргополь 1546 г. указаны поморцы, торговавшие солью на устье р. Онеги[3]. Свидетелями *Мировой записи* сумлян и шуеречан 1556/57 г. в числе прочих выступали два поморца из Кеми и Шуи[4], а в 1572 г. поморцем же звал себя и житель Сумы[5]. Т. А. Бернштам пишет, что в 1580/81 г. керечане с кандалакшанами слыли поморцами[6]. Но и ранее, в 1565 г., царь называл одного из керетчан поморцем и поморянином[7]. Следовательно, с середины – второй половины XVI в. термин *поморец* бытовал столь же широко, как и *Поморье* и *поморские волости*, и относились все они, соответственно, к населению и побережью Западного Беломорья, терминологически отделяя их от Двинского и Каргопольского уездов, двинян и каргополов Восточного Беломорья, а на западе – от лопян-карелов семи материковых Лопских погостов.

Поморские волости даже к началу XX в. представляли собой узкую полосу земель вдоль беломорского побережья с прибрежными селениями; к западу уже в 20–40 км вглубь берега начиналась тер-

---

[1] См., напр.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 350 (известие под 1339/40 г. о посольстве новгородцев к шведскому королю, пребывавшему тогда в *Мурманской земле*); о *мурманах* – жителях Норвегии: Там же. С. 77, 291 (за 6748 – 1239/40 г.), 403 (за 6919 – 1411/12 г.), 411–412 (за 6927 – 1418/19 г.), 424 (за 6952 – 1444/45 г.), 426 (за 6953 – 1445/46 г.).

[2] СГКЭ. Т. 2. Ст. 437, 438.

[3] Акты исторические, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденной комиссией. СПб., 1836. Т. I [Далее – ААЭ]. С. 200–201.

[4] АСМ, 1. С. 135–136.

[5] АСМ, 2. С. 8–9.

[6] *Бернштам Т. А.* Указ. соч. С. 70.

[7] АСМ, 1. С. 183–184.

ритория карельских волостей[1]. Объяснить данный феномен сможет установление главных, социально-экономических причин укоренения русских в Западном Беломорье.

И вот почему. Население западного берега Белого моря получило после 1478 г. в свое владение обширные земли и угодья «пяти родов» и боярщин, превратившись в зажиточные волости-общины. Так, о Шуерецкой волости известно, что уже в 1499/1500 г. она была отдельным Никольским приходом, содержавшим на свои средства и церковь, и священника с причтом. А Успенская церковь в Кеми, видимо, была устроена уже в 1470-х гг. или немногим позднее[2]. Социально-экономический уклад карельских волостей Беломорья отличался общинным (*луковым*, по терминологии кадастров) владением угодьями. Эти промыслы разрабатывались совместно, а раздел добычи волощане производили в соответствии с долей каждого. В местных частноправовых актах XVI в. такие доли луков обязательно назывались угодьями «промеж волощан»[3], т. е. сходно с формулой «промеж пяти родов» в *Северных грамотах* XV в. Подобный общинный порядок был назван А. И. Копаневым *варзужским*, противоположным «материковому» двинскому типу хозяйствования, с индивидуальным владением крестьянами своими промыслами. Но А. И. Копанев изучал северное крестьянство на примере Двинской земли[4]. Мы нашли, что «варзужский тип» в XVI в. был характерен для всех беломорских волостей Карельского берега, а не только для

---

[1] Карта Кемского уезда // Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1908. Приложение 5.

[2] АСМ, 1. С. 23 (купчая 1499/1500 г. на двор «в Шуе-реке на низу», заверил шуерецкий староста, писал церковный дьячок местной церкви св. Николая). Предположение об устройстве Успенской церкви в Кеми около 1470-х гг. или немногим позднее базируется не на прямых сведениях источников, а опосредованно – по времени постройки в первой половине 1470-х гг. Успенской церкви в Соловецком монастыре, с которым Кемская волость была связана довольно тесными отношениями (*Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие в Карелии… С. 34).

[3] Около двух сотен частно-правовых актов XVI в. жителей западнобеломорских волостей помещен в изданиях: Материалы; АСМ, 1; АСМ, 2.

[4] *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 172. Погост Варзуга в XVI–XVII вв. входил в состав Двинского уезда с центром в Холмогорах (затем – в Архангельске).

корелы варзужской, поэтому правильней будет называть его *карельским* – в противовес русскому *материковому* на Двине.

Утвердившаяся в Западном Беломорье карельская система хозяйствования, закрепленная государственными кадастрами, препятствовала русским переселенцам разрабатывать угодья карелов, интегрироваться в их общины. Тем не менее это случилось в прибрежных селениях. Основой интеграции послужило солеварение, неизвестное на Карельском берегу в XV в. Но оно было привычным занятием русских Новгородчины и других северорусских земель: в средневековой Новгородской республике соль изготовлялась в Старой Руссе, недостающие запасы привозились из Западной Европы[1].

Береговым карелам оказалось выгодным иметь соляной промысел у себя дома. Только в этом случае они могли развернуть лов морской рыбы в широких масштабах для складывавшегося с середины XVI в. емкого товарного рынка России: свежая рыба быстро портилась, но, будучи засоленной, выдерживала долгую перевозку. Русским же переселенцам пришлось приспособить выпарку соли к новым условиям. Здесь рассолом служила морская вода, а не подземные соленые воды, как в других областях Русского Севера. Вследствие этого варницы располагались исключительно на берегу моря[2]. Топливом же для выпарки соли могли служить только *луковые* леса, рубить которые солевары могли лишь с разрешения волощан-карелов.

Слияние в новые прибрежные *поморские общины* местного населения и пришельцев произошло на почве обоюдовыгодных экономических интересов. Карелы получили дешевую соль, признав русских волощанами и допустив их в лесные угодья. Так два основных занятия жителей – солеварение и морской промысел – составили главную славу Поморья в XVI–XVII вв. Слова грамоты Ивана IV в Каргополь 1546 г. о закупке соли у поморцев говорят о формиро-

---

[1] Данные берестяных грамот XII–XV вв. о торговле солью в Новгороде и Старой Руссе см.: *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001. С. 315 (№ 282), 317 (№ 354), 323 (№ 624) [Новгород]; С. 329 (№ 2) [Старая Русса].

[2] См., напр.: ПК 1563 г. С. 159; 164–165 (варницы *у моря* в заонежском Выгозерском погосте, писцовая книга 1563 г.); ИК, 1. С. 218–220, 238–240 (действующие и запустевшие варницы «подле Студеного моря» в Шуерецкой волости, *дозоры* 1597 и 1598 гг.).

вании поморских общин уже в первой половине XVI в. Карелы же семи материковых Лопских погостов, не получая прямой хозяйственной выгоды от соляного промысла, не приняли в свои общины пришельцев и не впустили их в волостные общинно-луковые угодья. Материковые Лопские погосты Беломорской Карелии остались чисто карельскими[1].

Итак, выделение узкой прибрежной полосы Западного Беломорья в особый экономический район Поморья и начало этногенеза поморов совпадают по времени и относятся к первой половине XVI в. Ранее, в XV в., западнобеломорские земли усиленно, но обособленно заселялись карельскими и русскими крестьянами в ходе вотчинного освоения Белого моря новгородской и карельской знатью. С конца XV и в первой половине XVI в. в западнобеломорских селениях идет процесс породнения русских и карелов, складываются совместные русско-карельские общины. В середине XVI в. новые общинники самоидентифицируются − они *поморцы*. Несмотря на жестокий военный урон, во второй половине XVI в. четко обозначились *поморские волости*. Поморы выделились в субэтнос – одну из групп русских[2].

Территориальное объединение поморских волостей произошло уже в конце XVI – начале XVII в. в виде особого административного вотчинного округа Соловецкого монастыря, теснейшим образом связанного религиозными, социально-экономическими, а в лице своей братии – этническими и просто родственными узами с населением поморского района Западного Беломорья. Ведь Соловки стояли у истоков складывания субэтноса поморов. Так, вместо часовни св. Николая на устье р. Выг, у которой скончался преп. Савватий, уже к концу XV в. обитель поставила церковь. К 1563 г. ее церкви имелись в вотчинной Сумской волости (св. Николая и Успения Богородицы), в Колежме – во имя св. Климента, на устье Выга – св. Троицы, в Вирме – во имя апп. Петра и Павла[3]. Тем самым Соло-

[1] *Жуков А. Ю.* Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, 2005. С. 85–91.

[2] Там же. С. 91.

[3] ПК 1563 г. С. 159–165 (писцовое описание беломорских волостей Выгозерского погоста).

вецкий монастырь сплачивал в единые приходы поморцев местных жителей и новых поселенцев. Связь между Соловецкой обителью и одним из главных занятий поморов − изготовлением соли − оказалась настолько крепкой, что в представлении современников Соловки и солеварение поморцев слились уже в середине XVI в.

Например, итальянец на польской службе Александр Гваньини в своем *Описании Московии* писал о Соловецком архипелаге и его монастыре: «Там в большом количестве вываривается соль»[1]. Некоторые жители западнобеломорских волостей становились соловецкими монахами. Так, в списках 105 монахов Соловецкого монастыря второй половины XVI в. среди имен старцев значатся 15 имен с прозвищами. Из них 4 передают этническую принадлежность (3 *корелянина* и 1 *лопин*) и 11 прозвищ указывают на место рождения, в том числе у шестерых − на беломорское Поморье: *Сумлянин*, *Золотчанин*, *Виремець*, *Колежемской*, *Корелшюерецкой*, *Нюхчанин*[2].

Учреждение особого вотчинного Соловецкого округа сопровождалось выходом его западнобеломорских волостей из состава Новгородского уезда. Причиной послужила угроза военного поражения на Севере. Боевые действия против Швеции в Приполярье шли с малыми перерывами с конца 1570-х по начало 1590-х гг. В данных условиях, писал А. А. Савич, «естественно было стянуть разоренные волости к одному административному центру» – Соловецкому монастырю[3]. Впрочем, поначалу царь Иван Грозный ограничился посылкой на Север воевод с немногими военными, требуя от обители и местных жителей материальной и военной помощи[4].

Воеводы организовали военную защиту Поморья и Лопских погостов и руководили оборонительными работами в Соловецком монастыре. Там в 1578–1579 гг. был построен деревянный острог, а

---

[1] *Гваньини А.* Описание Московии / Пер. с латинского, вводная статья и комментарий Г. Г. Козловой. М., 1997. С. 177.

[2] См.: *Лобакова И. А.* «Устав о монастырском платье» 1553 г. − один из неучтенных источников по истории Соловецкого монастыря времен игуменства Филиппа (Колычева) // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 324–328. В подлиннике ошибочно: «*Коделшюерецкой*».

[3] *Савич А. А.* Указ. соч. С. 55–57.

[4] АСМ, 2. С. 115 (указная грамота от 2 августа 1578 г. – о постройке в Соловецком монастыре острога в связи с ожидаемым нападением шведов).

в 1584–1594 гг. – уже каменный Кремль. К 1582 г. обитель на свои средства в Сумской волости поставила еще один острог и стала содержать его гарнизон. По 1592 г. помощь Москвы ополчившимся Соловкам выражалась в основном в предоставлении ряда существенных налоговых льгот и в передаче монастырю в вотчину запустевших выгозерских волостей Нюхчи и Унежмы (19 мая 1590 г.), а в июне 1591 г. – и разоренной войной, голодом и мором Кемской волости[1]. Масштабы почти полного разорения Кемской волости рисует источник от 20 июня 1591 г. «Отдельная книга» Семена Юренева, которой Кемь отмежевывалась в вотчину Соловецкому монастырю[2]. Данный источник интересен и с точки зрения дальнейшего развития административно-территориального устройства Беломорской Карелии: вместе с Кемью в вотчину попадали земли между озерами Верхним и Средним Куйто и Пяозером. Данное пожалование было вызвано значительными военными усилиями монастыря, который как раз на этих землях поставил ряд сторожевых застав-острожков[3].

Оборонительное строительство на Севере следует рассматривать на широком военно-политическом фоне. Крайне стесненное положение России, проигравшей Ливонскую войну, вынудило новое правительство Бориса Годунова принять и последовательно проводить сильную военную программу, включавшую строительство крепостей на самых угрожаемых направлениях ожидаемых вторжений. Реальность угрозы показали и выборы польского короля на место умершего в 1586 г. Стефана Батория. В Москве узнали, что агитировавший за избрание сына Юхана III коронный гетман и канцлер Речи Посполитой Ян Замойский утверждал: «Сигизмунд если не всем Московским государством овладеет, то по меньшей мере возьмет Псков и Смоленск, а военными кораблями шведскими загородит морскую дорогу в Белое море»[4]. На Севере опорными

[1] Материалы. С. 284–286, 306–308, 308–312, 316–318, 318–319 (царские жалованные грамоты Соловецкому монастырю: от 11 августа 1584 г., 15 мая и 2 июня 1590 г., 19 июня и ...июня 1591 г.).

[2] Там же. С. 319–327.

[3] Там же. С. 318–319.

[4] Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 7. С. 220.

пунктами становились Архангельск (его деревянную крепость построили в 1584 г.) и особенно Соловецкий Кремль.

Административный округ из западнобеломорских волостей Соловецкого монастыря был образован в 1592 г.: «а вся их монастырская вотчина писати с поморскими волостьми вместе особно к монастырю и к обема острогам, а к Новгородцкому уезду к Выгозерскому стану всее монастырские вотчины…» не писать[1]. Гражданская власть над ними перешла из рук воевод и дьяков Новгорода к игумену и соборным старцам обители, а сам округ подчинили уже непосредственно приказу Новгородской четверти в Москве. В 1607 г. к округу царь Василий Шуйский присоединил бывшую до того в вотчинном владении Соловков *четверть* (населения, угодий и промыслов) Керетской волости, а в 1613 г. и Шуерецкую волость[2]. Но полноправным главой окружной гражданской и военной власти почти над всем западнобеломорским побережьем от Керети до Нюхчи и Унежмы игумен стал только в 1637 г., когда в Сумском остроге и в Соловецком Кремле правительство окончательно упразднило посты воевод местных гарнизонов[3].

«Естественное» решение о централизации местного управления растянулось на 60 лет, пройдя два этапа: 1578–1591 и 1592–1637 гг. Москва осторожно и постепенно, под давлением военной угрозы, но все же создала такую необычную единицу административного деления, глава которой не назначался правительством, а избирался на месте монастырской братией; при этом военная власть по 1637 г. оставалась за московскими назначенцами.

Другой новой административной единицей Севера, организованной, в отличие от Соловецкого округа, споро и традиционно, являлся Кольский уезд (1582 г.). В Карелии кольским воеводам подчинялись Керетская волость и приграничные земли саами Приполярья

---

[1] Материалы. С. 329–330 (Жалованная грамота царя Федора Ивановича Соловецкому монастырю на Кемскую волость, 15 апреля 1592 г.).

[2] СГКЭ. Т. 2. Стб. 465–469 (*Отдельная книга* Алексея Толстого Соловецкому монастырю на «четверть» волости Керети, 1607 г.); Карелия в 17 в. С. 28–30 (Жалованная грамота царя Михаила Романова Соловецкому монастырю на Шуерецкую волость, 19 сентября 1613 г.).

[3] Карелия в 17 в. С. 38 (*Указная грамота* из приказа Большого Дворца Соловецкому монастырю об отмене поста воевод, 31 августа 1637 г.).

(ныне – в основном территория Лоухского района). Но вопрос об их административной принадлежности до 1582 г. требует внимательного изучения. Так, есть основания полагать, что Керетская волость и смежная с ней и расположенная к северу от нее Ковдская волость с 1478 по 1582 г. входили в состав Двинской земли.

Географически Кереть и Ковда были близки Терскому берегу Двинской земли, их разделяла Кандалакшская губа Белого моря. А *Сотную* на обе волости в 1563 г. составляли «с описных книг» двинян Якима Романова и Никиты Путятина. *Выпись* 1574–1575 гг. делалась из двинской писцовой книги[1]. Факты указывают на двинское уездное подчинение Керети, поскольку переписи составлялись для властей того уезда, к которому относились переписываемые земли. Таким образом, рубеж между Кемской и Керетской волостями р. Кивиканда одновременно разделял Новгородский и Двинский уезды.

Кереть объединялась с соседней Ковдской волостью в рамках местного управления. Властные полномочия тут исполняли слободчик (один на обе волости) и два данщика – агенты столичной Казны[2]. Поэтому, говоря о территориальном подчинении Керети и Ковды Двинскому уезду по 1582 г., необходимо отметить прямое управление ими из Москвы, через ее приказное начальство на местах. Думается, своеобразное двойное административно-территориальное подчинение обеих волостей было вызвано большим и редкостным налогом, получаемым от них столицей. Речь идет о промысле жемчуга, добываемом северянами в местных речках. Контроль за промыслом, с взиманием десятого зерна в пользу Казны, осуществлял данщик[3].

Прямому московскому управлению в лице великокняжеских данщиков (сборщиков), подчиненных столичному дьяку-казначею

---

[1] СГКЭ. Т. 2. Стб. 442–451. *Сотная* 1563 г. с «описных книг» двинян Якима Романова и Никиты Путятина на волость Кереть; 451–452. *Выпись* 1574–1575 гг. из Писцовой книги Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на волость Кереть.

[2] Сведения из двух жалованных грамот Ивана IV Керети и Ковде 1542 г. и частноправовых актов на земли и угодья в Керети за 1544 г. (АСМ, 1. С. 58–60, 66–68).

[3] СГКЭ. Т. 2. Стб. 444, 454 (данные переписей 1563 и 1574–1575 гг.); *Уханов Н. И.* Новые данные об одном из северных промыслов // Доклады отделения этнографии ВГО СССР. Л., 1966. Вып. 2. Доклады 1962–1965 гг. С. 49.

(в датском переводе *rentemester*), подлежали саами, о чем говорят жалованные грамоты и *наказные памяти* вел. кн. Василия III Лопской земле 1525 г.[1] Кроме того, по крайней мере уже в середине XVI в. кольский данщик наблюдал за добычей саами жемчуга на севере Норвегии[2]. Вообще же указанная Лопская земля территориально разделялась на русскую часть (Кольский полуостров) и Финнмарк, или по-русски *Мурманский конец*, принадлежавший Норвегии. Но дань с местных лопарей с XIV в. собирали и Новгород (затем Россия), и Норвегия: имело место своеобразное двоеданство одних и тех же групп саами[3]. В 1566 г. часть западной Лопи перешла в управление Печенгскому монастырю, а восточные саами с реки Поноя в 1575 г. подпали под личную власть их духовного отца старца Феогноста[4]. Так государственное управление в Приполярье перешло в руки Церкви и опиралось на ее авторитет.

Сложное по этническим и внешнеполитическим причинам административно-территориальное деление земель Крайнего Севера в 1580-е гг. обрело большую лаконичность и законченность. Переустройство вызывалось не только длительной агрессией Швеции, но и претензиями Датско-Норвежского королевства на все Приполярье и саами. Россия на Кольском полуострове опиралась на Колу, имевшую статус международного торгового порта. И норвежское нападение на нее в 1582 г. привело к огромным убыткам русских купцов и казны. Узнав о случившемся, царь Иван Грозный немедленно послал в Колу воеводой боярина Аверкия Ивановича Палицына и отряд стрельцов. В том же 1582 г. в подчинение Коле перешли все земли Кольского полуострова (кроме двинских волостей Варзуги и Умбы), беломорские волости Кандалакша, Ковда и Кереть, а также территория саами в Карелии по границе со Швецией. Из ранее ад-

---

[1] *Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Вып. XXVI. С. 125–126, 129–135.

[2] РИБ. СПб., 1897. Т. 16. Стб. 51–54 (жалоба на датчан данщика из Колы Ефима Анисимова Ивану IV, 1559 г.).

[3] *Жуков А. Ю.* Саами в XIII–XVII вв. … С. 309–313; *Aleksei Zhukov*. The Saami, 1200–1700 P. 318–321.

[4] СГКЭ. Т. 2. Стб. 437–442; Материалы. С. 236–238 (грамоты Ивана IV Печенгскому монастырю 1556 г. и старцу Феогносту 1575 г.).

министративно разнородных древних саамских земель в 1582 г. образовался Кольский уезд[1]. В дальнейшем русское и датское правительства смогли перевести разгоравшийся было очередной военный конфликт на Севере в русло спокойных дипломатических переговоров об установлении линии русско-норвежской границы[2].

Лопские погосты карелов отделялись от шведской границы полосой земель от Лендер до Кимасозера. Селения эти, во главе с Реболами, составляли Ребольскую волость Иломанского погоста Корельского уезда. Во время шведской оккупации уезда ребольские партизаны отстояли свои земли от шведов. И тогда, и при шведской интервенции 1610-х гг. Реболы оставались в составе России. Нашествия принесли значительный урон волости. Сумский воевода Михаил Лихарев писал шведским командирам Андерсу Стюарту и Эрику Хааре 7 сентября 1611 г.: «повоевали по имяном мест волость *Реболу, Ровкулу, Чолку, Колвас-озеро, Тюжню, Ловуш-остров, Лендеру* [все в Ребольской волости. – *А. Ж.*], *Вонгоры* [Селецкого погоста. – *А. Ж.*], *Кимас-озеро, Юшкозеро, Сапосалму* [Панозерского погоста. – *А. Ж.*]. И в тех деревнях многих русских людей побили [т. е. убили подданных России. – *А. Ж.*], а иных в полон взяли, а иные о того вашего разгрому разбежались розно…»[3].

Целью этого рейда 1611 г. полковника Андреаса Стюарта являлся Сумский острог – центр русского управления северной половиной Карелии, воеводе которого М. В. Лихареву подчинялись тогда не только земли Соловецкого округа, но даже Поросозерская волость на самом юге Лопских погостов[4]. Авторитет Лихарева как единственного военно-политического представителя верховной россий-

[1] Об образовании Кольского уезда подробнее см.: *Ушаков И. Ф.* Кольская земля. Очерк истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. С 73–74.

[2] О дипломатии России по проблеме границы с Норвегией см.: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Л. 922 об.–923; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 2. С. 176, 202 (разрядные записи о направлении на «дацкий рубеж» в Приполярье русских послов); РИБ. Т. 16. Ст. 217–226, 225–238, 309–326, 377–378 (царские грамоты датскому королю и его послам за 1580–1600-е гг.).

[3] ААЭ. СПб., 1836. Т. II. С. 344–345 (№ 195).

[4] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1/1620. Д. 1. Л. 118 (из донесения властей Новгорода в Посольский приказ о показаниях под присягой жителя Поросозера Лариона Алексеева, не позднее 22 марта 1620 г.).

ской власти признавали даже жители дворцовых Заонежских погостов, временно отошедших под власть шведов[1]. В том же 1611 г. в Ругозерском погосте шведы понесли значительные потери от действий партизан во главе со старостой Тикши Иваном Роккачу (Рогачевым), и от Сапосалми захватчики были вынуждены повернуть обратно в Финляндию[2]. Может быть, именно Роккачу имело в виду самоуправление лоплян, написавшее царю о выборе ими «воеводки всей Лопской земли»[3]. Во всяком случае, военно-политическая активность местного самоуправления самым непосредственным образом повлияла на сохранение Лопских погостов в составе России. Что касается воеводы М. В. Лихарева, то, по словам его письма шведскому начальнику Улеаборга-Оулу, он по внешнеполитическим соображениям с большим трудом, но сдерживал поморцев и своих сумских стрельцов устроить военный поход в шведскую Финляндию[4].

Упорное сопротивление местных жителей и появление на Севере войск Земского ополчения вынудили Швецию отказаться от военного захвата северной Карелии. После заключения Столбовского мира 1617 г. Швеция решила дипломатическим путем присоединить северокарельские земли и выйти к Белому морю в районе Княжей губы во время проведения линии новой границы. Межевые послы от обеих стран отправились в Карелию. Москва, вовремя извещенная о планах шведов воеводой Новгорода боярином князем Д. И. Мезецким, стала дожидаться возможных трудностей у Швеции в ее войне против Речи Посполитой и затягивала поэтому процедуру пограничного размежевания. Неудачи пришли к Стокгольму только в 1620 г. Густав II Адольф решил заключить перемирие с польским королем Сигизмундом III. Но для более выгодных

---

[1] *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 155–157 (*Лист* шведского командующего Ганса Мунке «с товарищи» к Максиму Васильевичу Лихареву, его ратным людям и жителям Заонежских погостов «с увещеванием» дать присягу на верность шведскому принцу).

[2] Там же. С. 88–104. Подборку шведских и русских документов об интервенции на севере Карелии в 1611 г. см.: Там же. С. 142–155 (№ 13–21).

[3] Там же. С. 88–104.

[4] Там же. С. 152–153 (сведения из письма воеводы Лихарева шведским властям Улеаборга-Оулу от 20 августа 1611 г.).

условий шведам требовалась определенность в деле разграничения в Карелии. Через Якоба Делагарди (тогда – главу шведской делегации на переговорах с Россией о разграничении) он фактически согласился с позицией Кремля вести границу прямо к Печенге на Ледовитом океане. Работа по проведению новой линии границы возобновилась, завершившись 3 августа 1621 г.[1]

Проблема границы между двумя странами стала принципиальной по той причине, что первоначально шведы намеревались захватить Реболы и Поросозеро, а затем вести границу прямо на север, к Княжей губе Белого моря, тем самым оставляя Лопские погосты за собой. На Белом море они хотели построить порт для контроля над русской торговлей и над Соловецким Кремлем[2]. Современный датский исследователь Дж. Линд даже принял на веру тогдашние шведские притязания на Лопские погосты и вывел из них гипотезу о совместном владении Дикой Лопью в Карелии Швецией и Россией в XIV–XVII вв.– подобно тому, как это действительно имело место в отношении совместных прав России и Норвегии на саами Лапландии[3].

Ни один из русских источников XIV–XVII вв. не говорит о таком совместном владении бывшими саамскими землями в Карелии. Более того, в *Списке русско-шведской границы*, подписанном 3 августа 1621 г. русскими и шведскими межевыми послами, указан конечный пункт пограничного размежевания: «камень велик» на Прокковаламби на «старой межи». Тут сходились три границы: с востока – Ребольских волосток бывшего Корельского уезда (а теперь приписанных к Кольскому уезду), с юга – Кексгольмского лена Швеции и с запада – области Каяни шведской Финляндии[4].

Далее на север шла граница с областью Каяни, к которой уже в Беломорской Карелии подходила вышеупоминавшаяся «каянская

---

[1] Подробнее о пограничном разграничении 1617–1621 г. см.: *Жуков А. Ю.* Проблема границы… С. 31–36.

[2] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1/1620. Д. 1. Л. 118.

[3] Карту с проведенной Дж. Линдом никогда не существовавшей линией границы от района Поросозера до Княжей губы Белого моря («по условиям Ореховецкого мира 1323 г.») см.: *Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин древней Руси в XI–XIII вв. по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 22.

[4] РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 34. Л. 43.

межа», «межа каянских немец», зафиксированная в частноправовых актах XV в. карельской знати на земли и угодья и в жалованной грамоте Василия III Кемской и Шуерецкой волостям 1530 г. С 1591 г. Кемская волость вотчинного округа Соловецкого монастыря доходила только до р. Войницы, а к западу от реки до границы полосой в 50–80 км и чересполосно лежали земли Лешей Лопи Кольского уезда и Панозерского погоста (будущая волость Оланга)[1].

Данное обстоятельство устойчивости линии русско-шведской границы в северной половине Карелии следует подчеркнуть, так как в российской историографии о ней высказано одно необоснованное мнение. Авторы комментариев к «Истории десятилетней шведско-московитской войны» Ю. Видекинда пишут, что уже по условиям Тявзинского мира 1595 г. «Россия потеряла часть Карелии – до Топ- и Выг-озер»[2]. Между тем от Выгозера до границы на протяжении 100–120 км лежали земли сначала лопского Паданского погоста Новгородского уезда, а затем – ребольских волосток Ровкулы и Кимасозера Корельского уезда. Так же и в карельском Приполярье оз. Топозеро окружали земли вотчинного округа Соловецкого монастыря, далее на запад к границе уходил Кольский уезд. Линия же границы от «каянской межи» шла к Печенге, отделяя Кольский уезд России от Швеции и Норвегии.

Ребольскую волость Москва приписала к Кольскому уезду в 1620/21 г., чтобы уменьшить поле для маневра шведской дипломатии. Кремль использовал тот факт, что воеводы Колы традиционно управляли саами, а под Реболами некоторая их часть все еще проживала. Ребольских же карелов Кремль передал в ведение Соловецкого монастыря (между 1621 и 1626 г.)[3]. Так своеобразно, двойным административным подчинением протяженной Ребольской волости,

---

[1] Материалы. С. 319–327 (Отдел Семена Юренева 1591 г.).

[2] *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны. М., 2000. С. 528.

[3] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1/1629. Д. 1. Л. 381–389 об. (дело о перебежчиках со шведской стороны в Ребольскую волость, 1616–1629 гг.); Оп. 3. Д. 34. Л. 48, 62 (данные *Списка* спорных со Швеции земель 1621 г. – об административной принадлежности Ребольской волости Кольскому уезду); ПРК. С. 320 (сведения *Сметного списка* Новгородской четверти, 1620/21 г. – о подчинении саамов фискальной власти воеводы Колы).

по 107-верстному западному рубежу которой проходил ребольский участок границы, и завершилось в 1620-х гг. складывание административного устройства северной половины Карелии. И в целом в жестоких испытаниях шведской интервенции энергичные, нешаблонные шаги российской власти административного, военного и дипломатического свойства, принципиальная позиция местного самоуправления в начале XVII в. помогли северной Карелии остаться в составе России.

Мы подробно рассмотрели административно-территориальное реформирование в Карелии в конце XV – начале XVII в. и взаимоотношения самоуправления по поводу этих преобразований с центральной властью, уездными и окружными управленцами. Выяснилось, что Москва наследовала и активно применяла опыт Великого Новгорода. Новое административно-территориальное деление с необходимостью учитывало местные условия, прежде всего само наличие уже сложившихся областей и зон освоения. Области и округа, появившиеся на административно-политической карте Карелии, образовывались не только под решающим воздействием факторов общей внутренней, внешней и военной политики России. Заметную роль в их складывании продолжали играть местные факторы этнической и демографической ситуации и особенностей социально-экономических отношений. На местах шло становление нового типа самоуправления черносошного и поместного крестьянства, служилого слоя помещиков и своеземцев (земцев).

Местное самоуправление напрямую взаимодействовало с верховной властью и управленцами всех уровней в деле защиты своих территорий от сторонних захватов и от невыгодных для него решений властных органов. Взаимодействие происходило на трех главных уровнях: со столицей, с уездными властями и с окружными властями. Двум последним соответствовали административно-территориальные образования: уезд, пятина и округ. Но основой всех трех образований являлся погост. Именно погост был главным уровнем собственно местного (крестьянского) самоуправления, в городе ему соответствовал посад. В свою очередь, погосты стали делиться на волости, в которых проживали отдельные само-

управляющиеся общины. Но данная территориальная стратификация на самом низовом уровне все равно оставляла самоуправлению погоста львиную долю полномочий. В основном имел место экстенсивный рост самоуправления.

Подверженная изменениям социально-экономическая, этнокультурная и демографическая ситуация в Карелии в конце XVI – начале XVII в. привела к учреждению округ-*выставок* местного самоуправления, отделявших карелов людиков и ливвиков, вепсов от русского населения и друг от друга. Те же факторы явились весомыми причинами преобразований конца XVI в.: дворцовой реформы в Заонежских погостах и объединения новых общин поморов в вотчинный округ Соловецкого монастыря. Временная утрата Корельского уезда в 1580–1597 гг. объяснялась не только военными ошибками Кремля, но и демографической и хозяйственной катастрофой, бушевавшей в крае и как никогда ослабившей самоуправление.

В ходе губной и земской реформ середины XVI в. вновь повсеместно возродилось областное самоуправление. Своеобразие черносошной Карелии, однако, заключалось в том, что полномочия губных и земских властей самоуправления зачастую передавались местным крестьянским общинам.

Уездная система развивала формы государственного управления на местах – наместничества, воеводства в городах Новгороде, Кореле и Коле, волостельства-станы в Заонежских погостах, что приближало объекты администрирования к центральной власти. Тем же целям служило создание административных образований под общим московским приказным управлением: Казны (волости Кереть и Ковда до 1582 г., Соловецкого монастыря в середине XVI в.), Дворца (Заонежские погосты с 1584/85 г.) и Новгородской четверти. Последняя непосредственно управляла вотчинным округом Соловецкого монастыря и опосредованно, через воевод, курировала всю территорию Севера. Продуманная, системная административная политика Москвы в определяющей степени способствовала удержанию земель Карелии (кроме Корельского уезда) в пределах России. Но в немалой мере к тому же итогу вела активная позиция местного самоуправления.

Все отмеченные преобразования в Карелии с необходимостью сопровождались учреждением тут тех или иных форм и порядка

государственного управления и самоуправления. При этом административно-территориальное устройство являлось «полем», на котором развертывали свою деятельность органы власти и назначенные Москвой или избиравшиеся на местах управленцы. Логично поэтому перейти теперь к анализу государственного управления краем, к характеристике управленцев и их системного (прямого и опосредованного) взаимодействия с местным самоуправлением.

Глава V. ВЗАИМОСВЯЗЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ В КАРЕЛИИ С ПОЛИТИКОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ В РОССИИ. КОНЕЦ XV – НАЧАЛО XVII в.

К концу XV в. в России сложилось единое государство с монархической формой правления. Его политические устои, подобно режимам других европейских позднефеодальных монархий, реализовали на практике законодательную, административно-судебную, фискальную, военную и внешнеполитическую прерогативы великих князей Московских, а с 1547 г. – царей. В том же направлении шло общее развитие ее политических форм: от удельных порядков феодально-раздробленной Руси к эпохе абсолютизма – через этап сословно-представительной монархии (с середины XVI в. по 1670/80-е гг.)[1]. Подобный переход к централизации характеризовал политическое становление многих современных тогдашней России европейских держав.

Сосуществование в централизующейся стране трех системных структур управления областями – уездной административно-территориальной, приказной (пробюрократической) функциональной и земской сословно-представительной – также не выглядит необычным на общем фоне тогдашней Европы. Тем не менее особенности и своеобразие становления, развития, компетенции и соотношения между собой указанных институтов власти и самоуправления выделяли Россию из ряда подобных ей монархий.

Социальная структура российского позднефеодального общества постепенно закреплялась в его новой сословной организации. Так, для Карелии конца XV – начала XVII в. наиболее многочисленным слоем населения стало черносошное (дворцовое) кресть-

[1] История Европы. М., 1993. Том третий. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). С. 254–258; История России с древнейших времен до наших дней. М., 1997. Т. 1. История России с древнейших времен до конца XVII в. С. 418–428.

янство. Юридически крестьяне являлись прямыми подданными великого князя. Такой же статус получили посадские. Логика политико-государственного реформирования подсказывала верховной власти и правящим кругам необходимость развития и усовершенствования центрального и областного администрирования, системного использования при управлении страной возможностей сословного самоуправления[1]. Все эти реформы очень наглядно обозначились в Карелии.

§ 5.1. Карелия в системе централизованного управления

В феврале 1478 г. Иван III окончательно ликвидировал независимость Новгородской феодально-аристократической республики. Он упразднил вече и сместил посадников и тысяцких[2]. Важным предварительным обоснованием для завоевания вечевой столицы послужил отказ великого князя следовать *уроку* во взаимоотношениях с Великим Новгородом.

На примере *Сказания о чуде Знамения* Б. Н. Флоря разобрал данное понятие. Урок − это определенные, строго установленные нормы, которые правитель был обязан соблюдать во взаимоотношениях с вечевой республикой: «данем и послушанию положиша урок, еже не переходити предел преже установленных». Поэтому, когда новгородская делегация назвала Ивана III *государем*, а потом выдвинула некоторые условия («дал крепость своей отчине Великому Нову-

[1] *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. Ч. III. Органы местного управления // Собр. соч. СПб., 1908. Т. 9. С. 73; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 7, 896; *Он же.* Земские соборы Русского государства в XVI−XVII вв. М., 1978; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI вв. М., 1982. С. 261; *Носов Н. Е.* Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в. // Исторические записки. М., 1986. Т. 114. С. 152–157; *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996; *Андреев И. Л.* Сословно-представительные институты власти в XVI−XVII вв. // Представительная власть в России. История и современность. М., 2004. С. 39–73.

[2] *Алексеев Ю. Г.* Под знаменем Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 239–251.

городу, крест бы целовал»), великий князь отверг эти притязания: «Вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти, ино то, которое государство мое»[1]. Иными словами, между правителем и подданными не может быть договорных отношений. Впрочем, великий князь мог проявлять «милость». Первой милостью явилось упорядочение налогообложения, которое Иван III позаботился произвести по всем своим новым землям бывшей вечевой республики сразу в 1478 г.[2]

Свои прерогативы тут, как и по всей стране, московские государи осуществляли непосредственно – лично и вместе со своей Думой (*с бояре*) издавая законы и указы, творя суд или заочно вынося приговоры по докладывавшимся им делам. Они же руководили созданием, деятельностью и реформированием систем и структур органов высшей государственной власти и управления, воплощавших в жизнь внутреннюю и внешнюю политику. Органы эти находились как в столице, так и в главных городах страны. Для Карелии ведущими центрами правительственного администрирования служили и Москва, и Новгород. Таким образом, в 1478 г. суверенитет и высшая юрисдикция московского монарха утвердились над всеми землями и населением бывшей вечевой республики, в том числе Карелии. Сложную, проблемную взаимосвязь монарха, аппарата государственной власти на уровне Новгорода и самоуправления на местах иллюстрируют сюжеты о присяге населения.

До губной реформы в январе 1534 г. «целовали новгородцы великому князю новому Ивану Васильевичю и вся земля Новгородцкая, и по волостемъ»[3]. Нет сомнений, что данное важнейшее государственно-политическое мероприятие провели в жизнь главные кормленые и приказные управленцы Новгородского уезда – наместники, дворецкий, их дьяки и посыльные; на местах действовали старосты и священники. Но уже через 75 лет, когда аппарат самоуправления в

---

[1] *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 2003. С. 98.

[2] Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью [Далее – Патриаршая (Никоновская) летопись] // Полное собрание русских летописей [Далее – ПСРЛ]. М., 2000. Т. XII. С. 184 (сообщение под 6986 (1478) г.).

[3] Новгородская II (Архивская) летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. XXX. С. 203.

пятинах стал давно привычным, оказалось, что уездные власти вообще могут не задействоваться для дачи присяги.

Тому есть прямое свидетельство. 13-го января 1609 г. некий вологжанин В. Вербышев писал сольвычегодцам, что 14 декабря 1608 г. из Вологды в Великий Новгород к его воеводе М. В. Скопину-Шуйскому посылалось три человека «для вестей». Но они оставались в Тихвине до 6 января 1609 г.: «потому, сказывают, стояли, что нельзя было в Новгород приехать, что Ноугородский уезд все пятины вору [т. е. Лжедмитрию II. – *А. Ж.*] крест целовали, и Ладога, и Корела, и Ивань-город, и иные многие городы вору крест целовали». Но затем «все те городы обратились к государю царю и великому князю Василию Ивановичу всеа Русии и крест целовали»[1]. Таким образом, на территории всех пятин – в Новгородском и других уездах бывшей Новгородской земли, т. е. почти повсеместно, аппарат самоуправления провел изменную присягу на верность *Тушинскому вору*, а потом он же переприсягнул царю Василию Шуйскому. Новгородский воевода и племянник царя М. В. Скопин-Шуйский не смог ничего противопоставить измене.

Наконец, после Смуты, в спокойные 1645–1646 гг., присяга вновь твердо вернулась в ведение уездной воеводской администрации и самоуправления. Об этом сохранилась запись в *Описи* архива Разрядного приказа: «Книга в полдесть записная 153-го и 154-го годов новгородцов, псковичь, и новгородцких и псковских пригородов и Заонежских погостов всяких чинов людем, которые в тех городах великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичи всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу крест целовали. …А в новгородцких и во псковских пригородех и Заонежских погостех приводили ко кресту всяких чинов людей дворяня и подьячие, которые посланы из Новагорода и изо Пскова»[2]. Тогда Заонежские погосты являлись Оштинским воеводством Новгородского уезда[3].

Подчинив Новгород, Иван III ввел здесь государственную администрацию в лице наместников – своих прямых представителей,

---

[1] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею. СПб., 1836. [Далее – ААЭ]. Т. II. С. 196 (№ 99).

[2] Опись архива Разрядного приказа XVII в. СПб., 2001. С. 389–390.

[3] *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 104–148.

полномочных управлять новгородскими землями от имени великого князя. Наиболее обстоятельно корпус наместников Новгорода с 1478 по 1556 г. выяснил А. А. Зимин. Он обобщил характерные черты данного типа управления: наместники собирали в свою пользу подати с населения (что входило в понятие *корм*), творили суд, командовали местными военными силами; назначались они по признаку знатности, и лучшие (богатые) уездные кормления отдавались более родовитым, в Новгороде – служилым князьям и лицам из старомосковских боярских родов, членам великокняжеской Думы[1]. Т. И. Пашкова уточнила некоторые позиции по кругу лиц и времени наместничества. Кроме того, она пишет: «не было ни одного города, в котором наместничество являлось исключительно привилегией членов Думы», включая такие престижные посты, как наместничество в Великом Новгороде и в Пскове[2]. Конечно, это так. Но, как правило, наместничали в городах, тем более в Новгороде, одновременно пара и даже более кормленщиков, и среди них выделялся старший наместник: именно его имя стоит первым среди адресатов государевых грамот. Так вот, поскольку Новгород являлся стратегически важным центром страны, то главными наместниками здесь все же являлись члены государевой Думы. Следовательно, их назначение отражало принцип государственной власти – прямое правительственное управление Новгородом через представителей правящей элиты тогдашней России. Но не только.

В последнее время отечественная историография обогатилась выводом о том, что в России XV–XVI вв. имела место взаимообусловленность власти и собственности: существовала государственно-корпоративная собственность монарха и знати на земли (особенно черносошные) и, в некоторой степени, на подчиненное им тяглое

---

[1] *Зимин А. А.* Наместничье управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI вв. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 278–283, 290–291. О наместниках конца XV – начала XVI вв. в Новгороде и их деятельности см. также: *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI в.: Очерки социально-экономической и политической истории русского города. Харьков, 1957. С. 259–268; *Абрамович Г. В.* Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991. С. 64–73, 96–97, 131.

[2] *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000. С. 36, 146–151 (состав наместников Новгорода).

население в городах и на селе[1]. На примере наместников Новгорода, как и других наместников, мы будем говорить о государственно-корпоративном характере управления тогдашней Россией, в конкретной форме принявшего вид *кормления*.

Определение сущности кормления как способа получения доходов в пользу кормленщика при исполнении им административно-судебных полномочий высказал В. О. Ключевский и повторил В. Б. Кобрин[2]. На другую сторону кормления указал Н. Е. Носов. Он увидел в кормленщиках верных проводников политики и интересов центральной власти[3]. В свою очередь, мы отметим еще одну принципиальную черту созданной Москвой системы областного управления – наличие в ней целого ряда сдержек и противовесов, утвержденных великими князьями для данного уровня власти.

Центральное правительство всегда пыталось ограничить произвол наместников и волостелей строгой фиксацией объемов доходов и источников их получения. На местах регламентация строго закреплялась писцовым делопроизводством уже с конца XV в.[4] Судебником 1497 г. определялись не только административно-судебные полномочия наместников, но и ответственность кормленщиков перед населением. И эту ответственность верховная власть укрепляла, в частности, через выборную систему самоуправления.

В 1518 г. Василий III, воспользовавшись недовольством новгородцев «сильным» (с нарушением закона) судом наместника и мздоимством его тиунов, указал дворецкому И. К. Сабурову, его дьякам Семену Борисову и Звяге Софонову и дьяку Казны А. Щекину выбрать из *лучших людей* Новгорода 48 человек в судьи для совместно-

[1] История России… Кн. 1. С. 386.

[2] *Ключевский В. О.* Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 2. С. 68, 71; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России XV–XVI вв. М., 1985. С. 212.

[3] *Носов Н. Е.* Указ. соч. С. 152.

[4] См., напр.: Писцовая книга 1496 г. // Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г.; Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г.: Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1 [Далее − ПК 1496 г.]. С. 1–56; Переписная окладная книга по Новугороду 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом / Сообщ. д. ч. М. А. Оболенский // Временник имп. Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 12. Материалы [Далее − ПК 1500 г.]. С. 1–188.

го суда с наместником и его тиунами и привести избранных к присяге[1]. Указ 1518 г. подвиг Э. А. Гордиенко на поспешное, с нашей точки зрения, замечание о том, что за наместниками Новгорода с тех пор остались в основном функции главнокомандующих военными силами уезда[2]. Но дело заключалось в дальнейшем развитии системы сдержек, установленной для них верховной властью.

Сдержки действовали и при управлении землями Новгородского уезда. Так, около 1530 г. новгородский наместник самовольно распространил свою власть на Кемскую и Шуерецкую волости Дикой Лопи, до этого находившиеся в ведении дьяков Казны. Лопляне пожаловались в Москву. И немедленно, в 1530 г., Василий III решительно пресек его произвол, восстановив прежний порядок управления. Столь же быстро Москва отреагировала на действия уже местных губных старост с Выгозера, в 1543 г. отобравших у своего волостеля Федора Зезевитова доходный суд по уголовным делам, впредь пригрозив им карой за самоуправство, − ведь волостель назначался в стан управлять и получать свои доходы «по тому, как было прежь сего»[3].

Кроме практики сдержек, Кремль широко применял многочисленные противовесы власти наместников. Особенно ярко последний прием выявляется при анализе руководящего состава новгородской администрации. Уже с самого 1478 г. наместники в Новгород назначались парами: один или два кормленщика управляли на Софийской стороне города, а второй (вторые) – на Торговой стороне. Таким образом, никто из них не получал всей полноты власти. К концу XV в. в Новгороде, кроме того, утвердилась и параллельная наместничьей пробюрократическая приказная структура в лице дворецкого, его

---

[1] Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. С. 540; *Носов Н. Е.* Указ. соч. С. 152.

[2] *Гордиенко Э. А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 21–22.

[3] Собрание государственных грамот и договоров [Далее − СГГД]. М., 1813. Ч. 1. С. 436–437 (Жалованная грамота Василия III Кемской и Шуерецкой волостям, 1530 г.); Акты XIII–XVIII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал Александр Юшков. М., 1898. Ч. 1. 1257–1613 гг. [Далее − Акты Юшкова] С. 121 (Послушная грамота жителям Выгозерского стана, около 1543 г.), 122 (грамота Ивана IV выгозерским губным старостам, 1543 г.).

дьяков и дьяков Казны. Для управления обширной Новгородской землей Иван III задействовал и традиционную форму местного администрирования через Дом св. Софии и его архиепископа. Такой полный, но раздробленный в исполнении одних и тех же полномочий состав властей Новгорода отразила, например, разрядная запись 1500 г.: одного из наместников, князя Семена Романовича Ярославского, Иван III отправил в поход на Литву, а в городе велел остаться владыке Геннадию, второму наместнику Ивану Андреевичу Лобану-Колычеву, дворецкому Ивану Михайловичу Волынскому, дьяку Казны Сумароку Вокшерину и дьяку Дворца Ермоле[1].

Присутствие архиепископа среди светских лиц государственной администрации вполне закономерно. Конечно, после «новгородского взятья» восстановление Софийским Домом своего материального благополучия и частично управленческой правоспособности оказалось непростым и долгим делом. Как доказала Э. А. Гордиенко, первое завершилось при архиепископах Макарии (1526–1542 гг.) и Феодосии (1542–1551 гг.), которые, «собрали отнятые земли, пополнили казну, возвысили роль духовного суда»[2]. Думается, именно исполнение религиозных обязанностей помогло Дому св. Софии вновь встать на ноги и утвердить свою роль в управлении уездом, заявить о себе как о важных администраторах всей Новгородской земли.

Ведь прежде всего владыка осуществлял церковную власть в новгородской епархии. Повсеместно контролируя религиозную жизнь, он судил мирян, священство, монашество и причт по всем духовным делам, поэтому в его казну все же пошли многочисленные церковные софийские сборы и пошлины. Но одновременно сохранившиеся царские и владычные грамоты и наказы-инструкции XVI – начала XVII в. обнаруживают, что архиепископ сам и через руководящий штат Дома св. Софии (его дворецкого, боярина, детей боярских, дьяков, волостелей и десятинников) ис-

[1] РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГА МИД. Оп. 1. Русские летописи и хронографы (XVI–XIX вв.). Д. 111. Разрядная книга («Наказные списки боярам»), 1493–1631, 1632 гг. Л. 12 об.; Д. 114. Разрядная книга 1492–1573 гг. Л. 19 об.

[2] *Гордиенко Э. А.* Указ. соч. С. 108–121.

полнял и чисто государственные полномочия. Владыка имел право на управление по царским и своим указам, суд по Судебнику, сбор налогов, проведение сысков и дозоров на кормленых и поместных софийских землях и в монастырях епархии (последние, по указам из столицы, часто управлялись совместно со светскими властями)[1]. Уточним: новгородские владыки имели немалый вес в управлении в силу своего статуса в феодально-иерархической системе государства и Церкви, но не занимали при этом должность в светской структуре власти уезда. Поэтому бессмысленно приравнивать их права и «должностные обязанности» к полномочиям кормленщиков, воевод или приказных управленцев. И тем не менее именно при деятельном участии Софийского Дома, опираясь на его силу, московские монархи воплощали в жизнь немалую часть своих прерогатив при управления обширными новгородскими землями.

Упоминание в разрядной записи за 1500 г. дворецкого новгородского областного Дворца, его дьяков и дьяков Казны также не случайно. К концу XV в. великокняжеские Дворец и Казна выделились из дворцового ведомства в особые приказные структуры по управлению государственной территорией, открыв областные «филиалы» в главнейших городах – бывших столицах удельных земель. С помощью Казны и Дворца московское правительство обкатывало новый, функциональный приказной способ управления, уже со второй половины XVI в. ставший, наряду с воеводским, ведущим способом власти над уездами. Н. Е. Носов, А. А. Зимин, А. К. Леонтьев считали даже, что новгородский областной Дворец, к примеру, до середины XVI в. являлся центральным органом

[1] Архив КарНЦ РАН. Разряд 1. Оп. 1. Коллекция древних документов. Д. 1. Л. 31 (жалованная грамота митрополита Варлаама прихожанам Шуерецкой церкви от 3 мая 1593 г.); Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.: Сборник документов / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941 [Далее − Материалы]. С. 148–149, 151–154, 169, 247–249, 272–274, 330–335 (жалованные грамоты Ивана IV и новгородских архиепископов и митрополитов монастырям и церквам Карелии, середина – вторая половина XVI в.); Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2 [Далее − РИБ. Т. 2.]. Стб. 365–370 (наказ новгородского митрополита Макария софийским сборщикам, 1619 г.).

власти в Новгородской земле, но с середины века многие его функции перешли к органам местного самоуправления[1].

Конечно, в новгородские дворецкие попадали лица родовитые. Тем не менее главными государственными управленцами Новгорода и Новгородской земли являлись все же наместники, которые вместе с дворецкими составляли как бы парный тандем уездной власти. А центральное правительство использовало приказные полномочия дворецкого, его дьяков и дьяков Казны в своей политике постепенного ограничения власти кормленщиков.

Казна также участвовала в налаженной системе управления. Так, с конца XV в. в пределах Новгородского уезда черносошный округ Лопских погостов находился в подчинении новгородских дьяков Казны. Правда, в 1539 г. Лопские погосты перешли в ведение уже дворцовых дьяков (но не самого дворецкого)[2]. На Крайний же Север (Кольский полуостров, Лапландию, карельское Приполярье) власть Дворца так и не распространилась, сосредоточившись у данщиков столичной Казны[3].

Административные функции всех приказных управленцев строго ограничивались жалованными грамотами местному населению. Например, в Керети и Ковде агентом управления являлся данщик. С 1542 г. местные выборные судебные заседатели сидели на его суде и вели протоколы процессов[4]. Ранее, в 1536 г., на реке Онеге Москва

---

[1] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957. С. 322; *Зимин А. А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. С. 180–205; *Леонтьев А. К.* Образование областной системы управления в Русском государстве: Из истории создания центрального государственного аппарата в конце XV – первой половине XVI вв. М., 1961. С. 41.

[2] СГГД. Ч. 1. С. 436–439 (*Подтверждения* 1539 и 1549 гг. Иваном IV пожалований 1530 г. Кеми и Шуе).

[3] *Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Вып. XXVI. С. 125–134 (публикация, комментарий); РИБ. СПб., 1897. Т. 16. Русские акты Копенгагенского архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. Стб. 59–64. Жалобы кольского данщика Ивану IV на датчан, 1559 г.

[4] Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Л., 1988. Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571 гг. [Далее – АСМ, 1]. С. 58–60

учредила подобную систему судопроизводства уже для кормленщиков-волостелей и жителей станов[1]. По существу, шло распространение того же порядка судопроизводства, который был введен еще в 1518 г. в Новгороде в отношении суда наместников.

Следовательно, тогдашняя долговременная политика московского правительства заключалась в постепенном, выборочном включении местного самоуправления в судебную систему. При этом в первой половине XVI в. приказная власть оказалась столь же надежно вписанной в систему сдержек и противовесов, как и власть наместничья. Кремль сознательно использовал прочные традиции самоуправления для надежного контроля над своей приказной администрацией, слишком удаленной от повседневного и бдительного надзора за ее деятельностью из столицы и Новгорода.

Центральная власть ощущала безусловную потребность в выборных местных старостах в системе сдержек и противовесов. Более того, их наличие являлось настоятельной необходимостью не только для Новгородской земли, но вообще для всего государства. Поэтому в 68 статье Судебника 1550 г. и говорилось: «А в которых волостех наперед сего старост и целовальников не было, и ныне в тех волостех быти старостам и целовальником во всех». В следующем 1551 г. составленные в соответствии с данным законодательным требованием образцовая уставная грамота и уставные грамоты в разные волости были представлены членам Стоглавого собора для получения религиозной санкции высших иерархов церкви[2].

Показательны слова из речи Ивана IV на Стоглаве о личном отношении к Судебнику, с настоятельной просьбой санкционировать повсеместное введение его норм: «да благословилися есми у вас тогды же [т. е. еще до принятия Судебника. − *А. Ж.*] Судебник исправити по старине, и утвердити, чтобы суд был праведен и всякие дела непоколебимо во веки; и по вашему благословению Судебник исправил и великие заповеди написал, чтобы то было прямо и бережно, и суд бы был праведен и безпосулно во всяких делех, да устроил по

(жалованные грамоты Ивана IV Керетской и Ковдской волостям от 18 и 20 февраля 1542 г.).

[1] Акты феодального землевладения и хозяйства конца XIV – начала XVI вв. В 3-х ч. М., 1951. Ч. 1. № 205. Уставная Онежская грамота. 1536 г.

[2] *Шмидт С. О.* Указ. соч. С. 180–181.

всем землям моего государства старосты и целовальники и сотские и пятидесятские по всем градом и по пригородом и по волостем и по погостем и из детей боярских, и уставные грамоты пописал. Се и Судебник перед вами и уставные грамоты прочтите и разсудите, чтобы было наше дело по Бозе в род и род неподвижно по вашему благословлению, аще достойно сие дело на святом соборе утвердите и вечное благословление получив и подписати на Судебнике и на уставной грамоте»[1].

Но судебник не сразу изменил сами основы администрирования в уездах и волостях с помощью кормленщиков. Так, структура государственной администрации Новгорода претерпевала значительные изменения только в 1562/63 г. Тогда его наместник князь Ф. А. Булгаков-Куракин стал писаться новгородским воеводой[2]. Впрочем, в 1571−1572 гг. на половине территории уезда, в том числе в Заонежских погостах, утвердились опричные порядки. В 1564 г. царь велел «учинити ему на своем государьстве себе опришнину… А на свои обиход повелел государь… городы и волости», в том числе и волость Ошту Заонежских погостов[3]. В 1568 г. в опричниный Каргопольский уезд вошла восточная часть Водлозерского погоста вместе с Кенским волоком[4].

Власть воевод над остальной, земской частью Новгородского уезда продержалась до опричного разгрома Новгорода 1571 г. Царь

---

[1] Цит. по: *Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 52.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Разрядная книга 1493–1609 гг. Ч. 1. 1493–1575 гг. Л. 397–397 об. (запись за 1562/63 г.).

[3] Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. М., 1965. Т. XXIX. С. 344.

[4] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Каргополь. Д. 1. Л. 292–297. Сотная грамота Водлозерской волости Каргопольского уезда – «Сотная с книг каргопольских, что межевал А. И. Плещеев да подьячий Ушак Никитин от Ноугородского от земского рубежа от Обонежской пятины к государеве цареве и великого князя опричнине к Каргополю Водлозерскую волость, а после того писал и мерил примежеванные земли данный староста Микула Григорьев сын Тяполков с товарищи лета 7077. Волость Водлоозеро». 1568–1569 гг. Опубликована под сокращенным названием, не отражающим вхождение новой Водлозерской волости в опричный удел царя: Сотная на Водлозерскую волость письма и меры данного старосты Микулы Григорьевича Тяполкова 1568/69 года // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 3. Вологда, 1972. С. 480–483.

Иван Грозный разделил Новгородскую землю так, что Софийскую сторону города с Водской, Деревской и Шелонской пятинами он оставил в Земщине, а восточную часть с Торговой стороной и пятинами Бежецкой и Обонежской – взял в опричнину. Так, хлебные сборы с вотчины Соловецкого монастыря, находившейся в заонежском Выгозерском погосте Обонежской пятины, в 1571 г. принимали опричные власти Новгорода[1]. В опричной части царь возродил власть наместников, а в земской половине оставил управлять воевод[2]. И в целом после казней 1571 г. отлаженная централизованная система управления Новгородом и Новгородской землей пришла в расстройство.

Особенно пострадали приказной и владычный аппараты управления. Владыка Пимен был сведен с кафедры и вскоре умер (убит). Царь приказал «приводити… владычных бояр и иных многих служилых людей… и жен их и детей» и после пыток казнил всех их различными способами[3]. Современный исследователь цитирует из *Путешествия* датского посланника Якоба Ульфельда, который был в царском походе 1571 г. и лично видел казни; тогда казнили почти всех дьяков и подьячих, вплоть до рассыльщиков[4]. В *Синодике опальных* каявшийся Грозный пишет: «по Малютиной скаске новгородцев отделал [убил. − *А. Ж.*] тысящу четыреста девяносто человек». Историки спорят, все ли это убитые новгородцы или только «отделанные» по доносу Малюты Скуратова? В любом случае, для

[1] АСМ, 1. С. 237 (расписка опричных властей Новгорода о приеме хлеба с Соловецкого монастыря от 31 июля 1571 г.).

[2] Разрядная книга 1475–1598 г. М., 1966. С. 245 (данные о земских воеводах Новгорода на 1571/72 г.). Об историографии опричнины см. кандидатскую диссертацию венгерского исследователя Дюла Свака (*Свак Д.* Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI века в русской и советской историографии (реформы и опричнина Ивана IV). М., 1984 // РГБ. Отдел диссертаций. № 61: 85-7/82 – 0. Л. 111–175). Не вдаваясь в выходящую за рамки работы широкую дискуссию о характере опричнины, сошлемся на статью: *Назаров В. Д.* Опричнина в контексте отечественной историографической ситуации // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тез. докл. и сообщ. Первых Чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. М., 1990. Ч. 2. С. 193–198.

[3] Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 341–342.

[4] *Юрганов А. Л.* Указ. соч. С. 360–361.

города в 15−20 тысяч населения убитые 1490 человек составляли каждого 8−10-го жителя[1].

Летопись сообщает, что в январе 1572 г. после очередного пребывания Ивана IV в Новгороде и его отъезда (18 января) царь «уставил наместника по старине, … да и наместником государь велел жити по старине в своих дворех за рекою князю Ивану Федоровичю Мъстиславскому да князю Петру Даниловичю Пронскому. Да того же месяца в 20 в неделю почели ходити неделщики от наместников в Новегороде, да на опришнои стороне два дияка Василеи Семеновичь Нелюб да Семен Федоров Вишурин, а Старого Алексея государь взял к Москве, а на земскои стороны взял дияка Никиту Щелепина к Москве, а поставилъ на его место дияка Ивана Дорофиева Собаку»[2]. С отменой опричнины в том же 1572 г. Новгород и его уезд воссоединились, но под властью наместника, а с ним – и дворецкого; последнее упоминание этой пары управленцев относится к 7083 (1574/75) г.[3]

В начале следующего 7084 (1575/76) г. состоялось как бы возрождение опричнины. Иван Грозный повелел посадить на российский трон крещеного татарского царевича и «Касимовского царя» Симеона (Саит-Булата) Бекбулатовича, а сам остался Великим князем Московским. На содержание себе Иван IV взял *дворовый удел*. Новое издание опричнины обошло стороной Новгородский уезд, даже Обонежская и Бежецкая пятины остались в бекбулатовской земщине. Впрочем, по сведениям некоторых источников, обонежские помещики в дворовый удел все же попали: они были вынуждены переселяться в дворовый Порховский уезд, где им отдали пустующие поместные земли[4]. Жители же обонежских поместий, во всяком случае на юге Заонежских погостов, становились черносошными крестьянами[5]. Так поместная система в южном Прионежье оказалась ликвидированной.

---

[1] *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 243.

[2] Новгородская II (Архивская) летопись. С. 160.

[3] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 499–500 (запись за 1574/75 г.).

[4] *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 311–312.

[5] Сведения о бывших поместных деревнях на юге Заонежских погостов см.: Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI−XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. Т. III [Далее − ИК, 3]. С. 297–321.

Наконец, с конца 1570-х гг. и весь XVII в. новгородскую администрацию возглавляли воеводы и дьяки. Возможно, восстановление воеводства в Новгороде состоялось в 1577 или 1578 г., когда во время походов в Ливонию царь Иван IV на время останавливался в Новгороде и в его окрестностях[1]. Воеводы-управленцы назывались *воеводами на годовом* (сроке) или *на годовой службе*, в отличие от воевод, командовавших войсками.

Воеводская форма государственного управления вызвала противоречивые суждения. Например, А. Д. Градовский посчитал ее разновидностью приказного управления; А. А. Зимин, напротив, утверждая, что функции воевод и наместников практически совпадали, относил ее к административно-территориальной структуре власти. По мнению М. М. Богословского, Москва, вводя в городах посты воевод, преследовала меркантильные интересы, а Г. П. Енин убедительно показал, что воеводы XVII в. продолжали получать от местного самоуправления корм, но не регламентированный теперь государством. А. П. Павлов связал установление воеводской власти в уездах с общим кризисом в стране и поражением в Ливонской войне. Из его исследования вытекает, что в конце войны правительство стремилось усилить непосредственный контроль над приграничными городами – центрами обороны, такими, как Новгород, посылая туда воеводами лиц из своей среды (бояр и окольничих), которые и стали играть ведущую роль в местном управлении[2].

Но вспомним: корпус новгородских наместников был не менее элитарен, чем состав его воевод второй половины XVI в. Это как раз указывает на традиционность, преемственность административно-кадровой политики Кремля по управлению стратегически важ-

---

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. 1575–1609 гг. Л. 536–536 об., 561 об.–562 об. (разрядные записи за 1577 г. и за 1578 г.); Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 331 (сведения за 1580/81 г.).

[2] *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права. С. 70; *Богословский М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 217; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 384–385; *Енин Г. П.* Воеводское кормление в XVII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Тез. докл. науч. конф. М., 1996. С. 185–188; *Павлов А. П.* Государев Двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 240–246.

ными центрами страны в XV–XVII вв. Действительное же отличие воеводской формы управления от наместничьей заключалось в способе их материального обеспечения и в соотношении с системой центрального и областного приказного администрирования. А все это с середины XVI в. значительно изменилось.

Характерной чертой управления воевод являлась его безвозмездность de jure. Воеводы официально не имели право на богатый корм и судебные пошлины. Теперь эти средства в виде налога *кормленого окупа* пошли в казну[1]. Правительство в 1555/56 г. объявило об отмене кормлений и одновременно приняло *Уложение о службе с вотчин и поместий*, закреплявшее содержание новых областных управленцев за собственный счет[2]. (De facto «корм и посулы» в XVII в. все равно собирались ими по старине, но уже в обход законодательства[3].) Условия же перехода власти из рук наместников к воеводам подготовили губная и земская реформы местного управления и самоуправления и начатая в 1550-х гг. реформа фиска, в результате этого реформирования многие права кормленщиков перешли к самоуправлению.

Фиск всегда находился в центре внутренней политики, в материальной форме выражая собой подвластность суверену территории государства. Уже в 1478 г., как только Иван III подчинил своей прямой власти Великий Новгород, он тут же повелел выплачивать фиксированную *обежную дань* всем собственникам и держателям земель, включая крестьян, боярских ключников, старост, задворных

---

[1] Акты Юшкова. С. 188–189. Указная грамота Ивана IV в Корелу воеводе В. К. Кобылину от 6 июня 1577 г.

[2] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. Л., 1986. Кн. 1. Тексты. С. 33–34 (приговор по разбойным делам от 18 января 1555 г.), 37–38 (летописная запись за 1555/56 г. – о принятии *Уложения* о службе с вотчин и поместий).

[3] О беззастенчивом «корыствовании» оштинских воевод см., напр., царскую грамоту из Новгородского приказа старостам и крестьянам Заонежских погостов об упразднении поста воевод от 27 января 1647 г. (Карелия в XVII в. Сборник документов / Сост. Р. Б. Мюллер. Под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948 [Далее − Карелия в 17 в.]. С. 55–59). Немало примеров тому по северным воеводствам приводит Г. П. Енин (*Енин Г. П.* Воеводское кормление в России в XVII веке: (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С. 155–158).

холопов и своеземцев[1]. Дань государю как раз и являлась такой материальной формой подвластности. Перепись конца XV в. четко определила размеры другого налога *оброка* – переведенного в пользу государства *старого дохода* новгородских собственников земель. Тяглецы-подданные исполняли также *посошную службу*, или *посоху* (мобилизацию на военные цели их возможностей деньгами, продуктами, отработками либо строевой или ямской службой). От обежной дани и посохи не освобождались даже поместные крестьяне, оброк с которых заменялся отработками и выплатами *дохода* помещику. Государство запрещало помещикам взимать со своих крестьян подати сверх зафиксированных переписью, «чтобы великих князей дань и посошная служба не залегла»[2]. Оброк не шел с крестьян из вотчин монастырей и своеземцев, кормленых владений Дома св. Софии, но величина взимаемого ими с земледельцев ренты-дохода также строго фиксировалась писцами по каждому владению[3].

Москва ревностно заботилась о сохранении полноценного хозяйства крестьянина и горожанина – основного источника исправного поступления средств в казну. И с переходом к воеводской форме управления усердная забота о налогах также главенствовала. Например, наказы-инструкции конца XVI – начала XVII в. приказчикам дворцовых Заонежских погостов обязывали их вести управление так, чтобы «государевой казне было прибыльней»[4]. Но в годы бедствий Кремль мог снижать размеры налогов и даже на время отменять их сбор. Так, царь Борис Годунов снял на 10 лет все налоги со всех жителей Корельского уезда в 1599 г.; проведенные в 1597−1598 гг. дозоры Лопских погостов и Шуерецкой волости про-

[1] Патриаршая (Никоновская) летопись. Т. XII. С. 184.

[2] *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства [Далее – АМ]. М., 1905. Т. 1. Ч. 1. С. 9 (Ввозная грамота на поместье, 1502 г.).

[3] *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 34, 38; *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч. С. 244–245; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI вв. Л., 1971. С. 44.

[4] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Пг., 1917. Т. 35. Архив П. М. Строева. Т. 2 [Далее – РИБ. Т. 35]. С. 7–9; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1 [Далее − ДАИ]. С. 294–299 (*Наказы* дворцовым приказчикам, 1598–1605, 1612 гг.).

водились для выяснения хозяйственных и людских потерь в войну и снижения суммы налогов[1].

В руках московских монархов находились главные рычаги сложной системы фиска, подведомственного приказному аппарату столицы и уездов. Ярким примером служит налоговое реформирование, начавшееся по все стране с 1553/54 г. Так, в Новгороде дьяки Казны и Дворца, контролировавшие землевладение и промыслы в пятинах, по царскому указу тщательно перепроверяли кадастры. Но они затянули дело, за что получили выговор от царя: ведь только на основе новых писцовых сведений население могло выбирать *данных старост*, которые затем должны были собирать и доставлять в Новгород государевы подати. Оттуда деньги переправлялись дьяками в Москву, в приказ Большого прихода, специально созданный тогда для поступления государственных налогов[2]. Итак, уже в самом начале реформы фиска были созданы и низовой аппарат по сбору налогов, и столичный приказ, усилились позиции дьяков в уездах. По существу, отметил Н. Е. Носов, фискально-административный надзор за оставшимися на Новгородчине наместниками правительство возложило на дьяков Новгорода[3]. На самом же низовом уровне сбор налогов был поручен старостам, т. е. распространен на систему крестьянского и посадского самоуправления. С 1553/54 г. самоуправление повсеместно включалось в единую фискальную систему[4].

Феодальная рента собиралась старостами боярщин и в новгородское время. Но сбор государственных налогов входил в компетенцию волостных старост уже в первой половине XVI в., о чем свидетельствуют материалы по Заонежью. Так, в 1548 г. староста Шальской черносошной волости (*шальский десяцкий*) брал у сто-

[1] ДАИ. С. 253–253 (жалованная грамота царя Бориса Годунова жителям Корельского уезда 1599 г. – об отмене сбора налогов сроком на 10 лет); История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. I [Далее – ИК, 1]. С. 186–233. Дозорная книга Лопских погостов 1597 г.; 234–242. Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 г.

[2] ДАИ. С. 144–146. Грамота Ивана IV новгородским дьякам от 20 января 1556 г.; *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 271–273.

[3] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 484.

[4] *Садиков П. А.* Указ. соч. С. 271–273.

явшего на ее земле Спасского монастыря государственные налоги и волостелин корм; в феврале 1553 г., т. е. до начала проведения общегосударственной реформы фиска, соловецкие староста и крестьяне вотчинной (но не обеленной еще) Сумской волости заплатили нанятым людям за провоз ими в Новгород всех собранных в волости налогов[1].

В Лопских погостах и их Кемской и Шуерецкой волостях местные старосты сами собирали налоги и отвозили их в Новгород[2]. Но такая же система фиска была характерна и для Корельского уезда[3]. В 1560-х гг. в Керети и Ковде крестьянские *выборные головы* тоже собирали местные налоги и пошлины, отвозя их в Москву, в приказ Большого Прихода[4].

Реформа фиска проводилась повсеместно в Карелии, не только в Заонежских погостах. Но 1570-е гг. принесли существенные изменения. Отлаженная фискальная система Беломорья, в связи с варзужским конфликтом и опалой на митрополита Филиппа в 1568 г., испытала на себе пристальный контроль со стороны местной государственной администрации, действовавшей по царским указам. После «Басаргина правежа» в Керети и Ковде фискальные сборы вновь оказались в руках государева данщика[5]. Лишь с созданием в 1582 г. воеводства в Коле сбор налогов вернулся к местным выборным *верным* и *судным целовальникам* и *таможенным головам*[6]. В 1571−1572 гг., во время опричнины, на вотчину опального Соловецкого монастыря распространилась фискальная власть опричных помещиков – *выборных голов* (*денежных сборщиков*) Заонежской половины: находившийся тогда в названной должности Тихон Ива-

---

[1] Материалы. С. 154 (расписка шальского десяцкого в получении со Спасского Шальского монастыря причитавшихся налогов, 1548 г.); АСМ, 1. С. 187 (расписка сумлян от 6 февраля 1553 г.).

[2] ИК, 1. С. 185 (сведения о Шуе и Кеми за 1587/88 г.); *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 12–13.

[3] Акты Юшкова. С. 188–189 (грамота Ивана IV в Корелу, 1577 г.).

[4] СГКЭ. Т. 2. Стб. 444, 446 (сведения *Сотной* 1563 г.); АСМ, 1. С. 184 (грамота Ивана IV в Кереть, 1565 г.).

[5] СГКЭ. Т. 2. Стб. 454 (сведения переписи 1574−1575 гг.).

[6] ААЭ. Т. II. С. 419–420 (царская грамота в Кереть от 17 апреля 1590 г.); СГКЭ. Т. 2. Стб. 469–481 (сведения керетской переписи 1608−1609 гг.).

нович Аврамов составил Обыскные книги и взял налоги в вотчине Соловков в Выгозерском погосте[1].

Полномочия в делах фиска на территории монастырских вотчин и поместий Заонежья в начале XVII в. имели уже присылавшиеся новгородскими дьяками подьячии[2]. Выборная власть помещиков распространялась лишь на поместья Заонежской половины, находившихся вне пределов дворцового округа Заонежских дворцовых погостов и осуществлялась губными старостами из помещиков и целовальниками под контролем дьяков Новгорода[3].

В отличие от уменьшавшихся прав помещиков и монастырей по сбору налогов, в XVII в. аналогичные полномочия крестьянского и посадского самоуправления устояли. Источники XVI–XVII вв. зачастую именовали волостные власти самоуправления *лучшими людьми*, *крестьянами лучшими*.

Высокий для жителей статус выборных старост произрастал и подкреплялся собственным материальным благополучием последних. Так, посадский староста г. Корелы 1568 г. Илья Васильевич Бакланов являлся хозяином одного из самых обширных городских дворов и двух торговых амбаров и был совладельцем богатых рыбных угодий; живший с ним брат церковный дьячок также имел амбар[4]. Достаток избираемых в волостях старост отметила и Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г.: в одних Заонежских погостах (Мегорском, Веницком) местные старосты обладали наибольшими сельхозугодьями – по сравнению со среднестатистическими показателями на одного тяглеца их боярщин, а в других (Кижском, Пудожском, Шальском, Вытегорском) являлись совладельцами обширных рыбных промыслов или хозяевами торговых соляных и рыбных

[1] АСМ, 1. С. 255 (расписка выборного головы Заонежской половины Обонежской пятины Т. И. Аврамова о получении налогов с соловецкой Сумской волости, не ранее 1571/72 г.).

[2] РГАДА. Ф. 27. Приказ Тайных Дел. Оп. 1. Д. 19. О сборе налогов в Новгородском уезде. Л. 48–49 (черновик наказа подьячему Семену Фомину от 28 ноября 1601 г.).

[3] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 19. Л. 3 об. (жалоба помещика С. Д. Мартемьянова от 10 октября 1601 г.).

[4] ИК, 1. С. 73, 76.

амбаров[1]. Но исполнение старостами и целовальниками своих обязанностей не оплачивалось. Учитывая данные обстоятельства, центральное правительство в своих уставных и иных грамотах на места специально запрещало выборным властям использовать свое положение в целях обогащения[2].

Ранее в результате губной реформы северные черносошные волости и поместья обзавелись выборной полицией, которой законом 1555 г. передавались дела о разбоях, выделенные из компетенции кормленщиков, а общий надзор за судебной системой осуществлял приказ «Разбойной избы». Наконец, в 1555/56 г. в Москве приняли закон о службе с вотчин и поместий и объявили об отмене кормлений. Так были заложены основы областной административно-территориальной формы воеводского управления.

Фискально-административный надзор дьяки Новгорода проводили через составленные ими *платежные книги*, где фиксировались подати с административных образований Новгородской земли и по погостам (сохранилась Платежная книга Ладожского наместничества и Оштинского стана 1555/56 г.)[3]. В кризисные 1570-е гг. до составления новой переписи дьяки (очевидно, по царскому указу, а не самодеятельно) составили *сметные списки* с целью выявления действительных налоговых возможностей уезда[4]. Так, их *Сметный список Оштинского стана* 1576/77 г. рассчитал «сколко с которого погоста государевых ямских и приметных денег и всяких государевых податей», по нему и взыскивались налоги[5]. В XVII в. появились *окладные росписи*, которыми дьяки планировали примерную величину налогов в Новгородском уезде и его расход, а *сметами* они вели учет реальных налоговых поступлений и расходования собран-

---

[1] Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г.; Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. [Далее − ПК 1563 г.]. С. 168, 182, 203, 209, 215, 240, 244.

[2] Материалы. С. 192 (Из *Уставной грамоты* 1562 г. Кеми и Шуе); РИБ. Т. 35. С. 7–8; ДАИ. С. 294–299 (*Наказы* приказчикам Заонежских погостов, 1598−1605, 1612 гг.).

[3] Писцовые книги Новгородской земли. В 2-х т. СПб., 1999. Т. 2. Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К. В. Баранов [Далее − ПКНЗ, 2]. С. 21–51.

[4] Там же. С. 156–180 (Сметный список Обонежской пятины 1573/74 г., отрывок).

[5] Там же. С. 181 (Сметный список Оштинского стана 1576/77 г., отрывок).

ных средств. В 1620 г. эти сметы и оклады соединились в единый документ – уездный бюджет[1].

На рубеже XVI–XVII вв. не сузилась и сфера общей делопроизводственной компетенции дьяков Новгорода. По описи Новгорода 1617 г. в Дьячей избе имелись «всякие дела» Разрядного, Поместного, Большого прихода, Дворцового и Ямского приказов, многочисленные писцовые, дозорные, приправочные, дачи, отдельные, обыскные, ввозные, платежные, приходные и переписные книги за прошедшие годы[2], т. е. буквально по всем отраслям сложной системы централизованного государственного управления Новгородским уездом и пятинами. Значительная часть этой документации связана со сферой землевладения. И тут центральная власть, как и уездные управленцы Новгорода, также опирались на сведения, поставляемые им с мест аппаратом самоуправления, поскольку старосты, опираясь на *людей добрых*, продолжали надзирать за общинным землевладением и границами волостей.

Проанализируем сведения 260 частноправовых актов 1484−1584 гг. сделок на землю, угодья и промыслы в волостях Шуе, Кеми, Керети, Ковде, Умбе и Варзуге; их составляли между собой как местные жители, так и сторонние частные лица и монастыри[3]. Среди документов не оказалось ни одного акта, свидетелями которого не выступали бы местные жители – «люди добрые», старосты и целовальники. Но между волостями выявилось и существенное различие. По нашим подсчетам, на шуерецкие, кемские, умбские и варзужские угодья приходится всего 13 из 219 актов, заверенных старостами или целовальниками этих волостей, а оставшиеся 206 сделок свидетельствовались только подписями «добрых людей» (6 и 94% соответственно), в Керети же и Ковде наблюдается почти противоположная картина: из 41 сделки местные старосты и целовальники заверили 25, или 61% актов, т. е. больше на целый порядок. Выявленное различие принципиально.

---

[1] ДАИ. С. 294 (сведения Наказа дворцовому приказчику 1612 г. – о приходных книгах в Заонежских погостах и Новгороде); Памятники отечественной истории [Далее − ПОИ]. Вып. 3. Ч. 2. С. 176–239 (Сметный список денежных и хлебных доходов и расходов за 1620 г. и окладная роспись на 1621 г.).

[2] Опись Новгорода 1617 г. // ПОИ. М., 1984. Вып. 3. Ч. 1. С. 153.

[3] АСМ, 1; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Л., 1990. Акты Соловецкого монастыря. 1572–1584 гг. [Далее − АСМ, 2].

Очевидно, выявленное различие коренилось в способах администрирования данными волостями. Если для первой группы волостей характерно управление с помощью *наездов* новгородских или двинских подьячих и сборщиков, то население Керети и Ковды сталкивалось с государевыми данщиками и слободчиками постоянно, что объективно повышало в его понимании статус выборных защитников интересов волости перед государством в целом и перед не всегда бескорыстными местными агентами управления в частности. Доказательством тому служит и официальный публично-правовой акт – *Отводной* керетского данщика от 14 октября 1564 г. на пустое дворовое место одному из волощан. Отвод производился по «царскому слову» государевым данщиком и двумя выборными лицами волости, а саму «Отводную», т. е. акт об исполнении ими царской воли, свидетельствовали (!) тогдашний староста волости Нечай Власьев и 13 «добрых людей»[1].

Тяжбы между общинным самоуправлением возникали не только из-за границ волостей, но и по вопросам землевладения. Методы их улаживания были аналогичны межевальным делам: уполномоченные представители сторон приходили к соглашению, которое закрепляли в письменной форме[2]. Точно так же решались споры между самоуправлением черносошных волостей и сторонними владельцами, например, с монастырями[3]. Кроме того, находившиеся в общинном владении земли, угодья и промыслы волощане сдавали на сторону, при условии выплаты новым держателем причитавшихся с них налогов, что также документировалось. В 1565 г. так поступили выгозерцы, чей староста и выборный судья Филипп Андронович Бурак от имени волощан передал право на владение изрядно истощившими свой рыбный запас угодьями на реке Выге в Золотце Соловецкому монастырю, а затем они регулярно получали от обители положенные к выплате в казну деньги, пока в 1582/83 г. писец А. Плещеев не отвел саму ловлю Соловецкому монастырю в вотчину[4]. В 1574 г. подоб-

[1] АСМ, 1. С. 181–182.

[2] АСМ, 1. С. 43. *Мировая запись* крестьян Нюхотской и Выгозерской волостей с Соловецким монастырем о рыбных ловлях в реках Выге и Сороке. 1530/31 г.

[3] АСМ, 2. С. 163–164. Договорная *память* о порядке пользования рыбными ловлями между крестьянами Кемской волости и Соловецким монастырем от 21 июля 1581 г.

[4] АСМ, 1. С. 185–187, 190–191, 201–202, 208, 214; АСМ, 2. С. 6, 29, 44, 129, 203 (данные за 1565−1582/83 гг.).

но выгозерцам поступили старосты и крестьяне волостей Нюхчи и Унежмы, отдав Соловкам свою долю в Золотце[1].

Узаконенное государством право распоряжаться de facto своими землями, угодьями и промыслами оставалось за черносошным и дворцовым крестьянством Карелии и в начале XVII в. Доказательством тому служат две *Данные* 1621–1624 гг. старосты и жителей Пудожского погоста Палеостровскому монастырю на мельничное место на реке Рагнуксе. Тогда дворцовый Пудожский погост переживал последствия «Великого Московского разорения» 1610-х гг. Многие его земли запустели, оттого что их владельцы или умерли, или сбежали, а оставшимся приходилось выплачивать ранее установленные налоги[2]. Поэтому 9 марта 1621 г. местные староста и целовальник от имени всех пудожан передали тяглое и запустевшее строение мельницы игумену Палеостровского монастыря, заранее устраняясь от улаживания имущественных споров обители с отсутствовавшими пока владельцами промысла, но обязуясь «оборонять» новых держателей от собственных волощан, могущих их «обижать или с места сживать»[3]. Вскоре, однако, объявились старые владельцы священник и пономарь, и в 1624 г. они уже от своего имени передали три четверти мельницы монастырю, видимо, оставив ее четверть за собой[4]. Как видим, в данном случае явного столкновения интересов участников сделок и самоуправления не произошло.

---

[1] АСМ, 2. С. 53–54.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Д. 8554. «Книга Новгородцкого уезда Олонеским дворцовым погостом писма и меры Петра Ивановича Воейкова да диака Ивана Лговского 124-го и 125-го году [1615/16–1616/17 гг.], да туто же книга писма и меры одново диака Ивана Лговского заонежскому Андомскому погосту да Оштинскому стану дворцовым же погостом 127-го году» [1618/19 г.]. Л. 292–363.

[3] Архив КарНЦ РАН. Разряд 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 76. Данная грамота старосты Федора Захарьева сына Биричева, целовальника Ивана Федорова сына Кузнецова и всех крестьян Пудожского погоста Палеостровскому монастырю, игумену Иосифу – на тяглое запустевшее мельничное строение и снасть на реке Рагнуксе, 9 марта 1621 г.

[4] Архив КарНЦ РАН. Разряд 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 66. Данная грамота попа сумской церкви св. Параскевы Пятницы Тихона Терентьева и пономаря церкви св. Николая Пудожского погоста Ивана Корнильева Палеостровскому монастырю, игумену Иосифу «з братией» на три четверти мельничных строений и снасть на реке Рагнуксе, март 1624 г.

Ребольская волость показала обратный пример. В 1598 г. крестьянин соседнего лопского Селецкого погоста Филипп купил там пять сенокосных участков, которые унаследовал его сын Федор. Когда в 1620-х гг. в русскую Карелию хлынули карельские беженцы, местные жители охотно их принимали и обеспечивали сельскохозяйственными угодьями. Староста Кирила Низарьев и крестьяне ребольских Лендер отобрали сенокосы у Федора для обеспечения беглецов, что и повлекло за собой его жалобу на лендерцев и приезд туда новгородского подьячего Б. Воломского[1]. Но в целом права на владения землями, угодьями и промыслами соблюдались, а центральное правительство закрепляло сложившуюся ситуацию кадастровым описанием.

Имея право распоряжаться и защищать свою собственность, черносошное и дворцовое крестьянство Карелии не раз прибегало к помощи центра – главного арбитра в местных спорах или при несправедливых действиях государственной администрации, что уже отмечалось нами ранее на многочисленных и впечатляющих примерах. Напомним наиболее важные: по челобитьям с мест Москва восстановила в Кеми и Шуе устраивавший крестьян порядок управления в 1530 г., узаконило присутствие на суде данщика и слободчика крестьянских губных целовальников в Керети и Ковде.

Таковы многочисленные, характерные и убедительные примеры повсеместного и ответственного использования старостами и волощанами своих традиционных прав при совершении частноправовых актов и публично-правовых действий по регулированию системы хозяйства и порядка управления и при взаимоотношениях в связи с этим с местными и центральными властями, которые воспринимали их обращения как должное. Данные факты из истории Карелии неопровержимо свидетельствуют о повсеместно сложившейся ранее и существовавшей в России конца XV − начала XVII в. системе местного самоуправления. Они имели давние, глубокие и самостоятельные начала, не вытекавшие непосредственно только из реформ конца 1530-х − 1550-х гг. Но

[1] РГАДА. Ф. 27. Приказ Тайных дел. Оп. 1. Д. 18. О беглых латышах и возвращенных из шведских пределов разных русских. О русских и шведских беглых и об исправлении рубежных меж на шведской границе. 1600–1651 гг. Л. 146–146 об. *Извет* Федора Филиппова на лендерцев, не ранее 12 января 1628 г.

эти реформы их значительно развили, окончательно включив местное самоуправление в государственную систему централизованного воеводско-приказного уездного управления. На примере Карелии выясняется, что в условиях недостаточной развитости столичных и областных органов управления в упорной работе по централизации власти Кремль прочно опирался на местах на повсеместно распространенную и традиционную общинную организацию, постоянно корреспондируясь с юридически оформленными писцами органами самоуправления, особенно в таких важнейших сферах, как фискальная, правоохранительная и землевладельческая.

* * *

Новгородские власти воплощали в жизнь еще две тесно связанные друг с другом прерогативы Престола – военную власть и связи с иностранными державами. Военная и внешняя политика России, в частности, имели целью закрепить за собой присоединенные в 1478 г. земли вечевой республики. Одновременно Москва сама претендовала на славянские земли Литвы и бывшие владения Новгорода. Поэтому Кремль создал на северо-западе страны мощный военный плацдарм из пяти военно-мобилизационных округов *пятин*, спешно переводя туда из московских земель и устраивая (по терминологии тех лет *испомещая*) в конфискованных у элиты республики владениях новый слой военно-служилого сословия России *помещиков*.

«Испомещение», по указу Ивана III, осуществляли писцы, составители новгородских переписей 1495–1505 гг. В архивной копии *Подлинной росписи* из переписи Водской пятины Д. В. Китаева конца XV в. сказано, что великий князь велел брать военных слуг (дворовых людей, послужильцев) у князей и бояр и передавать их писцу, чтобы уже тот *испоместил* их на землях Новгорода, Ивангорода, Орешка, Корелы, Ямы и Копорья, т. е. в уездах Водской пятины. Дату этого указа Ивана III сохранила другая выписка – из поместной переписи Обонежской пятины Ю. К. Сабурова. Там говорится, что в 7004 (1495/96) г., по указу великого князя, во всех пятинах работали писцы: «писали княжеских и боярских людей, кто чей сын и послужилец, и которые присланы с Москвы и з других городов»,

т. е. излагался все тот же указ об испомещении[1]. Пересказ указа мы находим и в *Родословной росписи* Кузьминых-Караваевых и Фефилатьевых, ссылавшейся на перепись Китаева и его работу по испомещению людей В. Я. Кузьмина[2]. Напомним: в ноябре 1495 – марте 1496 г. Иван III находился в Новгороде, а значит, лично и через писцов руководил созданием пятинного устройства Новгородской земли, всей ее военно-поместной системы[3]. Военно-поместная организация «Новгородского государства» московских монархов управлялась из столицы с совместной помощью новгородских наместников и дворецкого.

С последней трети XVI в., с переходом на воеводскую форму управления, заведование военно-поместной системой осуществляли одновременно новгородские воеводы и столичный Разрядный приказ. Документально подтверждает данное положение сохранившийся в РГАДА обширный отрывок новгородской *Верстальной десятни* (послужного списка) помещиков Обонежской пятины 1606/07 г., времени царя «Дмитрия Ивановича» – Лжедмитрия I. Она содержит данные о службе 113 помещиков, 92 из которых уже наделялись поместьями и деньгами с 1571/72 по 1606/07 гг. Подсчеты по всем 92 случаям пожалований за эти 35 лет показывают, что 43 помещика наделялись поместьями и денежным окладом непосредственно в Новгороде воеводами с дьяками; в Москве в Разрядном приказе – 20 чел., а «боярским верстаньем» – еще трое; 10 чел.

---

[1] Выписки 1648/49 г. из писцовых книг Д. В. Китаева и Ю. К. Сабурова конца XV в.: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 36. Сборная рукопись. Л. 7 об.–10. Краткая выписка из писцовой книги Водской пятины писца Д. В. Китаева конца XV в.; Д. 83. Сборник. XVII в. Л. 23 об.–34, 63–73 (выписки из писцовой книги Водской пятины Новгородского уезда писца Д. В. Китаева конца XV в. Список кн. Семена Урусова. 1648–1649 гг.). По подсчетам К. Ф. Базилевича, к концу XV в. большая часть первых помещиков получила земли именно в пограничных районах Водской пятины (*Базилевич К. Ф.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV в.). М., 1955. С. 341–344).

[2] Отрывок *Родословной росписи* Кузьминых-Караваевых и Фефилатьевых опубликован: *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 148–151.

[3] О пребывании Ивана III в Новгороде и организации им военных походов см.: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 17. Сборная рукопись XVII в. Л. 24 (сведения Разрядной книги 1495–1525 гг.); Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 24, 26; Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. М., 2004. Т. XLIII. С. 212.

наделил поместьем Разряд, а деньгами – Новгород; 10 пожилых помещиков верстались еще «в Слободе» (в Александровской слободе: видимо, они вошли в опричный корпус при кратковременном включении Обонежской пятины в опричный удел Ивана Грозного); один человек был поверстан в Старице, а о местах верстания оставшихся 5 помещиков источник не сообщает[1]. Следовательно, поместная организация Новгородской земли находилась в таком же двойном подчинении, как и ее административно-судебная система: в первой трети – середине XVI в. пятинами заведовали Москва и в Новгороде наместники и дворецкий с дворцовыми дьяками, а с последней трети и в начале XVII в. – новгородская воеводская администрация и столичный Разрядный приказ.

Подобным своеобразием отмечена и внешнеполитическая сфера прерогатив русских монархов конца XV – начала XVII в. Несомненно, выработка внешней политики России входила в исключительную компетенцию верховной власти, но в связях со Стокгольмом, как указывалось выше, Москва приравнивала международный вес Швеции к «чести» бывшего удельного Великого Новгорода. Поэтому Кремль вплоть до 1615–1617 гг. отказывался заключать с ней прямые двухсторонние договоры. При этом он передал церемониально-официальную и формально-юридическую стороны дипломатических прерогатив в Новгород, наместникам и дворецким[2].

Уже сам статус наместника предполагал право на международные сношения, естественно, под контролем монарха. Об этом недвусмысленно сообщает грамота Ивана IV в Новгород об отправке королю Густаву I царского послания от 12 февраля 1556 г.: в Новгороде его надлежало переписать уже от имени новгородского наместника боярина князя Михаила Васильевича Глинского, заверить этот документ новгородской печатью и только в таком виде отправить в

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 83. Л. 74 об.–136 об. Верстальная десятня дворян Новгородского уезда, 1606/07 г.

[2] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 5. Список с грамот царя Иоанна Васильевича шведскому королю. 1572–1573 гг. Л. 16–19 (Послание Ивана IV Юхану III, 1573 г.); *Жуков А. Ю.* Карелия в русско-шведских отношениях XIV–XVI вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы 11-й ежегодной междунар. науч. конф. (1–2 апр. 2009 г.). СПб., 2010. С. 62–75.

Стокгольм, поэтому свое послание королю царь назвал «княж-Михайловой грамотой»[1].

Новая приказная система также обзавелась внешнеполитическими полномочиями: в целом связями с восточными странами ведала Казна и ее казначей, а с западными соседями – Дворец и его дворецкие[2]. Очевидно, данный фактор и стоял за переходом в 1539 г. «Дикой Лопи» из ведения казенных дьяков к дьякам новгородского Дворца. Как раз в 1537–1538 гг. между Новгородом и Стокгольмом состоялись переговоры о подтверждении перемирия 1510 г., о торговле и приграничных землях. Поэтому пограничные Лопские погосты, на взгляд Москвы, нуждались в присмотре дьяков новгородского дворецкого. Но в 1549 г. был создан Посольский приказ, к которому перешли внешнеполитические функции Казны и Дворца на уровне столицы[3], но не Новгорода, и в 1549 г. потребовалось особое царское подтверждение власти дьяков новгородского Дворца над «Дикой Лопью»[4].

Выше уже отмечены главные внутриполитические причины перехода от власти кормленщиков к воеводскому управлению в Новгородской земле. Но в случае с Новгородом они скорее создавали условия для данного перехода, нежели являлись непосредственными причинами утверждения тут в 1562/63 г. воеводства. Тем более они не объясняют запаздывания в административном переустройстве этого важнейшего стратегического центра управления всем Северо-Западом России. Непосредственная причина скрывалась в области внешней политики – в войне и дипломатических правах наместников.

Пограничная война 1554–1557 гг. между Швецией и Россией потребовала сохранить за наместниками и дворецким военную власть над Новгородской землей. Окончание же ее в 1557 г. ознаменовалось заключением в Новгороде очередного перемирия на прежних условиях. Новгородские наместники и дворецкие остались юридически главными лицами в связях России с королевством. Приход к

---

[1] Материалы. С. 181–182.

[2] *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994. С. 14.

[3] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1902. Ч. 4. Пруссия, Франция и Швеция. С. 117–118.

[4] СГГД. Ч. 1. С. 436–439.

власти в Швеции короля Эрика XIV и поражения в Ливонской войне заставили Ивана Грозного пересмотреть принципы русско-шведских связей, а с ними и систему власти в Новгороде.

Еще в 1561 г. царь ответил отказом на просьбу нового короля о политико-дипломатическом равенстве сторон. Но, воюя с Польшей из-за Прибалтики, в России стали склоняться в пользу такого решения проблемы. И для начала в 1562/63 г. Иван IV упразднил пост наместника в Новгороде. Этим Стокгольму был подан нужный знак, подкрепленный затем приемом в 1563 г. в российской столице гонцов короля, а зимой 1567 г. – шведского посольства самим царем в Александровской слободе. Заключенный там русско-шведский договор признавал Эрика XIV *братом* царю, но только при условии, что Швеция выдаст России принцессу Екатерину, сестру польского короля Сигизмунда II Августа и жену (вдову – по ложной информации русских) герцога Финляндского Юхана. Герцог оказался жив, в 1568 г. он сверг с престола Эрика и стал новым шведским королем Юханом III. Сближение России и Швеции надолго прервалось. Интересно, что воеводы Новгорода поначалу не получили прежние значительные внешнеполитические полномочия по связям со Стокгольмом – фактически царь возвратил их себе, посылая язвительно-обвинительные послания шведскому соседу[1].

С возобновлением в Новгороде воеводства в конце 1570-х гг. право представлять Россию перед Швецией перешло в руки новгородских воевод. К тому времени надежды на примирение со Швецией окончательно рухнули, и дипломатические полномочия воевод вновь подчеркивали неравенство, в глазах царя, шведского государства перед Россией. В дипломатических переговорах воеводам помогали уже столичные дьяки. Например, Тявзинский мир со Швецией 1595 г. заключали специально назначенные в Новгород воеводами на «годовую службу» И. С. Туренин и И. М. Пушкин, а с ними – дьяки Г. И. Клобуков и Посник Дмитриев. От имени новгородского воеводы князя М. В. Скопин-Шуйского именно что юридически его послы

[1] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–30 (списки с царских посланий Юхану III 1572–1573 гг.); *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. С. 119–120.

воевода Семен Головин и дьяк Сыдавной Зиновьев подписали Выборгский договор 1609 г.[1]

Старинный способ связей с иностранными державами через наместников тогда же, в последней трети XVI в., трансформировался в систему дипломатических рангов послов и воевод приграничных земель, в том числе Новгородского уезда. По царским указам им жаловались номинально титулы наместников, конечно, без права на кормление в областях, значившихся в титулах. В XVII в. уже действовала стройная иерархия таких рангов: существовало строгое разделение на «наместничества» боярские (Псковское, Тверское и др.), окольничьи (например, Муромское, Калужское) и дворянские[2].

На примере централизованного управления Новгородской землей заметно, что исполнение наместниками и воеводами полномочий приводило к функционализму их власти (например, в военной и дипломатической сферах). Функциональная приказная система, наоборот, потребовала передачи ее управленцам права на территориальное администрирование пограничьем (Лопскими погостами). Переустройство фиска сопровождалось не только укреплением позиций дьяков Новгорода, но и усилением приказного контроля «сверху» за уездами через организацию в 1560–1570-х гг. особых центральных приказных учреждений *четвертей*, или *четей*, которые ведали и налогами, и территориями, откуда они поступали. Во время опричнины фиском в земщине руководил приказ Большого

---

[1] Разрядная книга 1475–1598 г. С. 483 (данные за 1594 г.); Журнал Министерства Внутренних Дел. 1840. № 9. С. 342–343 (сведения Тявзинского мира 1595 г.); *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 124–127 (Выборгский договор 1609 г.); Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собр. и ред. А. М. Гневушев. М., 1914 [Далее − Акты Гневушева]. С. 137, 141 (из указной грамоты царя Василия Шуйского в Новгород, 23 августа 1609 г.).

[2] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 149. Списки бояр, окольничих и думных дворян и дьяков, стольников и дворян, посылаемых на посольские съезды с титулами наместников, не ранее 1659 г.; Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. Ч. 1. Посольский приказ. 1612–1682 гг. Д. 1501. Л. 1–4. Перечневая роспись наместников, «которыми никто не пишется». Не ранее 1664/65 г.; Л. 5–8. Дело о титуловании смоленского воеводы кн. М. И. Лыкова в переписке с порубежными городами наместником Муромским. Май – июль 1676 г.

прихода, а в опричном уделе – чети[1]. После опричнины четверти сохранились и постепенно укрупнялись. К концу XVI в. чети, курировавшие северные земли, объединились в *Новгородскую четверть*, контролировавшую поступавшие в Новгород налоги[2]. А со второй половины 1570-х гг., когда в Новгороде царь упразднил пост дворецкого, управление Севером постепенно прибрали к рукам дьяки столичного Посольского приказа посредством руководства северными четвертями.

Так, указную грамоту Ивана IV холмогорским данным старостам о вотчине Николо-Карельского монастыря от 2 апреля 1578 г. подписал на царское имя дьяк Андрей Арцыбашев, бывший в 1575 г. русским послом в Империю. В 1590 г. Соловецкий монастырь получил право отвозить собранные в вотчине налоги не в Новгород, а прямо в Москву, в четь дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова, а с 1592 г. уже весь Соловецкий округ стал подчиняться его четверти. Дьяк А. Я. Щелкалов в 1570–1594 гг. возглавлял Посольский приказ. На этом посту его сменил брат Василий Щелкалов, который в 1580–1590-е гг. руководил четвертью, курировавшей Кольский и Новгородский уезды и некоторые поморские волости. Наконец, занимавший в 1589–1592 гг. должность второго дьяка Посольского приказа Посник Дмитриев (заключал мир в Тявзине) в 1595–1599 гг. являлся и вторым дьяком четверти Ивана Нармацкого, ведавшей тогда Новгородским и Кольским уездами и волостями Поморья (т. е. заменившей собой четь В. Щелкалова)[3].

Как видим, руководство Посольского приказа изначально и широко было представлено в складывавшихся приказах-четвертях, которые на Севере заменили собой отходивших на второй план Казну

---

[1] *Гальперин Г. Б.* Формы правления Русского централизованного государства XV–XVI вв. Л., 1964. С. 71; *Зимин А. А*. Опричнина… С. 378–379.

[2] О функциях и первоначальной структуре Новгородской четверти см.: *Воскобойникова Н. Н.* Обзор материалов по истории северного крестьянства в фондах Новгородской четверти ЦГАДА // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.). Пермь, 1982. С. 3–19.

[3] Сведения о посольских дьяках, ведавших четями, см.: ААЭ. СПб, 1836. Т. I. С. 363–365 (грамота 1578 г.); Материалы. С. 308–312, 327–330 (жалованные грамоты Соловецкому монастырю от 2 июня 1590 и 15 апреля 1592 гг.); *Рогожин Н. М.* Указ. соч. С. 38, 98, 185; *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. М., 1988. Т. 116. С. 199–200.

и Дворец. Специфика управления приграничными северными землями в условиях всеобщего кризиса в стране и неудач в Ливонской войне заставила Москву усилить свое влияние на Севере. Такая политика выразилась и в создании новых административных образований (Кольского уезда, округов дворцовых Заонежских погостов и Соловецкого монастыря), и в переустройстве административного управления Севером из столицы. Приказная централизация шла и через объединение в самом конце XVI в. северных четвертей в единый приказ Новгородской четверти для бдительного надзора за всей территорией новгородского Севера. Проводниками политики централизации управления Севером являлись, в частности, дьяки Посольского приказа, унаследовавшие от новгородских дворецких функции управления северным приграничьем.

Приведенные выше сведения описи Новгорода 1617 г. характеризуют общий корпус столичных приказов, в конце XVI – начале XVII в. осуществлявших в сферах своей компетенции администрирование Новгородской землей через дьяков Новгорода. Следовательно, к концу XVI в. в основном сложились новые система и структура центрального государственного управления Новгородской землей. Они просуществовали без изменений до лета 1610 г., когда Швеция предприняла открытую интервенцию. Воеводские власти Новгорода и занятой шведами части его уезда возглавил назначенный королем Густавом II Адольфом Якоб Делагарди. И только с 1613 г. чаша весов на Севере стала клониться в пользу суверенитета Москвы. В феврале 1617 г. был заключен Столбовский мир, шведы отдали Новгород[1].

1 июня 1617 г. царь Михаил Романов назначил в Новгород первый полноценный состав воеводской администрации: воевод бояри-

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 37. Сборная рукопись. Л. 46–46 об. (сведения Разрядной книги 1613–1614 гг. о неудачном походе на Новгород); Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911, июль. Вып. 5 [Далее − СНОЛД]. С. 3–11 (новгородско-шведский договор от 25 июня 1611 г.); Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 г. / Отв. ред. Н. М. Рогожин; сост., коммент., вступ. ст. Д. В. Лисейцева. М., 2006 (сведения о ходе русско-шведских переговоров при посредничестве англичан); Разрядная книга 1616/17 г. // ПОИ. Вып. 3. Ч. 2. С. 303 (о первой российской администрации Новгорода); *Замятин Г. А.* «К Российскому царствию пристоят». Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613–1614 гг. / Сост. А. Н. Одиноков, Я. Н. Рабинович; под ред. Г. М. Коваленко. Великий Новгород, 2012.

на князя И. А. Хованского, М. А. Вельяминова и дьяков А. Вареева и Т. Копнина. Приказное руководство над уездом сосредоточилось в Новгородской четверти, городских пушкарей, ямщиков и стрельцов ведали, соответственно, в Пушкарском, Ямском и Стрелецком приказах, а иностранцев – в Посольском[1]. Последнее являлось нововведением 1613 г., когда впервые иностранцы были выведены из-под надзора областных воевод и различных приказов и ими стало ведать российское внешнеполитическое ведомство[2].

Так в 1617 г. в Новгородском уезде в основном восстановились взаимосвязанные административная воеводская и функциональная приказная системы централизованного государственного управления, утвердившиеся в Новгородской земле еще в последней трети XVI в. На основах и принципах централизма и строилось управление Карелией, в том числе взаимоотношения государственных властей всех уровней с местным самоуправлением.

§ 5.2. Государственное управление Заонежскими погостами

Заонежские погосты в 1478–1649 гг. входили в Новгородский уезд. Системное государственное управление ими покоилось на прочном фундаменте уездного администрирования центральными органами власти Москвы и Новгорода. Но в первой половине XVI в. северное Обонежье располагало существенным дополнением к нему – властью волостелей сельских станов, а с 1580-х гг. – приказчика дворцовых Заонежских погостов. Учреждение станов диктовалось характером государственного управления, не совсем отрешившегося от удельных порядков, когда служба вознаграждалась дарованием прав на *корм* с области, района или промысла. Церковный стан Дома св. Софии на Олонце брал свое начало во временах Великого Новгорода, а «государевы станы» на Оште, Выгозере и Водлозере возникли в 1496 г.

---

[1] Временник имп. МОИДР. СПб., 1849. Кн. III. С. 65–67, 82 (разрядные сведения за 1616/17 г.).

[2] РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 70. Записная книга дел. Отрывок. Не ранее 1698–1699 гг. Выписки из царских указов и грамот за 1613–1698 гг. о подведомственности иностранцев Посольскому приказу. Л. 1–3.

Данное положение доказывает проведенный в предыдущей главе анализ переписи 1496 г. Отсутствие в сохранившихся отрывках и выписях из сабуровского «письма» сведений по всем Заонежским погостам не дает увидеть полную территорию станов до 1496 г. И все же можно вполне уверенно говорить о том, что фиксация налога *за волостелин корм* при «старом письме» выразила твердое намерение и несомненную подготовку Москвы к распространению режима кормления на отдаленные погосты Заонежья и прежде всего на доходные транзитные пункты (Шуньгу, Вытегру). Вместе с тем в более близких к Новгороду погостах в Пелтушах и Койгушах кормления существовали со времени «старого письма». Структура взаимосвязанных центральной, уездной и становой систем государственного управления Заонежьем в основном сложилась только в 1496 г., синхронно с военно-поместным пятинным устройством Новгородской земли. Главную организаторскую роль в налаживании власти кормленщиков сыграли писцы.

Основные функции писцов по кадастрово-налоговому описанию земель преследовали цель установить на них определенный административный порядок и обеспечить его материально. Наши анализ и выводы иллюстрируют и конкретизируют важное замечание П. А. Колесникова об участии писцов в оформлении уездов и станов на Севере[1]. Мы должны констатировать, что «новое письмо» ввело тут и московскую податную систему, переведя старые натуральные оброки населения новгородских боярщин на фиксированные деньги и *корм*. Поэтому первичной фискальной единицей Заонежья стала община-боярщина, а не погост, или двор, или деревня.

Данная система ярко прослеживается и в переписи 1563–1566 гг. Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина. Подобно Сабурову, они подсчитывали подати с каждой боярщины в отдельности[2]. Продержался этот порядок до 1582/83 г., когда писцы Андрей Васильевич Плещеев и подьячий Семен Кузьмин составили новую перепись Обонежской пятины. Основными податными единицами стали погосты, и оттого в 1582/83 г. их деревни уже не группиро-

[1] *Колесников П. А.* Основные этапы развития северной общины // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 6. Проблемы истории русской общины. С. 12.

[2] ПК 1563 г. С. 57–254.

вались по старым боярщинам[1]. Очевидно, столице потребовалось унифицировать низовую систему самоуправления.

Ранее уже отмечалось, что как раз к середине XVI в. наметился процесс экстенсивного развития самоуправления «вширь». На территории многих погостов все чаще выделялись отдельные общины-приходы. Но власть, как мы видим, сделала ставку на самоуправление на уровне погостов, а не на самоуправление его составляющих отдельных общин. Ведь общепогостское самоуправление давно, со времен Великого Новгорода, являлось хорошо отлаженным механизмом. Новые и многочисленные общины же, претендовавшие на власть на своих территориями, вносили путаницу и разлад в управление этим самым низовым административным звеном. Поэтому центральная власть в лице государевых писцов закрыла глаза на наличие в каждом из погостов нескольких общин, успевших выделиться в отдельные приходы. В противном случае Москве пришлось бы поделить каждый старый погост на несколько мелких самостоятельных погостов − низовых административных самоуправляющихся единиц − и иметь дело уже со всеми ними, тем более что число этих волостей постоянно и неуправляемо возрастало.

Неделимость погостов и опора на его самоуправление устояли и при учреждении дворцового округа на базе оброчных и дворцовых земель Заонежских погостов. Это доказывает сохранившийся фрагмент писцовой книги дворцовых Заонежских погостов Леонтия Аксакова и Афанасия Жеребятичева 1584/85 г., воплотивших в жизнь данную важнейшую административную реформу. Переписав погосты, Л. Аксаков и А. Жеребятичев организовали сам округ, в том числе ввели тут по царскому указу новую податную систему. Они заменили обежный оклад вытным, а налоги деньгами – хлебным. Но последнее в малохлебном крае не удалось, и с 1585/86 г. налоги вновь собирались деньгами, но теперь уже по новому дворцовому письму[2].

---

[1] ИК, 3. С. 35–341 (писцовая книга 1582/83 г.).

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Петербургская вотчинная контора. Д. 16932. Л. 162–248. Писцовая книга дворцовых Заонежских погостов 1584/85 г. Леонтия Аксакова и Афанасия Жеребятичева. Фрагмент; Оп. 1. Д. 8554. Л. 930 об.–932 (сведения о переводе налогов на хлебные выплаты и обратно на деньги по письму Л. Аксакова и А. Жеребятичева).

Тем не менее архаичное деление на боярщины еще долго сохранялось в части владения рыболовными промыслами. И А. В. Плещеев, и последующие писцы приписывали крупные ловища к различным общинам-боярщинам в строгом соответствии с переписью Ивана Васильевича Беклемишева 1550/51 г. и других ранних писцов, поскольку последние закрепляли общинный характер эксплуатации таких угодий, ничуть не изменившийся и в последующее время[1]. Кадастровые переписи, закрепляя за каждым субъектом-общиной землепользования сельхозугодья и промыслы, являлись и для них, и для властей государства неопровержимым доказательством владельческих прав[2]. Размеры же налогов для каждой из единиц фиска рассчитывались и оформлялись потом новгородскими дьяками в *платежных книгах*. В свою очередь, на их основе создавались *приходные книги* погостов, подлинники которых хранились в каждом из погостов у старост[3].

Государство также опиралось на авторитет переписей, так как следовало в фискальной политике фундаментальному принципу «чья земля – того и подати». Сохранилась *наказная память* (инструкция) от 14 сентября 1618 г. новгородских дьяков их подьячему по разбору спора между Палеостровским и Тихвинским монастырями из-за

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8551. «Книга Новгородцкого уезда Олонеским дворцовым погостом писма и меры Петра Ивановича Воейкова да диака Ивана Лговского 124-го и 125-го году, да туто же книга писма и меры одново диака Ивана Лговского заонежскому Андомскому погосту да Оштинскому стану дворцовым же погостом 127-го году». Л. 179 об.; Д. 8554. Л. 239–239 об.; Кн. 979. «Подлинная дозорная книга патриарших, митрополичьих и монастырских земель Обонежской пятины Заонежской половины» князя Мины Дмитриевича Лыкова, 1620 г. Л. 264–266; ИК, 3. С. 162, 205–206. Публикацию отрывка переписи И. В. Беклемишева см.: Писцовые книги Новгородской земли. В 2-х т. СПб., 1999. Т. 1. Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и описные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К. В. Баранов [Далее − ПКНЗ, 1]. С. 9–14.

[2] О роли кадастровых переписей в охране порядка землевладения см.: *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 107; *Она же*. Нормы обычного права в земельно-распорядительных сделках крестьян Русского Севера первой половины XVII в. (по материалам Сольвычегодского уезда) // История СССР. 1885. № 2. С. 101.

[3] ДАИ. С. 294 (сведения *Наказа* 1612 г. – о приходных книгах в погостах и Новгороде).

вотчинных земель в Шунгском погосте, которыми ранее совместно пользовались палеостровские и дворцовые (с 1613 г. – тихвинские) крестьяне. В 1616/17 г. писцы П. И. Воейков и И. Лговский отнесли земли исключительно в вотчину Палеостровского монастыря, и поэтому царь указал дьякам: признать право собственности на спорные владения за теми, за кем они числятся в переписи[1].

Помимо основных функций по установлению административного порядка с помощью кадастрово-налогового описания земель, с 1495/96 г. писцы занимались устройством в Новгородской земле первых помещиков. В Заонежских погостах поместья были малочисленны и отличались незначительными размерами из-за неблагоприятных климатических условий и скудости людских ресурсов[2]. В середине XVI в. поместная система в Заонежье немного расширилась, но не за счет черносошной (оброчной) волости.

Практиковались другие пути. Один путь был связан с включением в поместный оборот выморочных владений своеземцев, переходивших по законодательству государству, а второй – с рекрутированием в середине века самих своеземцев на государеву службу. Таких людей перепись 1563 г. называла *земцами* (а иногда даже помещиками): они верстались, а их деревни писцы заносили в специальные *земецкие книги*. После этого земцы получали уже *ввозные грамоты* от новгородских дьяков на свои бывшие вотчины, т. е. теряли на них право собственности. Впрочем, как и помещикам, земцам полагалась поместная прибавка за исправную службу Престолу[3].

3 октября 1550 г. состоялся известный приговор царя Ивана IV и его Думы об устройстве в центре страны «избранной тысячи» по-

---

[1] Архив КарНЦ РАН. Разряд I. Оп. 1. Д. 1. Л. 60. Наказная память подьячему Андрею Михайлову из Новгорода от дьяка Мины-Третьяка Копнина – о проведении обыска по спору Палеостровского и Тихвинского монастырей из-за земельных угодий и мельниц в Шунгском погосте от 14 сентября 1618 г.; 82, 84, 83. «Список с наказу слово в слово» наказной памяти подьячему А. Михайлову от 14 сентября 1618 г.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 83. Л. 8, 73 (фрагменты поместного дела об *испомещении* в Обонежье писцом Ю. К. Сабуровым пленных смолян Апрелевых, копия 1648/49 г.); *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1910. С. 21; *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии… С. 36.

[3] ПК 1563 г. С. 64, 119–120 (о выморочных землях своеземцев), 100–101, 122, 123, 136 (о земцах и их обеспечении).

мещиков[1]. На примере Заонежских погостов (ниже мы скажем и о Корельском уезде) мы видим проявление все той же политики верховной власти середины XVI в. по экстенсивному расширению поместной системы в форме включения в корпус помещиков нового слоя землевладельцев. Данной политики «расширения» царь придерживался, создавая опричный удел, когда в 1571 г. помещиков Обонежской пятины зачислили в опричный корпус[2].

Сильнейший общий кризис последней трети XVI в. ударил и по государеву поместному землевладению в Заонежских погостах. Образование нового царского дворового удела привело к выводу большинства заонежских помещиков в Порховский уезд. Все поместные земли в южных погостах писцы зачислили в 1582/83 г. в разряд черносошных (тут остались только поместья Дома св. Софии). На севере сохранились 4 поместья в Шуйском, Кижском, Шунгском и Андомском погостах[3].

В конце XVI в. центральное правительство предприняло ряд мер по сохранению военно-служилого сословия на Севере. Исследователи нашли, что знаменитый указ от 3 мая 1594 г. о пятилетнем сроке сыска беглых крестьян («указ об урочных летах», впервые официально вводивший в России нормы крепостного права) безусловно применялся в Обонежье, а указом от 24 ноября 1597 г. его действие распространялось на всю страну[4]. Кроме того, 30 мая 1596 г. царь постановил обеспечить обедневших и потому уклонявшихся от службы помещиков-*нетчиков* их старыми, отнятыми у них за неявку поместьями, не успевшими еще пойти в поместную раздачу, а также неиспользуемыми землями из других поместий и «пустыми»

---

[1] *Лихачев Н. П., Мятлев Н. В.* Тысячная книга 7059–1550 года. Орел, 1911. С. 1.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 83. Л. 78, 87 об., 88, 91 об., 94 об., 96–96 об., 99 об., 100–100 об., 125 (данные обонежской десятни 1606/07 г.).

[3] Сравни данные о поместном землевладении на юге Заонежских погостов в 1563 г. (ПК 1563 г. С. 77–78, 84–85, 100–103, 197, 218–221) и о тех же землях, но уже черносошных, в 1582/83 г. (ИК, 3. С. 74–75, 86–105, 279–297). О немногих поместьях на севере Заонежских погостов см.: ИК, 3. С. 133–134, 146, 181, 242–243.

[4] Законодательные акты… Кн. 1. Тексты. С. 64, 66–67; Кн. 2. Комментарии. С. 67; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». 2-е изд. М., 1985. С. 176–180; История крестьянства Северо-Запада России. СПб., 1994. С. 147.

поместьями[1]. Но положение в Заонежье оставалось по существу прежним. Перепись 1610-х гг. и дозор 1620 г. нашли старые поместья в Кижском, Шунгском и Шуйском погостах, новое – в Олонецком, а андомское поместье исчезло[2].

Многочисленные факты доказывают: писцы не просто оформляли уезды и округа, – крупные администраторы, они выполняли в конце XV – начале XVII в. ответственные функции по отладке и регулированию государственной системы власти на областном и местном уровнях управления и военно-поместной структуры страны. Работа их шла под непосредственным надзором Кремля и в полном соответствии с его внутриполитическим курсом. Организованное с помощью писцов управление Новгородским уездом в конце XV – первой половине XVI в. находилось в руках монарха и его Думы, администрации Новгорода, а в Заонежье – и волостелей.

С 1496 г. волостели, вместе со своими тиунами и доводчиками, составляли основную структуру местного уровня государственной власти в пределах каждого из заонежских станов. Назначаемые из Москвы, они выполняли административно-судебные обязанности независимо от новгородских наместников. Размер корма твердо определялся писцовой документацией. Подвергались строгой таксации и пошлины: судебные и «пятно и мыто» за продажу жителями лошадей и провоз товаров, т. е. выплаты волостелям по неподдающемуся заранее точному учету операциям. Поэтому в *послушной грамоте* Ивана IV выгозерцам (около 1543 г.) и говорилось, что волостель Федор Зезевитов будет управлять и получать доходы «по тому, как было прежь сего» (до него волостелем здесь был Ширяй Ододуров)[3].

Перед отменой становых кормлений, в 1553/54 г. Выгозеро получил Лука Васильев сын Корсаков. Т. И. Пашкова, со ссылкой на работу А. В. Антонова о великокняжеской канцелярии и кормленых

---

[1] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 17. О наложении оброка и взыскания пенных денег за пользование государевыми пустопорожними пашенными землями и покосами. 1596–1597 гг. Л. 61 (царская грамота в Новгород воеводе кн. Д. А. Ногтеву от 20 июля 1596 г.).

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8551. Л. 87–91, 160–163; Кн. 979. Л. 45 об.–47 об., 137–138, 159–159 об., 210 об.–213.

[3] Акты Юшкова. С. 121.

грамотах XV – середины XVI в., отмечает, что ранее, в 1526/27 и может быть в 1528/29 гг., он вместе с братом Семеном собирали какую-то «половину доходов» (не уточняя вид корма) в Новгороде, а в 1537/38 г. они же наместничали в Устюге[1]. На Выгозерский стан не удалось «наехать» 22 февраля 1556 г. Григорию Семеновичу Цыплятеву[2] (заонежские кормления к тому времени отменили).

Известные нам волостели Заонежья принадлежали к верхнему слою помещиков – *дворянам*, т. е. призванным на службу непосредственно ко Двору военным. Так, оштинский (по 1554 г.) волостель Никифор Федорович Вышеславцев являлся дворовым помещиком по Гдову и вел свой род от суздальских детей боярских[3]. Упомянутый волостель Ф. Зезевитов в 1555 г. исполнял военно-придворную должность податня (ассистента) у приставленного к царской рогатине князя Ф. В. Сисеева во время похода Ивана IV к Коломне и Туле[4]. Дворовым торопецким помещиком был и отмеченный в Боярской книге 1556 г. водлозерский волостель (до 1 октября 1552 г.) Василий Меньшой Андреевич Вельяминов. Но он принадлежал уже к боярской фамилии Зерновых-Вельяминовых; брат его Иван Обиняк являлся отцом известного в опричнину окольничего Дмитрия Ивановича Обинякова[5]. После Василия Вельяминова 1 октября 1555 г. на водлозерское кормление должен был «наехать» Иван Молчанов сын Голохвастов, но оно уже было в *кормленом окупе*, т. е. вышло из режима волостельского кормления[6].

Пожалованных ровно в середине XVI в. кормлением волостелей отметила и *Тысячная книга* 1550 г. и Дворовая тетрадь 1550-х гг.[7] По мнению И. И. Смирнова, Книга отразила целенаправленную политику правительства по передаче управления на местах в руки дворян-

---

[1] *Пашкова Т. И.* Указ. соч. С. 174 (№ 115).

[2] Там же. С. 182 (№ 225).

[3] Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1556 г.) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1902. Кн. 2. С. 278, 313.

[4] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 283.

[5] *Лихачев Н. П., Мятлев Н. В.* Тысячная книга… С. 79; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 167–168.

[6] *Пашкова Т. И.* Указ. соч. С. 169 (№ 52).

[7] Тысячная книга 1550 г. Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века / Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950.

помещиков из корпуса *тысячников*; в преддверии земской реформы она подготавливала отмену системы кормлений[1]. Наши материалы подтверждают дворянский состав заонежских волостелей. Но их родовитость – от незнатных помещиков до младших представителей правящей элиты – указывает на явное стремление московского правительства рекрутировать тогда в систему местного управления самый широкий спектр представителей нового служилого сословия, а не только тысячников. Главное же заключалось в том, что волостели служили верховной власти с данных ею поместий, а не с собственных вотчин[2].

Такая кадровая политика не годилась, однако, для важнейшего новгородского наместничества, на которое назначались исключительно высшие представители правящей элиты. В Заонежских погостах, будучи ограниченными территориями станов, новгородские наместники распространяли свои непосредственные властные полномочия лишь на подсудных им немногочисленных жителей местных поместий и селян нескольких деревень в Пиркинском погосте на устье р. Свири. Входя по 1562 г. в состав новгородского кормления, они обеспечивали Новгороду твердый контроль за стратегически важным торговым путем и богатое вознаграждение наместникам. Ограниченное жалованными грамотами право суда по тяжким преступлениям и взимание пошлин за пятнание лошадей наместники имели и над крупнейшими монастырями Новгорода, владевшими вотчинами, в том числе в Заонежье. Жители их, в частности, Толвуйской вотчины Вяжитского монастыря, также частично находилось под властью наместников[3].

Политика выдачи монастырям иммунитетных грамот, ущемлявших права наместников, относилась и к заонежским волостелям.

---

[1] *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958. С. 421.

[2] Наиболее полный состав известных волостелей см.: *Пашкова Т. И.* Указ. соч. С. 166–183 (великокняжеские волостели), 183–185 (волостели великих князей Рязанских и удельных князей); *Она же*. Материалы к изучению персонального состава волостной администрации Русского государства второй половины XV – первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Вып. XXVI. С. 136–172.

[3] ПК 1563 г. С. 77 (данные о налоге *за наместнич доход* с ряда пиркинских деревень); РИБ. Т. 35. Стб. 91–98 (жалованная грамота Василия III Вяжицкому монастырю, 1525 г.); Материалы. С. 205 (расписка новгородских властей о получении налога *за пятно и душегубство новгородских наместников* с вяжицкой вотчины в Толвуе, 22 июля 1571 г.).

Правительство шаг за шагом сокращало их юрисдикцию и объем доходов в станах, что надежно прослеживается на материалах Соловецкого монастыря. По словам его игумена Алексия (1534–1546 гг.), административно-судебные права над населением своей небольшой еще вотчины имелись у настоятеля обители со времен Василия III; правительство грамотой от 2 февраля 1541 г. подтвердило их, а пожалованиями 1539, 1550 и 1551 гг. распространило их действие на новые монастырские земли по рекам Выг, Колежма и Сорока. Тогда же Соловки освободили от выплат пошлин в пользу выгозерского и других кормленщиков за продажу соли по стране и торговлю в своей вотчине[1].

Урезая в первой половине XVI в. права и доходы кормленщиков, правительство с 1550-х гг. приступило к земской реформе, связанной с упразднением их власти. Н. Е. Носов, исследовав данный переход на материалах по Северу, для Заонежья – по *Боярской книге* и *Платежной книге* Оштинского стана (обе – 1556 г.) и Водлозерской *Сотной* 1568/69 г., пришел к выводу об отмене волостельств на Оште и Водлозере до 1 октября 1555 г., но в отношении Выгозера он назвал и эту дату, и время до 22 февраля 1556 г. (т. е. несостоявшегося волостельства Г. С. Цыплятева)[2]. Иные, более точные сроки ухода волостелей из заонежских станов раскрывают материалы за 1555 г.

28 июня 1555 г. Иван IV выдал Соловецкому монастырю *Подтверждение* жалованной грамоты 1547 г. Обитель теряла право на беспошлинную продажу соли, но получала взамен Сумскую волость с ее волостелиным кормом и судом выгозерского волостеля[3]. *Корм* в Северном Обонежье только в 1556 г. централизованно заменили налогом в казну *кормленым окупом* – сам он не может сигнализировать о наличии летом 1555 г. волостеля в Выгозере. Не указывают на то и сведения о суде выгозерского волостеля, поскольку на суд кормленщика традиционно указывают все подобные грамоты, выданные, в

[1] АСМ, 1. С. 54–56, 50–51, 96–97, 103–103, 80–83 (жалованные грамоты Соловецкому монастырю 1541, 1539, 1550, 1551 и 1547 гг.).

[2] *Носов Н. Е.* Земская реформа на Русском Севере XVI в. (об отмене кормлений и введении земских учреждений) // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 134–139; *Он же*. Становление сословно-представительных учреждений… С. 498–501.

[3] АСМ, 1. С. 82–83.

частности, и туда, где их власть уже отсутствовала[1]. Зато, подтверждая 28 июня 1555 г. право Соловков на беспошлинные закупку и провоз «запаса на монастырский обиход», царь указал эти операции документировать, подписывая список закупок у дьяка Казны, с тем чтобы провоз становился беспошлинным для таможенников. О кормленщиках ничего не говорится, тогда как по грамоте 1547 г. такие закупки обходились без ведома дьяка, но в пути всем местным кормленщикам и таможенникам запрещалось брать с них свои пошлины[2]. Факт отсутствия в Подтверждении 1555 г. упоминания о заонежских оштинском и выгозерском волостелях, по станам которых соловецкие монахи и везли припасы на зиму, указывает на отмену там волостельств еще до 28 июня 1555 г.

Другое доказательство содержится в царской грамоте наместнику Новгорода от 10 сентября 1555 г. – о выдаче недельщику Пятому Лизунову полагавшихся ему выплат. (Недельщики являлись судебными посыльными, следователями и исполнителями по уголовным делам, о чем говорят, например тексты грамоты 1555 г. и *Поручительства* за недельщика Л. А. Кусакова 1586 г.[3]) Недельщик П. Лизунов весной – летом 1555 г. служил в судебном аппарате новгородской администрации и ездил только в Заонежье, будучи пожалованным *неделями* за ранение при взятии Казани в 1552 г. В пунктах назначения его протяженных и долговременных маршрутов: в Важинах, Оште, Выгозере, Летгубе, Сегозере, Суме, Нюхче, Унежме, Кузаранде, Челмужах и Шуньге, т. е. в Оштинском и Выгозерском станах,– он проводил следствие («ставил дела») и вызывал обвиняемых на суд. Иными словами, он выполнял обязанности тиунов и доводчиков волостелей, если бы они имелись на местах. Но и сам суд проходил не в станах, а в Новгороде, и обвиняемых судили не волостели, а новгородские наместник и дьяки, причем приговоры последних окончательно утверждались царем[4]. Эта грамота рисует картину, резко отличную от известной нам системы администриро-

---

[1] *Носов Н. Е.* Земская реформа… С. 137–138; *Он же*. Становление земских учреждений… С. 494.

[2] АСМ, 1. С. 80, 82.

[3] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 36. Сборная рукопись. Л. 15–15 об. (*Поручительство* за недельщика, 1586 г.).

[4] ДАИ. С. 121–122 (грамота Ивана IV в Новгород от 10 сентября 1555 г.).

вания в Заонежье с помощью волостелей, но прямо совпадает, укажем наперед, с порядком новгородского судопроизводства осенью 1555 г. Данный факт доказывает: когда недельщик П. Лизунов смог ездить по заонежским станам после весенней распутицы – в конце весны – начале лета 1555 г., волостели уже «съехали» из Выгозера и Ошты, а местное государственное управление сосредоточилось в Новгороде, у его властей.

Охарактеризуем теперь полномочия приказных властей Новгорода в Заонежских погостах. Местных земель, в первой половине XVI в. испытавших на себе непосредственное управление со стороны новгородского дворецкого, было лишь немногим больше, чем владений наместника. Так, в 1563 г. брались «дворецкого пошлины и дьячие и ключничьи» с части деревень Олонецкого погоста, выменянных царем у новгородского архиепископа в 1551/52 г., и взимался оброк в Новгород дьякам «во Дворец» с богатого онежского рыбного промысла кижан[1]. Но известно, что полномочная юрисдикция кормленщиков, с выплатой им податей, в целом распространялась только на территорию их кормлений. А вот приказные в лице новгородских дворецкого, дьяков Казны и Дворца, конюшего (ведавшего обеспечением поголовья государевых лошадей) имели функциональную юрисдикцию на всю подвластную им новгородскую территорию, независимо от принадлежности ее частей к кормлениям. Это принципиальное отличие на примере Северного Обонежья просматривается за пожалованиями Ивана IV Александро-Свирскому монастырю 1547 г. В сфере своих полномочий новгородские дворецкий и конюший судили жителей вотчины. Судили их также наместники и волостели, но в пределах своих кормлений; дворецкий еще и следил за соблюдением выданных Престолом обители жалованных грамот. Но в наместничье следствие (осмотр убитого, например) и торговые дела (продажа лошадей и товаров) ни дворецкий, ни конюший не могли вмешиваться, поскольку кормленщик взимал с дел и торговых сделок свои пошлины[2].

Широкие полномочия Дворца вполне объяснимы: под его началом в Заонежских погостах находилась важнейшая сфера управления – землевладение. Землеустроительные функции у новгородского

[1] ПК 1563 г. С. 62, 155.

[2] Материалы. С. 151–152.

Дворца появились еще в конце XV в., когда он занялся распределением среди помещиков конфискованных у новгородской знати и Дома св. Софии земель[1]. Теперь же, к середине XVI в., Дворец контролировал все землевладение обширной Новгородской земли − и черносошное, и поместное, и монастырское. Например, заонежская перепись 1610-х гг. называла границу Вытегорского и Андомского погостов, персонифицируя ее, «рубежем Ивана Бухарина» и «рубежем… Иванова межеванья Бухарина»[2]. Даже в 1665 г. крестьяне Веницкого погоста помнили об Иване Бухарине, который, отделяя их земли от Оштинского погоста, выдал им «прямую межевую грамоту»[3]. Между тем сам Иван Ишук Иванович Бухарин в 1539–1540-х гг. служил дворцовым дьяком в Новгороде. В 1545/46 г. он и дворцовый же дьяк Д. Т. Скрипицын получили из Москвы копию новой кадастровой переписи И. Д. Вельяминова с необходимыми для их работы сведениями о поместьях в Бежицкой пятине[4].

Характер взаимоотношений столичной власти с новгородской приказной, а с последней трети XVI в. и с воеводской администрацией, а также всех их с местным самоуправлением по поводу управления Заонежскими погостами выясняется при анализе источников судебного свойства. Для первой половины XVI в. он ярко раскрыт в *Правой грамоте* Палеостровскому монастырю 1538/39 г.[5] Она содержит судебное дело между Палеостровской и Муромской обителями о праве собственности на Уноские острова на Онежском озере. В 1535 г. Москва получила встречные иски их игуменов против друг друга и приказала новгородскому Дворцу, ведавшему монастырским землевладением, вершить по делу суд. Дворецкий Дмитрий Федорович Ласкирев и его дьяки Иван Вязга Афанасьевич Суков и Никита Васильевич Великий направили судей Третьяка Кривякина и Спиридона Михайлова на место провести *обыск* по переписи и предварительное судебное разбирательство; оно состоялось 14 сентября 1636 г. в форме состязательного процесса. На этом разбира-

[1] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления… С. 52.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 449, 501 об.

[3] Карелия в 17 в. С. 140 (сведения *Мирской челобитной* крестьян Оштинского погоста, не позднее 25 августа 1663 г.).

[4] *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 425–426.

[5] Материалы. С. 131–143

тельстве активнейшее участие приняли старосты и «люди добрые» из близлежащих к островам погостов. Протокол процесса оба ответчика привезли в Новгород, где и предстали на суд перед дворецким и его дьяками. Вынеся в 1538/39 г. приговор в пользу Палеостровской обители, суд вручил ее игумену и названную *Правую грамоту*, и все судебные пошлины с проигравшего процесс Муромского монастыря, так как, в отличие от наместников, приказные не имели права на доходы от суда. Дворецкий доложил о приговоре в Москву, а правительство приняло окончательное решение, изменив приговор: оно разделило Уноские острова поровну между обителями. В 1540 г. этот раздел произвел судья Спиридон Михайлов. Как и на предварительном процессе, на межевание выезжали старосты и «люди добрые» от обеих сторон и из соседних погостов[1].

В 1555 г., с отменой постов государевых волостелей в заонежских станах, Дворец расширил полномочия на суд в сферах землевладения и фиска. Так, по царским грамотам его дьяки разбирали тяжбы, причем вместе с наместником – о поместном землевладении и самостоятельно – по спорам черносошных крестьян и монастырей. Об этом свидетельствуют три царские грамоты в Новгород за октябрь – ноябрь 1555 г. по жалобам черносошных крестьян: Остречинского погоста – на Александро-Свирский монастырь из-за рыболовных угодий от 27 октября, Веницкого погоста – на помещика К. И. Скобельцына о земельном захвате (октябрь) и Шимозерской волости – на оштинских черносошных же крестьян о раскладке податей между ними от 9 ноября 1555 г. Судопроизводство по всем трем делам проходило единообразно. После неудачных попыток самостоятельного разбора тяжб дворцовыми дьяками и наместником (по причине неподчинения ответчиков) истцы жаловались царю. Он уже указывал дьякам и сам порядок судопроизводства, и вопросы для рассмотрения на суде, и, в зависимости от ответов сторон, примерные приговоры и способы их исполнения (разделить земельные и рыболовные угодья одним и определить доли налоговых выплат другим), а после суда требовал доложить ему о приговорах, но в

[1] Материалы. С. 131–143 (*Правая грамота* Палеостровскому монастырю 1538/39 г.), 141–143 (*Разъезжая грамота* судьи Спира Михайлова на земли в Уноских островах от 18 июня 1540 г.).

случае повторного срыва процессов – отправить на суд в Москву заонежских истцов и ответчиков с материалами разбирательства[1].

Итак, при исполнении судебных полномочий дворецкий и его дьяки находились в полном подчинении центральному правительству. По-иному и быть не могло: правительственная регламентация суда делала все предписанные шаги местных приказных властей юридически законными, а предопределенные приговоры – звучали еще и в соответствии с политикой верховного суверена. Одновременно местное самоуправление в лице и истцов, и ответчиков выступили правоспособными сторонами.

Из вышеназванной царской грамоты в Новгород по жалобе недельщика П. Лизунова от 10 сентября 1555 г. мы узнаем о принципиальной оценке царя прав местного самоуправления на участие в судопроизводстве. Иван IV, не зная конкретной сути расследовавшихся Лизуновым дел, все же нашел возможным априорно и высокомерно назвать крестьянские показания с мест «мужичьими поклепами»[2]. Добавим: косвенно такая оценка указывает и на вынужденность решения об отмене постов волостелей из-за их слишком большого «корыствования», грозившего на местах потерей управления.

Впрочем, и из новгородских судебных дел 1555 г. следует, что введение прямого суда главных уездных властей над заонежанами тоже грозит затруднением: Иван IV беспокоился, что последние просто проигнорируют такие суды. Дело в том, что как раз к лету (летом) 1555 г. посты местных волостелей отменили. Ранее они осуществляли судопроизводство, а местное население подчинялось волостелям в силу царских *послушных грамот*. Теперь же вступал в силу новый порядок − суд черносошных крестьян с помещиками, монастырями и между собой переносился в Новгород. Видимо, данный порядок не подкреплялся каким-то особым царским указом, и поэтому крестьяне, их самоуправление и могли не подчиниться новым судьям. Только присылка из Москвы царских грамот могла разрешить данную юридическую коллизию. И в дальнейшем, при учреждении в Новгороде воеводства и усилении столичного приказного управления, отмеченный стиль жесткой регламентации действий властей уезда из Москвы полностью сохранился. При этом

[1] ДАИ. С. 79, 80, 81–82.

[2] ДАИ. С. 121–122.

и Москва, и Новгород должны были учитывать мнение местного самоуправления, опираться на свидетельства старожильцев. Так, участие старожильцев в определении границ получило государственное закрепление в Судебнике 1589 г. И в его краткой редакции (ст. 17), и в пространной (ст. 151) писалось почти одинаково: «А судити о землях сыскивати старожилцы, хто знает межи, или преж сего ту землю пахивал или живал»[1].

Все вышеуказанные черты судебной системы по отношению к новгородским властям и населению выпукло проявились при разборе земельного спора дворцовых крестьян Кижского погоста с Клименецким монастырем в конце XVI в. Кратко история конфликта такова. В 1582/83 г. обитель получила здесь некоторые земли в вотчину. Отведя братии с помощью старожильцев царское пожалование, новгородский посыльный уехал. Но местные крестьяне во главе со старостой запретили монастырю распахивать один из отведенных участков, расположенный, как они считали, в их общинном лесу. После жалобы игумена царю и ответной царской грамоты Новгород прислал нового межевальщика, который, тем не менее, так и не смог произвести отвод в спорном районе, по причине того что кижане «не встали на межу», т. е. не выехали к спорной границе. Более того, они «не дали знатцев» (старожильцев). Без соблюдения обоих условий отвод земель являлся незаконным. Спор переместился в суд, сначала в новгородский воеводско-дьячий, затем в столичный приказной суд четверти, наконец, в высший суд Боярской Думы. Утверждая в 1599 г. его приговор, царь Борис Годунов потребовал произвести, наконец, операцию размежевания. А в Новгород пошла царская *грамота с прочетом* – для публичного зачитывания перед сторонами конфликта. В ней скрупулезно записаны не только все юридические обстоятельства судебно-правового характера, но и дана подробная история земельного спора между монастырем и местной общиной кижан. Иными словами, царю пришлось публично доказывать перед крестьянами правоту позиции не только обители, но и всех судов. Весьма примечательно, что боярский приговор не наложил на кижан, которые «изолживились вконец», никаких денежных штрафов в пользу монастыря, хотя обитель

[1] Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII вв. Судебники XV–XVI веков / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнин; под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 356, 400.

за 1583–1599 гг., пока длился спор из-за крохотного лесного участка, понесла значительные денежные убытки от судебной волокиты[1]. Ведь местные старосты Кижского погоста имели полное право защищать в суде неприкосновенность границ своей общины.

Постепенно с 1570-х гг. в области монастырского землевладения суд над монастырями перешел в ведение столичного приказа Большого Дворца. Поэтому, по крайней мере, к 1620-м гг. роль Новгорода свелась к предварительному разбирательству возникавших дел. Так, в царской грамоте из данного приказа в Новгород от 4 марта 1625 г. о тяжбе Палеостровской обители с Вяжицкой воеводе Г. П. Ромодановскому и дьяку Ф. Апраксину предписывалось провести лишь очную ставку сторон по указанным в грамоте вопросам и отправить ответы в приказ Большого Дворца[2].

Приказной характер судебных прерогатив Новгорода в заонежских делах повторялся и в области землеустройства, например, при отводе черносошных земель в вотчины различным монастырям. В середине XVI в. отводы проводили дьяки Новгорода по царским указам, детально расписывавшим их действия. Но и сами дьяки, отправляя на место подьячих, всякий раз определяли им конкретный порядок отвода, затем проверяли работу и докладывали результаты в Москву. Царь утверждал земельный отвод, а дьяки Новгорода доводили его решение до мест через *послушные грамоты*[3].

---

[1] Материалы. С. 368–377 (*Грамота с прочетом* царя Бориса Годунова в Новгород от 25 февраля 1599 г.).

[2] Архив КарНЦ РАН. Разряд I. Оп. 1. Д. 1. Л. 15. Указная царская грамота за приписью дьяка Приказа Большого Дворца Ивана Васильева боярину и воеводе Новгорода кн. Григорию Петровичу Ромодановскому и дьяку Федору Апраксину – о разборе спора между Палеостровским и Вяжицким монастырями о селе Яковлево Сиденье Толвуйского погоста. 4 марта 1625 г.

[3] Архив КарНЦ РАН. Разряд VI. Оп. 6. Коллекция документов и отдельных рукописей XVIII–XX вв. Д. 140. Жалованные грамоты, духовная память и другие акты XVI–XVII вв. Олонецкой губернии, присланные в редакцию газеты «Олонецкие губернские ведомости». Л. 5–5 об. Жалованная («соборная») грамота царя Ивана Васильевича Задне-Никифоровой Важинской пустыни на земли и угодья, 9 марта 1557 г.; АСМ, 1. С. 129–131. Отводная запись новгородских дьяков Соловецкому монастырю на Сумскую волость, 24 февраля 1556 г.

С последней трети XVI в., при воеводах, за землеустройство попрежнему принимались дьяки с подьячими, а земельные права новых владельцев утверждали уже воеводы по царским указам[1]. Данный стиль управления привел и к росту в уезде дьячего аппарата. К 1570-м гг. у дьяков имелся уже целый штат подьячих и в Новгороде, и на местах, специалистов по каждой из пятин. Это доказывает дело 1577 г. о недополучении стрелецким сотником из г. Яма поместного оклада в Водской пятине. Следуя порядку отвода поместных земель, новгородские дьяки наделили его просимым остатком в Обонежской пятине таким образом: подьячии-«обонежцы» запросили коллег по делам Водской пятины о размере додачи, и последние 17 марта 1577 г. отослали им нужные сведения; получив 18 марта ответ, обонежцы нашли по своей документации незанятое поместье, доложили о нем дьякам, а дьяки присудили его сотнику; в Обонежье же дьяки послали находившемуся там подьячему *отдельную грамоту* для работы по наделению землей[2].

В конце XVI в. усилилась централизаторская направленность во внутренней политике правительства и, соответственно, его связь с приграничьем. 1584/85 г. принес переустройство в Заонежские погосты – они стали дворцовым округом во главе с назначенным Москвой приказчиком и с центром управления в селении Оште. Кроме того, источники с определенностью указывают на подведомственность дворцовых земель столичным четвертям. В первой половине 1590-х гг. это была четь Андрея Щелкалова: он, в частности, подписал царскую грамоту в Новгород от 9 июля 1590 г. о пожаловании Вашеостровской пустыни дворцовыми землями в Кондопоге[3]. Во вторую половину 1590-х гг. Заонежские погосты подчинялось уже

[1] Архив КарНЦ РАН. Разряд VI. Оп. 6. Д. 140. Л. 5 об.–8. Грамота новгородских воевод кн. Федора Ивановича Хворостинова и Григория Ивановича Мещанинова-Морозова губным старостам Обонежской пятины Якову Панову «с товарищи» – о пожаловании Задне-Никифоровой пустыни на Важене-озере, игумена Дорофея, землей и рыбной ловлей от 23 октября 1587 г.; Разряд I. Оп. 1. Д. 1. Л. 60 (*наказная память* новгородских дьяков от 14 сентября 1618 г.); РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8551. Л. 192–195 (Обельная грамота новгородского воеводы Д. А. Ногтева Палеостровскому монастырю от 17 июня 1594 г.).

[2] АМ. М., 1909. Т. 2. Ч. 1. С. 96–97.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 138–138 об. (запись царской грамоты 1590 г.).

четверти дьяка Ивана Нармацкого: он указан четвертным судьей в годуновской *грамоте с прочетом* 1599 г. Клименецкому монастырю[1]. В самом конце XVI в. северные чети объединились в Новгородскую четверть; к ней и перешел общий надзор над уездом, в том числе его Заонежским дворцовым округом.

Непосредственное государственное управление дворцовым Заонежьем, как и прежде, осуществляла уездная администрация, что следует из вышеприведенных источников конца XVI – начала XVII в. судебного и землеустроительного свойства. Но с 1584/85 г. в Новгороде появились и особые дворцовые дьяки (известны Василий Григорьевич Колударов и Григорий Трусов)[2]. Их компетенцию в делах дворцовых погостов подтверждает найденная В. И. Корецким жалоба подьячего Тимофея Сергеева 1590 г. о неподчинении ему дворцовых крестьян из Кондуш при отводе в вотчину Александро-Свирскому монастырю их пустошей – на том основании, что наказ подьячему подписал в Новгороде не дворцовый дьяк, а поместный[3].

Дворцовые дьяки Новгорода руководили Дворцом – местным филиалом нового приказа Большого Дворца. Мы знаем, что в Новгороде действовал Хлебный стол дворцового приказа в 1585/86 г.[4] Напомним, что тогда пытались собирать дворцовые заонежские подати хлебом. А в 1595–1697 гг. «во Дворец» в Новгород выплачивал налоги Касьян, строитель Петропавловской пустыни в Соломенном. Дела дворцового приказа в составе документации Дьячей избы отмечены в *Описи* Новгорода 1617 г.[5]

Заметим, что администрирование столичными четвертями дворцовым округом и выплаты *четвертных доходов* сближали Заонежские погосты с северной черносошной волостью, какой они и являлись до 1584/85 г. В то же время непосредственное государственное

---

[1] Материалы. С. 368–377.

[2] *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия… С. 195.

[3] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 288.

[4] *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия… С. 195.

[5] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 103 об. (отметка писцов о выплатах с Соломенской пустыни); ПОИ. М., 1984. Вып. 3. Ч. 1. С. 153 (сведения *Описи Новгорода* 1617 г.).

управление дворцовыми погостами через новгородский отдел приказа Большого Дворца и наличие на месте приказчика, по должности из его влиятельной столичной номенклатуры, позволяют принципиально относить эти земли к дворцовому хозяйству.

В источниках местный дворцовый управленец зачастую именовался *оштинским приказчиком*, но не потому, что его власть распространялась лишь на южный Оштинский стан, а по его резиденции в Оште. Материалы отметили проведение им дозоров, обысков и земельных отделов в северной части дворцового Заонежского округа. А *Платежная* (расписка) в получении денег с вотчины Вяжицкого монастыря в Толвуе от 3 января 1610 г. прямо называла его «приказчиком государевых Заонежских погостов»[1].

Два первостепенных по ценности источника – *наказы* приказчику – исчерпывающе характеризуют как его широкую компетенцию в деле управления погостами, степень подчиненности и взаимодействия с новгородской воеводской администрацией, так и характер взаимоотношений с местным самоуправлением в погостах. Первая из инструкций сохранилась фрагментарно и относится к царствованию Бориса Годунова (1598–1605 гг.), а вторая – полностью, но составлялась она уже в Новгороде, при власти там шведов (22 ноября 1612 г.). Новгородский наказ дословно, кроме титула царя, повторял соответствующее место в годуновском фрагменте и требовал от оштинского управленца действовать *по-прежнему*[2]. Сличение двух наказов и материалов о деятельности дворцовых приказчиков в конце XVI – начале XVII в. убеждают в том, что порядок администрирования дворцовыми погостами в целом сложился в неизменном виде уже в последние 15 лет XVI в.

Согласно наказам, приказчик претворял в жизнь жесткую систему государственного управления на местном уровне. Под угрозой суда, огромных штрафов и опалы ему запрещалось использовать служебное положение в корыстных целях, причиняя тем ущерб жителям и

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8551. Л. 186 об.–191об. (запись писцов *послушной грамоты* новгородских дьяков крестьянам Палеостровского монастыря от 22 сентября 1590 г.); Материалы. С. 340–341 (Дозорная книга оштинского приказчика на пустующую вотчину Клименецкого монастыря, 2 июля 1593 г.); РИБ. Т. 35. С. 172–173 (*Платежная* 1610 г.).

[2] РИБ. Т. 35. С. 7–8; ДАИ. С. 294–299.

государству. Поэтому его власть осуществлялась публично, «под запись». Важнейшими для приказчика являлись тесно связанные друг с другом области фиска и землепользования. С помощью местных старост и целовальников он собирал все без исключения налоги, а основные из них самолично отвозил дьякам в Новгород. В его первейшие обязанности входила и защита от каких-либо посягательств полноценного крестьянского хозяйства как объекта устойчивого налогообложения. Он также инвентаризовал весь земельный фонд с целью извлечения из него максимального дохода. Последнее достигалось, в частности, отдачей на льготных условиях желающим пустовавших пашни и сенокосов, с запретом их тайной безоброчной обработки; пресекался и наем дворцовыми крестьянами недворцовой пашни на стороне, если своя пашня не обрабатывалась, уходя, тем самым, от налогов. Приказчик в интересах фиска заботился о создании новых хозяйств и возобновлении старых, привлекая на свободные земли вольных людей, детей и племянников местных крестьян и проводя сыск, следствие и возврат в свои поселения беглецов.

На уровне каждого из погостов теми же вопросами ведало самоуправление. Но приказчик осуществлял жесткий надзор за его деятельностью. Все без исключения акты администрирования исполнялись приказчиком совместно с избранными на местах лицами самоуправления. Так, старосты и целовальники имели важные и широкие права: собирали у себя в погостах налоги по подлинным, хранившимся у них платежным книгам и отвозили, вместе с приказчиком, эти подати в Новгород; совершали, наряду с приказчиком, все отведенные в сферу его компетенции публично-правовые действия в важнейшей области землевладения, в том числе привлекали новых тяглецов. Они участвовали в суде оштинского администратора, хотя и не имели права выносить судебные приговоры, остававшиеся за приказчиком. В неподсудных ему делах по тяжким уголовным преступлениям вместе со старостами он проводил следствие и поимку подозреваемых и отправлял их затем на суд в Новгород. Старосты и приказчик осуществляли полицейские функции дознания и ареста подозреваемых и сыска сбежавших или сведенных на сторону крестьян. Приказчик и старосты боролись с нарушителями казенной винной монополии, штрафуя и арестовывая подпольных винокурцев, держателей кабаков и пьющих

в них людей. Данные административные, фискально-землеустроительные и судебно-следственные действия осуществлялись публично и протоколировались выбранными в каждом погосте земскими дьячками, с обязательным свидетельствованием подписями местных священников, причта и волощан, – «чтобы между лутчими и молодшими людьми вперед спору не было». Составленную документацию старосты отвозили на просмотр приказчику и дьякам Новгорода.

Из множества фиксировавшихся актов самоуправления особняком стояли «выборные и излюбленные списки» – протоколы выдвижения и выборов кандидатов на все должности крестьянского самоуправления, заверенные участниками голосования. По протоколам приказчик и дьяки определяли законность довольно демократичной процедуры избрания, а именно: участие в выборах **всех** крестьян, независимо от их достатка; соблюдение принципа ежегодной сменяемости избранных и их хорошая репутация (запрещалось выбирать «ябедников и воров» – уличенных в лжесвидетельстве и бывших преступников); отсутствие «сговора», т. е. обструкции выдвигаемых кандидатур. Избранных таким образом и утвержденных новгородскими дьяками старост и целовальников приказчик публично, в их погостах, приводил к должностной присяге. Присяга налагала на власти местного самоуправления ответственные обязанности «быть с приказчиком во всех государевых и земских делах», принимая под надзором администратора активное участие во всей обширной и разносторонней работе по управлению дворцовым Заонежьем. Так местное самоуправление прочно связывалось с централизованной системой местного управления. Это позволяло государственным властям оперативно и расчетливо отвечать на запросы с мест, вмешиваться и разрешать возникавшие конфликты и строго пресекать любые незаконные действия волостных миров и органов, но главное – твердо и последовательно проводить внутреннюю политику правительства на местах.

Компетенция новгородских воеводских властей не ограничивалась судом по тяжким уголовным преступлениям. В Заонежских погостах, как мы уже видели, они ведали землеустройством, а также следили за всей деятельностью приказчика. Воеводская администрация получала от приказчика протокольные записи обо всех его властных шагах в погостах и принимала у него привезенные налоги и отчет управленца об их сборе, а также пошлины от его

со старостами суда и собранные ими штрафы за винокурение и пьянство. Наконец, власти уезда имели право отправлять по делам в погосты своих посыльных и предписывали приказчику во всем им помогать.

Следовательно, приказчик дворцовых Заонежских погостов являлся администратором приказного типа. В дворцовом округе он осуществлял функции по государственному местному управлению в областях фиска, землепользования, судебно-полицейской системы и надзор за крестьянским самоуправлением. Приказчик и самоуправление на местах жестко подчинялись новгородской администрации и целиком контролировались ею, олицетворяя собой нижний предел властной вертикали «Москва – Новгород – Заонежские погосты». Данная зависимость, в сочетании с наделением их широкими полномочиями, имели целью обеспечить на месте твердое и неукоснительное проведение в жизнь внутренней политики верховной власти и, конкретно, общей внутриполитической линии российского правительства в конце XVI – начале XVII в. на централизацию управления. Курс этот повторял на уровне округа Заонежских погостов центральное государственное администрирование Новгородом и всем Новгородском уездом.

Тщательное налаживание дворцового управления помогло в осуществлении отмечавшейся выше непосредственной цели организации дворцового Заонежского округа – надежного обеспечения Новгорода, стратегически важного центра власти на Северо-Западе страны. Поэтому когда шведы в 1611 г. заняли уезд, они постарались собрать с Заонежья как можно больше налогов, сразу за 1611–1612 гг., и от таких сборов дворцовые погосты пришли в полный упадок[1]. С воцарением в 1613 г. Михаила Романова Москва постепенно возвратила контроль над Заонежскими погостами.

В 1613 г. власть Кремля утвердилась в Тихвине, важном пункте местных коммуникаций, перерезавшем шведам путь в дворцовый округ из Новгорода. В 1614 г. военным путем погосты получили освобождение от шведского господства. Тихвинские воеводы приступили к восстановлению системы государственного управления, временно исполняя обязанности новгородской воеводской администрации на севере Новгородского уезда. Уже в 1614–1615 гг. они сумели органи-

[1] ДАИ. С. 285–286 (*отписка* каргопольцев начальникам русских и шведских отрядов, 22 июня 1612 г.), 294–299 (*наказ* 1612 г.).

зовать дозор всех 14 Заонежских погостов, а с 1615 г. – полноценное писцовое описание их дворцовых земель, вотчин и поместий. Писцов П. И. Воейкова и дьяка И. Лговского прислала Москва, она же из Нижегородской (т. е. Новгородской) четверти следила за ходом переписи[1]. Центральное правительство было в курсе дел в отдаленном Заонежье, ведя в 1614–1617 гг. оживленную переписку с писцами и воеводами Тихвина[2]. В 1614 г. Москва передала в вотчину Богородицкого монастыря на Тихвине весь дворцовый Шунгский погост в награду за ответственное несение обителью затратных военных тягот. И напротив, находившиеся в оккупированном Новгороде монастыри Юрьев, Вяжицкий, Хутынский, Антоньев, Колмов и Росткин не управляли своими заонежскими вотчинами[3].

В целом, однако, надежное восстановление управления дворцовым Заонежским округом относится к началу 1620-х гг., после того как Новгород в 1617 г. возвратился России и между нею и Швецией в 1621 г. закончилось пограничное размежевание в Карелии. В городе и в уезде постепенно возродилась прочная централизованная система воеводской власти, а в Заонежских погостах утвердились сначала *судьи*, а затем – *воеводы* в Оште. Заонежское самоуправление стало теперь взаимодействовать с ними[4].

5.3. Администрация Корельского уезда

В 1500 г. вновь образованный Корельский уезд с центром в городе Кореле получил наместников великого князя. Наместники не

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 200 (царская жалованная грамота Палеостровскому монастырю из Нижегородской четверти, 1615 г.), 933 об.–934 (данные о дозорах 1614 г. Тимофея Свиблова в Олонецком погосте и 1614/15 г. Сутормы Коротнева и Постника Дементьева всех Заонежских погостов).

[2] РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 17. Дополнительная опись. Д. 8. Ст. 2. Л. 104–105 (царская грамота воеводе Тихвина Ф. К. Плещееву 1614 г. с благодарностью за управление и с требованием извещать Москву о всех делах «почаще»).

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8554. Л. 97–109 об. (жалованная грамота Богородицкому монастырю 1614 г. о пожаловании Шунгским погостом); ПОИ. Вып. 3. Ч. 1. С. 88, 91–94, 101, 125–126 (*Опись* Новгорода 1617 г. о новгородских монастырях в оккупацию).

[4] *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление… С. 66–84, 104–148.

создавали систему государственного управления уездом. Социально-экономические, административно-фискальные, военно-поместные преобразования были проведены заранее писцами и властями Новгорода по указам Ивана III. Поэтому до 1500 г. имело место прямое управление будущим уездом со стороны Новгорода. Так, налоги с конфискованных в «волость князя великого» местных деревень новгородцев взимал новгородский подьячий Немиров[1].

В XVI в. сохранились надзор, частично − и прямое администрирование уездом новгородскими дьяками Казны и Дворца в сферах фиска и землеустройства. Например, в Передней Кореле около 1539 г. они передали выморочные деревни своеземцев помещикам и ямщикам, а в 1567/68 г. наказали писцам: вывести из местных вотчин монастырей купцов на тяглые дворы в Корелу, дать налоговые льготы на мельницу у города и наложить оброк на рыболовные уголья жителей Сванского Волочка. Поскольку и губной аппарат был подчинен дьякам Новгорода, то в 1571 г. по наказу его дьяков Д. М. Бертенева и Н. Ю. Шелепина, выборный голова Корельской половины Ф. В. Калитин провел обыск в Кирьяжском погосте. Тогда же он составил *Платежную книгу* Корельского уезда, отразив в ней фискальные и землеустроительные меры новгородских Казны и Дворца за 1500–1560-е гг., проведенные в Задней Кореле[2].

Реформа фиска (с 1552/53 г.) привела к строгой дифференциации налоговых поступлений из Корельского уезда. Теперь государев оброк с черносошных угодий переправлялся в московскую «казну» (по всей видимости, в приказ Большого прихода), а обежная дань, ямские и приметные деньги оставались в казне новгородской[3]. Учрежденные в 1560-х гг. в Москве чети поначалу контролировали только опричную территорию, а с отменой опричнины они распространили полномочия, особенно фискальные, на бывшую земскую половину Севера. К примеру, после 1572 г. за Корельским уездом из столицы присматривала четверть дьяка Ан-

[1] ПК 1500 г. С. 11.

[2] ИК, 1. С. 22, 28 (данные переписи 1539 г.); 77–78, 146 (данные переписи 1568 г.); АМ. С. 59 (сведения *Обыскной книги* 1571 г.); 376, 383–387 (сведения *Платежной книги* 1571 г.).

[3] АМ. С. 376 (данные за 1557/58 и 1568/69 гг.).

дрея Клобукова, поскольку именно туда в 1577 г. Иван IV обязал воеводу Корелы В. К. Кобылина отправить судебные пошлины, вместе с оброчными деньгами и налогом *за наместнич доход* со всего уезда[1]. Отсутствие в грамоте 1577 г. требования об отправке в Москву обежной дани, ямских и приметных денег свидетельствует о сохранении прежнего порядка заведования ими новгородскими дьяками.

Будучи частью Водской пятины, Корельский уезд подчинялся приказным властям Новгорода и в военном отношении. Материалы времен русско-шведской войны середины XVI в. показывают, что тогда новгородские дьяки занимались мобилизацией помещиков на войну, рассылая по погостам соответствующие предписания; они же исполняли обязанности интендантов, организуя на местах пункты снабжения войск в Новгородской земле от Торжка до Корелы и далее до шведской границы[2]. Но, как и в сферах общего управления и фиска, в Ливонскую войну, с 1570-х гг., позиции приказов усилились на местах и в военной области. Известно, что в 1577 г. в Кореле размещались казаки, которыми управлял Стрелецкий приказ. С обострением военной угрозы в 1578–1579 гг. сбором помещиков на войну занимались в Водской пятине специально присланные туда из Москвы с наказами и столичных приказов М. И. Внуков и князь В. И. Белоголов-Ростовский[3].

Характеристику приказного управления Корельским уездом серьезно улучшают сведения о наличии в XVI в. приказного аппарата в самом городе Кореле. Еще новгородский архиепископ Феодосий в своей грамоте в Корелу от 15 января 1543 г. упоминал о «тутошних… приказных людях», а в 1546 г. посошные деньги с Корельского уезда выплатили новгородским сборщикам некто Федор Кулибакин и подьячий Селянин Максимов. Предположительно, по-

---

[1] Акты Юшкова. С. 188–189. Указная грамота Ивана IV воеводе Корелы от 6 июня 1577 г.

[2] ДАИ. С. 125–126, 128–131 (грамоты Ивана IV в Новгород от 1 и 25 ноября и 4 декабря 1555 г. – о военных приготовлениях и участии в них дьяков).

[3] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 585 об.–587, 587–587 об. (*память* М. В. Внукову, не ранее 7 декабря 1578 г., и *наказ* дьяка В. Щелкалова князю В. И. Ростовскому от 27 декабря 1578 г.); Акты Юшкова. С. 187–188 (грамота Ивана IV воеводе Корелы от 12 апреля 1577 г. о казаках).

дьячий служил по ведомству Казны, управлявшей тогда населением городов и слобод (в уезде имелись город и слободы: посад Сванский Волочек, Реболы и Либелицы)[1]. С 1597 г., с возвратом Швецией уезда России, в Кореле утвердилась уездная администрация в лице воевод и дьяков.

В дьячий аппарат XVI в. входили городовые приказчики, составлявшие, наряду с подьячими, нижний слой приказных управленцев. Они отвечали за материальное обеспечение обороны, в том числе за сбор посошного хлеба, и в рамках своей компетенции наделялись административно-судебной властью на местах, участвуя в составлении писцовых книг и судопроизводстве[2]. Вероятно, городовым приказчиком был помещик из Передней Корелы Афанасий Дементьевич Редров, в 1522/23 г. составивший писцовое описание пограничных Сердовольского и Иломанского погостов Задней Корелы[3], или вышеупомянутый Федор Кулибакин, сдавший посошные деньги. Но имена некоторых городовых приказчиков Корелы устанавливаются твердо.

Городовых приказчиков Корелы отметили *Выписки* «ис старых книг и ис полков прошлых лет», сделанные в 1696–1698 гг. в Приказной палате Новгорода. Там под 1541/42 г. значатся Третьяк Зеленин сын Савин и Мурза Иванович Рокульский. Кадастр Водской пятины 1539 г. указал помещика Передней Корелы Третьяка Зимина сына Савина, отождествляемого нами с Третьяком Зелениным[4]. В 1568 г. в городовых приказчиках состояли Некрас Иванович Никитин (внук) Рокульского и Василий Иванович Турубаров[5].

Имущественное положение городовых приказчиков Корелы подпадало под закон *О пятиобежниках* 1556 г. (о размерах поместий). Выполняя его, дьяки Новгорода наделяли приказчиков недос-

---

[1] Материалы. С. 146–147 (сведения из грамоты архиепископа Феодосия 1543 г.); ААЭ. Т. I. С. 190 (данные за 1546 г.); АМ. С. 381–382 (материал о слободах из Платежной книги 1571 г.).

[2] *Зимин А. А.* Наместничье управление… С. 291–293; *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления… С. 46, 52, 58, 83.

[3] АМ. С. 375, 379 (сведения Платежной книги 1571 г.).

[4] *Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления… С. 349–367 (публикация *Выписки* 1696–1698 гг.); ИК, 1. С. 22 (данные переписи 1539 г.).

[5] ИК, 1. С. 55, 72–73, 82–83, 106–107 (сведения писцовых книг 1539 и 1568 гг.).

тающими до 5 обжей землями[1]. В социальном же плане городовой приказчик Т. З. Савин был сыном помещика Зана Савина переписи Корелы 1500 г., в которой указан и представитель карельской феодальной знати своеземец Никита Рокульский. В переписи 1568 г. Н. И. Рокульский и В. И. Турубаров записаны земцами[2].

Карельские земцы фигурируют только в писцовой книге 1568 г.[3], а перепись 1539 г. их не отметила, так как фиксировала лишь государственные земли, находившиеся в условном владении за службу у помещиков и ямщиков. Сопоставив данные факты со сведениями *Выписки* 1696–1698 гг., приходим к важному заключению о начале около 1541/42 г. перехода карельских своеземцев в слой земцев-помещиков. Они рекрутировались, как и их сотоварищи в Заонежских погостах, в системы военной и местной государственной приказной службы. И, кстати, призывались на службу государству они не только в Карелии. Так, в 1552 г. в двинском городе Шенкурске городовым приказчиком являлся своеземец И. В. Едемский[4]. Еще раз подтверждается сделанный выше вывод о целенаправленной политике правительства в середине XVI в. по укреплению и расширению военно-поместной системы и корпуса низовых управленцев с помощью местных феодалов.

Приказная форма администрирования Корельским уездом выполняла функции важного звена в описанной ранее системе «сдержек и противовесов», но здесь – уже по отношению к власти наместников Корелы, а с конца XVI – в начале XVII в. она снова усиливала в этом районе позиции центра с помощью дьяков. Приказной контроль, однако, не исчерпывал собою всех способов правительственного управления приграничным уездом.

В XVI – начале XVII в. главными представителями государства и монарха в уезде выступали наместники, затем – воеводы. Они имели важнейшие полномочия: административно-судебные, военно-команд-

---

[1] *Жуков А. Ю.* Управление Корельским уездом в конце XV – начале XVII веков // Новое в изучении Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 23–24.

[2] ПК 1500 г. С. 5, 8; ИК, 1. С. 83–84.

[3] ИК, 1. С. 83–108, 121–137, 159–165.

[4] О И. В. Едемском см.: *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 140 (№ 674).

ные и дипломатико-представительские. Преемственность в наместничьей власти над Карельским Приладожьем очевидна – еще Великий Новгород давал Корелу *в корм* служилым князьям, назначавшим сюда наместников. Видимо, поэтому и город Корела, а также Орешек, Ям и Копорье числились в официальном документе середины XVI в. *пригородами*, в чем также видится преемственность с удельным Великим Новгородом[1]. Но внутреннюю и внешнюю политику Кремля осуществляли наместники из представителей правящей элиты России или близкие им по родственному положению лица. Они и имели корпоративное право разделять с сувереном власть над страной.

По опубликованным спискам разрядных книг XVI–XVII вв. мы уже предпринимали попытку установить состав наместников и воевод Корелы[2]. Но ценные архивные материалы неизданных версий списков *Разрядов*, *Наказных списков боярам* и *Боярских списков* членов дум Ивана III и Василия III серьезно расширят наше представление о корпусе российской администрации Корельского уезда. Сводный список наместников и воевод Корельского уезда помещен в Приложении (с. 423–425); далее по ходу изложения материала читатель сам сможет сверяться с Приложением. Сразу же оговоримся, что все списки разрядов крайне скупо дают имена наместников Корелы, упоминая только тех из них, кто управлял уездом во время крупных вооруженных конфликтов со Швецией начала и середины XVI в.[3] Но сведения жалованных грамот Валаамскому монастырю 1507 г. – Василия III и 1540 г. – Ивана IV не оставляют сомнений в том, что назначения в Корелу происходили на всем протяжении первой половины XVI в.[4]

Имена первых наместников Корелы сохранила разрядная запись (директива) от 14 мая 1501 г.: князь Иван Иванович Брюхо Пужбольский-Ростовский и Юрий Константинович Сабуров. Приводя эту «писанную речь», Ю. Г. Алексеев ставит знак вопроса после име-

---

[1] ААЭ. СПб., 1836. Т. I. С. 185 (сведения «Разрядного и разметного списка о сборе с Новгорода и Новгородских пятин ратных людей и пороха по случаю похода Казанского», 1545 г., сентябрь – после 6 мая 1546 г.).

[2] *Жуков А. Ю.* Управление Корельским уездом… С. 18–22, 26–29.

[3] Общую характеристику разрядных книг и делопроизводства см.: *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII вв. М., 1962.

[4] РИБ. Т. 2. Стб. 1095–1097, 1097–1099.

ни корельского наместника князя Пужбольского, видимо, сомневается[1]. Но данная разрядная запись помещена сразу в трех версиях Разрядных книг, наиболее полных по записям рубежа XV–XVI вв.[2], поэтому не приходится сомневаться в правильности передачи на письме важной директивы (Ю. Г. Алексеев приводит лишь Разрядную книгу 1475–1598 гг.). А сам князь Иван был вотчинником ростовской волости Пужболы – одним из немногих среди ростовских князей, не растерявших к концу XV в. своих фамильных вотчин. Его старший брат «бóльший боярин» князь Владимир Волох возглавлял бояр Думы сына Ивана III удельного князя Дмитрия Углицкого[3]. Поэтому и сам князь И. И. Пужбольский входил в правящую элиту России, но не занимал там первых мест, дававших право на первостепенные наместничества в главных городах.

Другой наместник Ю. К. Сабуров к 1500 г. наладил управление Обонежской пятиной. А для вновь учрежденного Корельского уезда и требовался опытный администратор. К тому же Сабуров принадлежал к аристократическому «разрядному» роду старомосковского боярства Сабуровых – Годуновых – Вельяминовых, в 1505 г. незадолго до смерти Ивана III его наследник Василий III женился на дочери Сабурова Соломонии Юрьевне; в 1509 г. и сам Юрий Константинович стал боярином государевой Думы[4].

Очевидно, Сабуров находился в Кореле не до 1505 г., как князь Иван Пужбольский, – во-первых, а во-вторых, на кормлении его сменил князь Иван Федорович Гундоров[5]. Данная пара наместников уже отмечалась вместе летописью под 1497 г. в чинах воевод: при разгроме шведами Ивангорода, «князь Иван Брюхо и князь Иван

---

[1] *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 397.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 25–25 об.; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 32. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 67.

[3] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 111. Л. 274–275 об. (данный о князе Владимире Волохе); *Петров Н. П.* История родов русского дворянства. М., 1993. Кн. 1. С. 197.

[4] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 115. Сборник конца XVII в. Л. 2 (состав Думы Василия III из «*Именных списков*, составленных по разрядным книгам, бояр, сокольничих, стольников, печатников, оружейников, казначеев, дворецких, постельничих, кравчих и думных дьяков при Иване III, Василии III, Иване IV, Федоре Иоановиче, Петре и Иване Алексеевичах»); *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 167–168.

[5] *Пашкова Т. И.* Указ. соч. С. 142.

Гундор стояху с людми блиско града и видяще град пленуем от Немец, и ко граду в помощь не поидоша»[1]. Впрочем, назначения наместников отнюдь не всегда являлись пожалованиями за хорошую службу: по своей сути кормления выражали власть *разрядных родов* над страной и поэтому *корм* получали и проштрафившиеся «герои».

Аристократический характер носил и состав наместников Корелы 1505 г. в лице Ивана Ивановича Ощерина и Ивана Ивановича Боброва[2]. Ощерин был сыном окольничего, затем боярина Думы Ивана III И. В. Ощерина-Сорокоумова. Родственник Боброва Иван Дмитриевич вместе с оружничим А. М. Салтыковым, в составе личной *дворни* Василия III, в 1509 г. сопровождал монарха в поездке в Новгород[3]. Логика назначений в Корелу соотносилась с военно- и внешнеполитическими планами России.

В 1501 г. Иван III назначил новгородского наместника И. А. Лобана Колычева командовать основными силами в боевых действиях против Ливонского ордена, разрешив ему, при нехватке сил, призвать в войска полковыми воеводами наместников Корелы и Орешка. При этом из Корелы разрешалось взять князя И. И. Пужбольского (военного), а в городе оставить гражданского администратора Ю. К. Сабурова. Но если «с Корелы и из Орешка наместников непригоже взять, и Лобану тех наместников не имать»[4]. Следовательно, разрядное старшинство новгородских наместников перед корельскими и орешковскими соответствовало реальной, контролировавшейся Кремлем военной подчиненности Корелы и Орешка Новгороду.

---

[1] Патриаршая (Никоновская) летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. XII. С. 244.

[2] *Лихачев Н. П.* Государев родословец и род Адашевых // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1903. Вып. XI. Отд. 1. С. 57–58. Т. И. Пашкова не отметила И. И. Боброва наместником в Кореле (*Пашкова Т. И.* Указ. соч. С. 142).

[3] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 115. Л. 1–1 об. (состав Думы Ивана III); Д. 111. Л. 47, 48; *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 246. Я. С. Лурье, описывая события, связанные со «Стоянием на Угре» 1480 г., называл И. В. Ощеру боярином; ему вторит А. А. Горский (*Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. СПб., 1994. С. 191–193; *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2005. С. 172).

[4] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 25–25 об.; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 32. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 67.

В цитированной директиве от 14 мая 1501 г. речь шла и о другом войсковом формировании, действовавшем против Ливонского Ордена, и уже в этом войске записан князь И. Ф. Гундоров (Иван Гундос) вторым воеводой полка Правой Руки. В кампании 1501 г. оба формирования, действовавшие против Литвы и Ордена, в конечном счете одержали победы[1], и князь Иван въезжал на кормление в Корелу (после 1501 г.) все же как победитель.

Корела и Орешек подчинялись Новгороду и во внешнеполитической сфере. Напомним, что наместники, затем воеводы Корелы и Орешка в системе дипломатических отношений со Швецией выполняли принципиально важные функции по связи представлявшего Россию Новгорода со Стокгольмом – через шведские власти Выборга. И наместничий состав 1505 г. учитывал данную особенность. Тогда конфронтация между Россией и Швецией сопровождалась поиском примирения, которое не могло состояться без участия властей Корелы. Наместник И. И. Ощерин являлся дипломатом.

В 1496–1497 гг. Ощерин возглавлял посольство Ивана III к молдавскому господарю Стефану[2], а в 1503 г. он ездил с важной дипломатической миссией в Крым[3]. После завершения посольства, стоившего ему немалых личных средств, Ощерин занимал пост дворецкого в Калуге и в 1505 г. получил предложение взять *в корм* откупа с Твери, Коломны и Костромы, но отказался от них, заявив, что ему «теми жалованьи не откупиться», и предпочел наместничество в Кореле[4]. В результате он был пожалован действительно весомыми доходами: наместничеством в обеих половинах города Корелы (Бóльшей и Меньшей), а в уезде ему шел еще и корм с перевар и «луков»[5]. Наместничество Ощерина в Кореле с 1505 по 1510 г., когда в Новгороде состоялось заключение 60-летнего перемирия со

---

[1] *Алексеев Ю. Г.* Указ. соч. С. 397–412.

[2] Патриаршая (Никоновская) летопись // ПСРЛ. Т. XII. С. 244.

[3] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история… С. 85; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. М., 1988. С. 215–216; *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 40 (*наказы* послу в Крым И. И. Ощерину).

[4] *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 57–58.

[5] *Пашкова Т. И.* Указ. соч. С. 142.

Швецией, говорит об успешном выполнении опытным дипломатом своей задачи.

Как требовала логика назначений, И. И. Бобров, видимо, являлся военным и командовал полком Корельского уезда, оберегавшим карельское Приладожье во время непростых и затяжных переговоров со шведами. Период относительно мирных отношений России со Швецией продлился до 1550-х гг.

В середине XVI в. Швеция попыталась разрешить в свою пользу русско-шведские противоречия. Она добивалась проведения новой линии границы и дипломатического паритета Стокгольма с Москвой, но приграничную войну 1554–1557 гг. королевство проиграло[1]. В те годы *Разряды* в последний раз упомянули корельских наместников. В 1554 г. на Большей половине города правил Михаил Михайлович Тучков, смененный в 1555 г. на князя Ивана Петровича Звенигородского, а на Меньшей половине все это время наместничал Иван Иванович Бутурлин[2]. Зимой 1555/56 г. на Меньшей половине был наместником и Григорий Никитович Борисов-Бороздин[3].

М. М. Тучков, дворянин (с 1564/65 г. окольничий), был младшим сыном боярина М. В. Тучкова-Морозова, которого Василий III, умирая, назначил в числе 10 знатнейших лиц в регентский совет при малолетнем великом князе Иване IV[4]. Уже в 1550 г. младший Тучков состоял воеводой при российском вассале татарском хане Шиг-Алее, лишившемся престола за пророссийскую политику, и охранял строившуюся для наступления на Казань крепость Свияжск. После взятия Казани в 1552 г. он командовал сторожевым полком *речной рати* возвращавшихся русских войск. В 1555 г., «съехав с Корелы», он был назначен в Смоленск старшим воеводой при наместнике Булгакове[5]. А в Кореле М. М. Тучков, несомненно,

---

[1] Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Т. 1. 1556–1568 гг. [Далее – Сб. РИО]. С. 1–22. I шведская посольская книга, 1555–1562 гг.

[2] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 479.

[3] Там же. С. 507.

[4] *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 33–34, 44.

[5] Разрядные сведения о М. В. и М. М. Тучковых см.: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 111. Л. 49, 94–94 об., 143–143 об., 183 об.–184 об.; Д. 99. Ч. 1. Л. 243 об., 257, 287.

исполнял прежде всего военные обязанности по защите уезда от шведских войск.

Сменщик М. М. Тучкова на Большей половине города князь И. П. Звенигородский, из потомков св. князя Михаила Черниговского, к 1555 г. проявил себя администратором. Будучи дворянином *Избранной тысячи*, он в 1552/53 г. составил перепись Белозерского уезда, мобилизуя там земли под поместья тысячникам. В Кореле он пробыл год, поскольку уже в 1556 г. возглавлял охрану Ивана Грозного (был старшим среди «голов-сторожей»). *Дворовая тетрадь* отметила его уже в правительственном чине окольничего[1].

У наместника Меньшей половины И. И. Бутурлина отец Иван и дядя Федор Никитичи являлись боярами, а сам он в 1547 г. служил старшим воеводой при смоленском наместнике В. М. Щенятеве. В мае 1556 г., после наместничества в Кореле, Бутурлин был назначен старшим воеводой *города* (крепости) Казани[2]. Наместничество Г. Н. Борисова-Бороздина было слишком кратким, но в 1577/78 г. он вновь приедет в Корелу, уже воеводой, – и под этим годом мы и дадим характеристику ему и его воеводству.

Очевидно, что из наместников Корелы Тучков, Бутурлин и Борисов-Бороздин исполняли военные функции, а князь Звенигородский был гражданским администратором. Безусловно, они подчинялись Новгороду и в областях военной и внешней политики так же, как их предшественники в 1500-х гг. Царь в грамоте в Новгород от 8 января 1555 г. указал его наместникам и дьякам выяснить масштабы шведских грабежей в Корельском и Орешковском уездах и мобилизовать местных помещиков и земцев на ответный поход в шведские пределы. А до этого, в 1554 г., власти Новгорода направляли действия наместников Корелы и Орешка в связях с Выбором для возмещения убытков и наказания виновных, но эти дипломатические демарши из Корелы и Орешка остались без ответов со шведской стороны[3].

Последнее обстоятельство отражает внешнеполитическую подоплеку шведско-русского конфликта. Густав I, затеяв порубежную

---

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 299; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI века. С. 60, 134; *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 433, 437.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 200 об., 303.

[3] ДАИ. С. 71–72; Материалы. С. 175–176.

войну, назначил герцогом Финляндским своего сына Юхана, направил его в Выборг и наказал сноситься исключительно с Новгородом, а сам предложил царю установить прямые и равноправные для Стокгольма дипломатические отношения[1]. В свою очередь, в 1554 г. Иван IV направил в ижорское и карельское приграничье комиссию под началом князя А. И. Ногтева-Суздальского и З. А. Очина-Плещеева. Они установили, что война идет из-за отсутствия между королем и наместником Новгорода всякой «ссылки об управах», т. е. из-за прекращения сношений в сложившейся форме[2]. О масштабах конфронтации можно судить и по тому факту, что в начале боевых действий аресту в шведских городах подверглись 300 российских купцов из Новгорода, Корелы и Орешка, а царь запретил своим подданным торговлю через Выборг[3].

Внешнеполитическая проблема была разрешена Россией принуждением Швеции к миру военным и дипломатическим путями. Еще 14 августа 1555 г. новгородский наместник кн. Д. Ф. Палецкий доложил царю о сборах шведских войск в Выборге, «а хотят быти на цареве и великого князя украины». После этого Корельский уезд получил подкрепление войсками, которыми стал командовать воевода Захарий Иванович Очин-Плещеев, а начальником гарнизона крепости Корелы «для осадного дела» стал переведенный сюда воевода Семен Федорович Истомин-Нащокин. И не зря. В сентябре шведы приступили к осаде Орешка, а также «приходили х Кореле и многие села и деревни жгли, и людей многих до смерти побили, а иных в полон имали». С осенью русские повели контрнаступление. Воеводы князь Ногтев из Ижоры и Очин-Плещеев из Корельского уезда ударили по шведам под Орешек и сняли осаду города; в январе – феврале 1556 г. армия в 20–25 тыс. чел. по Вуоксе отправилась под Выборг, опустошая по пути шведскую Карелию и южную Финляндию (Очин-Плещеев и Истомин-Нащекин участвовали в этом походе). Поражения заставили шведов начать переговоры[4].

---

[1] Сб. РИО. С. 12–13.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 111. Л. 60 об.–61; Д. 114. Л. 8 об.–9.

[3] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. В 18-ти книгах. М., 1989. Кн. IV. Т. 7. С. 49, 54.

[4] *Волков В. А.* Указ. соч. С. 132–134 (цитирование источников и описание боевых действий).

Загодя, в 1555 г., не позднее лета («летость»), к будущим переговорам («для съезда порубежных дел») в Корелу прибыл воевода Андрей Андокан Федорович Тушин, его также упоминает грамота Ивана Грозного в Корелу от 17 ноября 1555 г. – как сменщика Семена Нащекина: «а для осадного дела оставить Андакана Тушина». Он находился в уезде еще в 1556 г. и, вероятно, оставался тут по март 1557 г., когда шведы подписали в Новгороде перемирие. Впоследствии А. Ф. Тушин выезжал в Швецию для принятия у короля Эрика XIV ратификации русско-шведского соглашения 1561 г.[1] В начале же 1556 г. из войск из-под Выборга в Корелу «в прибавку» перевели воевод князей Ивана Ивановича Селезнева-Елецкого и Ивана Ивановича Буйносова-Ростовского, прослуживших тут до 1558 г.[2]

Напомним, что весной 1556 г. Корелу покинул последний из известных ее наместников. Очевидно, назначения на здешние наместничества продолжались, так как перемирие 1557 г. восстановило обычный порядок дипломатических связей при участии наместников Корелы и Орешка. Но нам интереснее констатировать, что в середине XVI в., при очередном российско-шведском конфликте, Кремль не ограничился прежней структурой управления приграничьем в лице наместников, – в дополнение к ним он прислал воевод, наделенных наместничьими военными и дипломатическими полномочиями. Так, очевидно, проявлялась политическая воля Москвы на замену власти кормленщиков в уездах воеводским управлением. Но по внешнеполитическим соображениям Кремль пока не мог упразднить сами посты наместников в Новгородской земле. Лишь нормализация отношений с приходом к власти в Швеции короля Эрика XIV и нужда России в союзнике против Польши заставили Ивана IV пересмотреть отлаженную систему дипломатических связей и упразднить наместничества в Новгороде и в Кореле.

Писцовая книга 1568 г. вносит некоторую ясность в вопрос о начале воеводства в Кореле. Она указала в городе Кореле воеводский двор, а также сторожей во дворе наместника и пустой двор его тиу-

---

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 287 об.–288; Д. 111. Л. 212–213; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 152–155; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 506; ДАИ. С. 127 (грамота Ивана IV в Корелу воеводе С. Ф. Нащокину от 17 ноября 1555 г.); *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. С. 119, 120.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 294 об.–295.

на – верные свидетельства присутствия в городе воеводы и, наоборот, отсутствия в нем кормленщиков. Далее сообщалось об отписке «на государя» в 1563/64 г. писцами богатых рыболовных угодий на Ладоге, «что ловили их кореляне же на наместников» – уже ясное указание на упразднение постов кормленщиков[1]. Следовательно, перемена произошла или синхронно с переходом в 1562/63 г. на воеводскую форму управления в Новгороде, когда его наместник Ф. А. Булгаков-Куракин вдруг стал писаться в *разрядах* воеводой города[2], или сразу же после этого в 1563/64 г. Переустройство подготовили не только губная и земская реформы и *Уложение* о службе с вотчин и поместий 1555/56 г., но и временный пересмотр системы связей со Швецией.

Конечно, прежде всего воеводская форма управления обслуживала главные, внутриполитические интересы государства. С данного угла зрения и рассмотрим полномочия и место воевод Корелы. Город Корела, в отличие от Новгорода, относился к провинциальным центрам власти. Его положение внутри страны вполне сравнимо, например, с тогдашним статусом города Свияжска в неспокойной Казанской земле, в военной сфере подчиненного Казани. Сохранилась *память*-инструкция воеводе Свияжска князю П. И. Буйносову-Ростовскому от 30 ноября 1581 г. – один из самых ранних из обнаруженных источников (в ряду аналогичных, но более поздних материалов) о посте воеводы, порядке вступления в должность и полномочиях.

В ней пост воеводы изображен ответственной государственной должностью, а не пожалованием «в корм». Князю Буйносову царь «велел… быти на своей государевой службе» воеводой. Определен строгий порядок вступления: принять по описи арсенал крепости и переписать для руководства в своей дальнейшей деятельности все бывшие там царские наказы, грамоты и «всякие государевы дела» (по обычаям местничества предыдущие воеводы забирали пришедшие на их имя подлинники царских грамот). В помощь воеводе передавался уже служивший тут дьяк. *Память* кратко, но емко описывает воеводские полномочия: «и город ведать, и всякими государевыми делами промышлять по прежнему»[3]. Провинциальный

[1] ИК, 1. С. 55, 75.

[2] См., например: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 397–397 об.

[3] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 111. Л. 245 об.–246.

воевода мыслился прежде всего как послушный исполнитель и верный проводник интересов и решений центральной власти. Верный, но не единственный – ему ассистировал дьяк, представитель приказной системы управления.

Воеводство в Кореле утверждалось в тяжелые времена Ливонской войны, осложненной разгулом опричнины. Главным государевым делом воевод приграничных уездов в годы войны, безусловно, являлось обеспечение безопасности западных рубежей страны. Состав воевод Корелы комплектовался в соответствии с этой важнейшей задачей. При воинственном Юхане III, когда вторжения шведов в уезд стали регулярными (см.: *Приложение*, табл. 5), Разрядные книги возобновили упоминания о властях Корелы. В конце 1560-х гг. в Кореле уже находился воевода князь Андрей Семенович Старый Мосальский. А в 1569 г. к нему «в прибавку» Москва назначила воеводой Григория Григорьевича Лошакова-Колычева.

Князь А. С. Мосальский происходил из знатной, но захудалой ветви потомков св. князя Михаила Всеволодовича Черниговского. В XV в. многие Мосальские ходили в вассалах у князей Воротынских, поэтому к середине XVI в. не удержались и в чине служилых князей[1]. Но в опричнину Иван IV приблизил к себе дядю князя Андрея – Василия Кольца, назначив его в 1568 г. воеводой Тулы, а в 1570-е гг. сделав своим казначеем. Вслед за ним и племянник, еще в 1563–1566/67 гг. служивший второстепенным воеводой на южной границе, к 1669 гг. получил ответственное назначение в Корельский уезд и оставался тут по лето 1574 г.[2] Столь долгое пребывание его в Кореле было связано, видимо, с нахождением уезда в составе Земщины: в глазах подозрительного Ивана Грозного худородный князь выглядел преданной лично ему фигурой. Но как долгому воеводст-

[1] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь… С. 63, 124; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 34, 50–51.

[2] О князе Василии Кольце см.: РГАДА. Ф. 181. Д. 99. Ч. 1. Л. 468 об.–471 (*Правая грамота* печатнику Р. В. Алферьеву на проигравшего ему местнический суд казначея В. В. Мосальского, 1577 г.); *Петров Н. П.* Указ. соч. С. 46–48. Службу князя А. С. Мосальского отразили *разряды*: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 399, 416 об. 465–465 об., 484 об.; Д. 130. Разрядная книга 1521–1617 гг. – «Книга разрядная Никиты Даниловича Глебова, списана с подлинной книги во 168 году». Л. 52 об., 66, 92, 113, 122 об.

ву, так и вообще приближению к царю потомков св. князя Михаила есть и религиозное объяснение.

Летом 1572 г. состоялось знаменитое пятидневное сражение с крымскими татарами при Молодях, спасшее страну от очередного нашествия степняков. Командовал русскими войсками земский воевода кн. М. И. Воротынский, один из старших потомков св. Михаила Черниговского. Грозный же приписал победу заступничеству святого, велел перенести мощи из Чернигова в Москву в церковь над Тайницкими воротами Кремля и даже написал тропарь в честь этого события. Соответственно, потомки св. князя стали приближенными царя и получали ответственные посты в войсках и уездах[1].

В отличие от Старого Мосальского, прибывший в 1569 г. воевода Г. Г. Лошаков-Колычев являлся крупным деятелем из старомосковского боярского рода. Его отец Григорий Васильевич уже в 1566/67 г. был боярином, а сам он на Земском соборе 1566 г. – дворянином первой статьи, с 1572/73 г. – окольничим. Основные боевые действия против Швеции с конца 1560-х гг. разворачивались в Прибалтике, и 25 июня 1570 г. царь отозвал Г. Г. Колычева из Корелы, направив его под осажденный Ревель (Таллин) командовать артиллерией[2].

В сентябре 1574 г. в Кореле утвердился новый воевода «на годовом» князь Дмитрий Иванович Щербатый-Оболенский, также потомок св. Михаила Черниговского. Он управлял уездом два года, в сентябре 1576 г. его назначили воеводой Новгород-Северского. Князь Дмитрий выдвинулся в опричнину, возглавляя опричные полки в боях против крымских татар в 1570 и 1572 гг. и шведов в 1571 г.[3] Можно уверенно утверждать, что контроль над карельским приграничьем с помощью бывшего опричника, как и ранее через князя Мосальского, преследовал прежде всего внутриполитическую цель надежного надзора над «подозрительным» земским уездом. Данные воеводы исполняли по преимуществу гражданские функции. Чисто

---

[1] *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 282–283.

[2] РГАДА. Ф. 181. О. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 436 об.; Д. 130. Л. 92; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 257–258; СГГД. Ч. 1. С. 549; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 143–144.

[3] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 457, 457 об.; Д. 130. Л. 89 об., 131 об., 134, 159 об.; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 255–256.

военная внешнеполитическая задача лично в отношении этих воевод отходила на заметный, но все же второй план. Поэтому при Мосальском в уезд назначался опытный военный Лошаков-Колычев, а во второй половине 1575 г., т. е. при власти князя Д. И. Щербатого, в Корелу прибыл воевода-военный Василий Константинович Старого Сухово-Кобылин с войсками. Оборонительные меры русское правительство предприняло не случайно: в уезд вторгся шведский отряд, который и был разгромлен воеводой В. К. Сухово-Кобылиным. С 25 февраля 1576 г. его назначили комендантом Корелы (*осадным головой*), на случай прорыва к городу шведов. В подчинении у Сухово-Кобылина находились *головы* (командиры отрядов) стрельцов и казаков дворяне и служилые князья из младшей ветви Засекиных-Ярославских Иван Андреевич Солнцев и Григорий Осипович Зубок[1].

Князья Засекины были в фаворе у царя в середине − второй половине 1570-х гг., даже состояли с ним в дальнем свойстве. Дело в том, что у жены Ивана Грозного Анны Григорьевны, в девичестве Васильчиковой (умерла не позднее 20 октября 1579 г.), была тетя, Анна Петровна Васильчикова, урожденная княжна Засекина. В конце 1576 или в начале 1577 г. она умерла, и царь сделал крупные вклады на помин ее души сразу в несколько монастырей, что указывает на значительное влияние тогдашней царской жены на супруга[2]. И представители даже младших фамилий этого рода занимали ответственные посты, например, командиров боевых отрядов в пору военной опасности, нависшей над Корельским уездом в середине 1570-х гг.

До 1 сентября 1576 г. администратор князь Д. М. Щербатый покинул уезд, и воеводство «на годовом» занял В. К. Сухово-Кобылин. Ему в 1577 г. Иван IV отправил две грамоты: от 12 апреля – об отправке во Псков отряда расквартированных в городе казаков и 6 июня – о его воеводском суде над жителями Иломанского погоста, по жалобе царю одного из обиженных соседями иломанцев[3]. Казаки направлялись во Псков, а из Ливонии в Корелу, на оголенный фланг противостояния со Швецией, осенью 1577 г. царь направил одно-

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 514 об.; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 378–379; Акты Юшкова. С. 185.

[2] *Юрганов А. Л.* Указ. соч. С. 140–142.

[3] Акты Юшкова. С. 187–188, 188–189.

го из своих лучших военачальников – думного дворянина Михаила Андреевича Безнина-Нащокина, что говорит о серьезном внимании, уделенном тогда Москвой данному району боевых действий.

Вообще думные дворяне появились в опричнину, в составе царской опричной Думы. Тем самым Иван Грозный привлек к управлению страной и к принятию важных политических решений тех своих ближних слуг, которым он доверял, но не мог ранее ввести в состав Государевой Думы по причине их «худородности» по сравнению с чинами высшей аристократии земской Думы. Зато после отмены опричнины опричные думные дворяне вошли в состав уже единой Государевой Думы[1].

Из полутора десятка тогдашних дворян из боярского рода Нащокиных М. А. Безнин выделялся особым расположением царя. Он не раз победоносно командовал полками, а в 1573 г. ему был пожалован правительственный чин думного дворянина − члена Государевой Думы[2]. В Кореле М. А. Безнин также отличился, разбив в очередной раз вторгнувшихся шведов. В деле ему помогали служившие в уезде под его началом головы-князья: уже известный нам И. А. Солнцев, Иван Михайлович Вяземский и Андрей Васильевич Елецкий[3]. Видимо, голова князь Г. О. Зубок командовал казаками, с которыми он и направился во Псков по царскому указу 1577 г. в дополнение к корельским стрельцам. Разрядная запись от 3 августа 1577 г. о походе на Ливонию сообщает, что в Пскове стояли 170 стрельцов из Корелы, а после войскового смотра были сформированы полки: в Большом полку оказались эти 170 стрельцов, а в полку Левой Руки 97 казаков из Корелы[4].

30 января 1578 г. администратор В. К. Сухово-Кобылин был пожалован кормлением в приграничном со шведской Эстонией г. Яме, а в Кореле обосновался воевода Оталык Иванович Квашнин и голова Федор Адодуров, бывшие там до трагедии 1580 г. (в 1579 г. место по-

---

[1] *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 291–292.

[2] О службе М. А. Безнина-Нащокина и в целом о боярском роде Нащокиных см.: РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 338, 344, 367, 433, 454–455 об., 468, 482, 486; Ч. 2. Л. 525; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 200; *Он же*. Исследования по истории класса… С. 429.

[3] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 535 об.; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 429.

[4] Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. С. 471–472, 474.

следнего на время занимал голова Василий Мунзорин). По 1579 г. в уезде оставались значительные военные силы воеводы М. А. Безнина со своими головами (только князя Вяземского заменил возвращенный Г. О. Зубок-Засекин) – для походов и вылазок в случае прихода шведов и осады Корелы. Кроме того, в 1578 г. крепостью командовал воевода Григорий Никитович Борисов-Бороздин[1].

Бояре Борисовы-Бороздины служили великим князьям Тверским. Но незадолго до присоединения Твери они перешли на сторону Ивана III, заняв видное место в верхах правящей элиты России. Сам Г. Н. Борисов, сын окольничего, в 1563 г. воеводствовал в Смоленске и был взят царем в опричнину. Затем, может быть, по месту расположения вотчины он стал боярином в Думе удельного великого князя Тверского (а в 1575 г. – номинального правителя России) крещеного «Касимовского царя» Симеона Бекбулатовича. В чине его боярина Г. Н. Борисов-Бороздин и прибыл в Корелу[2].

Назначения середины – второй половины 1570-х гг. воевод-военных в Корелу указывают на существенную черту управления Корельским уездом через бывших опричных деятелей. В данные годы они составляли *Двор* – лично отобранных царем и преданных ему людей; Двор противостоял земской Думе аристократов. Численно ее превосходя, он, однако, составлял вместе с ней одну большую Государеву Думу. А воевода М. А. Безнин-Нащокин был именно дворовым думным дворянином. И боярин Г. Н. Борисов-Бороздин также принадлежал к дворовой группировке[3]. Так что в наиболее сложную для Корелы вторую половину 1570-х гг. боявшийся измены Иван IV продолжал отправлять в прифронтовой уезд (вслед за князем Д. И. Щербатым) проверенных «опрично-дворовой» политикой военных.

Но есть еще один аспект военного и гражданского управления Корельским уездом, который скрывается за назначениями 1570-х гг. Как мы выяснили, ранее, в годы войн со Швецией на рубеже

---

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 544, 557; Д. 130. Л. 187 об., 203 об.; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1985. Т. 3. Ч. 1. С. 42.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 1. Л. 391, 403–403 об., 428–429; Ч. 2. Л. 544; Д. 130. Л. 25, 41 об., 67, 74 об.; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. С. 206.

[3] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 18, 23.

XV–XVI вв. и в середине XVI в., суверены России справедливо рассчитывали на мобилизацию внутренних военных сил уезда. Местные помещики, своеземцы (земцы), пусть и выступавшие на вторых, вспомогательных ролях в условиях крупного военного противостояния, все же участвовали в нем как определенная боевая единица – *полк*. Теперь же, когда военные действия шли уже в пределах самого уезда, разряды не передали и намека на мобилизацию местных военных ресурсов для защиты западного Приладожья от неприятеля. Все ограничивалось присылкой из центра воевод и голов с войсками. Более того, помещики из всех пятин, в том числе и из Водской, тогда же спешно перебрасывались на главный ливонский фронт, где и гибли при осадах неприятелей занятых ими городов[1]. А ведь именно к началу 1570-х гг. весь Корельский уезд поразила демографическая и хозяйственная катастрофа (см.: Приложение, табл. 4 и 8). Местное самоуправление почти ничем не могло помочь в защите своей земли, не располагая необходимыми людскими и материальными ресурсами. Материалы разрядов за 1570-е гг. подтверждают этот общий вывод. Действительно, Кремль уже не рассчитывал на полк Корельского уезда. Поэтому, как только в самом конце 1570-х гг. и Польша, и Швеция перешли к наступлению вглубь России, основные военные силы царь перебросил из уезда на направления главных ударов противника, и Корела пала.

Ужесточение с конца 1570-х гг. боевых действий с Польшей и Швецией заставило Россию сконцентрировать свои силы на главных направлениях их ударов. В частности, из Корелы пришлось отозвать в войска М. А. Безнина-Нащокина и перевести в город Орешек Г. Н. Борисова. Крайняя незначительность военных сил в уезде подтверждается тем, что разряды за 1579–1580 гг. уже называли оставшегося воеводу А. И. Квашнина *осадным головой*[2]. Шведы, выполняя цели короля Юхана III, с конца 1570-х гг. развернули широкую агрессию на Севере. Их поход на Корелу в 1579 г. удалось отразить, но осенью следующего 1580 г. они снова подошли к городу, и после

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 561 об.–562 об.; Д. 130. Л. 163–170 об., 193 об.; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 3. С. 471–474, 490, 503, 508, 513, 515, 527, 531, 542.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 572 об.; Д. 130. Л. 203 об.; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса… С. 207.

артиллерийского обстрела 5 ноября Корела капитулировала[1]. Обезлюдевший и лишенный военной поддержки из центра Корельский уезд не смог противостоять натиску шведов и был ими захвачен.

Швеция владела уездом по 1597 г. Возвращение его России было достигнуто силой русского оружия, в условиях борьбы за трон королевства между герцогом Карлом и его племянником польским королем Сигизмундом III Ваза, на фоне «Дубинной войны» финских крестьян, – но и в сочетании с дипломатическим примирением двух стран, заключивших Тявзинский договор 1595 г. и проводивших совместную работу по маркировке новой линии общей границы. В 1596 г. в Швецию выехали русские послы для принятия Корельского уезда: окольничий Дмитрий Иванович Обиняков Вельяминов-Зернов, Степан Осипович Безобразов и дьяк Мина-Третьяк Репьев-Копнин (далее – Т. Репьев). Поначалу шведы затянули переговоры о передаче; послы возвратились в Россию, и царь запретил шведским купцам торговать в России. В 1597 г. Швеция возвратила Корелу, которую и приняло посольство в том же составе[2]. Ее житель Ерофей Кузьмич Головин в честь этого события пожертвовал книгу городскому Воскресенскому монастырю с дарственной надписью от 20 сентября 1597 г., «как немцы отдали Корелу»[3]. Она датирует восстановление суверенитета России над уездом: не позднее 20 сентября.

Разрядные записи также указывают на сентябрь 1597 г. как на дату назначения руководителей посольства первыми воеводскими властями освобожденных города и уезда: окольничего Д. И. Вельяминова и С. О. Безобразова – воеводами, а Т. Репьева – дьяком[4]. К концу XVI в. центральное правительство, создав Новгородскую четверть и другие территориальные приказы, уже твердо опреде-

---

[1] *Замятин Г. А.* Борьба за Корелу между Московским государством и Швецией в конце XVI – начале XVII вв. // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 404–406.

[2] Разрядная книга 1550–1606 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 125; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 111; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. С. 134.

[3] *Творогов Л. А.* Малоизвестные рукописные источники по истории старой Карелии // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 36. Д. 21. Дела постоянного хранения за 1937–1949 гг. (ИЯЛИ). Научная документация исторической группы института. Л. 8.

[4] Разрядная книга 1550–1606 гг. С. 133; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 354.

лилось с подведомственными им областями. Поэтому в разрядных книгах воеводские администрации Корельского уезда, а также Новгорода, Пскова и других северо-западных уездов отмечены под общим заголовком «Того же году были от Немецкие, и от Литовские и от Крымские украины воеводы и головы по городом»; воеводы Корелы отмечены среди городов Новгородской четверти[1].

Д. И. Вельяминов принадлежал к разрядному роду Зерновых, младшей ветви потомков боярина Александра Захарьевича (старшей и средней линиями рода являлись Сабуровы и Годуновы). При царе Федоре Ивановиче (1584–1598 гг.), когда правителем страны стал его шурин боярин Б. Ф. Годунов, Д. И. Вельяминов выдвинулся в правительственную знать. Еще в 1588/89 г. он значился среди дворян московских (резерва для пополнения Государевой Думы), а в 1593 г. вошел в Думу с чином окольничего. До посольства он воеводствовал в 1593 г. в возвращенном России Ивангороде, приобретя там ценный опыт управления разоренным войной приграничьем[2].

Безобразовы, напротив, не входили в число высших разрядных фамилий. В 1588/89 г. С. О. Безобразов был дворянином *по выбору*, но уже в 1598/99 г. состоял дворянином московским. Дело в том, что его брат Харитон-Истома при царях Федоре и Борисе Годунове носил звание «наместника трети московской». Как и Семен Осипович, другие Безобразовы выполняли ответственные дипломатические поручения. Так, Семен Владимирович после изгнания из России татар хана Казы-Гирея в июле 1592 г. был назначен посланником в Бахчисарай и восстанавливал мирные отношения с Крымом. В 1606/07 г. Иван Романович Безобразов был направлен боярами-заговорщиками к польскому королю Сигизмунду III и успешно доказывал ему выгоды в скором свержении Лжедмитрия I для Речи Посполитой[3]. Сведения говорят о вхождении дворян Безобразовых в ближний круг сторонников Годунова и об их верной службе затем родовитым боярам. Скорее

---

[1] Разрядная книга 1475–1605 г. М., 1994. Т. IV. Ч. 1. С. 11 (из *разряда* на 1597/98 г.).

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 810 об.–811; Д. 115. Л. 41 об. (Дума царя Федора Ивановича); ПОИ. М., 1979. Вып. 2. Боярские списки. Ч. 1. С. 126; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса… С. 167–168.

[3] ПОИ. Вып. 2. Ч. 1. С. 161, 186; Акты Юшкова. С. 240, 278; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 7. С. 257–258; Т. 8. С. 427.

всего, это решающим образом повлияло на назначение С. О. Безобразова сначала послом, а потом воеводой Корелы. После него посты управленцев в приграничном Корельском уезде часто доставались его родственникам.

С 1597 г. дьяки вошли в администрацию Корелы. Первый из них Т. Репьев принадлежал к известной дворянской фамилии Копниных. Но «вес» дьяка зависел не столько от родовитости, сколько от его места в усилившейся за последнюю треть XVI в. приказной системе, структурно охватывавшей и столичные приказы, и главные, и прочие города. Так, Т. Репьев уже в 1580–1582 гг. являлся дьяком в Новгороде, в 1596–1597 гг. он ездил послом в Швецию, а с 1597 по 1601 г. и в 1605/06 г. был дьяком в Кореле[1].

На рубеже XVI–XVII вв. спала напряженность между Россией и Швецией. Соответственно, снизился и политико-разрядный вес назначавшихся в Корельский уезд воевод, по своим чинам – не выше дворян московских. С 1598 г. уездом руководили уже одни воеводы дворянин московский Ждан Степанович Сабуров и голова Меркурий Иванович Безобразов, племянник С. О. Безобразова и дворянин «по выбору». Первый воеводствовал до начала 1601 г., а второй находился тут по 25 декабря 1601 г. Их близость царю Борису Годунову очевидна, оба принимали участие в его походе в Серпухов против вторгнувшихся крымцев в мае − июне 1598 г.: Ж. С. Сабуров служил головой-есаулом в царском полку, а М. И. Безобразов – третьим головой артиллерии[2]. А поход на крымцев был примечателен не только с военной точки зрения, но и как крупный внутриполитический акт выражения поддержки и верности лично царю Борису[3]. Весной 1598 г., после смерти царя

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 886 об., 985 об.; Д. 100. «Книга разрядная походам бояр», 1492–1606 гг. («Книга стольника Василия Микифоровича Собакина, а была Никиты Зюзина»). Л. 81 об.; Ф. 1209. Оп. 3. Д. 16932. Л. 155–161. «Отдельная книга подьячего Семена Ярышева на поместье в Обонежской пятине в Липенском погосте государеву дьяку Третьяку Репьеву 89-го году [1580/81 г.]»; АСМ, 2. С. 172 (расписка дьяка Т. Копнина Соловецкому монастырю, 1582 г.); *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячии XV–XVII вв. М., 1975. С. 555.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 838, 840, 886 об., 915; Д. 100. Разрядная книга 1598–1604 гг. Л. 81 об., 93 об.; Разрядная книга 1550–1606 гг. С. 175; ПОИ. Вып. 2. Ч. 1. С. 161, 170.

[3] *Юрганов А. Л.* Указ. соч. С. 175.

Федора и отказа от власти царицы Ирины в пользу брата Бориса, опытный политик и будущий царь заявил (по словам Конрада Буссова): я не сяду на трон до тех пор, пока не уверюсь в желании всего народа и «прошу нескольких недель для похода против крымских татар. Если я увижу, что вся земля повинуется, то это будет свидетельством того, что все сословия желают моего избрания»[1]. Поход в целом удался, а показавшие свою верность Ж. С. Сабуров и М. И. Безобразов стали воеводами в Кореле летом – в сентябре 1598 г.

С 25 декабря 1601 г. и по 1603 г. в Кореле обосновался новый воевода князь Михаил Григорьевич Темкин-Ростовский из рода служилых князей, в чине дворянина московского; ему помогал голова князь Матвей Мещерский, предки которого перешли на службу Ивану III, уступив ему власть над Мещерой. Дьяком при князе Михаиле служил Григорий Кобелев, который, в отличие от Т. Репьева, не принадлежал к представителям дьячей элиты[2].

Разряды не сообщают состав уездного руководства во время народного восстания Хлопка в 1603/04–1604/05 гг., для Корелы остававшихся спокойными. Видимо, администрация уезда оставалась прежней, если и не по составу, то по чинам и разрядному весу управленцев. А в 1605/06 г. туда назначили воеводу боярина князя Василия Ивановича Рубца-Мосальского, Ивана Андреевича Судакова и вновь дьяка Т. Репьева[3]. Столь неординарный, во главе с боярином, состав требует разъяснения. Ведь «худородный» князь В. И. Мосальский еще в 1601 г. довольствовался должностью головы при воеводе Тобольска Ф. М. Шереметьеве. Но в 1603/04 г. он занял пост воеводы Путивля, а осенью 1604 г., когда под городом появился Григорий Отрепьев, стал *осадным головой* крепости. Оказав неоценимые услуги самозванцу, сдав ему город (главную базу в наступлении на Москву) и помогая в войне против Годунова, князь после воцарения «Дмитрия Ивановича» (Лжедмитрия I) по-

[1] *Конрад Буссов*. Московская хроника. 1584−1613. М.; Л., 1961. С. 83.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 925 об.; Д. 100. Л. 93 об., 107; ПОИ. Вып. 2. С. 120, 254, 275 (данные *Боярских списков* последней четверти XVI – начала XVII вв.); *Петров Н. П.* Указ. соч. Кн. I. С. 382. Список виднейших дьяков см.: *Павлов А. П.* Государев двор… С. 234–235.

[3] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 985 об.

лучил чин боярина[1]. Формально назначение боярина в Корельский уезд не нарушало его местническую «честь». Корела являлась важным провинциальным центром, ее знатные наместники и воеводы получали высокие назначения в главные города страны (Смоленск, Казань). Имелся и «Корело-Путивльский» прецедент: бывший воевода Корелы и Орешка боярин Г. Н. Борисов-Бороздин в 1589 г. был назначен воеводой Путивля[2]. Но в назначении в Корелу князя В. И. Рубца-Мосальского присутствовала интрига. Среди высокородных бояр Думы он, что называется, «не пришелся ко двору». Настроенного пропольски, а значит, и антишведски (Краков и Стокгольм жестоко враждовали из-за шведского трона) новоявленного боярина отправили в приграничную Корелу воеводой, блюсти пропольские интересы Лжедмитрия.

Растревоженную Россию, однако, устраивала не война, а спокойные дипломатические отношения со Швецией, принципиальную роль в которых играла Корела. Дипломатические обычаи российского Двора в связях со Швецией в совершенстве знал И. А. Судаков. Будучи новгородским помещиком, он получил этот богатый опыт на службе. В 1601 г. Судакова уже было назначили в Корелу, но заменили на князя Мещерского, так как в феврале он сопровождал в Москву посла шведского правителя Карла, а в 1602 г. – датского принца Ханса (Юхана). В 1603/04 г. он был приставом при имперском после[3]. Дипломатическими познаниями обладал и дьяк Т. Репьев.

В мае 1606 г. самозванца убили. На царство взошел Василий Иванович Шуйский. Но по 1607/08 г. в Кореле оставался боярин В. И. Мосальский. В 1607 г. к нему вторым воеводой прибыл Василий Иванович Белеутов, а бывший в 1605/06 г. дьяком в Новгороде Корнид Иевлев заменил дьяка Т. Репьева. В город также прислали

---

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 904, 964 об.; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 8. С. 405. У С. М. Соловьева фигурируют два человека в одном лице князя Василия Рубца-Мосальского: он, оказывается, только после воцарения Василия Шуйского был сослан в Корелу (как сторонник Лжедмитрия) и вел там, по царскому указу, дипломатическую игру со шведами в феврале 1607 г., и он же, как воевода Ивана Болотникова, при осаде Калуги царскими войсками зимой 1606–1607 г. был убит (*Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 8. С. 451, 458, 488).

[2] *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 7. С. 281.

[3] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 902, 928 об., 955 об.

голову Шаврука Никитича Муравьева[1]. Всех их задействовал новый царь, когда в начале 1607 г. шведский король Карл предложил России договориться о совместной борьбе с Польшей.

Царь Василий Шуйский в феврале 1607 г. узнал от воеводы князя Мосальского, что из Выборга в Корелу прибыли гонцы с предложением устроить на границе *посольский съезд* о помощи России войсками против общего врага Речи Посполитой. Тут же царь грамотой указал воеводе ответить шведам отказом, так как «посольские съезды и о послах ссылки в Кореле никогда не бывали, государь бы ваш велел о посольском съезде ссылаться с новгородскими воеводами». Царь попытался разуверить шведов в политическом и военном расколе российского общества, приказав заявить, что ему все служат и он «против всех своих недругов стоять может без вас, и просить помощи ни от кого не станет, кроме Бога»[2]. Но на самом деле Шуйский поначалу решил отказать из-за неясности политической обстановки в Швеции – тверда ли власть у Карла? И в марте 1607 г. царь указал корельским воеводам добыть нужную информацию через их разведывательную сеть в Финляндии и доложить ему в Посольский приказ[3]. Так дипломатические полномочия воевод Корелы сопрягались с руководством российской разведкой в стане контрагента. На самом «верху» эту общеевропейскую практику объединения дипломатии и разведки воплощал Посольский приказ.

Убедившись в коронации Карла, царь Василий включился в переговоры. Имеются сведения, что до конца 1607 г. в Кореле находился думный дворянин Иван Михайлович Большой Пушкин, что выглядит весьма примечательно в контексте русско-шведских отношений. Еще в 1582 г. в составе русского посольства он принимал ратификацию польским королем Стефаном Баторием перемирия с Россией, а в 1601 г. встречал в Москве шведское посольство, затем, в 1603/04 г., – имперского посла. Уже обладая весомым дипломатическим опытом,

---

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 985, 1004 об.; Акты Гневушева. С. 86–91 (донесение воеводы Корелы царю о прибытии шведских гонцов, после 20 февраля 1607 г.), 91–93 (грамота царя Василия Шуйского в Корелу, март 1607 г.).

[2] Цит. по: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 8. С. 488–489.

[3] Акты Гневушева. С. 92.

тогда же он получил чин думного дворянина[1], достаточный для ведения серьезных переговоров со Швецией.

Осенью 1608 г. жители Корелы узнали об условиях, обсуждавшихся на переговорах: Россия получит помощь, если уступит Швеции Корельский уезд. Крайне недовольные таким оборотом дел, они присягнули на верность Лжедмитрию II[2]. Но в феврале 1609 г. в Выборге все же состоялось заключение окончательного соглашения. Русское правительство восстановило свою власть над уездом и направило туда воеводами князя Данила Тимофеевича Мышецкого и Василия Сапуна (Сапунца) Тихоновича Аврамова[3].

Первый из воевод являлся потомком или «захудалой» ветви князей Смоленских, или «вокняжевшегося» во времена татаро-монгольского нашествия боярина, в чем Мышецкие постоянно подозревались верховной властью[4]. Воевода В. Т. Аврамов по рождению также не принадлежал к знати. Он начинал службу около 1571/72 г. опричным подьячим в Новгороде, но затем достиг наивысшего для дьяка чина «большого думного дьяка», руководя в 1584–1605 гг. могущественным Разрядным приказом – главным военным ведомством России. После смерти своего покровителя царя Бориса Годунова «безродный» дьяк не удержался на верхних ступенях власти[5]. Данное обстоятельство частично объясняет назначение дьяка Аврамова вторым воеводой при уже тогда сомнительном Рюриковиче Д. Т. Мышецком. Главная же подоплека такого состава воевод 1609 г. скрывалась в условиях Выборгского договора – за сдачей Корельского уезда. Для выполнения тяжелой миссии потребовались самые незначительные в

[1] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 662 об.–663, 905, 955 об.; Д. 100. Л. 184; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса… С. 113.

[2] ААЭ. Т. II. С. 196 (Письмо вологжанина В. Вербышева сольвычегодцам от 13-го января 1609 г.); *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелию в начале XVII в. Петрозаводск, 1950; *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. С. 419.

[3] *Шаскольский И. П.* Указ. соч. С. 378–380 (грамота царя Василия Шуйского в Корелу об эвакуации жителей и их имущества от 30 августа 1609 г.).

[4] *Петров Н. П.* Указ. соч. С. 236; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 371.

[5] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 99. Ч. 2. Л. 754 об.; Д. 100. Л. 8 об.; СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 62 (сведения Таможенной грамоты Ивана IV Торговой (опричной) стороне Новгорода 1571 г.); *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 7. С. 274, 283–284; *Павлов А. П.* Государев двор… С. 234.

разрядных раскладах и в политическом весе фигуры: подозрительный по происхождению князь Д. Т. Мышецкий и опальный дьяк В. Т. Аврамов. Очевидно, никто из высокородной знати не пожелал взять на себя это губительное для карьеры поручение[1]. К тому же по понятиям того времени такой незнатный состав «безчестил» шведов.

Указ о сдаче города в августе 1609 г. привез из Новгорода от его воеводы М. В. Скопина-Шуйского дворянин Федор Чулков с двумя дьяками. Но горожане даже не впустили их в город, не желая выполнять царскую волю. И. П. Шаскольский и Г. А. Замятин напоминают о приписке посланцев на указе: «Корельские посадцкие и уездные люди в Кореле заперлись» и отказываются подчиняться. Авторы справедливо указали на принципиальную позицию *всех* жителей уезда[2]. Воевод также отозвали в Москву. Перед лицом опасности местное самоуправление Корельского уезда − и посадское, и крестьянское − сплотилось и выступило единым фронтом, воспротивившись царской воле и открыто заявив о своей политической позиции.

Лишь в феврале 1610 г. в городе вновь появились воеводы и «великие полномочные послы» по сдаче уезда Иван Михайлович Меньшой Пушкин, Алексей Иванович Безобразов и дьяк Никита Дмитриев. Воеводы по своему разрядно-политическому весу (дворяне «по выбору») не играли сколько-нибудь заметной роли при Дворе и в его политике. Так, 1603/04 г. Меньшой Пушкин строил крепость Белев, а А. И. Безобразов служил головой в Тюмене. Но дьяк Н. Дмитриев был переведен в Корелу прямо из приказа Большого Дворца, являясь таким же опытнейшим администратором, как и В. Т. Аврамов[3]. Следовательно, принцип назначения не изменил-

[1] Акты Гневушева. С. 136–141. Грамота царя Василия Шуйского в Новгород воеводе князю М. В. Шуйскому, август 1609 г.

[2] История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века. Макет / Под ред. А. Я. Брюсова. Петрозаводск, 1952. С. 185; *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века… С. 437.

[3] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 100. Л. 130, 131 об; ПОИ. Вып. 2. Ч. 1. С. 212, 228, 253; Ч. 2. С. 315, 320 (данные за 1603/04 г. из *Боярских списков* и *Росписи* русского войска); *Лихачев Н. П.* Боярские списки 1611 г. СПб., 1895. С. 13, 17, 19; Карелия в 17 в. С. 19–21 (*Листы* губернатора Выборга Тонне Йоренссона в Корелу, не позднее 7 февраля и от 28 февраля 1610 г.); *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячии… С. 153.

ся: оба состава уездных властей (1609 и 1610–1611 гг.) повторяли друг друга, что объясняется стоявшей перед ними унизительной лично для царя задачей.

Властям Корелы образца 1610–1611 г. выпало стать последней российской воеводской администрацией уезда, но не в предназначенной им роли «ликвидационной комиссии», а мужественными руководителями обороны города Корелы. Еще в феврале 1610 г. в уезд вошел отряд шведов, по словам губернатора Выборга Т. Йоренссона, «глупым и непослушным корелянам в грозу»[1], но воеводы, столкнувшись с сопротивлением населения, затянули дело со сдачей уезда. А летом 1610 г. царь Василий Шуйский был сведен с престола и вскоре умер в монастыре. В Москве пришло к власти пропольски настроенное правительство *Семибоярщина*, не желавшее выполнять Выборгское соглашение, направленное против его союзника Сигизмунда III. Шведы перешли к открытой интервенции. Жители же Корельского уезда, которых поддержал корельский епископ Сильвестр, просто не желали переходить под власть шведской короны. 2 июля горожане, стрельцы и жители окрестных деревень дали бой шведам на дальних подступах к Кореле. Как писал об этом шведский король Карл IX, «Епископ в Кексгольме Сильвестр наконец сговорил толпу крестьян числом до двух тысяч человек, которые напали на наш народ в лагере. Хотя им ничего больше не удалось (сделать), но они могли бы лишить жизни большую часть»[2]. Шведы поняли, что получить Корельский уезд без взятия Корелы не удастся. Поэтому Якоб Делагарди, который возвращался в Швецию со своим отрядом после поражения русско-шведского войска от поляков под Клушино, повернул к Кореле и в сентябре 1610 г. взял крепость в многомесячную осаду.

Самоуправление уезда вновь проявило себя с лучшей стороны. Посадские люди влились в гарнизон крепости, а сельские жители попытались им помочь. Как пишет Юхан Видекинд, «крестьяне из Норботнии и с северной стороны города собрались отовсюду на островах и подходят с 28 судами, груженными хлебом, на по-

[1] Карелия в 17 в. С. 21–23. Послание Т. Йоренссона властям Корелы от 28 февраля 1610 г.

[2] Цит. по: *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века… С. 448.

мощь осажденным», но шведы перехватили помощь, не позволив каравану добраться до крепости[1]. Конечно, под *Норботнией* нельзя понимать шведское северное побережье Ботнического залива. Без всякого сомнения, так Видекинд называл изрезанный шхерами ладожский берег Задней Корелы, так как далее он пишет о крестьянах с северной стороны города. А 27 октября сам Я. Делагарди отправил осажденным письмо, увещевая сдаться по причине безнадежности сопротивления[2]. Ответа не получил.

Факты, конечно, примечательные. Казалось бы, самоуправление было разрознено по погостам и общинам. Но оно вновь объединилось и на этот раз не только показало свою политическую волю, отстаивая Корельский уезд вопреки внешнеполитическим планам высших властей России и Швеции, но приняло прямое военное и материальное участие в обороне крепости Корелы. Данные примеры еще раз указывают на несостоятельность утверждений об отсутствии у населения тогдашней России «прочных местных связей», «местной организации» и «начатков политического самосознания», как уверяли в том П. Н. Милюков и Р. Пайпс[3].

11 марта 1611 г. воеводы с остатком гарнизона и жителей Корелы капитулировали. Корельский уезд прекратил свое существование. Его земли образовали новую административную область Шведского королевства Кексгольмский лен. Ответом карелов стало бегство из лена в Россию[4].

§ 5.4. Организация управления на севере Карелии

В конце XV – начале XVII в. Москва упорно отлаживала надежное управление в северной половине Карелии, развивала на местах

[1] *Видекинд Юхан*. История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С. А. Анинского, А. М. Александрова; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 143.

[2] *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века… С. 451.

[3] *Милюков П. Н.* Очерки истории русской культуры. 6-е изд. СПб., 1909. Ч. 1. С. 197; *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 95.

[4] *Жербин А. С.* Переселение карел в Россию в XVII в. / Под ред. А. Г. Манькова. Петрозаводск, 1956.

структуры самоуправления и встраивала их в собственную систему власти. Север Карелии обрел развитое территориальное деление. Лопские погосты, поначалу вместе с Кемской и Шуерецкой волостями, входили в состав Новгородского уезда, а двинские Керетская и Ковдская волости, а также земли саами управлялись столичным приказным ведомством Казны. В конце XVI – начале XVII в. возникли и оформились Кольский уезд и административно-вотчинный округ Соловецкого монастыря. Они «разделили» между собой земли поморов, саамов и северокарельскую Ребольскую волость.

Начальный этап организации власти Москвы в северной Карелии относится к концу XV в. Уже так называемым *Первым списком двинских земель* 1477 г. Иван III решительно потребовал от Новгорода признать его власть над Севером вечевой республики и управлять им через великокняжеских «мужей»[1]. Великий князь получил искомое в 1478 г. Его управленцы появились в Поморье. В частности, их полномочия включали право бывшего двинского наместника Дома св. Софии контролировать землевладение.

Материалы за 1484–1502 гг. указывают на *мужей* и *людей* Ивана III, заверявших и свидетельствовавших частноправовые акты на угодья по Карельскому берегу Белого моря. По источникам, их возглавлял некто «Семен Ермолин вижьщей». Последний термин мы возводим к слову *вящей*, имевшему немало способов написания (*вящьщей* и др.) и несколько значений, одно из которых – «старший по положению, главный»[2]. Очевидно, именно эти управленцы организовали черносошный округ Лопских погостов в составе Новгородского уезда. Они обеспечили на местах переход от частного владения землей и угодьями «пятью родами корельских детей» к крестьянскому черносошному хозяйству подданных великого князя, а также разграничили волостные угодья. Посланцы Кремля могли действовать так только при тесном взаимодействии с местными новыми черносошными общинами, члены которых уже могли свободно распоряжаться собственны-

[1] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1964. Т. 3. С. 30; *Янин В. Л.* Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50–70-х гг. XV в. // Исторические записки. М., 1982. Т. 108. С. 192.

[2] АСМ, 1. С. 18, 20 (Купчая и Данная на угодья частных лиц Соловецкому монастырю, 1484–1502 гг.); Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 288.

ми общинными владениями, в том числе продавать их и отдавать вкладом в монастырь.

Управление через великокняжеских «мужей» на рубеже XV–XVI вв. сменилось дьячим управлением. Конкретно, власть великого князя над Кемской и Шуерецкой волостями округа Дикой Лопи стали воплощать дьяки новгородской Казны и их подьячии. В этом прослеживается явное сходство с первоначальным приказным управлением на территории Корельского уезда. В целом приказной тип управления усиливал политику централизации на Севере. Но приказное управление оказалось выгодным и местным общинам, о чем около 1530 г. жители Кеми и Шуи напомнили Кремлю в челобитной. Василий III жалованной грамотой 1530/31 г. подтвердил для них приказной способ управления, указав, что *исстари* казенные дьяки судили лоплян в Новгороде во всех делах, а на место периодически посылали подьячих для сбора дани и предварительного дознания по вновь возникшим уголовным и прочим делам, подлежащим суду дьяков. Особо подчеркивалось, что новгородские наместники с их тиунами и приставами не властны над данной территорией[1].

Около 1530/31 г. все функции государственного управления взял на себя новгородский наместник, самовольно присоединив Лопские погосты к своему кормлению. Это и вызвало резкий протест жителей и незамедлительную отповедь Москвы, которая восстановила власть новгородских дьяков Казны. Тогда в Новгороде наместничал князь Михаил Васильевич Шуйский-Горбатый, в том же 1530/31 г. возведенный Василием III в бояре[2]. Как видим, пожалование великого князя не означало предоставление знатному наместнику возможности реформировать в свою пользу государственное управление, ранее отлаженное центром в режиме «сдержек и противовесов». Исключительные административные прерогативы центральное правительство реализовало в 1539 г., по внешнеполитическим причинам передав право на суд и сбор дани в Дикой Лопи из рук казенных дьяков дьяку новгородского Дворца Дмитрию Тимофеевичу Скрипицыну и его подьячим[3].

---

[1] СГГД. Ч. 1. С. 436–437.

[2] РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 115. Л. 3 (Дума Василия III).

[3] СГГД. Ч. 1. С. 437–438 (*Подтверждение* 1539 г.).

Следующая реформа административных порядков в Западном Беломорье произошла уже через 10 лет, хотя само *Подтверждение* 1549 г. не уточняло, о каких именно дьяках, Дворца или Казны, идет речь. На самом же деле − Дворца: документ подписал «на царское имя» Яков Семенович Щелкалов, как раз в 1549 г. ставший государевым дьяком столичного Дворца[1]. Просто новое Подтверждение частично изменило и более детально регламентировало полномочия новгородских дворцовых дьяков и подьячих.

Царь указал, что собирать дань с волостей должен только один подьячий из Новгорода, который обязывался выдавать жителям расписки в получении налогов. В судебной сфере теперь уже от новгородских дворцовых дьяков требовалось снабжать подьячего *приставной грамотой*, точно определявшей его полномочия, и отправлять вместе с ним приставов, без которых он не имел права вызывать истцов и ответчиков на суд в Новгород. Для возмещения подьячему расходов в пути он получал фиксированную в объеме и единовременную плату *езд*. Надзор дьяков за подьячим был оправдан. Перед 1549 г. лопяне снова жаловались царю, что подьячии незаконно брали с них пошлину-*веру* в 12 рублей за осмотр каждого трупа погибшего. Иван IV запретил порочную практику, установив бесплатность осмотра, если человек погибал от несчастного случая или жители сами выдавали убийцу. Если же преступника сами не находили или не выдавали, то волость выплачивала пеню *за душегубство* в 4 рубля[2].

Юридически обязывающее требование искать и выдавать виновных под угрозой большого штрафа могло иметь место только потому, что к 1549 г. самоуправление Кеми и Шуи обзавелось выборным полицейским губным аппаратом. И действительно, когда в 1562 г. царь выдал обеим волостям *Уставную грамоту*, то в ней четко говорилось, что земские судьи должны вести следствие и суд по Судебнику, а также по уже имевшейся у Кеми и Шуи *Губной грамоте* и по данной Уставной грамоте[3]. Так как Подтверждение 1539 г. замыкало весь судебно-следственный процесс еще на новгородском дворецком, его

[1] *Рогожин Н. М.* Указ. соч. С. 37; СГГД. С. 438–439 (*Подтверждение* 1549 г.).

[2] СГГД. Ч. 1. С. 438–439.

[3] Материалы. С. 190–193.

дьяках и подьячих, то нетрудно сделать вывод о ведении постов выборных губных голов в обеих волостях между этим и 1549 г.

В 1549 г. Иван IV оградил лоплян и от самовольных действий приказных посланцев из самой столицы, запретив им въезд в волости для проведения разбирательств по всем вопросам. Впрочем, имелось одно исключение – «царево и великого князя приказное дело», т. е. прямое исполнение на месте указов и распоряжений монарха центральными приказами. Так что не только регламентировалась власть дьячего аппарата Новгорода в Дикой Лопи, но и узаконивался высший приказной контроль за ней из Москвы. Вместе с тем одна из главных обязанностей дьяков Новгорода и в 1530/31, и в 1539, и в 1549 гг. – «ведать, судить и беречь» от наместников жителей «по старине»[1] – указывает на вполне сложившееся уже в начале XVI в. приказное управление беломорскими волостями, развивавшееся затем всю первую половину столетия.

К середине XVI в. общий порядок новгородского приказного администрирования Кемью и Шуей в своих конкретных проявлениях исходил из воли монарха и законодательства, повторяя, тем самым, аналогичные черты центрального государственного управления Новгородом и Новгородской землей. В доказательство сошлемся на *Мировую запись* (соглашение) 1556/57 г. крестьян Сумской волости Соловецкого монастыря с черносошными крестьянами соседней Шуерецкой волости о размежевании спорных земель[2]. Около 1556/57 г. жители обеих волостей: от Шуерецкой волости староста Иван Матфеев сын Холщевник и Гридя Васильев сын Нестеров, а от Сумской волости слуга Соловецкого монастыря Трофим Меншик Мосеев сын и крестьяне Петр Шумило Гаврилов, Федот Чебот Гаврилов и Евсей Иванов сын – подали царю встречные жалобы, обвиняя друг друга в хозяйственном использовании своих земель. Царь указал новгородским дьякам провести расследование и суд. Дьяки направили на место судью Матвея Мунзорина и подьячего Василия Лукина, снабдив их *присыльной грамотой* о предварительном судебном разборе тяжбы на месте в форме открытого состязательного процесса. «Присыльной грамотой» этот сопроводительный документ о полномочиях судей называют сами

[1] СГГД. Ч. 1. С. 438–439.

[2] АСМ, 1. С. 135–136.

истцы, несомненно, под ней следует понимать «приставную грамоту», указанную Иваном IV для такой организации судопроизводства. После открытого процесса на месте стороны, с его протоколом, приехали в Новгород на суд дьяков. Но, не дожидаясь приговора суда, истцы от обеих волостей пришли к согласию о линии размежевания, что и зафиксировала их *Мировая* 1556/57 г., написанная в трех экземплярах (по одной сумлянам и шуеречанам, а третью отдали избранному ими горожанину Мокруше Онаньину сыну Котельникову). Все три списка утвердил своей подписью один из дьяков. Данные обстоятельства весьма примечательны: суд уже шел, но судьи согласились с двухсторонним соглашением самоуправления черносошной и вотчинной волостей и, не вынеся собственного приговора, санкционировали *Мировую*. Иными словами, решение самоуправления дьяки приравняли к приговору государственного суда.

Государственное управление Кемью и Шуей изменила вновь *Уставная грамота* от 1 ноября 1562 г., выданная Иваном IV и вводившая здесь земский суд[1]. Теперь кемляне и шуеречане стали избирать из своей среды собственных судей, с правом суда в первой инстанции. Надзор государства за ним обеспечивали дьяки новгородского Дворца. Они приводили избранных судей к должностной присяге в Новгороде и сохраняли за собой право на суд второй инстанции, если местные судьи при вынесении приговора серьезно нарушали законодательство. *Выборные судьи* не выносили приговора и по делам о тяжких преступлениях (убийство и разбой): им полагалось лишь отправлять следственные материалы дьякам в Новгород. Дьяки докладывали о деле царю, и только по его указу выносили приговор.

Фискальное управление Кемью и Шуей также изменилось, не составив, впрочем, исключения из общего приказного порядка. При переходе в Новгороде к воеводскому управлению в том же 1562 г. писцы Никифор Харламов и подьячий Иван Руготин составили кадастр волостей. Они наложили на жителей налог «за наместнич присуд и его пошлинных людей доходы» в 67 рублей. Хотя власть наместника не распространялась на жителей и налог являлся для них совершенно новой податью, выплачивать ее требовало законо-

[1] Материалы. С. 190–193.

дательство. Состав и порядок нового сбора определила Уставная грамота: в счет налога шли судебные пошлины, взимавшиеся выборными судьями с проигравшей процесс стороны, а если их сумма не достигала 67 рублей, остаток жители компенсировали в складчину. Все узаконенные подати земские судьи привозили в Новгород дьякам, вместе с отчетом о судах[1]. Следовательно, Кремль передал на места судебные и фискальные полномочия подьячих, а земским судьям – и часть прав дьяков Новгорода. Но дьяки оставались главными управленцами зажиточных беломорских волостей.

Сделаем общий вывод из наших наблюдений за изменениями в законодательстве и порядке управления волостями Карельского берега в первой половине – середине XVI в. В Кеми и Шуе описанный политико-юридический процесс проходил совершенно синхронно с переустройством государственного управления в Новгороде, которое вытекало из главной политической линии на централизацию власти в этом стратегически важном центре управления. Централизация выражалась в постепенном сокращении полномочий наместника в городе и уезде в пользу приказного управления из столицы и Новгорода и, наконец, в переходе Новгородского уезда от наместничьей к воеводской форме управления как раз в 1562 г. Даже выданная в «пожаром порядке» Жалованная грамота Василия III 1530 г. уже преследовала цели централизации, и тем более последующие, «плановые» акты правительства и царя 1539–1562 гг. Следуя руслу губной и земской реформ, все они упорно встраивали местное самоуправление в новую организацию государственной власти в уезде, в полном соответствии с возрастающей ролью приказного руководства в управлении страной.

Материалов столичного происхождения, отразивших систему управления в семи материковых Лопских погостах, в нашем распоряжении нет. Но его описывает источник иного характера – *челобитная* лоплян, которые в 1649 г. протестовавали против включения их погостов в состав Олонецкого уезда. Лопляне писали, что издавна их погосты имели некую «Уставную грамоту» от «прежних государей», никак ее, однако, не датируя[2]. В изложении лоплян, по этой грамоте государство вверило власть тут новгородским дьякам,

[1] Материалы. С. 191–192.

[2] *Богословский М. М.* Земское самоуправление… Ч. 1. С. 12–13 (примечание 4).

обязав их «беречь» жителей от наместников, их тиунов и приставов, которым был запрещен суд над жителями; на местах судили «судейки», избранные «всей Лопской землей»; при невозможности решить дело на месте оно переправлялось «в доклад» дьякам в Новгород; туда же отвозились налоги, собранные старостами и целовальниками. Сведения челобитной 1649 г. позволяют утверждать, что государственное управление Лопскими погостами в целом и принципиально соответствовало тому, что сложилось в 1562 г. для Кемской и Шуерецкой волостей, составлявших тогда вместе с семью Лопскими погостами один округ. Пересказывали ли лопляне именно беломорские правительственные акты или имели собственные законоустановления «прежних государей», в данном случае не принципиально. Главное заключается в том, что сделанный вывод о синхронном встраивании местного самоуправления в приказную, а затем и в воеводско-приказную систему управления полностью относится и к данным семи карельским погостам.

Подобно «Дикой Лопи», приполярные Керетская и Ковдская волости в XVI в. также испытали приказную власть, но с той разницей, что напрямую подчинялись *столичной* Казне. В первой половине – середине века ее местными представителями являлись: слободчик, один на обе волости, и данщики – по одному на каждую[1]. Обычно слободчики заведовали слободами – неземледельческими поселениями, жители которых занимались ремеслами и промыслами[2]. Керетчане с ковдянами, например, занимались добычей жемчуга, с выплатой пошлины каждой десятой (и лучшей) жемчужиной[3]. Кереть и Ковда имели статус слобод еще и потому, что, подчиняясь Казне, они были исключены из кормлений наместников и волостелей.

Управленцы Казны имели разные полномочия. Слободчик ведал учетом разработанных промысловых угодий, а значит, и тягла, так как жители именно его ставили в известность, совершая частноправовые сделки («доложась слободчика керецкого»). Данщики собирали и отвозили в Москву налоги. И данщики, и слободчик имели право на суд, но в сферах своей компетенции; с 1542 г. во

[1] АСМ, 1. С. 58–60. Жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича жителям Керетской и Ковдской волостей от 16 и 20 февраля 1542 г.

[2] *Беляев И. Д.* О доходах Московского государства. М., 1885. С. 82–83.

[3] СГКЭ. Т. 2. Стб. 442–451. *Сотная* Керетской волости от 11 июня 1563 г.

время длительных отъездов данщиков, их суд вершил слободчик[1]. Следовательно, к середине XVI в. назначаемые Москвой местные администраторы Казны имели широкие полномочия, сравнимые с правами дьяков Новгорода. Но, в отличие от дьяков, они находились непосредственно на местах и более тесно взаимодействовали с населением и его самоуправлением. Например, они вершили суд круглый год, а не в строго отведенные дни, как дьяки Новгорода. Кроме того, еще до 1542 г. жители имели губную грамоту, которая давала им право на избрание собственных губных целовальников с полномочиями расследовать дела и задерживать виновных, а жалованной грамотой от 20 февраля 1542 г. правительство утвердило их обязательное участие в суде данщика и слободчика[2].

Казенное приказное управление Керетью и Ковдой вскоре было унифицировано в духе реформы фиска. *Сотная* 1563 г. указала, что к тому году сбором налогов тут ведали избранные населением *данные головы*[3]. Пост слободчика исчез; последнее упоминание о нем содержало царское *Подтверждение* 1555 г. жалованной грамоты от 16 февраля 1542 г.[4] Права слободчика перешли к данщику: в 1564 г. данщик Семен Андронов отвел место под двор одному из керетчан[5]. Отвод производился «по царскому слову», т. е. по устному указу царя. Стало быть, он либо получил челобитье керетчанина, любо сам выслушал его просьбу на аудиенции. *Отводная* 1564 г. интересна и для понимания затеянных тут Москвой кадровых перестановок.

Ранее С. Андронов был слободчиком, его постоянно называли так вышеприведенные источники за 1542–1546 гг. Значит, пост слободчика упразднили между 1555 и 1563 гг., но опытного администратора С. Андронова перевели на пост данщика. Затем централизация управления Керетью и Ковдой выразилась в возвращении данщику традиционных для него обязанностей по сбору налогов, о чем свидетельствует писцовая книга 1574–1575 гг. В. Агалина. Перепись зафиксировала оригинальный способ обеспечения данщика. По царской грамоте С. Андронову с сыном выделялась в собственность восьмая доля улова рыбы

[1] АСМ, 1. С. 58–60; 67–68, 73 (частноправовые акты на угодья 1544 и 1546 гг.).
[2] АСМ, 1. С. 58–60.
[3] СГКЭ. Т. 2. Стб. 444, 446.
[4] АСМ, 1. С. 60.
[5] АСМ, 1. С. 181–182.

в реке Керети, не освобожденная, впрочем, от налога. После смерти С. Андронова, в 1578 г. его сын Иван продал эту долю по частям волощанам и Соловецкому монастырю. Тогда в Керети царевым данщиком являлся некий Нечай Иванов, заверивший эти сделки[1].

С 1570-х гг. процесс централизации управления распространился на весь беломорский север Карелии. Объяснение, видимо, лежит как в тогдашней общей направленности внутренней политики, так и в местных обстоятельствах, а именно: в последствиях конфликтов, разразившихся в Беломорье в конце 1560-х гг. и известных под названиями *Двинский иск* и *Басаргин правеж*. Современник тех событий голландский купец Симон ван-Салинген свел их к наказанию царем жителей волости Варзуги за неуплату ими двинянам-холмогорам десятины с промысла семги, взятого последними на откуп у Казны, а также населения Западного Беломорья – за то, что оно не предупредило раздор варзужан с холмогорами[2].

Комментируя ван-Салингена, П. А. Садиков отметил, что полное разорение варзужан от опричников Басарги Федоровича Леонтьева произошло из-за происков двинян, использовавших свое опричное положение для закрепления господства в Варзуге. А. И. Копанев и И. Ф. Ушаков следовали той же трактовке событий[3]. По нашему мнению, ссылка на опричный статус Холмогор не обоснована, так как двинская волость Варзуга входила в опричный удел царя точно так же, как и вся остальная Двинская земля во главе с Холмогорами. Со своей стороны, В. И. Корецкий обратил внимание на фискаль-

---

[1] СГКЭ. Т. 2. Ст. 451–462 (*Выпись* из писцовой книги В. Агалина на волость Кереть, 1574–1575 гг.); АСМ, 2. (*Купчая* И. С. Андронова керетчанам и Соловецкому монастырю от 9 января 1578 г.).

[2] *Салинген, Симон ван-*. Русские в Лапландии в XVI в. / Сообщение Симона ван-Салингена о земле Лопии, как в 1562, 63, 64 и 65 гг. в ней плавали из Нидерландов и насколько, при прибытии Симона ван-Салингена была застроена, и в каком виде он ее нашел, и как впоследствии развивалось мореплавание и, благодаря коммерции, она начала застраиваться / Сообщ. А. М. Филипповым // Литературный вестник. СПб., 1902. Т. 1. Кн. 3. С. 295–307.

[3] *Садиков А. П.* Очерки по истории опричнины. С. 191–211; *Копанев А. И.* Неземледельческая волость в XVI–XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967. С. 177; *Ушаков И. Ф.* Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. С. 46.

ный смысл *правежа*: это частное проявление внутренней политики Ивана Грозного, направленной на принудительное изъятие у населения дополнительных средств на ведение Ливонской войны; при этом «государев правеж» охватывал в разной степени всю территорию страны[1].

Имеются материалы, существенно дополняющие сведения С. ван-Салингена о разорении Поморья. Первый − это расписка (*отпись*) Б. Ф. Леонтьева крестьянам Сумской волости Соловецкого монастыря от 28 ноября 1569 г. – о получении им причитавшейся с сумлян доли «двинского иска», «боярских пошлин» и «прогонов». Второй источник 1569/70 г. – это *запись*-обязательство преступников, громивших варзужские владения двинян, сумлянам – о неучастии их впредь в разбоях[2]. Оба источника ярко повествуют о конфликте и его правительственном разбирательстве.

Оказывается, население западнобеломорских волостей само наняло группу удальцов с целью разгромить владения двинян в Варзуге. При разбое погибло четыре двинских охранника. Подсчитав убытки, холмогоры подали царю иск в 1764 рубля на поморцев, и Иван IV направил разбираться на месте Б. Ф. Леонтьева с отрядом опричников и 10 недельщиков. Очевидно, материалы их розыска рассмотрел суд высшей инстанции *бояре*, так как потом волости выплачивали «боярские пошлины». Иск был признан обоснованным, но схваченных преступников не казнили: с нанявших убийц и погромщиков поморцев взяли поручительства за них и взыскали все убытки двинян и Казны. Последний акт и получил название *Басаргина правежа*. В свою очередь, освобожденные из-под стражи осужденные письменно поклялись «выручившему» их самоуправлению поморских волостей более не разбойничать, в противном случае по приговору боярского суда их ждала смертная казнь. Как видим, царь выступил в роли гаранта соблюдения законности и защитника собственности двинян, уже принесшей опричной казне немалый доход в виде откупа. Жестокий способ возмещения ущерба правежом являлся обычной практикой властей по взысканию недоимок.

Но подоплеку конфликта названные материалы не объясняют. А она скрывалась за местными социально-экономическими и эт-

[1] *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян… С. 53–54.

[2] АСМ, 1. С. 213, 216.

ническими особенностями. Напомним главные: принципиальную схожесть характера владения «луками промеж волощан» по всему западному Беломорью – *карельского* («варзужского» по А. И. Копаневу), в противовес частновладельческому двинскому *материковому*, а во-вторых, этническую близость жителей Терского и Карельского берегов. Так, в грамоте старцу Феогносту 1575 г. Иван IV ссылался на жалобы саамов о притеснениях их «сильными людьми» Поморья, в том числе карелами из Варзуги и Умбы[1]. В данных условиях поводом для обращения варзужан к своим соплеменникам на Карельском берегу наказать холмогоров стало намерение последних взыскать десятину от промысла семги, находившегося в *луковом* общинном владении варзужан. Промысел взяли на откуп двиняне, что, безусловно, шло в разрез с устоявшимися представлениями жителей Варзуги и Западного Беломорья о способах эксплуатации таких угодий. Конфликт самоуправления Варзуги и западнобеломорских волостей с холмогорами вспыхнул незамедлительно.

Разбой показал царю неэффективность практики управления Севером. Выяснилось, что волостные миры, получив право на сбор налогов, суд и полицию, имели собственные, отличные от государства интересы. Поэтому после Басаргина правежа в начале 1570-х гг. в Керети и Ковде, например, утвердился данщик – подчиненный царю единоличный глава администрации, в руках которого сосредоточились налогообложение и контроль за угодьями и промыслами. А в 1570-е гг. подобные характерные изменения произошли и в Кемской и Шуерецкой волостях. Там обосновался слободчик, он контролировал угодья и промыслы. Имеется *запись*-обязательство слободчика и шуеречан Соловецкому монастырю от 6 декабря 1578 г. об их согласии предстать на суд перед игуменом за незаконную порубку монастырского леса[2]. При этом налоги с населения по-прежнему принимали новгородские дьяки.

К тому времени Соловецкий монастырь обладал рядом тарханных грамот, дававших ему административно-судебные полномочия. Самые яркие примеры их использования – выданные монастырем жителям вотчины *Уставные грамоты* 1548 и 1564 гг. Грамоты определяли права и обязанности монастырской администрации и вы-

[1] Материалы. С. 236–238.

[2] АСМ, 2. С. 123.

борных лиц крестьянского самоуправления по сбору таксированной обителью феодальной ренты и установленных государством налогов, а также порядок судебно-следственного разбирательства и монастырского суда над жителями[1]. В свою очередь, по жалованной грамоте Василия III игумена и братию могли судить только судом высшей инстанции. А 24 ноября 1547 г. Иван IV подчинил монастырь напрямую столичной Казне: «сужю яз… или наши казначеи»[2]. Теперь, убедившись в ненадежности системы государственного управления Севером даже в Сумской вотчине Соловецкого монастыря, царь Иван Грозный решил усилить присутствие государства тут через сбор налогов. С 1570 по начало 1580-х гг. их стали принимать на месте подьячии и другие посланцы новгородских дьяков (в опричный 1571 г. – дьяков земской Софийской стороны И. Собакина, Л. И. Бертенева, Н. Ю. Шелепина)[3].

С 1580-х и в 1590-е гг. главные причины изменения территориального устройства и управления на Севере переместились в область внешней и военной политики. Тогда Беломорье отразило шведскую агрессию. Для отпора ей московское правительство организовало центры обороны Соловецкий Кремль и Сумский острог. По поводу Сумы исследователь В. И. Иванов заметил, что Москва не раз пыталась подчинить ее себе, направляя туда воевод с войсками, но Соловкам удалось сохранить свои права на острог[4].

Центр не покушался на Сумский острог. Речь шла о подключении Соловков к системе надежной обороны Поморья. Присланные Москвой воеводы действовали по царским указам, которые обязывали и Соловецкую обитель «промышлять съобча» с воеводами против шведов, ничего не предпринимая в военной области «без царско-

[1] АСМ, 1. С. 87–89, 180–189.

[2] АСМ, 1. С. 38–39 (сведения о жалованной грамоте Соловецкому монастырю Василия III в пожаловании Ивана IV от 2 февраля 1541 г.), 81 (из жалованной грамоты 1547 г.).

[3] Расписки посыльных в получении налогов и сборов с соловецкой вотчины за 1570–1581 гг. см.: АСМ, 1. С. 219, 221, 226–227, 237–238; АСМ, 2. С. 27, 31, 38, 41, 48–50, 57, 62–63, 70, 72, 74, 76, 91, 100, 104–106, 125, 128–129, 134, 144, 150, 153–155.

[4] *Иванов В. И.* Формирование Сумского посада в XVI–XVII вв. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. М., 1990. Ч. 1. С. 87.

го слова»[1]. В итоге такая политика коренным образом преобразила управление в пользу монастыря и столицы.

В 1592 г. обитель со своим Кремлем, Сумским острогом и всеми западнобеломорскими вотчинами составили новый административный Соловецкий округ, напрямую подчиненный столичной чети дьяка Андрея Щелкалова, с конца XVI в. – Новгородской четверти. Дьяки же Новгорода, напротив, постепенно и загодя лишались возможности надзора за вотчиной Соловецкого монастыря через сбор налогов. По царскому указу 1584 г., в связи с военно-оборонительными усилиями обители, снизились подати с ее Сумской волости, которые теперь собирал сам монастырь и отвозил в Новгород. С 1590 г. все промыслы и торговые операции Соловков на два года освобождались от налогов, а потом их предписывалось отвозить уже в четь А. Щелкалова; та же грамота указала черносошным кемским крестьянам передавать свои налоги на Соловки, а не дьякам в Новгород. В 1591 г. «половина» Кемской волости вошла в вотчину, а с 1592 г. уже вся она стала частью административно-вотчинного округа обители[2].

На первый взгляд, кажется странным наделение Соловецкого монастыря столь широкими льготами, идущим как бы вразрез с официальной политикой отмены «тарханов». Уже в последние годы Ливонской войны Иван IV обложил крупные монастыри, богатое купечество и светских вотчинников высокими сборами, ссылаясь на жестокую войну на несколько фронтов[3]. Отмену податных и торговых льгот, с той же мотивировкой, закрепило *Уложение* от 15 января 1580 г. После смерти Грозного, 20 июня 1584 г. его положения подтвердил новый *приговор* царя Федора и Боярской думы: отмена «тарханов», запрет монастырям расширять свои вотчины путем покупок и пожертвований, упразднение привилегий беспошлинной торговли; все это распространялось на неопределенное время (до царского указа), «чтоб воинство конечне во оскудение от

[1] АСМ, 2. С. 115; ААЭ. Т. I. С. 418 (грамоты Соловецкому монастырю 1578 и 1589 гг.).

[2] Материалы. С. 284–286, 308–312 (жалованные грамоты 1584 и 1590 гг.); 318–319, 328–330 (жалованные грамоты Соловецкому монастырю: на «половину» Кемской волости, июнь 1591 г., и от 15 апреля 1592 г.).

[3] О выколачивании Иваном IV средств в последние годы Ливонской войны в обход тарханов см.: *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 78–81.

того не было для ради тое вины, и государеве казне в том убытка не было»[1]. Поэтому в свете вышеприведенных сведений о продолжении войны в Западном Беломорье вплоть по начало 1590-х гг. следует признать, что наделение обители льготами соответствовало самому духу обоих решений об отмене тарханов. Правительство деятельно искало средства для защиты страны от внешней агрессии. И Соловецкий монастырь действительно активно подключался к обороне Севера.

Игумен и соборные старцы как гражданские власти Соловецкого округа стали осуществлять все функции местного государственного управления: «а крестьян им ведати и судить во всем»[2]. Игумен имел право и на дипломатические контакты со шведскими порубежными властями.

Но возглавляли дипломатические связи на Крайнем Севере двинский и кольский воеводы, о чем ясно говорит их переписка с царем за 1607 г. по поводу пограничного размежевания со Швецией. Около 1606 г. шведский губернатор Оулу («олуевский державец») намерился начать размежевание оставшегося неразмеченным самого северного участка границы. Не согласовав через Стокгольм своих действий с Москвой, он уведомил о том лишь соловецкие власти в Суме. Игумен задержал гонца и известил двинского воеводу о шведских предложениях, а тот – царя. Василий Шуйский возложил на архангелогородского воеводу князя Д. Г. Бельского обязанности официального лица в связях с Оулу, прислав ему «образцовый список» ответа и указав отправить послание уже от своего имени с задержанным в Суме шведом. Тем же указом царь приказал властям Соловков организовать в северной Финляндии разведывательную сеть и информировать Москву через воеводу Архангельска и Посольский приказ о поступающих разведданных[3]. Итак, на Крайнем Севере царь выстраивал иерархическую систему внешнеполитических связей со Швецией из Архангельска через Соловки. Она была схожа с новгородской, со связью через Корелу и Орешек.

---

[1] Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». С. 25.

[2] Карелия в 17 в. С. 28–30 (жалованная грамота Соловецкому монастырю на Шуерецкую волость, 1613 г.).

[3] Акты Гневушева. С. 95–104.

В отличие от монастырского округа, в черносошных Керетской и Ковдской волостях, включенных в 1582 г. в состав Кольского уезда, установился обычный для того времени порядок воеводского управления. Должность государева данщика упразднили, а налоги и пошлины с угодий и промыслов стали собирать и отвозить в Колу избранные в волостях целовальники. Туда же отправлялись волостные *ратные и посошные люди*, исполняя воинскую повинность по охране приграничья. Также жители несли ямскую службу, содержа за свой счет *ямы* с подводами и лошадьми[1]. Год от года хозяйственное состояние поморских волостей (Шуерецкой, Кемской, Керетской и Ковдской) изменялось, и иногда их самоуправление не могло договориться о долях участия в ямской службе. Так, в 1603–1604 гг. несогласными оказались керетчане, обратившиеся через кольского воеводу к царю с жалобой на соседей. Получив царский указ, кольский воевода дал *наказ* местным целовальникам: до новой переписи, которая определит податные возможности северных волостей, восстановить прежние пункты смены подвод[2].

Кольское управление распространилось и на приграничные со Швецией и Норвегией земли саами. Ранее этих аборигенов Крайнего Севера ведали данщики от столичной Казны. Кольские же воеводы управляли саамами через крестьянских целовальников из русских и карелов, собиравших дань, и посыльных (из числа стрельцов и др.). Так, в 1620/21 г. деньги и пушнину «с Лешей Лопи с Немецкого рубежа» привозил в Колу *толмач*-переводчик и один их жителей-лоплян. Как и повсюду, размеры податей с саами строго таксировались. А около 1619/20 г. царская жалованная грамота приграничным саамам ограничила налоги 50-ю рублями «за государевы всякие доходы». Фискальную пирамиду всего Кольского уезда завершала наверху Новгородская четверть, управлявшая из Москвы севером страны[3].

---

[1] ААЭ. Т. 1. С. 419–420 (царская грамота в Кереть и Ковду от 17 апреля 1590 г.); СГКЭ. Т. 2. Стб. 470, 473, 477–478 (сведения *Отдельной книги* 1607 г. А. Толстого Соловецкому монастырю на «четверть» волости Керети).

[2] Карелия в 17 в. С. 16–17 (*наказ* кольского воеводы керетским целовальникам от 6 февраля 1604 г.).

[3] ПРК. С. 135, 320.

С 1620/21 г. жители пограничной со Швецией Ребольской волости – и карелы, и саамы – также вошли в подчинение Коле. Но между 1621 и 1626 гг. карелы в этой бывшей северной окраине Корельского уезда перешли под власть Соловецкого монастыря, который посылал сюда данщика из числа жителей своих поморских волостей. Он ведал землевладением, сбором налогов и проводил судебно-следственные действия по возникавшим делам[1].

Подведем итог. В целом упорно выстраиваемая и почти в каждое десятилетие реформируемая московским правительством система управления Севером развивалась в соответствии с политикой по централизации управления. На Севере властная вертикаль включала в себя и местный, и областной (уездный), и столичный приказной уровни администрирования. И на всех этих уровнях самоуправление северных волостей и погостов плотно, но не без конфликтов взаимодействовало с государственными властями. Уже в конце XVI и в начале XVII в. отлаженная по-новому система государственного управления Севером, со встроенным в нее самоуправлением, и при опоре на это крестьянское самоуправление, в целом выдержала жестокие испытания иностранной интервенции.

---

[1] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1/1629. Д. 1. «1629 г., генварь–декабрь. Отписки новгородских и других с шведами пограничных городов воевод и отписки к ним государевых грамот о разных пограничных делах». Ч. 2. Л. 383–389 об. (материалы комиссии подьячего Б. Воломского за 1626–1629 гг.); Карелия в 17 в. С. 35–36 (*отбойные записи* лендерцев от 13 августа 1628 г.); *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. Сборник материалов, извлеченных из Московского Главного архива Министерства иностранных дел и Шведского Государственного архива и касающихся истории взаимоотношений России и Швеции в 1616–1651 годах. М., 1897. С. 285–287 (*отбойные записи* лендерцев, ровкульцев и кимасозерцев от 15, 16 и 18 августа 1628 г.); *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление… С. 101–102.

Заключение

Проблема самоуправления, его места и роли в политике государства рассмотрена нами на примере Карелии XII – начала XVII в. Установлено значение местных социально-экономических, социально-политических, этнокультурных, демографических, религиозных процессов в зарождении и эволюции самоуправления. Одновременно исследован генезис и дальнейшее поступательное развертывание областного и местного административно-территориального устройства и системы управления краем на центральном, областном и местном уровнях власти. Выявлена взаимосвязь внутренней и внешней политики «верхов», эволюционировавшей на фоне военно-политической обстановки в Балтийско-Беломорском регионе Европы, со статусом и характером участия местного самоуправления в Карелии в делах государства. Данные условия выступали *факторами воздействия*.

Основные факторы воздействия участвовали или самостоятельной величиной, или – и чаще – в системном взаимодействии друг с другом и с рядом других обстоятельств. Все вместе они положительно или отрицательно, целенаправленно или пассивно влияли на поступательную эволюцию или прерывистое развитие исследуемого нами общественно-политического феномена самоуправления, его вовлечения в политику государства. Таким образом, сам статус самоуправления и мера привлечения его возможностей в центральное, областное и местное управление со стороны государства носили эволюционно-дискретный характер. В конкретных проявлениях указанные факторы воздействия составляли комплексы причин, создававшие сложную, но прочную ткань исторического процесса. Из-за последовательно сменявшегося доминирования в нем разных групп причинно-следственных связей и сама эволюция взаимодействия государства с самоуправлением носила поступательно-прерывистый характер, т. е. развивалась поэтапно.

Фазы становления и развития самоуправления в Карелии, модели «встроенности» его в политику государства – как Великого

Новгорода, так и Московской державы – совпадают по времени с поэтапным преобразованием административно-территориального устройства края и системы управления им. Уже источники новгородского времени подтверждают данный вывод на примере становления и эволюции Корельской земли и северного Обонежья (так называемого Обонежского ряда). Самоуправление, зародившееся в недрах традиционных властных племенных структур древних карелов и вепсов, было поставлено Новгородским государством на службу своей политике. Реформы государственного строя вечевой республики нашли отражение в характере и роли самоуправления на местах. Но особенно различим процесс вовлечения самоуправления в политику государства на относительно богатом материале конца XV – начала XVII в. Новые модели взаимодействия в основном соответствовали решительным реформам во власти и в управлении в целом по стране, а ведущим фактором воздействия окончательно стали политические преобразования централизаторского характера.

Почти независимо от них оба главных периода средневековой истории приграничного края объединял еще одни существенный фактор воздействия − это долговременный внешне- и военно-политический курс Швеции на доминирование королевства на Балтике. В отношении Великого Новгорода, а затем и России он вылился в череду войн и конфликтов. Для российской Карелии военно-политическое противостояние привело к утрате значительной части карельских земель, сначала по условиям Ореховецкого мира 1323 г., потом − по Выборгскому соглашению 1609 г.

Конкретно этапность во взаимоотношениях государства с самоуправлением проявлялась уже в новгородский период истории. В нем мы различаем три продолжительных и четко выраженных этапа.

Первый этап падает на XII − первую половину XIII в. Это этап зарождения самоуправления и его начального приспособления к обслуживанию государственных интересов вечевой республики. Ведущими факторами воздействия выступали внутренние социально-экономические, социально-политические, этнокультурные, демографические и религиозные процессы. Они привели к складыванию областей Корела и Обонежье. В Кореле появилось первичное разграничение по природной «меже» реке Вуоксе на Переднюю

Корелу (ближняя к Новгороду и наиболее освоенная и заселенная область) и Заднюю Корелу (бассейн северо-западного Приладожья, область колонизационных усилий карелов). Из-за давления Шведского королевства по отношению к Кореле Новгород был вынужден проводить в отношении карелов взвешенную, союзнически-конфедеративную политику. В то же время в Присвирье Новгород и приглашаемые им князья выступали получателями дани методом полюдья. Ответственными за сбор дани стали старейшины веси. К концу этого этапа происходит начальная христианизация корелы и веси, создание приходов-погостов. Административно Крещение привело к складыванию и у карелов, и у веси районов-погостов как низовых ячеек самоуправления, поначалу во главе с племенной знатью. Разграничение погостов шло по давно сложившимся в родоплеменном обществе природным табуированным «святым межам».

Второй этап относится к середине XIII − середине XIV в. Его отличает окончательное административное выделение обеих главных областей края. Область проживания карелов получает высокий статус Корельской земли. В ней строится город Корела на правах самоуправления − пригорода столицы вечевой республики. Городчане, и карелы, и русские, а вместе с ними и быстро феодализирующаяся карельская знать на селе становятся носителями самоуправления. Для защиты своей приграничной земли от притязаний Швеции и контроля над карелами Новгородское государство распространяет на приладожскую Корелу режим кормленого наместничества.

Одновременно Присвирье получает по Обонежскому ряду статус подконтрольной новгородскому князю области. Административно происходит выделение северного Обонежья (с Присвирьем) в тысячу – одну из составных частей Новгородской земли; статуса отдельной земли территория Обонежского ряда не получила. Началось активное освоение северного Обонежья крестьянами − вепсами и русскими (видимо, кое-где по границе с Корельской землей − и карелами). Но самоуправление на уровне погостов остается в руках вепсской знати.

Третий этап захватил последнюю четверть XIV в. и длился вплоть по 1478 г. Он завершает колонизационные процессы времен Великого Новгорода. Погосты как единицы самоуправления теперь охватили даже северные беломорские окраины. Внутри-

политическим стержнем республики стало компромиссное разделение власти между двумя ее главными политическими группировками. Новгородский архиепископ в данной системе занял центральное место примирителя интересов как светских группировок, так и церковных. Внешняя же политика переместилась в сторону противодействия Москве, в частности, с опорой на поднимающуюся Литву. В зависимости от внешнеполитической ориентации выстраивался режим (этапы) княжеского кормления западноновгородскими землями, в том числе в Корельской земле. В свою очередь, Швеция в 1397 г. вошла в Кальмарскую унию с Данией и Норвегией. Десятилетия относительно мирных отношений с королевством привели к созданию модели дипломатических связей между Великим Новгородом и Швецией через наместников (фогтов) Корелы и Выборга.

В Корельской земле урегулировались взаимоотношения Великого Новгорода с вассальной карельской знатью. Последней досталась большая часть частных вотчинных земель как в Северо-Западном Приладожье, так и в карельском Беломорье. Кормленое обеспечение в приладожской Кореле получал теперь не только князь-кормленщик, но и новгородский владыка, причем оба − в равных долях и посредством своих представителей наместников. В основу разграничения кормленых земель легла общинная разбивка на волости (в Передней Кореле) и перевары (в Задней Кореле), существовавшая внутри погостов, а не на сами погосты. Поэтому самоуправление стало сосредоточиваться не только в руках местной знати, но и на уровне крестьянских общин.

Северное Обонежье переживало аналогичные процессы, но с той разницей, что потомкам вепсских старейшин оставалось довольствоваться ролью старост погостов или собственников незначительной доли местных земель. Князь также потерял право на корм с Обонежского ряда. Главными «игроками» стали новгородские бояре. Две их политические группировки поделили Обонежскую Карелию в равных долях на вотчины. Но за вотчинной разбивкой стояло все то же общинное разграничение освоенных крестьянами земель. Поэтому в каждом погосте самоуправление сосредоточивалось и на уровне общин, и в руках старосты погоста, вероятнее всего − выходца из «главной» общины первопоселенцев, поэтому в конечном

счете самоуправление также выливалось в разновидность общинного самоуправления.

Итак, проведенный сравнительный анализ подвел нас к следующему выводу. Там, где местная знать занимала сильные позиции, обладала широкими экономическими и военными возможностями (псковские бояре, двинские бояре, знать корелы), эти области получали статус *земли*. Вместе с главной, Новгородской землей они составляли полную территорию государства, а новгородская элита была вынуждена относиться к местной знати с позиций компромисса. Но те территории, знать в которых не обладала такими возможностями, входили в состав одной из земель государства. Так, вепсское Обонежье стало частью Новгородской земли. Обонежская Карелия по статусу не была приравнена к пригороду. Поэтому самоуправление в Обонежье развивалось в основном на уровне погостов.

В социальном же плане только наличие низовой церковной организации давало право новым общинам на выделение своего самоуправления из общепогостской организации. Путь и этапы такого обособления общин – сначала в часовенный приход, затем в самостоятельный, отдельный от соседей церковный приход, наконец, в отдельный погост. В основе данного пути лежала самоорганизация местного населения, зарождение его самоуправления, которое, тем не менее, приобретало на месте всю полноту власти лишь будучи самоуправлением отдельного погоста. Эту систему самоуправления и унаследовала Москва.

Качественно новый период отечественной истории падает на вторую половину XV–XVII вв. Он ознаменовался созданием единого государства и укреплением в связи с этим централизованной власти в России. Время с конца XV по начало XVII в. отличалось особой интенсивностью общественно-политических преобразований. Централизация страны потребовала продолжительного и коренного реформирования всего комплекса государственных и общественных институтов и устоев России – от верховной власти в Москве и до повсеместно распространенного традиционного посадского и крестьянского самоуправления. Тогда же сложилась враждебная России внешнеполитическая обстановка: возникли агрессивные ханства на руинах Золотой Орды, Корона Польская и Великое княжество Литовское объединились в Речь Посполитую, в 1523 г. восстановилось

независимое от Дании Шведское королевство. Все это поставило перед русским правительством в качестве первоочередной задачи небывалую концентрацию усилий в военной области. Самоуправление оказалось прямо вовлеченным институтом во внутренней и внешней политике, оно буквально заработало на государство.

Общая направленность внутренней политики Кремля на централизацию страны и власти являлась основной и ведущей причиной административных преобразований как в Карелии, так и в целом во всем государстве. Тогда правительство напряженно искало наиболее оптимальные и унифицированные формы и методы управления страной, постоянно приращавшей вновь присоединенными территориями. В Новгородской земле, в частности, в приграничной со Швецией Карелии была создана единая и разветвленная, отлаженная и жесткая вертикаль власти. Ее создание объяснялось и сопутствовавшими этому, но негативными обстоятельствами российско-шведской борьбы за гегемонию в Балтийско-Беломорском регионе Европы, в которой Россия в начале XVII в. на время проиграла Шведскому королевству.

Мы выделили пять четко выраженных этапов реформирования административно-территориального деления и государственного управления в Карелии с 1478 по 1610-е гг. На каждом из них конкретные роль и место самоуправления, его взаимоотношения с государством различались.

Первый этап охватывал время с 1478 и примерно по 1496–1500 гг. Тогда Иван III, с помощью переписей, провел на землях присоединенного Великого Новгорода важнейшие аграрно-фискальные, административно-судебные и военно-поместные реформы. Он включил все земли Великого Новгорода, кроме Двины и Заволочья, в Новгородский уезд; создал единую финансово-податную систему; центральное управление уездом выражалось в личной власти великого князя и в прочной структуре областного управления во главе с его новгородскими наместниками, дворецким, дьяками Казны и Дворца и архиепископом. Так закладывалась административно-политическая система «сдержек и противовесов», не дававшая никому из уездных администраторов всей полноты властных полномочий. В 1495/96 г. в Новгородском уезде был положен мощный фундамент военно-поместной организации: созданы военно-мобилизационные округа

пятины под управлением новгородских наместников и дворецкого; туда переводили на военную службу помещиков, получавших земли сведенных из Новгорода местных бояр. Все названные важнейшие мероприятия центра проводились в жизнь под общим руководством великого князя и руками его писцов – крупных и видных администраторов раннего приказного типа, наделенных для этого монархом необходимыми полномочиями. Результаты их кропотливого труда получили обобщенное наименование «старое письмо».

На первом этапе административно-территориальное устройство Карелии претерпело изменения: бывшая Корельская земля влилась в Новгородский уезд; ее областное самоуправление ликвидировалось. Местное же самоуправление сосредоточилось на уровне погостов и города, сельских и городской общин и приходов. Частное вотчинное светское землевладение новгородцев исчезло, появилась «волость князя великого». На Севере карельские феодалы лишились своих вотчинных угодий, но в Приладожье − сохранили. Здесь и в Северном Обонежье новгородские власти управляли через собственных подьячих и сохранившихся боярских управленцев. В отдаленном Поморье сама Москва через своих прямых представителей «мужей» (у саами − через данщиков) осуществляла оперативное управление этими окраинными областями бывшего Великого Новгорода. Военно-поместные мероприятия привели к включению Корельской земли в Водскую пятину, а погостов Обонежской Карелии – в Обонежскую. В Водскую пятину объединили территорию проживания в основном финно-угорских народов корелы, ижоры и води, а в Обонежскую – земли к северо-востоку от Новгорода, куда входила и обширная область древневепсской колонизации с водно-волоковыми путями в Беломорье.

Второй этап, с конца XV в. по 1530-е гг., отобразил перенос центра тяжести административно-территориальных реформ из Новгорода на окраинные земли, в том числе и в Карелию. Тогда государевы писцы с помощью «нового письма» организовали в крае унифицированную систему кормлений. Писец Ю. К. Сабуров в 1496 г. создал Заонежские станы (округа сельских кормлений по наиболее заселенным берегам водных трасс). По переписи они сгруппировались в Заонежские погосты. Писец Д. В. Китаев в 1500 г. образовал наместничество Корельский уезд. Объем и характер административно-судебной власти наместников Корелы и заонежских волостелей суще-

ственно не отличались от полномочий новгородских наместников. На севере Корельской земли «мужи князя великого», во взаимодействии с общинным самоуправлением, создали Лопские погосты.

Образование Корельского уезда в 1500 г. явственно показывает и комплексы причин военного и внешнеполитического свойства. Местные помещики и своеземцы составили полк Корельского уезда во главе с его наместниками, подчиненными в военном отношении наместникам Новгорода. Наместники Корелы также приняли на себя полномочия по связи Новгорода (его наместников и дворецкого) со Стокгольмом − через Выборг, скопировав тем самым новгородские наработки. Такие политически невыгодные для Швеции отношения с Россией длились без особых изменений по 1610-е гг.

Строгий и бдительный контроль за землевладением и налогово-фискальной сферой на местах осуществлялся прежде всего через приказные органы Новгорода: областные Дворец и Казну, их дворецкого и дьяков – в Заонежских и Лопских погостах, в Корельском уезде; на Крайнем Севере – через администраторов столичной Казны: данщиков и слободчика в Керети и Ковде, данщиков у саами и московского казначея – над Соловецким монастырем. Имело место и ограничение Москвой власти самих кормленщиков и приказных управленцев, упорядочение и отграничение их властной компетенции во взаимоотношениях с местным самоуправлением. Выдачей жалованных грамот монастырям также регулировались взаимоотношения обителей с местными управленцами и населением.

Третий этап падает на конец 1530-х − 1580 г. По всей стране, и в Карелии в частности, проводятся реформы местного управления и самоуправления, главные из них − губная, земская и фискальная. Преобразования происходят на базе пятин. Так вновь возникает областной уровень самоуправления. Губная реформа создала полицейско-следственный аппарат самоуправления на местах, а земская − закрепила за самоуправлением судебную власть (судопроизводство в первой инстанции); фискальная реформа объединила возникшие полупятины (половины) в фискальные округа во главе с выборными сборщиками. Суд во второй инстанции, равно как и слежение за всей низовой судебно-следственной и фискальной системами самоуправления, осуществляли уездные власти Новгорода и новые столичные приказы.

Поэтому Заонежские погосты в 1555/56 г. освободились от власти волостелей, но остались станы как удобные поля для управления и самоуправления и писцовых описаний.

Создав низовой аппарат самоуправления и опираясь на приказные органы в столице и уездах, Иван IV реорганизовал областное управление. Теперь уездные центры возглавляла администрация из воевод и дьяков. В Новгороде и Кореле переход на воеводскую форму управления произошел с 1562/63 г. Тогда же входившие в состав Новгородского уезда беломорские Кемская и Шуерецкая волости, материковые Лопские погосты получили от центральной власти Уставные грамоты на сбор налогов и местный суд в первой инстанции. На Поморском берегу уставные преобразования провел в своей вотчине Соловецкий монастырь. Под углом зрения утверждения воеводской формы управления опричные преобразования в администрировании Новгородской землей, особенно возврат в Новгороде к власти наместников и дворецких, создание опричного удела выглядят как явные отклонения от общего курса − они были непродолжительными и преодолены к концу 1570-х гг. Гораздо тяжелее проявились последствия Ливонской войны. Безудержный рост налогов привел к хозяйственно-демографической катастрофе в Корельском уезде. Местное самоуправление потеряло возможность оказывать помощь войскам. Третий этап в Карелии был резко прерван возобновленной агрессией Швеции на ее земли.

Четвертый этап административных преобразований в Карелии длился с начала 1580 г. до 1610-х гг. Это время характеризовалось постепенным восстановлением позиций России в Балтийско-Беломорском регионе Европы. Потерянный в 1580 г. Корельский уезд был возвращен в 1597 г. Для выхода из затяжного кризиса и успешного проведения наступательных боевых действий верховная власть предприняла серьезную перестройку и системы управления государством, и административно-территориального устройства Севера, окончательно привязав местное самоуправление к областному и местному окружному уровням управления.

В самой столице созданные ранее опричные четверти превратились в органы центрального приказного администрирования отдельными областями страны. «Северные» четверти зачастую возглавлялись дьяками Посольского приказа, хорошо знавшими военное и

внешнеполитическое положение на границе. В самом конце XVI в. эти четверти были объединены в Новгородскую четверть, благодаря чему в руках ее дьяков сосредоточилось сложное государственное управление Севером, в том числе и Карелией.

Преобразилась и административная карта Севера. Выяснив в ходе кадастрового описания 1582–1584 гг. катастрофическое положение дел в центральных районах Новгородчины и относительное благополучие социально-экономической и демографической ситуации в Заонежье, Москва провела здесь в 1584/85 г. смелую административно-хозяйственную реформу: образовало дворцовый округ из обширных черносошных земель Заонежских погостов, переведя их в разряд дворцовых и восстановив тут утраченную после отмены волостельств троичную жесткую вертикаль управления. Оно велось из Москвы, из Новгорода, а на месте из Ошты – с помощью дворцового приказчика и органов крестьянского самоуправления. Непосредственной и успешно выполненной целью тщательного налаживания местного хозяйства и системы администрирования дворцовыми погостами являлась организация надежного материального обеспечения Новгорода – главного и стратегически важного центра гражданского и военного управления на Северо-Западе России.

Следующим решительным административным шагом на Крайнем Севере стало создание в 1582 г. Кольского уезда, что помогло перевести разгоравшийся было очередной военный конфликт – уже с Норвегией – в русло спокойных дипломатических переговоров о границе. Тогда же в Лопских погостах и беломорских волостях царские воеводы с помощью властей Соловецкого монастыря и самоуправления на местах налаживали активную оборону против шведских вторжений. Но кардинально изменило военно-политическую ситуацию в пользу России в этом районе прямое подключение богатого Соловецкого монастыря в систему обороны на Крайнем Севере, которое привело к созданию в 1592 г. административного округа, объединившего Соловецкий Кремль, монастырскую вотчину и Сумский острог. При этом избиравшиеся, а не назначавшиеся Москвой власти округа игумен и соборные старцы исполняли гражданские обязанности воеводской администрации. По существу, они являлись самоуправлением на окружном уровне.

В вотчине обители местное крестьянское самоуправление было подчинено их власти.

Военно-политическая необходимость учреждения Соловецкого округа сопрягалась с этноэкономическим комплексом причин. В округ вошли лишь монастырские земли, заселенные «поморцами» – населением западнобеломорских волостей, тесно связанным с обителью экономическими, а в лице ее братии – этническими и родственными узами; уже тогда это население выкристаллизовывалось в субэтнос русских поморов из первоначально смешанных русско-карельских общин на побережье. Заселенные же карелами материковые Лопские погосты остались в составе Новгородского уезда.

Под конец XVI в. образовалась также административно-территориальная общность заонежцев – жителей Заонежских погостов. В конце XVI – начале XVII в. продолжался долгий процесс административного обособления карелов-людиков, карелов-ливвиков и вепсов внутри Заонежья в форме учреждения верховной властью особых сельских округ − Святозерской, Сямозерской и Шимозерской волосток-выставок в составе погостов, но с собственным самоуправлением. В остальном характер и строение самоуправления в погостах остались прежними. Самоуправление центральной (старшей) общины погоста держало в руках выборные должности старосты и целовальников и диктовало свои условия окраинным общинам. Москва не пошла на разделение территории каждого из сложившихся погостов на несколько погостов, в соответствии с усложнившимся к тому времени общинно-приходским разграничением.

Пятый этап (1610-е гг.) отразил тяжелые последствия российской Смуты. Перед Карелией был поставлен вопрос о государственной принадлежности всех ее земель. Он ознаменовался исключительно упорным противостоянием внутри России, в том числе и в Карелии, иностранных захватчиков и земского самоуправления, вполне осознавшего политический смысл событий – реальную угрозу потери страной государственной независимости. На Севере в 1611 г. города Корела и Новгород попали под власть Швеции; местное самоуправление из-за нехватки сил не смогло отстоять крепость Корелу. В 1611−1613 гг. и Заонежские погосты испытали на себе нелегкое бремя шведской оккупации, часть их старост на время признали власть шведского «Новгородского государства». Но уже

тогда возглавленная властями (самоуправлением) Соловецкого монастыря, воеводами Сумы и Колы надежная русско-карельская оборона Поморья и Крайнего Севера выдержала натиск неприятеля. Ее основными силами являлись созданные местным самоуправлением отряды самообороны во главе с «воеводкой всей Лопской земли».

Новый глава государства царь Михаил Романов с 1613 г. повсеместно на Севере признавался законным сувереном России, а посылавшиеся его правительством на места воеводы и кадастровые писцы воспринимались населением и его выборным самоуправлением прямыми представителями центра. Тогда общее администрирование перешедшими в 1613–1614 гг. под власть Москвы дворцовыми Заонежскими погостами осуществляла столичная Нижегородская четверть, а функции оперативного управления и военной защиты Заонежья временно исполняли воеводы Тихвинской крепости. Власти же Соловецкого монастыря и Колы продолжали контролировать центральную и северную части Карелии. Сложившаяся к XVII в. административная система, структурно объединявшая и центральное приказное управление, и уездно-воеводское администрирование, и окружное и погостско-волостное самоуправление, выдержала жестокие испытания Смуты и иностранной интервенции; в Карелии самоуправление при поддержке местных воевод с немногими войсками смогло отстоять за Россией большинство земель края.

С весны 1617 г. по условиям Столбовского мира со Швецией Новгород был возвращен России. Одновременно ее правительство вернулось к прежней, сложившейся к началу XVII в. централизованной системе управления Севером. Но в целом Карелия, как и вся страна, тогда вступили в новый этап своей истории.

Пример Карелии конца XV – начала XVII в. раскрывает сложную и многогранную, во многом противоречивую, но в целом последовательную и целенаправленную работу верховной власти России по организации надежной централизованной системы управления всей страной. Характер и стиль московского администрирования отличали тщательная, подчас педантичная регламентация всех властных действий его агентов управления на местах – будь то влиятельных и знатных наместников, воевод, дворецких и дьяков Новгорода или обычных приказных управленцев. По-дру-

гому тогда и быть не могло: только строгое следование управленцами данным им полномочиям, в том числе порядку производства административных действий, подробно расписанному в указах и наказах, делало все их властные шаги безусловно законными. С другой стороны, инструкции выполняли роль обратной связи, были откликом «верхов» на челобитья с мест. Посредством челобитных и указных грамот и наказов по ним шел юридически оформленный диалог местных сообществ с верховной властью и вообще с властями всех уровней. И наоборот, отсутствие четко выраженной царской воли по какому-либо вопросу провоцировало самоуправление на игнорирование распоряжений по нему властей. В масштабах страны диспутировали общество в целом и власть.

Направленность политических преобразований на централизацию учитывала местные особенности. Одна из главных состояла в наличии повсюду в России закрепленного обычаями и писанным правом общинного крестьянского и посадского самоуправления, игнорировать которое московское правительство было не в состоянии. Юридически оформляя органы самоуправления, центр стремился эффективно использовать (с разной степенью успеха на практике) структуры волостной власти для целей местного управления.

Поэтому в глазах местных жителей авторитет выборных властей был тем сильней, чем чаще и плотнее местное самоуправление взаимодействовало с государственной властью. Постоянно находясь в орбите центрального и уездного администрирования, местное и областное самоуправление вскоре осознало и восприняло важнейшую политическую сторону государственности – защиту суверенитета страны. В 1610–1613 гг., в условиях отсутствия на царском троне законного, признанного всем народом государя, местные сообщества и их самоуправление создали Первое и Второе ополчения, сопротивлялись захватчикам на окраинах страны, наконец, они восстановили верховную царскую власть. По существу, народ и его местное самоуправление выступили основными носителями государственного суверенитета. Итак, в начале XVII в. **российское общество в основном сложилось**. Таково, по нашему мнению, главное, *долговременное социально-политическое значение* роли и места самоуправления в политике централизации в России.

Приложения

Таблица 1

КОРЕЛЬСКИЙ УЕЗД В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XV в.: ЗАСЕЛЕННОСТЬ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

	Территория	Численность тяглецов			Количество деревень			Число дворов			Дворность			Заселенность двора			Число обжей/луков			Обеспечение угодьями			
																				на 1 дв.		на 1 т.	
		с.п.	н.п.	изм. %	с.п.	н.п.	изм. %	с.п.	н.п.	изм. %	с.п.	н.п.	%	с.п.	н.п.	%	с.п.	н.п.	изм. %	с.п.	н.п.	с.п.	н.п.
ПЕРЕДНЯЯ КОРЕЛА																							
1	Воскресенский Городенский	261	250	–11 / –4,2	123	133	+10 / +8,1	168	185	+17 / +10,1	1,36	1,4	+2,2	1,55	1,38	–16,5	270	209	–61 / –23	1,6	1,12	1,03	0,83
2	Михайловский Сакульский	525	474	–68 / –12,6	219	224	+5 / +2,3	279	313	+34 / +12,2	1,27	1,39	+9,4	1,94	1,5	–22,6	470	438	–32 / –6,8	1,7	1,4	0,8	0,92
3	Васильевский Ровдужский	480	405	–75 / –15,6	185	184	–1 / –0,6	259	296	+37 / +14,3	1,4	1,6	+12,5	1,85	1,37	–26	413	356	–57 / –16	1,6	1,2	0,9	0,88
ВСЕГО В ПЕРЕДНЕЙ КОРЕЛЕ		1266	1129	–137 / –10,8	527	540	+14 / +2,7	706	794	+88 / +12,5	1,34	1,46	+9	1,8	1,4	–22,2	1152	1002	–150 / –13	1,63	1,26	0,9	0,9
ЗАДНЯЯ КОРЕЛА																							
4	Богородицкий Кирьяжский	1135	1052	–83 / –7,3	151	158	+7 / +4,6	667	809	+142 / +21,3	4,4	5,1	+15,9	1,7	1,3	–23,5	1135	1052	–83 / –7,3	1,7	1,3	1	1
5	Никольский Сердовольский	1321	1052	–207 / –5,7	201	205	+4 / +2	805	828	+23 / +2,86	4	4	0	1,6	1,37	–14,4	1299	1134	–165 / –12,7	1,61	1,37	0,98	1
6	Ильинский Иломанский	316	335	+19 / +6	37	51	+14 / +38	221	239	+28 / +3,2	5,7	4,7	–17,5	1,4	1,4	0	316	335	+19 / +6	1,4	1,4	1	1
7	Воскресенский Соломенский	451	490	+39 / +8,6	24	32	+8 / +33	225	303	+78 / +34	9,38	9,47	+0,96	2	1,6	–20	451	490	+39 / +8,64	2	1,6	1	1
ВСЕГО В ЗАДНЕЙ КОРЕЛЕ		3223	3011	–212 / –6,6	413	446	+33 / +8	1098	2179	+271 / +14,2	5,87	5,82	–0,9	1,7	1,4	–17,6	3201	3011	–190 / –5,9	1,68	1,4	1	1

ИТОГО сельского населения в Корельском уезде	4489	4140	–349	940	986	+46	2614	2873	+359 / +13,8	3,6	3,64	+1,1	1,75	1,4	–20	4353	4013	–340 / –7,8	1,66	1,32	–	–

Источники: Переписная окладная книга 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // Временник имп. МОИДР. М., 1852. Кн. 12. Материалы. С. 1–188.

Здесь и далее принятые сокращения: дв. – двор; изм. – изменение («+» – в сторону увеличения, «–» – в сторону уменьшения); н.п. – «новое письмо» (данные переписи 1500 г.); с.п. – «старое письмо» (данные предыдущей переписи); т. – тяглец (налогоплательщик).

Таблица 2

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КОРЕЛЬСКОГО УЕЗДА В ПОСЛЕДНЮЮ ЧЕТВЕРТЬ XV в.

	Территория	Исходные данные «старого письма»		Величина семьи по «старому письму»	Исходные данные «нового письма»		Величина семьи по «новому письму»	Численность населения			
								по «старому письму»	по «новому письму»	Убыль	
		Число тяглецов	Заселенность двора		Число тяглецов	Заселенность двора				людей	%
1	ПЕРЕДНЯЯ КОРЕЛА	1266	1,8	7	1129	1,4	6	8862	6774	2088	23,6
2	ЗАДНЯЯ КОРЕЛА	3223	1,7	6,75	3011	1,4	6	21 755	18 066	3689	14,5
	ВСЕГО сельского населения	4489			4140			30 617	24 840	5777	18,9
3	Город КОРЕЛА	357	1,95	7,38	275	1,26	5,65	2635	1554	1081	41
4	СВАНСКИЙ ВОЛОЧЕК	77	2	7,5	67	1,2	5,5	578	369	209	36
	ВСЕГО городского населения	434			342			3213	1923	1290	40,1
	ИТОГО ПО УЕЗДУ	4923			4439			33 830	26 763	7067	20,9

Источник: Переписная окладная книга 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // Временник имп. МОИДР. М., 1852. Кн. 12. Материалы. С. 1–188.

Таблица 3

ПЕРЕДНЯЯ КОРЕЛА В 1500–1539 гг.: НАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМЕСТИЙ В САКУЛЬСКОМ И РОВДУЖСКОМ ПОГОСТАХ

Численность тяглецов			Количество деревень			Число дворов			Дворность			Заселенность двора			Число обжей			Обеспеченность угодьями			
																		на 1 двор		на 1 семью	
1500 г.	1539 г.	изм. %	1500 г.	1539 г.	изм. %	1500 г.	1539 г.	изм. %	1500 г.	1539 г.	изм. %	1500 г.	1539 г.	изм. %	1500 г.	1539 г.	изм. %	1500 г.	1539 г.	1500 г.	1539 г.
Михайловский Сакульский погост																					
68	51	–17 / –25	34	46	+12 / +35	39	50	+11 / +28	1,15	1,08	–6	1,7	1,02	–40	65	60,3	–4,7 / –7,3	1,7	1,2	0,96	1,18
Васильевский Ровдужский																					
199	125	–74 / –37	72	73	+1 / +0,2	102	109	+7 / +6,9	1,4	1,5	+5,6	1,95	1,15	–41	168	148	–20 / –12	1,65	1,35	0,84	1,18
ИТОГО в этих погостах																					
267	176	–91 / –34	106	119	+13 / +12	141	159	+18 / +13	1,3	1,3	0	1,89	1,1	–41	233	207,7	–25,3 / –10,8	1,65	1,3	0,87	1,18

Источники: Переписная окладная книга 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // Временник имп. МОИДР. М., 1852. Кн. 12. Материалы. С. 33–43, 76–91, 97–104; Писцовая книга Водской пятины 1539 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. I. С. 22–57.

Таблица 4

УМЕНЬШЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ПОДАТНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ КИРЬЯЖСКОГО ПОГОСТА В 1526–1571 гг.

ПЕРИОДЫ и изменения в сравнении с предшествовавшим периодом	Тяглецы			«Жильцы» на тяглых луках			Всего «пустых» луковладений		
	Убыль тяглецов (семей)	Число заброшенных луков		Убыль «жильцов» (семей)	Число заброшенных луков		Убыль «людей» (семей)	Число заброшенных луков	
		всего	на 1 тяглеца		всего	на 1 жильца (семью)		всего	на 1 человека и семью
1 период, 1526–1566 гг.	122	121,5	1	8	7,5	0,94	130	129,5	0,99
2 период, 1566–1568 гг.	297	290	0,98	22	22	1	319	312	0,98
Изменение, всего / %	+175 / +143	+168 / +138	–0,02 / –2	+14 / +175	+14,5 / +193	+0,06 / +6,4	+189 / +145	+182,5 / +141	–0,01 / –1
3 период, 1568–1571 гг.	672	629	0,94	89	60	0,67	761	689	0,9
Изменение, всего / %	+375 / +126	+339 / +167	–0,06 / –6	+67 / +305	+38 / +173	–0,33 / –33	+442 / +139	+337 / +121	–0,08 / –8
ИТОГО за 1526–1571 гг.	1091	1041	0,95	119	89,5	0,75	1210	1131	0,93
Изменение, всего / %	+969 / +794	+919 / +756	–0,05 / –5	+111 / +1388	+82 / +1093	–0,19 / –20	+1080 / +831	+1001 / +773	–0,06 / –6

Источник: Обыскная книга Кирьяжского погоста от 21 марта 1571 г. Ф. В. Калитина // *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 59–125.

Таблица 5

ПРИЧИНЫ УМЕНЬШЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КИРЬЯЖСКОГО ПОГОСТА И ЕГО ПОДАТНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ С 1526 ПО 1571 г.

Причины	1 период, 1526–1566 гг.	2 период, 1566–1568 гг.	3 период, 1568–1571 гг.	Всего случаев %
1. «Бегство» – «от царских податей» – без мотивации – детей и семьи после смерти отца – из-за долгов Итого случаев	 0 20 7 10 37	 102 21 19 33 175	 259 62 65 8 394	 361 103 91 51 606 50,1%
2. Естественная убыль населения: смерть, в т. ч. всей семьи, или отсутствие сыновей	28	106	195	329 27,2%
3. Набеги шведов – отец, дети, семья убиты – бегство, нищенство Итого случаев	 61 0 61	 25 6 31	 49 4 53	 135 10 145 12%
4. Опричнина – отец убит, дети сбежали – «двор пуст от опричнины» – бегство семьи «от опричнины» – отец убит, дети умерли от голода Итого случаев			 25 17 6 3 51	 51 4%
5. Смерть от голода – всей семьи – отец умер, дети сбежали Итого случаев	 0 0 0	 2 0 2	 39 4 43	 41 4 45 8%
6. Нищенство	0	2	17	19 1,6%

7. Уход в монастырь	0	3	8	11 1%
8. Причина неизвестна	4	0	0	4 0,3%
ИТОГО ПО ВСЕМ ПРИЧИНАМ	130	319	761	1210

Источник: Обыскная книга Кирьяжского погоста от 21 марта 1571 г. // *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 59–125.

Таблица 6

ПЕРЕДНЯЯ КОРЕЛА В 1500–1568 гг.: ЗАСЕЛЕННОСТЬ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Администр. единицы	Численность тяглецов			Количество деревень			Число дворов			Дворность			Заселенность двора			Число обжей			Обеспеченность угодьями			
																			на 1 двор		на 1 семью	
	1500 г.	1568 г.	изм. / %	1500 г.	1568 г.	изм. / %	1500 г.	1568 г.	изм. / %	1500 г.	1568 г.	%	1500 г.	1568 г.	%	1500 г.	1568 г.	изм. / %	1500 г.	1568 г.	1500 г.	1568 г.
Воскресенский Городенский	250	574	+297 / +119	133	266	+133 / +100	185	294	+109 / +91	1,4	1,1	–21,4	1,33	1,87	+40,6	208,5	271	+62,5 / +30	1,12	0,77	0,83	0,5
Михайловский Сакульский	474	1027 + 33 / 1050	+516 / +121,5	224	264 +10 / 274	+50 / +22,3	313	537 +18 / 591	+278 / +89	1,4	2,16	+54,3	1,5	1,78	+18,7	437,5	430 +16,5 / 448,5	+9 / +2	1,4	0,76	0,92	0,4
Васильевский Ровдужский	405	484	+79 / +19,5	184	175	–9 / –4,9	296	295	–1 / –0,3	1,6	1,69	+5,4	1,37	1,64	+19,7	356	276	–80,1 / –22,5	1,2	0,94	0,88	0,57
ВСЕГО в Передней Кореле	1129	2081	+974 / +86,7	540	715	+175 / +32,4	794	1280	+368 / +51	1,47	1,79	+21,5	1,42	1,6	+12,7	1002	993,5	–8,5 / –0,85	1,26	0,8	0,9	0,47

Источники: Переписная окладная книга 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // Временник имп. МОИДР. М., 1852. Кн. 12. Материалы. С. 1–188; Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. I. С. 52–178.

Таблица 7

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПЕРЕДНЕЙ КОРЕЛЫ В 1500–1568 гг.

Административные единицы	Численность тяглецов			Число дворов			Заселенность двора			Величина семьи		Численность населения			
												в абсолютных цифрах		изменение численности	
	1500 г.	1568 г.	изм. %	1500 г.	1568 г.	изм. %	1500 г.	1568 г.	%	1500 г.	1568 г.	1500 г.	1568 г.	в абс. цифрах	в %
1. ПЕРЕДНЯЯ КОРЕЛА: сельское население	1129	2081	+979 / +51	794	1280	+368 / +12,7	1,42	1,6	+12,7	6	6,72	6774	13984	+7210	+106
2. Город КОРЕЛА	275	614	+339 / +123	218	428	+210 / +96	1,26	1,43	+13,5	5,65	6,08	1554	3733	+2179	+240
3. Посад СВАНСКИЙ ВОЛОЧЕК	67	67	0	55	53	–2 / –3,6	1,22	1,26	+3,4	5,5	5,65	369	379	+10	+2,7
ВСЕГО городского населения	342	618	+339 / +99,12	273	418	+208 / +176,2	1,25	1,4	+12	5,6	6	1923	4112	+2189	+214
ИТОГО в ПЕРЕДНЕЙ КОРЕЛЕ	1471	2789	+1318 / +89,6	1063	1721	+656 / +61,9	1,38	1,62	+17,4	5,95	6,55	8697	18125	+9399	+110

Источники: Переписная окладная книга 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом // Временник имп. МОИДР. М., 1852. Кн. 12. Материалы. С. 1–188; Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. I. С. 52–178.

Таблица 8

УБЫЛЬ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ПОДАТНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ В ПЕРЕДНЕЙ КОРЕЛЕ С 1568 по 1571 г.

Административные единицы	Исходные данные 1571 г.	Количество обжей			Численность тяглецов в 1571 к 1568 г.					Численность населения в 1568 и 1571 гг.			
					1568 г.		1571 г.			1568 г.		расчет на 1571 г.	
		1568 г.	1571 г. (пересчет)	сокращение, всего, % в разах (р.)	всего	обжи на 1 тяглеца	Расчет численности тяглецов	% численности тяглецов в 1571 г. к 1568 г.	сокращение, всего, % в разах (р.)	численность	величина семьи	численность, %	сокращение, всего, % в разах (р.)
1. Воскресенский Городенский	$33^{1}/_{3}$ сошки и $4^{1}/_{6}$ обжи	271	19,6	251,4, 92,8 14 р.	547	0,5	39	7	508, 93 14 р.	3500	6,38	250 7	3250, 93 14 р.
2. Михайловский Сакульский	$83^{1}/_{8}$ сошки	446,5	38,5	408, 91,4 11,6 р.	1050	0,4	96	9	954, 91 11 р.	7300	6,95	670 9,2	6630, 90,8 11 р.
3. Васильевский Ровдужский	$40^{1}/_{2}$ сошки и $^{1}/_{3}$ обжи	276	19	257, 93,1 14,5 р.	485	0,57	33	7	451, 93 14,1 р.	3200	6,6	220 9,2	2980, 93,1 14,5 р.
ВСЕГО на селе	$156^{23}/_{24}$ сошки и $4^{1}/_{2}$ обжи	993,5	77,1	916,4, 92,2 13 р.	2108	0,47	168	8	1940, 92 12,5	14000	6,75	1140 8,1	12 860, 91,9 12,3 р.
4. Город Корела и Сванский Волочек	137 дворов «живущих» и 243 – «пустых»				681	1,4	192	28,2	489, 71,8 3,5 р.	4110	6	1150 28	2960, 72 3,6 р.
ИТОГО В ПЕРЕДНЕЙ КОРЕЛЕ					2789		330	11,8	2459, 88,2 8,5 р.	18100	6,55	2160 11,7	16 240, 89,3 8,5 р.

Источники: Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. I. С. 52–178; Платежная книга Корельской половины Водской пятины 1571 г. // *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 372–396.

Персональный состав русской администрации города Корелы и Корельского уезда в XVI – начале XVII в.*

1501 г.: н. кн. Иван Иванович Брюхо Пужбольский-Ростовский, н. Юрий Константинович Сабуров.

До 1505 г.: Ю. К. Сабурова на посту наместника сменил кн. Иван Федорович Гундоров.

1505 г.: н. Иван Иванович Бобров, н. Иван Иванович Ощерин (до 1510 г.).

1554–1556 гг.: на Большей половине города: н. Михаил Михайлович Тучков (по 1555 г.), н. кн. Иван Петрович Звенигородский (1555–1556 гг.); на Меньшей половине города: н. Иван Иванович Бутурлин 1554–1556 гг., н. Григорий Никитович Борисов-Бороздин (зима 1555/56 г.).

1555–1556 (1557 ?) гг.: в. Андрей Андакан Федорович Тушин.

1555 г.: в. Семен Федорович Истомин-Нащекин (по ноябрь), в. Захарий Иванович Очин-Плещеев (после 14 августа – по декабрь).

1556–1558 гг.: в. кн. Иван Иванович Селезнев-Елецкий, в. кн. Иван Иванович Буйносов-Ростовский.

не позднее 1569–1574 гг., лето: в. «на годовом сроке» кн. Андрей Семенович Старого Мосальский.

1569/70 г. – 25 июня 1570 г.: в. Григорий Григорьевич Лошаков-Колычев.

1574 г., сентябрь – 1576 г., до сентября: в. «на годовом сроке» кн. Дмитрий Иванович Щербатый-Оболенский.

1575 г., вторая половина – 1576 г., до 25 февраля – в. Василий Константинович Старого Сухово-Кобылин, при нем головы: кн. Иван Андреевич Солнцев Засекин-Ярославский, кн. Григорий Осипович Зубок Засекин-Ярославский.

1576 г., с 25 февраля («с Благовещания») до сентября – осадный голова Василий Константинович Старого Сухово-Кобылин, при нем головы: кн. Иван Андреевич Солнцев Засекин-Ярославский, кн. Григорий Осипович Зубок Засекин-Ярославский.

1576 г., с сентября – 1578 г., 30 января: в. «на годовом сроке» Василий Константинович Старого Сухово-Кобылин.

---

* Принятые сокращения: б. – боярин, в. – воевода, д. – дьяк, д. дв. – думный дворянин, кн. – князь, н. – наместник, окол. – окольничий.

1577 г., с осени: в. «на вылазке и в поход ходить» д. дв. Михаил Андреевич Безнин-Нащекин, при нем головы: кн. Иван Андреевич Солнцев Засекин-Ярославский, кн. Андрей Васильевич Елецкий, кн. Иван Михайлович Вяземский.

1577/78 г. – 1579 г.: «в городе» в. Оталык Иванович Квашнин и голова Федор Адодуров; «в остроге» в. б. великого князя Тверского Симеона Бекбулатовича Григорий Никитович Борисов-Бороздин; «на вылазке и в поход ходить» в. д. дв. Михаил Андреевич Безнин-Нащекин, при нем головы: стольник великого князя Тверского Симеона кн. Иван Андреевич Солнцев Засекин-Ярославский, кн. Григорий Осипович Зубок Засекин-Ярославский, кн. Андрей Васильевич Елецкий.

1578 г. – 1579 г.: в. «на годовом сроке» Оталык Иванович Квашнин, голова Федор Адодуров.

1579 г. – 1580 г., 5 ноября: осадный голова Оталык Иванович Квашнин, голова Василий Мунзорин, последний в 1580 г. сменен на голову Федора Адодурова.

1580, 5 ноября – 1597 г., лето: город Корела и Корельский уезд находились под властью Швеции (Кексгольмский лен).

1597 г., не позднее 20 сентября – 1598 г.: в. окол. Дмитрий Иванович Обиняков Вельяминов-Зернов, в. Степан Осипович Безобразов, д. Мина-Третьяк Репьев-Копнин.

1598 г., лето – сентябрь – 1601 г.: – в. дворянин московский Ждан Степанович Сабуров (по начало 1601 г.), голова Меркурий Иванович Безобразов (по 25 декабря 1601 г.).

1601 г., 25 декабря – 1603/04 г. (1605 г.?): в. кн. Михаил Григорьевич Темкин-Ростовский, голова кн. Матвей Мещерский, д. Григорий Кобелев.

1605/06–1607 гг.: в. б. кн. Василий Иванович Рубец Мосальский, в./голова (?) Иван Андреевич Судаков, д. Мина-Третьяк Репьев-Копнин (1605/1606 г.).

1607–1608 гг.: в. б. кн. Василий Иванович Рубец Мосальский, в. Василий Иванович Белеутов, голова Шаврук Никитович Муравьев, д. Корнид Иевлев.

1607 г.: в. д. дв. Иван Михайлович Большой Пушкин.

1609 г.: в. кн. Данил Тимофеевич Мышецкий, в. Сапун (Сапунец) Тихонович Аврамов.

1610 г., февраль – 1611 г., 11 марта: в. Иван Михайлович Меньшой Пушкин, в. Алексей Иванович Безобразов, д. Никита Дмитриев.

1611 г., с 11 марта: Кексгольмский лен Швеции.

Использованные источники и литература:

– РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГА МИД. Оп. 1. Русские летописи и хронографы (XVI–XIX вв.):

Д. 99. XVII в. Разрядная книга 1493–1609 гг. 1005 л. Ч. 1. 1493–1575 гг. 500 л.; Ч. 2. 1575–1609 гг. 505 л.;

Д. 100. Разрядная книга 1598–1604 гг. Копия, снятая в 1768 гг.;

Д. 111. Разрядная книга («наказные списки боярам»). 1493–1631, 1632 гг. XVII в., середина. 422 л.;

Д. 130. Разрядная книга 1521–1617 гг. – «Книга разрядная Никиты Даниловича Глебова, списана с подлинной книги во 168 году». 235 л.

– Акты времени правления царя Василия Шуйского 1606 г., 19 мая – 17 июля 1610 г. М., 1914.

– *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячии XV–XVII вв. М., 1975.

– Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1.

– Карелия в XVII в. Сборник документов. Петрозаводск, 1948.

– *Лихачев Н. П.* Боярские списки 7119–1611 года // Сборник Петербургского Археологического института. СПб., 1898. Кн. 6. Отд. 2. С. 92–111.

– *Лихачев Н. П.* Государев родословец и род Адашевых // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1903. Вып. XI. Отд. 1. С. 44–135.

– Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.

– Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.

– Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1.

– Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1; 1978. Т. 1. Ч. 3; 1982. Т. 2. Ч. 2; 1994. Т. 4. Ч. 1.

– Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 2.

– *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000.

– *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1) неопубликованные:

Научный архив Карельского научного центра РАН (Архив КарНЦ РАН)

Разряд I. Оп. 1. Коллекция древних документов. Д. 1. Л. 15. Указная царская грамота за приписью дьяка Приказа Большого Дворца Ивана Васильева боярину и воеводе Новгорода кн. Григорию Петровичу Ромодановскому и дьяку Федору Апраксину – о разборе спора между Палеостровским и Вяжицким монастырями о селе Яковлево Сиденье Толвуйского погоста. 4 марта 1625 г. Подлинный список; Л. 31. Жалованная грамота новгородского митрополита Варлаама крестьянам Шуерецкой волости Никольского погоста – о сбавлении податей в Софийскую казну в связи с разореньем в 1591/92 г., 3 мая 1593 г. Подлинник; Л. 60. Наказная память подьячему Андрею Михайлову из Новгорода от дьяка Мины-Третьяка Копнина – о проведении обыска по спору Палеостровского и Тихвинского монастырей из-за земельных угодий и мельниц в Шунгском погосте. 14 сентября 1618 г. Подлинник; Л. 82, 83, 84. Подлинный список («список с наказу слово в слово») наказной памяти подьячему А. Михайлову от 14 сентября 1618 г. Копия XVII в.; Л. 66. Данная грамота попа сумской церкви св. Параскевы Пятницы Тихона Терентьева и пономаря церкви св. Николая Пудожского погоста Ивана Корнильева Палеостровскому монастырю, игумену Иосифу «з братией» на три четверти мельничных строений и снасть на реке Рагнуксе, март 1624 г. Подлинник; Л. 76. Данная грамота старосты Федора Захарьева сына Биричева, целовальника Ивана Федорова сына Кузнецова и всех крестьян Пудожского погоста Палеостровскому монастырю, игумену Иосифу – на тяглое запустевшее мельничное строение и снасть на реке Рагнуксе, 9 марта 1621 г. Подлинник.

Разряд IV. Оп. 6. Коллекция документов и отдельных рукописей XVIII–XX вв. Д. 140. Жалованные грамоты, духовная память и другие акты XVI–XVII вв. Олонецкой губернии, присланные в редакцию газеты «Олонецкие губернские ведомости». Л. 5–5 об. Жалованная («соборная») грамота царя Ивана Васильевича Задне-Никифоровой Важинской пустыни на земли и угодья, 9 марта 1557 г. Копия; Л. 5 об.–8 об. Грамота новгородских воевод

кн. Федора Ивановича Хворостинова и Григория Ивановича Мещанинова-Морозова губным старостам Обонежской пятины Якову Панову «с товарищи» – о пожаловании Задне-Никифоровой пустыни на Важене-озере, игумена Дорофея, землей и рыбной ловлей от 23 октября 1587 г. Копия.

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН). Научная картотека топонимов

Деревня Кокорино на Уницкой губе. Корпус топонимов.

Национальная библиотека Республики Карелии. Отдел редкой книги

№ 337755. Писцовая книга Обонежской пятины Заонежской половины Олонецкого Рождественского погоста, 1646/47 г. Л. 1–84.

Российская государственная библиотека. Отдел рукописей

Ф. 29. Собрание рукописных книг А. В. Горского XVI–XIX вв. Описание 1. Ед. хр. 40. Сборник сказаний, апокрифов, патериковых повестей и слов, гл. 46. Л. 55–62 об. *Геннадий*, архиепископ Великого Новгорода и Пскова. Предисловие к «Пасхалии на осьмую тысячу лет», 1492/93 г.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 27. Приказ Тайных Дел. Оп. 1.

Д. 5. Список с грамот царя Иоанна Васильевича шведскому королю. 1572–1573 гг. 30 л.

Д. 17. О наложении оброка и взыскания пенных денег за пользование государевыми пустопорожними пашенными землями и покосами. 1596–1597 гг. 213 л.

Д. 18. О беглых латышах и возвращенных из шведских пределов разных русских. О русских и шведских беглых и об исправлении рубежных меж на шведской границе. 1600–1651 гг. 685 л.

Д. 19. О сборе податей и оброка с Новгорода и Новгородского уезда. 1601–1602 гг. 148 л.

Д. 149. Списки бояр, окольничих, думных дворян и дьяков, стольников и дворян, посылаемых на посольские съезды с титулами наместников. Не ранее 1659 г. 44 л.

Ф. 96. «Сношения России со Швецией» (коллекция дел и документов).

Оп. 1/1620. Д. 1. «1620 г., генварь–декабрь. Отписки новгородских и других с шведами пограничных городов воевод и отписки к ним государевых грамот о разных пограничных делах». 188 л.

Оп. 1/1629. Д. 1. «1629 г., генварь–декабрь. Отписки новгородских и других с шведами пограничных городов воевод и отписки к ним государевых грамот о разных пограничных делах». Ч. 1–2. 449 л.

Оп. 3. Трактаты. 1513–1710 гг. Д. 34. «1621 г., августа 3. Межевая запись (в списке за скрепою дьяка Копнина и подьячего Частого) межевых судей дворян Гаврила Писемского и Никиты Вышеславского да дьяка Копнина и подьячего Частого, учиненная со шведскими межевыми комиссарами Мунке «с товарищи»,– о размежевании во втором по Стобовскому договору мест Новгородского уезда Олонецкого и Лопских погостов, Кольского уезда и Ребольской волости, данной с российской стороны шведским комиссарам. Тут же приложены за скрепою дьяка и подьячего две росписи местам: [А] Новгородской земли Поро[со]зерской волости и Ребольской волости; [В] Олонецкого и Лопских погостов и Кольского уезда Реболской волости». Л. 27–46, 48–62. Подлинник.

Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Оп. 1. Д. 205. Жалованная грамота великого князя московского Василия Ивановича лопарям о подчинении «судом и расправой» новгородским дьякам. Подтверждение Ивана IV Васильевича 1539 и 1549 гг. Л. 1. Подлинник (пергамен); 2–5. Архивная копия Н. Н. Бантыш-Каменского.

Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. 1495–1718 г. Новгород. Д. 17. Платежная книга данных и оброчных денег с Заонежских погостов Новгородского уезда, «письма и меры» кн. И. М. Долгорукова и подьячего Постника Ракова. 1628–1629, 1631/32 гг. Л. 1–37 об. «Книга платежные государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всея Русии Заонежским погостом Водлозерского и Оштинского станов – сколко в котором погосте по писму и мере князя Ивана Михайловича Долгорукова да подьячего Посника Ракова живущих и наезжие пашни, которая осталась за живущими вытми, оброчных вытей и сколко в тех живущих и оброчных вытях добрые и середние и худые земли сошного писма, и сколко с тех живущих вытей данных, а с переходные пашни и з бобыльских дворов и с лавок и с анбаров и с кузниц и з домниц и с мельниц и с рыбных ловель оброшных денег и пошлин и с отводу оброшных же и пошлинных денег и сколько в котором погосте пустых вытей». Не ранее 12 декабря 1631 г. Подлинный список XVII в.; 55–73. «Книги платежные Ноугородцкого уезда государевых царевых и великого князя Михаила Федоровича всея Русии половины Заонежских погостов письма и меры Никиты Федоровича Панина да подьячего Семена Копылова 136-го и 137-го году». Не ранее 12 декабря 1631 г. Подлинный список XVII в.

Оп. 1. Каргополь. Д. 1. Л. 292–297. Сотная грамота Водлозерской волости Каргопольского уезда – «Сотная с книг каргопольских, что межевал Андрей Иванович Плещеев да подьячий Ушак Никитин от Ноугородского от земского рубежа от Обонежской пятины к государеве цареве и великого князя опричнине к Каргополю Водлозерскую волость, а после того писал и мерил примежеванные земли данный староста Микула Григорьев сын Тяполков с товарищи лета 7077. Волость Водлоозеро». 1568–1569 гг.

Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. Ч. 1. Посольский приказ. 1612–1682 гг.

Д. 70. Записная книга дел. Отрывок. Не ранее 1698–1699 гг. Выписки из жалованных грамот и памятей 1613–1698 гг. о разборе дел и подведомственности Посольскому приказу торговых иноземцев и о запрещении им торговать табаком и спиртными напитками. 8 л.

Д. 480. Статейный список русских послов на переговорах в Столбово со Швецией в 1617 г. Отрывок, в книге. Л. 1–1 об.

Д. 1501. Л. 1–4. Перечневая роспись наместников, «которыми никто не пишется». Не ранее 1664/65 г. Л. 5–8. Дело о титуловании смоленского воеводы кн. М. И. Лыкова в переписке с порубежными городами наместником Муромским. Май – июль 1676 г.

Оп. 3. Ч. 1. Новгородская четверть. 1612–1681 гг.

Д. 93. Л. 1–204. Дело об учреждении в Новгородском уезде ямских слобод и ямов, комплектовании их ямщиками и выдаче последним жалования. 1633, апрель – 1680, июль.

Д. 145. Л. 1–6. Дело о неподтверждении жалованной грамоты Шуйскому Новодевичьему монастырю Олонецкого уезда [1650 г.].

Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГА МИД. Оп. 1. Русские летописи и хронографы (XVI–XIX вв.).

Д. 17. Сборная рукопись XVII в. Л. 15–315. Разрядная книга 1495–1525 гг.

Д. 36. Сборная рукопись. XVIII в., вторая половина. Л. 7 об.–10. Краткая выписка из писцовой книги Водской пятины писца Д. В. Китаева конца XV в.

Д. 37. Сборная рукопись. XVIII в. Л. 35–82. Разрядная книга 1613–1614 гг.

Д. 83. Сборник. XVII в. Л. 23 об.–34, 63–73. Выписки из писцовой книги Водской пятины Новгородского уезда писца Д. В. Китаева конца XV в. Список кн. Семена Урусова. 1648–1649 гг.; 74 об.–136 об. Верстальная десятня дворян Новгородского уезда [Обонежской пятины]. 1607–1608 гг.

Д. 99. XVII в. Разрядная книга 1493–1609 гг. 1005 л. Ч. 1. 1493–1575 гг. 500 л.; Ч. 2. 1575–1609 гг. 505 л.

Д. 100. Разрядная книга 1598–1604 гг. «Царствование царя Бориса Федоровича Годунова. Списана по приказанию Герарда Фридриха Миллера в 1768 г. и июне месяце». Копия. 137 л.

Д. 110. «Книга разрядная походам бояр», 1492–1606 гг. («Книга стольника Василия Микифоровича Собакина, а была Никиты Зюзина»).

Д. 111. Разрядная книга («наказные списки боярам»). 1493–1631, 1632 гг. XVII в., середина. 422 л.

Д. 114. Разрядная книга 1492–1573 гг. XVI в., вторая половина. 283 л.

Д. 115. Сборник конца XVII в. Л. 1–11, 27–85, 132–147. Именные списки, составленные по разрядным книгам, бояр, сокольничих, стольников, печатников, оружейников, казначеев, дворецких, постельничих, кравчих и думных дьяков при Иване III, Василии III, Иване IV, Федоре Иоановиче, Петре и Иване Алексеевичах; Л. 84–131, 148–168. Выписки из разрядных книг XVI – первой половины XVII в. о службе и местничестве князей, бояр и дворян.

Д. 125. Л. 15–42 об. Разрядные записи за 1615–1617 гг.

Д. 130. Разрядная книга 1521–1617 гг. – «Книга разрядная Никиты Даниловича Глебова, списана с подлинной книги во 168 году». 235 л.

Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 17. Дополнительная опись. Д. 8. 1614 г. Ст. 2. Л. 4–20 (донесение Барай-мурзы воеводе Тихвина Ф. К. Плещееву – о победе под Олонцом. 8 марта 1614 г. Подлинник), 42–44 (донесение русских казаков в Москву. 14 марта 1614 г. Подлинник), 100–103 (донесение тихвинского воеводы Ф. К. Плещеева в Москву. Март 1614 г. Подлинник), 104–105 (царское предписание воеводе Тихвина Ф. К. Плещееву об информировании Москвы о местных делах. Март 1614 г. Подлинный список); Ст. 3. Л. 1 (донесение есаула Федора Ополовского о бое под Олонцом. Февраль 1614 г. Подлинный список); 2–5, 26–27 (два донесения воеводы Тихвина Ф. К. Плещеева в Москву о пленении польских казаков под Олонцом. 4 и 22 февраля 1614 г. Подлинники), 41 (донесение Барай-мурзы воеводе Ф. К. Плещееву о пленении польских казаков под Олонцом. Не позднее 26 февраля 1614 г. Подлинный список), 53, 54, 55, 59 (показания («распросные и пытошные речи») польских и шведских пленных. 1614 г. Подлинные списки); Ст. 4. Л. 26–27 (донесение воеводы Тихвина Ф. К. Плещеева в Москву – о победе русских казаков под Олонцом. 4 февраля 1614 г. Подлинник).

Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 2. Д. 199. Расходная книга по отпуску из Казенного приказа товаров. 1613/14 г.

Ф. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Оп. 1. Д. 8551. «Список с писцовых книг Заонежских погостов митрополичьим, монастырским, поместным землям писма и меры князя Петра Воейкова да дьяка Ивана Лговского 124 и 125 году». 458 л. Подлинник.

Д. 8554. «Книга Новгородцкого уезда Олонеским дворцовым погостом писма и меры Петра Ивановича Воейкова да диака Ивана Лговского 124-го и 125-го году [1615/16–1616/17 гг.], да туто же книга писма и меры одново диака Ивана Лговского заонежскому Андомскому погосту да Оштинскому стану дворцовым же погостом 127-го году» [1618/19 г.]. 939 л. Подлинник.

Кн. 979. «Подлинная дозорная книга патриарших, митрополичьих и монастырских земель Обонежской пятины Заонежской половины» князя Мины Дмитриевича Лыкова, 1620 г. 950 л. Подлинник.

Кн. 980. Переписная книга Заонежских погостов 1646/47−1647/48 г. И. П. Писемского, Л. Сумина и подьячего Я. Еувфимьева. 577 л. Подлинник.

Оп. 3. Петербургская вотчинная контора. Д. 16932. Л. 155–161. «Отдельная книга подьячего Семена Ярышева на поместье государеву дьяку Третьяку Репьеву 89-го году». Подлинный список 1580/81 г.; 162–248 об. Писцовая книга дворцовых Заонежских погостов 1584/85 г. Леонтия Аксакова и Афанасия Жеребятичева. Фрагмент. Подлинный список 1586–1591 г.

Фонограмм-архив ИЯЛИ КарНЦ РАН

Ед. хр. № 3296/24. Экспедиционные записи В. П. Кузнецовой, 1973 г.

2) опубликованные:

Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собр. и ред. А. М. Гневушев. М., 1914.

Акты исторические, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденной комиссией. СПб., 1836. Т. I–II.

Акты Московского государства. 1571–1634 гг. СПб., 1890. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол.

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. I.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Л., 1988. Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571 гг.; 1990. Акты Соловецкого монастыря. 1572–1584 гг.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. В 3-х т. М., 1958–1964.

Акты феодального землевладения и хозяйства конца XIV – начала XVI вв. / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1961. Ч. 3.

Акты XIII–XVIII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал Александр Юшков. М., 1898. Ч. 1. 1257–1613 гг.

Арсеньевские шведские бумаги. I. 1611–1615 / Под ред. М. В. Муравьева // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1911, июль. Вып. 5. С. 1–120.

Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963.

Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.

Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и Роспись русского войска 1604 г. Указатель состава Государева двора по фонду Разрядного приказа / Сост. С. П. Мордовиной // Памятники отечественной истории. М., 1979. Вып. 2. Ч. 1–2.

Видекинд Юхан. История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С. А. Анинского, А. М. Александрова. Под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000.

Владимирский летописец. Новгородская II (Архивская) летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. XXX.

Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Вып. XXVI. К 60-летию со дня смерти академика Н. П. Лихачева. С. 125–126 (комментарий), 129–135 (публикация).

Вопрошания Кирика // Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 6. Изд. 2-е. Стб. 21–62.

Выборгский договор, 1609 г. // *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. С. 124–127.

Гваньини А. Описание Московии / Пер. с латинского, вводная ст. и коммент. Г. Г. Козловой. М., 1997.

Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Маленна и А. В. Назаренко; вступ. ст. А. Л. Хорошкевич; под ред. В. Л. Янина. М., 1988.

Государственный архив России XVI столетия / Подгот., коммент. А. А. Зимина; под ред. Л. В. Черепнина. М., 1978. Ч. 1–3.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1.

Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1556 г.)

// Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1902. Кн. 1. Отд. 1. С. I–VIII, 1–268; Кн. 2. С. 269–314.

Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976.

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. В 6-ти т. / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М., 2009. Т. V. Древнескандинавские источники.

Жуков А. Ю. Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропологический форум. СПб., 2004. № 1. Современные тенденции в антропологических исследованиях. С. 298–322.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. Л., 1986. Кн. 1. Тексты. Кн. 2. Комментарии.

Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII вв. Судебники XV–XVI веков / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнин; под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952.

Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. II.

История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. I. С. 19–51. Писцовая книга Водской пятины 1539 г.; 52–178. Писцовая книга Водской пятины 1568 г.; 179–185. Книга сбора данных и оброчных денег с тяглого населения Лопских погостов 1587/88 г.; 186–233. Дозорная книга Лопских погостов 1597 г.; 234–242. Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 г.; 265–283. Manttaledh aff Kexholms Lhänn pro Anno 1590; 284–387. Käkisalmen läänin maakirja 1618; 388–568. Kexholms läns Jordebok 1631.

История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1993. III. С. 34–341. Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты; 362–384. Переписная книга Тиурольского погоста 1629 г.

Карелия в XVII в. Сборник документов / Сост. Р. Б. Мюллер; под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948.

Книга Большому чертежу / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербина. М.; Л., 1950.

Конрад Буссов. Московская хроника. 1584−1613. М.; Л., 1961.

Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах / Науч. ред. В. Л. Янин. Петрозаводск, 1990.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. I.

Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Продолжение Александро-Невской летописи // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. XXIX.

Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XVI.

Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. IX–XII.

Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. VII.

Либерзон И. З. Неизвестные акты XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. 14. С. 136–140.

Линевский А., Машезерский В., Пегов В. Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII в. / Под ред. В. Н. Бернадского. Петрозаводск, 1939.

Лихачев Н. П. Боярские списки 1611 г. СПб., 1895.

Лихачев Н. П. Боярские списки 7119–1611 года // Сборник Петербургского Археологического института. СПб., 1898. Кн. 6. Отд. 2. С. 92–111.

Лихачев Н. П., Мятлев Н. В. Тысячная книга 7059–1550 года. Орел, 1911.

Лобакова И. А. «Устав о монастырском платье» 1553 г. − один из неучтенных источников по истории Соловецкого монастыря времен игуменства Филиппа (Колычева) // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 324–328.

Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.: Сборник документов / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941.

Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. М., 2004. Т. XXV.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. III.

Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. М., 2004. Т. XLIII.

Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. IV. Ч. 1–2.

Новгородские летописи. СПб., 1879.

Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. В 6-ти т. СПб., 1859–1910.

Новикова О. Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 214–254.

Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. и вступ. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001.

Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. М. Н. Тихомирова и С. О. Шмидта. М., 1960.

Опись Новгорода 1617 года / Под общ. ред. В. Л. Янина // Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3. Ч. 1–2.

Ответы черноризцу Иакову киевского митрополита Иоанна Подрома // Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 6. Изд. 2-е. Стб. 1–20.

Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1935.

Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / Общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1981.

Памятники русского права. В 8-ми вып. М., 1953. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси; 1955. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв.; 1956. Вып. 4. Памятники периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв.

Переписная книга Яренского уезда 1646 г. // Документы по истории народа коми: Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVII в. / Сост. Н. П. Воскобойникова, М. А. Мацук. Сыктывкар, 1985.

Переписная окладная книга по Новугороду 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом / Сообщ. д. ч. М. А. Оболенский // Временник имп. Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 12. Материалы. С. 1–188.

Писцовая книга Обонежской пятины 1496 г.; Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1.

Писцовые книги Новгородской земли. М., 1999. Т. 1. Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и описные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / Сост. К. В. Баранов. С. 240–300. 7004 (1495/96) г. – Писцовая книга Обонежской пятины письма Юрия Константиновича Сабурова (отрывок); СПб., 1999. Т. 2. Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К. В. Баранов. С. 21–51. Платежная книга Ладожского наместничества Обонежской пятины и Оштинского стана 1555/56 г., отрывок; 52–155. 7072 (1563/1564) г. – Писцовая книга Обонежской пятины письма Андрея Лихачева и подьячего Ляпуна Добрынина; 156–180. Сметный список Обонежской пятины 1573/74 г., отрывок; 181. Сметный список Оштинского стана 1576/77 г., отрывок.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1.

Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье; под ред. В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л., 1951.

Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. / Отв. ред. Н. М. Рогожин; состав., коммент., вступ. ст. Д. В. Лисейцева. М., 2006.

Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002.

Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983.

Псковская первая летопись. М.; Л., 1941.

Псковская третья летопись // Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, вводная статья и ред. В. И. Буганова. М., 1966.

Разрядная книга 1559–1605 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина; отв. ред. В. И. Буганов. М., 1974.

Разрядная книга 1550–1636 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина. М., 1976. Т. 2. Вып. 1–2.

Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич, Л. Ф. Кузьмина, под общ. ред. В. И. Буганова. М., 1977–1994–продолж. 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 3–188; 1978. Ч. 3. С. 407–607; 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 221–440; 1984. Т. 3. Ч. 1; 1989. Т. 3. Ч. 3; 1994. Т. 4. Ч. 1.

Рогожский летописец. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XV.

Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1875. Т. 2; 1897. Т. 16. Русские акты Копенгагенского архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым; Пг., 1915. Т. 32. Архив П. М. Строева. Т. 1; 1917. Т. 35. Архив П. М. Строева. Т. 2.

Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX−XIV вв. М., 1978. С. 105–127. Стихи 697−1701 (перевод на русский отрывков «Хроники Эрика» о русско-шведских отношениях).

Салинген, Симон ван-. Русские в Лапландии в XVI в. / Сообщение Симона ван-Салингена о земле Лопии, как в 1562, 63, 64 и 65 гг. в ней плавали из Нидерландов и насколько, при прибытии Симона ван-Салингена была застроена, и в каком виде он ее нашел, и как впоследствии развивалось мореплавание и, благодаря коммерции, она начала застраиваться / Сообщ. А. М. Филипповым // Литературный вестник. СПб., 1902. Т. 1. Кн. 3. С. 295–307.

Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1905. Т. 1. Ч. 1; 1909. Т. 2. Ч. 1; Т. 2. Ч. 2. С. 59–125. Обыскная книга Кирьяжского погоста 21 марта 1571 г.; 312–315. Обыскная книга Сакульского погоста 8 августа 1573 г.; 372–396. Платежная книга Корельского уезда 1571 г.

Сборник грамот Коллегии Экономии. Л., 1929. Т. 2. Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов. Стб. 442–451.

«Сотная» 1563 г. с «описных книг» двинян Якима Романова и Никиты Путятина на волость Кереть; 451–452. «Выпись» 1574–1575 гг. из Писцовой книги Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на волость Кереть; 465–469. «Отдельная книга» 1607 г. Алексаня Толстого и подьячего Ивана Махотина Соловецкому монастырю на «четверть» волости Керети.

Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Т. 1. 1556–1568 гг.

Северные грамоты XV в. / Сост. Н. С. Чаев // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 гг. Л., 1929. Вып. 35. С. 135–164.

Сметный список денежных и хлебных доходов и расходов за 1620 г. и окладная роспись на 1621 г. // Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3. Ч. 2. С. 176–239.

Смоленские грамоты XII−XIV вв. М., 1963.

Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813–1819. Ч. 1–2.

Соловецкий летописец конца XVI в. / Публ. В. И. Корецкий // Летописи и хроники за 1980 г. М., 1981. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. С. 223–243.

Сотная на Водлозерскую волость письма и меры данного старосты Микулы Григорьевича Тяполкова 1568/69 года // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 3. Вологда, 1972. С. 480–483.

Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. VI. Вып. 1.

Тысячная книга 1550 г. Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века / Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950.

Тявзинский мир, 1595 г.; Три списка русско-шведской границы, 1595–1596 гг. // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1840. № 9. С. 342–362, 362–378.

Хроника Ливонии / Пер. С. А. Анинского. М., 1938.

Чудские памятники и предания о «панах» // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867. Отд. III. С. 113–117.

Шаскольский И. П. Сведения об истории Руси X−XIV вв. в Исландских анналах / Подгот. и пер. публикации Т. Н. Джаксон // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1994. Т. XXV. С. 231–239.

Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII в. Сборник материалов, извлеченных из Московского Главного архива Министерства иностранных дел и Шведского Государственного архива и касающихся истории взаимоотношений России и Швеции в 1616–1651 годах. М., 1897.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977−1983 г.). М., 1986.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984−1989 гг.). М., 1993.

Aleksei Zhukov. The Saami, 1200–1700 (Source Materials and Commentary) / Translated by Catriona Kelly // Forum for Anthropology and Culture. SPb., 2004. № 1. Cultural Anthropology: The State of the Field. P. 304–336.

Sverges traktater med frammande magter jemte andra dit horande handlingar, utgifne at O. S. Rydberg. Stockholm, 1895. Delen III.

II. Справочные издания

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). В 4-х ч. М., 1909. Ч. 4. Пруссия, Франция и Швеция.

История иерархии Русской православной церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006.

Карта Кемского уезда // Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1908. Приложение 5.

Методическое пособие по археографии. М., 1991. Ч. 1.

Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.

Полное собрание всех бывших в древности и ныне существующих монастырей и примечательных церквях в России. Составлена из достоверных источников Александром Ратшиным / Реставрация текста издания 1852 г. М., 2000.

Похлебкин В. В. Внешняя политики Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. Справочник. М., 1992. Вып. 1. Ведомства внешней политики и их руководители; 1995. Вып. 2. Кн. 1. Войны и мирные договоры.

Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 7 (гона − депеть).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976.

Срезневский И. И. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. В 4-х т. СПб., 1848. Т. 3.

III. Литература

А. Неопубликованные материалы:

История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. (Макет) / Под ред. проф. А. Я. Брюсова. Петрозаводск, 1952.

Свак Д. Ключевые проблемы социально-политической истории России второй половины XVI века в русской и советсткой историографии (реформы и опричнина Ивана IV). Дис. … канд. ист. наук. М., 1984 // РГБ. Отдел диссертаций. № 61: 85-7/82 – 0.

Творогов Л. А. Малоизвестные и редко используемые источники по истории Карелии (Петрозаводск, 1940 г.) // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Институт языка, литературы и истории. Оп. 36. Дела постоянного хранения за 1937–1949 гг. (ИЯЛИ). Научная документация исторической группы института. Д. 21.

Б. Опубликованные:

Абрамович Г. В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991.

Агапитов В. А. Кижи: что в имени твоем? (О происхождении названия Кижи и не только… // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 18–23.

Агапитов В. А., Логинов К. К. Формирование этнической территории и этнического состава группы заонежан // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 61–72.

Агапитов В. А., Логинов К. К. Из прошлого Заонежья // Кижский вестник. Петрозаводск, 1993. Вып. 2. Заонежье. С. 110–123.

Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI вв. Л., 1971.

Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Новгородские пятины. Л., 1974.

Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1987.

Аграрная история Северо-Запада России. XVII в. Л., 1989.

Административные реформы в России: история и современность / Под общ. ред. проф. Р. Н. Байгузина. М., 2006.

Алексеев Ю. Г. «К Москве хотим!»: закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991.

Алексеев Ю. Г. Под знаменем Москвы. Борьба за единство Руси. М., 1992.

Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007.

Амосов А. В. Становление государственности древнего Новгорода и монументальное зодчество. М., 2007.

Андерсон И. История Швеции / Перевод со шведского Н. А. Каринцева. М., 1951.

Андреев В. Ф. О происхождении новгородских пятин // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященных 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 180–185.

Андреев И. Л. Сословно-представительные институты власти в XVI–XVII вв. // Представительная власть в России. История и современность. М., 2004. С. 39–73.

Археология Карелии / Отв. ред. М. Г. Косменко, С. И. Кочкуркина. Петрозаводск, 1996.

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV в.) / Отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1952.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной летописи. 2-е изд. Варшава, 1885.

Беляев И. Д. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1866.

Беляев И. Д. О доходах Московского государства. М., 1885.

Беляев И. Д. Крестьяне на Руси. Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. Изд. 4-е. М., 1903.

Беляев И. Д. Судьба земщины и выборного начала на Руси. М., 1905.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961.

Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства / Под ред. К. Р. Чистова. Л., 1978.

Богданов Н. И. К истории вепсов (по материалам топонимики) // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1951. № 2. С. 24–31.

Богданов Н. И. Народность вепсы и их язык // Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1958. Вып. 12. С. 67–75.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. Областное деление Поморья. Землевладение и общинный строй. Органы самоуправления; 1912. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство.

Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986.

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947.

Бубрих Д. В. Русское государство и сформирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971. Вып. 5. С. 3–22.

Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII вв. М., 1962.

Буланов В. Н. Русский Север. В 2-х кн. Архангельск, 1997. Книга первая. Заволочье (IX–XVI вв.).

Булгаков М. Б. Народы Европейского Севера России в XVII веке: управление и хозяйство. М., 2005.

Булгаков М. Б. Новейшая историография Карелии XVII века // История народов России в исследованиях и документах. М., 2007. Вып. 2. С. 102–125.

Буров В. А. О сотнях и тысячах Новгородской земли (к проблеме административно-территориального деления Новгородского государства) // *Буров В. А.* Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 114–137.

Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование / Отв. ред. С. М. Каштанов. М., 1986.

Валеров А. В. Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков. СПб., 2004.

Вепсы: история, культура и межэтнические контакты. Сборник научных трудов / Науч. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск, 1999.

Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастров и посошного обложения Московского государства. М., 1915–1916. Т. 1–2.

Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. Ч. 1–2.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Веселовский С. Б. Дьяки и подьячии XV–XVII вв. М., 1975.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.

Витов М. В. Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. 3–40.

Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 81–109.

Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVII веках. М., 1974.

Волков В. А. Очерки истории и археологии Великого Новгорода. М., 1994.

Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004.

Воскобойникова Н. Н. Обзор материалов по истории северного крестьянства в фондах Новгородской четверти ЦГАДА // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.). Пермь, 1982. С. 3–19.

Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время / Отв. ред. В. И. Машезерский. Петрозаводск, 1941.

Гальперин Г. Б. Формы правления Русского централизованного государства XV–XVI вв. Л., 1964.

Герд А. С. Русские говоры бассейна реки Ояти // Очерки по лексике северорусских говоров. Вологда, 1975. С. 188–194.

Герд А. С. К истории образования говоров Заонежья // Северорусские говоры. Л., 1979. Вып. 3. С. 206–211.

Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Из истории Старой Ладоги (на материалах скандинавских саг) // Древнейшие государства на территории СССР: 1985 год. М., 1986. С. 108–115.

Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. 1.

Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X−XIII вв. М., 1973.

Гордиенко Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001.

Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма. Итоги и проблемы изучения. М., 1992.

Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996.

Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2005.

Градовский А. Д. Начала русского государственного права // Собрание сочинений. СПб., 1908. Т. 8. Ч. II. Органы управления. Т. 9. Ч. III. Органы местного управления.

Греков Б. Д. Новгородский Дом св. Софии. Ч. 1 // Избранные труды. М., 1960.

Греков Б. Д. Новгородский Дом св. Софии. Ч. 2 // Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34).

Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1944.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Изд. 2-е. М., 1952–1954. Кн. 1–2.

Греков Б. Д. Что такое «обжа»? // Известия АН СССР. 6 серия. Л., 1926. Т. 20. № 10–11. С. 1017–1040; № 13–14. С. 1229–1252.

Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955.

Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994.

Данилова Л. В. Становление системы государственного феодализма в России: причины и следствия // Система государственного феодализма в России. Сборник статей. М., 1993. Ч. 1. С. 40–92.

Джаксон Т. Н. Древняя Русь глазами средневековых исландцев / *Jackson T. N.* Old Rus through the eyes of medieval Icelanders // Российские исследования по мировой истории и культуре / Russian Studies in World History and Culture. Т. 3 / Vol. 3. N.-Y., 2000.

Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси. Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. М., 2000.

Дмитриева З. В., Шаскольский И. П. Первая советско-финляндская публикация источников // Историография дореволюционной Карелии: итоги и перспективы. Петрозаводск, 1988. С. 89–100.

Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке: (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000.

Енин Г. П. Воеводское кормление в XVII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Тез. докл. науч. конф. М., 1996. С. 185–188.

Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. / Под ред. А. Г. Манькова. Петрозаводск, 1956.

Жербин А. С. Основные итоги изучения истории дореволюционной Карелии // Историография дореволюционной Карелии: итоги и перспективы изучения. Петрозаводск, 1988. С. 4–16.

Жербин А. С. Карелия X – начала XVII в. в трудах финляндского историка Х. Киркинена // Историография дореволюционной Карелии: итоги и перспективы изучения. Петрозаводск, 1988. С. 80–89.

Жербин А. С., Шаскольский И. П. Особенности развития феодализма в Карелии (XI–XVI века) // История СССР. М., 1982. № 4. С. 132–141.

Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003.

Жуков А. Ю. Управление Корельским уездом в конце XV – начале XVII веков // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 6–28.

Жуков А. Ю. Карелия в системе межэтнических отношений Русского Севера в XV–XVI вв. // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 82–93.

Жуков А. Ю. Олонецкий край в составе России // Олонец: Историко-краеведческие очерки в двух частях. Петрозаводск, 1999. Ч. I. С. 19–50.

Жуков А. Ю. Государственное оформление северных земель России в XI–XV вв.: этапы и характер властвования // Важнейшие результаты научных исследований Карельского научного центра Российской академии наук: Тез. докл. юбилейной науч. конф. Карельского научного центра РАН, посвященной 275-летию Российской академии наук. Петрозаводск, 1999. С. 133–134.

Жуков А. Ю. Северная Карелия в системе государственного управления России XV–XVI вв. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 6–25.

Жуков А. Ю. Формирование и развитие структуры церковного управления в Карелии (XII–XV вв.) // Православие в Карелии: Материалы республиканской науч. конф. (24–25 окт. 2000 г.) / Отв. ред. В. М. Пивоев. Петрозаводск, 2000. С. 40–47.

Жуков А. Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617–1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: Сборник статей к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. С. 31–36.

Жуков А. Ю. Успенская выставка в Кондопоге. XV–XVI века // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы III краеведческих чтений, посвященных пямяти С. В. Шежемского (7–8 апреля 2000 г.). Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 54–59.

Жуков А. Ю. Этносоциальные последствия христианизации Карелии (XIII–XVIII вв.) // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф., посвященной 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 53–59.

Жуков А. Ю. Режим наместничества в Корельской земле: XIV–XV вв. // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации: Материалы науч. конф., посвященной 10-летию РГНФ. 29 июня – 2 июля 2004 г.: Сб. науч. тр. / ПетрГУ. В 2-х т. Петрозаводск, 2004. Т. I. Гуманитарная наука на Северо-Западе России: опыт, проблемы, перспективы (материалы пленарного заседания). Философия. История. Архивоведение. С. 106–112.

Жуков А. Ю. Корельская земля: административно-территориальное оформление в XIII−XV вв. // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: Сб. науч. ст. / Под ред. П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. Петрозаводск, 2005. С. 74–87.

Жуков А. Ю. Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Материалы междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, 2005. С. 85–91.

Жуков А. Ю. Погост и приход – основы административного деления Северной России (На примере Карелии. XIII–XVI вв.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 8-й ежегодной Междунар. науч. конф. (13–14 апр. 2006 г.). СПб., 2007. С. 475–485.

Жуков А. Ю. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.) // Границы и контактные зоны в

истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2008. Вып. 1. С. 7–19.

Жуков А. Ю. Традиционное природопользование в приграничной Карелии и государство (XIII–XVII вв.) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Петрозаводск, 2009. № 2. Зеленый пояс Фенноскандии. С. 103–114.

Жуков А. Ю. «Борьба за Корелу» Г. А. Замятина и советская историография середины XX в. // Чтения, посвященные 70-летию Новгородской секции Санкт-Петербургского института истории РАН 22 декабря 2008 г. Великий Новгород, 2009. С. 159–170.

Жуков А. Ю. Границы Карелии. Обоснование процесса складывания в XII–XVII вв. // История народов России в исследованиях и документах. М., 2009. Вып. 3. С. 65–95.

Жуков А. Ю. Карелия в русско-шведских отношениях XIV–XVI вв. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 11-й ежегодной междунар. науч. конф. (1–2 апр. 2009 г.). СПб., 2010. С. 62–75.

Жуков А. Ю. Закономерности и принципы формирования административного устройства Карелии (XII–XX вв.) // Карелия на этнокультурной и политической карте России: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Республики Карелия (Петрозаводск, 21 мая 2010 г.). Петрозаводск, 2010. С. 12–22.

Жуков А. Ю., Лялля Е. В. Волостная и церковно-приходская структура Карельского Поморья, конец XV – середина XVIII в. // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2012. № 4. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 3. С. 74−84.

Замятин Г. А. Борьба за Корелу между Московским государством и Швецией в конце XVI – начале XVII вв. // *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008. С. 403–468.

Замятин Г. А. «К Российскому царствию пристоят». Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613–1614 гг. / Сост. А. Н. Одиноков, Я. Н. Рабинович; под ред. Г. М. Коваленко. Великий Новгород, 2012.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: очерк социально-политической истории. М., 1982.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: очерк политической истории в первой половине XVI в. М., 1982.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI вв. / Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1988.

Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI вв. // Исторические записки. М., 1958. Т. 63. С. 180–205.

Зимин А. А. Наместничье управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI вв. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 271–301.

Иванов В. И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007.

Иванов В. И. Формирование Сумского посада в XVI–XVII вв. // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. М., 1990. Ч. 1. С. 86–87.

История Европы в восьми томах. М., 1993. Т. III. От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.).

История и культура Сямозерья / Отв. ред. В. П. Орфинский. Петрозаводск, 2008.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под общ. ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева и М. И. Шумилова. Петрозаводск, 2001.

История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. СПб., 1994.

История Петрозаводска: власть и горожане / Науч. ред. А. Ю. Жуков и А. И. Бутвило. Петрозаводск, 2008.

История России: С древнейших времен до конца XX века. В 3-х кн. М., 1997. Кн. 1. История России: С древнейших времен до конца XVII века / Отв. ред. А. Н. Сахаров и А. П. Новосельцев.

История северного крестьянства. В 4-х т. / Под общ. ред. А. Ю. Полякова. Архангельск, 1984. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма / Отв. ред. П. А. Колесников.

История Швеции. М., 1974.

История экономики Карелии. В 3-х кн. Петрозаводск, 2005. Кн. I. *Баданов В. Г., Кораблев Н. А., Жуков А. Ю.* Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого Русского государства до Февральской революции. Конец XV – начало XX веков / Науч. ред. Н. А. Кораблев.

Карамзин Н. М. История государства Российского. В 3-х кн. М., 1988. Кн. I.

Карташев А. В. Очерки истории Русской церкви. В 2-х т. М., 1997. Т. I.

Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI вв. М., 1967.

Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 302–376; Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 129–200.

Киркинен Х. История Карелии с древнейших времен до Ништадтского мира // *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа / Пер. с фин. Л. В. Суни; отв. ред. И. А. Чернякова. Петрозаводск, 1998. С. 7–134.

Кирпичников А. Н. Опыт комплексного исследования писцовых книг и исторической топографии для характеристики средневекового русского города (по материалам Корелы XV–XVI вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Т. XI. С. 68–89.

Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956. Т. I.

Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х кн. М., 1993. Кн. 1–2.

Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России XV–XVI вв. М., 1985.

Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX вв.: к вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976.

Колесников П. А. Основные этапы развития северной общины // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 6. Проблемы истории русской общины. С. 3–35.

Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI веке / Под ред. Н. Е. Носова. Л., 1978.

Копанев А. И. Незамедлительная волость в XVI–XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967. С. 176–194.

Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Костомаров Н. И. Северо-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. В 2-х ч. 3-е изд. СПб., 1904. Кн. 3. Т. 7. Ч. 1; Т. 8. Ч. 2.

Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII − начало XVI вв. М.; Л., 1965.

Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.

Кочкуркина С. И. Археологические памятники Корелы V–XV вв. Л., 1981.

Кочкуркина С. И. Курганы северного побережья Онежского озера // Археологические исследования Карелии. Сб. статей. Л., 1972. С. 103–112.

Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М. Средневековые поселения // Древние поселения Карелии (от мезолита до эпохи средневековья). Петрозаводск, 1988. С. 121–135.

Кошечкин Б. И. Боже, дай нам ветра. Кемские полярные мореходы. Петрозаводск, 1992.

Криничная Н. А. Русская историческая проза: Вопросы генезиса и структуры / Отв. ред. В. И. Соколова. Л., 1987.

Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X−XIII вв. М., 1975. С. 144–201.

Кузнецова В. П. Памятники русского фольклора Водлозерья: предания и былички. Петрозаводск, 1997.

Кузьмина О. В. Республика Святой Софии. М., 2008.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X−XIV вв. М., 1984.

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985.

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания центрального государственного аппарата в конце XV – первой половине XVI вв. М., 1961.

Лихачев Д. С., при участии *А. А. Алексеева* и *А. Г. Боброва*. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв). Издание третье, переработанное и дополненное. СПб., 2001.

Лихачев Н. П. Государев родословец и род Адашевых // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1903. Вып. XI. Отд. 1. С. 44–135.

Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX вв.). СПб., 1993.

Логинов К. К. О динамике расселения саамов, вепсов, карел и русских на территории Карелии // Культурные коды двух тысячелетий: Материалы науч. конф. Петрозаводск, 1–4 дек. 2000 г. Петрозаводск, 2001. Вып. 1. Традиционные культуры: локализация и динамика. С. 42–46.

Лурье Я. С. Две истории Руси 15 века. СПб., 1994.

Макарий (Веретенников), архимандрит. Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006.

Макаров Н. А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993.

Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997.

Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 44–58.

Медынцева А. А. Письма Григория – тиуна боярского по материалам берестяных грамот // Культура и искусство средневекового города. Сборник статей / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М., 1984. С. 53–75.

Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты / Пер. со шведского З. Линден. М., 2008.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. 6-е изд. СПб., 1909. Ч. 1.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV вв. М., 1983.

Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. / Под ред. и предисл. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1947.

Назаров В. Д. Опричнина в контексте современной историографической ситуации // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. М., 1990. Ч. 2. С. 193–198.

Насонов Н. А. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951.

Национальный парк «Водлозерский»: Природное разнообразие и культурное наследие. Сб. статей. Петрозаводск, 2001.

Неволин К. А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1853.

Неволин К. А. Образование управления в России от Ивана III до Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1844. Январь. С. 1–149.

Неволин К. А. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1847, июль. Отд. II. С. 1–23; август. Отд. II. С. 75–159; октябрь. Отд. II. С. 1–80; ноябрь. Отд. II. С. 157–200.

Никитинский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.

Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. X–XI в. СПб., 1906.

Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957.

Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.

Носов Н. Е. Земская реформа на Русском Севере в XVI в. (об отмене кормлений и введении земских учреждений) // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967. С. 131–156.

Носов Н. Е. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв. (к постановке проблемы) // Проблемы землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 44–71.

Носов Н. Е. Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в. // Исторические записки. М., 1986. Т. 114. С. 148–179.

Огородников Е. К. Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого чертежа. СПб., 1877.

Олонецкий сборник: Материалы по истории, географии, статистике и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3.

Орфинский В. П., Гришина И. Е. Некоторые закономерности формирования традиционных систем сельского расселения на территории Карелии // Народное зодчество / Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1998. С. 13–37.

Островская М. А. Земельный быт сельского населения Русского севера в XVI–XVII вв. СПб., 1913.

Очерки истории Карелии / Под ред. В. Н. Бернадского, И. И. Смирнова, Н. А. Балагурова. Петрозаводск, 1957. Т. 1.

Очерки истории СССР. Конец XV в. – начало XVII в. М., 1955.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.

Павлов А. П. Приказы и приказная бюрократия (1584–1605 гг.) // Исторические записки. М., 1988. Т. 114. С. 187–227.

Павлов А. П. О начальном этапе становления воеводского управления в России // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 13–18 мая 1990 г. М., 1990. Ч. 2. С. 208–211.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. Петрозаводск, 1858.

Папков А. А. Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в северной России // Русский вестник. М.; СПб., 1898. Т. 258. Ноябрь. С. 55–85; декабрь. С. 13–34.

Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000.

Пашкова Т. И. Материалы к изучению персонального состава волостной администрации Русского государства второй половины XV – первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Вып. XXVI. С. 136–172.

Пегов В. И. Польско-шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1939.

Перельман И. Л. Новгородская деревня в XV–XVI веках // Исторические записки. М., 1948. Т. 26. С. 128–197.

Петров К. В. Юрий Георгиевич Алексеев и его путь в истории // Российское государство в XIV−XVII вв. Сборник статей, посвященных 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 6–30.

Петров Н. П. История родов русского дворянства. В 2-х кн. М., 1993.

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры / Отв. ред. И. П. Шаскольский. М.; Л., 1965.

Писарькова Л. Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 2. С. 3–27; № 3. С. 25–39.

Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера. Очерки по колонизации Поморья. Пб., 1923.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937.

Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв.: Очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006.

Представительная власть в России: История и современность. М., 2004.

Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003.

Природное и культурное наследие Водлозерского национального парка. Петрозаводск, 1995.

Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В. В. Мавродина. Л., 1971.

Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье). Сборник статей. Петрозаводск, 2006.

Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в.: Очерки социально-экономической и политической истории русского города. Харьков, 1957.

Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999.

Расила В. История Финляндии / Пер. с финского и науч. ред. проф. В. Суни. Петрозаводск, 2006.

Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994.

Россия и Дания: 400 лет истории отношений. М., 1977.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII−XIII вв. М., 1982.

Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII в. // Исторические записки. М., 1932. Т. 2. С. 132–152.

Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода: историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.

Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX−XIV вв. М., 1978.

Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений в древней Руси. Пермь, 1927.

Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

Селин А. А. Историческая география Новгородской земли в XVI–XVII вв. Новгородский и Ладожский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

Селин А. А. Ладога при московских царях. Старая Ладога; СПб., 2003.

Село Суйсарь: История, быт, культура. Петрозаводск, 1997.

Сергеевич В. И. Древности русского права. Изд. 2-е. СПб., 1911. Т. III. Земледелие, тягло, порядок обложения.

Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966.

Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969.

Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975.

Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1985.

Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988.

Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XV–XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991.

Скрынников Р. Г. Крест и корона: Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000.

Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30-х–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958.

Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18-ти книгах. М., 1989. Кн. III. Т. 5–6; Кн. IV. Т. 7–8.

Спиридонов А. М. Нумизматические источники по истории Приладожья и Обонежья конца I – начала II тыс. н. э. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1984. С. 136–147.

Спиридонов А. М. Локализация пунктов Устава Святослава Ольговича 1136/37 г. и становление погостов в Прионежье и Заволочье // Краткие сообщения Института археологии. 1989. Вып. 198. С. 16–21.

Спиридонов А. М. Раннесредневековые памятники Кокорино // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 29–48.

Спиридонов А. М. Монетные клады Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея: Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1995. Вып. 3. С. 136–151.

Спиридонов А. М., Герман К. Э., Мельников И. В., Манюхин И. С. Освоение южного Заонежья в раннем и развитом средневековье (по материалам раскопок селища Наволок на о. Кижи) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 236–242.

Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

Старостина Т. В. Шуерецкая волость в XVI–XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967. С. 195–208.

Титов С. М. Очерки военной истории древней корелы. Петрозаводск, 2007.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1952.

Уханов Н. И. Новые данные об одном из северных промыслов // Доклады отделения этнографии ВГО СССР. Л., 1966. Вып. 2. Доклады 1962–1965 гг. С. 45–54.

Ушаков И. Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972.

Фелюшкин А. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: российский дискурс Великого княжества Литовского // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. СПб., 2004. № 4. С. 568–583.

Филимончик С. Н. О развитии исторической науки в Карелии в 1945 – начале 1950-х годов // Гуманитарные исследования в Карелии: Сборник статей к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. С. 54–59.

Флоря Б. Н. Иван Грозный / Серия «Жизнь замечательных людей». М., 2003.

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1894. Т. I–II.

Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ноябрь. Т. 261. № 2–10.

Фроянов И. Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Фроянов И. Я. Начала русской истории. Избранное / Отв. ред. проф. Ю. Г. Алексеев. М., 2001.

Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975.

Харламов Б. Н. Погосты и губы в Псковской земле XIV−XVI вв. / Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1995.

Хёш Э. Восточная политика Немецкого Ордена в XIII веке // Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 65–74.

Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV−XV вв. М., 1963.

Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI вв. М., 1980.

Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

Черепнин Л. В. Новгородские грамоты на бересте как исторический источник. М., 1969.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI−XVII вв. М., 1978.

Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998.

Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е гг. XVI века / Отв. ред. Ю. В. Кривошеев. 2-е изд. СПб., 2006.

Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

Шаскольский И. П. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством / Отв. ред. С. Н. Валк. М.; Л., 1964.

Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII−XIII вв. Л., 1978.

Шаскольский И. П. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии: Конец XIII − начало XIV вв. Петрозаводск, 1987.

Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987.

Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 38–61.

Шаскольский И. П. Русско-норвежский договор 1326 г. // Скандинавский сборник. Таллин, 1970. Вып. 15. С. 63–71.

Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке // Исследования по русской истории. Выпуск восьмой. М., 1997.

Швейковская Е. Н. Нормы обычного права в земельно-распорядительных сделках крестьян Русского Севера первой половины XVII века (по материалам Сольвычегодского уезда) // История СССР. 1985. № 2. С. 96–111.

Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси, XI–XIV вв. М., 1972.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. М., 1998.

Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

Ягодкин В. Из прошлого Олонецкого края. Исторический очерк. Петрозаводск, 1918. Ч. 1. Обонежская пятина (IX–XVI вв.).

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; 2-е изд. М., 2003.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50–70-х годах XV в. // Исторические записки. М., 1982. Т. 108. С. 189–214.

Янин В. Л. Князья Копорейские // Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 275–285.

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990.

Яницкий Н. Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915.

Carpelan Ch. Later Iron Age finds from Northern Finland // Славяне и финно-угры (археология, история, культура) / Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. СПб., 1997. С. 71–82.

Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissa. Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. Helsinki, 1963.

Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. Helsinki, 1971. Venäjän renessansialla (1478–1617); 1976. Karjala taistelukenttänä.

Mantila H. Lapin rajat ja murrerajat // Virittäjä. Kotikielen seuran aikakauslehti 104. Vuosirerta. Helsinki. 2000. № 2. S. 188–202.

Saksa A. Rautakautinen Karjala. Muinas-karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // Studia Carelica humanistica, 11. Joensuu, 1998.

Saloheimo Veijo. Poljois-Karjalan asutusmuodot 160-luvalla. I–II (Kylä- ja pitäjäkartat). Joensuu, 1971.

Указатель географических названий[1]

Або, Турку, Людерев город, г. *69, 97, 108*
Алаборг – см. Городище, село
Александровская слобода (Слобода) *326, 328*
Альдейгьюборг – см. Ладога, г.
Англия *331, 435*
Архангельск, г. *255, 284, 289, 398*
Астраханское царство *213*
Атлантический океан *3, 172*

Балтийско-Беломорский регион
Европы, Балтийский регион, Восточная Балтика *9, 14, 26–27, 271, 401, 406, 409*
Балтийское (Варяжское) море, Балтика *28, 55, 62, 93, 104, 111, 151, 159, 249–250, 275, 282, 402, 454*
Баренцево (Мурманское) море *112, 282*
Бахчисарай, г. *376*
Бежицкая тысяча *164*
Бежицкий ряд (Бежицы), адм. общн. *37, 155, 160–164*
Белев, креп. *382*
Белое, оз. *147, 157, 442*
Белое (Студеное) море *3, 11, 31, 55, 65, 79, 99–103, 110–112, 159, 172, 178, 190, 200, 204, 217, 227, 239, 263, 276–279, 282, 284–286, 288, 290, 293–294, 385, 450*
Беломорская Карелия (карельские волости), ист. р-н *30, 98–100, 103, 138, 239, 275, 284, 286, 288, 294, 444*
белозерские волоки *38, 146, 148, 294, 449*
Белозерский уезд *365*
Белозерское княжество *118*
Беломорье *28, 30, 36, 65, 103, 208, 221, 254, 273, 281, 317, 396, 404, 407, 454*
Белоозеро, г. *144, 187*
Белоозеро, оз. *92, 148*
Белоозеро, Белозерье, ист. обл. *118, 146, 153, 157–158, 187, 200, 202, 294, 449*
Болгария *161*
Большая Пога, о. *185*
Ботнический залив *111, 159, 275, 384*
Бьаркей, феод *110*

В Имоченицах (В Ымоченицах), местн. *178*
В Ладве ж у часовни словет Демидовская, дер. *207*
В Чюеве наволоке словет у часовни, дер. *185*
Вавдиполе, дер. *155*
Вага, р. *147, 157*
Важено-озеро, оз. *349, 427*
Важинка, р. *168, 172, 239*
Важинские пороги *143*
Важины, погост-место *190, 265, 342*
Важская земля *147*
Важский уезд *48, 194, 220, 436*
Варзуга, погост-место *395*

[1] *Принятые сокращения*: «адм. обл.» – административная область, «адм. общн.» – административная общность, «адм. р-н» – административный район, «басс.» – бассейн, «бол.» – болото, «г.» – город, «гос.» – государственная(ый), «губ.» – губерния, «дер.» – деревня, «зал.» – залив, «зем.» – земельный, «ист.-геогр.» – историко-географический, «ист. рег.» – исторический регион, «ист. обл.» – историческая область, «ист. р-н» – исторический район, «креп.» – крепость, «м.» – мыс, «местн.» – местность, «о.» – остров, «о-ва» – острова, «оз.» – озеро, «посел.» – поселение, «р.» – река, «руч.» – ручей, «р-н» – район, «хреб.» – хребет.

Варяжское море – см.: Балтийское море
Великие Луки, г. *55*
Великий град, г., столица *159*
Великий Новгород, Новгородская феодально-аристократическая республика, Новгородская республика, Новгородское государство *6–9, 12, 18–22, 25, 27, 34–37, 41, 43–44, 46, 58, 60, 62–69, 71–74, 76–78, 80–91, 93–101, 103–105, 108–144, 146, 153–154, 157–158, 161–167, 170, 175, 179–180, 183–184, 186–188, 191–192, 194–195, 201–202, 204, 210, 212, 215, 218, 221, 234, 236, 241, 250, 252, 255–256, 258, 262–263, 265, 268, 275, 285, 291, 296, 300–304, 314, 324, 326, 334, 360, 385, 401–404, 406–407, 432, 435, 439–441, 448–449, 454*
Великий остров (Воликий остров), дер. *182–183*
Венуя у Северика на Пелетцком озере, дер. *141*
верхневолжские волоки *38*
Верхнее Куйто, оз. *288*
Верхнее Поволжье *147, 149, 151, 157, 200, 263*
Верхний Выг, р. *178, 190*
Верховская соха, община *206*
Видлица, р. *172, 187–188, 197*
Вилпа, г. *128*
Вирма, дер. *286*
Вирма, р. *204, 208*
Владимир-на-Клязьме, г. *70, 163*
Владимиро-Суздальская Русь, Северо-Восточная Русь, Низовская Русь, Низовская земля, ист. регион *24, 39, 69, 90–91, 104–105, 107–108, 118, 123, 126–127, 132, 153, 194, 200, 202, 215, 218–219, 362, 385, 431, 441, 448–450*
Владимирское великое княжество *18*
Владимирское, Московское и Новгородское великое княжение (государство) *126, 213*
«во Олонци» – см.: Олонец, посел.
Водла, р. *148, 152–153, 157, 185, 187, 199–200, 260, 263*
Водлинская соха, община *206*
Водлица, р. *206*
Водлозеро, оз. *155, 185–186*
Водлозерский национальный парк *30, 151, 185, 187, 200, 449, 451*
Водлозерье (Большое Водлозерье), ист. р-н *29–30, 41, 183–187, 269, 448*
Водская земля (Водь) *82, 85, 165, 236*
Воже, оз. *147–148*
Войница, р. *295*
Волга, р. *151, 172*
Волжская Булгария *146, 159*
Вологда, г. *302*
Вологда, ист. обл. *157, 269*
Вологодская область *6*
Волок *146–147*
Волок Ламский (Волоколамск), г. *125, 159*
Волосова улица *200*
волости:
– Варзужская, Варзуга *54, 194, 282, 291, 320, 393–394*
– Вирма *281*
– Водлозерская, Ильинская Водлозерская (погост) *47–48, 269, 310, 429, 437*
– Выгозерская, Выгозеро *229, 259, 321*
– «за владыкою на Соломяне» *263*
– Заволочье – см.: Заволочье (двинское)
– Кандалакша *281, 291*
– Кемская, Успенская Кемская, Кемь *48–49, 51, 54, 79, 81, 216, 223, 230–232, 276–281, 284, 288–290, 295, 305, 308, 317, 319–321, 323, 385–389, 391, 395, 397, 399, 409*
– Керетская, Георгиевская Керетская, Кереть *48, 54, 81, 100, 230, 277–278, 281, 289–291, 297, 308–309, 317, 320–321, 323, 385, 391–393, 395, 399, 437*
– Кимасозерская *50*
– Княщина (Переяславль-Залесская) *188*
– Ковдская, Ковда *54, 230, 281, 290–291,*

297, 308–309, 317, 320–321, 323, 385, 391–392, 399
– Колежма *281, 286*
– Кондопожская, Успенская Кондопожская, Успенская выставка в Кондопоге *170, 266*
– Купецкая, Купецкий погост (вотчина) *222, 232*
– Лендерская *50*
– Лиекса *247*
– Нюхча, Нюхотская *229, 281, 288, 321–322*
– Оланга *295*
– Ошта – см. *погост* Оштинский
– Панозерская *223*
– Порозерская, Поросозерская *39, 49, 226, 292, 428*
– Ребольская, Ребольский погост, Реболы *49–50, 141, 226, 247, 256, 267, 292, 295, 323, 385, 400, 428*
– Святозерская, Святозерская волостка-выставка, Святозеро *47, 265–266, 411*
– Сорока, в устье р. Выг *281, 286*
– Сумерская *255*
– Сумская, Сума, Сумский посад, Сумская вотчина *225, 229, 280–281, 286, 288, 317–318, 341, 348, 388–389, 394, 396–397*
– Сямозерскя, Сямозерская волостка-выставка, Сямозеро *47, 264–266, 411*
– Сямская *218–219*
– Тулмозерская *75*
– Тунгудская *223*
– Челмужская (вотчина) *222*
– Шальская – см.: погост Шальский
– Шимозерская, Шимозерская волостка-выставка, Шимозеро *47, 207, 265–267, 345, 411*
– Шокшинская, Шокшинская волостка *268*
– Шуерецкая, Никольская Шуерецкая, Шуя Корельская (волостка), Шуя *17, 48–49, 51, 53–54, 79, 81, 216–217, 223, 225, 230–232, 275–277, 279–281, 284, 289, 295, 305, 308, 315–317, 319–320, 323, 385–391, 395, 398–399, 409, 426, 433, 453*
– Шунгская (вотчина) *222*
– Умба *54, 194, 291, 320*
– Унежма *281, 288, 322*
– Юсковская *268*
«волость за владыкой» – см. Дом св. Софии
«волость князя великого» *264, 275, 407*
Волынская земля *124*
Восточное Беломорье *283*
Византия (Империя Ромеев) *85, 89*
Волотьское, Волоковое оз. – см. Ладожское оз.
Волхов, р. *37, 160, 164, 192, 236*
Вонгоры, дер. *292*
Восточная Европа *30, 35, 103, 443*
Восточная Приботния (Эстерботния), ист. обл. *6, 77, 214, 251*
Восточные пути / Восточное государство – см. Древнерусское государство
«вся волость Новгородская» *65–66, 81, 84–86, 89, 109, 113–114, 122, 165, 215*
Вуокса, р. *44, 68, 105–106, 121, 366, 402*
Выборг (Выбор), г. *105, 111, 132, 139, 249–251, 255, 363, 365–367, 380–383, 404, 408*
Выборгский район *62, 214*
Выг, р. *99–103, 178, 190, 208, 278, 321, 341*
Выгозеро, оз. *152–153, 172, 178, 208, 295*
Выгозеро, погост-место *190, 258, 305, 341–343*
Выгозерское водохранилище *153*
Выгозерье, ист. р-н *103, 263*
Вытегра, погост-место, местн. *333*
Вышгород, г. *156*

Габостров, о. *266*
Гавшино сиденье, дер. *181*

Ганза, Ганзейские города, торговый союз *83–84, 139*
Гдов, г. *255, 339*
Гдовский, уезд *255*
Гдовщина, ист. р-н *176*
Гелюля – см.: Хелюля
Гимрека, р. *268*
Гимрекская вотчина *268*
Гольяницы, дер. *185*
Городище, дер. *146*
Городище (Алаборг), село *62, 152*
Городовой, о. *152–153*
Гостилов наволок, дер. *183*
Готский берег (Готланд) *83*
Гуморнаволок (Игугморо на Волоке), дер. *182–183*

Дания *73, 404, 406, 452*
Датско-Норвежское королевство *291*
Датско-Шведское королевство *236*
«дацкий рубеж», гос. граница *292*
Дворовый удел *269, 312, 337*
Двинская земля (Двина, двинские земли) *65, 82, 92, 110, 114–115, 131, 137–138, 146–147, 158, 166, 192–194, 202, 212, 221, 269, 273, 284–285, 290, 385, 393, 406*
Двинский уезд *38, 48, 194, 220, 279, 283–284, 290, 436*
Деревская земля, волость, княжение *85*
Дом пресв. Богородицы, Владимиро-Суздальская (Московская) епархия *189*
Дом пресв. Богородицы (Смоленской), Смоленская епархия *154*
Дом св. Софии (Новгородской), «волость за владыкою», Новгородская епархия *12, 25–26, 37, 74–75, 80, 134, 138–141, 153–154, 160, 163, 166, 188–189, 197, 215, 234–235, 259, 263, 306–307, 315, 332, 337, 344, 385, 442*
Древнерусские княжества *63, 448*
Древнерусское государство, Русь, Древняя Русь, Русская земля, Киевская Русь *13, 16–20, 26, 28, 35, 38, 60–63, 66, 69, 72–73, 82–83, 85, 87–89, 92–93, 104, 107, 111, 113–115, 121, 123, 127, 134, 143–147, 152–154, 156–158, 161, 163–164, 180, 184, 213, 215, 218, 220–222, 277, 287, 294, 299, 313, 433–440, 442–443, 447–449, 451–452, 454*
Другое Чудское городище, дер. *146*

Европа *22, 27, 228, 254, 257, 299, 401, 446*
Европейский Север России, Европейский Север, Русский Север, Север России, Север, Северная Русь, ист. рег. *7, 11–13, 17, 21, 24–26, 30, 32, 38, 42–43, 47–49, 54, 58, 65, 68, 70–71, 103, 120–121, 127, 143, 146–150, 152, 157–158, 161, 166, 170, 174–176, 186, 189, 191, 194, 202–205, 208, 210–211, 220, 222, 225, 231, 258, 269, 273–274, 279, 284–285, 287–289, 293, 297, 308, 310, 313, 320, 330–331, 333, 335, 337, 341, 351, 374, 385–386, 395–396, 398, 400, 407, 409–412, 431, 436, 440–441, 443–444, 446–453*
Емская земля, адм. обл. *94*
Емца, р. *187*
Емь, ист. обл. *69*

Железные ворота, местн. *146*

За полем на реки на Жаравице, дер. *153*
Заволочье (двинское), «за Волоком», Задвинье, волость, ист. обл. *38, 65, 118, 127–128, 146–148, 153, 155, 161–162, 172, 202, 440, 452*
Заволочье (каргопольское), ист. обл. *147–149*
Заволоцкая земля (Двинская), адм. обл. *38, 114–115, 136, 138, 166, 406*
Заволоцкая земля (Каргопольское, Поонежское Заволочье), ист. обл. *38, 148, 187, 200*
Задняя Корела («Норботния»), адм. общн. *44, 68, 76–77, 79–80, 134, 140, 235, 237–238, 240–247, 249, 356, 358,*

383–384, 403–404, 414–415
Залесская соха, община *206*
Заонежская половина (полупятина) *43, 45–46, 173, 229, 257, 264, 312, 317–318, 335, 431, 433*
Заонежские погосты (Заонежье), адм. общн. *6, 38, 43, 45, 52–53, 57, 166, 168, 173, 190–191, 195, 211, 214, 219, 221–222, 226, 229, 231, 257–262, 264, 268–274, 277, 297, 302, 310, 312, 314, 318, 332–333, 336–338, 340–344, 353, 359, 407–410, 428, 431, 433*
Заонежские (Олонецкие) дворцовые погосты, дворцовый округ *9, 46–47, 169, 216, 218, 260, 270–274, 293, 297, 315, 320, 322, 331, 334–335, 349–351, 353–355, 410–412, 431*
Заонежский полуостров *29, 145, 151, 170, 172–173, 197, 203, 263, 266, 273*
Заонежье, ист. р-н *29, 31, 41, 45, 145, 150–151, 173–175, 179, 186, 267, 271–272, 316, 318, 333, 342, 355, 410–412, 438, 439, 441–442, 448, 453*
Западная Европа, Запад *13, 73, 84, 183, 221, 254, 285, 454*
Западная Россия *130, 431*
Западное Беломорье, Западное Поморье («Лопский берег») *31, 103, 174, 275, 278, 282–286, 387, 393–395, 398, 441*
Земщина *310–311, 356, 369*
Златынь, р. *160*
Золотая Орда – см.: Орда
Золотец, порог, промысловый р-н *102–103, 208, 321–322*

Ивангород, г. *252–253, 255, 302, 324, 361, 376*
Ивангородский уезд *212, 234, 236, 255, 324, 376*
Ижорская земля (Ижора), адм. обл. *82, 84–85, 165, 236*
ижорское приграничье *366*
Ийоки (Ия-река), р. *97*
Илекса, р. *151*
Иленьгуба, зал. *266–267*
Иломанец, местн. *239*
Иломанец у Ильи Святого у погоста, дер. *141*
Иломансинъярви, оз. *141*
Иломантси, г. *141*
Империя, Священная Римская империя германской нации *250, 330*
Инема, р. *188*
Исады, Иссад, местн., посел. *159–160*
Исады пристани *159–160*
Исачка Проскурницына, починок *207*
Исо-Пюхяярви, оз. *77*

Казанская земля, адм. обл. *368*
Казанское царство *213*
Казань, г., креп. *342, 364–365, 368, 379*
Каковичи, местн. *197*
Калуга, г. *363, 379*
Кама, р. *160*
Кандалакшская губа, зал. *111–112, 290*
Канзанаволок, дер. *185*
Канзанаволок, о. *185*
Канзаозеро (Кангозеро), дер. *224*
Каргополь, г. *47, 186–187, 283, 285, 310, 429*
Каргополье (Каргополь), ист. обл. *147–148, 153, 157, 186–187, 269, 273*
Каргопольский уезд *38, 47, 269, 283, 310, 429*
Карелия (Karjala, Кирьялаланд, Kirjalaland, КФССР, Республика Карелия) *3, 5–21, 23–30, 32–35, 40, 42–45, 48, 50, 52, 54, 58–62, 67–70, 79–80, 95, 98–100, 103–106, 113, 135, 138–140, 143, 150–152, 158–159, 162–163, 166, 170, 172–173, 176, 185–187, 190, 202–204, 210–212, 214, 216–218, 220, 222–223, 226, 228, 231, 233, 237, 245, 249–251, 255, 264, 266–267, 269, 271, 274–276, 284, 289, 291–297, 299–302, 307, 312, 314–317, 322–324, 326, 329, 332, 336, 344, 355, 359, 375, 381–385,*

393, 398, 400–402, 406–412, 416, 420–422, 425, 427, 432–434, 438–441, 443–451, 453–454
карельские волости – см.: Беломорская Карелия
карельское приграничье *366, 370*
Карельский берег *100–103, 277, 282, 284–285, 385, 390, 395*
Карельский перешеек *60, 62*
Карельское Поморье *48*
Карельское Приладожье – см.: Приладожская Корела
Каспийское море *3, 172*
Каяни (Кайнуу), ист. обл. *81, 276, 283, 294*
«каянская межа» («рубеж каянских немец»), гос. граница *81, 294–295*
Кеврольско-Мезенский уезд *48, 194, 220, 436*
Кексгольм – см. Корела (Приозерск), г.
Кексгольмский лен *30, 43–44, 226, 237, 257, 267, 294, 384, 424, 433*
Кемийоки, р. *97*
Кемская губа, зал. *101*
Кемский рубеж *278*
Кемский уезд *284, 438*
Кемь, погост-место, г. *101, 275, 278, 280, 282–284, 288, 386, 389*
Кемь, р. *79, 278*
Кенский волок *148–149, 157, 182, 185, 187, 199–200, 263, 269, 310*
Кереть, погост-место, слобода *102, 282, 290, 317, 391, 408*
Кереть, р. *393*
Кивиканда, р. *278, 290*
Киев, г. *62, 136, 156*
Киевская Русь – см.: Древнерусское государство
Кижи, о. *150–151, 439, 453*
Кильбомох, бол. *101*
Кильбо-ручей, руч. *101*
Кильбостров, о. *101, 278*
Кимасозеро, волостка, дер. *292, 295*
Киндасово, дер. *224*
Киньгостров, о. *186*
«кирицкая межа» *81, 278*
Кирьялаланд – см. Карелия
Кирьяларботнар, Карельские заливы *62*
Клушино, дер. *383*
Княжья губа, зал. *227, 293–294*
Княщина, боярщина *187*
Княщина (Видлицкая), село *187–188*
Ковда, погост-место, слобода *317, 391, 408*
Ковера, дер. *141*
Коверское озеро, оз. *141*
Когутьярва Верхняя на Иломанце, дер. *141*
Койнуевская у погоста Калфинская, дер. *206*
Кокорино, дер. *29, 41, 151, 172, 267, 427, 453*
Кола, острог *291, 295, 297, 399–400, 412*
Кола, р. *111–112, 282*
Колвас-озеро, дер. *292*
Колгостров, о. *185*
Колежма, дер. *286*
Колежма, р. *341*
Коломна, г. *339, 363*
Кольская земля *292, 393, 453*
Кольский полуостров *194, 219–220, 281, 291, 308*
Кольский уезд *6, 48–49, 194. 211, 220, 226, 254, 289, 292, 294–295, 330–331, 385, 399, 410, 428, 436*
Колывань, г. – см.: Таллин
Кондопога, местн. *349*
Кондопожский край, ист. р-н *266, 444*
Кондуши, местн. *350*
Коплала, дер. *141*
Копорский уезд *212, 234, 236, 255, 324*
Копорье, г. *72, 124, 129, 131, 252–253, 255, 324, 360*
Корела, Кексгольм (Приозерск), г., креп. *23, 28–29, 35, 43–45, 55–57, 68, 74, 76, 81, 106, 108, 114–116, 118–119, 122, 128–129, 132, 135, 138–140, 142, 213,*

223, 225, 231, 234–236, 238–239, 246–250, 252–256, 267, 273, 275, 297, 302, 304, 314, 317–318, 324, 355–370, 384, 398, 403–404, 407–409, 411, 415–416, 420–421, 423–424, 435, 445, 447
– Большая половина г. Корелы *363–365, 423*
– Меньшая половина г. Корелы *363–365, 423*
Корельская земля (Корела), ист. и адм. область, наместничество *6, 8, 11, 20, 29, 34–36, 38–39, 44, 60–62, 66–68, 74–79, 81–92, 94–96, 99, 102–106, 108, 110, 112–125, 127–129, 131–135, 138–142, 165, 179–180, 188–189, 213–214, 236, 241, 258, 263, 275, 402–404, 407–408, 444, 447*
Корельская половина, губной округ *228–229, 237, 243*
Корельский уезд *6, 8, 23–24, 30–31, 38, 43–44, 54–57, 68, 74, 76, 99, 116, 141, 189, 211–212, 214, 223–225, 228, 231, 234–237, 246–249, 252–257, 263, 267, 269, 275, 292, 294–295, 297, 304, 315–317, 324, 337, 355–361, 363–367, 369–384, 386, 400, 407–409, 414–416, 420–421, 423–424, 435–436, 443*
Корсунская волость (Крым) *85*
Кортехнаволок, м. *266*
Кострома, г. *363*
Крайний Север *114, 219, 291–292, 300, 308, 398–399, 408, 410, 412*
Краков, г., столица *379*
Кремль – см.: Москва
Кремль (Московский), креп. *370*
Кремль (Соловецкий) – см.: Соловецкий острог, Кремль
Крымское ханство, Крым *363, 376*
Крымская украина *376*
Кубенка, р. *157*
Кубенское, оз. *219*
Кузаранда, дер. *177–178, 189, 342*
Кузнаволок, м. *204*
Кузостров, о. *204*
Кумола, дер. *141*
Купецкое, оз. *222*
Куркиёки (на Кирьяже), местн. *78*
КФССР – см.: Карелия
Кьёлен (Kjölr), хреб. *87, 112*
Кьёль, р-н *111–112*
Кюлолакша, местн. *78*
Кюми, ист. обл., губ. *6*
Кякисалми, о., местн. *106, 108*

Ладва, местн., дер. *268*
Ладога, Альдейгьюборг, Старая Ладога, г. *62, 72, 85, 118–119, 124, 129, 133, 149, 152, 155–156, 159–160, 165, 255, 274, 302, 442, 449, 452*
Ладожский уезд *31, 215, 234, 236–237, 255, 452*
Ладожское наместничество *45, 62, 257, 259, 319, 435*
Ладожское озеро, Ладога, Волотское (Волоковое) озеро, Нево, оз. *3, 6, 67, 76, 94–95, 106–107, 141, 143, 159–160, 172, 188, 190, 197, 249, 263, 274, 368*
Лампарк, ист. обл. *88, 112*
Ландскрона (Венец земли), креп. *107, 109, 121–122*
Лапландия, Лаппи, ист. обл., губ. *6, 97, 111, 294, 308, 393*
Латушка (р-н г. Кемь) *101*
Латышков-остров, о. *278*
Лаче, оз. *147–148*
Лендеры (Лендера), волостка, дер. *49, 292, 323*
Ленинградская область *6, 62, 165, 214*
Летгуба, дер. *342*
Либелицы, слобода *358*
Ливонский Орден, Ливония *111, 113–114, 127–128, 139, 157, 236, 249, 313, 362–363, 371–372, 437*
Лигуев городок, креп. *142*
Линдиево сиденье на Шунги, дер. *181*
Липица, р. *93*
Литва, Великое княжество Литовское *60, 88–89, 124, 126–133, 137, 159, 163,*

306, 324, 363, 404–405, 453
Литовская украина *376*
Лифлянская земля *249*
Ловуш-остров, дер. *292*
Лопская земля, Лопия земля, ист. общн. *49, 227, 291, 293, 308, 391, 393–394, 412, 432, 436*
Лопские погосты (карельские), адм. общн. *6, 38, 48–51, 76, 79–80, 211, 214, 216–217, 220, 226–227, 230–231, 236, 239, 269, 275–277, 279–280, 283, 286–287, 292–294, 308, 315–317, 327, 329, 385–386, 390–391, 408–411, 428, 433*
Лопские погосты (саамские), адм. общн. *38, 220*
Лопский берег – см.: Западное Беломорье
Лоухский район *289*
Лопия земля – см.: Лопская земля
Лопь Дикая (Дикая Лопь), ист. обл. *38, 48, 76, 79–80, 213–214, 216, 275, 279–280, 282, 294, 305, 327, 386, 388, 391*
Лопь Лешая (Лешая Лопь), ист. обл. *38, 76, 213–214, 216, 275, 295, 399*
Лотошков, о. *101*
Луга, р. *199*
Лусское село *129*
Любек, г. *83, 105*
Людерев город – см. Або, г.
Люнген (Люнгестув), г., местн. *112*

Мазовия, ист. обл. *60*
Масельга, погост-место, волостка *276*
Маткачи, дер. *172*
Медвежа глава (Оденпэ-замок), г., креп. *157*
Мезень, р. *147*
Мещера, ист. обл. *378*
Миккели, ист. обл., губ. *6*
Молога, р. *157*
Молоди, местн. *370*
Монастыри:
– Александро-Свирский, Троицкий Александро-Свирский *229, 232, 343, 345, 350*
– Антониев, новгородский *73, 268, 355*
– Валаамский, Спасо-Преображенский Валаамский *236, 360*
– Важинская Задне-Никифорова пустынь на Важене-озере *53, 348–349, 426–427*
– Вашеостровская пустынь, Спасо-Преображенский Вашеостровский *349*
– Воскресенский в г. Кореле *375*
– Вяжицкий, Никольский Вяжицкий, новгородский *53, 100, 102, 193, 222–223, 340, 348, 351, 355, 426*
– Клименецкий, Троицкий Клименецкий *347, 350, 352*
– Колмов, новгородский *355*
– Коневский, Рождества пресв. Богородицы Коневский *234*
– Муромский, Успенский Муромский *222, 225, 344–345*
– Никольский Карельский, двинский *65, 330*
– Палеостровский, Рождества пресв. Богородицы Палеостровский (Палеостров) *40, 53, 192–193, 196, 199, 222, 225, 229, 232, 260, 322, 335–336, 344–345, 348–349, 351, 355*
– Печенгский, Троицкий Печенгский *219, 283, 291*
– Росткин девичий, Иоанно-Предтеченский Росткин, новгородский *263, 355*
– Соловецкий, Спасо-Преображенский Соловецкий (Соловки) *36, 48–49, 54, 58, 96, 100–102, 194, 204, 223, 225, 231, 255, 259, 270, 276–278, 282, 284, 286–289, 295, 297, 308, 311, 317–318, 320–322, 330–331, 341–342, 348, 377, 386, 388, 393–400, 408–410, 412, 433–434, 436, 454*
– Соломенский, Петропавловский в Соломенном *272, 350*
– Спасский Шальский *317*

– Тихвинский Богородицкий *53, 259, 335–336, 355, 426*
– Хутынский, Спасо-Хутынский Варлаамов, новгородский *268, 355*
– Шуйский Новодевичий *39, 173, 429*
– Юрьев (св. Георгия) на Городище, новгородский *144, 222, 232–233, 355*
Москва (Кремль), г., столица *7, 9, 12, 22–23, 38–39, 43–44, 47, 50, 56, 58, 73, 96, 98–99, 117–118, 125–126, 130, 132, 136–137, 142, 148, 184, 194, 202, 212, 218, 220, 222, 226–227, 229–231, 235, 250–253, 255–257, 263, 270–275, 282, 287, 289–290, 293–298, 300–301, 304–305, 308–309, 311–312, 315–317, 319, 323–328, 330–332, 334, 338, 344–349, 354–357, 360, 362, 364, 367, 369–370, 372, 374, 378–379, 382–386, 388, 390–393, 396, 398–399, 404–407, 410–412, 430, 439, 442, 446, 449–450*
Московия, Московское царство – см: Россия
Мурман, Мурманский берег, ист. обл. *30, 254, 275, 281–282*
Мурманская земля – см.: Норвегия
Мурманская область *65, 111, 292, 393, 453*
Мурманский конец – см.: Финнмарк
Мурманское море – см.: Баренцево море
Мустоево сиденье, дер. *181*

На Городище, дер. *153*
На Жаравице на Городище словет Титовская, дер. *153*
На Игое ж наволоке словет у часовни, дер. *185*
На Канзаозере (Кангозере), дер. – см. Кангозеро, дер.
На Коскосалме острове Ангилове горе, дер. *185*
На Кузре ж словет у часовни Михайловская, дер. *206*
На Мышьих черевах, вотчина *199*
На острове словет под Городищем у Жаравкене реке, дер. *153*
На Оште противу погоста словет Лукьяновская, дер. *206*
На Пяз-озере у часовни словет Аврамовская, дер. *206*
На черном лесу на дичи на Поязмоозере, дер. *281*
На Шим-озере словет Аврамовская, дер. *207*
На Шимо-озере у погоста, словет Мининская, дер. *207*
На Шуе реце на Ит-наволоке, починок – см.: Киндасово, дер.
Наволок, селище *150–151, 453*
Нагорная половина (полупятина) *257*
Над Окшицею ж (Над Окшицею ж, Плаксино тож на усть Уншицы реки; Над Окшицею, Плаксино тож на усть Ушинцы), дер. *172–173*
Нарва, г. *249*
Настасьинская боярщина *223*
Нева, р. *94–95, 107, 111, 113, 130, 236, 248–249, 253*
Нево – см.: Ладожское оз.
Нейгауз (Новый городок), г. *114*
Немецкая земля *88, 108*
Немецкая украина *376*
«немецкий рубеж» – см.: «свейский рубеж»
Неревский раскоп *97*
Нидерланды *393, 436*
Низовская земля – см.: Владимиро-Суздальская Русь
Низовская соха, община *206*
Новгород, Великий Новгород (Хольмгард), г. *12, 18–20, 25, 27–28, 37–39, 43–44, 46, 49–50, 52, 54, 56, 61–62, 68, 77, 79, 83–87, 95, 97–99, 101, 103–104, 108, 110, 113–114, 117–129, 131–133, 136–137, 139, 144–146, 149–151, 154, 156–158, 161–165, 176, 184, 187, 191, 194–195, 201, 203–206, 208–209, 212, 216, 225–226, 229–230,*

235–238, 248–252, 254–257, 260–262, 267–269, 271–274, 277, 285, 289, 292–293, 301–306, 308–313, 316–320, 324–333, 335–336, 338–340, 342–356, 358, 360, 362–363, 365–368, 376–377, 379, 381–382, 386–392, 397, 403, 407–412, 426–428, 435, 439–442, 447, 451–452
– Софийская сторона *269, 305, 311–312, 396*
– Загородный конец *195, 201*
– Людин конец *195, 200–201*
– Неревский конец *117, 165, 195–196, 198, 202*
– Торговая сторона *269, 305, 311–312, 381*
– Плотницкий конец *195, 201*
– Славнинский конец (Славна) *129, 195, 197–201*
Новгород-Северский, г. *370*
Новгородская земля (Новгородская область) *11–12, 17–19, 31, 39, 42–43, 49, 54–55, 63–64, 66, 74, 76, 82, 85–86, 98–99, 107–108, 110, 113–114, 117–118, 120, 125, 127–128, 131, 137, 143–144, 148, 153–154, 165–166, 174, 176–178, 188, 191, 213–215, 226, 234–235, 257–258, 269, 271, 301–302, 306, 308–309, 311, 319, 325–327, 329, 331–333, 335–336, 344, 357, 367, 388, 403, 405–406, 409, 435, 440–442, 448, 452*
Новгородская Русь, Новгородчина, ист. общность *12, 21, 39, 144, 173, 175, 271, 285, 316, 410*
Новгородский земской рубеж *47, 310, 429*
«Новгородское государство Швеции» *272*
Новгородские пригороды *113–114, 126–127, 129*
Новгородские пятины *11, 17, 19, 44, 215–216, 236–237, 249, 302, 320, 324–325, 349, 360, 374, 407–408, 439–440, 449*
– Бежецкая *311–312, 344*
– Водская (Вотская) *31, 43–44, 54, 68, 225, 228, 235–237, 242, 244, 249, 275–276, 282, 304, 311, 324–325, 349, 357–358, 374, 407, 415–416, 420–422, 429, 433, 435, 452*
– Деревская *117, 311*
– Обонежская *14, 42–43, 45, 47, 55, 75, 148, 173, 178, 218, 223, 229, 236, 257–259, 264, 269, 304, 310–312, 318–319, 324–326, 333, 335–337, 349, 361, 377, 407, 427, 429, 431, 433, 435*
– Шелонская *311*
Новгородский уезд *6–7, 31, 38, 46, 49, 51–52, 54–55, 58, 76, 169, 211–212, 214–216, 226, 234–237, 257, 259, 269–272, 275–276, 278–279, 287, 289–290, 295, 301–302, 305, 308, 310, 312, 318–320, 322, 325–326, 329–330, 332, 338, 354, 376, 385, 390, 406–407, 409–411, 427–429, 431, 452*
Новгородско-литовский рубеж *124*
Новоторжские губы *175*
Норботния – см.: Задняя Корела
Норвегия (Мурманская земля) *62, 87, 89, 92, 109–112, 282–283, 291–292, 294–295*
Нарва (Нарова, Норова), р. *72*
Нюхча, дер. *289, 342*
Нюхча, р. *172*

Обжа, р. *187*
Обонежская десятина *37, 163*
Обонежская Карелия, «Онего», Обонежская половина Карелии, Северное Обонежье, ист. обл. *6, 18, 21, 26, 29, 31, 33–34, 36–37, 39–40, 45–47, 75, 81, 103, 135, 143, 148–153, 155, 166–168, 171–175, 178–179, 181–183, 187, 189–192, 194–197, 199–201, 203–204, 209, 214, 257, 261–263, 332, 341, 343, 402–405, 407, 452*
Обонежская тысяча *38, 164–165, 188, 403*
Обонежский ряд (Обонежский

податной округ, Обонежье), адм. общн. *6, 8, 37–38, 155–156, 160–168, 171, 183, 191–192, 194, 199, 402–404*
Оденпэ-замок – см.: Медвежа голова, г.
Озерная область (край), ист.-геогр. регион *147, 149*
Окшица (Уншица-река, Ушинца), протока *172*
Олонга, р. *276*
Олонец (Олоньсь), местн. *159–160, 169, 188, 192, 197–198, 264*
Олонец (во Олонци), посел., погост-место, острог *58, 160, 179, 190, 274, 430*
Олонец, г. *173, 189, 443*
Олонецкая равнина (низменность) *159–160, 170*
Олонецкая губ. *152, 186, 348, 426, 437, 450*
Олонецкие дворцовые погосты – см. Заонежские дворцовые погосты
олонецкие земли *158, 219, 239*
Олонецкий край *14, 189, 219, 443, 450*
Олонецкий уезд *39, 173, 270, 390, 429*
Олонка, р. *160, 172, 187*
Ондозеро, оз. *79*
Ондрея Медведева да Ивана олончанина варница *271*
Онега, р. *11, 147–149, 153, 155–157, 187, 263, 281–283, 308*
«Онего» – см.: Обонежская Карелия
Онежско-Ладожское межозерье *168–170, 263*
Онежское озеро, Онего, оз. *3, 6, 29, 31, 40, 143, 147–151, 155–157, 168–169, 172–175, 178, 185, 187, 190, 193, 195, 203, 236, 239, 263, 267, 269, 344, 448*
Опричный удел (Опричнина) *47–48, 269, 310–311, 326, 337, 393, 429*
Орда, Золотая Орда *104, 126–127, 132, 184, 362, 405, 442*
Орден, Немецкий Орден *69, 84, 89, 157, 454*
Ореховецкий, о. *111*
Орешек, г. *111, 118, 124, 127–129, 131, 248, 250, 253, 255, 324, 360, 362–363, 365–367, 374, 379, 398*
Орешковский уезд *212, 234, 236–237, 255, 324, 365*
Орлец, креп. *187*
Островок над Окшицею (Островок над Окшицею Кондратовская; Островок над Окшицею ж Кондратовская), дер. *172–173*
Оулу (Улеаборг), г. *97, 217, 255, 293, 398*
Охта, р. *107*
Ошля, г. *159*
Ошта, погост-место *208, 258, 270, 273, 341, 343, 349, 351, 355, 410*
Ошта, р. *206*
Оштинское воеводство, адм. обл. *302*
Оять, р. *39, 159, 174, 179, 197, 203–204, 267, 442*

Паданы, погост-место, волостка, дер., село *80, 276–277*
Падмозеро, посел. *274*
Палий остров, о. *192*
Панозеро, погост-место, волостка *276–277*
Парандоев, зем. участок *102*
Паша, р. *143, 157, 165*
Пашозеро, оз. *165*
перевары:
– Кучезерская *80*
– Линдозерская *80*
– Соральская *141*
– Сунозерская *80*
– Чангольская на Иломанце *141–142*
Передняя Корела, адм. общн. *44, 68, 76–77, 117, 237–238, 240–243, 245–246, 249, 251, 356, 358, 402–404, 414, 420–422*
Переяславль-Залесский, г. *70, 144, 188*
Перт-остров, о. *217*
Петрозаводск, г. *21, 30, 439, 446*
Печенга, местн. *254, 294–295*
Печора, адм. обл. *38, 146*

Печора, р. *147*
Печорский край *147*
Пигозеро (Pühädärvi), оз. *168*
Пиелинен, оз. *141*
Пиен-Пюхяярви, оз. *77*
Пизмолакша, дер. *281*
Пиркиничи, местн. *198*
Плюса, р. *252–253*
Повенец, местн., посел. *152, 172, 193–194*
Поволховье, басс. *160, 192*
погосты:
– Андомский, Никольский Андомский *46, 169, 190, 200, 258, 260, 322, 335, 337, 344, 431*
– В Юсколе *167, 268*
– В Ярославичах *259*
– Важинский, На Свири, Воскресенский Важинский *47, 76, 167–168, 190, 197–198, 259–260, 265, 270*
– Валдутов *155–156*
– Варзуга *284*
– Веницкий, Ильинский Веницкий *168, 190, 197–198, 259–261, 267, 318, 344–345*
– Водлозерский, Рождественский (Рождества пресв. Богородицы) Водлозерский *47, 182, 185, 190, 199–200, 258–259, 269–271, 310*
– Выгозерский, Спасский Выгозерский *103, 177–178, 190, 196, 208, 229, 258–259, 281, 285–286, 311, 318*
– Вытегорский, Покровский Вытегорский *190, 200, 259–261, 318, 344*
– Городенский, Воскресенский Городенский *68, 74, 76–77, 239, 246, 414, 420, 422*
– Егорьевский с Кузаранды – см.: Толвуйская вотчина
– Иломанский, Ильинский Иломанский *44, 76–77, 80, 141, 231, 239, 243, 247, 292, 358, 371, 414*
– Ильинский на Олонце (владычный) *188*
– Имоченский (В Имоченицах, Ымоченитцкий, Вымолченский, Вымоченский на Ояти) *41, 177–182, 189*
– Кижский, Спасский Кижский *151, 168, 182, 190, 195, 197, 222, 259, 261, 263, 266, 318, 337–338, 347–348*
– Кирьяжский, Богородицкий Кирьяжский (Кюрьескыи) *44, 74, 76–78, 141, 166, 228, 239, 243, 245, 247, 356, 414, 417–419, 436*
– Койгушский (Койгуши) *261, 333*
– Купецкий – см.: *волость* Купецкая
– Кюлолакша (Кюлоласкыи) *77–78, 166*
– Линдозерский, Никольский Линдозерский *79–80*
– Липенский *377*
– Мегорский, Рождественский (Рождества Христова) Мегорский *190, 200–201, 259–260, 270, 318*
– Олонецкий (Во Олонци), Рождественский (Рождества пресв. Богородицы) Олонецкий *43, 47, 49, 75–76, 160, 167–168, 187–190, 195, 197–198, 205, 217, 223, 226, 259, 261, 263–264, 268, 338, 343, 355, 427–428*
– Остречинский, Рождественский (Рождества пресв. Богородицы) Остречинский *77, 168, 190, 200–201, 259–260, 345*
– Оштинский, Никольский Оштинский *47, 76, 190, 200–201, 206–207, 259–261, 265, 267, 269, 310, 344*
– Паданский, Никольский Паданский *79, 295*
– Панозерский, Ильинский Панозерский *79, 223, 280, 292, 295*
– Пашозерский 1*65, 208*
– Пелтушский (Пелтуши) *261, 333*
– Пиркинский, Рождественский (Рождества Христова) Пиркинский *76, 190, 197–198, 259–260, 270, 340*

– Пудожский, Никольский Пудожский *52–53, 152, 190, 199, 233, 258, 260, 318, 322, 426*
– Ребольский – см. *волость* Ребольская
– Ровдужский, Васильевский Ровдужский *76, 239, 243, 246, 414, 416, 420, 422*
– Ругозерский, Спасский Ругозерский (поморская волость на Ругозере) *79, 277, 281, 293*
– Саволакс (Севилакша) *77, 106, 112*
– Сакульский, Михайловский Сакульский *44, 74, 76–77, 239, 243, 245–246, 414, 416, 420, 422, 436*
– Селецкий, Спасский Селецкий *79–80, 292, 323*
– Семчезерский, Пречистинский Семчезерский *79–80*
– Сердовольский, Никольский Сердовольский *44, 76–77, 80, 140, 142, 243, 247, 358, 414*
– Соломенский, Воскресенский Соломенский, Салми *75–77, 135, 188, 239, 243–245, 264, 414*
– Спирков *155–156*
– Соцкий, Дмитриевский в Сотцких *257, 260*
– Терпилов *193*
– Тиурульский *255, 433*
– Толвуйский (в Толвуе), Егорьевский (св. Георгия) Толвуйский *39, 53, 173, 178, 181–182, 190, 192, 196, 222, 258–259, 261, 348, 426*
– Тудоров *155–156*
– Челмужский, Петровский Челмужский *179, 190, 195, 222, 258–259, 261*
– Шальский, Спасский Шальский, Шальская волость *190, 199, 222, 233, 258, 260, 316, 318*
– Шуеозерский, Ильинский Шуеозерский *79*
– Шуйский, Никольский Шуйский *77, 168–171, 178, 190, 197, 205, 259, 261, 263, 265, 337–338*
– Шунгский, Никольский Шунгский *181–182, 190, 196, 222–223, 229, 258–259, 261, 336–338, 355, 426*
– У Кокорки *167*
– У Пермина *167*
– У Тоивота *167*
– Эврепя (Огреба) *77, 106, 112*
– Яскис (Яскы) *77, 106, 112*
погосты карельские («корелские») *68*
погосты Новгородские *11, 113*
Подвинье, ист. обл. *38, 65, 147, 200, 263*
Полоцкая земля *82*
Польско-Литовское государство (первое) *130*
Польша, Корона Польская *130, 253, 281, 328, 367, 374, 380*
Поможе (Pomorze) – ист. регион (Польша) *282*
поморские волости, ист. р-н *280, 283, 286, 330*
Поморский берег *31, 40, 99–103, 178, 190, 204, 208, 409*
Поморье, ист. обл. и общн. *11–13, 17, 25, 30, 231, 242, 277, 279, 281–283, 285–287, 330, 335, 385, 393–396, 407, 412, 440, 445–446, 451*
Поной, р. *291*
поонежские волоки *146, 294, 449*
Поонежье, ист. обл. *38, 146, 148, 151, 154–155, 160, 187, 281–282, 294, 449*
Поросозеро (Порозеро), дер., волостка *39, 227, 292, 294*
Порхов, г. *256*
Порховский уезд *256, 269, 312, 337*
Похьос-Карьяла (Северная Карелия), ист. обл., губ. *6, 31*
Прибалтика *183, 249, 328, 370, 454*
Приладожская Корела (Карельское Приладожье, Северо-Западное Приладожье) *34, 43, 60, 67–68, 75, 77, 79–81, 98–99, 103, 116, 135, 138, 142, 214, 234–237, 248–249, 360, 364, 374,*

402, 404, 407
Приладожье *20, 31, 44, 70, 76, 152, 188, 197, 452*
Приозерск, г. – см. Корела, г.
Приозерский р-н *214*
Прионежье *155, 169, 171, 173, 176, 190, 205, 239, 266, 312, 452*
Приоятье *178*
Приполярье *38, 212, 287, 289, 291–292, 295, 308*
Присвирье, басс. р. Свири *3, 6, 29, 77, 143–144, 151–153, 155–156, 158–159, 167–168, 171, 174, 177–178, 184, 190, 192, 197–198, 201, 257, 263, 269, 403, 449*
Проккова-ламби, оз. *294*
Пруссия *14, 251, 327, 438*
Псков, г. *17, 20, 37, 64–65, 82–83, 85, 100–101, 104, 111, 114, 117–118, 121, 123–124, 127, 133, 139, 144, 176, 204, 218, 248, 288, 302–303, 371–372, 376, 427, 432, 435, 439, 441*
Псковская земля *82, 165, 175, 212, 454*
Псковский уезд *212, 375*
Псковское государство *213*
Псковщина, ист. обл. *173, 175*
Пудож, г. *153*
Пудожский уезд *186*
Пудожье, Пудога, Пудожский край, ист. р-н *149, 170, 186–187, 203–204*
Пужбола, вотчина *361*
Пустошь, дер. *74*
Путивль, г. *378–379*
путь «из Варяг в Греки» *144*
Пюхяйоки (Святая река), р. *77, 96, 113*
Пюхяярви (Святозеро, Отрадное), оз. *77*
Пюхяярви у Ууксу, оз. *77*
Пяозеро, оз. *288*
пятины Новгородские – см. Новгородские пятины

Рагола, дер. *74*
Рагнукса, р. *53, 322, 426*
Реболы, волостка, дер., слобода *292, 294–295, 358*
Ребольские волостки *294*
Ревель – см.: Таллин
Республика Карелия – см.: Карелия
Речь Посполитая *137, 248, 253, 255, 288, 293, 376, 380, 405*
Ржева, г. *159*
Рига, г. *149*
Ровкула, дер. *292, 295*
Рождественский приход на Олонце *264*
Россия (Русия, Российская держава, Российское царство, Московская Русь, Московское царство, Московия, государство Российское, Русское государство, Русское централизованное государство, Российская империя) *3, 6, 7, 9, 12–14, 16–17, 19–20, 22–25, 27–28, 30, 32, 35, 38–39, 43–45, 50, 55–58, 67, 73, 76, 82, 90, 94–95, 100, 103, 106, 114–115, 126, 129–131, 139, 141–142, 147, 175, 184, 187, 189, 196, 202, 210–213, 216–222, 225–228, 233–234, 237–238, 243, 245, 247–258, 262, 265–266, 271, 273–275, 282, 285, 287–288, 292–297, 299–300, 303–305, 308, 311–316, 323–328, 330–331, 335–337, 340–341, 347, 350, 355, 358, 360, 362–364, 366–367, 369, 373–377, 379–384, 391, 393, 397–398, 400, 402, 405–406, 408, 413, 417, 419, 422, 426–427, 431–433, 435, 454*
Ростов Великий, г. *144*
Ростово-Суздальское княжество *144, 157, 175*
Ростовская земля *82–83*
«рубеж Ивана Бухарина» («рубеж… Иванова межеванья Бухарина») *344*
«рубеж каянских немец» – см.: «Каянская межа»
Ругозерский острог *277*
Русса, Старая Русса, г. *118–119, 129, 133*
Русская земля – см. Древнерусское государство

Русский Север – см. Европейский Север России
Русь – см. Древнерусское государство
Рыбрека, р. *268*
Рыбрекская вотчина *268*
Рязанская земля *132*

Саво, ист. обл., губ. *6, 106*
Салми, мест. *75, 189, 239, 263*
Салминская община *75*
Сандомир, г. *129*
Санкт-Петербург, г. *21, 28, 250, 326, 444–445*
Сапосалма, погост-место, волостка, дер. *276, 292–293*
св. Георгия на Шимозере приход *207, 265*
Сванский Волочок, рядок, слобода *236, 238, 246, 356, 358, 415, 421, 422*
«свейский рубеж» («немецкий рубеж», «старый рубеж»), шведская граница, гос. граница *235, 251, 255, 274, 294–295, 357, 375, 399, 427, 437*
Сверская соха, община *206*
Свея, Свейская земля – см. Швеция
Свирь, р. *149, 155, 157, 168, 172, 197, 206, 249, 265, 267–268, 340*
Свияжск, крепость *364, 368*
Святозеро, оз. *168*
Святозеро – см.: Пюхяярви
Святозеро (Pühädärvi), оз., ист. р-н *168–169, 239, 265–266*
Святуха, зал. *178*
Святуха, р. *168*
Святуха (Pühäd'ogi), р. *168*
Северная Двина, р. *11, 65, 147–148, 153–154, 157, 172*
Северная Европа *21, 26–28, 35, 62, 144, 250, 254, 326, 444–445, 448*
Северная Карелия, губ. – см. Похьос-Карьяла
Северное Обонежье – см.: Обонежская Карелия
Северный Ледовитый океан (Ледовитое море) *3, 11, 172, 249, 254, 294, 450*
Север, Север России, Северная Русь – см. Европейский Север России
Северо-Восточная Русь – см. Владимиро-Суздальская Русь
Северо-Запад России, Северо-Западная Русь, ист. регион *17, 20, 31, 43, 45, 58, 63, 83, 88, 166, 203, 205, 221, 271, 315, 327, 337, 354, 410, 439, 441, 444, 446*
Северо-Западное Приладожье – см.: Приладожская Корела
Северное Приуралье *38*
Сегозеро, дер. *342*
Сегозеро, оз. *79*
Селецкая волостка с «Ужным концом» и «Северным концом», погост-место *80*
Семчезерская волостка с «Ужным концом», погост-место *80*
Семгозеро, оз. *80*
Серпухов, г. *377*
Сигтуна, г. *69*
Скандинавия *35, 73, 436, 452*
Смоленск, г. *132, 154, 163, 288, 364, 373, 379*
Смоленское княжество, великое княжество *175, 213*
Соболина, местн. *251*
Соколова, дер. *74*
Соловецкая вотчина *17, 220, 232, 452*
Соловецкий архипелаг *287*
Соловецкий вотчинный округ *6, 9, 211, 216, 220, 259, 275–276, 286, 289, 292, 295, 297, 330, 385, 397–398, 410–411*
Соловецкий острог, Кремль *220, 287–289, 294, 396–397, 410*
Сольвычегодский уезд *42, 335*
Сон-река, р. *81, 278*
Сорала, дер. *141*
Сорока, р. *321, 341*
Сортавала, г. *142*
Среднее Куйто, оз. *288*
СССР *15–16, 20, 27, 29, 42, 45, 48, 54, 62, 65, 67, 75, 148, 183, 204, 218, 240, 258,*

304, 310, 435, 437–438, 440, 450, 453
станы:
– Водлозерский *258–260, 332, 341, 428*
– Выгозерский *229, 232, 258–259, 263, 289, 305, 332, 338–339, 342*
– Олонецкий (владычный) *188–189, 332*
– Олонецкий, Олонецкий присуд *258–259, 261, 263*
– Ососьский *140*
– Оштинский *45–46, 169, 229, 257–260, 272, 319, 322, 332, 335, 341–342, 351, 428, 431, 435*
– Пудожский *258, 260*
– Турчасовский *38*
Старая Ладога – см. Ладога, г.
Старая Русса, г. *255, 285*
Старица, г. *326*
Старорусский уезд *234, 255*
Стокгольм, г., столица *227, 250–253, 255, 257, 293, 326–328, 363–364, 366, 379, 398, 408*
Столбово, дер. *255*
Студеное море – см.: Белое море
Суда, р. *157*
Суздаль, г. *70, 118, 148, 158*
Суздальская земля *82*
Суйсарь, село *176, 452*
Сума, р. *172*
Сума, Сумский посад, дер., рядок *283, 342, 396, 398, 446*
Сумский острог, креп. *220, 273, 288–289, 292, 396–397, 410, 412*
Суна, р. *79, 169–170, 266*
Суоярви, местн. *263*
Суоярви, оз. *77*
Сургубское, оз. *172*
Сухая Водла, р. *185*
Сухона, р. *148, 157*
Сыктывкар, г. *146*
Сысола, р. *146, 148*
Сямозеро, оз. *169, 187–188, 195, 203, 205, 265*
Сямозерье, ист. р-н *21, 30, 168, 172, 187, 205, 223, 239, 264, 266, 446*
Сяпся, р. *205*
Сясь, р. *152*

Таллин (Колывань, Ревель), г. *84, 133, 370*
Тайницкие ворота Кремля *370*
Тверское княжество, великое княжество *121, 126, 213*
Тверь, г. *118, 126, 175, 247, 363, 373*
тверские волости *175*
Тервозимская Весь, дер. *141*
Терский берег *290, 395*
Терский наволок, посел. *194*
Тесна (Тявзина), р. *254*
Тиверск (Тиверский городок), г. *20, 67, 114, 132*
Тикша, дер. *281, 293*
Тихвин, креп. *58, 273–274, 302, 354–355, 412, 430*
Тихвинский р-н *165*
Тобольск, г. *378*
Товручей, руч. *204*
Толвуйская вотчина (Егорьевский погост с Кузаранды) *222–223, 340, 351*
Толвуйская (Толвойская) земля, ист. р-н *102, 192, 194*
Толвуя, местн. *39, 340*
Толвуя, погост-место *177–178, 182, 189–190*
Топозеро, оз. *295*
Торжок (Новый Торг), г. *124, 126, 132, 175, 357*
Тудозеро, оз. *155*
Тула, г. *339, 369*
Тулмозеро (Тулмосозро), оз. *189*
Тулмозерская волостка, приход *75*
Тулома, р. *111*
Тулокса, р. *187–188, 197*
Турку – см: Або, г.
Тюжня, дер. *292*
Тюмень, г. *382*

У погоста Микитинская словет

Горбуновское, дер. *206*
У часовни *75*
Угра, р. *362*
Угра (Оугра) – см.: Югра
Укшозеро, оз. *172*
Умба, погост, место *282, 395*
Унежма, дер. *289, 342*
Уницкая губа, зал. *41, 172, 267, 427*
Уноские, о-ва *40, 344–345*
Уншица-река (Ушинца) – см. Окшица, протока
Урдома, г. *111*
Успенская выставка (Успенский приход) в Кондопоге *266, 444*
Устюг, г. *339*
Устьюг, местн. *83*
Ууксу, дер. *77*

Фенноскандия *21*
Фетьковское место Захарова, кр. участок *217*
Финляндия, Финская земля *27, 60–61, 65, 68–69, 72, 77, 80, 92, 96, 108, 113, 139, 141, 214, 217, 248–249, 253–254, 293–294, 366, 380, 396, 449, 451*
Финнмарк (Саамская марка, Мурманский конец), ист. обл., фюльке *87–88, 109, 111–112, 291*
Финский залив *77, 106, 121*
Франция *14, 251, 327, 438*

Халогаланд, ист. обл. *87–88, 109–110, 112*
Харлово седенье, дер. *181*
Хелюля (Гелюля), дер. *142*
Холмогоры, г. *273, 284, 393*
Хольмгард (Хольмгарды) – см. Новгород Великий, г.

Царьград (Константинополь), г. *130*
церкви (приходы):
– апп. Петра и Павла в Вирме *286*
– Воскресенья Христова в г. Новгороде *106*
– Воскресенская в г. Кореле *74*
– Георгиевская в Юсковичах *268*
– Георгиевская, св. великомученика Егория в Ладве Оштинского погоста *207*
– Георгиевская, св. Георгия на Шелтозере *268*
– Георгиевская на Шимозере Оштинского погоста *207, 265*
– Ильи-пророка в Панозере *277*
– Михаила Архангела в Сакульском погосте *74*
– над Тайницкими воротами Кремля *370*
– св. Климента папы Римского в Колежме *286*
– св. Николая в Новгороде *155*
– св. Николая в Оште *267*
– св. Николая в Пудожском погосте *53, 322, 426*
– св. Николая в Тулмозере *75*
– св. Николая в Суме (Соловецкой) *286*
– св. Николая в Шокше *268*
– св. Николая в Шуерецком (Шуерецкая церковь) *284, 307*
– св. Николая в Шуньге *181–182, 209, 218*
– св. Николая на Святозере *265*
– св. Николая на устье р. Выг *286*
– св. Николая Шуйская *266*
– св. Параскевы Пятницы в Суме (Пудожской) *53, 322, 426*
– Рождества пресв. Богородицы в Водлозерском погосте *185*
– Рождества пресв. Богородицы в Кирьяжском погосте *74, 78*
– Рождества пресв. Богородицы Остречинская *268*
– св. София Новгородская, собор *124*
– св. Троицы на устье р. Выг *286*
– Успения Богородицы в Кеми *284*
– Успения Богородицы в Кондопоге *266*
– Успения Богородицы в Ладве *268*
– Успения Богородицы в Суме (Соловецкой) *286*
– Успения Богородицы на Соловках *284*
– Успения Богородицы на Сямозере *264–265*

Цыбуев наволок, дер. *181*

Часовня св. Николая на устье р. Выг *286*
Чернигов, г. *370*
Черниговская земля *82*
Чёлмужи, погост-место *151, 342*
Чёлмужская вотчина *177*
Чирко-Кемь, дер. *281*
Чолка, дер. *292*
Чудское городище, дер. *146*
Чудь *88*

Шведская Карелия *214, 366*
Швеция (Свея, Свейская земля), Шведское королевство, Шведское государство *7, 14, 16, 27–28, 30–31, 39, 43, 49–51, 55–58, 63, 68–69, 72–73, 77, 80, 83, 88, 93–94, 97, 105, 108, 110–114, 123, 127–128, 134–135, 138–139, 142, 179, 189, 214, 218–220, 225–227, 233, 236–238, 244–245, 247–253, 256–257, 267, 276, 287, 291, 293–295, 326–328, 331, 355, 358, 360, 363–364, 366–368, 370–371, 373–375, 377, 379–384, 398–400, 402–404, 406, 408–409, 411, 424, 427, 429, 437–439, 445–446, 453–454*
Шелтозеро, оз. *268*
Шелтозерская вотчина *268*
Шексна, р. *157*
Шенкурск, г. *358*
Шокша, дер. *268*
Шокшинская волостка – см. *волость* Шокшинская
Шизня, р. *208*
Шимозеро, оз. *207, 265*
Шимозерские волостки *207, 265*
Шимозерье, ист. р-н *266–267*
Шуерецкое (Шуя, Никольский погост), погост-место *102, 280, 283, 386, 389, 426*
Шуйский острог *273–274*
Шунгская вотчина *232, 259*
Шунгский (Никольский) острог *273–274*
Шуньга, погост-место, местн. *172, 177–178, 181–182, 186, 333, 342*
Шуя (беломорская), р. *189–190, 276, 278, 284*
Шуя (онежская), р. *169, 171, 173, 187–188, 197, 203–205*
Шуя-Верховье, пос. *173*

Щецин, г. *149*

Эстерботния – см.: Восточная Приботния
Эстония *72, 84, 249, 252, 372*

Юго-Восточное Приладожье *29, 62, 143, 156, 447*
Югра (Угра), ист. обл. *146, 149*
Юсковская волостка – см.: *волость* Юсковская
Юшкозеро, дер. *292*

Якимовские Ладвинские деревни *207*
Яковлево Сиденье, село *53, 348, 426*
Ям, г. *131, 252–253, 255, 324, 349, 360, 372*
Ямской уезд *212, 234, 236, 255, 324*
Яренский уезд *146, 435*

Anus, Aunus, местн. *160*

Gardariki, Гардарики (Русь, Новгород) *61*

Karjala – см. Карелия
Kexholms Lhänn – см. Кексгольмский лен
Kirjalaland, Кирьялаланд (земля карелов) – см. Карелия
Kjölr – см. Кьёлен

Northern Finland (Северная Финляндия) *65, 465*

Old Rus (Древняя Русь) *26, 62, 443*

Pomorze – см.: Поможе (польское Поморье)
Pühädärvi, оз. – см. Пигозеро, оз.
Pühädärvi, оз. – см. Святозеро, оз.
Pühäd'ogi, р. – см. Святуха, р.

Rakwerre, местн. *84*

Именной указатель[1]

Абрамович Г. В. 136, 138, 303, 439
Авраамка, летописец *34, 136, 434*
Аврамов Василий Сапун (Сапунец) Тихонович, под., большой думный д., воев. *381–382, 424*
Аврамов Тихон Иванович, выборный г., денежный сборщик *317–318*
Агалин Василий, пис. *48, 242, 290, 392–393, 437*
Агапитов В. А. 29, 150, 439
Адашевы, дворянский род *362, 425, 448*
Адодуров Федор, г. *372–373, 424*
Аекуев, кр. *182*
Аксаков Леонтий, пис. *46, 168–169, 270, 334, 431*
Аксельсон Эрик, намест. *139*
Аксинья, вотч. *198–200*
Александр Захарьевич, бояр. *376*
Александр Михайлович, вел. кн. Тверской, вел. кн. Владимирский *118*
Александр Наримонтович, намест. *127*
Александр Самсонович, бояр., вотч. *199*
Александр Тимофеевич, вотч. *193, 196–197, 199*
Александр Фоминич Царский, бояр., степенный посадник *149*
Александр Ярославич Невский, вел. кн. Киевский и Владимирский *66, 69, 72, 87–88, 92, 104, 157, 162–163, 188, 454*
Александров А. М. *14, 384, 432*
Алексеев А. А. 35, 448
Алексеев Ю. Г. 17–18, 20, 22, 27–28, 42, 98, 218, 251, 300, 315, 360–361, 363, 439–440, 451
Алексей Михайлович, царь *302*
Алексей Старого, д. *312*
Алексей Фатьянов, старец *193*
Алексий, игумен *341*
Алферьев Р. В., печатник *369*
Амелина Т. П. *31*
Амосов А. В. 18, 439
Андерсон И. 27, 439
Андреев А. И. 15, 50, 276, 314, 433, 449
Андреев В. Ф. *19, 440*
Андреев И. Л. 23, 300, 440
Андрей Александрович, вотч. *193*
Андрей Александрович Городенский, вел. кн. Владимирский *104–105, 107–108, 121*
Андрей Андреевич, тысяцкий *122*
Андрей Владимирович, кн. Углицкий *162*
Андрей Григорьевич Посахнов, вотч. *197–198*
Андрей Иванович, намест. (фогт) *139*
Андрей (Ондрей) Медведев, кр.-солевар *217*
Андрей Михайлов, под. *336, 426*
Андрей Тимофеевич, вотч. *198*
Андрианова-Перетц В. П. 137, 435
Андронов Иван Семенович, кр. *393*
Аннинский С. А. *14, 157, 384, 432, 437*
Антонов А. В. *338*

[1] *Принятые сокращения:* «архиеп.» – архиепископ, «бояр.» – боярин, «вел. кн.» – великий князь, «воев.» – воевода, «военач.» – военачальник, «вотч.» – вотчинник (вотчинница), «г.» – голова, «д.» – дьяк, «дв.» – дворянин, «еп.» – епископ, «кн.» – князь, «кр.» – крестьянин, «митр.» – митрополит, «намест.» – наместник, «пис.» – писец, «под.» – подьячий, «пос.» – посол, «св.» – святой, «своезем.» – своеземец.

Апраксин Федор, д. *52, 348, 426*
Апрелевы, помещики *336*
Артемий Оря, староста *177*
Арциховский А. В. 37, 71, 78, 97, 143, 157, 166, 183, 203, 208, 432
Арцыбашев Андрей, д., пос. *330*
Астафий Васильевич, вотч. *193*
Афанасий, кр. *224*
Афанасий Астафьевич Груз, посадник *197–198*
Афанасий Есифович, посадник *100*

Баданов В. Г. 17, 446
Базилевич К. В. 27, 325, 440
Байгузин Р. Н. *19, 439*
Бакланов Илья Васильев сын, посадский староста *223, 318*
Баклановский Иван Иванович, воев. *273*
Балагуров Н. А. *16, 450*
Балакшин Василий, городчанин, житьий *116–117*
Балакшин Степан, своезем. *116*
Баннер Стен, пос. *254*
Бантыш-Каменский Н. Н. 14, 27, 251, 280, 327–328, 367, 375, 428, 438
Барай-мурза – см. Кутумов Барай
Баранов К. В. *42, 178, 257–258, 319, 335, 435*
Барсов Н. П. 147, 440
Барыш Полец (Барышполец), военач. *273–274*
Басарга Федорович Леонтьев – см. Леонтьев Басарга-Истома Федорович
Батый (Бату), хан *163*
Бахрушин С. В. *117*
Бегунов Ю. К. *69, 454*
Безнин-Нащокин Михаил Андреевич, думный дв., воев. *371–374, 424*
Безобразов Алексей Иванович, дв. по выбору, воев., пос. *382, 424*
Безобразов Иван Романович, пос. *376*
Безобразов Меркурий Иванович, дв. по выбору, воев. *377–378, 424*
Безобразов Семен Владимирович, пос. *376*
Безобразов Степан Осипович, дв. по выбору, дв. московский, пос., воев. *375–377, 424*
Безобразов Харитон-Истома Осипович, намест. трети Московской *376*
Безобразовы, дворянский род *376*
Беклемишев Иван Васильев сын, пис. *47, 335*
Белеутов Василий Иванович, воев. *379, 424*
Белоголов-Ростовский В. И., кн., сборщик *357*
Белозерский В. М. 186
Бельский Д. Г., кн., воев. *398*
Беляев И. Д. 12–13, 221, 391, 440
Бережков Н. Г. 35, 64, 89, 94, 105, 124–125, 136, 147, 440
Берладский князь *64*
Бернадский В. Н. 16, 18, 40, 98, 103, 191, 434, 440, 450
Бернштам Т. А. 30, 281–283, 440
Бертенев Д. М., д. *356*
Бертенев Л. И., д. *396*
Биричев Федор Захарьев сын, староста *53, 322, 426*
Бируни, купец *151*
Бобров А. Г. 35, 448
Бобров Иван Дмитриевич, дв. *362*
Бобров Иван Иванович, намест. *362, 364, 423*
Богданов Н. И. 29, 440, 452
Богословский М. М. *13, 50–51, 147, 231, 258, 279, 313, 317, 390, 440*
Бойе Нильс Йорган, пос. *254*
Болотников Иван, предводитель восстания *379*
Борис Василькович, кн. Ростовский *162*
Борис Дмитриевич Зубарев, вотч. *200*
Борис Кижанинов, купец *149*
Борис Константинович, кн., намест. *120–123*

Борис Константинович, кн. Нижегородский *159*
Борис Федорович Годунов, бояр., царь *23, 247–248, 288, 313, 315–316, 347, 351, 376–378, 381, 430, 450*
Борисов Н. С. 25, 440
Борисов-Бороздин Григорий Никитович, бояр., намест., воев. *364–365, 373–374, 379, 423–424*
Борисов-Бороздин Никита, окольн. *373*
Борисовы-Бороздины, боярский род *373*
Борковский В. И. 37, 71, 78, 97, 143, 157, 166, 203, 208, 432
Борковы, вотчинники *102*
Бояринок лопин, кр. *281*
Брюсов А. Я. *15, 382, 438*
Бубрих Д. В. 28–29, 79, 239, 440
Буганов В. И. 24, 55, 436, 440, 446
Буйносов-Ростовский Иван Иванович, кн., воев. *367, 423*
Буйносов-Ростовский П. И., кн., воев. *368*
Буланов В. Н. 65, 147, 440
Булгаков Инша Васильевич, пис. *44*
Булгаков М. Б. 7, 25, 360, 411
Булгаков-Куракин Федор Андреевич, намест., воев. *310, 368*
Бурак Филипп Андронович, староста, земской судья *231, 321*
Буров В. А. 19, 164–165, 441
Буссов Конрад, писатель *378, 433*
Бутвило А. И. *446*
Бутурлин Иван Иванович, воев., намест. *364–365, 423*
Бутурлин Иван Никитович, бояр. *365*
Бутурлин Федор Никитович, бояр. *365*
Бухарин Иван Ишук Иванович, дворцовый д. *344*
Бычкова М. Е. 24, 369, 441

Валеров А. В. 20, 83, 441
Валит Корелянин, воев. *128*
Валк С. Н. 27, 37, 144, 177, 432, 454
Вальтир, брат Претта-Пальса, норвежский военач. *109*
Вареев А., д. *332*
Варлаам Белковский, митр. *53, 307, 426*
Варлаам Важский, преподобный *19*
Вартберг, хронист *114*
Василий, император *85*
Василий I Дмитриевич, вел. кн. Владимирский и Московский *65, 130–132, 135*
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. Владимирский и Московский *126, 136, 191*
Василий III Иванович, вел. кн. *49, 51, 73, 81, 213, 279–280, 291, 295, 304–305, 308, 340–341, 360–361, 364, 386, 390, 396, 428, 430, 432*
Василий Иванович Шуйский, царь *52, 255–256, 289, 302, 329, 379–380, 382–383, 398, 425, 431*
Василий Калека, инок, архиеп. *124–125*
Василий Лукин, под. *388*
Василий Офоносов, бояр., вотч. *193*
Василий Стоивор Глебов, кр. *177*
Василий Тимошкин, кр. *181*
Василь, староста *190, 208*
Васильев Ю. С. 147
Васильчикова Анна Григорьевна, княжна *371*
Васильчикова (урожд. Засекина) Анна Петровна, княжна *371*
Васюк Шелепин, вотч. *197–198*
Ватинский Никита, губной староста *223*
Великий Никита Васильевич, дворцовый д. *344*
Вельют, кр. *183*
Вельютовы, крестьяне *182*
Вельяказ, кр. *182*
Вельяминов Василий Меньшой Андреевич, волостель *339*
Вельяминов И. Д., пис. *344*
Вельяминов Леонтий Андреевич, воев. *273*

Вельяминов Мирон Андреевич, чашник, воев. *332*
Вельяминов-Зернов Обиняк Иван Андреевич, воев. *339*
Вельяминов-Зернов Обиняков Дмитрий Иванович, дв. московский, окольничий, пос., воев. *339, 375–376, 424*
Вельяминовы, боярский род *361*
Вельяшов Н. Е. (Нехороший Вельяшов), дворовый приказчик *273*
Вербышев В., вологжанин *302, 381*
Веселовский С. Б. 22, 24, 272, 339, 361–362, 370, 372–374, 376–377, 381–382, 425, 441
Видекинд Юхан 14, 28, 295, 383–384, 432
Винокурова И. Ю. *441*
Витов М. В. 31, 65, 174, 441
Витовт, король, вел. кн. Литовский *129–130, 132–133, 137*
Вихтимас, кр. *182*
Вишурин Семен Федорович, д. *312*
Владимир Василькович, кн. Волынский *96*
Владимир Волох, кн., бояр. *361*
Владимир Мстиславич, кн. Вяземский *132*
Владимир-Василий I Святославич, вел. кн. Киевский *154*
Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. Киевский, кн. Новгородский *64*
Владимир Ярославич, кн. Новгородский *60*
Владислав, король *96*
Власова И. В. 31, 174, 441
Внуков М. В., сборщик *357*
Водников Ермолай Максимович, вотч. *193*
Водников Максим Иванович, вотч. *193*
Водников Мартемьян Родионович, вотч. *193*
Водников Савва, целовальник *194*
Водниковы, вотчинники *193–194*
Воейков Петр Иванович, кн., пис. *46–47, 169, 219, 270–271, 322, 335–336, 355, 431*
Возгрин В. Е. 49, 291, 308, 432
Воземут, кр. *182*
Вокшерин Сумарок, д. Казны *306*
Волков В. А. 86, 363, 366, 441
Воломский Богдан, под., сыщик *49–50, 267, 323, 400*
Волос Петров, кр. *181*
Волынский Иван Михайлович, дворецкий *306*
Воротынские, князья *369*
Воротынский Михаил Иванович, кн., воев. *370*
Воскобойникова Н. П. 146, 330, 435, 441
Всеволод Мстиславич, кн. Смоленский, кн. Новгородский, кн. Псковский *61, 64, 154, 163*
Всеволод Ольгович, вел. кн. Киевский *156*
Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн. Суздальский *90, 144*
Вымольцы, карельский род *97–98*
Вышеславский Никита, межевой судья (пос.) *49, 226, 428*
Вышеславцев Никифор Федорович, волостель *339*
Вяземский Иван Михайлович, кн., г. *372, 424*

Гадзяцкий С. С. 14–15, 62, 118–119, 441
Гален Я. *111*
Галицкие князья *123*
Гальперин Г. Б. 330, 442
Гваньини А. 19, 287, 432
Гедимин, вел. кн. Литовский *124*
Гедиминовичи *88*
Гейман В. Г. 14, 40, 190, 220, 307, 434
Геннадий Гонзов, архиеп. *100–101, 204, 306, 427*
Генрих Латвийский, хронист *157*
Герберштейн Сигизмунд, пос. *19, 73, 432*

Герд А. С. 174, 442
Герман К. Э. 150–151, 453
Гицур Галли, данщик *109*
Глазырина Г. В. 35, 62, 442
Глеб Святославич, кн. *147, 151*
Глебов Моисей Федорович, воев. *267*
Глебов Никита Данилович *56, 249, 369, 425, 430*
Глинский Михаил Васильевич, кн., бояр., намест. *326–327*
Гневашев Яков, под. *46*
Гневушев А. М. *12, 52, 57, 99, 255–256, 329, 380, 382, 398, 431, 442*
Годунова Ксения Борисовна *73*
Годуновы, боярский род *361, 376*
Головин Ерофей Кузьмич, посадский *375*
Головин Семен, воев., пос. *329*
Голохвастов Иван Молчанов сын, дв. *339*
Голубева Л. А. 157, 442
Голубцов И. А. *194*
Гордиенко Э. А. 25, 305–306, 442
Горн Еверт, пос. *254*
Горская Н. А. 45, 442
Горский А. А. 18, 20, 82, 85, 175, 362, 442
Горский А. В. *101, 204, 427*
Гостил, кр. *182*
Градовский А. Д. 12, 300, 313, 442
Греков Б. Д. 12, 16, 66, 80, 134, 156, 217, 239, 347, 433, 442
Григорий, тиун *37, 449*
Григорий IX, папа Римский *83*
Григорий Кириллович Посахно, бояр., посадник *197*
Григорий Моисеевич, вотч. *193, 196*
Григорий Никитич Ногаткин, вотч. *200*
Григорий Отрепьев – см.: Лжедмитрий I
Григорий поп *207*
Григорий Семенович, бояр. *41, 177, 179–180, 193, 195, 218*
Гридя Васильев сын Нестеров, кр. *388*
Гришина И. Е. 80, 450
Гундоров Иван Федорович (Гундор, Иван Гундос), кн., воев., намест. *361–363, 423*
Густав I Ваза, король *250–251, 326, 365*
Густав II Адольф, король *293, 331*
Гюрята Рогович, новгородец *146*

Даниил Александрович, кн. Московский *104–105*
Даниил Заточник *148*
Данилевский И. Н. 19
Данилова Л. В. 15–17, 21–22, 41, 117, 134, 177, 180–182, 200, 442
Даньслав Лазутинич (Данслав Лазутич), данщик *92, 158*
Делагарди Понтус, граф, намест., военач. *252–253*
Делагарди Якоб, граф, военач. *256, 273, 294, 331, 383–384, 433, 437*
Джаксон Т. Н. 26, 35, 61–62, 87, 152, 236, 433, 442–443
Дионисий II, митр. *213*
Дмитриев Л. А. 83, 435
Дмитриева З. В. 42, 45, 104–105, 161–164, 443
Дмитрий Александрович, кн. Новгородский, вел. кн. Владимирский *88–90*
Дмитрий Васильевич, тысяцкий *100, 192–193*
Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. Владимирский и Московский *96, 129, 159*
Дмитрий Михайлович Тверской, вел. кн. Владимирский *111*
Дмитрий Романович, кн. Брянский, намест. *108*
Дмитрий Углицкий, удельный кн. *361*
Дмитровские князья *123*
Добрынин Ляпун, подьячий, пис. *178, 333, 435*
Довмонт-Тимофей, св., кн. Псковский *88, 121, 127*
Долгоруков Иван Михайлович, кн.,

пис. *52, 259–260, 428*
Дорофей, игумен *349, 427*
Дорофей Данилович Слизин, вотч. *201*
Дружинин Е. И. *15*
Дубровский П. П. *34, 325, 434*
Дьеки Петер, фогт *139*

Евсей Иванов сын, кр. *388*
Едемский И. В., городовой приказчик, своезем. *359*
Екатерина Ягеллонка, принцесса *328*
Елецкий Андрей Васильевич, кн., г. *372, 424*
Елисей Константинович, кн. Копорский, степенный тысяцкий *131, 149*
Емельянко, церковный дьячок *207*
Енин Г. П. 25, 313–314, 443
Ермола, дворцовый д. *306*
Ермола Лентеев (Ермолай Леонтьевич), вотч. *193*
Ефим Анисимов, данщик *291*
Ефстафий Дмитриевич Бабкин, бояр., вотч. *204*

Жербин А. С. 20, 32, 67, 99, 204, 384, 443
Жеребятичев Афанасий, пис. *46, 168–169, 270, 334, 431*
Жидил, кр. *182*
Жуков А. Ю. 7, 17–18, 21, 23, 26, 28, 30, 55, 68, 70–71, 103, 111, 120, 123, 135, 163, 173, 189, 196, 200, 212, 218–221, 226–227, 231, 250, 264, 266, 269, 273–274, 282, 284, 286, 291, 294, 302, 326, 355, 359, 400, 433, 443–446, 451

Заболоцкий Григорий Васильевич, намест. *38, 191*
Зайков П. М. *123*
Зайцева М. И. *266*
Зализняк А. А. 37, 97, 122, 174–175, 183, 438
Замойский Ян, коронный гетман *288*
Замятин Г. А. 27–28, 249, 273–274, 331, 375, 381–384, 445
Засекины-Ярославские, княжеский род *371*
Захар Морозов, житьий, вотч. *200*
Захарова О. А. 26, 173, 189, 264, 284, 451
Захарьины, боярский род *193*
Звенигородский Иван Петрович, кн., пис., дв., намест., окольничий *364–365, 423*
Звяга Софонов, дворцовый д. *304*
Зезевитов Федор, волостель *305, 338–339*
Зерновы-Вельяминовы, боярский род *339, 376*
Зимин А. А. 22–24, 57, 212, 300, 303, 307–308, 311, 313, 330, 339, 358, 363, 396, 432, 437, 445–446, 449–450
Зубовский Василий Михайлов, староста, земской судья *231*
Зубок Засекин-Ярославский Григорий Осипович, служилый кн., дв., г. *371–373, 423–424*
Зюзин Алексей Иванович, думный дв., пос. *257*
Зюзин Никита *56, 377, 430*

Иаков-черноризец *72, 435*
Иван III Васильевич, вел. кн. *12, 28, 38, 49, 76, 98, 115, 117, 136–137, 146–148, 194, 211–213, 215, 221, 234–236, 238–239, 251, 275, 300–302, 306, 314, 324–325, 356, 360–363, 373, 378, 385, 406, 430, 439, 449*
Иван IV Васильевич Грозный, вел. кн., царь *22, 24, 35, 38, 53, 57, 76, 98, 137, 148, 213, 219, 222, 225, 229–230, 235, 237, 247, 250, 252, 258, 269, 275, 277, 279–280, 282–283, 285, 287, 290–291, 301, 305, 307–314, 316–319, 326–328, 330, 336–339, 341–343, 345–346, 348, 357, 360–361, 364–374, 381, 387–389, 391, 394–397, 426–428, 430, 435, 439, 445, 450, 453*

Иван Алексеевич, царь *361, 430*
Иван Ананьевич Берденев, бояр., вотч. *199*
Иван Афанасьевич Патрикеев, бояр., посадник, вотч. *198, 200–201*
Иван Васильевич Немир Шенкурский, бояр., вотч. *199*
Иван Васильев, д. *426*
Иван Владимирович, служилый кн. *136*
Иван Герасимов, кр. *177*
Иван Григорьевич, посадник *198–199, 224*
Иван Данилович Калита, вел. кн. Владимирский и Московский *125–128*
Иван Данилович Слизин, вотч. *201*
Иван Девятый, вотч. *197*
Иван Захарович Овинов, бояр., посадник, вотч. *198–199*
Иван Кондратов, кр. *181*
Иван Корнильев, пономарь *53, 322, 426*
Иван Лаврентьев *198*
Иван Матфеев сын Холщевник, староста *388*
Иван Махонин, под. *48*
Иван Моисеевич, вотч. *193, 196*
Иван олончанин, кр.-солевар *217*
Иван Роккачу (Рогачев), кр., староста, военач. *293*
Иван Руготин, под. *389*
Иван Сулгопяев, вотч. *278*
Иван Таин, кр. *181*
Иван Широкий Яжжинский, вотч. *199*
Иван Яковлевич, помощник наместника (бефогт) *139*
Иванко Ефремов олончанин, кр.-солевар *217*
Иванко Кюлмячев, кр.-солевар *217*
Иванов В. И. 17, 396, 446
Ивашка Безымянный лопин, кр. *281*
Ивашка Койвуль лопин, кр. *281*
Игнат Михаилович, новгородец *150*
Игнат Молыгин, военач. *110*
Игнатий Игоча Перфильев, кр. *177*
Игорь, кн. Киевский *85*
Изяслав Мстиславич, вел. кн. Киевский *63–64*
Илларион Русин, митр. *71*
Иоанн, еп. *144*
Иоанн II Подром Грек, митр. *72, 435*
Иоанн III Порфирьев, архиеп. *133*
Иоанн Цимисхий, император *89*
Иоасаф Скрыпицын, митр. *264*
Иосиф, игумен *53, 322, 426*
Ирина Федоровна, царица *378*
Исайя, игумен *278*
Исак Андреевич Борецкий, посадник *196*
Исак Левонтьев, житьий, купец *117*
Исачко Ильин, кр. *217*
Истомин-Нащокин Семен Федорович, воев. *366–367, 423*

Йоренссон Тонне, губернатор *382–383*

Казимир IV, король *136*
Казы-Гирей, хан *376*
Калитин Федор Васильевич, излюбленный г. (губной староста) *228, 243, 246, 356, 417*
Калтоев Борис, вотч. *102*
Карамзин Н. М. 11, 105–106, 446
Каринцев Н. А. *27, 439*
Карл IX, герцог Зюдерманландский, король *253, 255, 375, 379–380, 383*
Карп, вотч. *102*
Карп Фомин, человек князя великого *278*
Карпик Анфилофьев, кр. *217*
Карпик лопин, кр. *281*
Карташев А. В. 136, 446
Касьян, строитель *350*
Катаяла К. 255
Каштанов С. М. 22, 24, 50, 234, 251, 359, 363, 441, 447
Квашнин Оталык Иванович, воев., осадный г. *372–374, 424*
Кивал Тоивод, кр. *181*
Кижáнин, купец *150–151*
Киприан Сербианин Цамблак, митр. *130*

Кирик, иеромонах *73, 432*
Кирила Назарьев, староста *49, 51, 323*
Кирилл II Грек, митр. *70, 161*
Кирка, кр. *181*
Киркинен Х. 32, 69, 97, 112–113, 127–128, 140, 238, 249, 251–252, 443, 447, 455
Кирпичников А. Н. 45, 69, 447, 454
Китаев Дмитрий Васильевич, пис. *54, 224, 235, 324–325, 407, 429*
Клейненберг И. Э. *83*
Клементьев Е. И. *28, 451*
Клобуков Андрей, д. *356–357*
Клобуков Григорий Иванович, д. *328*
Клушин Семен, пис. *44, 228, 242*
Ключевский В. О. *12, 19, 147, 158, 304, 447*
Кнутссон Торгильс, шведский маршал *106*
«князь Юрик» *145*
«князья копорейские» *150, 455*
Кобелев Григорий, д. *378, 424*
Кобелев Дмитрий, под., дозорщик *48*
Кобзарева Е. И. 28, 447
Кобрин В. Б. 304, 447
Кобылин В. К. – см. Сухово-Кобылин
Коваленко Г. М. *28, 273, 331, 445*
Козлова Г. Г. *287*
Кокорка, старейшина *167*
Колесников П. А. 16–17, 42, 166, 333, 446–447
Колударов Василий Григорьевич, дворцовый д. *350*
Колычев Лобан Иван Андреевич, кн., намест. *362*
Кондратий, кр. *224*
Коновалова И. Г. *35, 433*
Константин, император *85*
Константин Дмитриевич, кн. Углицкий, служилый кн. *135*
Константин Иванович, кн. Белозерский, служилый кн. *131, 149*
Копанев А. И. 16–17, 284, 393, 395, 447
Копанкины, род своеземцев *173*
Копнин Мина-Третьяк – см.: Репьев-Копнин Мина-Третьяк
Копылов Семен, под. *259, 428*
Кораблев Н. А. 17, 32, 446
Корецкий В. И. 35, 243, 350, 393–394, 437, 447
Корнид Иевлев, д. *379, 424*
Корнилий, старец-судья *233*
Корсаков Лука Васильевич, волостель, намест. *338–339*
Корсаков Семен Васильевич, волостель, намест. *339*
Косвен М. О. 80, 447
Косменко М. Г. 28, 30–31, 185, 440
Костиев Феликс Конанов сын, вотч. *101–102*
Костомаров Н. И. 13, 447
Кочин Г. Е. 184, 218–219, 447
Кочкуркина С. И. 28–29, 31, 35, 60–61, 65, 90, 94, 111, 125, 143, 151–152, 185, 236, 433, 440, 447–448
Кошелковы, своеземцы *199*
Кошечкин Б. И. 30, 282, 448
Краснопольская Т. В. 30, 187
Кривошеев Ю. В. *454*
Кривякин Третьяк, судья *344*
Криничная Н. А. 40, 145, 448
Кристенсен С. О. 73
Къст…, соцкий *166*
Куза А. В. 19, 62–63, 65–66, 153, 155–156, 161, 448
Кузнецов Иван Федоров сын, целовальник *53, 322, 426*
Кузнецова В. П. 30, 41, 185–186, 431
Кулибакин Федор, приказной *357–358, 448*
Кузьма Астафьевич, посадник *198*
Кузьма Вангин, вотч. *197*
Кузьмин В. Я., вотч. *325*
Кузьмина Л. Ф. *436*
Кузьмина О. В. 25, 448
Кузьмины-Караваевы, помещики *325*
Кусаков Л. А., недельщик *342*
Кутумов Барай Алиевич (Барай-мурза),

мурза, военач. *58, 274, 430*
Кучкин В. А. 96, 118, 123, 153–154, 448

Лаврентий, летописец *70, 176*
Лаврентий Панфильев (Панфилович) Селифонтов, вотч. *197*
Ларион Алексеев, кр. *39, 292*
Ласкирев Дмитрий Федорович, дворецкий *344*
Лговский Иван, пис. *46, 169, 219, 322, 335–336, 355, 431*
Лебедев Г. С. 26, 62, 66, 144, 166, 448
Ленин (Ульянов) В. И. *15*
Леонтьев А. К. 23, 307–308, 448
Леонтьев Басарга-Истома Федорович, опричник *317, 393–395*
Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев), «Дмитрий Иванович», царь *54, 325, 376, 378–379*
Лжедмитрий II (Тушинский вор) *255, 302, 381*
Либерзон И. З. 40, 204, 434
Лизунов Пятый, недельщик *342, 346*
Линд Дж. *111, 294*
Линден З. *27, 449*
Линевский А. М. 15, 40, 434
Лисейцев Д. В. *331, 435*
Лихарев Максим Васильевич, воев. *292–293*
Лихачев Андрей, пис. *45, 178, 224, 333, 435*
Лихачев Д. С. 35, 83, 137, 435, 448
Лихачев Н. П. 49, 57, 260, 337, 339, 362–363, 382, 425, 432–434, 448
Лобакова И. А. 287, 434
Лобан-Колычев Иван Андреевич, кн., намест. *306*
Лобанов-Ростовский Петр Семенович, кн., воев. *252*
Логинов К. К. 29–30, 183, 185, 439, 448
Лопинков, кр. *183*
Лошаков-Колычев Григорий Васильевич, бояр. *370*
Лошаков-Колычев Григорий Григорьевич, воев., дв., окольничий *369–371, 423*
Лугвень-Семен Ольгердович, служилый кн. *129–133, 135–137*
Лука, воев. *110*
Лука (Лукьян) Левонтьев, житьий, купец *117*
Лука Варфоломеевич, сын посадника *187*
Лука Федорович, бояр., посадник, вотч. *196–198*
Лурье Я. С. 137, 362, 435, 448
Лыков Мина Дмитриевич, кн., пис. *46, 335, 431*
Лыков Михаил Иванович, воев., намест. *329, 429*
Лялля Е. В. 48, 445

Мавродин В. В. *16, 147, 451*
Магнус, норвежский конунг *88*
Магнус Эрикссон, король *128*
Макарий, св., архиеп., митр. *282, 306*
Макарий II, митр. *307*
Макарий (Веретенников), архимандрит *25, 448*
Макаров Г. Н. *263, 438*
Макаров Н. А. 65, 146, 158, 294, 448–449
Максим (Мизим) Онцифорович, соцкий *165–166*
Макуров В. Г. 32, 446
Маленн А. И. *73, 432*
Малюта-Скуратов – Бельский Григорий Лукьянович, опричник *311*
Мануил Данилович, вотч. *193*
Мануил, поп *207*
Маньков А. Г. *384, 443*
Манюхин И. С. 150–151, 185, 453
Марк Панфильев (Панфилович) Селифонтов, житьий и купеч. староста, вотч. *117, 192, 196–197*
Мартемьянов С. Д., помещик *318*
Мартирий Рушанин, архиеп. *133*
Мартынов А. Я. *65*

Марфа Борецкая (Марфа-посадница), боярыня, вотч. *196–197, 199–201, 205*
Матвей Иванович Селезнев, тысяцкий (фогт) *139*
Матюшка сын Карпика-лопина, кр. *281*
Махотин Иван, под. *48, 437*
Мацук М. А. *146, 435*
Мачинская А. Д. 152, 449
Мачинский Д. А. 152, 449
Машезерский В. И. 15, 40, 434, 441
Медынцева А. А. 37, 449
Мезецкий Даниил Иванович, кн., окольничий., пос., воев. *49, 257, 293*
Мейнандер Х. 27, 449
Мельников И. В. 35, 150–151, 453
Мещанинов-Морозов Григорий Иванович, воев. *53, 349, 427*
Мещерский Матвей, кн., г. *378–379, 424*
Мика, кр. *181*
Микита Афанасьевич Грузов, вотч. *197–199, 201*
Микита Есифович Василистин, вотч. *198–200*
Микита Моисеевич, вотч. *193, 196*
Миллер Герард Фридрих *430*
Милюков П. Н. 13, 55, 147, 221, 384, 449
Митрофан, еп. *70*
Михаил, староста *165*
Михаил Александрович, вел. кн. Тверской *96, 126*
Михаил Всеволодович Черниговский, св., кн. Черниговский и Новгородский *176, 365, 369–370*
Михаил Олелькович, кн. Киевский, служилый кн. *136–137*
Михаил Семенович Берденев, бояр., степенный посадник, вотч. *196–197, 199*
Михаил Федорович Романов, царь *217–218, 259–260, 273, 276, 289, 330, 336, 348, 354, 412, 428, 430*
Михаил Филин, своезем., городчанин *116*
Михаил Ярославич, вел. кн. Тверской, вел. кн. Владимирский *104, 108, 120, 122–123*
Михайлова Л. П. 30, 186
Мишиничи, боярский род *97, 117, 199*
Моисей Федорович Бабкин, бояр., вотч. *193, 196, 199*
Мокруша Онаньин сын Котельников, горожанин *389*
Мордовина С. П. *432*
Мосальские, князья *369*
Мосальский Кольцо Василий Васильевич, кн., воев., казначей *369*
Мосальский Рубец Василий Иванович, кн., бояр., г., воев. *378–380, 424*
Мосальский Старого Андрей Семенович, кн., воев. *369–371, 423*
Мстислав Владимирович, кн. Новгородский *64, 119, 144, 157*
Мстиславский Иван Федорович, кн., намест. *137, 312*
Муллонен И. И. 29–30, 76–77, 150, 159, 167–168, 172, 174, 178, 438, 449
Муллонен М. И. *266*
Мунзорин Василий, г. *372, 424*
Мунзорин Матвей, судья *388*
Мунке Анц (Ханс, Ганс), межевой комиссар (пос.), военач. *49, 226, 273, 293, 428*
Муравьев М. В. *256, 432*
Муравьев Шаврук Никитович, г. *380, 424*
Муравьева Л. Л. 132, 449
Мышецкие, князья *381*
Мышецкий Данил Тимофеевич, кн., воев. *381–382, 424*
Мюллер Р. Б. 15, 217, 269, 276, 279–280, 314–315, 336, 347, 433, 449
Мятеша, кр. *182*
Мятлев Н. В. 57, 260, 337, 339, 434

Назаренко А. В. *74, 432*
Назаров В. Д. 311, 449
Намест, кр. *182*

Наримонт – Глеб Гедиминович, служилый кн. *124–125, 127–129, 133*
Нармацкий Иван, д. *330, 350*
Насонов Н. А. 18–19, 62, 147, 155–156, 161, 175, 215, 449
Настасья, боярыня, вотч. *197–199, 224*
Наталья, боярыня, вотч. *193, 196*
Нащокины, боярский род *372*
Невалайнен П. 32, 97, 112–113, 127–128, 251, 447
Неволин К. А. 11–12, 449
Некрасов Г. А. 10
Нелюб Василий Семенович, д. *312*
Немиров, под. *356*
Неплюев Василий Федорович, воев. *273*
Нестор Федоров, вотч. *278*
Нечай Власьев, староста *321*
Нечай Иванов, данщик *393*
Никита Дмитриев, д. *382, 424*
Никита (Микита) Лаврентьев, вотч. *198*
Никитинский А. И. 12, 449
Никифор Харламов, пис. *389*
Никифор Хмелев, вотч. *197*
Никольский Н. К. 73, 449
Нифонт, еп. *74, 133, 153–154*
Новиков Н. И. *55*
Новикова О. Л. 277, 434
Новосельцев А. П. *130, 446*
Ногай, темник *104–105*
Ногтев Данила Андреевич, кн., воев. *338, 349*
Ногтев-Суздальский А. И., кн., воев. *366*
Носов Н. Е. 17, 24, 222, 228, 258, 300, 304, 307–308, 316, 341–342, 344, 358, 447, 449–450

Оболенский Иван, кн., г. *55*
Оболенский М. А. *43, 68, 225, 304, 435*
Огородников Е. К. 11, 450
Одиноков А. Н. *28, 273, 331, 445*
Ододуров Шаряй, волостель *338*
Олав Харальдссон Святой, норвежский конунг *61*
Олег Святославич, кн. *85*
«Олуевский державец», губернатор *398*
Ольгерд, вел. кн. Литовский *129, 136*
Онаний, соцкий *165*
Оничков Киприан, воев. *277*
Онтонко Ефремов олончанин, кр.-солевар *217*
Онтушко, церковный сторож *207*
Онцифоровичи, боярский род *117*
Оншута Иванов *181*
Ополовский Федор, есаул *58, 430*
Орфинский В. П. 30, 80, 446, 450
Осминский Т. И. 45, 238, 242
Остафий Перфильев, кр. *177*
Осташко-лопин, кр. *281*
Островская М. А. 12, 450
Отрепьев Григорий – см.: Лжедмитрий I
Очин-Плещеев З. А., воев. *366*
Очин-Плещеев Захарий Иванович, воев. *366, 423*
Ощерин Иван Иванович, пос., дворецкий, намест. *362–363, 423*
Ощерин-Сорокоумов И. В., окольничий, бояр. *362*

Павелко Ефремов олончанин, кр.-солевар *217*
Павлов А. П. 23–24, 313, 330, 350, 378, 381, 450–451
Пайпс Р. 226, 384, 450
Палецкий Дмитриевич Федорович, кн., бояр., намест. *366*
Панкрушев Г. А. *185*
Панин Никита Федорович, пис. *52, 259, 428*
Панов Яков, губн. староста *349, 427*
Панфил Селифонтьев, вотч. *196, 199*
Папков А. А. 13, 450
Парандое, вотч. *102*
Патрикий Наримонтович, служилый кн. *118, 129, 131–132*
Пашкова Т. И. 23, 57, 303, 338–340,

361–362, 425, 450–451
Пашуто В. Т. 15
Пегов В. И. 14–15, 40, 434, 451
Перельман И. Л. 16–17, 239, 261, 451
Пермин, старейшина *167*
Петр I Алексеевич, Петр Великий, царь *12, 361, 430, 449*
Петр Адкин, кр. (староста?) *181*
Петр Кречатников, житьий, купец *117*
Петр Шумило Гаврилов, кр. *388*
Петров К. В. 8, 17, 218, 434, 451
Петров Н. П. 23, 361, 369, 378, 381, 451
Пивоев В. М. *163, 444*
Пимен Черный, архиеп. *311*
Пименов В. В. 29, 239, 451
Писарькова Л. Ф. 24, 451
Писемский Гавриил Иванович, межевой судья (пос.) *49, 226, 428*
Писемский Иван Петрович, пис. *43, 221, 431*
Платонов С. Ф. 12, 14, 279, 336, 451
Плещеев Андрей Васильевич, пис. *45, 222, 270, 321, 333, 335*
Плещеев Андрей Иванович, межевальщик *47, 310, 429*
Плещеев Федор Кириллович, стольник, воев. *58, 273–274, 355, 430*
Подосинов А. В. *35, 433*
Пожарский Дмитрий Михайлович, кн., бояр., воев. *267*
Покровский М. Н. *45, 75, 148, 218, 258, 304, 435*
Поляков А. Ю. *17, 446*
Попов А. И. 183
Посник Дементьев, дозорщик *355*
Посник Дмитриев, д., пос., пис. *44, 328, 330*
Похлебкин В. В. 27, 438
Приселков М. Д. 34, 184, 436
Прозоровский Семен Васильевич, кн., воев. *273*
Пронский Петр Данилович, кн., намест. *312*
Пронштейн А. П. 303, 451
Пужбольский-Ростовский Иван Иванович Брюхо, кн., намест. *360–362, 423*
Пулькин М. В. 26, 173, 189, 264, 284, 451
Путятин Никита, пис. *48, 290, 437*
Пушкарев Л. Н. *15–16*
Пушкин Большой Иван Михайлович, пос., думный дв. *328, 380–381, 424*
Пушкин Евстафий Михайлович, воев., пос. *254*
Пушкин Меньшой Иван Михайлович, дв. «по выбору», воев., пос. *382, 424*

Рабинович Я. Н. *28, 273, 331, 445*
Раков Постник, под. *52, 259–260, 428*
Расила В. 27, 451
Ратша, тиун *156*
Ратшин Александр *438*
Рах Михайлович, сын боярский *96*
Ребров Богдан, дозорщик *48*
Редров Афанасий Дементьев сын, пис., помещик *243, 358*
Резанов Шемет, пис. *44, 242*
Репьев-Копнин Мина-Третьяк (Репьев Третьяк), д., пос. *49, 226, 332, 336, 375, 377–379, 424, 426, 428, 431*
Рикар Петрович, новгородец *139*
Рогожин Н. М. 27, 327, 330–331, 387, 435, 452
Рокульский Мурза Иванович, городовой приказчик, помещик *358*
Рокульский Некрас Иванович Никитин (внук), городовой приказчик, земец *358–359*
Рокульский Никита, своезем. *358*
Роман Глебович, кн. Смоленский, намест. *121–122*
Роман Михайлович, тысяцкий *163*
Ромодановский Григорий Петрович, кн., бояр., воев. *52, 348, 426*
Ростислав Мстиславич, кн. Смоленский *154*
Рудак Андреев, соловецкий данщик *50*
Рыбаков Б. А. 19, 149, 164, 452
Рыбина Е. А. 27, 83, 122, 285, 452

Рыдзевская Е. А. 35, 73, 104, 107, 116, 436, 452
Рюрик, кн. *145*

Сабуров Ждан Степанович, дв. московский, г., воев. *377–378, 424*
Сабуров Иван Константинович, дворецкий, пис., намест. *304*
Сабуров Юрий Константинович, пис., намест., бояр. *45, 54, 207, 223–224, 258, 261, 324–325, 333, 336, 360–362, 407, 423, 435*
Сабуровы, боярский род *361, 376*
Савва, архиеп. *160*
Савватеев Ю. А. 32, 446
Савватий, преподобный *286*
Савин Зан, помещик *359*
Савин Третьяк Зеленин сын (Зимин), городовой приказчик, помещик *358–359*
Савич А. А. 16–17, 220, 287, 452
Савич Н. Г. *336*
Савур Прокопьев, кр. *233*
Садиков П. А. 22, 316, 393, 452
Сакса А. 28–29, 67, 135, 455
Салинген, Симон ван-, купец *393–394, 436*
Салохеймо Веййо 31, 455
Салтыков Андрей Михайлович, оружничий *362*
Самоквасов Д. Я. 44, 140–141, 228, 247, 315, 417, 419, 422, 436
Сахаров А. Н. *130, 446*
Свак Дюла 311, 439
Свейн, норвежский ярл *61*
Свенельд, воев. *85*
Свердлов М. Б. 120, 123, 452
Свиблов Тимофей, дозорщик *355*
Святополк Мстиславич, кн. Новгородский *64*
Святослав Всеволодович, кн. Суздальский *82, 159–160*
Святослав (Вячеслав), «каргопольский князь» *185–186*
Святослав Игоревич, кн. Киевский *85, 89*
Святослав − Николай Ольгович, кн. Новгородский *37, 64, 82, 153–155, 160*
Селезнев-Елецкий Иван Иванович, кн., воев. *367, 423*
Селивановы, род своеземцев *173*
Селин А. А. 31, 160, 452
Селифонт Твердиславич, послух, скотник и помужник *102, 192*
Селянин Максимов, под. *357*
Семакова И. Б. 176
Семен Андронов, слободчик, данщик *392–393*
Семен Емельянов, д. *46*
Семен Ермолин, бояр., вотч. *193*
Семен Ермолин «вижьщей», человек великого князя *278, 385*
Семен Кузьмин, под. *333*
Семен Михайлович, посадник *94*
Семен Мстиславич, кн. Вяземский *132*
Семен Романович Ярославский, кн., намест. *306*
Семен Фомин, под. *318*
Семен Юренев, отдельщик *48, 223, 277, 279, 288, 295*
Сенька Немчин «приимыш», кр. *217*
Сербина К. Н. *433*
Сергеевич В. И. 12, 452
Сигге Лаке (воевода Сиг), военач. *106*
Сигизмунд II Август, король *137, 328*
Сигизмунд III Ваза, король *253, 288, 293, 375–376, 383*
Сидор, староста *190*
Сильвестр, еп. *383*
Симеон Иванович Гордый, вел. кн. Владимирский и Московский *128*
Симеон (Саит-Булат) Бекбулатович, «Касимовский царь», удельный вел. кн. Тверской *312, 373, 424*
Симеон Хутынский, архиеп. *133–135*
Сисеев Ф. В., кн. *339*
Сихво Х. 32, 97, 112–113, 127–128, 251, 447
Скопин-Шуйский Василий Федорович, кн., бояр., воев. *252, 302, 382*

Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, кн., бояр., воев. *255–256, 328*
Скрипицын Д. Т., дворцовый д. *344, 386*
Скрынников Р. Г. 22, 25, 130, 161, 337, 373, 397–398, 452
Скъёльдунги, ярлы *62*
Слизины, боярский род *198, 201*
Смирнов И. И. 16–17, 22, 258, 339–340, 344, 364–365, 393, 447, 450, 452–453
Собакин Василий Микифорович, стольник *56, 377, 430*
Собакин (Собака) Иван Дорофеевич, д. *312, 396*
Соколова В. И. *40, 448*
Соловьев С. М. 14, 248, 252–254, 366, 376, 379–381, 452–453
Солнцев Засекин-Ярославский Иван Андреевич, служилый кн., стольник, дв., г. *371–372, 423–424*
Соломония Юрьевна (урожденная Сабурова), великая княгиня *361*
Спир (Спиридон) Михайлов, судья-межевальщик *225, 344–345*
Спиридон Слизин, вотч. *198, 201*
Спиридонов А. М. 29, 35, 61, 150–152, 155, 236, 433, 448, 452–453
Срезневский И. И. 140, 266, 438
Сталин (Джугашвили) И. В. *15*
Станиславский А. Л. 28, 273, 453
староста Кулонский *221*
Старостина Т. В. 16–17, 453
Старшова Т. И. *123, 444*
Степан Карпин, человек (муж) князя великого *278*
Степан Федоров, под., пис. *48, 290, 437*
Стефан, господарь, воев. *363*
Стефан Баторий, король *288, 380*
Строев П. М. *52, 315, 436*
Стуре Сванте-Нильссон, намест. *251*
Стюарт Андреас, военач. *292*
Судаков Иван Андреевич, помещик, посольский пристав, воев. *378–379, 424*
Суков Иван Вязга Афанасьевич, дворцовый д. *344*
Сулгопяев Семен Иванов, вотч. *102*
Сулгопяев Максим, вотч. *102*
Сумин Леонтий, пис. *43, 221, 431*
Суни Л. В. *27, 32, 447, 451*
Суторма Коротнев, дозорщик *355*
Сухово-Кобылин Старого Василий Константинович, воев. *231, 314, 357, 371–372, 423*
Сыдавной Зиновьев, д., пос. *329*

Татищев В. Н. *11, 35, 437*
Татищев Игнатий Петрович, думный дв., пос. *252*
Творогов Л. А. 375, 439
Темкин-Ростовский Михаил Григорьевич, служилый кн., дв. московский *378, 424*
Тиврольцы (Тиврульцы), карельский род *97*
Тимофей, человек князя великого *278*
Тимофей Астафьевич, посадник *198*
Тимофей Матвеевич Малый Грузов, вотч. *198, 201*
Тимофей Сергеев, под. *350*
Титов С. М. 20–21, 67, 453
Тихомиров М. Н. 8, 37, 183, 381, 432, 434, 453
Тихон Терентьев, священник *53, 322, 426*
Тоивот, старейшина *167*
Тоивод Идуев, кр. *181*
Токарев С. А. 65, 453
Толстой Алексей, пис.-отдельщик *48, 289, 399, 437*
Торбьёрн Скени, чиновник *88, 92*
Тотт Клаус Аксель, пос. *252*
Тохта, великий хан *104–105*
Тохтамыш, великий хан *184*
Трофим Меншик Мосеев сын, монастырский слуга *388*
Трунда-воевода *94*
Трусов Григорий, дворцовый д. *350*
Тудор (Теодор-Федор) *156*

Туодор, тиун *156*
Туренин Иван Самсонович, кн., воев., пос. *254, 328*
Турубаров Василий Иванович, городовой приказчик, земец *358–359*
Тучков Михаил Михайлович, воев., дв., намест., окольничий *364–365, 423*
Тучков-Морозов М. В., бояр. *364*
Тушин Андрей Андокан Федорович, воев., пос. *367, 423*
Тушинский вор – см.: Лжедмитрий II
Тяполков Микула Григорьевич, губной и данный староста *47–48, 269, 310, 429, 437*

Узбек, великий хан *118*
Ульфельд Якоб, датский посланник *311*
Урусов Семен, кн., воев. *54, 235, 325, 429*
Уханов Н. И. 290, 453
Ушак Никитин, под.-межевальщик *47, 311, 429*
Ушаков Иван, сыщик *267*
Ушаков И. Ф. 292, 393, 453

Фатьян, старец *102*
Федор, вотч. *193*
Федор, намест. *115, 123*
Федор Астафьевич Глухов, бояр., посадник, вотч. *192, 196–198*
Федор Григорьевич Малый Худяков, бояр., вотч. *199*
Федор Ефстафьевич Бабкин, вотч. *204*
Федор Иванович, царь *54, 213, 270–271, 276, 289, 337, 361, 375–376, 378, 397, 430*
Федор Михайлович, намест. *120*
Федор Морозов, житьий, вотч. *200*
Федор Филиппов сын, кр. *49, 51, 323*
Федор Юрьевич, кн. Смоленский *132*
Федоров-Давыдов Г. А. *37, 449*
Федот Чебот Гаврилов, кр. *388*
Федча Мосеев, под., пис. *47*
Фелюшкин А. 129, 453
Феогност, старец *219–220, 291*
Феогност Грек, митр. *124*
Феодосий II, архиеп. *229, 268, 306, 357–358*
Феофил II, архиеп. *98, 136*
Фефилатьевы, помещики *325*
Филимончик С. Н. 15–16, 453
Филипп, кр. *182*
Филипп, кр. (селецкий) *323*
Филипп Колычев, св. игумен, митр. *232, 317, 434*
Филиппов А. М. *393, 436*
Флоря Б. Н. 98, 269, 300, 312, 370, 372, 453
Фома, кр. *182*
Фомкин В. И. *185*
Форстен Г. В. 14, 453
Фроянов И. Я. 20, 114, 454
Фруменков Г. Г. 28, 454

Хааре Эрик, военач. *292*
Хакон, король (конунг) *109*
Хакон, сын Хакона, король *62, 87, 89*
Хальвдан, сын Эйстина *62*
Ханс, король *251*
Ханс (Юхан), принц *73, 379*
Харламов Б. Н. 175, 454
Харузин Н. Н. 186, 281
Хворостинов Федор Иванович, кн., воев. *53, 349, 427*
Хёш Э. 69, 83, 157, 454
Хлопок, предводитель восстания *378*
Хованский Иван Андреевич, кн., бояр., воев. *332*
Хорошкевич А. Л. 14, 27, 74, 183, 384, 432, 454
Хямяляйнен М. М. 183, 266

Цыплятев Григорий Семенович, дв. *339, 341*

Чаев Н. С. *36, 95, 205, 221, 437*
Частого, под. *49, 226, 428*
Черепнин Л. В. 15, 22, 27, 37, 95–96, 98,

131, 183, 217, 228, 300, 347, 432–433, 440, 454
Чернякова И. А. 24–25, 32, 45, 271, 447, 454
Чистов К. Р. *30, 440*
Чистозвонов А. Н. 254
Чулков (Чулок) Богдан, воев. *273–274*
Чулков Федор, дв. *382*

Шапошник В. В. 25, 454
Шаскольский И. П. 15–16, 20, 27–29, 35, 42, 45, 49, 58, 62, 67, 69, 72, 83, 87, 89, 92, 99, 104, 106, 109, 111–113, 121, 123, 204, 218, 249, 255, 291, 293, 308, 329, 381–382, 425, 432, 437, 443, 451, 454–455
Шаховской Иван, кн., г. *55*
Швейковский Е. Н. 24–25, 42, 54, 335, 455
Шежемский С. В. *266, 444*
Шелепин Н. Ю., д. *356, 396*
Шереметьев Ф. М., воев. *378*
Шестунов Федор Дмитриевич, кн., бояр., пос. *252*
Шёгрен А. И. *11*
Шиг-Алей, хан *364*
Шлыгина Н. В. *28, 451*
Шмидт С. О. 8, 22, 228, 300, 309, 434, 455
Шрадер Т. А. 49, 291, 308, 432
Шуйские, князья *136–138*
Шуйский-Горбатый Михаил Васильевич, намест. *386*
Шуйский-Гребенка Василий Васильевич, служилый кн., намест. *136–140*
Шумилов М. И. *32, 446*

Щапов Я. Н. 154, 161, 163, 433, 455
Щекин А., казенный д. *304*
Щелепин Никита, д. *312*
Щелкалов Андрей Яковлевич, д. *330, 349, 397*
Щелкалов Василий Яковлевич, д. *330, 357*
Щелкалов Яков Семенович, д. *387*
Щенятев В. М., намест. *365*
Щербатый-Оболенский Дмитрий Иванович, кн., воев. *370–371, 373, 423*
Щербачев Ю. Н. *52, 251, 308, 436*

Эгмунд Ундаганец, военач. *109*
Экземплярский А. В. 70, 84, 108, 455
Эрик, хронист *35, 73, 104, 106–107, 116, 121, 436*
Эрик XIV, король *252, 328, 367*
Эрлинг, сын Видкуна, феодал *110*

Юрганов А. Л. 26, 71, 310–311, 372, 377, 455
Юрий Владимирович Долгорукий, кн. Суздальский *63–65*
Юрий II Всеволодович, вел. кн. Владимирский *70*
Юрий Данилович, вел. кн. Владимирский, кн. Московский *110–111, 122*
Юрий Дмитриевич, кн. Галицкий *126*
Юрий Лугвеньевич (Семенович), служилый кн. *136*
Юрий Михайлович, кн. Стародубский *122*
Юрий Святославич, вел. кн. Смоленский, служилый кн. *132*
Юхан III Ваза, герцог Финляндский, король *57, 249–250, 252–253, 288, 326, 328, 366, 369, 374, 427*
Юхан – см.: Ханс, датский принц
Юшков А. *52, 229, 231, 259, 305, 314, 317, 338, 357, 371, 376, 432*

Ягайло-Владислав (Яков), король, вел. кн. Литовский *130*
Ягодкин В. 14, 455
Ядвига, королева *129–130*
Яким Романов, пис. *48, 290, 437*
Яков Васильевич Слизин, посадник, вотч. *198, 201*
Яков Евфимьев, под. *43, 221, 431*
Яков Орин Адкин, кр. *181*
Яков Степанович, воев., двинский

посадник *114*
Якубов К. И. *50, 58, 400, 437*
Якушко Немчин «приимыш», кр. *217*
Янин В. Л. 14, 18, 35–37, 41, 43, 52, 61, 65, 73, 83, 86–87, 94, 97, 111–112, 114, 117, 119–122, 124–126, 131, 133–135, 139, 144, 150, 155–156, 161–162, 164, 175, 177, 181, 183, 191–196, 199, 236, 325, 384–385, 432–433, 435, 438, 455
Яницкий Н. Ф. 12, 455
Ярополк Святославич (Окаянный) – вел. кн. Киевский *85*
Ярослав Владимирович, кн. Суздальский *148*
Ярослав Владимирович Мудрый, вел. кн. Киевский *60, 153, 163*
Ярослав Всеволодович, кн. Переяславский, Новгородский, вел. кн. Владимирский *69–70, 90, 153, 156, 161, 163, 176*
Ярослав Изяславич, кн. Новгородский *64*
Ярослав Юрьевич, вел. кн. Суздальский *163*
Ярослав (Афанасий) Ярославич Тверской, вел. кн. Владимирский, кн. Новгородский *37, 66, 84, 87, 146, 161, 164*
Ярышев Семен, под. *377, 431*

Aleksei Zhukov – см. *Жуков А. Ю.*

Carpelan Ch. 65, 455
Catriona Kelly *111, 438, 455*

Himač *178*

Jackson T. N. – см.: *Джаксон Т. Н.*

Kirkinen H. – см. *Киркинен Х.*

Mantila H. 97, 455

Nevalainen P. – см. *Невалайнен П.*

Rydberg O. S. *139, 438*

Saksa A. – см. *Сакса А.*
Saloheimo V. – см. *Салохеймо Веййо*
Sihvo H. – см. *Сихво Х.*

Оглавление

Введение 3

Глава I. Историография и источники 11

§ 1.1. Обзор историографии 11

§ 1.2. Источники 33

РАЗДЕЛ I.
КАРЕЛИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА.
ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ 60

Глава II. Карельская земля и ее самоуправление в политике Великого Новгорода. XII–XV вв. 60

§ 2.1. Корела: первичная государственная инкорпорация 60

§ 2.2. Вассалитет Корельской земли 81

§ 2.3. Князья-кормленщики и наместники Корельской земли .. 119

Глава III. Обонежская Карелия. XII–XV вв. 143

§ 3.1. Весь: государственная инкорпорация 143

§ 3.2. Крестьянское освоение Обонежской Карелии и создание церковно-государственной структуры погостов 167

§ 3.3. Боярская колонизация и общинное самоуправление в вотчинах и погостах 190

РАЗДЕЛ II.
САМОУПРАВЛЕНИЕ КАРЕЛИИ
ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКОВСКИХ МОНАРХОВ 211

Глава IV. Население и административно-территориальное устройство Карелии. Конец XV – начало XVII в. 211

§ 4.1. Административно-территориальное устройство во взаимоотношениях государства и самоуправления 211

§ 4.2. Корельский уезд 234

§ 4.3. Заонежские погосты 257

§ 4.4. Северная половина Карелии: Лопские погосты, поморские волости, вотчинный округ Соловецкого монастыря 275

Глава V. Взаимосвязь государственного управления и самоуправления в Карелии с политикой централизации в России. Конец XV – начало XVII в. 299
§ 5.1. Карелия в системе централизованного управления 300
§ 5.2. Государственное управление Заонежскими погостами 332
§ 5.3. Администрация Корельского уезда 355
§ 5.4. Организация управления на севере Карелии 384
Заключение 401
Приложения 414
Список использованных источников и литературы 426
Указатель географических названий 456
Именной указатель 474

Научное издание

Алексей Юрьевич Жуков

**САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ:
КАРЕЛИЯ В XII – НАЧАЛЕ XVII в.**

*Печатается по решению
Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского НЦ РАН*

Редактор Л. В. Кабанова
Оригинал-макет М. И. Федорова

Сдано в печать 05.04.2013 г. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 27,8. Усл. печ. л. 28,6. Тираж 500 экз.
Изд. № 337. Заказ № 125

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50